TAYLOR INSTITUTION
DOMI NUS ILLU MINA TIO MEA

СОЧИНЕНІЯ
ДЕРЖАВИНА

СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ

Я. ГРОТА

ИЗДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ТОМЪ ТРЕТІЙ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ Д. А. ДЕРЖАВИНОЙ И ПЯТЬЮ ВИНЬЕТКАМИ

СТИХОТВОРЕНІЯ. ЧАСТЬ III

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1866

СОЧИНЕНІЯ

ДЕРЖАВИНА

ТОМЪ ТРЕТІЙ

Рис. на кам. Н. Бреге

Лит. Н. Бреле, С.П.Б. прот. Ломбарда №8/10

СОЧИНЕНІЯ
ДЕРЖАВИНА

СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ

Я. ГРОТА

ИЗДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ТОМЪ ТРЕТІЙ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ Д. А. ДЕРЖАВИНОЙ И ПЯТЬЮ ВИНЬЕТКАМИ

СТИХОТВОРЕНІЯ. ЧАСТЬ III

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

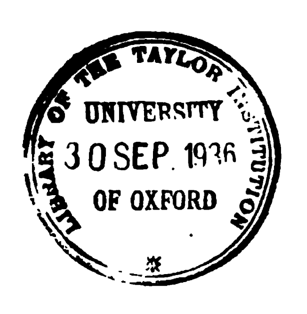
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

(Вас. Остр, 9 л., № 12)

1866

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 15 декабря 1865 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящимъ томомъ заканчивается первый отдѣлъ нашего изданія, т. е. собраніе стихотвореній Державина. Этотъ томъ представляетъ три разнородныя части:

1) Сочиненія послѣднихъ восми лѣтъ жизни поэта (1809—1816);
2) Сочиненія *неизданныя* за все время его литературной дѣятельности (1767—1816); и
3) *Объясненія* Державина къ стихамъ его.

Такъ какъ эти Объясненія не идутъ далѣе 1810 г. и вовсе не касаются стихотвореній, не изданныхъ самимъ поэтомъ при жизни его, то задача комментатора въ этомъ томѣ была сравнительно труднѣе, нежели въ двухъ предыдущихъ. За то, съ другой стороны, когда рѣчь шла объ общеизвѣстныхъ событіяхъ ближайшей къ намъ эпохи, мы могли соблюдать бóльшую противъ прежняго краткость въ своихъ примѣчаніяхъ.

Главнымъ основаніемъ для текста стихотвореній 1809 — 1816 годовъ, которыми начинается предлагаемый нынѣ томъ,

служила намъ V-я часть *Сочиненій Державина*, изданная имъ въ 1816 году, незадолго передъ смертью*, и составляющая продолженіе первыхъ четырехъ, напечатанныхъ въ 1808. Эта часть содержитъ въ себѣ, на 239 страницахъ, 56 позднѣйшихъ стихотвореній, начиная съ 1807 года, однакожъ безъ хронологической послѣдовательности. Книга напечатана въ типографіи Плавильщикова, неизвѣстно подъ чьимъ надзоромъ, но далеко не такъ исправно, какъ первыя части, за изданіемъ которыхъ наблюдалъ Лабзинъ**. Для повѣрки этого печатнаго текста мы постоянно пользовались обильными рукописями поэта.

Затѣмъ идутъ, въ настоящемъ томѣ, *Опыты первой эпохи и неизданныя стихотворенія* Державина. Къ числу первыхъ относятся, сверхъ рукописныхъ, такія пьесы, которыя вскорѣ послѣ ихъ сочиненія были помѣщены въ журналахъ или изданы отдѣльно, но послѣ нигдѣ не перепечатывались, и такъ какъ онѣ тогда явились безъ имени автора, то принадлежность Державину многихъ изъ нихъ оставалась неизвѣстною. Тетради поэта несомнѣннымъ образомъ разъяснили происхожденіе такихъ стихотвореній. Важнѣйшій источникъ *неизданныхъ* сочиненій первой

* Онъ умеръ 9 іюля этого года. Въ письмѣ отъ 16-го іюня, изъ Павловска, баронъ Альбедиль благодаритъ его отъ имени великой княгини Маріи Павловны за поднесенный ей экземпляръ этой книги. При письмѣ отъ 30 іюня секретарь россійской академіи, П. И. Соколовъ, уже посылаетъ ему въ корректурѣ 7-й и 8-й листы VI-й части его сочиненій, которая начиналась трагедіею *Иродъ и Маріамна*, но осталась неоконченною и въ свѣтъ не вышла.

** См. Томъ I, стр. XXIV.

эпохи его дѣятельности (до 1779 года) составляетъ тетрадь, уже упомянутая нами въ I-мъ Томѣ (стр. XII) и писанная вскорѣ послѣ возвращенія его изъ командировки по поводу Пугачевщины, именно въ 1775 или 1776 году. Изъ этой тетради мы въ настоящій томъ не внесли только того, что̀ или уже напечатано нами какъ изданное еще при жизни Державина, или, будучи слишкомъ незрѣло и представляя единственно біографическій интересъ, удобнѣе найдетъ мѣсто при біографіи поэта.

Раннія и неизданныя стихотворенія Державина раздѣлены у насъ на два разряда: къ одному отнесены тѣ, время сочиненія которыхъ извѣстно и которыя поэтому можно было расположить въ строго-хронологическомъ порядкѣ; въ другой включены стихотворенія неизвѣстныхъ годовъ. Въ первомъ разрядѣ помѣщены между прочимъ *Читалагайскія оды*, какъ одинъ изъ первыхъ опытовъ Державина, не принятый имъ въ собраніе его сочиненій и еще долго по смерти его не входившій въ изданіе ихъ. Въ послѣдній разрядъ вошли по необходимости и нѣкоторыя, впрочемъ весьма немногія, изъ прежде-напечатанныхъ мелкихъ пьесъ Державина, о времени происхожденія которыхъ не осталось точныхъ свѣдѣній. Но и этотъ второй разрядъ не вовсе лишенъ хронологической послѣдовательности. Не будучи въ состояніи рѣшить, въ которомъ именно году написаны нѣкоторыя изъ стихотвореній Державина, мы однакожъ всегда имѣли возможность опредѣлить, къ какой эпохѣ его дѣятельности каждое изъ нихъ относится. Такихъ *эпохъ* мы приняли три: *первая*, по собственному сознанію поэта, идетъ до 1779 года, ко-

гда онъ вступилъ на путь самостоятельнаго творчества; *вторую* можно доводить до конца прошлаго столѣтія, а *третью*, въ которую его талантъ уже слабѣетъ, составляетъ остальное время его жизни. По этимъ тремъ эпохамъ мы и распредѣлили стихотворенія неизвѣстныхъ годовъ.

Мелкія неизданныя пьесы Державина, числомъ 280, отдѣлены еще имъ самимъ въ особую тетрадь, которая подъ заглавіемъ *Часть VII* уже при жизни его была приготовлена къ печати. Въ ней стихотворенія были расположены по отдѣламъ, имѣвшимъ слѣдующія названія: 1) *Надписи, къ Высочайшимъ особамъ относящіяся;* 2) *Надписи на разные случаи;* 3) *На изображенія;* 4) *Надгробія;* 5) *Записки*;* 6) *Эпиграммы* и 7) *Мадригалы*. Сборникъ этотъ сохранился въ трехъ спискахъ, представляющихъ, одинъ противъ другаго, разныя измѣненія; старѣйшій изъ нихъ писанъ рукою самого поэта и относится къ концу прошлаго столѣтія; другіе два списка изготовлены въ послѣдніе годы жизни Державина рукою секретаря его, Абрамова. Помѣщенные здѣсь стихи заимствованы изъ трехъ болѣе старыхъ рукописей: а) изъ тетради 1776 г., б) изъ тетради 1790-хъ годовъ, о которой мы говорили еще въ I-мъ Томѣ (стр. XII, 4), и в) изъ черновой переплетенной тетради, куда Державинъ вносилъ своей рукой новыя свои сочиненія въ этомъ родѣ: часто онъ здѣсь же въ первый разъ писалъ ихъ начерно. Однакожъ

* Такъ названы пьески, большею частью обращенныя къ какому-нибудь лицу, какъ-то: *Къ Ѳ. М. Колокольцову; Жуковскому и Родзянкѣ; Суворову; И. И. Дмитріеву* и проч.

въ чистые списки попали не всѣ пьесы, находящіяся въ этихъ послѣднихъ рукописяхъ, и потому мы печатали многое прямо изъ черновыхъ; всякій разъ, когда это само собой не было ясно, мы означали источникъ, откуда брали то или другое неизданное стихотвореніе.

Найденныя нами въ нѣсколькихъ спискахъ *басни и притчи* Державина напечатали мы особымъ отдѣломъ, какъ новый, до сихъ поръ неизвѣстный разрядъ его сочиненій, и отсылаемъ читателя къ предпосланному имъ подробному примѣчанію.

Наконецъ, отдѣльное же мѣсто отвели мы такимъ пьесамъ, которыхъ принадлежность Державину сомнительна, но которыя въ рукописныхъ сборникахъ или въ печати были прежде уже отмѣчены его именемъ и потому не могли быть вполнѣ исключены и изъ нашего изданія.

Вслѣдъ за оконченными въ этомъ томѣ стихотвореніями Державина мы сочли правильнымъ напечатать тутъ же его собственныя къ нимъ *Объясненія*, которыя въ двухъ предыдущихъ томахъ доставили намъ основной матеріалъ для нашихъ примѣчаній. Хотя здѣсь и повторяется отчасти то, что̀ было уже приведено въ послѣднихъ, необходимо было представить въ цѣлости этотъ важный первоначальный источникъ комментарія къ Державину, источникъ, который сверхъ того представляетъ вообще любопытныя замѣтки о его времени и служитъ существеннымъ дополненіемъ къ его *Запискамъ*. Издать вполнѣ эти *Объясненія* казалось намъ тѣмъ нужнѣе, что они до сихъ поръ извѣстны были только въ искаженной редакціи одного изъ родственниковъ поэта. Здѣсь они въ первый разъ являются въ настоя-

щемъ своемъ видѣ. Подробнѣе мы говоримъ о нихъ въ особомъ, напечатанномъ передъ ними примѣчаніи.

Приложенный къ настоящему тому портретъ второй жены Державина снятъ съ подлинника, писаннаго Боровиковскимъ и принадлежащаго Петру Ивановичу Капнисту. Источники виньетокъ указаны при стихотвореніяхъ, къ которымъ онѣ относятся.

Я. Гротъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТОМА III.

Стр.

НЕИЗДАННЫЯ БАСНИ и ПРИТЧИ:

СТИХОТВОРЕНІЯ

ОТЪ 1809 ДО 1816 ГОДА.

I. ГЕБА[1].

1809.

Изъ опаловаго неба 1.
Со Олимпа высоты,
Вижу, идетъ юна Геба,
Лучезарны красоты!
Изъ сосуда льетъ златаго
Въ чашу злату снѣдь Орлу.

Зоблетъ молній царь, пернатыхъ 2.
Пукъ держа въ когтяхъ громовъ,
Вѣтръ съ раменъ его крылатыхъ
Вкругъ шумитъ межъ облаковъ.
Черно-пламенныя очи
Мещетъ Геба на него.

[1] 18-е апрѣля, которымъ въ рукописи помѣчена эта пьеса, было днемъ бракосочетанія великой княжны Екатерины Павловны съ принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ. Къ этому-то событію и относится стихотвореніе *Геба*, напечатанное сперва въ *Цвѣтникѣ* Измайлова и Бенитцкаго за апрѣль 1809 г., стр. 82, съ подписью *Д—нъ*, а потомъ 1816 г. въ ч. V, xxix. Екатерина Павловна родилась 10 мая (ст. ст.) 1788 г., овдовѣла 15 декабря 1812, вступила во второй бракъ съ наслѣднымъ принцемъ виртембергскимъ 12 января 1816; 18 октября того же года, съ восшествіемъ его на престолъ, сдѣлалась королевою и скончалась 26 декабря 1818 (*Краткое жизнеописаніе королевы виртембергской* и проч. въ *Сынѣ Отеч.* 1819 г., ч. 53 и 54).

И улыбкою Авроры 3.
Бранный умягчая духъ,
Музъ его клоня на хоры[а]
Нѣжимый, палимый слухъ,
Вьетъ Орелъ гнѣздо на лонѣ,
Оперяются птенцы!

Что таинственна картина? 4.
Что явленье дѣвы сей?
По челу — Екатерина,
По очамъ — огнь Павловъ въ ней;
По душѣ она — Марія,
Александръ, Елисаветъ.

Такъ, она ему сестрою, 5.
Искренній ея бывъ другъ,
Будетъ вѣрности душою
То творить, что и супругъ[б],
И, царю служа полсвѣта[2],
Будетъ подданныхъ примѣръ.

О изящна добродѣтель, 6.
Ѳ великихъ образъ женъ,
Кто, быть могши самъ владѣтель,
Но ставъ волей униженъ,

[а] Клонитъ Музъ его на хоры (1809).
[б] Наполнять супруга духъ.

[2] И, царю служа полсвѣта.

Это выраженіе *полсвѣта*, которымъ Державинъ такъ любитъ означать Россію, употреблено первоначально въ такомъ же смыслѣ Ломоносовымъ: въ одѣ 6 (строфа 17) онъ говоритъ о вступленіи Елисаветы Петровны на престолъ, какое было великое дѣло —

«*Полсвѣта* взять въ одной нощи!»

Явилъ, выше царской власти [в],
Духъ отечеству служить!

Симъ однимъ Екатерина, 7.
Именемъ своимъ однимъ
Ты повергла исполина
Росса ко стопамъ твоимъ.
Чѣмъ любовь твою заплатимъ? —
Лишь любовію одной.

Со Георгіемъ на брани, 8.
Въ поприщѣ съ тобой наукъ,
Мы сберемъ трофеевъ дани:
Грянетъ Александровъ звукъ!
Славься симъ, Екатерина,
Славься Россіянкой быть.

[в] Блескъ отринулъ царской власти,
Чтобъ отечеству служить.

II. АСПАЗИИ[1].

—

Блещетъ Аттика женами, 1.
Всѣхъ Аспазія милѣй:
Черными очей огнями,
Грудью пѣнною своей
Удивляючи Аѳины,
Превосходитъ всѣхъ собой;
Взоры орли, души львины
Жжетъ, какъ солнце, красотой.

Рѣзвятся вокругъ утѣхи, 2.
Улыбается любовь;
Нѣги, радости и смѣхи
Плетеницы изъ цвѣтовъ
На героевъ налагаютъ
И влекутъ сердца къ ней въ плѣнъ;
Мудрецы по ней вздыхаютъ,
И Периклъ въ нее влюбленъ.

Угождаютъ ей науки, 3.
Дань художества даютъ,
Мусикійски сладки звуки
Въ взгляды томность ей ліютъ.

[1] Написано 24 апрѣля для Марьи Антоновны Нарышкиной, урожденной княжны Четвертинской (Томъ I, стр. 685). О семействѣ и родѣ ея см. *Воспоминанія* Вигеля въ *Русск. Вѣст.* 1864 г., № 4, стр. 211. Напеч. 1816 г. въ ч. V, xxxii.

Она чувствуетъ, вздыхаетъ,
Нѣжная видна душа,
И сама того не знаетъ,
Чѣмъ всѣхъ больше хороша.

4\. Зависть съ злобой содружася
Смотрятъ косо на нее,
Съ черной клеветой свіяся,
Уподобяся змѣѣ,
Тонкія кидаютъ жалы,
И винятъ въ хулѣ боговъ [2];
Ужъ Перикла силы малы
Быть щитомъ ей отъ враговъ.

5\. Ужъ ведется всенародно
Предъ судей она на судъ,
Злы молвы о ней свободно
Ужъ не шепчутъ, — вопіютъ;
Ужъ собранье засѣдало,
Ужъ Архонты всѣ въ очкахъ;
Но сняла лишь покрывало:
Палъ предъ ней Ареопагъ!

[2] И винятъ въ хулѣ боговъ.

Аспазія вмѣстѣ съ Алкивіадомъ была обвинена въ поруганіи аѳинскихъ гермовъ, когда эти изображенія въ одно утро оказались опрокинутыми въ цѣломъ городѣ. Аспазія явилась предъ судомъ въ покрывалѣ. Когда она сбросила его съ себя, всѣ были поражены ея красотою, и никто уже не хотѣлъ судить ее (*Об.* Д.).

III. ОКОВЫ[1].

Лиза голову чесала
Скромно гребнемъ золотымъ;
Взявши[a] волосъ, привязала

[a] Вырвавъ . . . (1834).

[1] Писано на Званкѣ для племянницы поэта, Елисаветы Николаевны Львовой * (см. Томъ II, стр. 418). Пьеса заимствована изъ Греческой Антологіи: подлинникъ принадлежитъ Павлу Силенціарію, но Державинъ, кажется, слѣдовалъ нѣмецкому переводу Гердера (см. Hellas Veilchen, Гисенъ, 1805, стр. 94). Выписываемъ и тотъ и другой:

Χρυσῆς εἰρύσσασα μίαν τρίχα Δωρὶς ἐθείρης,
    οἷα δορυκτήτους δῆσεν ἐμὰς παλάμας.
αὐτὰρ ἐγὼ τὸ πρὶν μὲν ἐκάγχασα, δεσμὰ τινάξαι
    Δωρίδος ἱμερτῆς εὐμαρὲς οἰόμενος·
ὡς δὲ διαῤῥῆξαι σθένος οὐκ ἔχον, ἔστενον ἤδη,
    οἷά τε χαλκείῃ σφιγκτὸς ἀλυκτοπέδῃ.
καὶ νῦν ὁ τρὶς ἄποτμος ἀπὸ τριχὸς ἠέρτημαι,
    δεσπότις ἔνθ᾽ ἐρύσῃ, πυκνὰ μεθελκόμενος. **

Von ihrem Haupt zog Doris
ein eignes goldnes Haar,
und band mich an den Händen
ihr zum Gefangenen.
Ich lacht' der schönen Bande,
die, sprach ich, reiss' ich leicht;
doch ach! als ich versuchte,
war Eisen nie so hart.
Nun hab' ich aufgegeben
zu reissen sie, den Muth;
Unglücklicher, ich folge
wohin dein Haar mich zieht.

* Она скончалась во время печатанія этого листа, 28 декабря 1864 года.

** Буквальный переводъ: «Вырвавъ волосъ изъ золотыхъ кудрей, Дорида связала мнѣ привычныя къ копью руки. Я быстро уклонился, думая, что легко разорву оковы плѣнительной Дориды. Но, не имѣвъ къ тому силы, я застоналъ, какъ бы подъ тяжестью желѣзныхъ цѣпей. Теперь меня несчастнаго влекутъ волоскомъ: куда потянетъ повелительница, туда за ней и слѣдую».

Къ красотамъ меня своимъ.
Бывъ окованъ[б] цѣпью нѣжной,
Я шутилъ — прервать хотѣлъ;
Попытался — и желѣзной
Тверже цѣпь сію нашелъ.
Съ самой той поры я въ скукѣ,
Въ тяжкомъ плѣнѣ нахожусь:
Не могу ужъ быть въ разлукѣ,
Волоскомъ за ней влекусь
И лишь тѣмъ я облегчаюсь,
Успокоиваю грусть,
Что къ ней ближе прививаюсь[в]
И касаюсь сладкихъ устъ.

[б] Ставъ сей скованъ...
Я прервать ее хотѣлъ;
Но чрезъ опытъ и желѣзной
Тверже цѣпи я нашелъ.
[в] ... приближаюсь.

Это стихотвореніе приведено въ *Разсужденіи о лирической поэзіи*, какъ примѣръ «вкуса въ простомъ слогѣ», и напечатано въ *Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любит. русс. сл.*, 1811, кн. II, № 1, стр. 103, потомъ въ изданныхъ Львовымъ *Объясненіяхъ* и въ *Библ. для чтенія* 1834 г., т. I, стр. 30, откуда перешло и въ послѣдующія изданія соч. Державина. Печатаемъ текстъ по *Чт. въ Бесѣдѣ*. приводя варіанты изъ *Объясненій*.

IV. РУССКИМЪ ГРАЦІЯМЪ[1].

Велитъ вамъ, Граціи, надернуть покрывало[a]
На пѣсенки мои шутливыя мудрецъ.
Знать, яблоко его Эдема не прельщало,
Ни мать — не изъ ребра, ни глиняный отецъ,
Ни любопытенъ онъ, какъ дѣды его были;
Но вы, зрю, — всякая вслѣдъ прабабы идетъ, —
Сквозною дымкою тѣ пѣсенки закрыли
И улыбнулися на запрещенный плодъ.

[a] На пѣсенки мои шутливыя, мудрецъ,
Ты мрачное велишь надернуть покрывало.
Знать, яблоко тебя Эдема не прельщало,
Ни мать — не изъ ребра, ни глиняный отецъ,
И прадѣды твои нелюбопытны были.
Но что? — зрю, всякая красавица идетъ
За прабабой своей, и кисеей лишь скрыли,
Взглянувъ съ улыбкою на запрещенный плодъ.
(Позднѣйшая рукопись).

[1] По поводу появленія въ 1808 году *Сочиненій Державина*, Сергѣй Глинка помѣстилъ въ своемъ *Русскомъ Вѣстникѣ* за апрѣль 1809 г. (стр. 135) довольно подробное *Извѣстіе* о нихъ, въ которомъ было между прочимъ слѣдующее замѣчаніе: «Въ *третьей части* находятся анакреонтическія оды, бывшія уже въ печати, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ новыхъ въ семъ родѣ сочиненій. Анакреонъ и Сафо полюбовались бы многими изъ сихъ пѣсень. Должно однако признаться, что *есть между ими и такія, на которыя бы Граціи желали накинуть покровъ* ...» Послѣднія слова и вызвали эти стихи Державина, къ заглавію которыхъ въ рукописи прибавлено: «въ отвѣтъ Русскому Вѣстнику на совѣтъ его въ журналѣ 1809 года». Они были тогда же напечатаны въ *Цвѣтникѣ*, ч. II, стр. 122; но ни въ одно изданіе сочиненій Державина до сихъ поръ не входили.

V. ВОЦАРЕНІЕ ПРАВДЫ[1].

—

Господь воцарился! 1.
Земля, веселись!
Мракъ тучъ разступился;
Холмъ, въ свѣтъ облекись:
Правда и судъ утвердились
Вкругъ трона Его.

Предъ Нимъ огнь предыдетъ, 2.
Враговъ попалитъ,
Вселенную двигнетъ,
Громъ мракъ освѣтитъ;
Горы, какъ воскъ, вмигъ растаютъ
Предъ Божьимъ лицемъ.

И небо всѣмъ правду 3.
Его возвѣститъ;
Народъ въ немъ отраду,
Честь, славу узритъ;
Тѣ же, что чтили кумировъ,
Поникнутъ съ стыдомъ.

Услыша съ весельемъ, 4.
Взыграетъ Сіонъ,

[1] Псаломъ 96, переложенный 3 іюля 1809 г. на Званкѣ. Напеч. 1816 г. въ ч. V, VIII, гдѣ въ 3-мъ стихѣ, несогласно съ рукописью, напечатано: *разступися*.

VII. НЕЗАБУДОЧКА[1].

—

Милый незабудка-цвѣтикъ! 1.
Видишь, другъ мой, я, стеня,
Ѣду отъ тебя, мой свѣтикъ:
Не забудь меня.

Встрѣтишься ль гдѣ съ розой нѣжной, 2.
Иль лилеей взоръ плѣня,
Въ самой страсти неизбѣжной
Не забудь меня.

Ручейкомъ ли гдѣ журчащимъ 3.
Зной омоешь лѣтня дня:
И въ жемчугѣ водъ шумящихъ
Не забудь меня.

Вѣтерокъ ли гдѣ порханьемъ 4.
Кликнетъ, въ тѣнь тебя маня:
И подъ устъ его дыханьемъ
Не забудь меня.

[1] Сочинено на Званкѣ 22 іюля. Напеч. въ первый разъ въ изданныхъ Львовымъ *Объясненіяхъ* и въ *Библ. дл. чт.* 1834, т. I.

VIII. ЦѢЛЕНІЕ САУЛА[1].

Саулъ, Сіона царь, сынъ Кисовъ, волю Бога
Взгордясь презрѣлъ, тѣмъ власть Его уничижилъ.
Господь средь гнѣва яра, строга,
Блестящее лице съ Саула отвратилъ
И рекъ: «Поди, злой духъ! круши его.»

[1] Окончено 25 іюля. Въ рукописи отмѣчено: «Подражаніе Бровну» и къ заглавію прибавлено зачеркнутое потомъ слово: *Ораторія.* Докторъ Броунъ, англійскій священникъ (John Brown, род. 1715, ум. 1766), пріобрѣлъ въ свое время такую извѣстность своими сочиненіями, особенно по части воспитанія, что императрица Екатерина II въ началѣ своего царствованія приглашала его въ Россію для устройства училищъ; но Броунъ по слабости здоровья не могъ предпринять такого далекаго путешествія и въ припадкѣ меланхоліи лишилъ себя жизни. Сочиненіе, которому подражалъ Державинъ, носитъ въ подлинникѣ заглавіе: «The cure of Saul, a sacred ode», и напечатано въ книгѣ того же Броуна: «A dissertation on the rise, union and power etc. of poetry and music» (Изслѣдованіе о происхожденіи, связи и могуществѣ поэзіи и музыки), изданной въ Лондонѣ 1763 г. и замѣчательной для насъ тѣмъ болѣе, что Державинъ впослѣдствіи пользовался ею въ своемъ *Разсужденіи о лирической поэзіи.* Книга Броуна пріобрѣла въ 18-мъ вѣкѣ большое значеніе и была переведена по-нѣмецки и по-французски; нѣмецкій переводъ вышелъ въ Лейпцигѣ 1769 г. и онъ-то вѣроятно находился въ рукахъ Державина. Имѣя передъ собою англійскій подлинникъ*, заимствуемъ помѣщенное передъ нимъ содержаніе оды, чтобы дать читателю возмож-

* За доставленіе этой рѣдкой книги мы обязаны Вл. Вас. Никольскому, случайно купившему ее въ Москвѣ у букиниста въ то самое время, когда мы тщетно искали ея въ Петербургѣ и должны были довольствоваться французскимъ переводомъ, въ который не вошло *Цѣленіе Саула.* Это французское изданіе (Histoire de l'origine et des progrès de la poésie, Парижъ, 1768), принадлежащее здѣшней публичной библіотекѣ, замѣчательно однакожъ историческими и критическими примѣчаніями переводчика, которому подлинникомъ служило впрочемъ не первоначальное англійское сочиненіе, а сокращеніе, сдѣланное самимъ авторомъ.

Глаголомъ симъ вострепетали бездны,
Сквозь пропасти подземны
Со огненна одра покоя своего
Возстала злая Месть и идетъ на Саула.
Пукъ лютыхъ стрѣлъ на ней за плечьми среди тула
Вися гремитъ, какъ громъ вдали, — и передъ ней
Отверзлись ржавыя со скрыпомъ ада двери,
Изъ коихъ зависти и злобы блѣдны дщери,
Боязнь и грусть и скорбь и скука и тоска,
Змѣистыхъ клочья власъ вкругъ ней, какъ облака,

ность судить, въ какой степени русское подражаніе соотвѣтствуетъ въ ходѣ мыслей оригинальному произведенію: «Саулъ, за непокорность небу, пораженъ недугомъ безумія. — Давидъ посланъ исцѣлить его силою музыки. — Онъ является въ сопровожденіи хора пастырей и, чтобы развлечь скорбь Саула, поетъ сотвореніе міра и блаженное состояніе нашихъ прародителей въ раю. — Саулъ тронутъ изображеніемъ, но спрашиваетъ, отчего онъ долженъ страдать, когда другіе счастливы. — Давидъ, желая убѣдить его, что источникъ несчастія есть преступленіе, поетъ паденіе человѣка и изгнаніе его изъ рая. — Это оскорбляетъ гордость царя и, вмѣсто того, чтобъ успокоить, приводитъ его въ изступленіе. — Давидъ пробуждаетъ въ немъ совѣсть и устрашаетъ его пѣснью объ истребленіи непокорнаго племени землетрясеніемъ, а всего преступнаго міра потопомъ. — Саулъ въ ужасѣ покушается на свою жизнь. — Но Давидъ укрощаетъ его, взывая къ раскаянію и къ Божію милосердію. — Когда же онъ опять впадаетъ въ отчаяніе, Давидъ приказываетъ своему хору возгласить еще болѣе торжественную и умилительную пѣснь. — Саулъ проливаетъ слезы раскаянія. — Давидъ поетъ собственное свое счастіе въ смиренномъ жребіи пастыря. — Чтобы еще болѣе усладить горе царя, онъ тихой гармоніей наводитъ на него сонъ и призываетъ небесныя видѣнія. — Лицо Саула проясняется, врагъ-недугъ бѣжитъ, и Саулъ просыпается вполнѣ успокоенный. — Давидъ кончаетъ радостною пѣснью о могуществѣ гармоніи и того небеснаго гимна, который сопровождалъ ее при сотвореніи міра».

Въ развитіи самыхъ частей оды и всѣхъ ея подробностей Державинъ сохраняетъ полную свободу и оригинальность. Замѣтимъ, что стихи въ разныхъ мѣстахъ состоятъ изъ 7-и стопъ; иногда же нарушается и правильность размѣра. *Цѣленіе Саула* напеч. въ *Чт. въ Бес. люб. р. сл.* 1811 г., кн. II, № 2, стр. 72, подъ названіемъ Ораторія, и 1816 г. въ ч. V, XXIV.

Пустивъ на вѣтръ, летятъ въ призракахъ чернымъ роемъ:
Тѣ съ скрежетомъ зубовъ, тѣ съ хохотомъ, тѣ съ воемъ,
Какъ враны, волки какъ на трупъ съ лѣсовъ, степей
Стадами гладными на казнь бѣгутъ цареву.
Средь крику ихъ и реву
Унынье дикое безмолвно, тяжело,
Густой подобно мглѣ, на грудь, на очи, на чело,
На духъ преступника, на сердце налегло,
Огнемъ всю внутренность, тоской смертельно жгло;
И ночь и день его терзая угнетало,
Мечтами ужасало.
Почувствовалъ, почулъ
Еговы гнѣвъ Саулъ.

Веселья отъ него повсюду удалились
И утучняющій спорхнулъ отъ вѣждей сонъ,
По ссохшимся щекамъ потоки слезъ катились,
И былъ какъ тѣнь, какъ остовъ онъ.
Въ размученномъ такомъ, тревожномъ состояньи
Друзья вокругъ его во плачѣ, во стенаньи
Вѣщаютъ, что пастухъ, по имени Давидъ,
Болѣзни тяжкія бряцаньемъ струнъ цѣлитъ:
Что арфы громкіе и тихозвучны тоны
Волшебствомъ нѣкакимъ обворожаютъ слухъ,
Покоятъ, веселятъ, лелѣютъ, нѣжатъ духъ
И прогоняютъ грусть, задумчивость и стоны,
И словомъ, мочной что гармоньи сладка власть
Удобна исцѣлять болѣзнь и всяку страсть.
Поспѣшно повелѣлъ звать сына Іессея.

Пѣвецъ пришелъ и хоръ съ нимъ предъ него,
И зря, что на одрѣ царь, взоромъ пламенѣя,
Лежитъ и день клянетъ рожденья своего,

Съ созвучностію струнъ, касаясь чуть ушесъ,
Двугласну тихо пѣснь вознесъ:

О Боже! поспѣши
Сердечный внять мой гласъ.
Скорбь царску утиши,
Отри потоки съ глазъ
И просвѣти Твое лице
На блещущемъ его вѣнцѣ.

Виждь, стрѣлы, Судія,
Твои его разятъ,
Какъ лютая змія,
Ліютъ во сердце ядъ.
О Боже! поспѣши,
Скорбь царску утиши.

Внимаетъ пѣснь монархъ; но сила звуковъ, словъ
Такъ отъ него скользитъ, какъ лучъ отъ холма льдяна;
Снѣда[illegible] грусть его, мысль черная, печальна.
Пѣвецъ то зритъ — и, взявъ другихъ строй голосовъ,
Поетъ ужъ хоромъ всѣмъ; но сонно, полутонно,
Смятенью тартара, душѣ смятенной сходно:

На пустыхъ высотахъ, на зыбяхъ Божій духъ
Искони до вѣковъ въ тихой тмѣ возносился,
Какъ орелъ надъ яйцомъ, надъ зародышемъ вкругъ
Тварей всѣхъ теплотой, такъ крылами гнѣздился.
Огнь, земля и вода и весь воздухъ въ борьбѣ
Межъ собой внутрь и внѣ безпрестанно сражались,
И лишь жизнь тѣмъ они всѣмъ являли[a] въ себѣ,

[a] ... они ощущали въ себѣ (1811).

Что тамъ стукъ, а тамъ трескъ, а тамъ блескъ прорывались;
Громъ на громъ въ вышинѣ, гулъ на гулъ въ глубинѣ
Какъ катясь, какъ вратясь даль и близь оглушали,
Бездны безднъ, хляби хлябь колебавъ въ тишинѣ
Безъ устройствъ естество, ужасъ, мракъ представляли.

Подъ томной пѣснью сей царя тягчайшій сонъ
Давилъ, что больше мертвъ, чѣмъ живъ казался онъ.
Былъ сходенъ хаосу, въ сонъ вѣчный погруженну,
Въ себѣ самомъ смятенну.
Но гласъ взгремѣлъ:
Стихіевъ бездны раздѣлились;
Огнь съ воздухомъ на высоту взлетѣлъ,
Земля съ водою внизъ спустились:
Быстъ свѣтъ!
Чертежъ, въ умѣ Творца предвѣчно изложенный,
Напечатлѣлся всей природы на росткахъ,
На скрытыхъ сѣменахъ.
Всѣхъ думъ его отсвѣтъ,
Отъ слова образъ взявъ, сталъ видъ одушевленный,
И въ родѣ всяка тварь своемъ,
Къ чему назначенна, явилась точно тѣмъ.
Какъ искра, отъ кремня и изъ стали вспрянувъ [6],
Такъ солнце излилось, изъ мрака возблеснувъ.

Прекрасное свѣтило!
Грядетъ среди небесъ,
Величіе открыло
Тьмы Божескихъ чудесъ.
Въ слѣды его смотря,
Румянилась [8] заря,

[6] .. и стали воспрянувъ.
[8] Румянится ...

Въ безмолвномъ утра мракѣ
Сіяетъ Оріонъ;
Но звѣздъ царя при зракѣ
Блѣднѣетъ, меркнетъ онъ.
На сѣверѣ въ полнощи льетъ
Свой Арктусъ яркій свѣтъ.

И ты, о милая лампада,
Луна! (такъ воспѣвалъ пастухъ)
Средь звѣздъ вдали блестяща стада
Свой тихо совершаешь кругъ.
Сумрачны тучи удивились
Задумчивой красѣ твоей,
Когда края ихъ посребрились
Отъ свѣтлости твоихъ лучей,
И ты царицей нощи стала, —
Оспоривая день, блистала.

Такъ тьмы планетъ въ молчаньи путь
Проходятъ свой благоговѣйно,
Стремяще неотложный трудъ
Къ мѣтѣ всеобщей стройно, вѣрно.
О, коль сей дивенъ тихогромъ*
И льетъ гармонію какую!
Какъ свѣтлыхъ Серафимовъ сонмъ,
Крылами пѣснь на немъ святую
Порхавъ, по сферамъ издаютъ,
Созвучно всѣ Творца поютъ.
Воскликни, хоръ, воскликни вдругъ,
И ты Творца съ тьмой звѣздъ согласно
Пой съ Серафимы велегласно;
И ты Его творенье рукъ.

* Фортепіано. Д — Ср. Томъ II стр. 642.

Веселой трепетной душой
Хвалу Его любовью пой!

Въ безчувствіи глухомъ лежащаго владыку
Проникнулъ сладкій шумъ сего священна лику.
Оцѣпенѣлый взоръ вкругъ дико водитъ онъ
И чудесамъ небесъ дивится, мыслей полнъ.
Но ново пѣніе возстало
И вновь царя слухъ обуяло:
Онъ слышитъ, Океанъ, возставъ, съ челъ звѣздъ потекъ
Шумяще въ свой предѣлъ, во глубины безмѣрны;
Возникли горъ хребты мгновенно изъ средь бездны
И межъ себя пути отверзли бѣгу рѣкъ;
А тамъ, нагнувшися, скалы круты, кремнисты
Низвергнули съ себя журчащій чистый ключъ,
Который, какъ жемчугъ пересыпаясь чистый,
Катитъ по муравѣ потокъ свой въ понтъ зыбучъ.

Виждь, пестрѣетъ стадомъ холмъ,
Агнцы по лугамъ рѣзвятся,
Тонкимъ скрыты облачкомъ
Пѣсни жавронковъ гласятся;
А какъ солнца лучъ багряный
Загорится средь ручья,
Отдаются рощи дальны
Свистомъ громкимъ соловья.
Съ неба Ангелы нисходятъ,
Пѣсни ангельски поя,
И блаженство ихъ низводятъ
Въ тѣни злачныя рая[2].

[2] Въ тѣни злачныя рая.

Это произношеніе *раѝ* неразъ встрѣчается у Ломоносова: см. ода 8, строфа 2, и ода 10, строфа 6. Стихи 161 — 164 печатались до сихъ поръ, начиная отъ изданія 1816 года, съ такою пунктуаціей, что смыслъ ихъ

Миръ ликуетъ и спокойство,
Подъ смоковницей сидя;
Цвѣтъ вдругъ, запахъ и довольство
Къ ихъ желаніямъ ведя,
Непорочность и веселья
Рука объ руку идутъ;
Тамъ не знаютъ лицемѣрья,
А всѣ въ радости живутъ.
Будь, чета благословенна,
Вѣкъ невинностью спряженна,
Ублажайся счастьемъ вновь,
Чистая сердецъ любовь.

Хоръ смолкъ. — Монархъ челомъ своимъ съ одра склонился
И, благовѣнья полнъ, во помыслахъ молился
Толикихъ множества Создателю чудесъ.
Но злобы духъ въ немъ вновь воскресъ
И чернымъ жегъ огнемъ его съ сугубой силой.
Царь бьетъ себя во грудь съ душой унылой [г]:
Почто веселье и покой,
Рекъ, въ хижинахъ [д] живутъ, а домъ забыли мой?

Быстрые гласы, теките,
Духа печальна будите,
Коль не почувствуетъ самъ,
Грѣхъ что его есть тиранъ.

Стени и жалуйся, о арфа! скорбнымъ тономъ,
Стени и наполняй весь свѣтъ его урономъ.

[г] Царь бьетъ себя во грудь и вопіетъ съ душой унылой (7 стоп.).
[д] И въ хижинахъ ...

совершенно затемнялся; мы возстановили его по рукописи. Въ стихѣ 157 и ниже въ 200-мъ *Ангелы*, какъ въ рукописи, а не *Ангели*, какъ въ изд. 1816 года.

Несется, слышу, вопль и стонъ и плачъ и вой.
Какое зрѣлище я вижу предъ собой!
Увы! напрасны суть твои ужъ слезъ потоки:
Преступная чета, ты пала въ грѣхъ жестокій.
Съ невинностью твоей веселость протекла,
Смерть косу на тебя, яряся, занесла
И Херувима мечъ огнемъ вокругъ сверкаетъ,
Отчаянье въ очахъ вездѣ тебя пужаетъ;
Возненавиженна сама собою ставъ,
Куда[*] сокроешься, себя собой терзавъ?
Несчастная чета! оставленная Богомъ,
Въ лѣсахъ ли будешь жить, съ звѣрьми подъ листьевъ кровомъ;
Но ты жалка, твое плачевно состоянье!
Подвиглись небеса, всѣ Ангелы въ рыданьѣ;
Долъ плачетъ, плачетъ холмъ, гулъ вкругъ твердитъ: увы!
О, коль несчастливы, сердца порочны, вы!

Быстрые гласы, теките,
Души преступны разите,
Правдъ не познаютъ коль сихъ,
Что грѣхъ мучитель есть ихъ.

Кичливу грудь царя и страхъ и стыдъ бунтуютъ,
Въ надменномъ гнѣвѣ лицѣ и злость изобразуютъ,
Кровавы, выпуклы глаза его свирѣпо зрятъ.
Но юноша хоть то и примѣчаетъ,
Безъ робости играетъ,
Ланиты правдою горятъ,
И смотритъ такъ на злость тирана онъ спокойно,
Какъ добродѣтели смотрѣть на злобу сродно.
Подъ взоромъ блещущимъ вслѣдъ скачущимъ перстамъ

[*] Куды...

По арфѣ огнь бѣжитъ, сверкая по струнамъ,
И возбуждаючи высоки, страшны тоны,
Грѣхъ въ бѣдствіи поетъ и казнь его и стоны:

Громы въ громы ударяютъ,
Гулъ за гулами реветъ,
Смерть и ужасы летаютъ,
Молнія вселенну жжетъ;
Бездны разверзаютъ зѣвы,
Богъ преступниковъ казнитъ.
Князь и царь, рабы царевы,
Кто отъ Бога убѣжитъ?
Родъ Іаковль! веси, грады
Брось и кущи ты свои,
Ты умрешь, — и нѣтъ пощады
За злодѣйствія твои.
Ты умрешь, — и я ужъ внемлю
Шумъ вокругъ небесныхъ стрѣлъ;
Трупы смрадны кроютъ землю
И Солима пустъ предѣлъ.

Внемли! се крикъ и вопль изъ бездны вникаетъ,
Се слабо до ушей доходитъ онъ моихъ,
Се тише отъ часу, все тише, — исчезаетъ,
И вотъ уже совсѣмъ затихъ [3].
Погибли навсегда хулители Господни,
Землей поглощены, низверглись въ преисподни,
Пропалъ ихъ слѣдъ,
И слуху нѣтъ.
Но ахъ! возмогутъ ли мои плачевны струны
Тѣ живо описать и молньи и перуны,

[3] И вотъ уже совсѣмъ затихъ.
Этотъ стихъ въ изданіи 1816 г. пропущенъ, конечно по ошибкѣ.

Какіе праведный опредѣлилъ Судья
Въ казнь вѣчную злодѣямъ. — Увы! ужъ вижу я:

Грядетъ, грядетъ свирѣпо мщенье,
Вкругъ въ бурю, въ мракъ облечено.
Низвергнуло скалы трясенье;
Понтъ, небо въ кровь превращено.
Міръ дрогнетъ, вѣетъ знамя гнѣва.
Возстань, хлябь водъ, возстань!
Гласъ рекъ: — и изъ твоихъ безднъ чрева
Потопомъ съ неба шумнымъ грянь
И погреби въ волнахъ вселенну,
Нечестьемъ, злобой оскверненну.
Пусть знаетъ свѣтъ мой правый судъ,
Изъ сна грѣховъ себя возбудитъ.
Возстань! — да воды не придутъ
Въ свой паки одръ почить покойно;
Но да стремятся всюды грозно[4],
Поколь заклеповъ не прорвутъ,
Сквозь горъ камнистыхъ не пройдутъ
И сушей * Океанъ не будетъ.

Съ гласу Господня
Вмигъ преисподня
И звѣздна хлябь водъ
На землю течетъ.
Море волнами,
Небо дождями
Шумитъ и реветъ,
Міръ топитъ и жретъ.

* И суша...

[4] Но да стремятся всюды грозно.

Для формы *всюды* ср. въ одѣ *На взятіе Измаила*, Томъ I, стр. 348, строфу 13.

Богъ правъ — и судъ Его есть правда,
И праха сынъ всегда зрѣть слабъ ея лучи.
Ненависть съ завистью покрыла ярыхъ волнъ громада;
Тамъ сластолюбіе, тамъ роскошь, мракъ пьючи,
Съ развратомъ, съ лѣностью[*] погрязли безднъ въ стремленьи,
И тщетно о своемъ мнятъ смертные спасеньи.

Скалъ прорванъ сводъ,
Всталъ къ небу понтъ,
Нѣтъ больше въ спорѣ
Съ брегами волнъ,
На морѣ море
Кидаетъ чолнъ
По всей вселенной
Опустошенной.

Но гласы, пламенѣя,
Возвысьтеся пѣвцовъ,
Воскликни хоръ живѣе
Спокойныхъ пастуховъ,
Чтобъ огненныя стрѣлы
Струнъ ихъ и пѣсней вдругъ
Пронзали онѣмѣлы
Цареву грудь и духъ,
И онъ бы, правды самъ ставъ зритель,
Позналъ, что грѣхъ — его мучитель.

Межъ тѣмъ какъ пѣлъ Давидъ такъ пѣснь, восторга полнъ,
И сильный арфы гласъ чертожны двигалъ стѣны,
Саулъ, въ отчаяньи пуская дикій стонъ,
Зубами скрежеталъ, терзалъ власы смятенны
И рдѣлъ въ жару, какъ угль, и мерзъ въ хладу, какъ ледъ;

[*] Съ развратомъ, съ лютостью ...

По блѣдному лицу катился градомъ потъ,
И съ пѣною изъ устъ клубилася желчь черна.
Въ неистовствѣ его схвативъ рука кинжалъ
Взнесла[h] на грудь свою, но, бывъ остановленна
Отъ сущихъ близъ его, — вдругъ острый сей металлъ
Повергла на Давида. Давидъ отсторонился,
И дѣйствующій зря
Страхъ Божій на царя,
И что[i] спасенъ былъ самъ, — восторгомъ оживился,
И сталъ пріятно съ струнъ, какъ вѣтерокъ, дышать,
По малу духъ царя къ спокойству пріучать:
Но, тщетнымъ зря и то, что скорбь хотя тѣлесну
И рану облегчить возможно намъ извѣстну;
Но слабы всѣ бальзамы суть
Цѣлить и утолять душевную въ насъ грусть,
Сердечны скрыты раны,
Терзающія тайны, —
Приди жъ, раскаянье, онъ рекъ, скорѣй съ небесъ,
О ты, что тусклый взоръ возводишь къ милосердью
И, полно чувствъ живыхъ, Судебъ колеблешь твердью,
Приди, къ святынѣ вождь, въ лицѣ печали, слезъ,
И милость приведи Творца со умиленьемъ,
Чтобъ сердце царское предъ нимъ съ благоговѣньемъ
Содѣлалось тобой способнымъ къ чувству благъ
И отъ него бъ ушли унынíе и страхъ!
Раскаянье приходитъ:
Внемли его, монархъ;
Оно покой приводитъ
И сладость во слезахъ;
Печаль имъ радостью бываетъ,
Коль все желанье обитаетъ

[h] Взнеся ...
[i] И чтобъ ...

И мысль твоя на небесахъ:
Оно къ блаженству первый шагъ.
И се раскаянье прогнало уже ярость. —
Царь смотритъ на кинжалъ, являя трепетъ, жалость,
И тихій на пѣвцовъ кидаетъ съ вздохомъ взглядъ.
Зѣницы, пламенно вращаясь, не горятъ,
Въ которыхъ передъ симъ отчаянность грозила.
Небесная печаль грусть ада заступила.

О! какъ милость есть любезна,
Всѣхъ она славнѣй добротъ!
Плачетъ царь — и струйка слезна
По ланитѣ его льетъ.
Ее Ангелъ принимаетъ,
Не пустя упасть во тму;
Милосердью посвящаетъ,
Жертвъ пріятнѣй всѣхъ ему.

Еще, еще, — но ахъ! болѣзнь приходитъ снова,
Біенье сердца, грусть видна въ очахъ царя сурова.
Возвысьте, пастыри, вашъ выспреннѣе гласъ,
Покудова недугъ въ немъ въ корнѣ не погасъ,
Поколь обильный токъ съ очей не устремился
И мукъ съ души его яремъ не низложился.

Всемогущій! пріими
Вздохъ раскаянья царева,
Искушенія изми
И надежду среди гнѣва
Брось ему твоимъ лучемъ.
Чтобъ онъ, сердца сокрушенье
Слезъ изливъ тебѣ дождемъ,
Зрѣлъ въ тебѣ свое цѣленье.
Спустись теперь въ юдоль съ холмовъ, парящій хоръ,

И къ пѣнью вышнему не напрягайтесь, струны:
Тріумфъ явили свой гармоніи перуны.
Монархъ ихъ чувствуетъ, его свѣтлѣетъ взоръ,
Ланиты блѣдныя румянятся зарею.
Блаженъ! — ужъ отъ него бѣжитъ унынье прочь;
Не мучится уже онъ совѣстью своею.
Раскаянной душѣ спѣшитъ самъ Богъ помочь,
И черна скорбь къ нему ужъ вспять не возвратится.
Пѣснь ваша, пастыри, ему да усладится,
И арфы тихія пріятный сердцу звукъ
Надеждою небесъ его да тѣшатъ духъ,
Забавы сельскія, невинность и свобода,
Да обольститъ его вашъ пѣніемъ предѣлъ,
Чтобъ гордость позабылъ, чтобъ нравилась свобода
И онъ богатству бы спокойство предпочелъ.

Поля, лѣса, пустыни дики,
Сквозь дебрь журчащіе ручьи,
Пастушьи громки слышьте клики,
Поющи* свѣтлы дни свои.

Межъ скалъ отъ рѣзвыхъ стадъ брыканья
Хохочетъ эхо вкругъ его,
И онъ, священна полнъ вниманья,
То зритъ, другой не зритъ чего.

Подъ тихія вечерни сѣни
Идетъ къ нему покой съ небесъ,
Любовь, невинность въ восхищеньи
Въ цвѣтахъ сидятъ съ нимъ межъ древесъ.

Вокругъ чела его довольна
Звѣздъ зрится блескъ, льетъ съ ризы свѣтъ;

* Поюща ...

Вся жизнь его покрова пальмъ достойна[1],
Шалашъ его покой даетъ.

Да ввѣкъ, о Ангелъ! ощущаетъ
Твою бесѣду грудь моя;
Спѣсь, зависть при дворахъ блистаетъ;
Пастушья хижина твоя.

Тише, о пѣсни! теперь вы звучите,
Скорбному духу дремоту внушите;
Лей на него свой ароматъ, сонъ, вкругъ;
Сладко спокойство, лелѣй его духъ.

Слетайте на него, о воины небесны,
Стрегущи Божій градъ, — и маніемъ своимъ его
Владѣющія сномъ, чѣмъ вы, мечты прелестны,
Грядуща время видъ являете того,
Гдѣ приготовлена душамъ благимъ награда.
А злобы извергамъ грозящи страхи ада,
Слетите и, его восхитя духъ съ собой,
Представя передъ нимъ небесный садъ златой,
Къ превыспренности той взнесите свѣтлой, звѣздной,
Гдѣ о безсмертьи[2] лишь звучитъ безсмертный хоръ;
Гдѣ, кромѣ радости, ничто не существуетъ,
И новой вѣчностью жизнь вѣчна торжествуетъ.

Арфъ своихъ тономъ,
Божественнымъ звономъ,
Стрясите съ него
Скорбь люту его:
Плачь будетъ въ радость,
Стонъ его въ сладость.

[1] Покрова, пальмъ своихъ достойна,
Шалашъ его спокойство чтетъ.
[2] Гдѣ о безсмертномъ ...

И се уже его гармонія живитъ;
Потокомъ сладкихъ слезъ кропитъ отрадный видъ,
Бѣжитъ уныніе[a], проходитъ безпокойство.
Согласье новое, яви твое устройство,
Греми, струнъ новый громъ,
Созвучно съ голосами,
Подвигни небесами,
Кличь радость въ царскій домъ.
Какая сильна мощь томитъ души волненье?
Какая возбуждать въ ней можетъ бурну страсть?
Твое, Гармонія, волшебное велѣнье
И надъ природой всей твоя чудесна власть.
Ты, дщерь небесъ,
Вселенной зримой сей съ тѣхъ поръ извѣстна стала,
Какъ съ трона вѣчнаго Премудрость гласъ снизслала,
Который міръ вознесъ.
Явилась ты, — и твердь усѣялась звѣздами,
По звуку твоему потекъ сей красный, свѣтлый строй!
Полкъ ангельскъ, поразясь согласіемъ его, красой, —
Великъ, воспѣлъ, великъ Творецъ нашъ чудесами!
И въ изумленіи съ тѣхъ поръ съ высотъ глядитъ
На сей лучистый сонмъ, въ его заряся токѣ,
И совокупно съ нимъ гласитъ
Пѣснь первую звѣзды, возникшей на востокѣ,
Котору сферы всѣ и вблизь и вдаль твердятъ
Едиными усты: Осанна! святъ, святъ, святъ!

[a] Бѣжитъ унынье прочь ...

— —•◆•— —

IX. ВЪ ПАМЯТЬ ДАВЫДОВА И ХВОСТОВА[1].

—

Вдыхавшая героямъ 1.
Россійскимъ къ славѣ духъ.
Склони днесь къ струнамъ томнымъ,
О Муза! ихъ твоимъ,

[1] Флота лейтенантъ Хвостовъ и мичманъ Давыдовъ были молодые люди, отличавшіеся образованіемъ, расторопностью и отвагой. Опредѣлясь на службу въ сѣверо-американскую кампанію, они два раза ѣздили моремъ въ Америку и оттуда въ Сибирь. Во второе путешествіе пришлось имъ поступить въ распоряженіе отправленнаго посломъ въ Японію камергера Резанова (см. Томъ II, стр. 476). Послѣ внезапнаго отъѣзда его они, исполнивъ его порученіе, прибыли въ Охотскъ; но здѣсь, по неожиданному повелѣнію начальника порта, Бухарина, ихъ посадили подъ стражу. Заключеніе это было такъ тяжко, что конечно сдѣлалось бы для нихъ гибельнымъ, еслибъ юношеская смѣлость и добрые люди не помогли имъ спастись бѣгствомъ. Добравшись благополучно до Петербурга въ 1808 году, они, по желанію самого главнокомандующаго финляндскою арміею, графа Буксгевдена, отправились на театръ войны и тамъ своею храбростью пріобрѣли почетную извѣстность (*Спб. Вѣдом.* 1808, сент. 8, № 72). Въ слѣдующую зиму Буксгевденъ причислилъ ихъ, въ видѣ награды, къ своей свитѣ и велѣлъ имъ возвратиться въ Петербургъ, гдѣ они съ тѣхъ поръ и оставались. Въ началѣ октября 1809 года пріѣхалъ туда корабельщикъ сѣверо-американскихъ штатовъ, Вульфъ, съ которымъ они подружились во время своихъ странствованій. Вмѣстѣ съ нимъ они провели вечеръ 4 октября у академика Лангсдорфа*, жившаго на Ва-

* Баронъ Георгъ Гейнрихъ Лангсдорфъ, въ то время адъюнктъ академіи наукъ по зоологіи, родился въ Швабіи 18 апрѣля 1774 г., учился въ Геттингенѣ, сдѣлался медикомъ и въ этомъ званіи попалъ въ Португалію. По возвращеніи

И юныхъ двухъ отважныхъ
Сподвижниковъ оплачь,
Что сквозь стихіевъ грозныхъ
И океанскихъ бездиъ

сильевскомъ острову. Пробывъ тамъ за полночь, молодые люди въ два часа ночи подъѣхали къ исакіевскому мосту, который въ это время былъ разведенъ; сквозь мостъ проходила барка. Имъ показалось, что они успѣютъ соскочить съ одного края моста на барку и потомъ съ барки попасть опять на другой край моста. Однакожъ скачокъ былъ неудаченъ: они оборвались, упали въ воду и оба потонули; ночь была темная и бурная. Николай Александровичъ Хвостовъ род. 28 іюля 1776 г., и слѣдовательно умеръ 33-хъ лѣтъ; Гаврилѣ Ивановичу Давыдову было всего 26. Оба воспитывались въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ (*Двукратное путешествіе въ Америку Хвостова и Давыдова*, изданное А. Шишковымъ, Спб. 1810). Хвостовъ приходился племянникомъ адмиралу Шишкову, женатому въ первомъ бракѣ на сестрѣ его матери, урожденной Шельтингъ. Разсказъ Булгарина объ этихъ двухъ морякахъ въ *Воспоминаніяхъ* его (ч. II, стр. 148) во многомъ невѣренъ (см. *Литерат. газету* 1846 г., № 3 и 5), но прибавляетъ къ исторіи ихъ гибели слѣдующую любопытную черту: «Вдругъ оба они пропали безъ вѣсти, а какъ въ это же время американскій купеческій бригъ прошелъ безъ осмотра, при сильномъ вѣтрѣ, мимо брантвахты за Кронштадтомъ и не заявилъ бумагъ, то многіе, зная безпокойный духъ Хвостова и Давыдова, полагали, что они, по страсти къ приключеніямъ, ушли въ Америку. Это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что шкиперъ американскаго брига (*названный выше Вульфъ*) былъ пріятель Хвостова и Давыдова, оказавшихъ ему услугу въ Ситхѣ. Наряжена была коммиссія для изслѣдованія дѣла, но она ничего не открыла». Если вѣрить Булгарину, тайну разъяснилъ черезъ нѣсколько времени, воротясь въ Петербургъ, свидѣтель ихъ гибели Вульфъ, который былъ съ ними въ роковую ночь, но, опасаясь задержки, промолчалъ о

въ Германію, узнавъ, что изъ Россіи Крузенштернъ отправляется въ кругосвѣтное плаваніе, Лангсдорфъ поспѣшилъ въ Копенгагенъ, гдѣ стояли корабли, назначенные для этого плаванія, и былъ присоединенъ къ экспедиціи въ качествѣ ботаника. Онъ возвратился въ Петербургъ въ 1808 году и тогда-то избранъ былъ въ члены академіи наукъ. Удостоясь особеннаго вниманія императора Александра I, онъ въ 1812 г. назначенъ былъ генеральнымъ консуломъ въ Бразилію, и оставался въ этой должности до 1830 года. Въ это время болѣзнь заставила его переселиться въ Европу: остальные годы жизни онъ провелъ въ Фрейбургѣ (въ Баденѣ), гдѣ и умеръ 29 іюня 1852. Результаты его путешествій, наблюденій и изслѣдованій изложены въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ (Nécrologe universel du XIXe siècle; особый оттискъ, Парижъ, 1853).

Свирѣпыхъ и бездонныхъ,
Колумбу подражая,
Два разъ Титана вслѣдъ
Прошли къ противуножнымъ[2].

Межъ горъ лазурныхъ, льдистыхъ, 2.
Носящихся въ волнахъ,
И въ ночь, подъ влагой звѣздной,
По райнамъ, парусамъ
Блестящей, — солнца тропы
Преплывъ сквозь мразъ и жаръ,
Они, какъ воскрыленны
Два орлія птенца,
Пущенные Зевесомъ,
Чтобъ, облетѣвъ вселенну,
Узнать ея среду,
Три удивляли свѣта[3].

Тамъ на летучихъ Этнахъ, 3.
Иль въ челнахъ морь средь нѣдръ,

несчастія своихъ сопутниковъ; люди, разводившіе мостъ, также боялись отвѣтственности, и бѣдственный случай остался тайной: тѣла не были выброшены на берегъ.

Когда погибель Хвостова и Давыдова сдѣлалась извѣстною, то въ *Русск. Вѣстникѣ* за декабрь 1809 г. явились по этому случаю два стихотворенія: Анны Волковой и А. Ш. (Шишкова) при письмѣ къ издателю С. Глинкѣ и съ его примѣчаніемъ. Чтеніе всего этого, вѣроятно, и подало Державину поводъ къ сочиненію пьесы *Въ память Давыдова и Хвостова*, которая въ рукописи помѣчена 24 декабря и сперва написана была риѳмованными стихами, послѣ зачеркнутыми и совершенно передѣланными. Она напеч. 1816 г. въ ч. V, xxxviii.

[2] Прошли къ противуножнымъ — т. е. къ антиподамъ — въ Америку.

[3] Три удивляли свѣта — т. е. Европу, Азію (Сибирь) и Америку. *Летучими Этнами* въ слѣдующемъ стихѣ названы корабли. Ср. *Крылаты Этны*, Томъ I, стр. 406.

Тамъ въ нарахъ, на еленяхъ [4],
Въ степяхъ на коняхъ, псахъ,
То всадниковъ, то пѣшихъ,
Зимой средь дебрь и тундръ
Однихъ между злодѣевъ,
Ужъ ихъ погибшихъ чтутъ,
Безъ пищи, безъ одежды
Въ темницахъ уморенныхъ;
Но вдругъ воскресшихъ зрятъ,
Вездѣ какъ бы безсмертныхъ.

И Финнъ и Галлъ былъ зритель [5] 4.
Безстрашья ихъ въ бояхъ,
Когда они сражались
За вѣру, за царя,
За отчество любезно:
Но благовѣнью въ нихъ
Всякъ къ родшимъ удивлялся,
Коріолановъ зрѣвъ [6].
Всякъ ждалъ: насъ вновь прославятъ
Грейгъ, Чичаговъ, Сенявинъ,
Крузъ, Сакенъ, Ушаковъ
Въ моряхъ великимъ духомъ.

[4] Тамъ въ нарахъ, на еленяхъ *и проч.*

Нары, по нашимъ словарямъ, значитъ помостъ выше пола, полати, задняя лавка въ избѣ; но здѣсь очевидно употреблено для означенія особаго рода саней, на которыхъ ѣздятъ сѣверные инородцы.

[5] И Финнъ и Галлъ былъ зритель *и проч.*

Французы считались союзниками Россіи во время происходившей въ Финляндіи войны съ Шведами, въ которой, какъ было выше показано, участвовали Хвостовъ и Давыдовъ.

[6] Коріолановъ зрѣвъ *и проч.*

Особенно Хвостовъ доказалъ во многихъ случаяхъ рѣдкую сыновнюю любовь: онъ рѣшился на путешествіе въ Америку главнымъ обра-

Но мудрыхъ разсужденье 5.
Коль справедливо то,
Что блескъ столицъ и прелесть
Достоинствамъ прямымъ
Опаснѣй, чѣмъ пучины
И камни подъ водой:
Такъ, красны струи невски!
Средь тихихъ вашихъ нѣдръ,
Въ насмѣшку бурямъ грознымъ
И страшнымъ океанамъ,
Пожрать не могшимъ ихъ,
Вы, вы ихъ поглотили!

зомъ для того, чтобы облегчить положеніе своей матери, и предложилъ ей половину назначеннаго ему жалованья: см. Предисловіе Шишкова къ *Двукратному путешествію* и проч. Послѣдними стихами 4-й строфы Державинъ хочетъ сказать, что погибшіе молодые люди подавали блестящія надежды, что отъ нихъ ожидали громкихъ подвиговъ въ будущемъ. Приведенныя Державинымъ имена означаютъ прославившихся въ исторіи русскаго флота героевъ; пятеро изъ нихъ всѣмъ извѣстные адмиралы, которыхъ біографіи можно найти въ *Словарѣ* Бантышъ-Каменскаго. Не такъ извѣстенъ капитанъ 2-го ранга Сакенъ, но и его память не менѣе достойна жить въ потомствѣ. Христофоръ Ивановичъ (собственно Рейнгольдъ) фонъ Сакенъ, вѣроятно лифляндскій уроженецъ, выпущенъ изъ морскаго кадетскаго корпуса въ 1772 г.; какъ офицеръ, бывшій на отличномъ счету, онъ взятъ во время турецкой войны въ черноморскій флотъ и въ 1788 г. командовалъ дуббель-шлюпкой. 20 мая, на пути отъ Кинбурна къ устью Буга, за нею погналось множество мелкихъ турецкихъ судовъ, и Сакенъ погибъ вмѣстѣ съ своей шлюпкой. Обстоятельства смерти его въ точности не извѣстны; но изъ свѣдѣній, которыя тщательно собиралъ самъ Потемкинъ, изъ показаній очевидцевъ сраженія и сослуживцевъ Сакена вытекаетъ заключеніе, согласное съ общею молвой его современниковъ, что онъ самъ взорвалъ свою шлюпку на воздухъ. 27 мая Потемкинъ, по соображеніи всѣхъ полученныхъ извѣстій, доносилъ императрицѣ: «Въ то время, когда суда непріятельскія показались на лиманѣ, двойная шлюпка, съ капитаномъ Сакеномъ, посыланнымъ отъ принца Нассау къ генералу Суворову, возвращалась къ флотиліи. Тринадцать судовъ непріятельскихъ утремились за нею въ погоню. Дости-

Увы! въ семъ мірѣ чудномъ 6.
Одинъ небрежный шагъ
И твердые колоссы
Преобращаетъ въ персть. —
Родители! ахъ, вы,
Внуша гласъ скучной лиры[7],
Не рвитеся безъ мѣръ;
Но будьте какъ прохожій,
Что на цвѣтахъ блескъ росъ
Погасшимъ зрѣлъ, — и ихъ
Вслѣдъ запахъ обоняйте.

Жизнь наша жизни вѣчной 7.
Есть искра, иль струя;
Но тѣмъ она ввѣкъ длится,

гаемый Турками, капитанъ Сакенъ отправилъ къ флотиліи маленькую шлюпку, у него бывшую, съ 9-ю матросами, приказавъ имъ объявить объ опасномъ его состояніи и что ни онъ, ни его судно въ рукахъ турецкихъ не будетъ. Сіи матросы видѣли его окруженнаго непріятелемъ, сцѣпившагося съ онымъ и поднявшагося на воздухъ. Если при семъ случаѣ не истребилъ онъ съ собою судна непріятельскаго, какъ увѣряютъ, то неустрашимость, съ которою онъ сражался, и геройская смерть показали Туркамъ, какихъ они имѣютъ непріятелей.» Тѣло Сакена было найдено на берегу безъ черепа и съ оторванными руками; онъ погибъ лѣтъ 35-и отъ роду. Есть преданіе, что Екатерина II, въ награду за подвигъ Сакена, пожаловала его сестрамъ пенсію или имѣніе (А. Висковатова *Взглядъ на военныя дѣйствія Россіянъ въ Черномъ морѣ и Дунаѣ съ 1787 по 1791 годъ*, Спб. 1828, стр. 19; *Морской Сборникъ* 1855, т. XV, № 4, статья В. К. [Владислава Кеневича], и 1856, т. XXVI, № 14, статья Висковатова). Замѣчательную характеристику Ушакова см. въ одной изъ первыхъ главъ *Исторіи войны 1799 г.* Д. А. Милютина.

Въ доказательство дѣльнаго направленія Хвостова приведемъ, что онъ во время своихъ странствованій составилъ словарь нарѣчія, употребляемаго на южномъ берегу острова Сахалина. Этотъ словарь напечатанъ въ 3-й части *Путешествія* Крузенштерна.

[7] Внуша гласъ скучной лиры *и проч.*
Внуша значитъ здѣсь внявъ. Ср. Томъ I, стр. 324.

Коль благовонье льетъ
За добрыми дѣлами.
О, такъ! исполнимъ долгъ,
И похвалы за гробомъ
Услышимъ коль своимъ, —
Чего желать намъ больше?
Въ пыли и на престолѣ
Прославленный герой
Главъ злыхъ вѣнчанныхъ выше.

Хвостовъ! Давыдовъ! будьте 8.
Ввѣкъ славными и вы.
Межъ нами ваша память,
Какъ гулъ, не пройдетъ вмигъ.
Хоть рокомъ своенравнымъ
Вы сѣсть и не могли
На колесницу счастья[8];
Но вашихъ похожденій звукъ,
Духъ Куковъ и Нельсоновъ
И умъ Невтона звѣздна,
Какъ Александровъ вѣкъ,
Не позабудутъ Россы.

[8] На колесницу счастья.

Въ письмѣ къ Глинкѣ (см. выше прим. 1) находилось между прочимъ выраженіе: «Жизнь ихъ была цѣпь несчастій».

X. ШЕСТВІЕ ПО ВОЛХОВУ РОССІЙСКОЙ АМФИТРИТЫ[1].

Что сіяетъ отъ заката 1.
Въ полнощь полудневный свѣтъ?
Средь багряна сткляна злата
Кто по Волхову плыветъ?
Полкъ Тритоновъ трубитъ въ трубы,
Рыбъ на днѣ сребрится бѣгъ,
Пляшутъ холмы, скачутъ дубы,
Съ плескомъ рукъ бѣжитъ вслѣдъ брегъ[2]
И шумятъ струи жемчужны!

Посидонъ ли съ Амфитритой 2.
Озираетъ ходъ то рѣкъ,
Чтобъ, судами ставъ покрытой,
Онъ довольство всюду влекъ?
Иль Прекраса перевозитъ

[1] Писано на Званкѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ по поводу проѣзда водою изъ Твери въ Петербургъ великой княгини Екатерины Павловны съ супругомъ, принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ, генералъ-губернаторомъ новгородскимъ, тверскимъ и ярославскимъ (см. выше стр. 1). Черезъ нѣсколько времени, 18 августа, родился въ Павловскѣ старшій сынъ ихъ, Александръ (ум. 4 ноября 1829). Напечатано 1816 года въ ч. V, xxxi; первоначально же въ *Соч. и перев. росс. акад.*, ч. V (1811), стр. 155, и въ *Чт. въ Бес. люб. р. сл.* 1811 г., кн. II, № 1, стр. 53; тамъ эта пьеса помѣщена въ *Разсужденіи о лирич. поэзіи*, какъ примѣръ разнообразія въ картинахъ.

[2] Съ плескомъ рукъ бѣжитъ вслѣдъ брегъ.

Подражаніе стиху Ломоносова: «Брега Невы руками плещутъ», который повторяется у него, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, въ разныхъ мѣстахъ (см. Томъ I нашего изд., стр. 149.)

Въ Выбутскъ Игоря въ ладьѣ[3],
Огнь къ себѣ любви въ немъ множитъ,
Жжетъ и сердце имъ свое?
Сколь красы съ геройствомъ дружны[a]!

Нѣтъ, — не древнихъ дивъ картина 3.
Удивляетъ смертныхъ взглядъ;
Шествуетъ Екатерина
Со Георгомъ въ Петроградъ!
Ладогона[4] зрю сурова;
Снѣго-блещущи власы
Онъ взбугря чела сѣдова,
Изъ-подъ длани на красы
Взоръ стремитъ звѣзды полночной.

Какъ? гласитъ: Екатерина! 4.
Вновь мнѣ блещетъ божество?
Имя, вѣсть о ней едина —
Мнѣ восторгъ и торжество!
Рекъ — и, взоръ къ прекрасной дщери
Осклабляя, подалъ знакъ,

[a] Красота съ геройствомъ дружны (1811).

---

[3] Въ Выбутскъ Игоря въ ладьѣ.

По преданію, великая княгиня Ольга жила прежде въ выбутской веси близъ Пскова и была перевозчицей. Подъ именемъ *Прекрасы* является она и въ драматическомъ сочиненіи Екатерины II: *Начальное управленіе Олега* (см. Томъ I, стр. XXIX и 477).

[4] Ладогона зрю сурова.

Въ *Ладогонѣ* поэтъ олицетворяетъ Ладожское озеро, которое въ другомъ мѣстѣ названо у него *Ладогъ* (см. ниже, подъ 1813 г., стихотвореніе *Новгородскій волхвъ Злогоръ*). Наши прежніе писатели не стѣснялись въ обращеніи съ собственными именами и свободно урѣзывали или удлиняли ихъ, или перемѣняли въ нихъ удареніе, когда находили это нужнымъ: такъ скандинавскія *Валкиріи* у Екатерины и у Державина являются *Валками* (см. Томъ II, стр. 272); такъ у Батюшкова шведскій водопадъ *Троллгетта* обратился въ *Троллетану* (см. его отрывокъ *Воспоминанія*).

Чтобъ ее весть понта въ двери, —
И Нева, преклонши зракъ,
Въ градъ ведетъ преузорочный.

Петрополь встаетъ на встрѣчу; 5.
Башни всходятъ изъ-подъ волнъ.
Не Славенска внемлю вѣчу[5],
Слышу Музъ аѳинскихъ звонъ.
Вижу, мраморы, граниты
Богу взносятся на храмъ;
За заслуги знамениты
Въ память вождямъ и царямъ
Зрю кумиры изваянны.

Вижу, Сѣвера столица 6.
Какъ цвѣтникъ межъ рѣкъ цвѣтетъ, —
Въ свѣтѣ всѣхъ градовъ царица,
И ея прекраснѣй нѣтъ!
Бельтъ въ безмолвіи зерцало
Держитъ предъ ея лицемъ,
Чтобы прелестьми блистало
И вдали народамъ всѣмъ,
Какъ румяный отблескъ зарьный.

Вижу лентіи летучи 7.
Разноцвѣтны по судамъ;
Лѣсъ пришелъ изъ мачтъ дремучій
Къ камнетесаннымъ брегамъ.
Вижу пристаней цѣпь, зданій,

[5] Не Славенска внемлю вѣчу *и проч.*

По Іоакимовой лѣтописи и сказаніямъ 17-го вѣка, *Славенскъ* былъ древній городъ, основанный на Волховѣ правнукомъ Іафетовымъ, Славеномъ. *Петрополь* — названіе, часто встрѣчающееся уже у Ломоносова. *Бельтомъ* Державинъ называетъ Балтійское море (ср. Томъ I, стр. 159, и дополн. примѣч. къ ней въ концѣ настоящаго Тома).

Торжищъ, стогновъ чистоту,
Злачныхъ рощъ, путей, гуляній
Блескъ, богатство, красоту,
Красотѣ царя подобну!

Межъ народа тамъ онъ зрится, 8.
Какъ отецъ между дѣтей;
Но здѣсь молнія стремится
Отъ его въ строяхъ мечей,
И отзывъ его перуна
Ужъ трясетъ среду земну[6]:
Онъ, избравъ днесь вождя юна,
На рогатую Луну
Повелѣлъ вести брань злобну.

Фениксъ сей, изъ праха отча 9.
Вставъ, паритъ во звѣздный кругъ;
Гордость, зависть, злоба, молча
Въ немъ признавъ воинскій духъ,
Защищать Стамбулъ престанутъ,
Въ Азію Магметъ уйдетъ.
Вновь Эллады лиры грянутъ,
И почтитъ тогда весь свѣтъ
Александра алтарями.

Но доколѣ совершится 10.
Древній сей пророчій гласъ,
Норда царь тѣмъ веселится,

[6] Ужъ трясетъ среду земну —
т. е. Константинополь (см. Томъ I, стр. 475). Тогда была война съ Турціей, и послѣ неудачной осады Силистріи Багратіономъ, назначенъ былъ главнокомандующимъ, въ началѣ 1810 г., графъ Ник. Мих. Каменскій, молодой генералъ, незадолго передъ тѣмъ прославившійся своими подвигами въ Пруссіи и въ Финляндіи. Онъ былъ сынъ фельдмаршала, Михаила Ѳедотовича (см. Томъ II, стр. 608 и 644), и потому-то поэтъ ниже называетъ его *фениксомъ, возставшимъ изъ праха отча.*

Что межъ льдовъ растетъ Парнассъ;
Что художества, науки,
Разцвѣтавъ въ его тѣни,
На него простерши руки,
Славословятъ щедры дни
И вѣнецъ сулятъ съ звѣздами.

Но всѣхъ лучше украшеній[б] 11.
Милосердья алтари;
Духъ мой полнъ тамъ восхищеній[в],
Гдѣ равны богамъ цари:
Вижу вдовъ, сиротъ притворы,
Рукодѣлья юношъ, дѣвъ,
За болящими призоры
И всѣхъ нивъ благихъ посѣвъ
Зрю Маріиной рукою[7]!

Вижу домъ весь благодатный, 12.
Братьевъ, сестръ — божествъ соборъ,
Тихій нравъ и, какъ пріятный
Лучъ, Елисаветинъ взоръ!
Поспѣшай къ намъ, Амфитрита,
Россовъ всѣхъ утѣшь сердца,
Да душой орла — повита
Будетъ юна духъ птенца[г],
Намъ рожденнаго тобою.

[б] ... украшеньевъ (1816).
[в] ... восхищеньевъ.
[г] Будетъ юнаго птенца (1811).

---

[7] Зрю Маріиной рукою.
См. Томъ II, стр. 78 и слѣдд.

XI. НАДЕЖДА.

КЪ Ѳ. П. ЛЬВОВУ[1].

—

Лучъ, отъ свѣта отдѣленный, 1.
Льющаго всѣмъ солнцамъ свѣтъ,
Прежде въ духъ мой впечатлѣнный,
Чѣмъ онъ прахомъ сталъ одѣтъ,
Безпрестанно ввыспрь парящій
И съ собой меня манящій
Къ океану своему!
Хоть претитъ земли одежда,
Но несешь меня къ нему
Ты желаній на крылахъ,
О безсмертная Надежда,
Обѣщательница благъ!

Глупые мечтаютъ смертны 2.
О какихъ-то дняхъ златыхъ;
Суеты ихъ неисчетны,
Ищетъ цѣлей всякъ своихъ.
Я премѣны вижу свѣта:

[1] О Ѳедорѣ Петровичѣ Львовѣ см. Томъ II, стр. 478. Написано 15 іюня въ память первой жены его, *Надежды* Ильиничны, урожденной Березиной, племянницы Державиной: мать Березиной была Анна Алексѣевна, въ дѣвицахъ Дьякова. Напеч. въ *Соч. и перев. росс. ак.*, ч. VI (1813), стр. 189, и 1816 г. въ *Соч.* Державина, ч. V, XV.

Зрю зимы, весны дни, лѣта
И осеннихъ дней возвратъ;
Старѣютъ, юнѣютъ роды,
Зрю всему свой кругъ, свой рядъ:
Но довольнымъ не хощу
Быть теченьемъ симъ природы, —
Все чего-то вновь ищу.

Вѣкъ меня Надежда льстила: 3.
Утѣшала дѣтски дни,
Храбрость мужеству дарила,
Умащала сѣдины
И, предъ близкой днесь могилой
Укрѣпя своею силой,
Сыплетъ предо мной цвѣты.
Вѣчности на прагѣ стоя,
Жизнь люблю и суеты,
Славы мню стяжать вѣнецъ,
Безпокоюсь средь покоя, —
И еще ль я не глупецъ?

Такъ кажусь я пусть безумнымъ, 4.
Пусть Надежда бредъ глупцовъ;
Но какъ моремъ жизни шумнымъ
Утопаю средь валовъ,
Чѣмъ-то духъ мой все бодрится:
Должно, должно мнѣ родиться
Къ лучшему чему ни есть.
Ахъ! коль чувство что внушаетъ,
Умъ даетъ и сердце вѣсть,
Истины то знакъ для насъ;
Духъ никакъ не облыгаетъ.
Гласъ Надежды — Божій гласъ.

Гласъ Надежды — сердца сладость, 5.
Восхищеніе ума,
О добрѣ грядущемъ радость.
Хоть невидима сама,
Но вездѣ со мною ходитъ,
Время весело проводитъ
И въ забавахъ и въ бѣдахъ.
На нее зря, улыбаться
Буду въ смертныхъ я часахъ
И какъ хладъ польетъ въ крови,
Буду ризъ ея держаться
До объятія Любви.

Такъ Надежды пресѣкаетъ 6.
Лишь одна Любовь полетъ,
Какъ во солнцѣ утопаетъ
Лучезарномъ искры свѣтъ.
Съ Богомъ какъ соединимся[а],
Въ свѣтѣ вѣчномъ погрузимся
Пламенемъ любви своей,
Смертная спадетъ одежда,
Мы въ блистаніи лучей
Жизнью будемъ жить духовъ. —
Вѣрь, жива твоя Надежда,
Ты ее увидишь, Львовъ!

[а] Когда съ Богомъ съединимся (1813).

XII. КЪ БАХУСУ[1].

—

Вакха вдали, вѣрь мнѣ потомство, я видѣлъ: 1.
Межъ дикихъ онъ скалъ сѣдящій, пѣть училъ пѣсни
Нимфъ, ставшихъ вокругъ, внимавшихъ его, и вверхъ
Завостренныхъ ушми козлоногихъ Сатировъ.

Эвоа! дрожитъ еще сердце отъ страха; 2.
Ужасомъ бога исполненно скачетъ оно
Съ радости дикой. — Эванъ! щади, о! щади!
Отъ грознаго тирса я трясусь, цѣпенѣя[2]!

Позволь, да пою я о дерзкихъ Тіадахъ, 3.
О быстро-текущемъ винѣ, млечныхъ потокахъ,
И медъ какъ изъ утлыхъ древесныхъ, дуплястыхъ
Пней каплетъ на землю, извиваясь струями.

Такъ, позволь мнѣ воспѣть и о свѣтломъ вѣнцѣ, 4.
Блестящемъ межъ звѣздъ, твоей блаженной супруги[3],

[1] Ода Горація (кн. II, 19). Напечат. 1816 г. въ ч. V, XLIII, и еще прежде, безъ заглавія, въ *Чт. въ Бес. люб. р. сл.* 1811, кн. II, № 1, стр. 115, какъ примѣръ диѳирамба въ *Разсужд. о лирич. поэзіи*, для котораго конечно и переведена ода. Не считая умѣстнымъ касаться здѣсь степени точности перевода, сдѣланнаго вѣроятно съ нѣмецкаго, ограничиваемся объясненіемъ нѣкоторыхъ выраженій и малоизвѣстныхъ именъ.

[2] Отъ грознаго тирса я трясусь, цѣпенѣя *и проч.*

Пораженный явленіемъ бога, поэтъ боится ударовъ его тирса, жезла, обвитаго плющемъ и виноградными листьями. *Тіады* — вакханки (Thyiades, отъ θυΐειν — бѣсноваться).

[3] ... твоей блаженной супруги —

Аріадны, дочери Миноса, которую Вакхъ взялъ въ супружество.

О страшномъ паденьи жилища Пентея
И о ѳракійска Ликурга пагубѣ лютой.

Ты волны далекихъ кротишь океановъ, 5.
И шумный вкругъ холмовъ обтекая пустынныхъ,
Женъ бистонійскихъ[4] переплетше безвредно,
Связуешь власы змѣй ядовитыхъ узлами.

Ты, буйна Гигантовъ вдругъ крамола когда, 6.
Верхъ на верхъ по горамъ взгроможденнымъ взмостяся,
Къ отчему царству взнеслась, съ зѣвомъ ужаснымъ
И съ львиными Рета когтями, вспять ниспровергъ.

Отъ всѣхъ хотя ты, какъ искусный плясавецъ, 7.
Въ шуткахъ и играхъ любви способнымъ былъ признанъ;
Въ браняхъ не меньше потомъ примѣръ далъ собой
И великъ ты равно, какъ въ бояхъ, такъ и въ мирѣ.

Церберъ въ рогахъ золотыхъ зрѣлъ тебя тихо 8.
И, ничуть не взревѣвъ, лишь хвостомъ обвивая,
Съ кротостью ластясь, трехъ языками зѣвовъ
Вкругъ смиренно лизалъ стопы твои и бедры.

когда она была оставлена Тезеемъ на островѣ Наксосѣ. По Овидію, Вакхъ, для прославленія Аріадны, снялъ съ головы ея вѣнецъ о семи алмазахъ и помѣстилъ его на небѣ, гдѣ камни превратились въ искры (созвѣздіе Вѣнецъ Аріаднинъ).

[4] Женъ бистонійскихъ ...

Бистонійскими, или ѳракійскими женами Горацій называетъ вакханокъ, которыя вплетали ехиднъ въ свои волосы.

XIII. СЛАВА[1].

День дню отрыгаетъ глаголъ, и нощь нощи возвѣщаетъ разумъ (псал. 18, 3).

Еще ль, цари, вамъ имя громко 1.
Быть мнится славою прямой?
Еще ль, мудрецъ, ее ты только
Чтешь дыма блещущей струей?
Признайтесь[a], — ваша мысль неправа;
Увѣрьтесь истины въ словахъ:
Безсмертная, прямая слава
Есть цѣпь цвѣтущихъ вѣчно благъ.

Чтожъ хвалишься во злобѣ, сильный, 2.
Внутрь беззаконіемъ и внѣ,
Коль ты, чрезъ слезы крокодильны,
Чрезъ токи крови на войнѣ,
Чрезъ вѣроломства, бунты, яды,
Чрезъ святотатну неба честь,
Повергъ престолы, храмы, грады
И могъ царей всѣхъ выше сѣсть?

[a] Познайте . . . (1812).

[1] Написано 24 іюня на Званкѣ и направлено очевидно противъ Наполеона, которому противополагается Александръ. Напечатано въ *Вѣстникѣ Европы* 1812 г., № 16 (ч. LXIV, стр. 32), съ полною подписью имени; также въ *Соч. и перев. росс. акад.*, ч. VI (1813), стр. 181, и 1816 г. въ ч. V, XVII.

Положимъ, край твоихъ желаній — 3.
Въ водахъ, въ земляхъ, внутрь дикихъ мѣстъ
Распространя завоеваній[2],
Коснуться даже самыхъ звѣздъ.
Се горъ и рѣкъ уже не стало:
Какъ вихрь, промчался на крылахъ,
И все передъ тобою пало:
Но что же славы въ томъ? — Ты прахъ!

Увы! — и каждую минуту 4.
Питаючи въ себѣ змію,
Коль разжигаешь жажду люту
И жрешь самъ внутренность свою,
Почто явишь въ себѣ Тантала
И ловишь мнимой славы тѣнь?
На то ль, чтобъ о тебѣ сказала
Словъ нѣсколько аѳинска чернь?

Безумецъ! знай, когда въ надменьѣ 5.
Ты богъ мечтаешь быть въ себѣ,
Лишь тиграмъ ты идешь въ сравненье
И въ сердцѣ томъ, кто льститъ тебѣ.
На погребенны пепломъ грады,
На кровь, на слезы зря людей,
Какихъ ждешь жертвъ, похвалъ, пощады
Отъ нашихъ и грядущихъ дней?

Вижль: тайно, мрачно днесь вздыханье 6.
Вслѣдъ ходитъ всюду за тобой;

[2] Распространя завоеваній.

Нелишнимъ считаемъ напомнить, что здѣсь *завоеваній* не есть родительный падежъ, а поставлено вмѣсто *завоеваніи*: особенность, неразъ встрѣчающаяся у Державина, какъ мы указали еще въ примѣчаніяхъ къ *Фелицѣ* (Томъ I, стр. 145).

А завтра клятвы, восклицанье
На гробъ твой громъ повергнутъ свой. —
Кто жъ замыслы исполнитъ страшны,
Чѣмъ міръ поработить мнилъ весь?
Гдѣ блескъ, гдѣ звукъ, гдѣ пышны брашны?
Ты былъ — и нѣтъ, — твой слухъ исчезъ[3]!

Се громка слава[6] сильныхъ міра! 7.
Се образецъ геройскихъ дѣлъ!
Вослѣдъ кроваваго[в] ихъ пира
Что видимъ мы? — не груды ль тѣлъ?
Не кости ль на поляхъ смердящи?
Не запустѣнье ль, нуждъ всѣхъ мать? —
Ахъ! можно ли столь злы губящи
Правдиво Славою назвать?

Но и хранящій строги нравы, 8.
Угрюмый доблестію мужъ,
Не отрѣвай совсѣмъ чувствъ славы
И ты отъ любочестныхъ душъ.
Всѣмъ смертнымъ славолюбье сродно,
Различенъ путь лишь и предметъ:
И въ бочкѣ циникъ благородно
Велѣлъ царю не тмить свой свѣтъ.

Тому мила чрезъ то извѣстность, 9.
Тотъ мнитъ инымъ быть именитъ[г];

[6] Вотъ громка слава . . .
Вотъ образецъ . . .
[в] Послѣ кроваваго . . .
[г] . . . знаменитъ.

[3] Ты былъ — и нѣтъ, — твой слухъ исчезъ.
Предсказанія Державина о паденіи Наполеона начались еще съ 1798 г. (см. Томъ II, стр. 147) и потомъ повторялись нѣсколько разъ.

Но пользъ творцу чрезъ кротость, честность
Звучнѣй всѣхъ плескъ принадлежитъ.
Отецъ семействъ, законодатель,
Забрало отъ татей, коварствъ,
Сохи, серпа изобрѣтатель —
Бича славнѣй, поправдѣ, царствъ.

Возьмемъ же, въ противуположность 10.
Тирану, добраго царя,
Всю истощившаго возможность,
Блаженство подданныхъ творя:
Не зримъ ли Генія въ немъ неба,
Блестяща радуги лучемъ,
Въ томъ — мрачна демона Эреба?
Тотъ сыплетъ свѣтъ, — сей вержетъ громъ.

Гнусна убійцъ народовъ слава; 11.
Я тихой дорожу молвой:
Той — мести нѣдрится отрава,
Сей — засѣвается покой.
Подрывъ и вражью съ трескомъ граду
Не радуетъ души моей;
Стихъ добрыхъ думъ одинъ въ награду
Жметъ сладки слезы изъ очей.

Какой восторгъ души блаженной! 12.
Какая слава, вѣчна честь,
Какъ храмъ, для бѣдныхъ учрежденный,
Придешь, гдѣ воспитанье, зрѣть
И въ скорбяхъ сущихъ врачеванье!
Тутъ царь — отецъ, царица — мать.
Умъ можетъ скиптровъ тамъ стяжанье,
Здѣсь будетъ сердце одобрять.

Но если больше обоженна 13.
Гдѣ слава долженствуетъ быть,
То въ образѣ щита священна
Кто лавромъ могъ себя покрыть?
Во оборонѣ лишь отчизны
Вѣнчаетъ славою война.
Могилы — въ жертвенники тризны
Преобращаетъ намъ она.

Такъ, доблесть токмо превосходна 14.
Должна поправдѣ славной быть;
Благотворителя народна
Долгъ сердцемъ и устами чтить.
Се солнце Творческой державы
Вѣщаетъ силу, безднъ сквозь тму:
«Богъ благъ, — одинъ Онъ Царь есть Славы,
«И вся поклонятся Ему.»

XIV. ИДОЛОПОКЛОНСТВО[1].

Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ бози инии....

Творцу я поклоняюсь міра, 1.
Въ лицѣ Его служу царю.
Нигдѣ, ни въ комъ себѣ кумира
И не творилъ и не творю.
Почтожъ мнѣ, идолы безчестны,
Шумихой, мишурой прелестны,
Вкругъ ползать вашихъ алтарей? —
Почто, — коль въ хижинѣ безвѣстной
Доволенъ подъ рукой небесной
Я долею моей?

Богатствъ, чиновъ стяжатель, власти, 2.
Льстецъ, ищущій могущимъ быть,
Пусть лучшей достигаетъ части, —
Стоитъ въ водѣ и — хочетъ пить;
Но пастырь добрый[2], вѣрный стаду[a],
Не перелазитъ чрезъ ограду,

[a] Пусть тать прелазитъ чрезъ ограду,
Но пастырь добрый, вѣрный стаду

---

[1] Написано 27 іюня на Званкѣ и очевидно выражаетъ взглядъ поэта на собственныя его тогдашнія отношенія (Ср. въ Томѣ II, стр. 590, стихотвореніе *Облако*). Напеч. 1816 г. въ ч. V, xiv.

[2] Но пастырь добрый, вѣрный стаду *и проч.*

Слѣдующее за симъ есть подражаніе притчѣ Спасителя о добромъ пастырѣ (ев. отъ Іоанна, гл. X).

За посохомъ нейдетъ безъ зва
И пастырства не вымоляетъ;
А взявъ овецъ, ихъ соблюдаетъ
Отъ расхищенья льва;

Кладетъ за нихъ въ часъ лютый душу, 3.
Не бѣгавъ, какъ наемникъ, прочь;
Но знавъ, что Тотъ, Кто море, сушу
И небо создалъ, день и ночь
Такъ дланью бдитъ надъ нимъ своею,
Какъ предначертанной стезею
Катитъ и міра колесо:
То полнъ сихъ чувствъ и не крушится,
А подъ какимъ зубцомъ случится, —
Смиренно сноситъ все,

И чтетъ терпѣнье въ добродѣтель, 4.
Что смертнымъ нужно всѣмъ оно;
Что чрезъ него лишь насъ Содѣтель
Вчиняетъ звѣздъ своихъ въ звено;
Что перстъ Его за правду царства
Возноситъ, — низитъ за коварства

На паству не пойдетъ безъ зва,
Достоинства не вымоляетъ.
Наемникъ посохъ оставляетъ
И стадо на хищенье льва.
Все въ свѣтѣ Промыслъ управляетъ,
Пасетъ такъ звѣзды, какъ овецъ,
Народъ, какъ волны, устремляетъ
И царскихъ помыслы сердецъ
Ведетъ къ мѣтѣ ему извѣстной.
Мнѣ видится сей міръ чудесный
Какъ бы вертяще колесо.
То вверхъ оно, то внизъ вертится;
Подъ коимъ быть зубцомъ случится,
Терпѣть нашъ жребій все (Рукопись).

До предназначенна конца;
Царямъ вельможъ здѣсь въ возвышенье,
А тамъ даетъ во униженье
Ихъ власти и вѣнца.

Такъ Вышній таинства сердечны 5.
И мысль всѣхъ видитъ съ горнихъ мѣстъ,
Мракъ ада проницаетъ вѣчный
И солнечныхъ пучины гнѣздъ.
Въ Его — снѣжинка въ морѣ пѣнномъ,
И искра въ пламени возжженномъ,
И черна мравья путь во тмѣ,
И въ небѣ слѣдъ орла паряща,
И туча стрѣлъ, съ луковъ летяща,
Различены умѣ.

Различены; — но нѣтъ изъятья; 6.
Міръ въ общей колеѣ течетъ;
Хоть въ томъ звенѣ, хоть въ томъ участье —
Несчастьемъ тотъ, сей счастьемъ чтетъ.
Къ чему жъ гордыней надыматься,
Когда случится возвышаться?
Мы можемъ завтра внизъ упасть.
Но ползть почто и бѣдствъ въ юдолѣ?
Учиться лучше въ низкой долѣ:
Тщетна кумировъ власть.

Ахъ, нѣтъ! — кумиры сильны въ мірѣ[6], 7.
Издревле имъ поклонникъ свѣтъ:
Здѣсь роскошь усыпляетъ въ пирѣ,
Тамъ красота ядъ въ сердце льетъ:

[6] Нѣтъ! идолы могущи въ мірѣ.
— О нѣтъ! болваны сильны въ мірѣ.

Здѣсь злато ослѣпляетъ блескомъ,
Тамъ слава оглушаетъ трескомъ.
Все, все сочли за бога мы!
Безчисленны суть наши страсти[a],
Крамольники мы вышней власти.
О Россъ! бѣги сей тмы.

[a] Увы! несчетны наши страсти.
Избавь, Творецъ, ты міръ сей власти,
Сей многобожья тмы.

XV. ДОБРОДѢТЕЛЬ[1].

Орудье благости и силъ, 1.
Господня дщерь, Его подобье.
Въ которой мудро совмѣстилъ
Онъ твердость, кротость, умъ, незлобье
И къ благу общему любовь,
О доблесть смертныхъ! Добродѣтель!
О соль земли! — хоть сонмъ духовъ,
Разврату нравственну радѣтель,
И смѣетъ звать тебя мечтой;
Но Богъ, я мню, ты воплощенный.

Такъ, — ты намѣстница Творца. 2.
Его зиждительница воли
Въ Его селеньяхъ безъ конца.
И въ сей боренія юдоли
Добра и зла ты вождь единъ,
Къ высокой той чредѣ ведущій,
Къ которой избранъ Свѣта сынъ.
О Ангелъ, въ человѣкѣ сущій!

[1] Писано 12 іюля на Званкѣ. Въ рукописи помѣщено подъ заглавіемъ слѣдующее, потомъ зачеркнутое примѣчаніе: «Написано по спору, въ которомъ съ одной стороны утверждали, что нѣтъ добродѣтели, что она только существуетъ мечтательно и условно». Напеч. въ *Соч. и перев. росс. акад.*, ч. V (1811), стр. 166, и 1816 г. въ ч. V, xvi.

О человѣкъ, лицомъ, душой
На небеса взирать рожденный!

Ты, доблесть, — мужества примѣръ, 3.
Ты — цѣломудрія зерцало,
Незыблема подпора вѣръ,
Несокрушимо странъ забрало.
Ты въ узахъ, въ бѣдствахъ присный другъ,
Клевретъ въ трудахъ, товарищъ въ бдѣньи,
Вождямъ и пастырямъ ты духъ
Даешь, ихъ паствъ и царствъ въ храненьи,
Плодъ ратаямъ, талантамъ блескъ,
Вѣнецъ — всѣхъ нуждъ превозможеньямъ.

Ты, Добродѣтель, образецъ 4.
Благодѣяньевъ всѣхъ возможныхъ,
Гармонія благихъ сердецъ,
Источникъ сладостей неложныхъ.
Ты, — если царствуешь съ царемъ, —
Съ судомъ онъ милость сочетаетъ,
Зло облиставъ своимъ лицомъ;
Отъ сильныхъ слабыхъ защищаетъ:
Покровъ наукъ и музъ ты плескъ,
Мать сирыхъ, врачъ изнеможеньямъ.

Кто разъ узрѣлъ твои черты, 5.
Твоей плѣнился красотою,
Вкусилъ священныхъ устъ соты
И весь слился съ тобой душою,
Тому другихъ красотъ ужъ нѣтъ:
Прахъ — безъ тебя ему богатство,
Корона — въ терніяхъ цвѣтетъ:
Но гдѣ узритъ тебя, — препятство

И смерть ему уже ничто; —
Летитъ тобою насладиться.

Тогда ему и злой тиранъ 6.
И всѣ его прещенья, муки, —
Какъ будто знакъ къ побѣдѣ данъ;
Всѣ ужасы — торжествъ какъ звуки
Манятъ на лобно мѣсто течь:
На пиръ, на бракъ какъ бы съ невѣстой,
Съ улыбкою идетъ подъ мечь. —
Такъ Михаилъ шелъ въ гробъ отверзтой[2],
Чтя ханску ярость ни во что,
Чтобъ идоламъ не поклониться.

Тогда, — какъ страстны мы тобой, 7.
Какихъ свойствъ милосердья чужды?
Смягчаемся сиротъ слезой,
Не сносимъ хладно нищихъ нужды,
Воспитывать дѣтей рачимъ,
Болѣзнь и старость облегчаемъ,
Цвѣтъ цѣломудрія хранимъ,
Умъ слѣпо вѣрою плѣняемъ.
Скорѣй царь бѣдность посѣтитъ,
Любя тебя, чѣмъ домъ богатый.

Тогда въ судилищахъ и судъ 8.
Даютъ бояры безпристрастно,
Отечество, царя блюдутъ
И правду говорятъ безстрашно.
Тогда, о сладостный восторгъ!

[2] Такъ Михаилъ шелъ въ гробъ отверзтой.
Великій князь Михаилъ не поклонился идоламъ Батыя и пострадалъ. Д.

Царицы — вѣрныхъ женъ примѣры:
Вершитъ свой Евпраксія рокъ[3]!
Лилеей ставъ царевна вѣры,
Сама дѣвъ сонму предсѣдитъ[4]
И въ души льетъ ихъ нравы святы!

Но льзя ль исчислить лѣпоты 9.
Твои, о доблесть всеблаженна!
Ты все вчиняешь въ красоты,
Что тронетъ длань твоя священна:
Ты доблишь чувства, мысли, трудъ,
Какъ соль творитъ вкуснѣй всѣ яства:
Тобой геройствомъ — храбрость чтутъ,
Щедротою — уронъ богатства,
Прощеньемъ ты караешь месть,
Ты ненавидима, а любишь.

И, Добродѣтель, посему 10.
Добротой Богу ты подобна,
Что, доброхотствуя всему,
Ты благородствомъ превосходна:
Твой правда трудъ, твой польза плодъ;

[3] Вершитъ свой Евпраксія рокъ!

Евпраксія, великая княгиня рязанская, чтобъ не достаться въ руки влюбленнаго въ нее Батыя, бросилась съ башни. Д. — Евпраксія была супруга князя Ѳеодора Юрьевича, убитаго при нашествіи Батыя на Рязань. На сказаніе о Евпраксіи Державинъ написалъ впослѣдствіи трагедію, носящую въ заглавіи имя этой княгини.

[4] Сама дѣвъ сонму предсѣдитъ.

Дочь Ярослава. Д. — Такъ въ изданіи 1816 г.; въ рукописи же было примѣчаніе: «Великая княжна Анна, дочь Всеволода, пошедъ въ дѣвичій монастырь, сама воспитывала дѣвицъ и учила ихъ разнымъ знаніямъ». Послѣднее свѣдѣніе согласно съ извѣстіемъ, находящимся въ Исторіи Татищева. Анна, или Янка, постриглась въ 1113 году. Отецъ ея былъ сынъ Ярослава Владиміровича (Ср. *Ист. Г. Р.*, т. II, прим. 156).

Ты не себѣ, но всѣмъ радѣешь,
Ко всѣмъ добра ты — для добротъ,
Просить награды — не умѣешь;
Всему предпочитаешь — честь
И о дѣлахъ своихъ не трубишь.

Величія и славы цвѣтъ 11.
Небесъ, о безпорочна Дѣва!
Тобой стоитъ сей только свѣтъ
Среди страстей кипящихъ рева.
Коль не было бъ въ немъ чадъ твоихъ,
Орловъ, сквозь бурь летать рожденныхъ,
И голубицъ, отъ чреслъ святыхъ
Твоихъ на свѣтъ произведенныхъ,
Чтобъ зло кротить и побѣждать, —
Міръ палъ давно бы въ преисподню.

Цвѣти жъ сильнѣй, эдемскій кринъ, 12.
Средь дебрь терновыхъ здѣшня міра,
Да благовоніемъ твоимъ
Моя всѣхъ услаждаетъ лира.
Или во мнѣ твоихъ добротъ
Лицомъ благоволи явиться:
Тогда и солнца отъ красотъ
Не усумнюся отвратиться,
Твою чтобъ только пальму взять
И къ лону принести Господню.

XVI. ИСТИНА[1].

Источникъ всѣхъ началъ, зерно 1.
Понятій, мыслей, чувствъ высокихъ,
Среда и корень тайнъ глубокихъ,
Отколь и кѣмъ все создано,

[1] Кончено іюля 21 на Званкѣ. Напеч. въ *Соч. и перев. росс. акад.*, ч. V (1811), стр. 160; въ *Чт. въ Бес. люб. р. сл.* 1811 г., кн. II, № 2, стр. 3, и 1816 г. въ ч. V, 1. Въ рукописи при заглавіи зачеркнутъ эпиграфъ: «Аще кто меня отвержется предъ человѣки, и азъ отвергнуся

Числъ содержательница счета,
Сосференнаго въ твердь сію,
О Истина! о голосъ Свѣта!
Тебя, безсмертная, пою.

Тебя, — когда и червь, занявъ 2.
Лучи отъ солнца, въ тмѣ блистаетъ;
Ко свѣту очи обращаетъ,
Безъ словъ младенецъ лепетавъ: —
То я ль души моей пареньемъ
Не вознесуся въ Твой чертогъ?
Я ль не воскликну съ дерзновеньемъ:
Есть вѣчна Истина, — есть Богъ!

Есть Богъ! — я чувствую Его 3.
Какъ въ существѣ моемъ духовномъ,
Такъ въ чудномъ мірѣ семъ огромномъ,
Быть не возмогшемъ безъ Него.
Есть Богъ! я сердцемъ осязаю
Его присутствіе во мнѣ:
Онъ въ Истинѣ, я увѣряю,
Онъ совѣсть — внутрь, Онъ правда — внѣ.

Такъ, Истина, сліясь изъ трехъ 4.
Существъ, единства скрыта лономъ
Средь тѣлъ и душъ и въ духѣономъ,
Кто создалъ все, кто держитъ всѣхъ.
Ея подобье въ солнцѣ зрится:

его предъ Ангелами Божіими» (ср. ев. отъ Луки, XII, 9). Въ *Соч. и пер.* сохранена первая половина этого изреченія.

Приложенныя къ настоящей одѣ виньетки взяты изъ изданной въ 1816 г. части V: тамъ первая изъ нихъ находится передъ этимъ стихотвореніемъ, открывающимъ томъ, а вторая на заглавномъ листѣ.

Лицомъ и свѣтомъ и тепломъ[a]
Живя всю тварь, оно не тмится,
Ключъ жизней всѣхъ, ихъ образъ въ немъ.

Сильнѣе Истина всѣхъ силъ, 5.
Рожденна ею добродѣтель.
Чрезъ духъ свой зрѣть ее Содѣтель
Въ безмѣрности чудесъ открылъ:
Ея никто не обнимаетъ,
Окромѣ Бога самого,
Полкъ тщетно Ангеловъ взлетаетъ
Прозрѣть кивотъ судебъ Его.

О Истина! трилучный свѣтъ, 6.
Сый, — бывый, сущій и грядущій!
Прости, что прахъ, едва ползущій,
Смѣлъ о Тебѣ вѣщать свой бредъ;
Но Ты, — коль солнцевъ всѣхъ лампада,
Міровъ начало и конецъ,
Отъ корней звѣздъ до корней ада
Объемлешь все, — всего Творецъ!

Творецъ всего, — и влилъ мнѣ духъ 7.
Ты въ волѣ мудрой и въ желаньяхъ,
И неба и земли въ познаньяхъ
Парящій совершенства въ кругъ;
Такъ можно ль быть мнѣ въ томъ виновнымъ,
Что въ выспренность Твою лечу?
Блаженствомъ я Твоимъ верховнымъ,
Тобой насытиться хочу.

[a] Оно, и свѣтомъ и тепломъ
Живя всю тварь, само не тмится,
Струя ихъ жизни, образъ въ немъ.

Тобой! — Ты перло думъ моихъ, 8.
Отца наслѣдье, сота слаще.
Ахъ! скрытнѣй, далѣй чѣмъ, тѣмъ вящше
Я алчу зрѣть красотъ Твоихъ,
Младенцамъ лишь однимъ не тайныхъ.
Внемли жь! — и мигъ хоть удостой
Мелькнуть сквозь тучъ Тебя вкругъ зарьныхъ,
И отѣни мнѣ обликъ Твой.

Нѣтъ, буйство! — какъ дерзну взирать 9.
На Бога, облеченный въ бренья?
Томиться здѣсь, тамъ наслажденья [6]
Ждать — смертныхъ участь — и вздыхать.
О, такъ! — и то уже высоко
Непостижимаго любить,
Небесной Истиною око
Умѣть земное пламенить!

Сліянный въ узелъ блескъ денницъ, 10.
Божественная лучезарность,
Пространствъ совокупленна дальность,
Всѣхъ единица единицъ!
О правость воль неколебимыхъ!
О мѣра, вѣсъ, число всего!
О красота красотъ всезримыхъ!
О сердце сердца моего!

Думъ правило, умо̆въ законъ, 11.
Свѣтило всѣхъ народовъ, вѣковъ!
Что бъ было съ родомъ человѣковъ,

[6] Томиться ввѣкъ, — ждать наслажденья —
Есть смертныхъ участь и вздыхать.
О, нѣтъ!...

Когда бъ Тебя не вѣдалъ онъ?
Когда бы совѣсти не знали
Всѣхъ неумытнаго Судьи,
Давно бъ звѣрями люди стали.
Законы святы мнѣ Твои.

Пускай продерзкій мрака сынъ 12.
Кощунствуетъ въ своей гордынѣ,
Что правда — слабость въ властелинѣ,
Что руль правленій — умъ одинъ,
Что златомъ тверды царства, грады;
Но ахъ! сихъ правилъ тщетенъ блескъ:
Имперьи рушатся безъ правды....
Се внемлемъ мы[a] престоловъ трескъ!

О Истина, душевна жизнь! 13.
Престолъ въ сердцахъ небесна царства!
Когда духъ лжи, неправдъ, коварства,
Не внявъ разсудка укоризнъ,
Къ добру препятствъ мнѣ вержетъ камень,
Ты гласомъ божескимъ Твоимъ
Взжигай въ душѣ моей Твой пламень
И будь свѣтильникомъ моимъ.

Ты жезлъ мой будь и вождь всегда, 14.
Да токмо за Тобой стремлюся,
Твоимъ сіяньемъ предвожуся,
Не совращаясь никогда
Съ путей, Тобой мнѣ освѣщенныхъ;
Любя Тебя, да всѣхъ люблю;
Но отъ совѣтовъ, мнѣ внушенныхъ
Тобой, нигдѣ не отступлю.

[a] Мы слышали ...

Да буду провозвѣстникъ, другъ, 15.
Поборникъ Твой, вездѣ щитъ правды;
Всѣ міра прелести, награды
Да не истлятъ во мнѣ Твой духъ;
Да оправдаю я невинность;
Да соблюду присягу, честь;
Да зла не скрою ковъ, безчинность,
И обличу предъ всѣми лесть.

Да буду сподвижникъ твердъ 16.
Всѣхъ добродѣтелей съ Тобою,
Ходя заповѣдей стезею,
По правосудью милосердъ;
Да сущихъ посѣщу въ темницахъ,
Пить жаждущимъ, ѣсть гладнымъ дамъ,
Бальзамъ страдающимъ въ больницахъ
И отче лоно сиротамъ.

Да отвращу мой взоръ отъ тѣхъ, 17.
Кто Твоего не любитъ свѣта,
Корысть и самолюбье мѣта
Единая чья дѣйствій всѣхъ,
Да отъ безвѣрныхъ удалюся,
Нейду съ лукавыми въ совѣтъ
И въ сонмъ льстецовъ, — а прилѣплюся[г]
Къ друзьямъ Твоимъ, Твой чтущимъ свѣтъ.

И Ты, о Истина! мой Богъ! 18.
Моей и вѣры упованье!
За все мое Тебя желанье,
За мой къ Тебѣ въ любви восторгъ,

[г] И ко льстецамъ. — но прилѣплюся.

Когда сей плоти совлекуся,
Хоть былъ бы чистъ, какъ блескъ огня,
Но какъ къ тебѣ на судъ явлюся,
Не отвратися отъ меня.

XVII. ТОСКА ДУШИ[1].

Что такъ смущаешься, волнуешь, 1.
Безсмертная душа моя?
Отколѣ пламенны желанья?
Отколь тоска и грусть твоя?
Се холмы синіе мерцаньемъ,

[1] Близкій переводъ пьесы Козегартена: Das Wehen des Allliebenden (его Poesieen, Лейпцигъ 1798—1802*, т. I, стр. 53), помѣченный въ рукописи: «27 іюня на Званкѣ». Такъ какъ Державинъ вслѣдъ за этимъ заимствовалъ нѣсколько стихотвореній изъ того же поэта, то помѣщаемъ здѣсь краткую о немъ замѣтку. Козегартенъ (Ludwig Theobul Kosegarten), род. 1758 г. въ Мекленбургѣ, ум. 1818 въ Грейфсвальдѣ, пасторъ и профессоръ, одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ поэтовъ лучшаго періода германской литературы, замѣчательный разнообразіемъ тоновъ своей поэзіи и обиліемъ ея формъ. Онъ писалъ и драмы и романы и пользовался въ свое время большою извѣстностью; однакожъ позднѣйшая критика признала его только первымъ между второстепенными поэтами той эпохи. По словамъ Гервинуса (Gesch. d. d. Dichtung, т. V, стр. 582), Козегартенъ плаваетъ по всему морю поэзіи и нигдѣ не бросаетъ якоря; только замѣтно, что онъ вышелъ изъ гавани, гдѣ стоялъ Клопштокъ.

Разныя строфы этого перевода помѣщены какъ примѣры въ *Разсужденіи о лирической поэзіи*. Напеч. въ *Соч. и перев. росс. ак.*, ч. VI (1813), стр. 174, съ означеніемъ при заглавіи: *Переводъ изъ Козегартена*, и 1816 г. въ ч. V, XIII.

* Какъ видно изъ рукописей Державина, это изданіе въ трехъ томахъ есть то самое, которымъ онъ пользовался.

Лугъ запахомъ спокойство льютъ;
Но, ахъ! ничто не утоляетъ
Унынья томна твоего!

Иль дѣлъ, иль подвиговъ вновь жаждешь, 2.
Чтобъ имя прозвучать свое?
Возстань, опрепояшься, дѣйствуй!
Обширно поприще твое!
Иль жжетъ алчба ничтожна злата?
Прости! — не вѣдалъ я того,
Безсмертная, сему кумиру
Чтобъ била ты когда челомъ.

Ужели это тотъ избранный, 3.
Снѣдаешься, крушишься кѣмъ,
Чѣмъ нощью спящіе въ снѣ грезятъ
И грезятъ спящіе чѣмъ днемъ?
Нѣтъ, слабо праха воспаленье
Наполнить пустоту твою. —
Но что жъ? — скажи скорѣй мнѣ средство,
Внутри чѣмъ жажду утолить?

Такъ вскликнувъ я, — повергся долу, 4.
Заглохнулъ стонъ болотна дна,
Замолкло лѣса бушеванье,
Затихла тише тишина.
Лежалъ простертъ я, чуть дыхая,
Въ цвѣтахъ на берегу ручья,
Надъ коимъ мѣсяцъ серпозлатый
Блисталъ, блѣднѣлъ, темнѣлъ, — исчезъ.

Ночная тма темнѣе стала; 5.
Вкругъ въ гибкомъ камышѣ, въ кустахъ

Чуть слышимо погодъ шептанье
Въ меня вливало[a] нѣкій страхъ.
Во слухъ мой доходили звуки
Такъ нѣжны, сладки, какъ свирѣль.
Отколь они ко мнѣ неслися?
Но въ сердцѣ такъ вѣщали мнѣ:

«Не драгоцѣнностей алканье, 6.
«Не слава, не хвала людей
«И не предметъ, тобой избранный,
«Волнуютъ во груди твоей;
«Но Тотъ.... Прочь отъ очей повязка!
«Запона и отъ слуха прочь[2]!
«Воззри, о робкій! маловѣрный!
«Вокругъ себя и въ небеса.

«Не зришь ли чернордяный пламень, 7.
«Зеленыхъ сумракъ средь лѣсовъ?
«Не обоняешь ли цвѣтущихъ
«Ты благовоніе цвѣтовъ?
«Не внялъ ли крастелина треска[3],
«И радостна въ травѣ, во мху
«И въ воздухѣ жужжанья, шума
«Большихъ и малыхъ жизней толпъ?

[a] Въ меня внушало ... (1813).

---

[2] Запона и отъ слуха прочь!

Въ подлинникѣ: «Hinweg vom Auge «Die Binde! weg vom Ohr «Die dicke Haut!»

[3] Не внялъ ли крастелина треска *и проч.*

Въ подлинникѣ: «Hörst du der Wachtel Schmettern? «Siehst du im Gras, im Moos «Das fröhliche Gewimmel «Der Leben klein und gross?»

«О мрачный и оглохлый смертный! 8.
«Не образованы ль рукой
«Они одной, изъ той же глины,
«Изъ коей и составъ весь твой?
«Не облаченъ ли плащаницей
«Непроницаемой ты вкругъ?
«Сотри скорѣй плену отъ взора
«И съ слуха перепонку сбрось.

«Тотъ, сердцемъ кто не познаваемъ 9.
«Твоимъ, но пламенно искомъ,
«Вблизи тебя неподалеку
«И можетъ быть легко найденъ,
«Его душой кто прямо ищетъ.
«Онъ носится вокругъ тебя
«Въ заряхъ и раннихъ и вечернихъ
«И на моряхъ и на земли.

«Такъ, Имъ ты, Имъ щедротодарнымъ, 10.
«Вся вспламененна Имъ однимъ[6];
«По Немъ твоя тоска, томленье,
«Зовешь Его, грустишь ты Имъ;
«Твой къ току своему духъ рвется,
«Страданья небрежа земны
«И наслажденья презирая,
«Свое блаженство въ Немъ лишь чтитъ[7].

«Онъ жаждъ твоихъ всѣхъ утоленье, 11.
«Онъ чуденъ именемъ своимъ,
«Любовь и свѣтъ — Его есть сущность;

[6] Воспламененна Имъ однимъ.
[7] Въ Немъ ты чтешь.

«Его *когда* всегда есть съ Нимъ[1],
«Его *гдѣ* — здѣсь и повсемѣстно;
«Его подобіе есть ты,
«Его отсвѣтъ въ тебѣ блистаетъ:
«Гордись, мой братъ, величьемъ симъ.»

Такъ рекъ, — завѣса и повязка 12.
Съ меня ниспали. Я прозрѣлъ
И видѣлъ вкругъ себя сіянье:
Трепещущи, чуть съ мѣста сшелъ,
И въ ужасѣ не смѣлъ быть дерзкимъ
Еще разъ на Него взглянуть;
Но только гласъ Его я слышалъ,
Въ вечернемъ вѣющъ вѣтеркѣ.

Склоня колѣна, вслѣдъ молился 13.
Ему и радостенъ я былъ,
Пылалъ восторгомъ несказаннымъ,
Дрожалъ, не познавалъ себя;
Вся млѣла кровь. Опомнясь, всклинулъ:
Нашелъ, о Чудный, я Тебя!
Нашелъ, не выпущу изъ сердца! —
Благослови меня съ высотъ!

[1] Его *когда* всегда есть съ Нимъ.
Въ подлинникѣ: «Sein *Wann* ist Immerdar, «Sein *Wo* ist Allenthalben, «Sein Ebenbild bist du!»

XVIII. ЯВЛЕНІЕ[1].

Лежалъ я на травномъ коврѣ зеленомъ, 1.
На берегу шумящаго ручья,
Подъ тѣнносвѣсистымъ, лаплистнымъ кленомъ[2];
Отъ зноя не пеклася грудь моя,
И, мня о сихъ, о тѣхъ дѣлахъ отчизны,
Я въ сладостномъ уныніи дремалъ,
Припомня все, что претерпѣлъ въ сей жизни,
Хотя и правъ бывалъ.

И се съ страны изъ рощи вылетаетъ 2.
Жена мнѣ юна солнечной красы!
Какъ снѣгъ, тончица бѣла обвѣваетъ
Ея орѣхокурчаты власы[3];
Съ очей ея блестяща отливалась
Эфира чистаго лазурна даль;
Среди ланитъ лилейныхъ расширялась
Заря, сквозясь въ кристаль.

[1] Подражаніе пьесѣ Козегартена Die Érscheinung (см. его Poesieen, т. II, стр. 43, и т. III, 278). Писано 28 іюля на Званкѣ. Напеч. въ *Соч. и пер. росс. ак.*, ч. VI (1813), стр. 179, съ означеніемъ при заглавіи: *Подражаніе Козегартену*, и 1816 г. въ ч. V, XVIII.

[2] ... лаплистнымъ кленомъ.

Въ *Соч. и пер. р. ак.* напечатано *лапистымъ* и въ примѣчаніи объяснено: «кленъ имѣетъ листья подобные лапамъ»; но въ рукописи такъ же какъ въ изд. 1816 г., которому мы здѣсь слѣдуемъ. Въ подлинникѣ просто: «Mir kühlten Erlenschatten «Der Wangen heissen Brand.»

[3] Ея орѣхокурчаты власы.

Въ подлинникѣ: «Ein weisser Schleier wehte «Um ihr nussbraunes Haar».

Вкругъ устъ ея видна была червленыхъ 3.
Усмѣшка, ласка искренней любви,
Блистали капли росъ съ рѣсницъ чуть смежныхъ;
Въ очахъ щедрота, тихій нравъ въ крови[а]
Показывали мнѣ ее въ печали.
Я зрѣлъ, иль мнилъ такъ быть въ мечтаньи ей.
Но кто блаженнѣе, кого видали,
Какъ я мечтой былъ сей?

Возсталъ, — и къ ней объятья простираю; 4.
Она же отъ меня уходитъ прочь[б]!
Я блѣдность на лицѣ ея встрѣчаю,
Она померкла такъ какъ лунна ночь;
Но, съ чувствомъ на меня взглянувъ усердно,
Взоръ важный и глубокомудрый свой
Съ десницею взведя на небо звѣздно, —
Исчезла предо мной!

Гряди въ свой путь, я рекъ, небесъ явленье, 5.
Гряди, — довольно я позналъ тебя,
И ясно все твое мнѣ мановенье:
Я понялъ, какъ впередъ вести себя:
Не стоитъ хвалъ, любви, но паче слезно[в]
Само-блестяще на земли житье;
Но тамъ, но тамъ съ тобой цвѣтетъ любезно
Отечество мое.

[а] И тихій нравъ, текущій во крови,
Изъ вздоховъ мнѣ ея печаль являли.
Такъ зрѣлъ въ мечтѣ, иль быть я мнилъ такъ ей (1813).
[б] Но отъ меня она уходитъ прочь.
Ахъ! сумракъ на лицѣ ея встрѣчаю,
И стала такъ блѣдна, какъ лунна ночь.
[в] Не стоитъ хвалъ, но даже слезно
И самое блестяще здѣсь житье.

XIX. ПРЕДВѢСТІЕ[1].

О вечеряюще свѣтило! 1.
Любезный, но багровый лучъ!
Что, солнце тихо, такъ уныло
Ты сходишь въ лоно темныхъ тучь
И мглистымъ, потускнѣлымъ златомъ
Наводишь мракъ на свѣтлый день,
Печальнѣйшимъ твоимъ закатомъ
Всѣмъ разстилаешь гроба тѣнь?

Вкругъ осенѣюща природа[2] 2.
Даетъ унылы мысли мнѣ,
Холодная съ кладбищъ погода
Разноситъ хладъ по всей странѣ;
Поля златыя опустѣли,
Вдаль птицы тянутся струей,
Древа пожелкли, покраснѣли
И предвѣщаютъ рокъ всѣ злой.

[1] Подражаніе пьесѣ Козегартена Ahndung (см. его Poesieen, т. I, стр. 111. Писано 29 іюля на Званкѣ. Напеч. 1816 г. въ ч. V, xx.

[2] Вкругъ осенѣюща природа.

Въ изд. 1816 г. *осѣняюща*, но въ подлинникѣ: «Du weckst mir leise Trauer, «O herbstliche Natur».

Такъ, — жребій всѣхъ гражданъ вселенной 3.
Есть тотъ, чтобъ цвѣсть и отцвѣтать,
И кровью тигръ ненасыщенный
Не можетъ ввѣкъ не умирать.
Родимся мы, растемъ и зрѣемъ,
Идемъ, идемъ, — куда? — не знавъ,
Сѣдѣемъ, старѣемъ, дряхлѣемъ
И падаемъ въ ровъ тли стремглавъ.

Такъ, такъ, — кто вѣсть, что дубъ корнистый 4.
Еще сей долго простоитъ?
Перунъ ли на него огнистый
Падетъ, иль вихрь его сразитъ?
Пусть всей земли онъ трепетанье
Пренесъ, не нагибавъ чела;
Но рока злаго скрежетанье
Придетъ — и будетъ онъ земля.

Ахъ, такъ! — и розы молодыя, 5.
Лилеи, что предъ мной цвѣтутъ,
Отъ зноя ли, иль стужи злыя,
Но свянутъ скоро, опадутъ;
Румянецъ, бѣлизна сотрется
И разнесутся ихъ листы;
Пріятность, красота минется ...
Увы! въ семъ свѣтѣ все мечты.

Повѣренна моихъ печалей 6.
И общница моихъ отрадъ!
Коль стали младости мы далѣй
И смерти намъ серпы грозятъ:
То крѣпче дружбой мы спряжемся
И такъ скрѣпимъ свои сердца,

Что рушься міръ, — не ужаснемся,
Дождавшись нашихъ дней конца.

Конецъ ристалища блистаетъ 7.
Сей жизни пальмою для тѣхъ,
Кого смиренье провождаетъ
Въ блаженну вѣчность для утѣхъ.
Рука мы объ руку съ тобою,
Христовой вѣры подъ щитомъ,
Въ блестящихъ ризахъ бѣлизною
Въ невѣстникъ Ангеловъ войдемъ.

XX. ПРОБЛЕСКЪ[1].

Хранителя меня ты ангела крылами, 1.
О мысль безсмертія! пріосѣняй,
Да въ немъ, какъ въ зеркалѣ, души очами
Я будущихъ блаженствъ увижу рай;
Подобно путникъ какъ сверхъ водъ, сквозь лѣсъ, въ мракъ нощи
Зритъ проблескъ отъ луны.

Коль не былъ гордъ и подлъ и лишь изъ самолюбья 2.
Пронырствомъ не пролѣзъ вельможъ я въ сонмъ,
Но съ малыхъ должностей всегда орудье
Былъ Бога и царя, ихъ чтя законъ:
Се зрю, се зрю себя сѣдящимъ выше неба
Между князей духовъ!

Когда грустилъ, вздыхалъ и проливалъ слезъ рѣки, 3.
Что нравовъ простота и вѣры лучъ
Въ вселенной погасалъ, и человѣки
Творились злѣй звѣрей средь бранныхъ тучъ:
Утѣшеннымъ себя въ эдемскихъ вижу кущахъ
Средь праотцевъ моихъ!

Коль сердцемъ кротокъ, тихъ, благолюбивъ душою, 4.
Не тягостенъ рабамъ и добръ я былъ,
Доволенъ отческихъ полей землею
И жатвой чуждой духъ мой не мутилъ:

[1] Писано 6 августа на Званкѣ и сперва было озаглавлено *Просвѣтъ*. Это опять подражаніе Козегартену; ср. въ его сочиненіяхъ (т. I, стр. 114) пьесу Aussicht. Напеч. 1816 г. въ ч. V, XXI.

Наслѣдіемъ себя взираю награжденна
Небеснаго Отца!

Когда не царскія желалъ, искалъ награды, 5.
И мзды чьей за труды, за подвигъ мой;
Но домогался лишь вездѣ единой правды,
Считая жребій всѣхъ за жребій свой:
Насыщеннымъ себя я вижу правосудьемъ
Отъ Истины святой!

Коль милостивымъ всѣмъ былъ, щедрымъ, милосердымъ 6.
И бѣднымъ завсегда желалъ помочь,
Стыдился къ страждущимъ глухимъ быть, твердымъ,
Сиротъ и вдовъ не гналъ отъ дома прочь:
О диво! въ грозный день, въ судъ страшный, неумытный
Помилованнымъ зрюсь!

Когда былъ сердцемъ чистъ, чуждъ козней и коварства, 7.
Не ставилъ никому на ловъ сѣтей;
Но, искренней душой презря препятства,
Невинныхъ въ вредъ себѣ спасалъ людей:
О восхищеніе! зрю Бога лучезарна
Къ себѣ лицомъ къ лицу!

Не изъ корысти коль себѣ хвалы и славы, 8.
Но изъ желанія лишь всѣмъ добра
Смиреньемъ укрощавъ враждебны нравы,
Судилъ, мирилъ, на сильныхъ мощь не зря:
О несказанна честь! — за миротворство Божьимъ
Я сыномъ нареченъ!

Коль обносимымъ былъ и оклеветанъ лжами 9.
За то, что истину и правду чтилъ,
Что Божьими блюдомъ, хранимъ судьбами
И ими весь мой вѣкъ поддержанъ былъ:
Весельемъ ангельскимъ, небеснымъ наслаждаюсь
Въ бесѣдѣ я святыхъ!

О радость! о восторгъ! толико быть блаженнымъ, 10.
Что удостоиться взирать Творца
И, свѣтомъ окружась Его священнымъ,
Въ чертогѣ опочить всѣхъ благъ Отца,
Между своихъ друзей, родныхъ, поднесь что милы
Такъ сердцу моему!

Тогда-то тамъ, о тамъ! не здѣшне земно тлѣнье, 11.
Не проходящи сны мірскихъ торжествъ,
Но съ ликомъ душъ вовѣкъ Творцу хваленье
На арфѣ возглашу въ кругу Божествъ,
И небо и земля, моря и преисподня
Послушаютъ меня!

Давидъ, Іоасафъ тогда свои псалтиры 12.
Мнѣ съ радостью дадутъ, — да, въ нихъ бряцавъ,
Во гармоничные созвучны лиры
Сольюся Ангеловъ, самъ Ангелъ ставъ;
Въ безсмертномъ превитать я буду озареньи,
Какъ ясный Божій лучъ!

Не оставляй же ввѣкъ, не оставляй, любезна 13.
О мысль безсмертія! меня всегда;
Будь стражъ средь поприща сего мятежна
И не кидай меня ты никогда;
Но тѣшь меня, покой пріятнымъ воображеньемъ
Ты будущихъ блаженствъ.

Хотя болѣзнь когда, хоть смерть мнѣ приразится, 14.
Не преставай елей свой въ грудь мнѣ лить
И по послѣдній вздохъ въ умѣ твердиться,
Что въ гробъ иду не умирать, но жить,
Тѣхъ вѣчныхъ благъ вкушать, что въ небѣ приготовилъ
Богъ любящимъ Его.

XXI. СРѢТЕНІЕ ОРФЕЕМЪ СОЛНЦА[1].

—

(Гимнъ).

Оставь багряный одръ, — гряди, 1.
О златокудрый, вѣчно-юный
Богъ свѣта! Дѣвъ парнасскихъ вождь,
Гряди и приведи съ собою
Весны и лѣта ясны дни
И цвѣто-благовонну Флору,
И въ класахъ блещущу Цереру,
И Вакха гроздовъ подъ вѣнцомъ:
Да, въ срѣтенье тебѣ исшедши,
Воскликнемъ гимнъ.

[1] Приготовлено вѣроятно въ ожиданіи посѣщенія императоромъ Александромъ I *Бесѣды*, собиравшейся въ домѣ Державина. Кромѣ того, что самое содержаніе пьесы подаетъ поводъ къ такому предположенію, основываемся на томъ, что она въ рукописи отнесена къ марту 1811 года, открытіе же *Бесѣды* послѣдовало въ этомъ самомъ мѣсяцѣ, 14-го числа. Стихотвореніе было напечатано отдѣльно подъ заглавіемъ: Срѣтеніе Орфеево солнца. Гимнъ и диѳирамбъ въ греческомъ вкусѣ, препровождаемые лирою. Музыка г. Бортнянскаго (Спб. 1811), съ подписью *Державинъ*. Потомъ въ *Чт. въ Бес. люб. рус. слова* 1811 г., кн. II, № 2 (стр. 103), при чемъ видно, что оно присоединено къ книжкѣ уже послѣ отпечатанія ея, такъ что заглавіе его не вошло и въ оглавленіе. Въ ч. V, см. xxx, гдѣ опущены находившіяся прежде надъ куплетами надписи: строфа, антистрофа и эподъ.

Вспылалъ румяный огнь въ водахъ, 2.
Вздымились горы, засверкали!
Се зрю, се зрю, — грядетъ, грядетъ
И свѣтлое чело возноситъ
Изъ синихъ волнъ на небеса!
Ужъ тихой арфы тихи звуки
Бѣгутъ со струнъ лучами въ долъ,
Безмолвны наклонились кедры,
Внимаетъ тварь[a]!

Пришелъ, пришелъ любитель Музъ, 3.
Олимпа царь, источникъ знаній.
Сердецъ ему несемъ
Благоуханну дань.
Прими и озари съ престола
Тебя поющихъ Піэридъ.

(Диѳирамбъ).

Тяжелой съ неба стопой 4.
Мракъ отступаетъ,
Тонетъ, блѣднѣетъ во мглѣ,
И съ роскошью лѣнь,
Тучныя вѣжди подъемля,
Вставъ, идутъ къ трудамъ,
Зрятъ честью плѣнны умы
Къ лаврамъ и славѣ.

Слава! что зрю въ восхищеньи? 5.
Боги, богини и Фивъ!
Се они! — сердце трепещетъ!
Очи летятъ на красы!

[a] Вся внемлетъ тварь (1811).

Льются съ раменъ волны златы;
Розы средь устъ и ланитъ!
Голуби, лебеди, пава[2],
Вѣщая птица при нихъ.
Слава! зрѣлъ свѣтлаго Фива!
Видѣлъ! — вѣрь мнѣ, потомство[3].

Слава! слава! Музы, скорѣе 6.
Теките, бѣгите ко мнѣ
Фива воспѣть. — Холмы и рощи,
Рѣки шумящи съ горъ слышу[6],
Прядаютъ звѣзды, громы гремятъ,
Пестрые тигры, львы желтогривы
Кротко у ногъ Фива легли, —
Вьются орлы. — Фиву ввѣкъ слава!

[6] ... шумящи ужъ слышу.

---

[2] Голуби, лебеди, пава,
Вѣщая птица при нихъ.

«Голуби — принадлежность Венеры; лебеди — Аполлона; пава — Юноны; вѣщая птица (сова) — Минервы». Д.

[3] Видѣлъ! — вѣрь мнѣ, потомство.

Ср. выше, стр. 45, 1-й стихъ оды *Къ Бахусу*.

XXII. КЪ МЕРКУРІЮ [1].

Краснорѣчивый внукъ Атланта, 1.
Меркурій, дикій нравъ смягчившій грубыхъ смертныхъ
И образъ давшій ихъ движенью тѣлъ красивый
По правиламъ палестры!

Тебя, боговъ и Дія вѣстникъ, 2.
Пою, обрѣтшаго выпуклозвонку лиру,
Въ уловкахъ хитраго, искуснаго все въ шуткахъ
Похитить, скрыть, что хочешь.

Обманомъ нѣкогда изъ стада, 3.
Бывъ юнъ еще, воловъ ты свелъ у Аполлона,
И онъ, коль не отдашь, грозилъ; но, стрѣлъ вмигъ въ тулѣ
Не взвидѣвъ, — разсмѣялся.

Ты щедраго въ пути Пріама 4.
Былъ вождь, какъ онъ Пергамъ оставилъ и, сквозь стана
Прошедъ враговъ, избѣгнулъ лютыхъ стражей
Ѳессальскихъ и Атридовъ.

Вчиняя души благочестны 5.
Въ селеньяхъ радости и, легкія ихъ стаи
Гоняя золотымъ жезломъ, ты всѣмъ пріятенъ
Богамъ небесъ и ада.

[1] Переведено изъ Горація (кн. I, ода 10) и помѣщено въ *Разсужденіи о лирич. поэзіи*, какъ примѣръ единства въ содержаніи. Напеч. сперва въ *Чт. въ Бес. люб. р. сл.* 1811 г. (кн. II, № 1, стр. 40), потомъ 1816 г. въ ч. V, XL.

XXIII. РИМСКОМУ НАРОДУ[1].

Куда, куда еще, мечи, едва вложенны 1.
Въ ножны, вы обнажа, стремитесь, вновь ярясь?
Поля ль отъ васъ, моря ль не много обагренны,
И мало ль ваша кровь лилась?

Нѣтъ, нѣтъ! — не Римъ ему враждебный и надменный 2.
Низвергъ и превратилъ въ персть пламемъ Каѳагенъ;
Ни вольный Бритовъ родъ, цѣпями отягченный,
Сквозь вратъ торжествъ веденный въ плѣнъ.

Такъ, такъ, — не отъ Парѳянъ, но собственной враждою 3.
Своей, крамолою падетъ вашъ славный градъ.
Ни волкъ, ни левъ, какъ вы, съ столь яростію злою
Своихъ собратьевъ не губятъ.

Чтожъ за слѣпая месть, и что за вышня сила, 4.
Иль грѣхъ какой стремитъ васъ? — Дайте мнѣ отвѣтъ. —
Но вы молчите! ... Что? — вашъ блѣдность зракъ покрыла!
Иль молній ужаснулъ васъ свѣтъ?

Се строгій Рима рокъ, се злоба звѣровидна. 5.
Какъ заглушаетъ вашъ братоубійствомъ гласъ!
Съ тѣхъ поръ, какъ Ремова кровь пролита невинна,
Лежитъ проклятіе на васъ.

[1] Изъ книги эподовъ Горація (эп. 7). Переведено 18 іюня на Званкѣ. Напеч. 1816 г. въ ч. V, xxxix. Тамъ во 2-мъ стихѣ 2-й строфы *пламень*, но это очевидно опечатка, которую мы поправили по рукописямъ. Въ этой строфѣ, какъ и въ началѣ слѣдующей, вѣроятно съ намѣреніемъ отступлено отъ подлинника.

XXIV. АРИСТИППОВА БАНЯ[1].

Что вы, аркадскія утѣхи, 1.
Темпейскій долъ, гесперскій садъ,
Цитерски рѣзвости и смѣхи
И скрытыхъ тысячи прохладъ
Средь рощъ и средь пещеръ тѣнистыхъ,
Между цвѣтовъ и токовъ чистыхъ, —
Предъ тѣмъ, гдѣ Аристиппъ живетъ?[2]
Что вы? — Домъ полнъ его довольствомъ,

[1] Написано на Званкѣ 22 іюня, подъ заглавіемъ *Баня*. По разсказу Аксакова (*Воспоминанія*, М. 1856, стр. 385), Державинъ однажды заставилъ его прочесть эту «любимую свою пьесу» въ присутствіи молодыхъ дѣвицъ. «Я остановился и сказалъ, не угодно ли ему назначить что-нибудь другое. — Ничего, возразилъ смѣясь Гаврила Романовичъ: у дѣвушекъ уши золотомъ завѣшены». Аксаковъ прибавляетъ, что пьеса «была впослѣдствіи напечатана, но съ исключеніями». Это несправедливо: мы имѣемъ передъ собою какъ первоначальную рукопись, такъ и послѣдующія редакціи *Аристипповой бани*, и можемъ засвидѣтельствовать, что всѣ измѣненія, съ которыми она напечатана, касаются только формы отдѣльныхъ выраженій и не заключаютъ въ себѣ ничего существеннаго въ отношеніи къ смыслу стиховъ.

Аристиппова баня явилась въ *Чт. въ бес. люб. р. сл.* 1812 г., кн. VI, стр. 65, и 1816 г., ч. V, XXXIII.

[2] Предъ тѣмъ, гдѣ Аристиппъ живетъ.

«Греческій философъ, жившій за 400 лѣтъ до Рождества Христова». Д. — Аристиппъ былъ родомъ изъ Кирены; воспитанный въ нѣгѣ и наслажденіяхъ на родинѣ, онъ, хотя и ученикъ Сократа, училъ, что высшее благо заключается въ пріятныхъ ощущеніяхъ, въ томъ, чтобы наслаждаться со вкусомъ, умѣренно, спокойно, не нарушая свободы духа. Ср. въ Томѣ I, стр. 260, пьесу: *Философы пьяный и трезвый*.

Свободой, тишиной, спокойствомъ,
И всѣхъ блаженствъ онъ чашу пьетъ!

Жизнь мудраго — жизнь наслажденья 2.
Всѣмъ тѣмъ, природа что даетъ.
Не спать въ свой вѣкъ[3], и съ попеченья
Не чахнуть, коль богатства нѣтъ;
Знать малымъ пробавляться скромно,
Жить съ беззаконными законно,
Чтить доблесть, не любить порокъ,
Со всѣми и всегда ужиться,
Но только съ добрыми дружиться:
Вотъ въ чемъ былъ Аристипповъ толкъ!

Взгляните жъ на него. Онъ въ банѣ! 3.
Се роскоши и вкуса храмъ!
Цвѣтъ розъ разсыпанъ на диванѣ;
Какъ тонка мгла иль оиміамъ,
Завѣса вкругъ его сквозится;
Взоръ всюду изъ нея стремится,
Въ нее жъ чуть дуетъ вѣтерокъ[а];
Льетъ чрезъ каминъ, сквозь сводъ, въ купальню,
Въ книгохранилище и спальню
Огнистый съ шумомъ ручеекъ.

Онъ нѣжится, — и Апеллеса 4.
Картины вкругъ его стоятъ[б]:

[а] ... вѣетъ вѣтерокъ (1812).
[б] ... Ахиллеса
... вкругъ его дышатъ.

[3] Не спать въ свой вѣкъ ...

Чтò поэтъ собственно хотѣлъ сказать этими словами, видно изъ первоначальной редакціи стиха въ рукописи: Не вѣшать рукъ, и съ попеченья.

Сверкают битвы Геркулеса;
Сократъ съ улыбкою пьетъ ядъ;
Звучатъ пиры Анакреона;
Видна и ссылка Аполлона,
Стада пасетъ какъ по землѣ,
Какъ съ Музами свирѣлку ладитъ,
Въ румянецъ розъ пастушекъ рядитъ:
Цвѣтетъ спокойство на челѣ.

Иль миртъ подъ тѣнью, подъ луною, 5.
Онъ зритъ, на чистомъ ручейкѣ
Наяды плещутся водою,
Шумятъ, — ихъ хохотъ вдалекѣ
Погодкою повсюду мчится,
Отъ тѣлъ златыхъ кристалъ златится
И прелесть свѣтится сквозь мракъ.
Все старцу изъ окна то видно:
Но Нимфъ невинности нестыдно,
Что скрытый съ нихъ не сходитъ зракъ.

А здѣсь, въ сосѣдственномъ покоѣ, 6.
Въ очкахъ друзей его соборъ
Надъ книгой, видной на налоѣ,
Сидитъ, склоня думъ полный взоръ,
Стиховъ его занявшись чтеньемъ;
Младая дщерь на цитрѣ пѣньемъ
Между фіяловъ вторитъ ихъ. —
Гласъ мудрости живѣй несется,
Какъ дѣвъ онъ съ розовыхъ устъ льется,
Подобно медъ съ сотовъ златыхъ.

«О смертные!» поетъ Арета[1]: 7.

[1] Дочь его, имъ воспитанная, была дивомъ красоты и добродѣтели

«Коль странники страны вы сей,
«Вкушать спѣшите блага свѣта:
«Теченье кратко вашихъ дней.
«Блаженство намъ даруетъ время;
«Бываетъ и порфира бремя,
«И не прекрасна красота́.
«Едино счастье въ томъ неложно,
«Коль услаждать духъ съ чувствомъ можно,
«А все другое — суета.

«Не въ томъ бѣда, чтобъ чѣмъ прельщаться, 8.
«Бѣда пороку сдаться въ плѣнъ.
«Не долженъ мудрымъ называться,
«Кто духа твердости лишенъ.
«Но если тѣло услаждаемъ [в]
«И душу благостьми питаемъ:
«Почто съ небесъ перуна ждать?
«Для жизни человѣкъ родится,
«Его стихія — веселиться;
«Лишь нужно страсти побѣждать

«И въ счастіи не забываться, 9.
«Въ довольствѣ помнить о другихъ;
«Добро творить не собираться [5],

[в] ... тѣлу угождаемъ.

своего времени. Д. — Ἀρετή, virtus, достоинство, красота и т. п. Такъ дѣйствительно называлась дочь Аристиппа.

[5] Добро творить не собираться,
А дожно дѣлить, — дѣлать вмигъ.

По словамъ покойнаго И. В. Капниста (см. Томъ II, стр. 106), Державинъ не любилъ осторожной или разборчивой благотворительности и съ особеннымъ оживленіемъ повторялъ эти два стиха. Самое правило, въ нихъ заключающееся, заимствовано, кажется, у Суворова, который говорилъ: «Добро дѣлать спѣшить должно» (Фукса *Ист. Сувор.*, ч. II, стр. 164).

«А должно дѣлать, — дѣлать вмигъ.
«Вотъ мудра мужа въ чемъ отличность!
«И будетъ ли вредна тутъ пышность,
«Коль миро на браду занесъ
«И часъ въ домъ царскій призываетъ,
«Но сирота пришелъ, рыдаетъ:
«Онъ всталъ, — отеръ его токъ слезъ?

10.
«Порочно ль и столовъ обилье,
«Блескъ блюдъ, винъ запахъ, сладость яствъ,
«Коль гонятъ прочь они уныньe,
«Крѣпятъ здоровье, — и пріятствъ
«Живутъ душой друзьямъ въ досугахъ;
«Коль тучный полкъ стоитъ въ прислугахъ,
«И съ гладу вкругъ не воютъ псы?
«Себя лишь мудрый умѣряетъ
«И смерть, какъ гостью, ожидаетъ,
«Крутя задумавшись усы[6].»

[6] И смерть, какъ гостью, ожидаетъ,
Крутя задумавшись усы.

По поводу послѣднихъ двухъ стиховъ Гоголь говоритъ о Державинѣ: «Слогъ у него такъ крупенъ, какъ ни у кого изъ нашихъ поэтовъ. Разъявъ анатомическимъ ножемъ, увидишь, что это происходитъ отъ необыкновеннаго соединенія самыхъ высокихъ словъ съ самыми низкими и простыми, на·что бы никто не отважился, кромѣ Державина. Кто бы посмѣлъ, кромѣ его, выразиться такъ, какъ выразился онъ въ одномъ мѣстѣ о томъ же своемъ величественномъ мужѣ, въ ту минуту, когда онъ все уже исполнилъ, что̀ нужно, на землѣ» (слѣдуютъ два выписанные нами стиха). «Кто, кромѣ Державина, осмѣлился бы соединить такое дѣло, каково ожиданіе смерти, съ такимъ ничтожнымъ дѣйствіемъ, каково крученіе усовъ? Но какъ черезъ это ощутительнѣе видимость самого мужа и какое меланхолически-глубокое чувство остается въ душѣ!» Замѣтимъ, что вмѣсто послѣдняго стиха въ рукописи стояло прежде: «Съ улыбкой расчесавъ усы».

Въ первой редакціи пьеса кончалась 11-ою строфой; 12-ая приписана позднѣе.

Но вдругъ вошли, пресѣкли пѣнье 11.
Отъ Діонисья три жены,
Мужамъ рожденны на прельщенье:
Какъ нощь — власы, лицомъ — луны,
Какъ небо — голубые взоры;
Блескъ устъ, ланитъ ихъ — блескъ Авроры,
И холмы въ даръ ему плодовъ
При персяхъ отдаютъ въ прохладу. —
«Хвала царю,» рекъ, «за награду;
«Но выдьте вонъ: — я философъ[7].»

Какъ? — Нѣтъ, мудрецъ! скорѣй винися, 12.
Что ты лишь слабостью не слабъ.
Безъ зубъ воздержностью не дмися:
Всякъ смертный искушенья рабъ.
Блаженъ, и въ средственной кто долѣ
Возмогъ обуздывать по волѣ
Своихъ стремленье прихотей!
Но быть богатымъ, купно святу,
Такъ трудно, какъ орлу крылату
Иглы сквозь пролетѣть ушей.

[7] Но выдьте вонъ: — я философъ.

«Діонисій, царь сиракузскій, подарилъ Аристиппу трехъ красавицъ. Онъ привелъ ихъ къ себѣ и отпустилъ назадъ, не прикасаясь къ нимъ». Д. — Аристиппъ жилъ нѣсколько времени при дворѣ Діонисія младшаго въ Сиракузахъ.

XXV. ЭХО[1].

Касаюсь струнъ, — и громъ за громомъ 1.
Отъ перстовъ съ арфы въ слухъ летитъ,
Шумитъ, бушуетъ доломъ, боромъ,
Въ мглѣ шепчетъ съ тишиной и спитъ;
Но вдругъ, отдавшися отъ холма
Возвратнымъ грохотаньемъ грома,
Гремитъ и удивляетъ міръ:
Такъ ввѣкъ безсмертно эхо лиръ.

[1] Въ рукописи заглавіе: *Званское эхо. Къ Евгенію*, съ примѣчаніемъ: «Писано 3 числа (*іюля*) въ день рожденія автора; послано 13-го, въ день именинъ его, іюля 1811 г., въ отвѣтъ на письмо Евгенія отъ 8 іюля 1809, въ которомъ онъ, похваляя званское эхо, просилъ что-нибудь написать о семъ удивительномъ явленіи природы, подобно какъ писалъ Овидій въ Превращеніяхъ своихъ». Упоминаемое здѣсь письмо въ нашихъ рукахъ. Увѣдомляя Державина о полученіи письма его изъ Званки, Евгеній продолжаетъ: «Вы опять въ сосѣдствѣ съ безсмертнымъ эхомъ, которое, вѣрно, въ первый же день вашего пріѣзда проснулось отъ зимняго сна. Я помню у Овидія, книг. 3 *Превращеній*, описаніе эха, гоняющагося за Нарциссомъ:

Кто тутъ? вскричалъ Нарциссъ: *кто тутъ?* вскричало Эхо.
Поди ко мнѣ — рекъ тотъ: *поди ко мнѣ*, рекло и Эхо.
Бѣжишь ты — ты бѣжишь: другъ друга укоряютъ.
Постой — постой одинъ другому повторяютъ *.

«Піиты повѣствуютъ, что Нимфа Эхо, любя Нарцисса и не видя отъ него взаимной любви, изсохла отъ унынья и превратилась въ скалу, сохранившую въ себѣ вмѣсто жизни одинъ только голосъ. Званское эхо также можетъ упрекать своего любимаго барда, не пропѣвшаго ему ни одного привѣтливаго стишка. Нарциссъ у Овидія былъ по крайней мѣрѣ привѣтливѣе». Въ пьесѣ *Жизнь званская* (см. Томъ II, стр. 633) уже была рѣчь про эхо, о которомъ здѣсь говорится. При посѣщеніи Званки въ

* Въ позднѣйшее время *Нарциссъ* Овидія переведенъ М. П. Погодинымъ: см. *Московскій Вѣстникъ* 1828 г., ч. VIII, стр. 129.

О мой Евгеній! коль Нарциссомъ 2.
Тобой я чтусь, — скалой мнѣ будь,
И какъ покроюсь кипарисомъ,
О мнѣ твердить не позабудь[2].
Пусть лирой я, а ты трубою,
Играя, будемъ жить съ тобою,
На Волховѣ какъ чудный шумъ
Тьмой гуловъ удивляетъ умъ.

Увы! лишь въ свѣтѣ вспоминаньемъ 3.
Безсмертенъ смертный человѣкъ:
Нарциссъ жилъ Нимфы отвѣчаньемъ, —
Чрезъ Музъ живутъ піиты ввѣкъ.
Пусть въ персть тѣла ихъ обратятся,
Но вновь изъ персти возродятся,
Какъ ожилъ Пиндаръ и Омиръ
Отъ Данта и Петрарка лиръ.

Такъ, знатна часть за гробомъ мрачнымъ 4.
Останется еще отъ насъ,
А паче свиткомъ безпристрастнымъ
О комъ воскликнетъ Кліинъ гласъ.
Тогда и Ѳивовъ раззоритель[3]
Той самой Званки былъ бы чтитель,
Гдѣ Фебъ бесѣдовалъ со мной.
Потомство воззвучитъ — съ тобой.

1863 г., мы распрашивали мѣстныхъ жителей объ этомъ явленіи, но никто не зналъ о немъ: «отголосокъ встарину, можетъ статься, и былъ въ лѣсу, а теперь тамъ лѣсъ вырубленъ, хоть шаромъ покати» (*Званка и могила Держ.*, *Совр. лѣтоп.* 1863, № 33).

Напечатано, подъ заглавіемъ *Званское эхо*, въ *Соч. и перев. росс. ак.* 1813 г., ч. VI, стр. 172, и потомъ 1816 г., въ ч. V, xxxiv.

[2] О мнѣ твердить не позабудь, —
т. е. какъ историкъ русской литературы: см. Томъ II, стр. 632.

[3] Тогда и Ѳивовъ раззоритель —
Александръ Македонскій, пощадившій въ Ѳивахъ домъ Пиндара.

XXVI. КЪ ЛИДІИ[1].

Скажи мнѣ, Лидія, боговъ
Подъ клятвою прошу, почто ты Сибариса
Любя губишь, что нынѣ онъ
Возненавидѣлъ рать, — пыль, зной сносить могущій?
Почто, надѣвъ броню, верхомъ
Межъ сверстныхъ всадниковъ не ѣздитъ и уздою
Стальнозубчатой не кротитъ
Бурливаго коня, всѣхъ яростнѣйша Галловъ?
Зачѣмъ касаться Тибра онъ
Боится желтыхъ волнъ, и отъ борцовъ елея[2]
Бѣжитъ, отъ яда какъ ехиднъ?
Сожженныхъ зноемъ рукъ, оружіе носящихъ,
Зачѣмъ не кажетъ, всѣмъ хвалясь,
Что пращею своей сподвижниковъ всѣхъ далѣй
Онъ за поставленную цѣль
Пребрасывалъ кружцы тяжелые нерѣдко?
И, древле какъ Ѳетидинъ сынъ
Предъ слезнымъ, жалостнымъ паденьемъ Иліона,
Зачѣмъ онъ прячется отъ войскъ,
Чтобъ и его на брань не увлекли съ собою?

[1] Переведено изъ Горація (кн. I, ода 8) 9 іюля на Званкѣ. Имена Лидіи и Сибариса означаютъ роскошь и изнѣженность. Поэтъ пеняетъ Лидіи, что очарованный ею молодой человѣкъ не участвуетъ болѣе въ забавахъ и упражненіяхъ своего возраста. Шутка относится къ ней, но еще болѣе, кажется, направлена противъ Сибариса. Напеч. 1816 г., въ ч. V, XLV.

[2] ... и отъ борцовъ елея *и проч.*.
т. е. елея, которымъ борцы умащаютъ свои члены. Въ подлинникѣ: «Cur olivum sanguine viprina cautius vitat» ... Ниже *кружецъ* — слово, удачно передающее названіе дискъ.

XXVII. УПОВАНІЕ НА ЗАЩИТУ БОЖІЮ[1].

—

Будь милостивъ ко мнѣ, мой Богъ, 1.
Коль врагъ меня пожрать зіяетъ,
Всякъ день мнѣ бѣдства замышляетъ,
Всякъ день блюдетъ моихъ слѣдъ ногъ
И злобно на меня враждуетъ.

Объемлетъ страхъ, — надежда Ты, 2.
Тобой живу, Тобой хвалюся,
Ты щитъ, броня, — и не боюся.
Мнѣ все, кромѣ Тебя, мечты, —
И что мнѣ человѣкъ возможетъ?

Пусть мыслятъ вредъ мнѣ всякій день, 3.
Твердятъ слова мои съ гнушеньемъ,
Толпятся, ловятъ съ ухищреньемъ,
Мой слѣдъ стрегутъ и тѣнь:
Ихъ тщетенъ трудъ, — Тобой спасуся.

Твой, Боже, перстъ ихъ сломитъ рогъ, 4.
Меня Ты скроешь милосердьемъ,
Слезъ сжалишься моихъ теченьемъ.

[1] Изъ псалма 58. Писано 15 іюля на Званкѣ и въ рукописи сперва озаглавлено: *Надежда въ напастяхъ на Бога.* Напеч. 1816, въ ч. V, xix.

Тогда, никто какъ не помогъ,
Ты не забылъ Твоихъ обѣтовъ.

Убѣгнетъ врагъ, услышавъ то, 5.
Что я Тобою защищаюсь,
Что на Тебя я полагаюсь,
Однимъ Тобой хвалюсь, — и что̀
Тогда злодѣйства мнѣ людскія?

Такъ, — славлю я Тебя, Господь! 6.
Лишь Ты отъ золъ меня избавилъ,
Стеръ слезный токъ, подъялъ, возставилъ
И продлилъ мой еще животъ. —
Тебѣ ль не благоугождаю?

XXVIII. НА ПРЕОДОЛѢНІЕ ВРАГА[1].

—

(Хоръ).

Воскликни Господу, вселенна! 1.
Его святое имя пой!
И ты, о лира восхищенна!
Въ хвалу Ему твой гласъ настрой.
Рцы Богу, коль дѣла Его предивны,
Съ высокой палъ нашъ врагъ стремнины.
Весь міръ Творцу поетъ хвалебный ликъ:
Великъ! великъ! великъ!

Приди и обозри, о смертный! 2.
Непостижимы чудеса:
На чемъ стоятъ столпы несмѣтны,
Держащи землю, небеса;
Зри, обращалъ какъ Богъ понтъ въ сушу,
Какъ хлябь разверзъ, простеръ въ ней путь
И тамъ провелъ живую душу,
И вѣтръ не могъ никакъ гдѣ дуть!

[1] Изъ псалма 65. Сочинено 16 іюля на Званкѣ, вѣроятно по поводу начавшихся, особенно съ весны этого года, дѣятельныхъ приготовленій къ войнѣ съ Наполеономъ. Графъ Joseph de Maistre, сардинскій посланникъ, писалъ изъ Петербурга 15 (27) августа; «Люди, наиболѣе знакомые съ положеніемъ дѣлъ, думаютъ, что война непремѣнно возобновится до окончанія года» (Lettres и проч., т. I, стр. 218). Напеч. 1816 г. въ ч. V, IX.

(Хоръ).

Воскликни Господу, вселенна! 3.
Его святое имя пой!
И ты, о лира восхищенна!
Въ хвалу Ему твой гласъ настрой.
Рцы Богу, коль дѣла Его предивны.
Съ высокой палъ нашъ врагъ стремнины.
Весь міръ Творцу гласитъ хвалебный ликъ:
Великъ! великъ! великъ!

Его всевидящее око 4.
Сквозь безднъ всѣхъ звѣздъ на міръ сей зритъ,
Чтò низко въ немъ и чтò высоко,
Надъ вражеской гордыней бдитъ
И насъ ведетъ къ блаженной жизни,
Стопы склоняя на добро;
Чрезъ брань, бѣды и укоризны
Такъ чиститъ насъ, какъ огнь сребро.

(Хоръ).

Воскликни Господу, вселенна! 5.
Его святое имя пой!
И ты, о лира восхищенна!
Въ хвалу Ему твой гласъ настрой.
Рцы Богу, коль дѣла Его предивны.
Съ высокой палъ нашъ врагъ стремнины.
Весь міръ Творцу гласитъ хвалебный ликъ:
Великъ! великъ! великъ!

Хотя вводилъ Онъ насъ въ напасти 6.
И посылалъ на насъ войны;
Но то Его былъ опытъ власти,
Чтобъ наши наказать вины.
Благословите жъ, всѣ языки,

Днесь Бога нашего, и вы,
Зря чудеса Его велики,
Хвалите, преклоня главы.

(Хоръ).

Воскликни Господу, вселенна! 7.
Его святое имя пой!
И ты, о лира восхищенна!
Въ хвалу Ему твой гласъ настрой.
Рцы Богу, коль дѣла Его предивны.
Съ высокой палъ нашъ врагъ стремнины.
Весь міръ Творцу гласитъ хвалебный ликъ:
Великъ! великъ! великъ!

Придите въ храмъ нашъ и внимайте 8.
Душъ славословія трубу;
Но не на жертвы вы взирайте, —
На искренню Творцу мольбу;
И ежели языкъ неправду
Какую нашъ въ сей часъ изрекъ,
Да удалитъ отъ насъ пощаду
И милость Онъ свою навѣкъ.

(Хоръ).

Воскликни Господу, вселенна! 9.
Его святое имя пой!
И ты, о лира восхищенна!
Въ хвалу Ему твой гласъ настрой.
Рцы Богу, коль дѣла Его предивны.
Съ высокой палъ нашъ врагъ стремнины.
Весь міръ Творцу гласитъ хвалебный ликъ:
Великъ! великъ! великъ!

XXIX. КЪ КАЛЛІОПѢ[1].

Сойди ко мнѣ съ небесъ, царица Калліопа! 1.
И громкою трубой, иль нѣжнымъ звономъ струнъ
Отъ цитры Феба, иль, когда предпочитаешь
Ты голосъ свой всему, — воспой безсмертну пѣснь.

[1] Переведено изъ Горація (кн. III, ода 4) для *Разсужденія о лирич. поэзіи*, какъ примѣръ разнообразія въ планѣ, который нѣкоторые «такъ утаеваютъ, что и угадать трудно». Державинъ прибавляетъ, что толкователи этой оды «донынѣ не согласны, съ какимъ намѣреніемъ она писана». По замѣчанію одного изъ новѣйшихъ комментаторовъ, главная мысль ея — похвала Музамъ, дарующимъ мудрость: сначала поэтъ говоритъ о покровительствѣ, какое онѣ оказываютъ ему, о наслажденіи, доставляемомъ ими цезарю; потомъ, чтобы еще ярче выставить свою идею, онъ противополагаетъ этому мрачный образъ грубой исполинской силы, которая дѣйствуетъ безсознательно и сама себя губитъ (Háукъ въ Кёнигсбергѣ). «Этой одѣ», сказано при переводѣ г. Фета, «съ такимъ же правомъ можно дать заглавіе: Къ Каменамъ или къ цезарю Октавіану; переходы отъ одного предмета къ другому рѣзки, но вы чувствуете внутреннюю связь между ними, и ода производитъ цѣльное впечатлѣніе». Въ объясненіе подробностей, относящихся къ подлиннику, здѣсь не входимъ и отсылаемъ читателя къ примѣчаніямъ, приложеннымъ къ переводу г. Фета (*Оды* Горація, Спб. 1856). Ту же оду перевелъ Востоковъ (*Стихотв.* его, Спб. 1821, стр. 133). Переводъ Державина сдѣланъ по буквальному переводу въ прозѣ, писанному неизвѣстной рукой и найденному нами въ его бумагахъ.

Ср. въ Томѣ I, стр. 503, другую оду *Къ Калліопѣ*, въ которой только начало заимствовано изъ Горація.

Настоящій переводъ напеч. въ *Чт. въ Бес. люб. р. сл.*, 1811, кн. II, № 1, стр. 48, и 1816 г. въ ч. V, XLI.

Уже мнѣ слышится, или я, обаяясь 2.
Прелестною мечтой, брожу въ густой чащи
Священныхъ рощъ и шумъ прохладнаго зефира
И тихій внемлю токъ журчащаго ручья?

Такъ на горѣ Вультуръ, еще въ младенствѣ сущій, 3.
За рубежемъ родной Апуліи моей,
Игрою утомленъ, въ снѣ сладкомъ осѣненный
Таинственно вѣтвьми я былъ отъ голубей.

Всѣмъ населяющимъ вершины Ахероній, 4.
Навѣсисты скалы лѣсныхъ бантійскихъ дебрь
И тучны пажити долинъ низкофорентскихъ,
Казалось жителямъ то нѣкимъ чудомъ, что

Не уязвляемый ни отъ медвѣдей лютыхъ, 5.
Ни черноядныхъ змѣй, подъ злачнымъ лавромъ я
И миртовой въ тѣни почилъ священной рощи. —
Не безъ покрова, знать, боговъ былъ отрокъ смѣлъ.

Меня, любящаго струи и ваши пѣсни, 6.
Ни съ филиппинскихъ рать бѣжавшая полей,
Ни древо адское, ни волны Палинура
Не погубили морь сицильскихъ въ хлябяхъ ихъ.

Я вашъ, Камены, вашъ. — На холмы ли сабински, 7.
Въ прохладный ли Пренестъ, въ пологій ли Тибуръ,
Или въ приморскіе вхожу вертепы байски,
Нигдѣ и ничего, бывъ съ вами, не страшусь.

Доколѣ вы со мной, пловцомъ пущусь охотно 8.
Въ ярящійся Босфоръ, въ пески ливійски пѣшъ,
Британовъ къ странникамъ и Конокановъ свирѣпыхъ,
Піющихъ конску кровь, Донъ скиѳскій посѣщу.

Вы, подвигъ цезаря великаго окончить, 9.
Какъ размышляетъ онъ въ пещерѣ Піэридъ,
И воинство свое шлетъ въ браняхъ утомленно
Во грады на покой, прохладой щедрите.

И днесь, блаженные ему совѣты, кротки 10.
Вдохнувъ, ликуете. — Мы знаемъ, страшный громъ
Чей свергъ Титановъ полкъ; землей и моремъ бурнымъ
Кто правитъ, царствами и смертныхъ и боговъ.

Немалымъ ужасомъ Юпитера смутила 11.
Самонадѣйная та буйна, юна рать,
Что силясь, мышцами подъявъ братосодружно,
Лѣсистый на Олимпъ вскатить вверхъ Пеліонъ.

Но что возмогъ Тифей? — что Мимъ ужасномочный? 12.
Что съ грознымъ станомъ могъ гигантскимъ Порфирьенъ?
Что Ретъ и Энцеладъ, надменно съ корней рвавши
И въ бѣшенствѣ своемъ бросавши дерева?

Противъ эгида что гремящаго Паллады? 13.
И пламенный Вулканъ, царица и небесъ
Стояла Гера гдѣ, и не слагающій вовѣкъ[а]
Съ раменъ своихъ стрѣлогремящій свѣтлый тулъ,

И моющій власы разсыпанны, златые, 14.
Струящися въ ключахъ кастальскихъ чистыхъ водъ
И въ отчихъ родшися витающій дубравахъ
Ликійскихъ, патернскій и дельфскій Аполлонъ?

Лишенна падаетъ благоразумья сила 15.
Подъ бременемъ своимъ. Благоразумьемъ же[б]

[а] ... и не слагающій [*безъ вовѣкъ*] (1811).
[б] ... Благоразумьемъ мощь
Соразмѣряему ...

Мощь размѣряему возводятъ боги выше;
Но ненавистна имъ возставшая на нихъ.

Свидѣтель словъ моихъ да будетъ Гигъ сторукій 16.
И непорочныя Діаны Оріонъ
Помысля на соблазнъ [в]. — Онъ скоро укрощеннымъ
Сталъ въ дерзости своей дѣвической стрѣлой.

На собственныхъ своихъ низверженна чудовищъ 17.
Земля, стеня, скорбитъ о чадахъ тѣхъ ея,
Что сдхнуты молніей во мрачны бездны ада,
И Этна, брошенна на нихъ, еще горитъ.

Нечестіе стрещи опредѣленна птица 18.
Рвать невоздержнаго не престаетъ доднесь
Титія печени, и влюбчива связуютъ
Пиритоя еще трехъ-сотныхъ склепы узъ.

[в] Помнившій на соблазнъ...

XXX. КЪ МЕЦЕНАТУ[1].

Сабинскаго вина, простаго, 1.
Немного изъ большихъ кувшиновъ
Днесь выпьемъ у меня, Меценъ,
Что самъ, на греческихъ винъ гнѣзда
Наливъ, я засмолилъ въ тотъ день,

Когда, любезнѣйшій мой рыцарь, 2.
Народъ тебя встрѣчалъ въ театрѣ
Со плескомъ рукъ, — и громъ отъ хвалъ
Твоихъ съ бреговъ родимыхъ Тибра
Звучалъ сверхъ ватиканскихъ горъ.

Ты у себя вино секубско 3.
И сладки пьешь каленски соки;
Но у меня ихъ нѣтъ, — и гроздъ
Ни форміанскій, ни фалернскій
Моихъ не благовонитъ чашъ.

[1] Переведено изъ Горація (кн. I, ода 20) и включено въ *Разсужд. о лирич. поэзіи.* какъ примѣръ краткости. Напеч. въ *Чт. въ Бес. люб. р. сл.*, 1811, кн. II, № 1, стр. 59, и 1816 г. въ ч. V, XLII.

XXXI. НА ОСВЯЩЕНІЕ ХРАМА КАЗАНСКІЯ БОГОРОДИЦЫ, ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ[1].

—

Ужъ не Ѳавора ль я на рамѣ 1.
По ребрамъ свѣтлыхъ тучъ хожу?
Иль Соломона въ дивномъ храмѣ
Вкругъ изумленный взоръ вожу
По злату, по мусій, порфирамъ,
И къ звонкимъ Сіонитъ[2] псалтирямъ
Клоню вперенны ушеса?
Восторгъ всѣ наполняетъ чувства:
Богатство, красоту искусства,
Отверзты вижу небеса!

[1] Еще императоръ Павелъ опредѣлилъ построить, на мѣстѣ старой церкви Рождества Богородицы (гдѣ былъ образъ Казанской Богоматери), нынѣшній Казанскій Соборъ, утвердилъ составленные академикомъ Ворохиныымъ планы и 14 ноября 1800 года учредилъ, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Строганова, особую коммиссію для построенія храма. Въ 1801 году императоръ Александръ положилъ въ основаніе его первый камень. Десять лѣтъ продолжалось строеніе церкви, и наконецъ 15 сентября 1811 г. она освящена въ присутствіи государя и всей императорской фамиліи (Пушкарева *Описаніе С-пбурга*, ч. I, стр. 170). По мнѣнію Вигеля (*Восп.* его, *Р. Вѣстн.* 1864, № 4, стр. 496), Воронихинъ, бывшій крѣпостной человѣкъ гр. Строганова, въ этомъ произведеніи «ничего не могъ сдѣлать, какъ самымъ сквернымъ почеркомъ переписать намъ Микель-Анджело». Напечат. въ *Чт. въ Бес. люб. р. сл.*, кн. VI, стр. 28, и 1816 г. въ ч .V, xxii.

[2] И къ звонкимъ Сіонитъ ...
«Сіонскія, или духовныя музы». Д. — Ср. Томъ II, стр. 678.

Ни бурь, ни морь, ни громовъ рева 2.
Не внемлетъ, благовѣя, міръ.
Что се? — Святыхъ въ святая Дѣва
Восходитъ, вслѣдъ струя эфиръ!
Глава увѣнчанна звѣздами,
Луна блистаетъ подъ ногами,
Какъ солнце, ясенъ взглядъ и тихъ;
Одѣта неба омофоромъ,
Предстала предъ Всевидца взоромъ, —
И слышу свыше Дѣвы ликъ:

«О вѣчный, Трисвятый 3.
«И непостижный Сый!
«Вселенну наполняяй
«И обитаяй въ храмахъ
«Тобой живыхъ сердецъ,
«Воззри на оны сонмы,
«На чистый ѳиміамъ,
«Тебѣ отъ нихъ куримый,
«И на царя, колѣна
«Преклонша предъ Тобой,
«Который храмъ сей создалъ
«Въ земну обитель мнѣ;
«И будь благопріятенъ
«Народу и ему,
«Какъ въ мирѣ, такъ и въ брани,
«Чтобъ угождалъ Тебѣ.»

И се, въ подобьи голубинѣ, 4.
Свѣтъ милый, радостный очамъ,
По синей низлетѣлъ равнинѣ,
Какъ алыхъ зарь отливъ, на храмъ!
Не духъ ли то святый съ горъ звѣздныхъ
Нисшелъ на домъ молитвы вѣрныхъ

Для проявленія чудесъ?
О знаменіе непостижно!
Россія будетъ неподвижно
Подъ кровомъ цвѣсть благихъ небесъ!

Такъ, если силой теплой вѣры 5.
Мы и невидимое зримъ,
Мой духъ сквозь недостижны сферы,
Какъ огнекрылый Серафимъ,
Паритъ въ обитель душъ блаженныхъ
И въ чувствахъ тонкихъ, безмятежныхъ
Молитвы слышитъ ихъ за насъ.
Передъ судебъ святымъ ковчегомъ
Давидъ по струнамъ перстовъ бѣгомъ
Отъ гуслей льетъ сладчайшій гласъ:

«О Боже! что есть тварь, 6.
«Какъ бренный человѣкъ?
«Дни въ суетѣ проводитъ
«И, цвѣтъ какъ, увядаетъ;
«Но помнишь Ты его
«И только отличаешь
«Отъ Ангелъ мало тѣмъ,
«Что мракъ земный онъ долженъ
«Пройти стезею тернья,
«И въ Твой одѣться свѣтъ.
«Пошли жъ на то Ты силы
«Народу и царю,
«Кой въ храмѣ прибѣгаетъ
«Семъ съ вѣрою къ Тебѣ:
«Да благостію носитъ
«Твой образъ на земли!»

XXXII. ЖИЛИЩЕ БОГИНИ ФРИГГИ[1].

1812.

(Хоръ.)

Боги любятъ добродѣтель, 1.
Сердце вѣрное хранятъ.
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе наградъ.

[1] Къ объясненію этого стихотворенія служитъ слѣдующее письмо Державина къ графу Петру Гавриловичу Головкину (егермейстеру и дѣйствительному камергеру) отъ 7 февраля 1812 года: «Въ бытность мою прошлый разъ въ Гатчинѣ далъ я слово вашему сіятельству написать что-нибудь въ альбаумъ государынѣ императрицѣ; но тогда за краткостію времени не могъ. Пріѣхавши же домой, тотчасъ исполнилъ; но за нездоровьемъ моимъ не имѣлъ силъ въ прошедшую субботу пріѣхать для поздравленія ея высочества государыни великой княжны съ днемъ ея ангела *. Теперь препровождаю балладу. Аллегорическое содержаніе ея относится: 1-е, на уединенное положеніе Гатчина; 2-е, на военный арсеналъ, гдѣ государыня изволила устроить прекрасную пріемную залу; 3-е, на воспитаніе великихъ князей и княжны; а наконецъ 4-е, вообще на моральную цѣль, что премудрость живетъ въ уединеніи, и храмъ блаженства или славы достигается превозможеньемъ трудныхъ путей опытами добродѣтелей и терпѣніемъ. Ежели таковое сочиненіе благоугоднымъ покажется, то ко мнѣ ли прислать изволите альбаумъ, или мнѣ къ вамъ пріѣхать для написанія въ немъ сего маловажнаго произведенія? Я признаюсь, что оно необыкновенными и трудными стихами написано, не можетъ и показаться вдругъ по нѣкоторымъ особливо мрачнымъ идеямъ; но мнѣ хотѣлось во вкусѣ Оссіана тѣхъ временъ и тѣхъ странъ сличить нѣчто, когда Скандинавы съ Дуная перешли на сѣверъ. Итакъ, — прежде нежели вы изволите сдѣлать изъ сей піесы какое употребле-

* Анны Павловны, 3 февраля.

(Пѣвецъ).

Брагге, духъ поэзіи незримый [2],
Скальда за руку схватя, повелъ [3]
Чрезъ дремучій лѣсъ непроходимый
Въ хладны тундры, — сѣвера въ предѣлъ [4].

ніе, — покорно прошу показать оную Григорію Ивановичу Вилламову *, Николаю Исаевичу Ахвердову ** и господину Шторху ***, какъ знатокамъ этого дѣла, и спросить ихъ замѣчанія и совѣта: буде они найдутъ что̀ непріятное, то можно перемѣнить или все сочиненіе вовсе уничтожить. Мое намѣреніе было только одна усердная готовность исполнить предложеніе ваше, къ благоугодности той, которую мы обожаемъ».

Объ источникахъ знакомства Державина съ скандинавскою поэзіей, изъ которой заимствованы образы въ этой пьесѣ, было уже говорено въ II-мъ Томѣ, стр. 271. *Жилище богини Фригги* въ рукописи названо *балладою* (о значеніи, въ какомъ Державинъ принималъ это слово, см. ниже прим. 1 къ пьесѣ *Царь-дѣвица*). Напечатано 1816 г. въ ч. V, xxxv, съ нѣсколькими подстрочными примѣчаніями, которыя мы помѣщаемъ и здѣсь, присовокупляя, гдѣ нужно, свои поясненія.

«Фриггія — скандинавская богиня премудрости, царица неба и матерь всѣхъ боговъ». Д. — *Фригга* (Frigg или Frygg), супруга Одина, высшая изъ всѣхъ богинь.

[2] Брагге, духъ поэзіи незримый.

«Брагге, геній поэтовъ, или Аполлонъ». Д. — *Браге*, сынъ Одина; въ его вѣдѣніи поэзія и краснорѣчіе; онъ самъ превосходнѣйшій поэтъ и исполненъ мудрости.

[3] Скальда за руку схватя, повелъ.

«Скальдъ — поэтъ». Д. — Въ скандинавскихъ языкахъ слово *скальдъ* до сихъ поръ означаетъ всякаго поэта.

[4] Въ хладны тундры, — сѣвера въ предѣлъ.

«Тундры — трясины, или зыбучія болота». Д. — Это сѣверно-финское слово, употребленное Державинымъ еще въ 1788 г., въ одѣ *Осень во время осады Очакова* (Ушелъ олень на тундры мшисты), сдѣлалось ему

* Главное лицо при собственной канцеляріи императрицы, д. ст. сов.

** Кавалеръ при воспитаніи великихъ князей Николая и Михаила, генералъ-лейтенантъ.

*** Андрею Карловичу; онъ былъ въ то время наставникомъ великой княжны Анны Павловны; академикъ (род. 1766, ум. 1835), извѣстный своими сочиненіями по статистикѣ и политической экономіи. Его мнѣніе о Державинѣ см. Томъ I, стр. 158 и слѣд.

Сосны вкругъ его стояли снѣжны,
Висли вѣтви и листы предъ нимъ,
Заграждали стези, виды смежны,
И онъ небомъ виденъ былъ однимъ.

Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранятъ.
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе наградъ.

Брагге скальда мчалъ сквозь дебри темны. 2.
Въ ужасѣ безъ чувствъ скальдъ трепеталъ,
Вои слыша волчьи, врановъ стоны
И зря древъ съ вершинъ, какъ огнь сверкалъ
Въ взорахъ синихъ рысей, пестроблѣдныхъ,
Злящихся втай на него напасть,
И медвѣдей, изъ берлоговъ земныхъ
Раззѣвавшихъ въявь кроваву пасть.

Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранятъ.
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе наградъ.

Но коль паче скальдъ тѣмъ устрашился, 3.
Что, бывъ вихремъ въ облакѣ несенъ,
Вмигъ изъ лѣса въ замкѣ очутился,
Башнями, стѣнами окруженъ,
Гдѣ чугунными драконы ртами

извѣстнымъ, вѣроятно, во время олонецкаго губернаторства (1785). Въ спискѣ словъ на букву Т, составленномъ имъ передъ тѣмъ для словаря россійской академіи, этого имени нѣтъ. По-фински *tùnturi* значитъ собственно скала. По словарю Соколова, *тундра* — «безлѣсное мѣсто, поросшее мхомъ». Ср. выше стр. 33.

Огнь и громъ бросая, воздухъ жгли, —
Скрежеталъ морозъ, стуча зубами, —
И пустынный градъ сей стерегли.

Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранятъ.
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе наградъ.

Ужъ не въ станѣ ль древнихъ Скандинавовъ, 4.
Въ области Варяговъ, думалъ скальдъ,
Бранныхъ средь племенъ Скиѳо-Славяновъ, —
Гдѣ, о Скада! высился твой градъ[5],
И твои молніеносны руки
Всей землѣ отколь бросали брань, —
Рюрики сбирали славы звуки,
Кости царствъ и кровь Одину въ дань[6]?

Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранятъ.
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе наградъ.

Идетъ въ темные пѣвецъ проходы 5.
Сквозь кругловерхихъ вратъ, межъ столповъ
Подъ гранитны, мшисты, древни своды,
За скрыпучихъ сто дверей, замковъ,

[5] Гдѣ, о Скада! высился твой градъ.

«Скада, богиня вреда, молніи и грому». Д. — Это значеніе придано Скадѣ, кажется, произвольно, по смыслу нарицательнаго имени skada (вредъ). Skade — прекрасная дочь одного великана, супруга Ніорда и мать Фреи, богини красоты (Nordisk Mythologi af N. M. Petersen, Копенгагенъ 1849, и Nordiskt Myth. Lexikon, af W. Stålberg, Стокгольмъ 1844).

[6] Кости царствъ и кровь Одину въ дань.

«Одинъ, главный богъ Скандинавовъ (Юпитеръ)». Д.

За желѣзныя рѣшетки ржавы,
Дня гдѣ свѣтъ, ни солнца не блеститъ.
«Ахъ! не Локке ль подъ землей кровавый [7]
«Здѣсь свое оружіе хранитъ?

Боги любятъ добродѣтель
Сердце вѣрное хранятъ.
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе наградъ.

«Не Тевтоновъ ли тамъ зрятся гряды 6.
«По стѣнамъ мечей, щитовъ, кольчугъ,
«Ратоборны страшные наряды,
«Потрясающіе умъ и духъ?»
Возстаютъ ужъ быстрые Полканы [8],
Пѣши въ бубны рыцари стучатъ,
Копьями, сѣкирами въ грудь раны
Дать ему, главу срубить грозятъ!...

Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранятъ.
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе наградъ.

Скальдъ упалъ полмертвымъ; — но незапно 7.
Въ мрачный взоръ его проникнулъ лучъ,
Возвратился духъ его обратно.
Онъ взглянулъ, и межъ полночныхъ тучъ

[7] Ахъ! не Локке ль подъ землей кровавый.
«Локке, богъ ада, или Плутонъ». Д. — *Локе*, богъ зла.

[8] Возстаютъ ужъ быстрые Полканы.
О Полканахъ см. одно изъ нашихъ примѣчаній къ слѣдующему за симъ стихотворенію *Царь-дѣвица*. При распространенныхъ во время Державина историческихъ и этнографическихъ понятіяхъ естественно было смѣшеніе древнерусскихъ и скандинавскихъ сказаній. То же увидимъ ниже, подъ 1813 г., въ стихотвореніи *Новогородскій волхвъ Злогоръ*.

Зрѣлъ сіяніе неизреченно
Неисчетныхъ тысящей лампадъ. —
«Зришь ли царство», Брагге рекъ, «священно,
«Доблестей священныхъ вертоградъ?

Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранятъ.
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе наградъ.

«Травы, купины, древа пахучи, 8.
«И зимою здѣсь цвѣты цвѣтутъ;
«Птицы райски, день и ночь поющи,
«Тоны мусикійски слухъ влекутъ
«Къ чувствамъ кроткимъ, тихимъ, безмятежнымъ
«Витязей младыхъ и юныхъ дѣвъ, —
«Къ подвигамъ клоня ихъ славнымъ, нѣжнымъ;
«Здѣсь витаетъ съ агнцемъ вкупѣ левъ.

Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранятъ.
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе наградъ.

«Подъ небесъ здѣсь вкругъ сапфирнымъ сводомъ 9.
«Горы, зрѣлища, сады видны;
«Сельски дѣвы часто хороводомъ
«Съ Валками златы проводятъ дни[9],
«Важность съединяя съ утѣшеньемъ;
«Словомъ: здѣсь всѣ счастливо живутъ, —
«И цвѣты, какъ солнца свѣтлымъ зрѣньемъ,
«Фриггіей животворясь, растутъ.»

[9] Съ Валками златы проводятъ дни.
«Валки, музы». Д. — См. Томъ II, стр. 272.

Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранятъ.
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе наградъ.

Кто жъ та Фригга? гдѣ ея владѣнье? 10.
Брагге скальдъ спросилъ. — «Здѣсь она живетъ:
«Мудрость царствуетъ въ уединеньѣ,
«Образуетъ душъ изящныхъ въ свѣтъ».
Такъ, — во старца превратясь, — съ смиреньемъ
Скальду стихотворства богъ сказалъ:
«Чрезъ путь трудный опытомъ, терпѣньемъ
«Входятъ только смертныя въ Валкалъ[10].»

Боги любятъ добродѣтель,
Сердце вѣрное хранятъ.
Благъ, щедротъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе наградъ.

[10] Входятъ только смертныя въ Валкалъ.
«Валкалъ, чертогъ блаженствъ, или рай храбрыхъ». Д. — См. тамъ же.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Примѣчаніе 1.

Въ «Народныхъ русскихъ сказкахъ», изданныхъ А. Н. Аѳанасьевымъ, сказка подъ этимъ названіемъ встрѣчается въ двухъ видахъ (выпускъ V, № 42, и вып. VIII, № 13; ср. тамъ же стр. 448); но обѣ редакціи не представляютъ ничего общаго съ стихотвореніемъ Державина, и въ нихъ лицо *Царь-дѣвицы* является совершенно безцвѣтнымъ. Почти то же можно замѣтить и о сказкѣ, которая напечатана отдѣльно (М. 1820) подъ заглавіемъ: «Утица златокрылая, или сказка о Петрѣ-царевичѣ и супругѣ его Царь-дѣвицѣ». Здѣсь эта героиня, иногда обращающаяся въ утицу, охарактеризована только слѣдующими, произносимыми ею словами: «Я Царь-дѣвица, владѣю въ тридесятомъ государствѣ, имѣю много злата, сребра и разныхъ драгоцѣнностей; теперь ищу себѣ мужа: ты, Петръ-царевичъ, не женатъ? коль хочешь, такъ женись на мнѣ.» — Въ комической оперѣ Екатерины II *Храбрый и смѣлый витязь Ахридѣичъ* Царь-дѣвица — одно изъ дѣйствующихъ лицъ, именно невѣста Ивана-царевича; но и тутъ вся ея роль ограничивается тѣмъ, что она идетъ со всѣмъ своимъ дворомъ съ крыльца на встрѣчу своему жениху, угощаетъ его и по его просьбѣ велитъ колдуну, который заключенъ у нея въ темномъ погребѣ, освободить сестрицъ Ивана-царевича, Луну и Звѣзду, изъ рукъ Медвѣдя-молодца и Морскаго Чуда.

Прочитавъ *Царь-дѣвицу* Державина, всякій увидитъ, что идея его разсказа должна быть заимствована изъ какого-нибудь другаго источника. Мы уже указали разъ (см. Томъ II, стр. 214) на *Русскія сказки* Чулкова какъ на книгу, съ которою нашъ поэтъ былъ знакомъ. Здѣсь, въ *повѣсти объ Алешѣ Поповичѣ* (ч. I, стр. 187 и слѣдд.) находимъ и эпизодъ, откуда могли возникнуть образы, представленные Державинымъ. Алеша Поповичъ, родившійся, по этой сказкѣ, въ *Поруссіи* отъ Чурилы Пленковича и Прелѣпы, жены тамошняго жреца, за проказы свои изгнанъ изъ края и отправляется въ Кіевъ. Дорогою, на поляхъ Литвы, онъ видитъ шатеръ и узнаетъ отъ стоящаго передъ входомъ связаннаго невольника, что въ шатрѣ опочиваетъ Царь-дѣвица: «она ѣздитъ по свѣту, побиваетъ богатырей и недавно, проѣзжая русскою землею, надѣлала ужасныя раз-

зоренія. Меня», прибавляетъ невольникъ, «послали противъ нея съ тысячью ... мнѣ приказано было привести ее живую въ Кіевъ; но она перелущила моихъ всадниковъ и меня взяла въ плѣнъ ... Въ первый день покусился я было уйти; но Царь-дѣвица догнала меня и отвѣсила мнѣ ударовъ пять плетью, отъ коихъ я съ недѣлю съ мѣста не вставалъ и заклялся больше не бѣгать». Алеша освобождаетъ тысяцкаго, а самъ входитъ въ шатеръ, чтобы отмстить за русскую землю. Царь-дѣвица спала крѣпкимъ сномъ; богатырь, пораженный ея красотою, привязываетъ ее къ кровати; отъ его поцѣлуевъ она просыпается съ гнѣвомъ и угрозами, хочетъ его преслѣдовать; но онъ, взявъ ея оружіе и доспѣхи, скачетъ въ Кіевъ на ея конѣ. Здѣсь онъ открылся Чурилѣ Пленковичу, былъ признанъ имъ за сына и принятъ милостиво Владиміромъ въ услуженіе. Вскорѣ Царь-дѣвица, исполняя свои угрозы, явилась предъ стѣнами Кіева, начала опустошать его окрестности, вызывала богатырей и требовала выдачи виноватаго. Алеша признался, что онъ виноватый, и обѣщалъ, безъ всякаго сраженія, побѣдить богатырку и привести ее въ Кіевъ. Царь-дѣвица стояла въ шатрѣ своемъ въ заповѣдныхъ лугахъ княжескихъ. Алеша пошелъ пѣшъ, безъ всякаго оружія, только съ перстнемъ, который подарилъ ему одинъ спасенный въ пути Полякъ и съ помощію котораго онъ могъ становиться невидимкой. Такъ вошелъ онъ въ шатеръ, гдѣ лежала красавица. Пробужденная опять его ласками, она смутилась, требовала, чтобъ невидимка открылся; узнавъ, что это ея оскорбитель, дерзкій Алеша Поповичъ, она сперва разсердилась, но потомъ, когда онъ себя назвалъ духомъ-хранителемъ этого богатства, когда объявилъ себя ея невольникомъ, то она призадумалась ... Наконецъ, когда онъ ей явился въ тѣлесномъ своемъ образѣ и бросился передъ нею на колѣни, «она уже не считала благопристойнымъ мстить духу-хранителю за вину того, коего онъ представлялъ образъ», и довольствовалась одними укорами. «Хитрый богатырь умѣлъ пользоваться выгодами сего обстоятельства и довершилъ побѣду. Онъ получилъ прощеніе на самыхъ необходимыхъ условіяхъ — быть ея супругомъ, и Царь-дѣвица не раскаялась, потуша опасный огнь своего мщенія.»

Любопытно, что подобное преданіе, съ разными видоизмѣненіями, существуетъ и у другихъ народовъ. Въ героическихъ сказаніяхъ минусинскихъ Татаръ, метрически переложенныхъ на нѣмецкій языкъ академикомъ Шифнеромъ *, является нѣсколько разъ *Ханъ-дѣвица* (die Chanenjungfrau) — «великая героиня: она ѣздитъ въ большой колесницѣ на сорока колесахъ, запряженной сорока конями; отъ ѣзды ея дрожитъ земля, колеблется море». Она живетъ въ шатрѣ, который стерегутъ

* Heldensagen der minussinschen Tataren, St. Petersburg, 1859 (см. стр. 115, 247 и 300).

шестдесятъ побѣжденныхъ ею героевъ, и никто не можетъ ей противоборствовать; наконецъ однакожъ богатырь Канакъ-Калешъ побѣждаетъ ее; но, избивъ Ханъ-дѣвицу до полусмерти, онъ возвращаетъ ей жизнь и становится ея мужемъ.

Что̀ могло подать Державину поводъ къ сочиненію этой пьесы, названной въ его рукописяхъ *романсомъ* и отличающейся во многихъ отношеніяхъ отъ всего, что онъ до тѣхъ поръ писалъ *? Съ 1811 года, когда была учреждена «Бесѣда любителей русскаго слова», онъ сочинялъ для публичныхъ чтеній *Разсужденіе о лирической поэзіи* и поэтому много занимался теоріею разныхъ отраслей ея. Разсматривая оперу, онъ между прочимъ говорилъ: «У насъ изъ славянскаго баснословія, сказокъ и пѣсень, древнихъ и народныхъ, писанныхъ и собранныхъ гг. Поповымъ, Чулковымъ, Ключаревымъ и прочими ..., много заимствовать можно чудесныхъ происшествій». Ключаревъ издалъ въ 1804 году, подъ заглавіемъ *Древнія русскія стихотворенія*, собраніе былинъ, дополненное впослѣдствіи Калайдовичемъ. Какъ смотрѣлъ Державинъ на эти произведенія, видно изъ собственныхъ словъ его. Отдавъ справедливость русскимъ народнымъ пѣснямъ, онъ продолжаетъ: «Но относительно древнихъ пѣсней, изданныхъ г. Ключаревымъ, ... то въ нихъ нѣтъ почти поэзіи, ... онѣ одноцвѣтны и однотонны. Въ нихъ только господствуетъ гигантескъ, или богатырское хвастовство, какъ въ хлѣбосольствѣ, такъ и въ сраженіяхъ, безъ всякаго вкуса. Выпиваютъ однимъ духомъ по ушату вина, побиваютъ тысячи бусурмановъ трупомъ одного, схваченнаго за ноги, и тому подобная нелѣпица, варварство и грубое неуваженіе женскому полу изъявляющая». Естественно предположить, что Державинъ, недовольный былинами, захотѣлъ попытаться написать по-своему что-нибудь въ томъ же родѣ. Такъ какъ онъ о *романсѣ*, въ своемъ «Разсужденіи», упомянулъ только мимоходомъ и выразилъ намѣреніе посвятить особое сочиненіе разсмотрѣнію новѣйшихъ видовъ лирики, то очень возможно, что *романсъ Царь-дѣвица* былъ имъ заранѣе приготовленъ, какъ примѣръ къ теоріи этого вида. Поэтическая разработка древнихъ народныхъ сказаній не была чужда уже и тогдашней литературѣ. Мы не говоримъ здѣсь о *способѣ*, какъ она производилась; довольно того, что идея ея существовала. Въ этомъ еще Екатерина II подавала примѣръ другимъ писателямъ. Самъ Державинъ, можетъ быть, подъ вліяніемъ *Добрыни* Львова (см. Томъ II, стр. 462), написалъ въ 1804 г. драматическое сочиненіе въ родѣ оперы, названное имъ также *Добрыня*. Изъ подобной мысли проистекла и *Царь-дѣвица*, довольно выдержанная въ основномъ своемъ характерѣ, хотя однажды и встрѣчаются въ ней «нимфы» (въ смыслѣ дѣвушекъ) рядомъ съ «Полканами».

* Романсъ *Лучъ*, см. Томъ II, стр. 656, былъ написанъ имъ по чужой идеѣ.

Что касается отнесенія пьесы *Царь-дѣвица* къ романсу, то замѣтимъ, что въ то время не одинъ Державинъ ошибочно понималъ это названіе; тогдашняя піитика иногда еще смѣшивала понятія *романсъ* и *баллада*. Эшенбургъ говоритъ: «Къ пѣснѣ относится также романсъ или баллада, которые по содержанію своему принадлежатъ къ повѣствовательному, а по формѣ къ лирическому роду. Обыкновенно предметомъ этого вида поэзіи бываетъ замѣчательное, или по изложенію поэта дѣлающееся замѣчательнымъ, происшествіе страстнаго, трагическаго, чудеснаго, любовнаго или только веселаго и шуточнаго характера». Онъ прибавляетъ, что между романсомъ и балладой нѣтъ существеннаго различія и отвергаетъ мнѣніе, будто романсъ долженъ имѣть содержаніе комическое, а баллада — трагическое *. Между тѣмъ Державинъ по видимому именно принималъ это раздѣленіе, потому что другое стихотвореніе того же рода, но болѣе мрачнаго настроенія: *Новогородскій волхвъ Злогоръ* (см. ниже) названо у него «балладой». Не надобно впрочемъ забывать, что на этомъ поприщѣ Жуковскій предупредилъ Державина своими первыми балладами: «Людмила» была написана въ 1808 году, а «Свѣтлана» въ 1811. Именно этотъ примѣръ могъ привлечь на ту же стезю и Державина, который ни въ одномъ родѣ поэзіи не хотѣлъ уступать другимъ пальму первенства, къ чему способствовалъ епископъ (впослѣдствіи митрополитъ) Евгеній, который однажды, въ письмѣ 1809 г., совѣтовалъ ему подражать Горацію во всемъ, «то есть, попытаться бы и въ эпистолѣ и въ сатирѣ, дабы и въ семъ не «уступить римскому пѣвцу». На занятія Державина въ области баллады могло дѣйствовать вліяніе съ этой же стороны. Вотъ какъ Евгеній возражалъ на приведенное выше замѣчаніе Державина о былинахъ: «Напрасно вы относите къ пѣснямъ *Древнія русскія стихотворенія* Ключарева. «Они суть не что иное, какъ сѣверныя *баллады* или *романсы*, какъ и сами «вы прежде сказали. Гигантескъ, или увеличиваніе, и повтореніе въ нихъ «есть сущій сѣверный скандинавскій вкусъ. Хвастовство силою и попойками есть того же происхожденія. Гаральдъ, норвежскій принцъ, «воспитывавшійся при дворѣ Ярославовомъ въ Новѣгородѣ и Кіевѣ, также «хвастается силою своею. Самая дикость и грубость нравовъ, изображенныхъ въ сихъ стихотвореніяхъ, доказываетъ древность сей поэзіи, «хотя вы и вѣроятно заключаете, что стихотворенія сіи въ татарскомъ «вѣкѣ уже писаны, по крайней мѣрѣ духомъ древнѣйшихъ сихъ временъ. «Въ нашихъ лѣтописяхъ видно, что праотцы наши были піяки и забіяки. «Древнія наши русскія сказки прозаическія такого же вкуса. А потому «какъ сказки сіи, такъ и стихотворенія Ключарева почитаю я драгоцѣн-

* Entwurf einer Theorie u. Literatur der schönen Wissenschaften, Берлинъ, 1789, стр. 161. Разсказъ Шиллера «Der Kampf mit dem Drachen» (у Жуковскаго *Сраженіе съ змѣемъ*) названъ въ подлинникѣ «Romanze».

«ными для насъ, хотя и испорченными остатками нашей древности» (см. въ нашемъ изданіи переписку Державина съ Евгеніемъ).

Царь-дѣвица писана на Званкѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ; напечатана 1816 г. въ ч. V, XXXVII.

Прилагаемъ и первоначальную редакцію начала этой пьесы, набросанную на оборотѣ одного дѣловаго письма отъ И. Наумова, писаннаго 27 января 1812 года.

РОМАНСЪ.

Въ русскомъ царствѣ всѣмъ извѣстно,
Что былъ-жилъ Дѣвица-царь,
Что ея лицо прелестно
Отливалось блескомъ зарь;

Что душа въ ней голубина
Тихій какъ зефиръ была,
Грудь — высока лебедина:
Она ангеломъ слыла;

Что ума ея безмѣрна
Ни сказать, ни описать;
Чувства сердца благовѣйна
Сердцемъ могъ лишь всякій знать;

Что сонмъ въ небѣ звѣздъ горящій
И песокъ на днѣ морскомъ
Какъ на персяхъ былъ блестящій
Ея жемчугъ;

Что, живъ въ теремѣ высокомъ,
Былъ всевѣдущъ ея духъ,
Ей коснись кто слухомъ, окомъ, —
Раздавался гуслей звукъ.

XXXIII. ЦАРЬ-ДѢВИЦА[1].

Царь жила-была Дѣвица, 1.
Шепчетъ русска старина:
Будто солнце свѣтлолица,
Будто тихая весна.

Очи свѣтлы голубыя, 2.
Брови черныя дугой,
Огнь — уста, власы — златые,
Грудь — какъ лебедь бѣлизной.

Въ жилкахъ рукъ ея пуховыхъ, 3.
Какъ эфиръ, струилась кровь;
Между розъ, зубовъ перловыхъ,
Усмѣхалася Любовь.

Родилась она въ сорочкѣ 4.
Самой счастливой порой,
Ни въ полудни, ни въ полночкѣ, —
Алой, утренней зарей.

Кочетъ хлопалъ на нашестѣ 5.
Крыльями, крича сто разъ:
Сѣверной звѣзды на свѣтѣ
Нѣтъ прекраснѣй, какъ у насъ.

Маковка злата церковна 6.
Какъ горитъ средь красныхъ дней,
Такъ священная корона
Мило теплилась на ней,

И вливала чувство тайно 7.
Съ страхомъ чтить ее — дивясь:
Къ ней придти необычайно
Было не перекрестясь.

На нее смотрѣть не смѣли 8.
И великіе цари;
За рѣшеткою сидѣли
На часахъ богатыри.

И Полканы всюду чудны[2] 9.
Домъ стрегли ея и тронъ;
Съ колоколенъ самогудный
Слышался и ночью звонъ.

[2] И Полканы всюду чудны.

Полканы, по толкованію нашихъ прежнихъ миөологовъ, родъ русскихъ кентавровъ. Кайсаровъ (М. 1810) называетъ Полкана иначе *полуконь*. Ср. Томъ II, стр. 214. Въ сказкѣ о Бовѣ Королевичѣ богатырь Полканъ, имѣющій такой же видъ, «скачетъ всякій скокъ по семи верстъ» и становится названымъ братомъ Бовы. Оттуда стихъ Державина въ *Фелицѣ:* «Полкана и Бову читаю» (Томъ I, стр. 139). По замѣчанію г. Пыпина, «самымъ характернымъ представителемъ рыцарскихъ романовъ, переведенныхъ у насъ встарину, можно назвать *Исторію Бовы Королевича*, которая хотя и сдѣлалась теперь почти синонимомъ пошлости и вульгарности, стоитъ однако внимательнаго разбора. Это конечно древнѣйшій между извѣстными у насъ западными романами, и потому любопытнѣйшій для историка популярной литературы» (*Учен. Зап.* 2-го отд. ак. наукъ, кн. IV, стр. 244). По изслѣдованію г. Пыпина, сказка эта есть сокращенная передѣлка италіянской редакціи рыцарскаго романа, относящагося къ циклу сказаній о Карлѣ Великомъ и внесеннаго въ знаменитую поэму-хронику среднихъ вѣковъ, Reali di Francia. Въ подлинникѣ заглавіе повѣсти: Buovo d' Antona. Происхожденіе нашего Полкана видно изъ слѣдующаго буквальнаго перевода нѣсколькихъ строкъ подлинника: «Одинъ, по имени Pulicane, былъ получеловѣкъ, полусобака, къ низу отъ середины собака, къ верху человѣкъ». Этотъ Пуликане бѣгалъ такъ шибко, что никакой другой звѣрь не могъ догнать его, и говорилъ очень хорошо; онъ былъ сынъ собаки и христіанки, владѣтельницы армянскаго города Каппадокіи. См. также въ *Современникѣ* 1841 г. (т. XXI) *Витязь Бова*, переводъ съ италіянскаго, и въ *Молвѣ* 1857, № 18, замѣтку Хомякова.

Теремъ былъ ея украшенъ 10.
Въ солнцахъ, въ мѣсяцахъ, въ звѣздахъ;
Отливались блески съ башенъ
Во осми ея моряхъ[3].

Въ рощахъ злачныхъ, въ лукоморьѣ 11.
Въявь гуляла и въ саду,
Лѣтомъ въ лодочкѣ на взморьѣ,
На санкахъ зимой по льду.

Конь подъ ней, какъ вихрь, крутился, 12.
Чувъ дѣвицу ѣздока;
Полкъ за нею нимфъ тащился
По слѣдамъ издалека.

Козъ и зайцевъ быстроногихъ 13.

[3] Во осми ея моряхъ.

Какъ изъ этого, такъ изъ другихъ мѣстъ пьесы видно, что Державинъ представляетъ себѣ Царь-дѣвицу владѣтельницей всей Россіи. Восемь морей окружаютъ у него и престолъ Фелицы:

Какъ восемь бы зерцалъ стояли
Ея великія моря (см. Томъ I, стр. 274).

Уже Ломоносовъ говорилъ о *семи моряхъ:* у него, въ одѣ на взятіе Хотина, Анна Ивановна —

«Седми пространныхъ морь береговъ
Надежда, радость и богиня» (*Соч.* Лом., ч. I, стр. 44).

У него же, въ 3-й одѣ, и Елисавета Петровна —

«Богиня, коея державу
Обнять не могутъ седмь морей» (тамъ же, стр. 61).

Миръ въ Кучукъ-Кайнарджи, 1774 г., прибавилъ къ счету еще одно море — Черное. Прежнія семь были: Ледовитый океанъ, Бѣлое море, Балтійское, Азовское, Каспійское, Охотское, или, по тогдашнему, Пенжинское *, и Восточный океанъ. По поводу *осми морей* Державина Гоголь, замѣчая, что все у него величаво, прибавляетъ между прочимъ: «величава Россія, созерцающая себя въ осми моряхъ своихъ». *Соч. и письма* Гоголя, т. III, стр. 141).

* См. *Слово о явленіяхъ воздушныхъ* и проч. въ *Соч.* Лом. (Смирд. изд. ч. II, стр. 46).

Страсть была ея гонять,
Гладить ланей златорогихъ
И деревъ подъ тѣнью спать.

Ей ни мошки не мѣшали, 14.
Ни кузнечики дремать;
Тихо вѣтерки порхали,
Чтобъ ее лишь обвѣвать.

И по вѣткамъ птички райски, 15.
Скакивалъ заморской котъ,
Пѣли соловьи китайски
И жужукалъ водометъ.

Статно стоя, няньки, мамки 16.
Одаль смѣли чуть дышать,
И бояръ къ ней спозаранки
Въ спальню съ дѣломъ допущать.

Съ ними такъ она вѣщала, 17.
Какъ изъ облакъ божество;
Лежа царствомъ управляла,
Ихъ журя за шаловство.

Иногда же и тазала 18.
Не однимъ ужъ язычкомъ:
Если больно разсерчала,
То — по кудрямъ башмачкомъ.

Всѣ они Царя-дѣвицы 19.
Такъ боялись, какъ огня,
Крыли, прятали ихъ лицы
Отъ малѣйшаго пятна.

И безъ памяти любили, 20.
Что безхитростна была;
Ей неправдъ не говорили,
Что сама имъ не лгала.

Шила ризы золотыя, 12.
Сплошь низала жемчугомъ,
Маслила брады сѣдыя
И не ссорилась съ умомъ.

Жить давала всѣмъ въ раздольѣ, 22.
Плавали какъ въ маслѣ сыръ;
Ѣздила на богомолье, —
Божествомъ ее всякъ чтилъ[4].

Всѣ поля ея златились 23.
И шумѣли подъ серпомъ,
Тучныя стада водились,
Горы капали сребромъ.

Слава добраго правленья 24.
Разливалась всюду въ свѣтъ;
Всѣ кричали съ восхищенья,
Что ея мудрѣе нѣтъ.

Стиходѣи ту жъ бряцали 25.
И на гусляхъ милу ложь;
Въ царствахъ инишихъ повторяли[5]
О Царѣ-дѣвицѣ тожъ.

И отъ этого-то грому 26.
Поднялись къ ней женихи
Вереницей къ ея дому,
Какъ фазаньи пѣтухи.

Царствъ за тридевять мудруя, 27.
Вымышляли, какъ хвалить;

[4] Божествомъ ее всякъ чтилъ.

Эта и слѣдующія строфы написаны какъ будто съ мыслію о Екатеринѣ II или Елисаветѣ Петровнѣ.

[5] Въ царствахъ инишихъ повторяли.

Инишій — областное и древнее слово: иной, чужой.

Вздохами любовь толкуя,
Къ ней боялись подступить.

На слонахъ и на верблюдахъ 28.
Ханъ иной дары ей шлетъ,
Подъ ковромъ на хинскихъ блюдахъ,
Камень съ гору самосвѣтъ.

Тотъ эдемскаго индея[6], 29.
Гребень — звѣздъ на немъ наростъ,
Пурпуръ — крылья, яхонтъ — шея,
Изумрудный — зобъ и хвостъ.

Колпицъ алы черевички[7] 30.
Несъ — съ бандорой тотъ плясать,
Горлицъ нѣжныя яички —
Нѣжно пѣть и воздыхать.

Но она имъ не склонялась: 31.
Набожна была чрезъ-чуръ;
Только въ шуткахъ забавлялась,
Напущая на нихъ дурь.

Иль велѣла имъ трудиться: 32.
Яблокъ райскихъ ей искать,
Хохликъ солнцевъ, чтобъ свѣтиться
Въ тмѣ, вѣкъ младостью блистать.

Но они понадорвали 33.
Свой животъ и стали въ пень;
Что искали, не сыскали
И исчезли будто тѣнь.

[6] Тотъ эдемскаго индея —
или индюка? По слѣдующимъ стихамъ, скорѣй павлина.

[7] Колпицъ алы черевички.
Колпица, или *колпикъ*, см. Томъ I, стр. 225, и Томъ II, стр. 80.

Тутъ, откуда ни явился 34.
Царь, царевичъ, или круль,
Ни людямъ не поклонился,
Ни на Спаса не взглянулъ.

По бедру коня хлестъ задню 35.
И въ тотъ мигъ невидимъ сталъ, —
Шасть къ Царю-дѣвицѣ въ спальню
И ее поцѣловалъ.

Хоронилася платочкомъ 36.
И ворчала хоть въ сердцахъ;
Но какъ вслѣдъ его окошкомъ
Хлопнула, — вскричала: ахъ!

Конь къ тому жъ въ пути обратномъ 37.
Тронулъ сѣть садовыхъ струнъ:
Градъ познадъ въ семъ звукѣ страшномъ,
Что былъ дерзокъ Маркобрунъ[a].

Вотъ и всталъ дымъ коромысломъ 38.
Отъ маяковъ по горамъ;
Въ мрачномъ воздухѣ, нависломъ
Ревъ завылъ и по церквамъ.

Кличъ прокликали въ столицѣ, 39.
И гонцы всѣмъ дали вѣсть,
Чтобъ скакать къ Царю-дѣвицѣ
И, служа ей, — мстить за честь.

Заскрыпѣли двери ржавы 40.
Оружейницъ древнихъ лѣтъ,

[a] Что былъ дерзокъ Маркобрунъ.

Король Маркобрунъ, одно изъ лицъ, дѣйствующихъ въ сказкѣ о Бовѣ Королевичѣ; тамъ онъ приходитъ изъ «града Данска» или изъ царства Задонскаго. Въ италіянскомъ подлинникѣ онъ называется Macabruno, rè di Polonia (см. выше примѣч. 2).

Воспрянули мужи славы
И среди пустынныхъ мѣстъ.

Правятъ снасти боевыя 41.
И булатъ и сталь острятъ;
Старые орлы, сѣдые
Съ соколами въ бой летятъ.

И свирѣпы кони въ стойлахъ 42.
Топаютъ, храпятъ и ржутъ,
На холмахъ и на раздольяхъ
Пыль вздымаютъ, пѣну льютъ.

Въ слухъ пищали стѣнобойны, 43.
Растворя чугунны рты,
Воютъ въ часъ полночный, сонный,
Чтобъ скорѣй въ походъ идти.

Идетъ въ шкурахъ рать звѣриныхъ, 44.
Съ дубомъ, съ пращей, съ кистенемъ,
Въ перьяхъ птичьихъ, въ кожахъ рыбныхъ,
И какъ холмъ течетъ чрезъ холмъ.

Занимаетъ степи, луги 45.
И насадами моря,
И кричитъ: помремте други
За Дѣвицу и Царя!

Не плѣнила златомъ, сбойствомъ[9] 46.
Насъ она, ни серебромъ,
Но лишь дѣвичьимъ геройствомъ,
Здравымъ и простымъ умомъ.

[9] Не плѣнила златомъ, сбойствомъ.

Объясненіе слова *сбойство* представляетъ нѣкоторую трудность. Оно находится только въ *Церковномъ словарѣ* Алексѣева, гдѣ опредѣлено такъ: «удальство, молодечество, скосырство». По *Опыту областнаго словаря*, скосырь означаетъ: «человѣкъ надменный, безъ достоинствъ; — сер-

И такъ сими вождь рѣчами 47.
Взбудоражилъ войновъ духъ,
Что, поднявъ бугры плечами,
Растрепали круля въ пухъ.

И еще въ его бы царствѣ 48.
Только разъ одинъ шагнуть,
Свѣта бъ не было въ пространствѣ,
Чѣмъ его и вспомянуть.

Кровь народа Маркобруна 49.
Уподобилась рѣкѣ;
Онъ дрожалъ ея перуна
И въ своемъ ужъ чердакѣ.

Но какъ онъ Царя-дѣвицы 50.
Нѣжный нравъ довольно зналъ, —
Сталъ пастухъ — и гласъ цѣвницы
Часто ей своей внушалъ.

«Виноватъ», пѣлъ, «предъ тобою, 51.
«Что прекрасна ты, мила.
«Сердце тронь мое рукою.»
— Сядь со мной! — она рекла....

Такъ и всѣ красотки славны 52.
Дерзостей не могутъ несть;
Всѣ бываютъ своенравны,
Любятъ жены, дѣвы честь.

дитый, вспыльчивый». По этому же словарю **сбойливый** значитъ «скромный въ рѣчахъ» (влад.), а по *Дополненію* къ обл. сл. — удалый, отважный, имѣющій тяжелый характеръ (новг.). Въ *Словарѣ ц. сл. и русск. яз.* **сбойливый** объясненo: «способный сбивать другихъ, ухищренный». Употребленное въ предыдущемъ куплетѣ слово *насадъ* значитъ «водоходное плоскодонное судно».

XXXIV. НА МЕЧЪ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПСКОВСКАГО ГАВРІИЛА,

НА КОТОРОМЪ ЗОЛОТОМЪ НАСѢЧЕНО:

Honorem meum nemini dabo[1].

—

Се страшный князя мечъ псковскаго, Гавріила.
Съ нимъ чести никому своей не отдалъ онъ:
Да снидетъ отъ него на Александра сила,
И съ срамомъ побѣжитъ отъ насъ Наполеонъ!

[1] Т. е. «Чести моей никому не отдамъ». Мечъ этотъ виситъ въ Троицкомъ псковскомъ соборѣ надъ гробницей князя Всеволода Гавріила (*Ист. Гос. Р.*, т. II, гл. IX и прим. 266); но, по разысканіямъ Доленги-Ходаковскаго, онъ принадлежалъ знаменитому Довмонту (*Энцикл. лекс.* Плюшара, т. XVII). Надпись Державина была напечатана въ *Сынѣ Отеч.* 1812, ч. 1, № VI, стр. 253, съ примѣчаніемъ: «Писано 1 іюля 1812 г. во Псковѣ, при ракѣ угодника». Державинъ поѣхалъ туда около 20 іюня, дней на десять, и по возвращеніи на Званку писалъ 7-го іюля Василію Степановичу Попову: «Я изъ Пскова 5 числа сего мѣсяца воротился ... Узнавъ, что въ тамошнемъ соборѣ почиваютъ мощи россійскаго героя, великаго князя Гавріила, и находится страшный его мечъ, пошелъ полюбопытствовать и велѣлъ отъ искренняго сердца отпѣть молебенъ за успѣхъ нашего оружія. И вотъ, при семъ случаѣ какія пришли мнѣ въ голову мысли, вамъ сообщаю, желая, чтобъ онѣ сбылись*». Слѣдуютъ стихи, ничѣмъ не отличающіеся отъ предлагаемой нами редакціи.

Впослѣдствіи городъ Псковъ поднесъ Витгенштейну (см. слѣдующую надпись) икону св. Гавріила съ изображеніемъ меча его, а императоръ Александръ I повелѣлъ герою принять въ свой гербъ девизъ этого меча.

* Письмо это обязательно сообщилъ намъ въ рукописи П. И. Бартеневъ, который намѣренъ напечатать его, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими письмами Державина, въ *Русскомъ Архивѣ*.

XXXV. КЪ ПОРТРЕТУ ГРАФА ВИТГЕНШТЕЙНА[1].

Петрополю грозилъ въ Наполеонѣ пламень,
Иль разъяренный понтъ свирѣпостію волнъ.
Но кто его скала былъ, ограждавшій камень?
Онъ!

[1] При движеніи французской арміи къ Витебску оставленъ былъ для противодѣйствія Витгенштейну и для угроженія Петербургу корпусъ Удинô. Получивъ повелѣніе открыть наступательныя дѣйствія противъ Витгенштейна, Удинô рѣшился немедленно по занятіи Полоцка направиться по пути къ Петербургу. Извѣстно, какъ Витгенштейнъ (род. 1768, ум. 1843 г.) дѣйствіями при Клястицахъ и Полоцкѣ, въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ, разстроилъ планы Французовъ (Богдановичъ, т. I, гл. XIII и XIV). Петербургское дворянство поднесло ему грамоту, а купечество 150.000 рублей.

Напеч. въ *Сынѣ Отеч.* 1812, ч. 1, № VI, стр. 254.

XXXVI. ЭПИТАФІЯ ЗАВОЕВАТЕЛЮ[1].

Подъ камнемъ симъ лежитъ Батый-Наполеонъ,
Величье было ихъ — ужасный сонъ!

[1] Напеч. въ *Сынѣ Отеч.* 1812, ч. 1, № VI, стр. 254.

Всѣ три надписи (№ XXXIV — XXXVI), напечатанныя при жизни Державина съ полною подписью его имени, нынѣ въ первый разъ являются въ собраніи его сочиненій.

XXXVII. НА ПАРЕНІЕ ОРЛА[1].

Воанергесъ! Орелъ, сынъ грома! 1.
Не ты ль на высотахъ паришь
И сновъ святыхъ патмосска холма
Видѣнья бытіемъ рѣшишь?

[1] Кутузовъ, назначенный главнокомандующимъ на мѣсто Барклая-де-Толли, отправился въ Царево-Займище, гдѣ тогда находилась главная квартира обѣихъ армій. «Войска встрѣтили вождя, знакомаго всѣмъ старымъ служивымъ, дружнымъ ура! Пріѣхалъ Кутузовъ бить Французовъ, говорили между собою наши солдаты. Съ быстротою молніи во всѣ концы обширной Россіи разнеслась вѣсть, будто бы въ самое то время огромный орелъ вознесся надъ головою Кутузова, сопровождая его при объѣздѣ лагеря. Это событіе, дѣйствительное или вымышленное, осталось въ народныхъ преданіяхъ, какъ свидѣтельство надеждъ, возбужденныхъ новымъ главнокомандующимъ; Михайловскій-Данилевскій говоритъ объ этомъ случаѣ, какъ о несомнѣнномъ событіи, случившемся въ минуту перваго появленія Кутузова передъ войсками у Царева-Займища, а въ Запискѣ о войнѣ 1812 г., князя А. Б. Голицына, бывшаго на безсмѣнныхъ ординарцахъ при Кутузовѣ, полетъ орла надъ главнокомандующимъ отнесенъ къ другому времени. Когда въ первый разъ, говоритъ кн. Голицынъ, Кутузовъ обозрѣвалъ позицію подъ Бородинымъ — это было послѣ обѣда — исполинскій орелъ парилъ надъ нимъ. Куда онъ, туда и орелъ. Анштетъ первый это замѣтилъ, и толкамъ не было конца» (М. Богдановича *Исторія отеч. войны*, т. II, стр. 125 и 530). Въ такомъ видѣ, какъ сейчасъ будетъ показано, слухъ объ орлѣ дошелъ и до Державина. Въ *Сѣверной Почтѣ* 1812 г. (4 сент. № 71) напечатанъ отрывокъ партикулярнаго письма изъ главной квартиры отъ 26 августа, гдѣ между прочимъ сказано: «въ самый первый день, когда главнокомандующій нашъ ѣздилъ для осмотра мѣстоположенія, орелъ появился парящимъ надъ его головою: князь Михаилъ Ларіоновичъ снялъ шляпу и всѣ вос-

О, нѣтъ! — судебъ проречь не смѣя,
Что агнецъ одолѣетъ змѣя,
Въ тебѣ я зрю лишь духъ Петровъ.
Такъ, — онъ надъ росскимъ войскомъ вьется,
Имъ громъ и лавръ вождю несется.
Се знакъ: — мы побѣдимъ враговъ.

Мужайся, бодрствуй, князь Кутузовъ! 2.
Коль надъ тобой былъ зримъ орелъ, —
Ты вѣрно побѣдишь Французовъ
И, Россовъ защитя предѣлъ,
Спасешь отъ узъ и всю вселенну.
Толь славой участь озаренну
Давно тебѣ судилъ самъ рокъ:

кликнули тогда *ура!*» Въ рукописи стихи Державина помѣчены 31 августа. Въ октябрѣ они были напечатаны отдѣльно (въ четвертку) съ заглавнымъ листомъ такого содержанія: «Ода по случаю паренія орла надъ россійскою арміею подъ предводительствомъ князя Кутузова, при селѣ Бородинѣ, 1812 года въ августѣ». Другая ода *На пареніе орла* явилась въ № VI *Сына Отеч.* 1812 г. съ подписью: *К.-З-ій. Тверь, 1812, ноября 8.*

Кутузовъ, получивъ извѣстіе о стихахъ Державина, но еще не читавъ ихъ, писалъ ему 7 декабря изъ Вильны: «Между тѣмъ приношу вамъ чувствительную благодарность и за того Орла, который, какъ слышу я, при Бородинѣ воскриленный великимъ бардомъ нашимъ, парилъ надъ главою Россіянина, придавая блескъ скромнымъ его заслугамъ». Позднѣе, 30 марта 1813 г., недѣли за двѣ до смерти своей, князь Смоленскій такъ выражался въ письмѣ къ Державину изъ Силезіи: «Хотя не могу я принять всего помѣщеннаго въ прекрасномъ твореніи вашемъ *На пареніе орла* прямо на мой счетъ, но произведеніе сіе, какъ и прочія безсмертнаго вашего пера, имѣетъ особенную цѣну уваженія и служитъ новымъ доказательствомъ вашей ко мнѣ любви». Потомъ ода Державина была напеч. въ *Соч. и перев. росс. ак.* 1813 г., ч. VI, стр. 170, и 1816 г. въ ч. V, XXVI.

Названіе *Воанергесъ* въ первомъ стихѣ означаетъ Іоанна Богослова. Въ евангеліи отъ Марка (гл. 3, ст. 17) сказано, что Спаситель, избравъ Іакова и Іоанна въ число своихъ учениковъ, «нарекъ имъ имена Воанергесъ, то есть Сыны громовы».

Смерть сквозь главу твою промчалась[2],
Но жизнь твоя цѣла осталась.
На подвигъ сей тебя блюлъ Богъ!

Въ покровъ Его предавшись сильный, 3.
Тебѣ что можетъ Люциферъ[3]?
Ты шелъ, — и пройдешь чрезъ ехидны, —
Овномъ сбодется лютый звѣрь[4].
Нога наступитъ Александра
На жруща пламемъ Саламандра.
Стратигъ ты молньи, Михаилъ!
Ты подъ своимъ зря руководствомъ
Рать, тверду духа превосходствомъ,
Сдхнешь Галловъ тьмы, — съ тобой Богъ силъ!

[2] Смерть сквозь главу твою промчалась.

Въ 1774 и 1788 годахъ Кутузовъ былъ раненъ двумя пулями: одна, ударивъ въ лѣвый високъ, вылетѣла у праваго глаза; другая, попавъ въ щеку, вышла въ затылокъ. Его двукратное спасеніе обращало на него вниманіе всей Россіи (М. Богдановичъ, т. II, стр. 10).

[3] Тебѣ что можетъ Люциферъ.

См. замѣченное о Денницѣ въ Томѣ II, стр. 224.

[4] Овномъ сбодется лютый звѣрь *и проч.*

Мысль о сходствѣ Наполеона съ апокалипсическимъ звѣремъ давно уже начала распространяться. Извѣстный графъ Іосифъ де Местръ, сардинскій посланникъ въ Петербургѣ, еще въ 1805 году писалъ: «До сихъ поръ *звѣрь* имѣлъ перевѣсъ. Весь міръ земной идетъ за нимъ и поклоняется ему. У него съ десятокъ головъ и столько же діадемъ въ итогѣ. Не знаю, когда его свергнутъ въ пропасть. Что до меня, не могу отказаться отъ надежды дожить до того, что онъ сдѣлаетъ этотъ скачокъ (*Lettres* etc. du c[te] J. de Maistre, Парижъ 1851, т. I, стр. 32). Ср. ниже примѣчанія къ стихотворенію XXXIX. Объ имени *Саламандръ* см. нашъ Томъ II, стр. 616.

XXXVIII. НА ОТЪѢЗДЪ ИМПЕРАТОРА,

декабря 7 дня 1812 года[1].

Сбылись моихъ надеждъ пророчественны сны:
Россія Францію, а съ ней Европу побѣдила.
На верхъ какой теперь мы славы взнесены!
Спокойство можетъ дать вселенной наша сила.
Пусть Грецій Александръ великъ слыветъ войной;
Но міръ кто умиритъ, — тотъ болѣе душой!

[1] «Между тѣмъ какъ остатки непріятельской арміи отступали отъ Нѣмана къ Вислѣ, императоръ Александръ I, принявъ мѣры для продолженія борьбы съ пораженнымъ, но еще опаснымъ противникомъ, отправился изъ Петербурга, ночью съ 6-го на 7-е декабря, въ главную квартиру князя Кутузова, какъ только получилъ донесеніе о занятіи нашими войсками Вильны... Главною цѣлью путешествія государя было приданіе большей настойчивости дѣйствіямъ нашихъ армій... 11-го, въ пятомъ часу по полудни, раздались на улицахъ и площадяхъ Вильны громкія восклицанія народа... На слѣдующее утро, въ день рожденія императора Александра, 12-го декабря, государь, обратясь къ собравшимся во дворецъ генераламъ, сказалъ имъ, какъ представителямъ всей арміи: «Вы спасли не одну Россію; вы спасли Европу»... (М. Богдановичъ, *Исторія отеч. войны*, т. III, стр. 346). Стихи Державина напеч. въ *Соч. и перев. росс. ак.* 1813 г., ч. VI, стр. 169, и 1816 г. въ ч. V, XLIV.

XXXIX. ГИМНЪ ЛИРО-ЭПИЧЕСКІЙ

НА ПРОГНАНІЕ ФРАНЦУЗОВЪ ИЗЪ ОТЕЧЕСТВА[1].

Посвященъ во славу всемогущаго Бога, великаго государя, вѣрнаго народа, мудраго вождя и храбраго воинства россійскаго.

Благословенъ Господь нашъ, Богъ, 1.
На брань десницы ополчивый
И подъ стопы намъ подклонивый

[1] 13 января 1813 года А. Измайловъ писалъ Грамматину изъ Петербурга: «Державинъ, сказываютъ, написалъ какой-то славный гимнъ на наши побѣды. Я не думаю однако, чтобъ этотъ гимнъ могъ сравниться съ послѣдними стихами Жуковскаго *Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ*» (*Библ. Зап.* 1859, № 14). Гимнъ былъ напечатанъ въ *Чт. въ Бес. люб. р. сл.* 1813, кн. X, стр 3, и потомъ 1816 г. въ ч. V, xxvii. Его перевелъ на нѣмецкій языкъ г. Гётце, который впослѣдствіи переводилъ также русскія народныя пѣсни * (см. *Сынъ Отеч.* 1817 г., ч. 36, № II, стр. 158). Нѣмецкій переводъ гимна напечатанъ отдѣльно въ Ригѣ и Дерптѣ, въ 1814 г. (см. въ концѣ нашего изданія библіографію переводовъ изъ Державина). Гимнъ переведенъ былъ также на англійскій языкъ молодымъ Петровымъ, сыномъ извѣстнаго лирика, и Державинъ отправилъ этотъ переводъ въ Лондонъ къ русскому посланнику, графу С. Р. Воронцову, съ просьбою напечатать нѣсколько экземпляровъ его на счетъ Державина и переслать ихъ въ Петербургъ къ переводчику (письмо Державина къ Воронцову отъ 31 мая 1814 г.).

* Peter Otto von Götze, род. въ Ревелѣ 1793 г., изучалъ въ Дерптѣ 1810—1812 права, потомъ путешествовалъ по Россіи и поступилъ на службу въ департаментъ духовныхъ дѣлъ; нынѣ въ отставкѣ, тайный совѣтникъ. Издалъ между прочимъ въ 20-хъ годахъ Stimmen des russischen Volkes (см. о немъ Schriftsteller-Lexicon Напѣрскаго, т. II).

У доблести, у вѣры силы,
Скиптръ у царей, громъ у небесъ,
У правосудія законы?
Убивъ народовъ милліоны,
Изгнавъ къ отечеству любовь,
Растлилъ всѣхъ духъ, оподлилъ кровь,
Ставъ хищна рабъ Наполеона, —
Возмнилъ быть царь вселенной трона?

Такъ — онъ, то Галлъ съ своимъ вождемъ: 6.
Навергнувъ на царей яремъ
И всю почти плѣня Европу,
Далъ страшному Атропу[7]
Неразъ ея же кровью пиръ;
Прервалъ звукъ нѣжныхъ лиръ,
Пресѣкъ спокойствіе, торги, трудъ сельскій, мирный
И, въ блескъ разбойника порфирный
Одѣвъ, возвелъ на тронъ, —
То былъ Наполеонъ.
Онъ вѣтви ссѣкъ лилей несчастныхъ
И, въ замыслахъ своихъ ужасныхъ
Превозносясь, какъ нѣкій дивій Гогъ[8],
Въ гордынѣ мнилъ, что все творить возмогъ.
Но, на спокойну зря Россію,
Что передъ нимъ одна не клонитъ выю,
Вспылалъ, простеръ завистну длань —
И дхнулъ изъ зѣва брань.

Уже, какъ смрадныхъ тучи пругъ, 7.

[7] Далъ страшному Атропу.
«*Атропъ* — Парка или смерть».

[8] Превозносясь, какъ нѣкій дивій Гогъ.
«*Гогъ*, слово еврейское, значитъ противоборника Христу (Апок. гл. 20, ст. 7, и у пророка Іезекіиля гл. 38, ст. 2, и гл. 39, ст. 11).

Его летящи легіоны
Затмили свѣтъ, иль быстры волны
Какъ рѣкъ пяти шумящихъ вдругъ [9]
Чрезъ Нѣманъ прорвались преградный.
Самъ онъ, какъ тигръ на трупы гладный,
Предспѣющій своей молвѣ,
Шагнулъ къ Днѣпру, шагнулъ къ Москвѣ.
Кровавы вслѣдъ моря струились
И заревы по небу рдились.

Въ стремленьи быстръ, въ бою жестокъ, 8.
Уже своей побѣдой дмился,
Что мы (съ насмѣшкою хвалился)
Бѣжимъ его и праха ногъ [10];
Что быстрый полкъ его орлиный
На домъ Петра, Екатерины [11]
Возсядетъ скоро средь столицъ
И вкуситъ онъ отъ царскихъ лицъ,
По жатвѣ звучной, громкой славы,
Въ Петрополѣ, въ Москвѣ забавы [12].

Уже блаженствъ своихъ съ одра 9.
Россія внемлетъ гласъ царя,

[9] Какъ рѣкъ пяти шумящихъ вдругъ.

«Наполеонъ пятью колоннами, болѣе нежели въ 500,000 человѣкъ, перешелъ пограничную рѣку Нѣманъ. Реляція отъ 17 іюня».

[10] Бѣжимъ его и праха ногъ.

«Въ письмахъ въ Парижъ и бюллетеняхъ тщеславился Наполеонъ такимъ образомъ».

[11] На домъ Петра, Екатерины.

«Слухъ носился, что такъ отзывался онъ послу нашему въ Парижѣ».

[12] Въ Петрополѣ, въ Москвѣ забавы.

«Нѣкоторыя парижскія дамы, по увѣренію Наполеона, писали къ петербургскимъ французскимъ торговкамъ, чтобъ онѣ къ Петрову дню приготовили имъ платья для бала въ Петергофѣ».

Зовущаго на ополченье [13].
О радостно видѣнье!
Такъ Май, блестя своимъ лицомъ,
Сквозь тучъ чрезъ тихій громъ
Скликаетъ сонмъ съ полей, съ лѣсовъ къ себѣ пернатый.
Различно племя, въ разны латы
Облекшись, россій родъ
Какъ исполинъ встаетъ;
Идетъ на брань единодушно,
Монарху своему послушно,
За тронъ его, за вѣру умереть.
Нигдѣ сей ревности подобной нѣтъ!
И старцы, дѣти, жены, дѣвы,
Богатства всѣ свои въ сокровища царевы
Отдавъ, идутъ въ Господень храмъ
Взнесть душъ ихъ ѳиміамъ.

Держай твердь, море, землю, адъ [a] 10.
И равновѣсье межъ мірами;
Дышай зефирами, громами
И все въ единъ вмѣщаяй взглядъ,
Воззрѣвъ на лесть Наполеона,
На святость Александра трона,
Въ нощь темныхъ тучъ себя облекъ
И тихимъ гуломъ грома рекъ:
«Полна нечестья Галловъ мѣра,
Спасаетъ Россовъ тепла вѣра!»

И бысть. — Молебныхъ капля слезъ, 11.
Упадши въ чашу правосудья,

[a] Держащій небо, землю, адъ (1813).

[13] Зовущаго на ополченье.
«Манифестъ объ ополченіи 6 іюля 1812 года».

Всей стратегистики орудья[14],
Какъ прахъ, взметнула до небесъ.
Раздвиглись Чермна Моря волны,
И Фараонъ, гордыней полный,
Ступилъ въ невлажный понтъ ногой.
Морскихъ звѣрей, чудовищъ строй
Хотя сей дерзости глумились,
Но будто бы боясь — странились,

И отверзали сами путь; 12.
А онъ, чтобъ паче страхъ вдохнуть,
Со всадники, со колесницы,
Какъ бы закрывъ зѣницы,
Безстрашно вшелъ во сердце водъ
И гналъ Іаковль родъ,
Избранный искони и ввѣкъ хранимый Богомъ,
Тѣсня его поспѣшнымъ ходомъ;
Но Богъ воззрѣлъ на Нордъ:
Слился двухолмный понтъ —
И съ шумомъ поглотилъ тирана.
Слѣдъ сталъ его лишь влага слана;
Лишь выплывалъ тамъ щитъ, тамъ тулъ, тамъ бронь,
Тамъ съ всадникомъ выказывался конь,
Блестѣла чуть въ зыбяхъ порфира.
Не честолюбья ли то образъ міра
И гибели надменныхъ силъ?
Се Богъ какъ ихъ казнилъ!

Но ужасъ духъ еще объялъ! 13.
Царь Сиріи, властитель міра,

[14] Всей стратегистики орудья.

«*Стратегистика*, слово греческое, значитъ военный обманъ или хитрость, которою Французы столь много превозносились». *Стратегія*, отъ греч. στρατός = войско, значитъ военное искусство.

Явя въ себѣ торжествъ кумира,
Безумнымъ вдругъ животнымъ сталъ[15],
И на стѣнѣ предъ всѣхъ очами
Писала длань огня чертами[16],
Что скоро власть царя пройдетъ,
Который правды не блюдетъ.
Всевышній управляетъ царства,
Даетъ, отъемлетъ за коварства[17].

Не видимъ ли и въ наши дни 14.
Мы сихъ чудесъ въ Наполеонѣ?
На зыблемомъ возсѣдши тронѣ,
Не возлюбилъ онъ тишины,
Но, злобу злобами умножа,
Спокойны царства востревожа,
Во храмы запустѣнье внесъ,
Святыхъ не пощадилъ тѣлесъ[18],
Полъ нѣжный, посрамленный,
Заставилъ втайнѣ лить токъ слезный, —

И Богъ сорвалъ съ него свой лучъ: 15.
Тогда средь бурныхъ, мрачныхъ тучъ
Неистовой своей гордыни,

[15] Безумнымъ вдругъ животнымъ сталъ.

«У пророка Даніила, гл. 4, ст. 30, сказано о Навуходоносорѣ: *траву яки волъ ядаше*».

[16] Писала длань огня чертами.

«У Даніила же гл. 5, ст. 5, при пиршествѣ Валтасара: *Въ той часъ изыдоша персты руки человѣчи и писаху*».

[17] Даетъ, отъемлетъ за коварства.

«Тамъ же, гл. 4, ст. 22: *Владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ, и ему же восхощетъ, дастъ е*».

[18] Святыхъ не пощадилъ тѣлесъ.

«Смотри *Сѣверной Почты* № 94, статью изъ Москвы о неистовствѣ Французовъ».

И домы благостыни
Смердя своими надписьми[19],
А алтари коньми[20]
Онъ поругалъ. — Тутъ всѣ въ немъ чувства закричали,
Огнями надписи вспылали,
Изслали храмы стонъ —
И обезумѣлъ онъ.
Симъ предузнавъ свое онъ горе,
Что царство пройдетъ его вскорѣ,
Не могъ уже въ Москвѣ своихъ снесть золъ,
Рѣшился убѣжать, зажегъ, ушелъ; —
Вторымъ ставъ Навходоносоромъ,
Кровавы угли вкругъ бросая взоромъ,
Лилъ пѣну съ челюстей какъ вепрь
И ринулся въ мракъ дебрь.

Но, Муза! таинственный глаголъ 16.
Оставь, — и возгреми трубою,
Какъ твердой грудью и душою
Россъ ополчась на Галла шелъ;
Какъ Западъ съ Сѣверомъ сражался,
И громъ о громы ударялся,
И молньи съ молньями сѣклись,
И небо и земля тряслись
На Бородинскомъ полѣ страшномъ,
На Малоярославскомъ, Красномъ[21].

[19] Смердя своими надписьми.

«Слухъ носился, что Наполеонъ въ Москвѣ своими надписями богоугодныя заведенія присвоилъ своей матери».

[20] А алтари коньми.

«Смотри *Сѣверной Почты* № 78, статью изъ Твери».

[21] На Малоярославскомъ, Красномъ.

«При сихъ мѣстахъ три славныя побѣды рѣшили участь не токмо Россіи и Европы, но, такъ сказать, цѣлой вселенной».

Тамъ штыкъ съ штыкомъ, рой съ роемъ пуль, 17.
Ядро съ ядромъ и бомба съ бомбой,
Жужжа, свища, сшибались съ злобой,
И мечъ, о мечъ звуча, слалъ гулъ;
Тамъ всадники, какъ вихри бурны,
Темнили пылью сводъ лазурный;
Тамъ блѣдна Смерть съ косой въ рукахъ,
Скрежещуща, въ единый махъ
Полки, какъ класы, посѣкала
И трупы по полямъ бросала;

Тамъ рвали другъ у друга громъ[22], 18.
Осмь кратъ спирали градъ челомъ
И царство поборали царствомъ,
Зла генія коварствомъ,
Который такъ, какъ жгущій Эвръ[23],
Смотря на древній кедръ,
Стоящій на челѣ святой горы Синайской,
Всѣхъ прохлаждавшій тѣнью райской,
Преклоншимся лицомъ
Надъ осмь морей стекломъ[6],

[6] Надъ чистыхъ водъ стекломъ.

Всю семнадцатую строфу ср. съ 17-ою же строфой оды Ломоносова на взятіе Хотина:

«Тамъ кони бурными ногами
Взвиваютъ къ небу прахъ густой» и проч.

Въ экземплярѣ сочиненій Ломоносова, принадлежавшемъ Державину, эта строфа отмѣчена словами: «блестящая картина ужаса».

[22] Тамъ рвали другъ у друга громъ.

«Въ реляціи отъ 27 августа видно, что батареи при Бородинѣ переходили нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки».

[23] Который такъ, какъ жгущій Эвръ.

«*Эвръ*, африканскій полуденный палящій вѣтръ». Для стиха: «Надъ осмь морей стекломъ», см. выше, стр. 124, примѣч. 3 къ пьесѣ *Царь-Дѣвица*.

Простертъ бывъ на полсвѣтѣ корнемъ,
Цвѣлъ въ покровительствѣ Господнемъ;
Но Эвръ его давно сносить не могъ;
Рѣшился съ высоты низринуть[в] въ логъ:
Напалъ, иглъ нѣсколько сшибъ зѣвомъ,
Но стебля сбить не могъ всѣхъ силъ набѣгомъ.
Вздохнулъ впервый на неуспѣхъ
И съ срамомъ вспять побѣгъ.

Бѣжитъ, — и пламеннымъ мечемъ 19.
Его въ тылъ Ангелъ погоняетъ,
Отвсюду ужасомъ смущаетъ,
Слѣдъ сѣетъ огненнымъ дождемъ.
Встревоженный, взъяренный, блѣдный,
Онъ съ трескомъ въ воздухъ мещетъ стѣны,
Съ кремлевскаго ихъ рвавъ холма;
Съ чела его въ мракъ искръ косма,
Сквозь дыма сыплясь, какъ комета,
Окровавляла твердь полсвѣта.

Бѣжитъ, — и нѣсколько полковъ, 20.
Летящихъ воздуха волнами,
Онъ видитъ тѣней предъ очами
Святыхъ и нашихъ праотцовъ,
Которы въ звѣздномъ челъ убранствѣ,
Безмѣрной высоты въ пространствѣ,
Какъ воющей погоды стонъ,
«Наполеонъ! Наполеонъ!»
Ліютъ въ слухъ жалобы: «изъ злости
Ты наши двигалъ прахъ и кости[24]!»

[в] ... низвергнуть.

[24] Ты наши двигалъ прахъ и кости!
«Видно изъ письма доктора Ровруа къ доктору Граю, что Наполеона не только сны, но и привидѣнія ужасали».

Бѣжитъ, — и зритъ себя вокругъ 21.
Онъ тысячи невинныхъ вдругъ,
Замученныхъ и убіенныхъ,
Имъ не запечатлѣнныхъ[25],
Что полумертвымъ взоромъ зрятъ,
Съ устъ посинѣлыхъ хладъ
Дыхавъ, со всѣхъ сторонъ кричатъ ему съ укорой:
«Ты, ты предвременной и скорой
Насъ смертію посѣкъ,
Когда на брани текъ.
И се, — наполненну слезами
Семействъ и нашими кровями,
Обвиту жалами шипящихъ змѣй,
Ту чашу смертну, въ жизни что своей[26]
Ты наполнялъ безперестанно,
Желалъ и требовалъ несыто, жадно
Еще, еще себѣ кровей,
Прими теперь и пей!» —

Бѣжитъ, — себя самъ упреждавъ; 22.
За скорыми его шагами
Лишь поспѣваетъ Смерть прыжками,
Тѣлъ груды по странамъ бросавъ;
Тамъ мѣдные лежатъ драконы,
На кони наваленны кони
И колесницы другъ на другъ.
Великаго здѣсь вождя духъ.

[25] Имъ не запечатлѣнныхъ.

«*Да дастъ имъ начертаніе на руцѣ или на челахъ ихъ* (Апок. гл. 13, ст. 16). — Наполеонъ принятыхъ въ свою службу клеймилъ или печаталъ своимъ именемъ (См. журналъ *Сынъ Отечества* № 4, стр. 168)».

[26] Ту чашу смертну, въ жизни что своей.

«*Чашею, ею же черпа вамъ, черпните ей сугубо* (Апок. гл. 18, ст. 6)».

Искусство, смѣльство видно бранно,
Что онъ бѣжитъ лишь безпрестанно!

Бѣжитъ, — хотя и жажды полнъ 23.
Къ сокровищамъ неоцѣненнымъ,
Въ чертогахъ, въ храмахъ похищеннымъ;
Но ихъ и всѣхъ кидаетъ онъ
Друзей, больныхъ безъ сожалѣнья.
Сей геній — ищетъ лишь спасенья!
Его страшитъ и вѣтровъ свистъ
И скрипъ деревъ и падшій листъ,
Въ сердечныхъ отзываясь нѣдрахъ,
Какъ страшный громъ во мрачныхъ дебряхъ.

Бѣжитъ, — и самъ себя внутрь рветъ, 24.
Что сильно Россъ его женетъ;
Но кажетъ, будто бы безстрашно
Онъ шествуетъ обратно.
Такъ волкъ въ лѣса бѣжитъ назадъ,
Бывъ прогнанный отъ стадъ,
Оставя добычу, и рыщетъ хоть скачками,
Но, взадъ озрясь, стуча зубами,
Огнь сыплетъ изъ очей;
Иль аспидъ, лютый змѣй,
Бѣжитъ такъ съ поль, коль Сѣверъ дуетъ
И Афра за собою чуетъ:
То вверхъ главу, то внизъ клоня, ползетъ,
Шипитъ, крутитъ хребетъ, хвостъ въ кольца вьетъ;
И сколько змѣй сей ни ужасенъ,
Но поползокъ его тѣмъ паче страшенъ,
Что дымъ струится въ немъ и смрадъ,
А воздухъ дышитъ ядъ [г]!

[г] А въ воздухъ дышитъ ядъ.

Бѣжитъ, — и видитъ наконецъ, 25.
Что за его всѣ злодѣянья
Готовитъ небо наказанья,
И падаетъ съ него вѣнецъ;
Что, ставъ предъ собственнымъ ужъ взоромъ
Кладбищнымъ рать его позоромъ,
Отъ глада, ранъ и мраза мретъ.
О ужасъ! Галлъ здѣсь Галла жретъ[27]!
Но съ сердцемъ Бонапартъ желѣзнымъ
И симъ смѣется бѣдствамъ слезнымъ[28]!

Бѣжитъ, — но сорока двухъ лунъ 26.
Ужъ данный срокъ на возвышенье,
Еще пяти — на оскверненье[29]
Ему прошелъ; уже перунъ
Предвѣчнаго виситъ закона
Поверхъ главы Наполеона:
Еще немного — онъ падетъ,
И сонмъ тѣхъ царствъ, что съ нимъ идетъ,
Вдругъ на него весь обратится[30];
Содомъ, Гоморъ съ нимъ вспепелится.

[27] О ужасъ! Галлъ здѣсь Галла жретъ!

«Сіе видно *Сѣверной Почты* въ № 99».

[28] И симъ смѣется бѣдствамъ слезнымъ!

«Въ томъ же письмѣ доктора Рокруа къ Граю видно, что когда Наполеону предсказывали о подобныхъ ужасныхъ картинахъ, то онъ улыбался».

[29] Еще пяти — на оскверненье.

«42 мѣсяца нѣкоторые разумѣютъ 42 года его, можетъ быть, политической жизни по сей 1812 годъ; а другіе 42 мѣсяца принимаютъ въ прямомъ смыслѣ время его успѣховъ по испанскую войну, и объясняютъ оные числомъ звѣринымъ, какъ ниже видно. — Касательно же 5 мѣсяцевъ, то оные полагаютъ со дня вступленія его въ Россію, съ іюня по ноябрь мѣсяцъ» (см. ниже примѣч. 31).

[30] Вдругъ на него весь обратится.

«*Сіи возненавидятъ и запустѣвшу сотворятъ ю, и сожгутъ ю огнемъ*, то есть Вавилонъ (Апок. гл. 17, ст. 16)».

О, такъ! таинственныхъ числъ звѣрь[31], 27.
Въ плоти седмьглавый Люциферъ,

[31] О! такъ, таинственныхъ числъ звѣрь.

«*Число звѣрино 666* (Апок. гл. 13, ст. 18). Видно изъ исчисленія дерптскаго профессора Гецеля* въ письмѣ къ военному министру Барклаю-де-Толли, отъ 22 іюня 1812 года, что въ числѣ 666 содержится имя *Наполеона*, какъ и приложенный при семъ французскій алфавитъ то доказываетъ». — Дополнимъ это примѣчаніе Державина выпискою изъ *Исторіи отеч. войны*, М. И. Богдановича: Въ имени Наполеона, переложенномъ въ цыфры, по еврейскому счисленію, думали отыскать звѣря (Антихриста), означеннаго въ Апокалипсисѣ числомъ 666; а какъ въ другомъ мѣстѣ Апокалипсиса опредѣленъ былъ предѣлъ славы этого звѣря числомъ 42, то надѣялись, что 1812 годъ, въ который Наполеонъ имѣлъ отъ роду 42 года, будетъ временемъ его паденія. Въ Апокалипсисѣ, гл. 13, находится слѣдующее пророчество, ст. 18: «Здѣ мудрость есть, иже имать умъ, да «почтетъ число звѣрино: число бо человѣческо есть и число его шестьсотъ-«шестьдесятъ-шесть. И даны быша ему уста, глаголюща велика и хульна; «и дана бысть ему область творити мѣсяцъ четыре-десятъ-два». Какъ въ имени и титулѣ звѣриномъ, кои на французскомъ языкѣ изображаются сими словами: L'empereur Napoléon, такъ и въ числѣ четыредесяти-двухъ, кои на ономъ же языкѣ пишутся словами: quarante deux, находится оба раза число 666, которое опредѣлено въ помянутой главѣ, стихѣ 18-мъ Апокалипсиса.

Выше отмѣченное значеніе дано французскимъ буквамъ по примѣру еврейскаго числоизображенія, по которому десятью первыми буквами означаются единицы, а прочими десятки:

a,	b,	c,	d,	e,	f,	g,	h,	i,	k,	l,	m,	n,	o,	p,	q,
1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.	20.	30.	40.	50.	60.	70.

r,	s,	t,	u,	v,	w,	x,	y,	z.
80.	90.	100.	110.	120.	130.	140.	150.	160.

А изъ того выходитъ слѣдующее:

L	e	E	m	p	e	r	e	u	r	N	a	p	o	l	e	o	n.	
20	5	5	30	60	5	80	5	110	80	40	1	60	50	20	5	50	40	666.

Q	u	a	r	a	n	t	e	d	e	u	x.	
70	110	1	80	1	40	100	5	4	5	100	140	666.

(*Ист. отеч. войны*, т. I, стр. 92 и 434).

* Гецель (Joh. Wilh. Friedr. von Hezel), род. во Франконіи 1754 г., ум. 1824, авторъ безчисленнаго множества богословскихъ и лингвистическихъ сочиненій, былъ съ 1802 по 1820 профессоромъ библейской экзегетики и восточныхъ языковъ въ дерптскомъ университетѣ (Schriftsteller-Lexicon).

О десяти рогахъ вѣнчанный[32],
Дни кончитъ смрадны.
Сей мнимый геній, царь царей,
Падетъ злый вождь вождей.
Судьбы небесныя издревле непреложны:
Враги Христовы суть ничтожны.
Отъ нихъ намъ вѣра — щитъ;
Онъ праведныхъ хранитъ.
Кто жъ щитъ даетъ сей царствъ въ отпору?
Царь, не причастный Вельфегору[33].
Такъ! Александровъ гласъ нашъ духъ вознесъ:
Прибѣгъ онъ въ храмъ — и сталъ безстрашнымъ Россъ.
Упала демонская сила
Рукой избранна князя Михаила[34].

[32] О десяти рогахъ вѣнчанный.

«*Имъетъ седмь главъ и роговъ десять* (Апок. гл. 17, ст. 3). Подъ главами разумѣются здѣсь семь королей, поставленныхъ Наполеономъ, какъ-то: *неаполитанскій*, *вестфальскій*, *виртембергскій*, *саксонскій*, *голландскій*, *испанскій*, *баварскій;* а подъ рогами — десять народовъ, ему подвластныхъ, а именно: *австрійскій*, *прусскій*, *саксонскій*, *баварскій*, *виртембергскій*, *вестфальскій*, *италіянскій*, *испанскій*, *португальскій*, *польскій*, какъ въ манифестѣ отъ 3 ноября 1812 г. явствуетъ».

[33] Царь, не причастный Вельфегору.

«*Вельфегоръ идолъ;* — разумѣется здѣсь Наполеонъ, которому государь не причастился, или союзникомъ не былъ».

[34] Рукой избранна князя Михаила.

«*Возстанетъ Михаилъ князь великій* (у пророка Даніила гл. 12, ст. 1). — Замѣчательно, что фельдмаршалъ Кутузовъ, при порученіи ему въ предводительство арміи, какъ бы нарочно пожалованъ княземъ, чтобы сблизиться съ Священнымъ Писаніемъ; впрочемъ онъ избранъ былъ общимъ голосомъ въ начальники всеобщаго ополченія». 17-го іюня послѣдовало избраніе графа Кутузова въ начальники с-петербургскаго ополченія; 29 іюля онъ былъ возведенъ въ княжеское достоинство, а 8 августа назначенъ въ главнокомандующіе всѣми арміями и ополченіями. Прозваніе *Смоленскаго* пожаловано ему за дѣла подъ Краснымъ и вообще въ смоленской губерніи при отступленіи Наполеона (М. Богдановичъ, томъ II, стр. 11, и III, 146).

Сей мужъ лишь Гога могъ потрясть,
Россію вѣрой спасть[35].

Какая честь изъ рода въ родъ 28.
Россіи, слава незабвенна,
Что ей избавлена вселенна
Отъ новыхъ Тамерлана ордъ!
Цари Европы и народы!
Какъ бурны вы стремились воды,
Чтобъ поглотить край Росса весь;
Но, буйные! гдѣ сами днесь?
Почто вы спяща льва будили,
Чтобы узналъ свои онъ силы?

Почто вмѣщались въ сонмъ вы злыхъ 29.
И, съ нами разорвавъ союзы,
Грабителямъ поверглись въ узы
И сами укрѣпили ихъ?
Гдѣ царственны, народны правы?
Гдѣ, гдѣ германски честны нравы?
Друзья мы были вамъ всегда,
За васъ сражались иногда;
Но вы, забывъ и клятвы святы,
Ползли грызть тайно наши пяты.

О новый Вавилонъ, Парижъ[36]! 30.

[35] Россію вѣрой спасть.

«По нѣкоторымъ извѣстіямъ видно благочестіе князя Кутузова, что онъ предъ Бородинскимъ сраженіемъ предъ иконою Божіей Матери съ генералами въ виду всего войска присягнулъ, чтобы ни шагу съ мѣста не отступать».

[36] О новый Вавилонъ, Парижъ!

«*Вавилонъ великій мати любодѣйцамъ и мерзостемъ земскимъ* (Апок. гл. 17, ст. 5, и гл. 18, ст. 2, 3). Развратъ, соблазнъ, нечестіе и самое безбожіе французскаго народа, не упоминая о бывшихъ въ послѣднюю революцію,

О градъ мятежничьихъ жилищъ[37],
Гдѣ Бога нѣтъ, окромѣ злата,
Соблазновъ и разврата;
Гдѣ самолюбью на алтарь
Все, все приносятъ въ даръ!
Бывъ чуждыхъ царствъ несытъ, ты шелъ съ Наполеономъ,
Неизмѣримымъ небосклономъ
Россіи повратить,
Полсвѣта огорстить.
Хоть прелестей твоихъ уставы
Давно ужъ чли вѣнцомъ мы славы;
Но, не довольствуясь слѣпить умомъ,
Ты мнилъ попрать насъ и мечемъ,
Забывъ, что сѣверныя силы[38]
Всегда на Западъ ужасъ наносили;
Гдѣ жъ мамелюкъ твой, гдѣ элитъ?
О вѣчный Сенѣ стыдъ!

31. Такъ, дерзка Франція! и вы,

видны въ исторіи самыхъ давнихъ вѣковъ христіанства. Ихъ упрекаютъ, что они еще во время обладанія Испаніею и Франціею Готѳами при королѣ Вамбо, совокупясь съ нѣкоторымъ похитителемъ престола, Павломъ Грекомъ, какъ нынѣ съ Бонапартомъ, поругали христіанскую вѣру разными безчиніями; во время четвертаго крестоваго похода въ константинопольскомъ Софійскомъ соборѣ плясали съ распутными дѣвками, изъ коихъ одна припѣвала сквернословную пѣсню. Тожъ, и въ лучшіе дни своего просвѣщенія при Людовикѣ XIV и въ Голландіи, какія Французы дѣлали жестокости и варварства, того безъ омерзѣнія къ нимъ напомянуть не можно. Потомство и о нынѣшнихъ поступкахъ ихъ въ Москвѣ не лучше отзовется». Нелишнимъ считаемъ напомнить здѣсь, что означенныя ковычками примѣчанія принадлежатъ самому Державину.

[37] О градъ мятежничьихъ жилищъ.

«Якобинцы».

[38] Забывъ, что сѣверныя силы.

«Извѣстно по исторіи, что всегда сѣверные народы одолѣвали западныхъ, — и самый Римъ палъ отъ нихъ».

Съ ней шедшія на насъ державы!
Не страшенъ намъ вашъ ковъ коварный,
Коль члены мы одной главы.
Отъ хижинъ, церкви до престола
И дѣти всѣ до нѣжна пола [39]
Суть царски витязи у насъ.
Вы сами видѣли неразъ,
Какъ велъ отецъ дѣтей ко брани [40],
Какъ сами шли безстрашно къ казни [41].

А ваша гдѣ надменность словъ 32.
И похвальбы Наполеона,
Что къ обладанью росска трона
Не мечъ онъ несъ, а пукъ оковъ?
Гдѣ на монетѣ, имъ тисненной [42],
Тотъ царь Москвы, тотъ царь вселенной,
Кто произнесъ толь дерзку рѣчь,
Что онъ, поколь наверхъ свой мечъ

[39] И дѣти всѣ до нѣжна пола.

«Двѣнадцатилѣтнія даже дѣти тайно отъ своихъ родителей убѣгали въ ополченіе, какъ-то сынъ покойнаго тайнаго совѣтника Муравьева, и проч.».

[40] Какъ велъ отецъ дѣтей ко брани.

«Генералъ Раевскій выводилъ впередъ на сраженіе своихъ дѣтей».

[41] Какъ сами шли безстрашно къ казни.

«Когда по оклеветаніи нѣкоторыхъ крестьянъ въ убійствѣ Французовъ приговорены они были къ казни, то они, простясь между собою, выходили безъ всякой робости подъ ружейные выстрѣлы, ознаменовавъ себя только крестнымъ знаменіемъ. См. журналъ *Сынъ Отечества*, № 6, стр. 244».

[42] Гдѣ на монетѣ, имъ тисненной.

«Увѣряютъ нѣкоторые, что будто въ Москвѣ выбита была, по приказанію Наполеона, монета или медаль, на которой изображенъ его портретъ съ надписью: «*Мой міръ и моя воля*». — Отъ самаго вступленія въ Москву до выхода оттуда, Наполеону некогда было думать о выбитіи хвастливой медали.

Петрова не положитъ гроба,
Не дастъ покою намъ? ... О злоба[43]!

Но духъ Петровъ, сквозь звѣздну мглу 33.
Съ улыбкой внявъ сію хулу,
Геройской кротости въ незлобьи
Вспарилъ орла въ подобьи[44], —
И грянулъ бородинскій громъ.
Съ тѣхъ поръ Наполеонъ
Упалъ въ душѣ своей, какъ духъ Сатанаила,
Что древле молньей Михаила
Палъ въ озеро огня
И тамъ, стеня,
Мертвъ въ помыслахъ лежитъ ужасныхъ
Подъ ревомъ волнъ, искръ смрадныхъ, страшныхъ.
А если онъ когда еще и живъ,
То только тѣмъ, что, взоры искосивъ
На Сѣверъ съ зависти и злости,
Грызетъ свои, бѣснуясь, ссохши кости,
На славу Александра зря,
Всѣмъ милаго царя.

Лежитъ! — о радость! о восторгъ! 34.
Кавказъ и Тавръ встаютъ мнѣ выше,
Евксинъ и Бельтъ шумятъ мнѣ тише:
Мы побѣдили, — съ нами Богъ!
Вселенна знай и всѣ языки,

[43] Не дастъ покою намъ? ... О злоба!

«Отзывъ Наполеона въ разговорахъ о мирѣ при вступленіи въ россійскія границы».

[44] Вспарилъ орла въ подобьи.

«Извѣстно, что при бородинскомъ сраженіи, при осмотрѣ россійской арміи княземъ Кутузовымъ, виденъ былъ парящій надъ его главою орелъ (*Сѣверная Почта*, № 71)». См. выше, стр. 133, оду *На пареніе орла*.

Коль благъ Богъ въ браняхъ намъ великій!
Внемли, врагъ скрытый, намъ хвалу;
Гладь, змѣй, языкъ свой о пилу[45];
Кричи, что рейнски страшны силы; —
Ихъ съ Нѣмана по Обь могилы[46]!

Такъ, щитъ намъ Богъ: мы страшны Имъ, 35.
Его мы волей торжествуемъ,
Ему побѣды восписуемъ,
Имъ Русскій Царь непобѣдимъ, —
Будь одного Его держава!
Славянъ всегда наслѣдье — слава.
Не блещутъ доблести безъ бѣдъ,
И превосходствъ нѣтъ безъ побѣдъ.
Богъ посѣтилъ насъ, — Богъ прославилъ,
Всѣхъ выше царствъ земныхъ поставилъ.

Хвала Ему! хвала, Творецъ, 36.
Тебѣ! изъ глубины сердецъ
Благодареніе приносимъ;
Молебны чувства взносимъ
Тебѣ въ пространны небеса
За явны чудеса,
Которыми Ты насъ возвысилъ непостижно,
Изъ всѣхъ земныхъ державъ такъ дивно,
Что честью превознесъ
И славой до небесъ:

[45] Гладь, змѣй, языкъ свой о пилу.

«Нѣкоторые скрытые недоброхоты, при полученіи извѣстій о побѣдахъ, хотя показывали радость, но всегда предвѣщали ужасы отъ Рейнскаго Союза».

[46] Ихъ съ Нѣмана по Обь могилы!

«*Нѣманъ* — извѣстная пограничная рѣка; а *Обь* — протекающая въ Сибири, куда отсылаются преступники».

Отечество мы оградили,
Царя и вѣру защитили
Отъ угрожавшихъ рабственныхъ оковъ;
Не зря на лесть и на соблазнъ даровъ,
На ужасы и самой смерти,
Галлъ не возмогъ насъ предъ собой простерти;
И симъ ужаснымъ бѣдствомъ Россъ
Еще превыше взросъ.

О Россъ! о доблъственный народъ, 37.
Единственный, великодушный,
Великій, сильный, славой звучный,
Изящностью своихъ добротъ!
По мышцамъ ты неутомимый,
По духу ты непобѣдимый,
По сердцу простъ, по чувству добръ,
Ты въ счастьи тихъ, въ несчастьи бодръ,
Царю радушенъ, благороденъ,
Въ терпѣньи лишь себѣ подобенъ.

Красуйся жъ и ликуй, герой, 38.
Что въ нынѣшнемъ ты страшномъ бѣдствѣ
Въ себѣ и всемъ твоемъ наслѣдствѣ
Далъ свѣту духъ твой знать прямой!
Лобзайте, родши, чадъ, — ихъ, чада,
Что въ васъ отечеству ограда
Была взаимна отъ враговъ;
Цѣлуйте, дѣвы, жениховъ,
Мужей, супруги, сестры, братья,
Что былъ всякъ твердъ среди несчастья.

И вы, Гесперья, Альбіонъ[47], 39.

[47] И вы, Гесперья, Альбіонъ.
«*Гесперія и Альбіонъ*, древнія имена Испаніи и Англіи».

Внемлите: палъ Наполеонъ!
Безъ насъ вы рано или поздно,
Но понесли бы грозно,
Какъ всѣ несутъ, его ярмо, —
Ужъ близилось оно;
Но мы, какъ холмы, бывъ внутрь жупломъ наполненны,
На насъ налегшій облакъ черный
Сдержавъ на раменахъ,
Огнь дхнули, — палъ онъ въ прахъ.
Съ гиганта ребръ въ Версальи трески,
А съ нашихъ рукъ вамъ слышны плески:
То въ общемъ, славномъ торжествѣ такомъ
Не должны ли и общихъ хвалъ вѣнцомъ
Мы чтить героевъ превосходныхъ,
Душою Россовъ твердыхъ, благородныхъ?
О, какъ мнѣ милъ ихъ взоръ, ихъ слухъ!
Плѣненъ мой ими духъ!

И се, какъ въявѣ вижу сонъ, 40.
Ношуся внѣ предѣловъ міра,
Гдѣ въ голубыхъ поляхъ эѳира
Витаетъ вождей россккихъ сонмъ.
Межъ ими тамъ въ бесѣдѣ райской
Рымникскій, Таврскій, Задунайскій
Между собою говорятъ:
«О, какъ вѣнецъ свѣтлѣй стократъ,
Что данъ не царствъ за расширенье,
А за отечества спасенье!

«Мамай, Желковскій, Карлъ путь святъ 41.
Къ безсмертью подали прямому
Петру, Пожарскому, Донскому; —
Кутузову днесь — Бонапартъ.
Доколь Москва, Непрядва и Полтава

Течь будутъ, ихъ не умретъ слава.
Какъ воинъ, что въ бою не палъ,
Еще хвалъ вѣчныхъ не стяжалъ;
Такъ громокъ странъ пусть покоритель,
Но лишь великъ ихъ, святъ спаситель.»

Поправдѣ, вѣчности лучей 42.
Достойны войны нашихъ дней.
Смоленскій князь, вождь дальновидный[48],
Не зря на толкъ обидный,
Великій умъ въ себѣ являлъ,
Безъ крови поражалъ
И въ бранной хитрости противника, безъ лести,
Превысилъ Фабія онъ въ чести.
Витгенштейнъ легче бить[49]
Умѣлъ, чѣмъ отходить
Средь самыхъ пылкихъ, бранныхъ споровъ,
Бывъ смѣлъ какъ левъ, быстръ какъ Суворовъ.
Вождь не предзримый, громъ какъ съ облаковъ,
Слеталъ на вражій станъ, на тылъ — Платовъ[50].
Но какъ исчислить всѣхъ героевъ,
Живыхъ и падшихъ съ славою средь боевъ?

[48] Смоленскій князь, вождь дальновидный.

«Изъ реляціи отъ 23 августа видно, что князь Кутузовъ предсказалъ, съ котораго мѣста Наполеонъ атаковать его будетъ, и что, вступивъ въ Москву, онъ его истребитъ. См. *Сѣверную Почту*, № 70 и 75».

[49] Витгенштейнъ легче бить.

«Въ одномъ донесеніи графа Витгенштейна видно, что легче ему было побѣждать Французовъ, нежели отъ нихъ ретироваться».

[50] Слеталъ на вражій станъ, на тылъ — Платовъ.

«Никто столько не безпокоилъ Наполеона, какъ сей генералъ своими казаками, такъ что Французы названія ихъ боялись. Журналъ *Сынъ Отечества*, № 9, стр. 128». — Ссылка на анекдотъ о старухѣ, которая словомъ *коза* испугала Французовъ, подумавшихъ, что она произноситъ *казакъ*. О Платовѣ см. Томъ II, стр. 648.

Почтимъ Багратіоновъ прахъ [51], —
Онъ живъ у насъ въ сердцахъ!

Се бранныхъ подвиговъ вѣнецъ! 43.
И разность межъ Багратіономъ
По смерти въ чемъ съ Наполеономъ?
Не въ чувствѣ ль праведныхъ сердецъ?
Для нихъ не больше ль знаменитый
Слезой, чѣмъ клятвами покрытый?
Такъ! мѣрилъ мѣрой кто какой,
И самъ возмѣренъ будетъ той.
Намъ правда Божія явила,
Какая Галловъ казнь постигла.

О полный чудесами вѣкъ! 44.
О міра колесо превратно!
Давно ль страшилище ужасно
На насъ со всей Европой текъ?
Но гдѣ днесь добычи богаты?
Гдѣ мудрые вожди, тристаты?
Гдѣ побѣдитель въ торжествахъ?
Гдѣ геній, блещущій въ лучахъ?
Не здѣсь ли имъ урокъ въ ученье,
Чтобъ царствъ не льститься на хищенье?

О, такъ! блаженство смертныхъ въ томъ, 45.
Чтобъ дѣйствовать всегда во всемъ
Лишь съ справедливостью согласно,
Такъ мыслить безпристрастно,
Что мы чего себѣ хотимъ,
Того желать другимъ.

[51] Почтимъ Багратіоновъ прахъ.

«Багратіонъ получилъ тяжкую рану при Бородинѣ, отъ которой скончался».

Судьбы Всевышняго, отнявъ скиптръ у Бурбоновъ,
По чертежу своихъ законовъ
Взявъ червя изъ червей,
Въ санъ облекли царей.
Долгъ былъ его, — къ чему былъ званный;
Но онъ, нечестьемъ обуянный,
Дерзнулъ Господню волю пренебречь,
Не стерть токъ слезъ, судъ правый не изречь
И быть отрекся миролюбнымъ,
Великимъ; но склоня свой слухъ ко трубнымъ
Онъ гласамъ, мнилъ быть и судьбѣ
Царь, Богъ, — и се не бѣ!

Не бѣ. — Но ты, монархъ, блистай 46.
Твоей небесной красотою;
То кротостью, то правотою
Владѣй, плѣняй и успѣвай
Лукъ налящать твой крѣпкій, сильный,
Чрезъ всѣ твои страны обширны
Ко ужасу твоихъ враговъ,
И грозный строй твоихъ полковъ,
Какъ туча молньями чревата,
Кругомъ возляжетъ царства свята.

Югъ, Западъ, Сѣверъ и Востокъ 47.
Подъ твой покровъ прострутъ ихъ длани,
Уйдетъ вражда, умолкнутъ брани,
Въ пшеницѣ не взрастетъ порокъ;
Цари придутъ къ тебѣ на сонмы,
Чтобъ миромъ умирить ихъ громы,
И скромну власть твою почтутъ;
Обыметъ совѣсть правый судъ;
Всѣмъ чувство въ грудь вольется ново,
И Царство снидетъ къ намъ Христово.

Печалью мрачныя главы 48.
Лучемъ возблещутъ вновь Москвы,
Вновь внидетъ благолѣпье въ храмы,
Съ обѣтомъ ѳиміамы
Возжгутся наши и сердца
Не забывать Творца;
Отца отечества несмѣтны попеченьи
Скорбей прогонятъ нашихъ тѣни;
Художествъ сонмъ, наукъ,
Торговъ, лиръ громкихъ звукъ, —
Всѣ возвратятся въ ихъ жилищи;
Свое и чуждо племя нищи
Придутъ, какъ подъ смоковницей, искать,
И словомъ: бывъ градовъ всѣхъ русскихъ мать,
Москва по прежнему возстанетъ
Изъ пепла, зданьемъ велелѣпнымъ станетъ,
Какъ фениксъ, снова процвѣтать,
Вѣнцомъ средь звѣздъ блистать.

И сей прелестный градъ Петровъ 49.
Отъ удовольствіевъ сердечныхъ,
Отъ радостей невинныхъ, честныхъ,
Да съ тѣмъ сравнится, съ облаковъ
Что снидетъ душъ святыхъ въ ограду,
Въ блаженство, въ сладость и въ прохладу,
Гдѣ съ камней, стѣнъ драгихъ лучи
Подъ гусльми взблещутъ и въ ночи;
Зной вздремлетъ древъ подъ осѣненьемъ,
Освѣтитъ царь своимъ все зрѣньемъ.

И изъ страны Россійской всей 50.
Печаль и скорби изженутся,
Въ ней токи крови не прольются,
Не канутъ слезы изъ очей;

Отъ солнца пахарь не сожжется,
Отъ мраза бѣдный не согнется;
Сады и нивы плодъ дадутъ,
Моря чрезъ горы длань прострутъ,
Ключи съ ключами сожурчатся,
По рощамъ пѣсни отгласятся.

Но, солнце! мой вечерній лучъ! 51.
Уже за холмы синихъ тучъ
Спускаешься ты въ темны бездны,
Твой тускнетъ блескъ любезный,
Среди лиловыхъ мглистыхъ зарь
И мой ужъ гаснетъ жаръ;
Холодна старость — духъ, у лиры — гласъ отъемлетъ,
Екатерины Муза дремлетъ:
То юнаго царя
Днесь вслѣдъ орловъ паря,
Предшествующихъ благъ видѣнья,
Что мною въ день его рожденья
Предречено, достойно пѣть
Я не могу; младымъ пѣвцамъ гремѣть
Мои ввѣряю ветхи струны,
Да черплютъ съ нихъ въ свои сердца перуны
Толь чистыхъ, ревностныхъ огней,
Какъ пѣлъ я трехъ царей.

XL. НА СМЕРТЬ ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ СМОЛЕНСКАГО,

апрѣля въ 16 день 1813 года [1].

Отколѣ палъ незапно громъ 1.
И молнія покрылась паромъ?
Грохочетъ всюду гулъ кругомъ!
Какимъ гордишься, Смерть, ударомъ,
Что дрогнула твоя коса?

Давно ль, давно ль, страна преславна, 2.
Въ блаженствѣ царствовала ты!
Гдѣ жъ красота твоя державна?
Не тотъ и взоръ, не тѣ черты!
Отколь тамъ грусть, гдѣ духъ великій?

[1] «По прибытіи главной квартиры въ Бунцлау 6/18 апрѣля, болѣзнь князя Кутузова, усилившаяся отъ простуды, заставила его остановиться. Здѣсь, среди торжествъ, возбужденныхъ наступленіемъ союзныхъ войскъ, суждено было ему окончить славную жизнь свою. Императоръ Александръ и король прусскій оставались въ Бунцлау до 9/21 апрѣля и ежедневно навѣщали стараго вождя, который, уже на одрѣ смерти, имѣлъ утѣшеніе вручить государю ключи Торна, — послѣдній трофей ввѣреннаго ему воинства! ... Король прусскій прислалъ къ нему знаменитаго врача Гуфеланда. Но уже были сочтены дни Кутузова. 16/28 апрѣля его не стало» (М. Богдановича *Исторія войны 1813 года*, т. I, стр. 115 и слѣдд.). Замѣчательно, что въ тогдашнихъ русскихъ газетахъ мы не находимъ извѣстія о кончинѣ фельдмаршала.

Эта ода, не включенная 1816 г. въ ч. V, была напечатана въ *Чт. въ Бес. люб. р. сл.* 1813 г., чт. XIII, стр. 107, съ подписью имени Державина, и оттуда перешла въ позднѣйшія посмертныя изданія сочиненій поэта. Ср. ниже, подъ этимъ годомъ, *Тлѣніе и нетлѣніе*, написанное на тотъ же случай.

Военный Геній твой въ слезахъ, 3.
Въ густомъ туманѣ ратна сила,
Всеобща скорбь слышна въ рѣчахъ,
По лаврамъ ты идешь уныло!
Гдѣ сынъ твой, гдѣ безсмертный вождь?

О рокъ! гдѣ вождь нашъ сильный? 4.
Гдѣ воевода грозныхъ стрѣлъ?
Онъ въ родинѣ своей обильной
На гладъ и моръ враговъ навелъ
И ихъ заставилъ жрать другъ друга!

Гдѣ онъ, со пламеннымъ мечемъ 5.
Женущій князя тмы и злобы,
Глотавшаго въ пути своемъ
Болѣзни, муки, смрадъ и гробы,
Бѣгущаго, какъ хищный волкъ?

Откликнись, вождь нашъ несравненный! 6.
Осиротѣлъ твой мечь въ ножнахъ!
На твой лежащій шлемъ священный
Уже валятся ржа и прахъ!
Не спишь ли ты въ сіяньи славы?

Злодѣй земли изъ безднъ встаетъ 7.
И страшны рветъ съ себя оковы!
Въ лицѣ луны кровавый цвѣтъ
Огнистый мещетъ взоръ суровый,
И змѣи дыбомъ на главѣ!

Проснись.... Но что?... желанья тщетны! 8.
Молчитъ весь міръ на голосъ мой!
Ссѣченный дубъ нашъ краткolѣтній
Не тмитъ уже лучей собой,
И шумъ вокругъ лишь въ листьяхъ мертвыхъ.

Вотъ генія блестящій вѣкъ! 9.
Гдѣ умъ? гдѣ духъ? гдѣ блескъ и сила?
И что такое человѣкъ,
Когда вся цѣль его — могила,
А сущность — горсть одна земли!

И свѣтъ и прахъ онъ здѣсь мгновенно, 10.
Но скрытый сей небесный громъ
Единымъ мигомъ въ жизни тлѣнной
Быть можетъ вѣчности лучемъ.
О призракъ свѣта непостижный!

Ты рабъ, — и рабъ благій иль злой, 11.
Съ закатомъ солнца тѣнь растуща!
Единый Богъ свѣтильникъ твой.
Струя, въ пути тебя несуща,
Несетъ и червя за тобой!

Отечества сыны прямые! 12.
Не унывайте въ скорбный часъ:
Все Богъ! — Его лучи святые
Съ рожденіемъ въ сердцахъ у васъ.
Орлу что пропасти бездонны?

Предшественница вѣра вамъ. 13.
Царь Сѣвера, отецъ народный,
Повергнувъ зло къ своимъ стопамъ,
Откроетъ къ счастью путь свободный
И землю отъ оковъ спасетъ.

Ступай, о Россъ, воитель ада! 14.
Горою бей и вихремъ рви,
Ударь дождемъ въ подобьи града,
Усѣй враговъ костями рвы.
Заря блаженства за тобою!

XLI. НА ПОБѢДУ АЛЕКСАНДРОМЪ І-мъ НАПОЛЕОНА ПОДЪ ЛЮЦЕНОМЪ[1].

Впервый изъ пращи вергнулъ громъ 1.
Ты собственной твоей рукою
На Голіаѳа шлемъ кичливый,

[1] Сраженіе подъ Люценомъ, 20 апрѣля, не было собственно побѣдой, но по тому, какъ дѣйствовали въ немъ союзныя войска и какъ сообщено было о немъ извѣстіе въ Россію, естественно, что оно у насъ было принято, въ то время, за побѣду. Въ *Сѣверной Почтѣ* 1813 г., № 36, сказано: «1-е число мая ознаменовано было здѣсь торжествомъ побѣды, одержанной въ присутствіи его императорскаго величества россійскими войсками въ соединеніи съ прусскими, подъ командою генерала отъ кавалеріи гр. Витгенштейна, надъ французскою арміею, подъ предводительствомъ императора Наполеона, апрѣля 20 числа, при мѣстечкѣ Люценѣ. ... Передъ начатіемъ молебствія управляющій военнымъ министерствомъ князь Горчаковъ читалъ о сей побѣдѣ извѣстіе» и проч. Современный намъ историкъ войны 1813 г. говоритъ: «Сраженіе при Люценѣ стоило Французамъ убитыми и ранеными вообще до 15 т. человѣкъ. ... Союзники захватили въ плѣнъ до 800 человѣкъ и взяли съ боя пять орудій. Съ нашей стороны уронъ былъ также значителенъ ... и весьма лишь немногимъ уступалъ непріятельскому. ... Въ награду за Люценское сраженіе графъ Витгенштейнъ (*главнокомандующій*) получилъ орденъ св. Андрея первозваннаго, Блюхеръ св. Георгія 2-й ст. ... При составленіи реляціи сраженія подъ Люценомъ императоръ Александръ приказалъ гр. Витгенштейну помѣстить отъ себя, въ заключеніе донесенія, слѣдующія собственноручно написанныя государемъ слова: Вообще не могу довольно отдать справедливости войскамъ, сражавшимся въ сей достопамятный день передъ глазами своихъ государей, какъ храбрости ихъ, такъ и порядку, съ коимъ подъ жарчайшимъ огнемъ всѣ движенія были исполняемы. Вслѣдъ за

О кроткій сѣверный Давидъ [2]! —
И Филистимлянинъ туманный
На прахѣ блѣдный, обуянный,
Средь войскъ, какъ дубъ въ лѣсу, лежитъ.

Взноси скорѣе шагъ другой 2.
И, мечъ твой изъ ноженъ извлекши,
Взмахни, да отъ него отблещетъ
По небосклону молній свѣтъ,
И трупъ безглавый, отдѣленный,
Въ крови гиганта погруженный,
Какъ островъ въ морѣ, поплыветъ;

Да зря чудовище, у ногъ 3.
Поверженно твоихъ, воскликнетъ
Побѣдну пѣснь тебѣ Европа,
Спасенная отъ узъ тобой,
И дерзки Наполеонисты [a]
Отъ золъ — къ тебѣ, твоей защиты
Придутъ искать, младый герой!

[a] ... Наполеониты (1813).

симъ не премину я представить объ отличившихся» (Богдановичъ, т. I, стр. 191 и слѣдд.).

Эти стихи, помѣченные въ рукописи 1-мъ мая, напечатаны въ *Сын. Отеч.* 1813 г, ч. 5, № XVIII, стр. 341, съ подписью *Д.*, и потомъ 1816 г. въ ч. V, XLVI.

[2] О кроткій сѣверный Давидъ!

Историкъ употребляетъ то же сравненіе, называя покойнаго Кутузова «орудіемъ всесильнаго Промысла, поразившимъ завоевателя такъ же неожиданно, какъ пораженъ былъ сильный Голіаѳъ рукою слабаго Давида» (Богдановичъ, т. I, стр. 118).

XLII. НА ДОМОВУЮ ЦЕРКОВЬ КНЯЗЯ А. Н. ГОЛИЦЫНА[1].

Суетъ мірскихъ во удаленьи, 1.
Во сумракѣ и тишинѣ,
Лишь солнца ярка въ озареньи
Молебный храмъ открылся мнѣ.
Ликъ ангельскій доходитъ слуху,
Небесну манну въ пищу духу
Мнѣ каплетъ съ высоты Сіонъ.
Что се? — не свѣтла ль сѣнь Өавора,
Иль храмина тѣхъ лицъ собора,
На челахъ чьихъ сіялъ огонь?

Иль первой христіанъ то церкви 2.
Укровъ благочестивыхъ душъ,
Гдѣ съ псальмами свершалъ втай жертвы
Носившій въ сердцѣ Бога мужъ?
Ущелья, мраки подземельны

[1] Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ род. 8 декабря 1773 г., ум. 22 ноября 1844. Когда писаны были эти стихи, отнесенные въ рукописи къ 1-му мая, онъ былъ уже членомъ государственнаго совѣта и главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій; по словамъ Вигеля (*Русск. Вѣст.* 1864 г., № VII, стр. 111), это послѣднее управленіе, въ началѣ весьма небольшое, было незадолго передъ тѣмъ создано для князя Голицына, котораго императрица Екатерина, при самой женитьбѣ Александра Павловича, помѣстила ко двору этого любимаго внука своего. Напеч. 1816 г. въ ч. V, XXIII.

Ему казались рощи сельны
И окрестъ бури — тишиной.
Голицынъ! вѣра движетъ холмы,
Спасаетъ, отвращаетъ громы
Отъ царствъ единою слезой.

Блаженъ, кто можетъ въ ней 3.
Свой утѣхи находить,
Быть здателемъ церквей
И души жизнію поить,
Сводя на землю небеса.
Се блескъ! се слава! се краса!

XLIII. СОСТРАДАНІЕ[1].

Блаженъ, на нища и убога 1.
Кто зритъ и въ лютый, скорбный день
Отъ зноя, жажды, глада строга
Спасетъ, — и кущъ своихъ подъ тѣнь
Его привесть не постыдится:
Онъ Господомъ вознаградится.

Господь самъ съ неба назидаетъ 2.
Его въ сей жизни и хранитъ,
Блаженствомъ всякимъ угобжаетъ,
Жатвъ изобиліемъ даритъ
И, избавляя бѣдъ и скуки,
Не предаетъ во вражьи руки.

Всегда ему воспомогаетъ, — 3.
Въ болѣзни даже на одрѣ,
Когда вкругъ ложа ужъ сверкаетъ
Его серпъ смерти — и въ зарѣ
Онъ вѣчности, — быть въ мглѣ ужъ мнится; —
Но, вдругъ воспрянувшимъ, здравъ зрится.

Такъ мнилъ, надѣясь я на Бога, 4.
И сострадателенъ всѣмъ былъ,
На лица сира зрѣлъ, убога, —
И Богъ стократъ мнѣ заплатилъ:
Когда мнѣ врагъ ковалъ напасти,
Сіялъ я паче въ славѣ, въ счастьи.

[1] Подражаніе псалму 41: Блаженъ разумѣваяй на нища и убога. Напеч. 1816 г. въ ч. V, х.

XLIV. ПОКАЯНІЕ[1].

Помилуй мя, о Боже! по велицѣй 1.
Мнѣ милости Твоей,
По множеству щедротъ, Твоей десницей
Сгладь грѣхъ съ души моей;
А паче тайныхъ беззаконій
Очисть; — ихъ знаю я.

Я знаю ихъ, — и зрю всѣхъ предъ собою 2.
Моихъ пороковъ тьму;
Се сокрушенной каюся душою
Тебѣ, лишь одному
Тебѣ, — что быть дерзнулъ лукавымъ
И укрывалъ мой грѣхъ.

Но льзя ль кому передъ Тобой въ чемъ скрыться, 3.
Коль все зришь, слышишь Ты?
Какъ можно на судѣ въ чемъ оправдиться
Предъ Тѣмъ, Кто и мечты
Душъ нашихъ и сердецъ всѣхъ знаетъ?
Онъ вѣрно побѣдитъ.

[1] Подражаніе псалму 50: Помилуй мя Боже по велицѣй милости Твоей. Напеч. 1816 г. въ ч. V, xi.

Такъ, знаетъ, что я зачатъ въ беззаконьи, 4.
Въ грѣхахъ родила мать,
Что внутрь меня коварство, а внѣ козни
Неправдой правду тмятъ, —
Ту правду, искру ту премудру,
Что Онъ во мнѣ возжегъ.

Ахъ! окропи жъ меня Ты звѣздъ иссопомъ, 5.
Водъ благости Твоей;
Омой, Творецъ, мнѣ грудь Ты слезъ потопомъ,
Внявъ вздохъ души моей,
Да сердцемъ уясняся чистымъ,
Бѣлъ буду я какъ снѣгъ.

Граждь слуху моему веселье, радость, 6.
Чтобы въ моихъ костяхъ
Смиренныхъ та вовѣкъ лилася сладость,
Пьютъ кою въ небесахъ.
Такъ, Боже! отврати взоръ грозный
Отъ слабостей моихъ.

Созиждь въ моей утробѣ сердце чисто, 7.
Духъ правый обнови,
Который бы, какъ солнце въ мглѣ лучисто,
Сіялъ въ моей крови,
И лика Твоего святаго
Съ меня не отврати.

Пошли мнѣ Твоего жаръ въ грудь спасенья 8.
И духомъ такъ своимъ
Владычнимъ утверди путь для ученья
Заповѣдямъ Твоимъ,
Чтобы къ Тебѣ и нечестивыхъ
Я обратить всѣхъ могъ.

Уста мои, о Творче! мнѣ отверзи 9.
На похвалу Твою,
Да холмы слышатъ, рѣки и безднъ брези,
Что я Тебя пою
И никому не посвящаю
Я пѣсень, какъ Тебѣ.

Ахъ! жертвы бъ восхотѣлъ коль Ты какія, 10.
Принесъ бы я давно;
Но не пріемлешь Ты мольбы иныя,
Вздыханье какъ одно:
Храмъ Богу — сердце сокрушенно,
Смиренный духъ — алтарь.

XLV. ТЛѢНІЕ И НЕТЛѢНІЕ[1].

Прекрасный, лѣпый, лучезарный, 1.
Кругомъ обтекшій витязь міръ,
Лучи метавшій жизнодарны
На понтъ, на землю, на эѳиръ,
О дивный побѣдитель мрака,
Всѣхъ смертныхъ ужасовъ и страха!
Что, солнце, видъ твой поблѣднѣлъ?
Во мглу златыя скрылись латы,
За облакъ шлемъ огневласатый,
И нѣтъ въ твоемъ ужъ тулѣ стрѣлъ!

Лѣса и холмы отдаленны 2.
Одѣлись темной синевой;
Долины злачны, холмъ зеленый
Подернулися блѣдной мглой;
Цвѣты, въ безмолвьи преклоненны,
Росою плачутъ окропленны;
Сверкаютъ молніи вдали;
Ревъ слышенъ громовъ, вѣтровъ свисты.
Ужель природы осенистый
Сей образъ смерти, образъ тли?

[1] Писано 12 октября на Званкѣ, въ память кончины Кутузова (см. выше, стр. 165, оду на тотъ же случай). Напеч. въ *Чт. въ Бес. люб. р. сл.* 1813, чт. XIV, стр. 56; потомъ въ *Сынѣ Отеч.* 1814, ч. 2, № III, стр. 122, и наконецъ 1816 г. въ ч. V, XXVIII.

Ужель и въ гробѣ созерцанный 3.
Отечества спаситель, вождь,
Герой, въ блескъ лавровъ увѣнчанный, —
Картина тлѣнія того жъ?
И добродѣтель просвѣщенна,
И службой честь пріобрѣтенна,
И слава, позднихъ гулъ временъ,
И уваженье царска рода,
И благодарность отъ народа,
И память вѣчная — все тлѣнъ?

Сей плачъ, сей стонъ и воздыханье 4.
Толь множества печальныхъ лицъ,
Прощальныхъ гимновъ отпѣванье
И возведеніе зѣницъ
Къ Творцу со пламенной мольбою,
Просящею душамъ покою
(Чрезъ что суть мертвы и живы
Ввѣкъ, небо и земля въ сношеньѣ
Между собой), ужели тлѣнье?
И нѣтъ безсмертія? — Увы!

Нѣтъ, есть благій Богъ и безсмертный, 5.
Есть правда, и безсмертье есть.
Чрезъ Промыслъ свой Онъ неизслѣдный
Въ свой вѣчный свѣтъ возводитъ персть.
Добро отъ злобы отдѣляя,
Ту въ тму, то въ солнцы помѣщая,
Всѣхъ зиждетъ царствіе небесъ.
Порокъ изъ праха не воспрянетъ,
А добродѣтель вѣчно станетъ
Пить свѣтъ и жизнь Творца съ очесъ.

Се тлѣнье есть, въ чемъ и нетлѣнье[a]. 6.

[a] Се тлѣнье въ чемъ есть и нетлѣнье (1813).

Отверзты вижу небеса:
Въ лазурномъ блещетъ отдаленьѣ
Непостижимая краса!
Не тамъ ли Божеска держава,
Жизнь вѣчная, блаженство, слава?
Восторгъ объемлетъ умъ и духъ!
Зрю невечерне солнце ново!
Гармоньи тихой внемлю слово, —
Вселенна преклонила слухъ:

«Гряди, о добрый, доблій воинъ! 7.
На вѣчно свѣтло торжество;
Ты царства *Моего* достоинъ,
Ты чтилъ и вѣрилъ въ Божество.
Полнъ къ человѣчеству любовью,
Не славился его ты кровью;
Разилъ враговъ, въ слезахъліясь.
Спасавъ отечество и вѣру,
Къ царю блюлъ долгъ, себѣ зналъ мѣру:
Въ безсмертье внидь, Смоленскій князь!»

XLVI. НА ПОБѢДУ ПРИ ЛЕЙПЦИГѢ[1].

Твоя побѣдная десница 1.
Высоко славой вознеслась!
Надменный запада Денница[2],
Тобой змѣй раненый, віясь
Въ ужасныхъ кольцахъ, пресмыкаетъ,
За Рейнъ путь кровью уливаетъ
И зѣвомъ міръ еще страшитъ.
Но кто Богъ велій, какъ Богъ неба?
Главу во правду, шлемъ въ блескъ Феба,
Облекъ тебя Онъ вѣры въ щитъ.

И сталъ ты бичъ непобѣдимыхъ, 2.
Какъ богъ величія въ лучахъ!
Нѣтъ стѣнъ тебѣ ненизложимыхъ:

[1] Битва подъ Лейпцигомъ, начавшаяся 5 октября, кончилась 7 числа бѣгствомъ Наполеона; союзные же монархи заняли городъ. Стихотвореніе Державина было напечатано сперва въ *Сынѣ Отечества* 1813 г., ч. 10, № XLVI, стр. 47, съ подписью *Державинъ*, потомъ 1816 г. въ ч. V, XLVII.

[2] Надменный запада Денница.

См. Томъ II, стр. 224. Байронъ также сравнивалъ Наполеона съ Денницей. Въ извѣстной одѣ своей «To Napoleon Buonaparte» (строфа 1) онъ говоритъ:

Since he, miscall'd the Morning Star,
Nor man, nor fiend hath fallen so far.

(Со временъ того, кто былъ прозванъ Денницей, ни человѣкъ, ни злой духъ не падалъ такъ низко).

Намѣсто страха — всѣмъ ты благъ,
И сердца кротость, добродѣтель
Твоя — такихъ чудесъ содѣтель,
Не видывалъ сей міръ какихъ!
Враги безъ боя отдаются;
Силъ горсть твоихъ — врагъ съ тьмой дерутся:
Подъ Кульмомъ мы плѣнили ихъ.

Такъ, ты днесь въ образецъ вселенны 3.
Творишь, избранникъ! чудеса:
Монархъ, въ невинность облеченный,
Къ себѣ склоняетъ небеса. —
Мужайся и ревнуй ихъ волѣ:
Не будетъ съ дней твоихъ ужъ болѣ
Персъ, Грекъ и Римъ великимъ чтимъ
За покореніе вселенны,
Корсъ зломъ затмится, погребенный,
Какъ солнцемъ нощь, лучемъ Твоимъ!

XLVII. НОВОГОРОДСКІЙ ВОЛХВЪ ЗЛОГОРЪ[1].

(Хоръ).

Бояновъ послухъ, скальдъ сѣдый! 1.
На мрачномъ Волховѣ[а], лѣнивомъ
Возсядь — и въ гулѣ горъ игривомъ,
На арфѣ древніе слѣды[б]

[а] На мутномъ Волховѣ ... (Черн. рукоп.).
[б] Пой арфой древнихъ лѣтъ слѣды.

[1] Начато 13-го марта въ Петербургѣ. — Имя *Злогоръ* встрѣчается въ одномъ отрывкѣ мнимо-древняго стихотворенія, о которомъ Державинъ упоминаетъ въ своемъ *Разсужденіи о лирической поэзіи*. «Если справедливо», говоритъ онъ, «недавнее открытіе одного славяно-русскаго стихотворнаго свитка перваго вѣка и нѣсколькихъ проирзеченій пятаго столѣтія новогородскихъ жрецовъ, то и они принадлежатъ къ сему роду мрачныхъ временъ стихосложенія. Я представляю при семъ для любопытныхъ отрывки оныхъ; но за подлинность оныхъ не могу ручаться, хотя, кажется, буквы и слогъ удостовѣряютъ о ихъ глубокой древности». Отрывокъ, гдѣ названъ Злогоръ, такъ переведенъ въ *Разсужденіи* Державина:

«Не умолчи, Боянъ, снова воспой:
О комъ пѣлъ, благо тому.
Суда Велесова не убѣжать,
Славы Славяновъ не умалить.
Мечи Бояновы на языкѣ остались;
Память *Злогора* волхвы поглотили.
Одину вспоминаніе, Скиѳу пѣснь.
Златымъ пескомъ тризны посыплемъ».

Имя Злогора Державинъ соединилъ съ преданіемъ, о которомъ онъ говорилъ еще въ 1807 г. въ стихотвореніи *Жизнь званская* (строфы 58 и

Изъ праха извлекавъ забвенья,
Потомкамъ позднимъ въ удивленье,
Грянь, пой дѣла намъ прошлыхъ лѣтъ,
Изъ тмы ихъ воскрешая въ свѣтъ.

59; см. Томъ II, стр. 644): тамъ онъ объяснилъ въ примѣчаніи, что возлѣ званской усадьбы находится курганъ и что, пожалуй, подъ этимъ курганомъ погребенъ вождь, или волхвъ, о которомъ разсказываютъ, будто онъ, превращаясь въ крокодила и въ разныхъ чудовищъ, пожиралъ людей, плававшихъ по Ильменю и по Волхову, отъ чего эта рѣка будто бы и получила свое названіе. Сходно съ этимъ и Карамзинъ приводитъ сказку, будто изъ пяти братьевъ, пришедшихъ отъ Чернаго моря и открывшихъ чрезъ *волхвованіе* мѣсто, гдѣ имъ слѣдовало водвориться, старшій братъ *Словенъ* поселился на рѣкѣ *Мутной*, основалъ городъ *Словенскъ* и назвалъ рѣку Мутную *Волховомъ* ... Онъ «былъ *лютый чародѣй*, принималъ на себя образъ крокодила, скрывался въ рѣкѣ, топилъ и пожиралъ людей, не хотѣвшихъ обожать его какъ Перуна. Онъ жилъ въ особенномъ городкѣ на берегу рѣки, въ томъ мѣстѣ, которое именуется Перынью и гдѣ язычники поклонялись ему. Они увѣряли, что Волховъ *сѣлъ въ боги;* но мы знаемъ, что бѣсы утопили его въ рѣкѣ. Надъ тѣломъ злаго чародѣя, волнами изверженномъ въ Перыни, злочестивые отправили тризну и насыпали высокую могилу, которая черезъ три дни провалилась въ адъ». Сказку эту Карамзинъ нашелъ въ рукописныхъ сочиненіяхъ одного дьякона конца XVII вѣка, въ синодальной библіотекѣ (*И. Г. Р.*, т. I, прим, 70 и 91). Она была извѣстна еще Ломоносову, который видѣлъ въ ней аллегорію. Вотъ что онъ говоритъ въ *Показаніи россійской древности:* «Басня о претвореніи Словснова сына въ крокодила сходствуетъ весьма съ тогдашними обыкновеніями. Ибо по морю Варяжскому и по втекающимъ въ него судопроходнымъ рѣкамъ чинились великіе разбои, на которые выходили часто княжескія и королевскія дѣти. Итакъ не дивно, что волхвъ, разбойничая по рѣкѣ Мутной, почитался за крокодила и далъ ей свое имя отъ волшебства» (*Соч.* Лом., изд. Смирд., т. III, стр. 11).

Пьеса *Злогоръ* въ рукописяхъ Державина названа балладой, о чемъ см. выше стр. 120. Замѣчаемое здѣсь смѣшеніе славянскихъ преданій и басень съ скандинавскими встрѣчается уже и въ нѣкоторыхъ старинныхъ сказкахъ, наприм. въ вышедшихъ изъ типографіи Новикова подъ заглавіемъ *Вечерніе часы или древнія сказки Славянъ древлянскихъ* (М. 1787—1788, см. особенно ч. I).

Злогоръ напеч., съ значительными измѣненіями противъ первоначальной редакціи, 1816 г. въ ч. V, xxxvi, гдѣ противъ заглавія примѣчаніе: «Взято изъ новогородскаго баснословія».

(Скальдъ).

Внемлите! съ южныя отчизны[в] 2.
Оденъ пришелъ на край нощной,
Съ нимъ Велесъ; волхвъ же Злогоръ, тризны
Вѣкъ въ память сдѣлавшись рѣкой,
Сталъ Волховомъ съ временъ тѣхъ зваться,
Могильны холмы омывать,
Сребристымъ зміемъ изгибаться,
Вкругъ враномъ и сычемъ летать.

Такъ онъ, изверженецъ изъ ада, 3.
Всѣхъ козней демонскихъ соборъ,
Славяновъ сынъ, Славяна града
Колдунъ, слѣпившій черни взоръ
Очарованьями, мечтами,
Во громы, въ мольни, въ вихри, въ дождь
Преображавшійся часами,
Былъ крокодилъ, волхвъ, князь, жрецъ, вождь.

Онъ невѣгласовъ[2] вмѣсто Бога 4.
Принудилъ силой, страхомъ чтить
Кумиръ Перуна-Чернорога
И кровь ему съ мольбой ихъ лить;
Но жертвъ ему не приносившихъ
Самъ и чрезъ чадъ своихъ губилъ:

[в] Пой, съ южной какъ пришли отчизны
Оденъ, Велесъ на край нощной
И волхвъ Злогоръ для вѣчной тризны
Между холмовъ потекъ рѣкой.
И Волховомъ сей волхвъ съ тѣхъ поръ
Сталъ зваться, былъ что извергъ ада *и проч.*

[2] Онъ невѣгласовъ...
Невѣгласъ, церк.-слав., невѣжда, несвѣдущій.

Невой, Ильменемъ, Мшагой плывшихъ[3]
Шелонью, Ладогомъ топилъ.

(Хоръ).

Бояновъ послухъ, скальдъ сѣдый! 5.
На мрачномъ Волховѣ, лѣнивомъ
Возсядь — и въ гулѣ горъ игривомъ,
На арфѣ древніе слѣды
Изъ праха извлекавъ забвенья,
Потомкамъ позднымъ въ удивленье,
Грянь, пой дѣла намъ прошлыхъ лѣтъ,
Изъ тмы ихъ воскрешая въ свѣтъ.

(Скальдъ).

Злогора душу взяли черти; 6.
Но слухъ такъ страшенъ былъ о немъ,
Что люди добрые, по смерти
Въ гробъ положивши ницъ лицомъ,
Такъ спрятали его въ могилу,
Чтобъ имъ не вреденъ былъ тиранъ,
Осиновъ колъ ему вбивъ съ тылу,
Надъ нимъ насыпали курганъ.

Но онъ и по своей кончинѣ 7.
Творилъ премножество проказъ,
Какъ переносится донынѣ
О немъ старухъ и бабъ разсказъ:
Плелъ басни, смуты, сѣялъ шашни,
Былъ женъ посадничьихъ дружокъ,
Леталъ въ повалуши ихъ, въ башни,
И внизъ и вверхъ, какъ голубокъ.

[3] ... Ильменемъ, Мшагой плывшихъ *и проч.*
«Рѣки и озеро новгородской губерніи». Д. — О формѣ *Ладогомъ* см. выше стр. 38.

Въ куту Кикиморой незримой 8.
Сидѣлъ онъ часто на печи;
Весь ужинъ, къ вечеру хранимой,
Съѣдалъ, зубами скрыпучи;
А по ночамъ, къ хозяйску диву,
Скакалъ на клячахъ по сту верстъ;
Коню жъ любимому плелъ гриву
И какъ трубу волнистый хвостъ.

(Хоръ).

Бояновъ послухъ, скальдъ сѣдый! 9.
На мрачномъ Волховѣ лѣнивомъ
Возсядь — и въ гулѣ горъ игривомъ,
На арфѣ древніе слѣды
Изъ праха извлекавъ забвенья,
Потомкамъ позднымъ въ удивленье,
Грянь, пой дѣла намъ прошлыхъ лѣтъ,
Изъ тмы ихъ воскрешая въ свѣтъ.

(Скальдъ).

Вадима въ бунтъ на Гостомысла 10.
Всю чернь сей поджигалъ Злогоръ,
Вперяя противъ здрава смысла
Въ Варяговъ и въ Славянъ раздоръ;
Онъ тожъ не допущалъ Добрыню
Новогородцевъ окрестить,
На холмахъ водружать святыню
И идоловъ въ рѣкахъ топить.

Противился и Ярославу 11.
Въ суды онъ Правду Русску ввесть,
И бабу злу, Ягу лукаву,
Посадницу всѣмъ Мароу въ честь

На колымагѣ вскачь съ желѣзнымъ
Пестомъ велѣлъ возить на вѣчь;
На Хутынѣ жъ огнемъ подземнымъ[4]
Царя бѣгъ Грознаго сожечь.

И днесь на Званкѣ онъ проказитъ, 12.
Тьмы ночью дѣлая чудесъ:
Златой луной на Волховъ слазитъ,
Лучемъ въ немъ пишетъ горы, лѣсъ
И, лоснясь съ колкунами[5] длинной
Какъ снѣгъ брадой, склонясь челомъ,
Дрожитъ въ струяхъ, — иль, въ холмъ могильной
Залегши, въ мракъ храпитъ какъ громъ.

[4] На Хутынѣ жъ огнемъ подземнымъ *и проч.*

Хутынскій монастырь (ср. Томъ II, стр. 439 и 632), основанный въ 1192 г., лежитъ на Волховѣ, верстахъ въ 10-ти къ сѣверу отъ Новгорода, на прежней большой московской дорогѣ. Сюда заѣзжалъ на пути въ Новгородъ царь Иванъ Грозный (*И. Г. Р.*, т. IX, прим. 388). Въ ризницѣ хранится трость его, которую онъ бросилъ, убѣгая изъ монастыря при чудесномъ огненномъ запаленіи, происшедшемъ отъ гроба преп. Варлаама, основавшаго эту обитель (*Ист. росс. іерархіи*, ч. VII, стр. 616).

[5] И, лоснясь съ колкунами...

Слова *колкунъ* нѣтъ ни въ одномъ словарѣ. Не опечатка ли это? Вѣроятно, должно читать: *колтунами.* Хотя названіе *колтунъ* собственно означаетъ въ западныхъ губерніяхъ болѣзнь (plica polonica), при которой волосы на головѣ спутываются и образуютъ какъ бы густую массу и которая господствуетъ особенно въ болотахъ минской губерніи; но по устному свидѣтельству г. Даля, это слово извѣстно также и въ нѣкоторыхъ великорусскихъ мѣстностяхъ, гдѣ оно равносильно слову *косма:* народъ говоритъ, наприм., что домовой заплетаетъ у лошадей гриву въ *колтуны.*

Къ сожалѣнію, мы не могли сличить печатнаго текста этой строфы съ рукописнымъ, потому что въ тетрадяхъ Державина сохранилась только первая половина настоящаго стихотворенія.

XLVIII. НА ОТБЫТІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ КЪ ГОСУДАРЮ ВЪ ЗАГРАНИЧНУЮ АРМІЮ,

19 декабря 1814 года [1].

Ужъ двадцать лѣтъ какъ украшаешь 1.
Ты росска трона вышину,
Ужъ двадцать лѣтъ изображаешь
Щедроту, кротость, тишину:
Кто зрѣлъ лицо твое сурово?
Кому рекла обидно слово?
Виною чьихъ была ты слезъ?

[1] Въ № 102 *Сѣверной Почты* 1813 года, декабря 20, напечатано: «Вчера въ пятницу государыня императрица Елисавета Алексѣевна отбыть изволила изъ сей столицы въ чужіе краи по тракту въ Берлинъ и Франкфуртъ на Майнѣ». Къ этому-то случаю относятся стихи Державина, начатые имъ впрочемъ за два года предъ тѣмъ въ похвалу императрицы, какъ показываетъ первоначальная редакція, начинающаяся такъ:

Осмнадцать лѣтъ ты украшаешь
Россійска трона вышину.

Это начало — подражаніе двумъ первымъ стихамъ одной строфы Ломоносова (въ 18-й одѣ его, см. строфа 23):

«Осмнадцать лѣтъ ты украшала
Благословенный домъ Петровъ».

Пьеса Державина была напечатана въ *Сынѣ Отеч.* 1813 г., ч. 10, № LI, стр. 253; потомъ 1816 г. въ ч. V, XLVIII.

Во храмѣ ль ты, — благочестива,
Въ чертогахъ ли, — ласкорѣчива.
Твой свѣтлый взглядъ есть взглядъ небесъ.

Но днесь отъ насъ ты отъѣзжаешь, 2.
Все наше сердце рвешь съ собой;
Такъ вслѣдъ свой души увлекаешь,
Какъ солнце — птицъ парящихъ рой,
Въ иной предѣлъ катяся свѣта.
Нашъ духъ тамъ, гдѣ Елисавета!
И чѣмъ воздать за цѣпь цвѣтовъ,
Твоимъ супругомъ намъ сплетенну,
Владѣньемъ кроткимъ наложенну,
Какъ не любовью за любовь?

Гряди жъ, жена благословенна, 3.
Воззванна нѣжностію въ путь,
Усердіемъ препровожденна,
Обнять героя бранну грудь,
И подъ трудомъ главу склоненну,
Безсмертнымъ лавромъ осѣненну,
На лонѣ нѣги умасти.
Согласье ваше намъ пріятно;
Но возвратись скорѣй обратно
И намъ на сѣверѣ свѣти.

Такъ, если мать, родство драгое, 4.
Спѣшишь зрѣть душъ восторгъ ты ихъ,
То вспомнь и божество другое,
Другую мать, другихъ родныхъ,
Тебя любящу полвселенну.
Ты, кою жизнь намъ дать блаженну
Въ залогъ низслали небеса,
Явись скорѣй съ своимъ супругомъ,

За миръ земнымъ воспѣта кругомъ,
Желанный плодъ намъ принеся.

Да видя странъ другихъ народы 5.
Въ васъ благотворну имъ чету,
Передадутъ изъ рода въ роды
Монарховъ россклхъ красоту,
И возгремятъ ихъ всюду клики,
Что только таковы владыки
Царствъ могутъ счастье созидать,
Кто благостью, умомъ, геройствомъ,
Любовью, правотой, спокойствомъ
Умѣютъ подданныхъ плѣнять.

XLIX. НА ОТБЫТІЕ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА И МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА КЪ АРМІИ,

5 февраля 1814 года [1].

Птенцы, спорхнувшіе съ гнѣзда 1.
Полсвѣтнаго Петрова [a] дома,
Орлы младые, вожди грома!
Ужель пришла и вамъ чреда
Парить, ширяться въ поднебесной
И молніей дракона жечь?

Но вы едва суть оперенны, 2.
Съ крылъ льетъ чуть лоскъ на раменахъ:
Почто же, въ бурю устремленны,
Вы рѣете на явный страхъ,
Оставя блещущихъ слезами
Нѣжнѣйшу матерь и сестру,

И домъ, любящій васъ, и слугъ, 3.
Усердьемъ коихъ и раченьемъ,
Примѣромъ родшей и ученьемъ
Вы свой питали юный духъ,
Чтить добродѣтель навыкая,
И бремена какъ царствъ носить?

Постойте! — Иль породѣ сроку 4.
Боговъ для возмужанья нѣтъ?

[a] Полночнаго Петрова ... (1814).

---

[1] Напеч. сперва въ *Сынѣ Отеч.* 1814, ч. 12, № VII, стр. 31; потомъ 1816 г. въ ч. V, XLIX.

Коль такъ, не устрашаясь року,
На исполинскій мчитесь слѣдъ,
Да будетъ братъ вашъ въ томъ свидѣтель,
Колико вамъ любезна честь!

Летите подъ его надзоръ 5.
И, славными его путями
Обвивъ челъ вашихъ верхъ звѣздами,
Дивите тожъ царей соборъ,
Какъ онъ, дивя, исторгъ Европу
И всю подсолнечну отъ узъ.

Летите — и съ Невы до Сены[б], 6.
На поприщѣ толь многихъ царствъ,
Окинувъ окомъ перемѣны[в]
Боренья правды и коварствъ,
Воспользуйтесь урокомъ рѣдкимъ,
Нужнѣйшимъ для владыкъ земныхъ,

Что тотъ, кто не позналъ правдиво 7.
На самыхъ опытахъ дѣла,
Не можетъ править царствъ счастливо,
Не знавъ цѣны добра и зла;
Путь[г] Демона и Генья видя,
Познайте, Богу какъ служить.

И будутъ всѣ благословенны 8.
Шаги стопъ вашихъ въ семъ пути,
Мольбой Маріи споспѣшенны,
Колико славны, столь святы!
Да вы, небесъ намъ подъ покровомъ,
Во здравьи возвратитесь вспять!

[б] А отъ высотъ, съ Невы до Сейны.
[в] Окинувъ дѣйствій всѣхъ премѣны,
Боренье . . .
[г] Плодъ . . .
. . . Богу чѣмъ служить.

L. СОЧИНИТЕЛЬНИЦѢ СТИХОВЪ:

КЪ ФАНТАЗІИ И НА СМЕРТЬ ПОДРУГИ[1].

—

Олимпія! — На Пиндѣ Россовъ
Соперница Пиндара струнъ,
Которой Фебъ[a] и Ломоносовъ,
Внушивъ фантазіи перунъ,
Высокихъ мыслей стройность, вкусъ,
Свои бы лиры уступили!
Тебя ихъ лаврами покрыли, —
Подруга, Бѣлышева, Музъ!

[a] Которой Флаккъ ... (позднѣйшая рукоп.).

—

[1] Въ № IX *Сына Отечества* на 1814 годъ были помѣщены стихи въ подписью Б. и съ примѣчаніемъ отъ редактора: «Сіи стихи сочинены одною изъ выпускаемыхъ нынѣ воспитанницъ с-петербургскаго училища св. Екатерины». Они оканчивались куплетомъ, который выписываемъ:

«Еще понынѣ Ломоносовъ
Повсюду славою гремитъ —
И къ чести, славѣ храбрыхъ Россовъ
Его иноплеменный чтитъ:
Не ту же ль участь велегласно
Провозглашаешь ты всечасно
Пѣвцу Фелицы и другимъ?
Воззри, и мы соплещемъ имъ».

Въ вышедшей вслѣдъ за тѣмъ книжкѣ *Сына Отечества* (ч. 2, № X, стр. 154) появился отвѣтъ Державина, который потомъ не вошелъ въ собраніе его сочиненій и отнесенъ былъ къ числу мелкихъ его стихотвореній, оставшихся ненапечатанными.

LI. ХРИСТОСЪ[1].

Никтоже пріидетъ ко Отцу, токмо мною.
Іоан. гл. 14, ст. 6.

О Сый, котораго перомъ[2], 1.
Ни бреннымъ зрѣніемъ, ни слухомъ[3],
Ниже витійства языкомъ
Не можно описать, а духомъ[4]

[1] Эта духовная ода Державина не имѣетъ ничего общаго ни съ латинскимъ гимномъ Гейнзіуса, въ переводѣ Опица (Dan. Heinsii Lobgesang Jesu Christi), ни съ тѣми многочисленными стихотвореніями на эту же тему, которыя можно найти у подражателей германскаго поэта (см. Гервинуса Geschichte d. deut. Dichtung, т. III, стр. 210 и 234).

Во II-мъ Томѣ нашемъ, въ примѣчаніи къ *Безсмертію души* (стр. 3), мы уже упомянули мимоходомъ, какъ высоко Мицкевичъ ставилъ оду *Христосъ*, хотя и находилъ начало ея слабымъ. «Le commencement de son ode *au Christ* est très-faible. Il regarde toujours le Christ comme un souverain: cette idée de souveraineté le domine. Il admire surtout l'origine du Christ, sa puissance extérieure, l'éclat de sa gloire. Mais vers la moitié de l'ode le poète est à lui-même, il développe son système, d'ailleurs très-philosophique, il regarde l'homme, d'après quelques-unes des traditions religieuses, comme ayant été créé sans la matière, et comme matérialisé par sa propre faute. Jésus, la lumière divine, arrive pour le relever. Il y a des vers admirables de simplicité et de naïvete; je ne trouve

[2] «*Сый*, всегда вездѣ пребывающій. Іоанна гл. 1, ст. 18: *Сый въ лонѣ отчи*». Д.

[3] «Тамъ же: *Бога никтоже видѣ нигдѣже*».

[4] «Къ Коринѳян. первое послан. Павла, гл. 12, ст. 3: *Никто же можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ*».

И вѣрой пламенной молить!
Твоею благодатью плѣнный,
Какъ бы на небо восхищенный[5],
Тебя дерзаю я гласить[6]. —

Тебя; — но кто же сущій Ты, 2.
Что человѣкомъ чтимъ и Богомъ?
Лице, какъ солнца красоты[7]!
Хитонъ, какъ снѣгъ во блескѣ многомъ!

rien de pareil dans les autres ouvrages de Dierżawin*». За этимъ слѣдуютъ строки, уже приведенныя нами въ указанномъ мѣстѣ и содержащія между прочимъ странную догадку Мицкевича, будто поэтъ написалъ оду *Христосъ* въ первой молодости. Наконецъ Мицкевичъ особенно выставляетъ конецъ 12-й, 13-ую и 15-ую строфы: въ послѣдней онъ находитъ философическую идею.

Ода эта сперва была напечатана отдѣльно въ 1814 году (въ типографіи военнаго министерства), подъ заглавіемъ: *Христосъ. Свыше Благословенному приношеніе.* Имя автора только въ концѣ. Потомъ 1816 г. въ ч. V, п. Въ 1851 году ода *Христосъ* была опять издана отдѣльно въ Петербургѣ, Натальею Расторгуевою (въ большую осмушку, 16 страницъ).

Такъ какъ всѣ примѣчанія къ этому стихотворенію ограничиваются ссылками на Св. Писаніе, сдѣланными Державинымъ, то для сбереженія мѣста не выписываемъ подъ текстомъ стиховъ, къ которымъ онѣ относятся.

5 «Къ Коринѳ. второе послан. гл. 12, ст. 2: *Восхищена бывша до третіяго небесе*».

6 «Послан. первое Іоан. Богосл. гл. 2, ст. 27: *Помазаніе въ васъ пребываетъ, и оно учитъ вы о всемъ*».

7 «Матѳ. гл. 17, ст. 2: *Лице его яко солнце.* — Марка гл. 9, ст. 3: *Ризы блестящи яко снѣгъ*».

* «Начало его оды *Христосъ* очень слабо. Онъ все смотритъ на Христа какъ на царя; эта идея державной власти у него господствуетъ. Онъ восхищается особенно происхожденіемъ Христа, его внѣшнимъ могуществомъ, блескомъ его славы. Но около середины оды поэтъ становится достоинъ себя, онъ развиваетъ свою систему, весьма философическую, и, основываясь на нѣкоторыхъ религіозныхъ преданіяхъ, признаетъ человѣка созданнымъ безъ матеріи и матеріализованнымъ по собственной своей винѣ. Іисусъ, божественный свѣтъ, является къ нему на помощь. Есть стихи изумительные по простотѣ и чистосердечности; ничего подобнаго не нахожу въ другихъ сочиненіяхъ Державина».

Изъ ребръ нетлѣнныхъ льется кровь[8]!
Лучи — всю плоть просіяваютъ!
Небесный взоръ, уста дыхаютъ
Сладчайшимъ благовѣстьемъ словъ!

Кто Ты, — что къ намъ сходилъ съ небесъ 3.
И паки въ нихъ вознесся въ славѣ[9]? —
Вовѣкъ живый и тамъ и здѣсь
Несмѣтныхъ царствъ своихъ въ державѣ[10],
Въ округѣ и срединѣ сферъ.
Хлѣбъ жизни и животъ струй вѣчныхъ[11],
Самъ святъ, безгрѣшенъ; а всѣхъ грѣшныхъ
Единая къ спасенью дверь[12]!

Кто Ты, — кого изъ древнихъ лѣтъ 4.
Сивиллы, маги и пророки[13]
Приходъ предвозвѣстили въ свѣтъ;
Полкъ горнихъ силъ сквозь блескъ далекій[14]
Дивился съ трепетомъ кому,

[8] «Іоан. гл. 20, ст. 27: *Принеси руку и вложи въ ребра моя*».

[9] «Іоан. гл. 3, ст. 13: *Никтоже взыде на небо, токмо сшедый съ небесе*».

[10] «Іоан. гл. 14, ст. 2: *Въ дому Отца моего обители многи суть*».

[11] «Іоан. гл. 6, ст. 51: *Азъ есмь хлѣбъ животный.* — Тамъ же гл. 7, ст. 37: *Аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко мнѣ, и піетъ*».

[12] «Іоан. гл. 10, ст. 9: *Азъ есмь дверь, мною аще кто внидетъ, спасется*».

[13] «Царица Никавля и она же Сивилла Савская, увидя въ Іерусалимѣ у Соломона не гніючее древо, на коемъ около тысячи лѣтъ послѣ распятъ Христосъ, въ изступленіи возгласила: *Се древо, на немъ же Богъ облеченный плотію умретъ въ воскресеніе.* — Также Эрифрейская, Куманская и прочія Сивиллы и Трисмегистъ въ Египтѣ предвѣщали о Христѣ. См. Лактанція въ 4 кн. — Магъ Сирійскій Валаамъ, 4 книги Числъ Моисея гл. 24, ст. 17, сказалъ: *возсіяетъ звѣзда отъ Іакова и возстанетъ человѣкъ отъ Израиля.* — Пророкъ Аввак. гл. 3, ст. 1: *Господи, услышахъ слухъ твой и убояхся*, и проч.» О царицѣ Савской см. книгу 3-ю Царствъ, гл. 10. Ср. ниже, подъ 1815 г., *Полдень*.

[14] «Іова гл. 38, ст. 7: *Возгласиша мя гласомъ веліимъ вси Ангели мои*».

Что Бога и Царя небесна,
Безсмертна суща, безтѣлесна,
Сходяща видятъ смерти въ тму?

Кто Ты, — въ которомъ сквозь эфиръ [15] 5.
Съ горы ниспадшій зрѣлся камень,
Кѣмъ міра сокрушенъ кумиръ;
Тотъ лѣпый юноша, что пламень [16]
Внутрь пещи въ росу претворилъ,
И прежде, чѣмъ на свѣтъ явился,
Во тьмѣ чудесъ предобразился
И чаяньемъ языкомъ былъ [17]?

Кто Ты, — котораго звѣзда [18] 6.
Часъ возвѣстила въ міръ явленья,
Казала путь къ кому ведя
Царямъ, волхвамъ для поклоненья;
Чей тронъ не въ златѣ средь порфиръ,
Но въ вертѣ*, въ ясляхъ былъ возвышенъ [19],
Надъ кѣмъ ликъ ангеловъ былъ слышенъ:
Сошелъ во человѣки миръ!

Кто Ты, — вспять Іорданъ бѣжалъ [20] 7.
Кого омыть съ стремленьемъ шумнымъ,

15 «Даніилъ гл. 2, ст. 34: *Отторжеся камень отъ горы безъ рукъ, и удари тѣло въ нозѣ желѣзны и скудельны, и истни ихъ до конца*».

16 «Дан. гл. 3, ст. 92: *И зракъ четвертый подобенъ Сыну Божію*».

17 «Псал. 117, ст. 25 и 26: *О Господи! поспѣши же. — Благословенъ грядый во имя Господне.* — И прочіе пророки предвѣщали о Мессіи или Помазанникѣ Божіемъ Христѣ».

18 «Матѳ. гл. 2, ст. 2: *Видѣхомъ бо звѣзду его на востоцѣ и пріидохомъ поклонитися ему*».

19 «Луки гл. 2, ст. 7: *И положи его въ яслѣхъ*».

20 «Псаломъ 113, ст. 5: *И тебѣ Іордане, яко возвратился еси вспять*».

* «Въ вертепѣ». Д.

Въ пустынѣ свѣтъ осіявалъ;
Гласъ Агнцемъ проповѣдалъ чуднымъ[21],
Могущимъ всѣхъ грѣхи подъять.
Таинственнымъ страша всѣхъ слухомъ,
Что, не родясь водой и духомъ[22],
Небесъ не можно достигать.

Кто Ты, — что отверзалъ слухъ, взоръ 8.
Глухимъ, слѣпымъ — прикосновеньемъ[23];
Кротилъ свирѣпость бурь и морь[24]
Единымъ перста мановеньемъ?
И не Тебѣ ль былъ сонмъ духовъ[25]
Послушнымъ, всякая стихія,
И гласъ не Твой ли изъ земныя
Взывалъ утробы мертвецовъ[26]?

Не Ты ль величественный мужъ 9.
Во славѣ, въ блескѣ несказанномъ[27]
Между живыхъ и мертвыхъ душъ[28]
На холмѣ зрѣлся лучезарномъ,
Какъ нѣкій дивный властелинъ

[21] «Іоан. гл. 1, ст. 29: *Се агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра*».

[22] «Іоан. гл. 3, ст. 5: *Аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ Царствіе Божіе*».

[23] «Іоан. гл. 9, ст. 6: *Помаза очи бреніемъ слѣпому.* — И Луки гл. 7, ст. 22: *Слѣпіи прозираютъ, хроміи ходятъ, прокаженніи очищаются, глухіи слышатъ, мертвіи возстаютъ, нищіи благовѣствуютъ.* О сихъ чудесахъ Інсуса доносилъ и Понтійскій Пилатъ императору Тиверію».

[24] «Матѳ. гл. 8, ст. 26: *Тогда возставъ запрети вѣтромъ и морю, и бысть тишина велія*».

[25] «Матѳ. гл. 8, ст. 32: *И рече (бѣсамъ): идите*».

[26] «Іоан. гл. 11, ст. 43: *И воззва: Лазаре, гряди вонъ*».

[27] «Матѳ. гл. 17, ст. 1 и 2: *И возведе ихъ на гору высоку едины и преобразися предъ ними*».

[28] «Тамъ же ст. 3: *Се явистася имъ Моисей и Илія* (изъ коихъ второй по преданію святыя Церкви живъ и донынѣ)».

И днешня и грядуща міра?
Надъ коимъ громъ гремѣлъ съ эмпира:
«Се мой возлюбленнѣйшій Сынъ[29]!»

Какъ! — Неба сынъ Ты? — ужасъ, мракъ 10.
Мои всѣ пробѣгаютъ кости!
Ты Богъ? — но Твой поруганъ зракъ
Отъ человѣческія злости!
Окровавленны красоты!
Съ злодѣями на древѣ крестномъ[30]
Висишь въ томленьи скорбномъ, смертномъ,
Блѣднъ, бездыханенъ, мертвъ! — Кто жъ Ты?

Кто Ты? — и какъ изобразить 11.
Твое величье и ничтожность,
Нетлѣнье съ тлѣньемъ согласить,
Слить съ невозможностью возможность?
Ты Богъ, — но Ты страдалъ отъ мукъ[31]!
Ты человѣкъ, — но чуждъ былъ мести[32]!
Ты смертенъ, — но истнилъ скиптръ смерти[33]!
Ты вѣченъ, — но Твой издше духъ[34]!

О тайнъ глубокихъ океанъ! 12.
Пучина дивъ противоборныхъ!
Зачѣмъ сходилъ Ты съ звѣздныхъ странъ

[29] «Тамъ же ст. 5: *Гласъ изъ облака глаголя: сей есть Сынъ мой возлюбленный*».

[30] «Исаія гл. 53, ст. 12: *И со беззаконными вмѣнися.* — Матѳ. гл. 27, ст. 38: *Тогда распяша съ нимъ два разбойника: единаго одесную, и единаго ошуюю*».

[31] «Матѳ. гл. 27, ст. 30: *Пріяша трость, и біяху по главѣ его*».

[32] «Луки гл. 23, ст. 34: *Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ*».

[33] «Ко Евреемъ послан. гл. 2, ст. 14: *Да смертію упразднитъ имущаго державу смерти*».

[34] «Луки гл. 23, ст. 46: *И сія рекъ издше*».

И жилъ въ селеніяхъ юдольныхъ?
Творецъ Ты, — могъ все съ высоты;
Ты тварь, — почто же трепетала[35]
Вся твердь, какъ жизнь Твоя увяла?
Открой, открой себя мнѣ Ты!

Открой себя, открой, молюсь! 13
И се — гласъ слышу сердца въ дверяхъ:
«Доколь воплю, доколь толкусь[36]
«Воскреснуть въ хладныхъ маловѣрахъ?
«О свѣта сынъ! о рабъ днесь тмы!
«Свлеки съ себя покровъ твой бренной
«И мыслью, вѣрой воскрыленной
«Мой Промыслъ о себѣ вонми:

Премудрость, сила и любовь, 14.
Богъ духъ, въ трехъ свѣтахъ Свѣтъ ввѣкъ живый[37],
Единствомъ тройчнымъ до вѣковъ
Въ своемъ совѣтѣ положивый
Свою въ тмѣ славу проявить,
Воззвать изъ безднъ созданье ново
Послалъ единородно Слово[38],
И словомъ: — тма — вселенной бысть[39].

Изобразилось естество, 15.
Незримое всезримымъ стало
И въ человѣкѣ Божество,

[35] «Матѳ. гл. 27, ст. 51 и 52: *И земля потрясеся, и каменіе распадеся.* — По описаніямъ путешественниковъ и нынѣ видима разсѣлина въ каменной горѣ Голгоѳѣ».

[36] «Апокалипс. гл. 3, ст. 20: *Се стою при дверехъ и толку*».

[37] «Іоан. гл. 4, ст. 24: *Духъ есть Богъ.* — И его же первое послан. гл. 1, ст. 5: *Богъ свѣтъ есть*».

[38] «Іоан. гл. 1, ст. 14: *И Слово плоть бысть*».

[39] «Бытія кн. 1, гл. 1, ст. 3: *И рече Богъ: да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ*».

Какъ солнце въ морѣ, возсіяло!
Все покорилося ему[40],
Что благъ былъ, кротокъ, чистъ, незлобенъ
И во зерцалѣ какъ подобенъ
Творцу безсмертну своему[41].

Но поелику созданъ онъ[42] 16.
Съ свободною душой изъ персти;
То обаялъ мечтаній сонъ
Его и ухищренье лести[43]:
Онъ, въ красоту свою влюбясь,
Возмнилъ быть Богъ — и возгордился,
Отъ Единицы отклонился
И отблескъ въ немъ Ея погасъ.

Погасъ! — палъ въ тму вселенной царь, 17.
Нетлѣнье превратилось въ тлѣнье[44];
Ему совоздыхая тварь[45],
Доднесь страстей своихъ въ бореньѣ,
Вѣкъ будетъ въ прѣ — не утолитъ
Доколь гнѣвъ Отчь сей низкой долей[46],
Что волей палъ, и той же волей
Себя къ Нему не возвратитъ,

И плоти не отвергнетъ такъ[47], 18.

[40] «Ко Евр. гл. 2, ст. 8: *Вся покорилъ еси подъ нозѣ его*».

[41] «Бытія гл. 1, ст. 26: *И рече Богъ: сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію*».

[42] «Бытія гл. 2, ст. 7: *И созда Богъ человѣка, персть вземъ отъ земли, и вдуну въ лице его дыханіе жизни*».

[43] «Тамъ же гл. 3, ст. 5: *И рече змій: и будете яко Бози*».

[44] «Тамъ же ст. 20: *Яко земля еси, и въ землю отъидеши*».

[45] «Къ Римлян. гл. 8, ст. 22: *Вѣмы бо, яко вся тварь съ нами совоздыхаетъ*».

[46] «Къ Колоссаемъ гл. 1, ст. 20: *И тѣмъ примирити всяческая къ себѣ*».

[47] «Посланіе второе къ Коринѳ. гл. 5, ст. 4: *Воздыхаемъ, да пожерто*

Ничто чтобъ духъ не отягчало;
Но палъ какъ въ толь глубокій мракъ,
Что силъ его возстать не стало[48];
То тутъ Любовь, временъ въ исходъ[49],
Сошла смирить страстей злыхъ ревы:
Сый возсіялъ отъ чистой Дѣвы,
Какъ солнца лучъ отъ чистыхъ водъ!

Имъ пробудилось божество, 19.
Уснувше чувствъ отъ обольщенья,
Духовно свѣта существо,
Какъ искра камня отъ біенья,
Вспрянуло, — и явился Богъ
Въ плоти его страданьемъ Слова:
На свѣтъ Имъ трисвятый зрѣть снова
Адамъ сподобиться возмогъ.

Адамъ бы падши не возсталъ, 20.
Когда бъ въ Христѣ не воскресился,
Не воскресясь — не возсіялъ,
Не возсіявъ — не возродился
Въ блаженство первородно вновь.
Се, какъ смиреніемъ, терпѣньемъ,
Страданьемъ, скорбью, умерщвленьемъ
Возводитъ всѣхъ къ себѣ Любовь!

Такъ подлинно, безъ плоти духъ 21.
Не могъ въ тлѣнъ пасть. Безъ духа жъ силы

будетъ мертвенное животомъ. — И къ Колос. гл. 3, ст. 5: *Умертвите уды ваша яже на земли*».

[48] «Посланіе второе къ Коринѳ. гл. 12, ст. 9: *Сила бо моя въ немощи совершается*».

[49] «Къ Галат. гл. 4, ст. 4: *Егда же пріиде кончина лѣта, посла Богъ Сына своего единороднаго*».

И плоть слаба духовъ втечь въ кругъ
Къ землѣ съ прикованными крылы:
То по совѣту трисвяту,
Скудель въ санъ серафимскъ возставить,
Безсмертьемъ смертнаго прославить
Предоставлялося Христу.

И Имъ со славой, съ торжествомъ 22.
Явилась міру Божья сила:
Какъ западъ, насъ златымъ лучомъ[50]
Святая кровь Его покрыла,
И освѣтила благодать,
Давъ область въ чадъ Его вчиняться[51],
Младенцевъ смысломъ умудряться[52]
И разумъ вѣрѣ покорять, —

Чтобы, надѣясь на Его 23.
Одну мы благость, милосердье,
Могли искать себѣ того
Наслѣдна, прежня озаренья,
Имъ кое только можно зрѣть:
Святымъ внутрь духомъ очищаясь,
Живясь, свѣтлѣясь, возвышаясь,
Любовью къ Божеству горѣть.

Се, что есть Сый, что есть Христосъ, 24.
Что Бого-Человѣкъ, что Слово:
Онъ самый тотъ, который взнесъ
Духовно и тѣлесно въ ново
Тѣмъ бытіе, что, страждя самъ,

[50] «Вечерняя пѣснь св. Софронія, Патріарха іерусалимскаго: *Пришедше на западъ солнца, видѣвше свѣтъ вечерній*».

[51] «Іоан. гл. 1, ст. 12: *Даде имъ область чадомъ Божіимъ быти*».

[52] «Матѳ. гл. 11, ст. 25: *Яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ*».

Всѣмъ подалъ ясные примѣры[53],
Какъ силой доблести и вѣры
Входить возможно къ небесамъ!

Такъ, Онъ единъ: никто другой 25.
Слѣпца привесть не можетъ къ свѣту,
Потерянному чувствъ стезей;
Лишь словомъ устъ Его согрѣту
Внутрь вскрыться могутъ очеса.
Поитъ струей Онъ вѣчной жизни
И сладость древнія отчизны
На землю сводитъ, небеса.

Онъ — сшедша Истина съ небесъ, 26.
Онъ — Добродѣтель воплощенна,
Отерша токи смертныхъ слезъ.
Въ лицѣ подобострастна тлѣна
Сходилъ Онъ къ смертну естеству[54]
Отъ узъ грѣховныхъ міръ избавить,
На прежней степени поставить
И уподобить Божеству.

Такъ, безъ Него никто къ Отцу[55] 27.
Его приближиться не можетъ.
Безъ Сына дверь наградъ къ вѣнцу
Таинственную не проторжетъ.
Живетъ въ Отцѣ, Отецъ же — въ Немъ[56];
Безднъ, неба и земли посредникъ,
Ходатай, вождь, всѣхъ благъ наслѣдникъ[57]
И подвигоположникъ Онъ.

[53] «Ко Евреемъ гл. 12, ст. 2: *Взирающе на начальника вѣры, и совершителя Іисуса*».

[54] «Первое посланіе къ Тимоѳ. гл. 3, ст. 16: *Богъ явися во плоти*».

[55] «Іоан. гл. 14, ст. 6: *Никтоже пріидетъ ко Отцу, токмо мною*».

[56] «Тамъ же ст. 10: *Яко азъ во Отцѣ, и Отецъ во мнѣ*».

[57] «Ко Евр. гл. 8, ст. 6: *И лучшаго завѣта есть ходатай*».

Предвѣчной Правдѣ, трисвятой 28.
Противно бъ было безконечно,
Чтобъ смертный за проступокъ свой
Предъ Вѣчнымъ не былъ виненъ вѣчно.
Кто жъ Бога удовлетворитъ?
Лишь Сынъ Его изъ милосердья,
Взявъ на себя всѣхъ преступленья [58],
Возмогъ міръ миромъ примирить [59].

Се есть Христовыхъ цѣль заслугъ: 29.
Да благость сблизитъ съ правосудьемъ,
Да воцаритъ надъ тѣломъ духъ, —
И сихъ великихъ дѣлъ орудьемъ
Онъ пребылъ Самъ, что Самъ страдалъ:
Онъ могъ призвать въ защиту громы;
Но, волею на казнь ведомый,
Своей Онъ смертью смерть попралъ.

И чрезъ примѣръ явилъ сей свой, 30.
Что не мірскія наказанья
На лобномъ насъ мрачатъ хулой [60],
Равно и не коронъ сіянья
Богоподобными творятъ;
Но правда, вѣра, добродѣтель
Ввѣкъ провозвѣстникъ и свидѣтель
И блескъ неложный свѣта чадъ.

Се тако Іисусъ всѣх ъспасъ 31.
И познанъ Человѣко-Богомъ,
Что такъ ни чей покоитъ гласъ
И сладость въ насъ лить въ бѣдствѣ строгомъ

[58] «Исаія гл. 53, ст. 11: *И грѣхи ихъ той понесетъ*».
[59] «Къ Колоссаемъ гл. 1, ст. 20: *И тѣмъ примирити всяческая къ себѣ*».
[60] «Къ Галат. гл. 6, ст. 7: *Богъ поругаемъ не бываетъ*».

Не силенъ, какъ Его единъ.
Бывъ выше всѣхъ, — училъ быть низшимъ[61],
Любить враговъ, и сердцемъ чистымъ[62]
Молилъ за нихъ лишь Божій Сынъ.

Онъ Царь, Законодатель тотъ, 32.
Что устъ своихъ однимъ глаголомъ
Ко благу общу всѣхъ ведетъ,
Равняетъ хижину съ престоломъ:
«Просящему», речетъ Онъ, «дай[63],
Болящаго призри въ больницѣ,
Печальнаго утѣшь въ темницѣ,
Голодна, жадна напитай».

Первосвященникъ Онъ, Пророкъ[64], 33.
Кой вѣрющимъ въ Него любовью
Себя далъ вѣры ихъ въ залогъ,
Запечатлѣвъ завѣтъ свой кровью[65],
И такъ его тѣмъ утвердилъ,
Что Имъ обѣщанный, небесный
Въ языкахъ огненныхъ чудесный[66]
Излилъ свой Духъ и научилъ:

Былинки злобно не сломить[67], 34.
Но быть всѣмъ кроткимъ, всѣмъ радушнымъ,

[61] «Матө. гл. 11, ст. 29: *Научитеся отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обрящете покой душамъ вашимъ*».

[62] «Матө. гл. 5, ст. 44: *Любите враги ваша*».

[63] «Матө. гл. 25, ст. 35 и 36: *Взалкахся бо, и дасте ми ясти* и проч.».

[64] «Ко Евр. гл. 5, ст. 10: *Нареченъ отъ Бога Первосвященникъ, по чину Мелхиседекову*».

[65] «Ко Евр. гл. 7, ст. 27: *Единою (жертвою) себе принесъ*».

[66] «Дѣян. Апост. гл. 2, ст. 3: «*И явишася имъ раздѣлени языцы яко огненни*».

[67] «Исаія гл. 42, ст. 3: *Трости сокрушены не сотретъ*».

Лишь по себѣ другихъ судить[68],
И не чрезъ рать себѣ послушнымъ
Быть міру, но чрезъ рыбъ-ловцовъ[69]
Простыхъ велѣлъ, — и синагоги,
Ареопагъ имъ палъ предъ ноги[70]:
Се силенъ какъ законъ Христовъ!

Христосъ весь благость, весь любовь, 35.
Блескъ свойствамъ даже трисвященнымъ;
Весь кругъ бы безъ Него міровъ[71]
Неполнымъ былъ, несовершеннымъ.
Богъ-Умъ могъ все предначертать,
Богъ-Мощь — все сздать; любви жъ безъ Бога
Могли ль премудрость, сила строга
Горѣ къ себѣ сердца воззвать?

Такъ, Богъ и дивенъ и великъ 36.
Намъ паче воплощеньемъ Сына:
Могъ плоть и духъ создать Онъ вмигъ,
Но связь сихъ крайностей едина
Всѣхъ удивительнѣй чудесъ!
Адамъ пусть волею палъ злою;
Но взнесся плотью онъ святою
Въ Христѣ превыше всѣхъ небесъ.

Отецъ и Сынъ и Духъ Святый, 37.

68 «Къ Римлян. гл. 2, ст. 1: *Имже бо судомъ судиши друга, себе осуждаеши*».

69 «Матѳ. гл. 4, ст. 19: *Грядита по мнѣ, и сотворю вы ловца человѣкомъ*».

70 «Дѣян. Апост. гл. 17, ст. 22: *Ставъ же Павелъ посредѣ Ареопага.* — Тамъ же гл. 18, ст. 4: *Стязашеся же на сонмищахъ* (или въ синагогахъ)».

71 «Іоан. гл. 1, ст. 3: *Вся тѣмъ быша: и безъ него ничтоже бысть, еже бысть.* — Къ Ефес. гл. 4, ст. 10: *Сшедый и возшедый превыше всѣхъ небесъ, да исполнитъ всяческая.* — Къ Колос. гл. 1, ст. 18: *Яко да будетъ во всѣхъ той первенствуя*».

Незримый Свѣтъ тріѵпостасный;
Но въ плоти Сынъ пріявъ черты,
Какъ человѣкъ подобострастный,
Открылъ Себя и научилъ
Чтить Бога истиной и духомъ[72].
Кумировъ свергъ своимъ Онъ слухомъ,
Какъ силу ада сокрушилъ[73].

Христосъ насъ Искупитель всѣхъ[74] 38.
Отъ первороднаго паденья.
Онъ свѣтъ, — тмой необъемлемъ ввѣкъ[75];
Но тмится внутрь сердецъ невѣрья[76],
Свѣтясь на лонѣ у Отца[77].
Христа нашедши, все находимъ[78],
Эдемъ свой за собою водимъ,
И храмъ Его — святы сердца[79].

О Всесвятый! Превѣчный Сый! 39.
Свѣтъ тихій Божескія славы!
Пролей свои, Христе! красы
На духъ, на сердце и на нравы,
И жить во мнѣ не преставай;

72 «Іоан. гл. 4, ст. 23 и 24: *Егда истинніи поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною*».

73 «Исаія гл. 11, ст. 4: *И духомъ устенъ убіетъ нечестиваго*».

74 «Къ Галат. гл. 3, ст. 13: *Христосъ искупилъ насъ отъ клятвы законныя*».

75 «Іоан. гл. 1, ст. 5: *Свѣтъ во тмѣ свѣтится, и тма его не объятъ*».

76 «Второе посланіе къ Коринѳ. гл. 4, ст. 3: *Благовѣствованіе наше въ гибнувшихъ есть покровено*».

77 «Іоан. гл. 1, ст. 18: *Единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи*».

78 «Матѳ. гл. 6, ст. 33: *Ищите прежде Царствія Божія, и правды его, и сія вся приложатся вамъ*».

79 «Послан. второе къ Коринѳ. гл. 6, ст. 16: *Вы есте церкви Бога жива*».

А ежели и уклонюся
Съ очей Твоихъ и затемнюся,
Въ слезахъ моихъ вновь возсіяй[80]!

Услышь меня, о Богъ любви!
Отецъ щедротъ и милосердья!
Не презрь преклоншейся главы
И сердца грѣшна дерзновенья[81]
Мнѣ моего не ставь въ вину,
Что изъяснить Тебя я тщился, —
У ногъ Твоихъ коль умилился
Ты, зря съ мастикою жену[82].

[80] «Псаломъ 6: *Слезами моими постелю мою омочу*».

[81] «Послан. 2 Пав. къ Тим. гл. 3, ст. 16: *Всяко писаніе Богодухновенно и полезно есть къ ученію*».

[82] «Матѳ. гл. 26, ст. 7: *Приступи къ нему жена сткляницу мгра имущи многоцѣннаго*».

Приложеніе.

Въ тетрадяхъ Державина ода *Христосъ* сохранилась въ одномъ только чистомъ спискѣ, совершенно согласномъ съ напечатаннымъ въ его сочиненіяхъ текстомъ; но изъ другихъ бумагъ поэта видно, что предъ изданіемъ ея, въ 1814 году, была представлена въ цензуру иная редакція, мѣстами отличавшаяся отъ позднѣйшей. Державинъ долженъ былъ по нѣскольку разъ измѣнять многія строфы. Наконецъ «избранные имъ самимъ разсмотрители» были удовлетворены послѣдними его исправленіями, и рукопись была возвращена ему съ одобреніемъ цензурнаго комитета. Просвѣщеннымъ посредникомъ между нимъ и духовною цензурою былъ знаменитѣйшій архипастырь нашего времени, нынѣ высокопреосвященный Филаретъ московскій, бывшій въ ту пору ректоромъ с-петербургской Духовной академіи. О томъ свидѣтельствуютъ два письма его къ Державину (отъ 10 и 28 марта 1814 г.). Въ переданныхъ намъ рукописяхъ нашли мы черновой листъ, содержащій послѣднія объясненія Державина на нѣкоторыя изъ цензорскихъ замѣчаній, которыя тутъ же имъ выписаны. Помѣщаемъ здѣсь эти объясненія поэта вмѣстѣ съ предшествовавшими имъ замѣчаніями цензора.

«Замѣчаніе на строфы 16 и 36, будто причиною паденія перваго человѣка было то, что онъ созданъ съ плотію.

«Объясненіе. Такъ мнѣ точно кажется по самому строгому смыслу Священнаго Писанія: Богъ, взявъ персть, изъ земли создалъ человѣка и потомъ по его преступленіи объявилъ ему свой приговоръ: *земля еси и въ землю пойдеши;* слѣдовательно, сотворя его съ одной стороны изъ персти, сотворилъ чрезъ то не токмо съ возможностію пасть, но и осудилъ его за преслушаніе необходимо умерсть или идти въ землю по той причинѣ, что онъ взятъ былъ отъ земли. Съ другой же стороны, поелику Богъ вдунулъ въ лице его дыханіе жизни съ свободною волею, то далъ ему чрезъ то купно и возможность не пасть, или быть безсмертнымъ. Поелику жъ онъ, преступивъ заповѣдь, и духомъ палъ и тѣломъ умеръ; то и совершился надъ нимъ смертный приговоръ. А какъ нельзя предполагать, чтобъ Всевѣдущій не предвидѣлъ искони сихъ бѣдственныхъ случаевъ, то для того и предопредѣлилъ Онъ чрезъ Сына своего избавить его отъ оныхъ. Когда же было то не такъ, то не для чего было Христу воплощаться и страдать, подавая собою образъ къ возрожденію. Мнѣ могутъ сказать, что Ангелы безплотны были, но пали. Пусть такъ. Но такое ли ихъ было паденіе, какъ человѣка, и предположено ли было ихъ искупленіе какъ его, и могутъ ли они возвратиться въ прежній свѣтъ свой, какъ онъ? — Это неисповѣдимая тайна, а потому и говорить о ней не должно; здѣсь же мы токмо видимъ и чувствуемъ всякій разъ по себѣ, что причина соблазна и паденія духа нашего — наши

чувства; то для чего и не предполагать, что плоть была причиною паденія и первосозданнаго человѣка, а особливо когда говоритъ то стихотворецъ, который объясняется болѣе чувственно, а не духовно, какъ богословъ? Наконецъ припомню и слова самого Спасителя : *духъ бодръ, а плоть немощна* *; слѣдовательно она причиною паденія.

«Замѣчаніе на строфу 20, будто паденіе перваго человѣка было неизбѣжимо и необходимо для блаженства.

«Объясненіе. По свободной волѣ человѣка было оно избѣжимо, слѣдовательно и обходимо; но когда оное случилось, то само по себѣ разумѣется, что для возвращенія прежняго блаженства нужно было возрожденіе чрезъ Іисуса Христа, который не явился бы міру для искупленія человѣка, когда бы онъ не палъ.

«Замѣчаніе на строфу 37: что Отецъ и Сынъ и Духъ Святый взяли въ образѣ Христа видимыя подобострастныя черты, нельзя того допустить, ибо воплотился токмо Сынъ Божій, а не вообще Святая Троица.

«Хотя Святая Троица исповѣдуется православіемь никогда и нигдѣ не раздѣлимою, то и можно бы основаться на семъ догматѣ моимъ мнѣніемъ; но какъ Христосъ Спаситель молилъ Отца, чтобъ мимо шла чаша Его и жаловался на крестѣ, что вскую Его Отецъ оставилъ, то я охотно повинуюсь сему замѣчанію и исправляю мою погрѣшность такимъ образомъ:

Отецъ есть, Сынъ и Духъ Святый,
Незримый свѣтъ тріѵпостасный;
Но Сынъ, пріявъ въ плоти черты
Какъ человѣкъ подобострастный,
Открылъ въ себѣ и научилъ *и проч.*

«Удовлетворительны ли будутъ сіи объясненія? Но какъ бы то ни было, оконча ихъ, за нужное нахожу сказать, что піитъ не есть догматикъ: онъ говоритъ иногда загадочно, подразумѣваемо, кратко, а иногда съ нѣкоторою свободою или вольностію. — Сіе ему тѣмъ паче кажется извинительно, что самое богословіе подвержено разнымъ противорѣчіямъ. — Доказательство сему — что находится въ библіотекѣ многихъ вѣковъ нѣсколько тысячъ богословскихъ и философскихъ споровъ, еще по сіе время нерѣшеныхъ и никогда рѣшиться не могущихъ, потому что судебъ и таинъ Божіихъ никто изъ смертныхъ изъяснить не можетъ. Въ семъ случаѣ полезнѣе бы было всего плѣнять только разумъ слѣпою вѣрой и ни богословамъ, ни философамъ ничего не проповѣдывать и не писать относительно существа Божія и Его Промысла; — но какъ писали, пишутъ и писать будутъ, и непротивно сіе Священному Писанію, которое говоритъ: *Вси бо вы сынове свѣта есте*, и — *всякое писаніе богодухновенно есть ко ученію* **; то думаю, что и сіе сочиненіе не произведетъ раздора въ православіи нашемъ, тѣмъ паче ежели при сумнительныхъ мѣстахъ удостоится оно краткихъ примѣчаній святѣйшихъ отцовъ, какъ что по-богословски понимать должно».

* Ев. отъ Матѳея, гл. 26, ст. 41.

** Ап. Павла посл. 1 къ Сол., гл. 5, ст. 5, и посл. 2 къ Тимоѳ., гл. 3, ст. 16. Д.

LII. НА ПОКОРЕНІЕ ПАРИЖА[1].

Сердце плѣняюща лира! 1.
Геній восторга! взносись
И, обтекая вкругъ міра,
Свѣтлый твой голосъ возвысь.
Пой того крѣпость, мощь львину
Агнца, — кто кротость явилъ,
И другую половину[a]
Свѣта — Парижъ покорилъ!

Милостью больше, чѣмъ гнѣвомъ, 2.
Въ славѣ блестящъ тамъ, какъ Богъ,
Препровожденный вшелъ небомъ
Въ древній Бурбоновъ чертогъ;
Духъ къ нимъ народа любовью
Возжегши, ихъ воскресилъ;
Бѣдства московски не кровью,
Благомъ злодѣямъ отмстилъ.

Здравъ, Александръ, 3.
Царь будь царей,
Что безъ наградъ

[a] Другую кто половину (Рукоп.).

[1] Написано, какъ видно изъ рукописей, 17 апрѣля. Напечатано тогда же отдѣльно (въ медицинской типографіи) и въ *Сынѣ Отечества*, ч. 14, № XXII, стр. 95; потомъ 1816 г. въ ч. V, L.

Твердой твоей
Свергъ злость ты душой,
Доблесть вознесъ,
Прямо герой!
Славься симъ днесь!*

Слава тебѣ днесь какая 4.
Въ мірѣ обширномъ звучитъ,
Счастьемъ что, сладостьми рая
Вкругъ доблесть духъ твой поитъ:
Взглянешь на грады, — спасенны;
Храмы ль зришь, — жертвы курятъ;
Дѣти ль отцамъ возвращенны, —
Всѣ ихъ спасителя чтятъ.

Сколько жъ отрадно, пріятно 5.
Быть Россіяниномъ днесь,
Что ты насъ такъ благодатно
Славой и честью вознесъ!
Вся насъ теперя вселенна
Своей ужъ защитой чтетъ;
Европа узъ свобожденна
Хвальными пѣсньми поетъ.

Здравъ, Александръ, 6.
Царь будь царей,
Что безъ наградъ
Твердой твоей
Свергъ злость ты душой,
Доблесть вознесъ,
Прямо герой!
Славься симъ днесь!

* «Подобные стихи пѣты были въ Парижѣ Французами въ честь нашего государя, при вступленіи его въ сію столицу». Д.

Сладкія слезы восторга 7.
Съ радостныхъ льются очесъ:
Ангела ль кротка, иль бога,
Сына ль, любимца ль небесъ
Зримъ въ тебѣ, иль исполина,
Маньемъ смирилъ что руки
Міръ весь? — Петръ, Екатерина,
Столько ль, какъ ты, велики?

Мудростью, правдой, геройствомъ 8.
Чудный стяжалъ ты вѣнецъ.
Съ богоподобнымъ къ намъ свойствомъ
Царь возвратись и отецъ!
Къ матери нѣжной скорѣе
Въ славѣ побѣдныхъ лучей;
Солнце весной какъ свѣтлѣе,
Дай жизнь Россіи такъ всей.

Здравъ, Александръ, 9.
Царь будь царей,
Что безъ наградъ
Твердой твоей
Свергъ злость ты душой,
Доблесть вознесъ,
Прямо герой!
Славься симъ днесь!

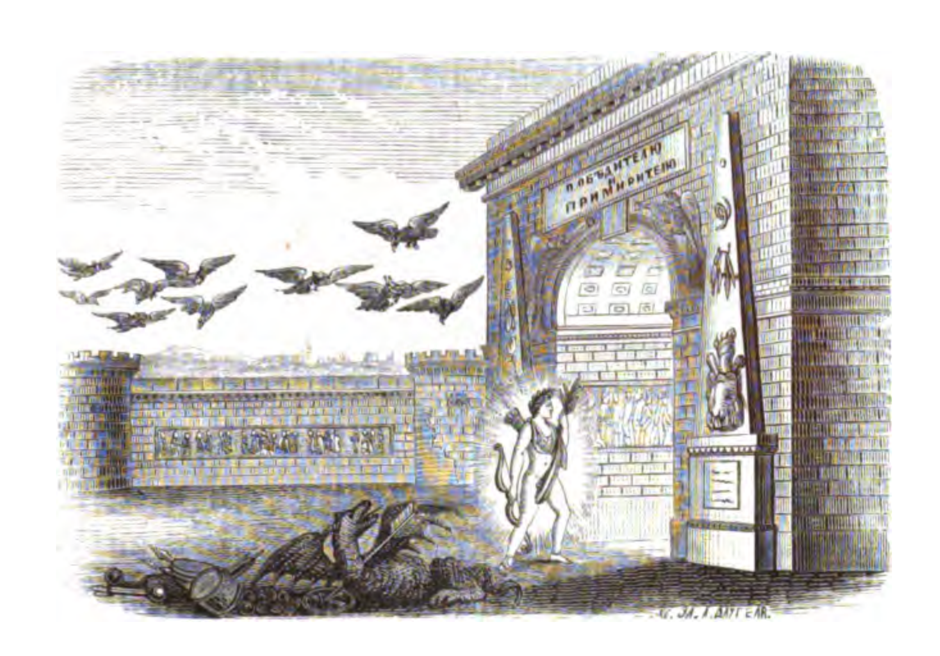
LIII. НА ВОЗВРАЩЕНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I[1].

Ты возвратился, благодатный, 1.
Нашъ кроткій ангелъ, лучъ сердецъ!
Твой возсіялъ намъ зракъ прекрасный,
Монархъ, отечества отецъ!
Внемли жъ усердья клики звучны:
О, сколько мы благополучны,
Отца въ монархѣ зря!
Ура! ура! ура!

Ты мужества явилъ примѣры, 2.
Россію твердой спасъ душой;
Защитникъ былъ святыя вѣры
И, доблестьми прямый герой,
Явилъ дѣла великодушны.
О, сколько мы благополучны,
Отца въ монархѣ зря!
Ура! ура! ура!

Ты возвратился, царь нашъ милый, 3.
И счастье наше возвратилъ;
Прогнавъ отъ насъ тѣ дни унылы
И страхъ, который насъ томилъ,
Что были мы съ тобой разлучны.
О, сколько жъ мы благополучны,
Отца въ монархѣ зря!
Ура! ура! ура!

[1] Въ рукописи эта пьеса названа *кантатой*, съ отмѣткою, что она сочинена 28 апрѣля и пѣта въ Павловскѣ у императрицы Маріи Ѳеодоровны 17 іюля 1814 года. На музыку переложена, кажется, Бортнянскимъ. Въ первоначальной редакціи было передъ послѣднимъ куплетомъ еще два, зачеркнутые Державинымъ, какъ недовольно удачные и излишніе. Напеч. сперва отдѣльно, а потомъ 1816 г. въ ч. V, LII.



LIV. НА СРѢТЕНІЕ ПОБѢДИТЕЛЯ ЕВРОПЫ, АЛЕКСАНДРА I[1].

—

Внемлите, царства! поднимитесь, 1.
О князи* вратъ градскихъ, скорѣй!
Раздайтесь стогны, разступитесь,
Отъ гласа радости моей:

[1] Въ рукописи, какъ и въ изданіи 1816 г., озаглавлено: «На срѣтеніе побѣдителя, свободителя и примирителя Европы, великаго и свыше благословеннаго отца отечества Александра I. 1814 года іюля дня».

* «Портики, или надвратные переклады». Д. — *Князь*, верхній брусъ у воротъ.

Возстань, срѣтай, о Сѣверъ бранный!
Се въ лавръ и пальмы увѣнчанный
Великій Александръ идетъ,
Не царствъ вселенной покоритель,
Но ихъ отъ узъ освободитель;
Царь славы, царь сердецъ грядетъ!

Такъ! мужеству ль его дивиться? 2.
Изгналъ онъ твердостью враговъ!
Великодушію ль чудиться?
Онъ местью ихъ не пролилъ кровь!
Красѣ ль, щедротѣ ль поклоняться?
Се — плѣнны имъ благотворятся
Безмездно царства и цари!
Иль ублажать его смиренье?
Онъ Богу только въ прославленье
Творилъ добро, смирялъ царствъ при!

На лоно отчее, на гнѣзды, 3.
Подъ сѣни рощъ и тихихъ селъ
За нимъ орлы, — въ ихъ персяхъ звѣздны,
Изъ молніевъ вѣнцы вкругъ челъ, —
Парятъ и кроютъ свѣтъ крылами;
Европа плескомъ и хвалами
Ихъ твердый духъ и нравы чтитъ,
И съ сожалѣньемъ благодарнымъ

Напечатана тогда же отдѣльно, въ четвертку (12 страницъ)* съ двумя виньетками, которыя и здѣсь воспроизводятся: одна, въ началѣ, представляетъ тріумфальныя ворота и вступающаго въ нихъ Феба, за которымъ лежитъ пораженный имъ драконъ и летятъ орлы (см. строфы 3-ю и 5-ю); на другой виньеткѣ, въ концѣ, — изображена надъ тучами и перунами радуга. Въ изд. 1816 г., ч. V, см. LI.

* Въ единственномъ экземплярѣ который мы видѣли (доставленъ намъ М. Н. Михайловскимъ), заглавнаго листа нѣтъ; въ концѣ подпись *Державинъ*.

За царевождемъ лучезарнымъ
И мысль и взоры вслѣдъ стремитъ.

Гряди, избранный небесами, 4.
Великія свершивъ дѣла!
Твой подвигъ тысячью вѣками
И честь твою не скроетъ мгла.
Се громъ за громомъ, по эѳиру
Катясь, благовѣствуетъ міру,
Что шествуетъ къ дѣтямъ отецъ.
Спускаясь солнце въ понтъ, дивится,
Что градъ Петровъ свѣтлѣе зрится
Отъ пламени къ нему сердецъ!

На вышнія Россія горы, 5.
Толпясь, съ поспѣшностью течетъ,
Чтобъ на героя бросить взоры
Вдали, на блескъ его побѣдъ:
Какъ громовержною рукою,
Но больше мудрою главою
Ужасны силы онъ истнилъ
И пламемъ жрущаго дракона
Низвергъ съ похищеннаго трона,
Царей и царства свободилъ.

По неизмѣрному пространству 6.
Рѣкъ за-рифейскихъ и степей,
Кавказскихъ, таврскихъ ордъ подданству,
Гдѣ сильныхъ тысячи князей,
Въ подвижныхъ* и недвижныхъ градахъ
Живя край свѣта дней въ прохладахъ,
Молвятъ въ пирахъ народовъ ихъ:
«Хвала полнощному Давиду,

* «Улусы, или кочевыя селенія, переносящіяся съ мѣста на мѣсто». Д.

Что не далъ Галламъ насъ въ обиду!»
И огнь изъ чашъ ихъ пьютъ златыхъ.

На Терекѣ, Уралѣ, Донѣ 7.
Летучи тучи-казаки,
Сѣдыхъ, сухихъ морей на лонѣ
Разсыпавъ бурные полки,
Какъ вихрь, въ кругахъ вертясь, кружатся,
Учить сыновъ и внуковъ тщатся,
Какъ всякъ изъ нихъ сто Галловъ свергъ:
Молніеносны стѣны ратны,
Звукъ трубъ и флейтъ сливъ въ громъ пріятный,
Торжествъ ихъ плещутъ средь утѣхъ.

Но коимъ свѣтится восторгомъ 8.
Сиротъ порфироносна мать,
Насъ наградивша полубогомъ,
Того не можно описать!
Зрѣть сына въ славѣ — сердца сладость!
Ея всѣмъ ангельская радость
Видна на взорахъ и устахъ.
Цари велики, какъ зарницы
Въ понтъ съ неба зря, — въ немъ зря ихъ лицы,
Съ ней не сравняются въ лучахъ.

И ты, о древняя Камена! 9.
Сѣдой сребрящася главой,
Не чая быть ужъ столь блаженна,
Чтобъ гласъ еще возвысить свой,
Въ хвалу тобой дивъ предреченныхъ,
Узря ихъ нынѣ совершенныхъ,
Удвой, удвой твоихъ струнъ кликъ;
Звучи: «Кто Богъ нашъ, какъ Богъ велій!»
Тобой воспѣтый въ колыбели —
Днесь болѣй всѣхъ земныхъ владыкъ!

О диво, мыслямъ непонятно! 10.
О благость щедрыхъ къ намъ небесъ!
Величіе невѣроятно,
Какимъ въ толь кратки дни вознесъ
Россію царь благословенный!
Нашъ мечъ, въ ножны имъ не вложенный,
Едва сверкнулъ съ своихъ жилищъ, —
Уже на Эльбѣ и на Рейнѣ
Гремитъ, блеститъ, разитъ на Сейнѣ,
И передъ нимъ простертъ Парижъ!

Парижъ! сынъ истый Вавилона, 11.
Кумиръ народовъ и царей,
Гдѣ Бога, вѣры и закона
Никто не чтилъ, кромѣ страстей*;
Въ которомъ Корсъ, пришлецъ надменный,
Мечтавъ ось обращать вселенны,
Россію ни во что вмѣнялъ:
Какъ ураганъ, вздымалъ волнъ холмы;
Какъ Люциферъ, металъ въ твердь громы;
Но Александръ предсталъ, — онъ палъ!

Гиганты міра! научитесь 12.
Примѣромъ симъ. — О царствъ главы!
Превыше мѣръ не возноситесь
И съ Богомъ не равняйтесь вы,
На скиптръ опрясь свой исполинскій!
Предъ Нимъ ничтожны вы и низки,

* «Шатобріанъ, стран. 35 и 36». Д. — Здѣсь разумѣется извѣстная брошюра Шатобріана: «De Bonaparte et des Bourbons», перепечатанная въ Петербургѣ и изданная одновременно (1814 г.) по-русски въ двухъ различныхъ переводахъ. Въ рукахъ Державина былъ вѣроятно переводъ Севастьянова *Бонапартъ и Бурбоны*, въ которомъ на указанныхъ страницахъ дѣйствительно описывается мрачными чертами внутреннее состояніе Франціи въ Наполеоново время.

Коль правда, вѣра не за васъ:
Онѣ однѣ — твердыня трона.
Гдѣ блескъ меча Наполеона?
Предъ солнцемъ правды онъ погасъ.

Объемлетъ умъ благоговѣйно 13.
Мой — ужасъ, радость и восторгъ;
На стогнѣ молится смиренно,
Зрю, Александръ! — и, свѣта богъ
Какъ, взглядомъ тму онъ освѣщаетъ,
Врагамъ щедротою отмщаетъ
И прахъ Людовика святитъ!
Во изумленьи, золъ столица,
Склоня колѣна, горды лица,
Токъ умиленныхъ слезъ струитъ!

Какіе клики, разговоры, 14.
Племенъ различныхъ торжество!
Какіе радостные взоры
На ихъ блаженства божество!
Ливанъ тамъ храмы изливаютъ;
Тамъ дѣвы, юноши бросаютъ
Къ стопамъ спасителя цвѣты!
Когда какой и гдѣ властитель
Толикихъ душъ былъ вдругъ плѣнитель?
Онъ Ангелъ благъ и красоты!

Онъ Геній, съ небеси низсланный! 15.
Маріей кроткою рожденъ,
Чтобъ ввѣкъ былъ миротворецъ славный
И сыномъ Божьимъ нареченъ:
Онъ громы утишилъ военны,
Воздвигнулъ троны низложенны,
Безъ пользъ своихъ плѣнилъ сердца.

На Геликонѣ я двухолмномъ
Лиръ очарованъ всюду звономъ
Съ конца Европы до конца!

Тамъ обнимаются супруги, 16.
Сыны и братья и сестры;
Мечи куются въ сельны плуги;
Станъ кроютъ скатерти, ковры;
Поля, бывъ труповъ мертвыхъ полны,
Струятся класами, какъ волны:
Пестрѣетъ лугъ въ рѣкахъ и брегъ;
Стада на пажитяхъ тучнѣютъ;
Попутны вѣтры въ парусъ вѣютъ, —
И всѣмъ златой катится вѣкъ.

Текутъ дни райскіе, незлобны; 17.
Сопразднуетъ народамъ тварь!
И все сіе богоподобный
Даруетъ миролюбный царь!
А ты, о бичь и царствъ воитель,
Желавшій свѣта быть властитель,
Взгляни черепьевъ на костры:
Вела тебя гдѣ слава мнима,
Тамъ дымомъ твердь доднесь мрачима
И рдѣютъ кровію зари.

Надъ пеплами тамъ клятвы воютъ, 18.
На небо стоны вопіютъ:
Въ могилѣ черви прахъ твой взроютъ,
Какъ въ жизни совѣсть враны рвутъ.
Почто же было такъ трудиться,
Чтобъ быть тебѣ великимъ мниться?
Великимъ злоба не творитъ.
Сія честь существу благому

И слава, но не духу злому
Безсмертіе принадлежитъ.

Но отвратимъ скорѣй зѣницы 19.
Съ позорища кровей и слезъ;
Злой демонъ счастья съ колесницы
Упалъ, — и слухъ о немъ исчезъ.
Пойдемъ же и простремъ мы длани,
Сердца повергнемъ вмѣсто дани,
Любовію къ отцу горя;
Хваля ко брани исхожденье,
Восхвалимъ днесь и возвращенье
Благословеннаго царя.

Пойдемъ и сопряжемъ съ любовью 20.
Надежду нашу на того,
Кто самъ сожертвовалъ намъ кровью.
Мы все получимъ отъ него:
Онъ храбрости воздастъ усердье,
Явитъ терпѣвшимъ милосердье,
Невинныхъ узы перерветъ,
Созиждетъ домы раззореннымъ,
Дастъ правосудье притѣсненнымъ,
Всѣхъ благочестьемъ превзойдетъ.

И мы, его душою полны, 21.
Пойдемъ его добротъ вослѣдъ;
Покажемъ, что его достойны,
Что насъ счастливѣй въ свѣтѣ нѣтъ;
Стопы его облобызаемъ
И въ немъ съ горячностью познаемъ
Царя — ревнителя Христа.
Въ восторгахъ сильныхъ тихнетъ радость,
Отъ гуслей не ліется сладость,
Я полонъ чувствъ, — молчатъ уста!

Но чту себя и тѣмъ счастливымъ, 22.
Что нѣчто въ славу его пѣлъ,
Что сердцемъ вѣщимъ, справедливымъ
Тотъ днесь тріумфъ запечатлѣлъ,
О коемъ предвѣщалъ я прежде:
Се царства въ сбывшейся надеждѣ
Пришли стопы его лобзать[2]!
Меня народы не забудутъ:
Хвалы мои ему ввѣкъ будутъ
Моря и горы повторять.

[2] Пришли стопы его лобзать.

Ср. въ стихотвореніи 1805 г.: *Гласъ санктпетербургскаго общества* (Томъ II, стр. 577):

Цари колѣна преклоняютъ,
Народы, царства прибѣгаютъ
Стопы спасителя лобзать.

LV. НА ВОЗВРАЩЕНІЕ ПОЛКОВЪ ГВАРДІИ[1].

Безсмертной, громкой чада славы, 1.
Которы за Россію кровь
Толь храбро лили у Полтавы,
Какъ и подъ Кульмомъ нынѣ вновь!
Такъ, вамъ, — герои хвалъ достойны,
Петра и Александра воины,
Побѣдна рать царя, —
Ура! ура! ура!

Вы, ваше твердое геройство 2.
И грудь, незыблему ничѣмъ,
Не зря на вражье превосходство,
На мѣсто поставляли стѣнъ
И, бывъ какъ холмы неподвижны,
Во браняхъ клали души львины.
Побѣдна рать царя!
Ура! ура! ура!

Гордитесь сладостной молвою, 3.
Неложной честью таковой,
Что такъ служа царю-герою,
Какъ вы, сталъ всякъ изъ васъ герой.
Мы, подвиги чтя ваши бранны,
Цѣлуемъ ихъ, цѣлуемъ раны.
Побѣдна рать царя!
Ура! ура! ура!

[1] Напеч. 1816 г. въ ч. V, LIII.

LVI. ПОЛДЕНЬ[1].

Едва Кармилъ и Амморей
Багряною зарей
Изъ утреннія мглы, какъ острова, взносились,
И розовымъ огнемъ ихъ чела золотились,

[1] Это неконченное стихотвореніе осталось только въ двухъ отдѣльныхъ спискахъ (руки Абрамова *, съ поправками самого Державина) безъ всякаго хронологическаго указанія; но такъ какъ рукописныя тетради поэта доходятъ до 1814 года и не содержатъ этого отрывка, то мы не колеблемся отнести его къ позднѣйшему времени.

Въ первый разъ онъ былъ напечатанъ, однакожъ не совсѣмъ исправно, въ *Памятникѣ отечественныхъ музъ* 1827 г., стр. 28, и оттуда перешелъ, въ томъ же видѣ, въ посмертныя изданія сочиненій Державина. Здѣсь онъ помѣщается исправленный и дополненный по подлинному списку.

Послѣ перепечатываемаго нами текста находятся въ рукописи еще шесть стиховъ, за которыми, на 11-и страницахъ большаго формата, слѣдуютъ въ прозѣ исторія построенія и подробное описаніе Соломонова храма; вѣроятно, поэтъ думалъ переложить со временемъ и это въ стихи. Приводимъ здѣсь рукописное заключеніе отрывка, предшествующее прозѣ:

Хирама позвала къ себѣ Архитектона,
Въ Ерусалимѣ былъ что зодчій Соломона,
Сопутствовалъ что съ ней,
И, показавъ рукой и маніемъ очей
Ему на зданіе огромно,
Желала все узнать, что̀ имъ гдѣ строено, подробно.
Онъ, на чертежъ и градъ свой обращая зракъ,
Разсказывалъ ей такъ.

Къ этому отрывку относятся въ бумагахъ Державина множество выписокъ изъ Священнаго Писанія, изъ Іосифа Флавія и другихъ источ-

*) См. Томъ I, стр. 382.

Рубинные ковры, восточный горизонтъ
И искросребра ткань струили черный понтъ, —
Великолѣпный флотъ Хирамовъ изъ Офира
И чудный кораблецъ въ немъ краше, легче всѣхъ
На поднятыхъ крылахъ дыханіемъ зефира
Къ юдейскимъ берегамъ прибѣгъ.
Никавля въ немъ была, владычица Сидона,
Желавша видѣть Соломона!
Но солнце восходить какъ стало на зенитъ, —
Ковыль вдали, пески и воздухъ зарябѣли,
Подзвѣздные орлы почить подъ хламомъ сѣли,
И въ глубину спустился китъ
На зыбкой отдыхать бездонной колыбели;
Въ коральныхъ теремахъ Сирены усмирѣли,
Пернаты онѣмѣли,
Прижалися среди ихъ гнѣздъ,
Не могши жара снесть.
Лишь изъ лѣсныхъ трущобъ, чрезъ холмы, степи, логи,

никовъ, также черновой эскизъ описанія храма, и наконецъ особая рукопись подъ заглавіемъ: «Свиданіе царицы Макведы или Никавли, Сивиллы Савской, съ царемъ Израиля, премудрымъ Соломономъ, въ Іерусалимѣ; переводъ съ древняго эллинскаго» и проч. Къ рукописи приложено и сдѣланное перомъ изображеніе царицы Савской. Всѣ эти дополненія показываютъ, какъ занимали Державина подобныя сочиненія въ послѣдніе годы его жизни, когда онъ вмѣстѣ со многими другими предался мистицизму, и какіе обширные приготовительные труды онъ предпринималъ для осуществленія задуманныхъ имъ въ этомъ настроеніи плановъ. Слѣдующіе стихи, набросанные имъ въ одной изъ принадлежащихъ сюда тетрадей, даютъ понятіе объ основной идеѣ, съ какою онъ принялся за этотъ трудъ (о царицѣ Савской ср. выше стр. 195):

Храмъ Соломона и Савской царицы
Его посѣщенье, о Муза, воспой.
Ты только можешь мудрость и славу
И велелѣпье вѣнчанныхъ сихъ главъ
Въ притчу царямъ живо представить,
Что миромъ однимъ лишь царства цвѣтутъ.

Вскачь серны и единороги
Ихъ жажду утолить,
И вѣтвеглавые елени табунами
Къ потокамъ, къ студенцамъ, пробитыми тропами
Бѣжали вереницей пить.
Тогда поморье іоффійско
На разстояніе неблизко
И іорданскій брегъ покрытъ
Сталъ дивнымъ поѣздомъ сей южныя царицы:
Тьма темъ кипитъ, блеститъ!
И всадникъ и пѣшецъ и конникъ и возницы,
Въ путь движась, не щадятъ ни силы, ни труда.
Но часъ когда
Пришелъ полдневный,
Палъ прямостойно лучъ въ долъ съ неба раскаленный
И все лицо земли какъ угль разжегъ,
Никто ступить не могъ:
Змѣй вихрепламенный летѣлъ и близкимъ ревомъ
Ужъ всѣхъ грозилъ истнить тлетворнымъ зѣвомъ;
Изъ пыли облака, какъ черна дыма сѣть,
Столбясь, крутясь, весь затѣняли свѣтъ.
И не было нигдѣ спасенья каравану,
Коль не прибѣгла бы Македа къ талисману,
Который въ даръ прислалъ царицѣ Савской сей
Съ Еговы именемъ мудрѣйшій изъ царей.

Подъ кедры Божіи ливанскіе подзвѣздны
Царица скрылася въ сіонскій садъ,
Въ святилище прохладъ,
Спокойства, тишины,
Гдѣ въ страшны глубины,
Средь высочайшихъ скалъ, нависнувшихъ надъ бездны,
Изъ древъ сплетенна сѣнь, иль нѣкій дивный сводъ

Ущельемъ на гору всѣмъ отверзаетъ всходъ;
Куда ни вѣтръ не провѣваетъ,
Ни свѣта лучъ не проницаетъ;
Гдѣ вѣчно дерева, какъ дремлющи, стоятъ;
Гдѣ путники съ высотъ и въ самомъ сильномъ знеѣ
Въ потокѣ Кедрскомъ такъ свѣтило міра зрятъ,
Какъ блюдо круглое, пловущее, златое,
И синю, какъ въ окно, чуть-чуть, небесъ лазурь;
Во время громовъ гдѣ и въ ужасъ бурь
Какъ дубы вержутся, бушуя пальмы гнутся,
Стократно гулы вкругъ глухіе раздаются;
А въ тишину, какъ нѣкій шопотъ, стонъ,
От горлицъ воркованья,
То отъ долбленья жолнъ,
Отъ соловьевъ свистанья,
То отъ различныхъ голосовъ,
Звучащихъ средь лѣсовъ;
Какъ проѣзжаютъ тамъ мостъ каменнометальный,
Тьмой отголосковъ, эхъ, грохочутъ дебри дальны.
Порфироносица, проѣхавъ оный лѣсъ,
Или дремущихъ рощъ злачно-зелено море,
Главу взносящихъ до небесъ,
Пальмъ, нардовъ, кипарисовъ, певговъ,
Алоевъ, теревинѳовъ, кедровъ,
Носящихъ гроздъ и льющихъароматъ,
Узрѣла предъ собою вскорѣ
Давидовъ градъ,
Который облакомъ со ската,
Отъ разноцвѣтныхъ плинѳъ стеклистыхъ и отъ злата,
На кровы съ крововъ льющихъ блескъ,
Сіялъ — какъ бы пожаръ средь рѣкъ!

LVII. НА ВОЗВРАЩЕНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ ИЗЪ ЧУЖИХЪ КРАЕВЪ,

ноября 30 дня 1815 года [1].

Небесъ благихъ планета, 1.
О ангелъ тихихъ дней!
О солнце, кѣмъ нагрѣта
Грудь у Россіи всей!
Сіяніемъ честей
И славою одѣта,
Всечтимая душей,
Хвала тебѣ, Елисавета!

И ты, внемля съ полсвѣта 2.
Подвластныхъ гласъ людей,
Какъ въ гимнахъ царствъ днесь пѣта,
О нѣжныхъ мать дѣтей!
Зри, что ихъ всѣхъ очей
Ты съ Александромъ мѣта
Въ гармоніи лучей.
Хвала тебѣ, Елисавета!

Такъ, ты въ дни золъ навѣта, 3.
Какъ дождь лила огней
Съ небесъ на насъ комета,
И ползъ какъ страшный змѣй,
Всѣмъ твердостью твоей
Была лучемъ совѣта
И дивомъ для мужей.
Хвала тебѣ, Елисавета!

И впредь, о цвѣтъ лилей! 4.
Будь утѣшеньемъ свѣта
Намъ доблестью своей.
Хвала тебѣ, Елисавета!

[1] Въ рукописи эти стихи названы: *баллада или застольная пѣснь.* Напечатаны 1816 г. въ ч. V, LV.

LVIII. ХОРЫ, ПѢТЫЕ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ БЕСѢДЫ ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКАГО СЛОВА,

30 декабря 1815 года [1].

—

Начальный.

Взведи окрестъ твой взоръ, Россія, 1.
И виждь среди твоихъ трофей —
Твой царь, смиря страны чужія,
Приноситъ миръ душѣ твоей
И хочетъ *благомъ онъ заняться*
Своихъ дѣтей, *своимъ добромъ* *.
О радость! будемъ утѣшаться
Въ монархѣ мы отцомъ!

Какъ въ небѣ свѣтится планета, 2.
Съ сіяніемъ сліясь зарницъ,
Такъ, славой многихъ царствъ одѣта,
Въ кругу родныхъ царей, царицъ
Не можетъ мать налюбоваться
На сынѣ доблестей вѣнцомъ.
О радость! будемъ утѣшаться
Въ монархѣ мы отцомъ!

[1] О *Бесѣдѣ любителей русскаго слова*, учрежденной 1811 г. въ домѣ Державина, см. его біографію. Послѣдняя, 19-ая книжка ея *Чтеній* цензурована въ мартѣ 1815 г. и потому настоящіе *хоры* не могли войти въ это изданіе. Они напечатаны отдѣльно и въ *Сынѣ Отеч.* 1816 г., ч. 27, № I, стр. 43; также въ ч. V, LIV.

* «Подлинныя слова государя». Д.

Зря мать, царицу и супругу 3.
И благодатнаго царя,
Да прозвучитъ земному кругу
Хоръ музъ нашъ, ревностью горя,
Что къ намъ благоволятъ склоняться
Они, какъ Фебъ съ небесъ, лицомъ.
О радость! будемъ утѣшаться
Въ монархѣ мы отцомъ!

Окончательный.

Внуши, Творецъ, моленье 4.
Душъ россихъ и сердецъ;
Пошли благословенье
На насъ, щедротъ Отецъ!
Чтобъ здравье, дни и слава
Того царя цвѣли,
Чья мудрость, мечъ, держава
Отечество спасли;
Да матерь и супруга,
Весь домъ его и родъ,
Какъ солнце, жизнь намъ льетъ
И въ новый годъ съ небесна круга!

LIX. НА ТОРЖЕСТВО,

БЫВШЕЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ 19 МАРТА 1816 ГОДА,

НА ПАМЯТЬ ВЗЯТІЯ ПАРИЖА[1].

Воспоминаніе парижскаго плѣненья 1.
Представя Александръ на невскихъ берегахъ,
Неизреченный духъ влилъ въ Россовъ восхищенья,
Что далъ имъ торжество незримо зрѣть въ вѣкахъ.

Казалось, неба сводъ, полкъ Ангеловъ склонились, 2.
Чтобъ зрѣть царей, царицъ, ликъ пастырей, войскъ строй;
Но паче красотѣ души того дивились,
Кто въ благочестьи семъ былъ истинный герой.

За зло не воздалъ зломъ, не мстилъ страдальца кровью; 3.
Но, прахъ его почтя, платилъ врагамъ любовью.
Се образъ доблестей, который, какъ гора,

Вѣкъ будетъ славой рость, какъ звѣзды, не увянетъ. 4.
Ничто такъ радовать тебя, монархъ, не станетъ,
Какъ память сладкая содѣланна добра.

[1] Торжество состояло, какъ показываютъ самые стихи, изъ парада войскамъ съ молебствіемъ. Этотъ сонетъ напечатанъ въ ч. V, LVI; потомъ въ *Сынѣ Отеч.* 1821 г., ч. 67, № VI, стр. 270.

LX. ПОЛИГИМНІИ[1].

—

Муза Эллады, пылкая Сафа, 1.
Сѣверныхъ странъ Полигимнія!
Твоя ли сладкозвучная арфа?
Твои ли то струны златыя,
Что, молніи въ души бросая,
Что, громами тихо гремя,
Грудь раздробляють мою!

Иль, о румянощока, чернокудра, 2.
Агатовоокая дѣва!
Ты мнѣ древняго слога премудра
Витіевъ эольскихъ напѣва
Съ розовыхъ устъ гласъ проливаешь?
Слышу журчащіе токи
И во гармоньи тону!

[1] Издатель *Сына Отечества* въ некрологѣ Державина (1816, № XXIX) считаетъ *Полигимнію* послѣднимъ его стихотвореніемъ. Вѣрнѣе будетъ принять, что это — одно изъ послѣднихъ. Въ рукописяхъ оно не сохранилось. Здѣсь Державинъ обращается къ какой-то дамѣ, которая читала ему вслухъ его стихи. Судя по выраженію *пылкая Сафа*, можно бы подумать, что поэтъ разумѣетъ извѣстную А. П. Бунину; но тогда ей было уже 42 года (род. 1774) и притомъ она никогда не отличалась красотою. Скорѣе можно полагать, что Державинъ обращается или къ княгинѣ Зинаидѣ Волконской, урожденной Бѣлосельской-Бѣлозерской (ум. 1862 г. въ Римѣ), блиставшей талантами и наружностью и воспѣтой впослѣдствіи многими очарованными ею поэтами, или къ Бѣлышевой, которая уже прежде внушила ему стихи (см. выше стр. 192). Пьеса эта напечатана послѣднею (LVII) въ ч. V его сочиненій.

Такъ, ты, греко-россійска Харита, 3.
Вблизи какъ меня возсѣдая,
Коснулась ко мнѣ дланью піита,
Со мной однодушно дыхая,
Мой гимнъ возглашаючи Богу:
Сердце во мнѣ вспламенялось,
Слезы ручьями лились!

И еслибъ мигъ еще продолжила 4.
Твое небозвучное чтенье,
Всю жизнь бы мою какъ былье спалила;
Растаялъ бы я въ восхищеньѣ,
Юной красой упояся;
Блаженства снести бы не могъ,
Умеръ, любовью сгорѣвъ.

Но холодная старость, сѣдая, 5.
Блѣднымъ покрывъ щитомъ костянымъ,
Стрѣлы твоихъ очесъ отражая,
Хоть упасть ко стопамъ мнѣ твоимъ
Строго тогда воспретила,
Избѣгъ я тебя; но твой взглядъ,
Лучъ какъ въ льдѣ, блещетъ во мнѣ.

Зрится въ моемъ, горитъ воображеньѣ, 6.
Ахъ! какъ солнце, твоя красота!
Слышу тобой мое выраженье,
И очаровательна мечта
Всю душу мою наполняетъ
Пѣньемъ твоимъ пѣсень моихъ. —
Буду я, буду безсмертенъ!

LXI. ПОСЛѢДНІЕ СТИХИ ДЕРЖАВИНА[1].

Рѣка временъ въ своемъ стремленьи
Уноситъ всѣ дѣла людей
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей.

[1] Эти стихи, вошедшіе подъ принятымъ и нами заглавіемъ во всѣ посмертныя изданія сочиненій Державина, въ первый разъ напечатаны были, вскорѣ послѣ смерти поэта, въ *Сынѣ Отечества* 1816 г., ч. 31, № XXX, стр. 175, при замѣткѣ, которую прилагаемъ здѣсь цѣликомъ: «Въ некрологіи Державина сказали мы, что послѣднее его сочиненіе была «ода *Полигимніи*. Эта ода въ самомъ дѣлѣ есть послѣднее изъ напеча-«танныхъ, но послѣ того написалъ онъ еще нѣсколько стиховъ. За три «дни до кончины своей, глядя на висѣвшую въ кабинетѣ его извѣстную «историческую карту: *Рѣка временъ* *, началъ онъ стихотвореніе *На тлѣн-«ность*, и успѣлъ написать первый куплетъ.

«Сіи строки написаны имъ были не на бумагѣ, а еще на *аспидной «доскѣ* (какъ онъ всегда писывалъ начерно **) и уже послѣ смерти его «положены на бумагу однимъ родственникомъ. — Кончина его была «тиха, подобно закату яснаго солнца. 3-го числа праздновалъ онъ еще въ «семейственномъ кругу 74-й день своего рожденія. 8-го числа почув-«ствовалъ усиленіе обыкновенной болѣзни своей, спазматическихъ при-«падковъ въ груди, и въ 11 часовъ вечера продиктовалъ письмо въ Пе-«тербургъ къ доктору, у котораго просилъ совѣтовъ въ своей болѣзни. «Онъ никакъ не думалъ, что находится въ опасности и въ то же время «приказалъ отписать къ издателю 6-ой части *** его сочиненій о *перемѣнѣ*

* «Рѣка временъ, или эмблематическое изображеніе всемірной исторіи». Она была составлена Страссомъ, директоромъ гимназіи въ Клостербергенѣ, и переведена съ нѣмецкаго А. Варенцовымъ (см. *Журналъ росс. Словесности* 1805, № 8).

** Не всегда, а развѣ иногда.

*** Эта 6-ая часть осталась неизданною. См. наше Предисловіе въ этомъ Томѣ.

А если что и остается
Чрезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется[2]
И общей не уйдетъ судьбы!

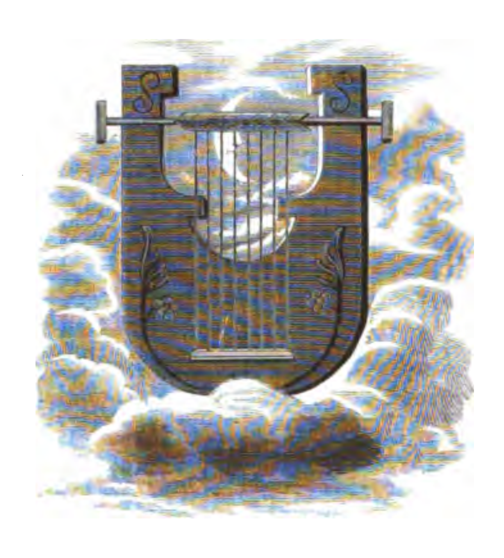
«*одного стиха.* Потомъ легъ онъ въ постелю, въ половинѣ 2-го часа «вздохнулъ сильнѣе обыкновеннаго, и съ симъ вздохомъ скончался. Тѣло «его предано землѣ 12 іюля въ Хутынѣ монастырѣ, отстоящемъ въ нѣ«сколькихъ верстахъ отъ Новагорода, куда привезено было по Волхову. «На погребеніи были почти одни только родственники его. Гробъ несли «офицеры стоящаго неподалеку оттуда конноегерскаго полка; они не «были знакомы лично ни ему, ни семейству его, но почли обязанностію «отдать послѣдній долгъ великому Россіянину».

Вскорѣ доска съ послѣдними стихами Державина была подарена его родственниками императорской публичной библіотекѣ, по усильной просьбѣ директора, А. Н. Оленина (*Сынъ Отеч.* 1817, ч. 34, № II, стр. 67). Тамъ хранится она и понынѣ: ее всякій можетъ видѣть на стѣнѣ, въ отдѣленіи русскихъ книгъ; но отъ начертанныхъ на ней строкъ почти ничего уже не осталось.

Прилагаемая виньетка находится въ концѣ всѣхъ пяти томовъ первоначальнаго изданія сочиненій Державина.

[2] То вѣчности жерломъ пожрется.

Ср. во II-мъ Томѣ, стр. 306, во второй строфѣ оды *На смерть Нарышкина*, послѣдній стихъ: «Все вѣчности жерло пожретъ».



ОПЫТЫ ПЕРВОЙ ЭПОХИ

И

СТИХОТВОРЕНІЯ НЕИЗДАННЫЯ.

I. НА ШЕСТВІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ВЪ КАЗАНЬ[1].

1767.

Пристойно, Волга, ты свирѣпо протекала,
Какъ для побѣдъ Татаръ тобой царь Грозный шелъ[а];
Ты шумомъ водъ своихъ весь полдень устрашала,
Какъ громъ тобою Петръ на гордыхъ Персовъ велъ[б];
Но днесь тебѣ тещи пристойно съ тишиною:
Екатерина миръ приноситъ всѣмъ собою[в].

[а] Къ побѣдѣ какъ Татаръ тобой царь Грозный шелъ (1779).
[б] Великій Петръ тобой какъ громъ на Персовъ велъ.
[в] Несетъ тобой всѣмъ миръ монархиня съ собою.

[1] О поводѣ къ этой надписи Державинъ такъ упоминаетъ въ своихъ *Запискахъ* (*Р. Б.*, стр. 36): «Съ открытіемъ весны государыня на судахъ по Волгѣ шествовала въ Казань. На семъ пути, въ сообществѣ своихъ приближенныхъ господъ, трудилась надъ переводомъ Мармонтелева Велизарія». (Ср. Томъ I, стр. 793, и *Прибавл. къ Казанск. Вѣстнику* 1828, № 48, стр. 536).

Напеч. въ *С-петерб. Вѣстникѣ* 1779 за февраль (ч. III), стр. 109.

II. НА МАСКАРАДЪ,

БЫВШІЙ ПЕРЕДЪ ИМПЕРАТРИЦЕЙ ВЪ КАЗАНИ,

где Нагайцы и прочіе народы плясали и играли на своихъ инструментахъ [1].

1767.

Достойно мы тебя Минервой называемъ [а],
На мудрые твои законы какъ взираемъ.
Достойно мы тебя Астреею зовемъ:
Подъ скипетромъ твоимъ златые дни ведемъ [б].
Воистину у насъ Орфеевъ вѣкъ тобою [в]:
И горы и лѣса текутъ къ тебѣ толпою. —
Гдѣ ты, монархиня, тутъ пиръ и торжество,
Ликуетъ старъ и малъ, ликуетъ общество,
И дикіе съ степей сбѣгаются фауны
И пляшутъ предъ тобой, согласно движа струны.
Россія! похвались владычицей своей:
И варварски сердца уже плѣнились ей [г].

[а] ... Минервой нарицаемъ,
Коль мудрые твои законы созерцаемъ (1779).
[б] ... твоимъ въ златые дни живемъ.
[в] И радость и восторгъ текутъ въ сердца рѣкою.
Монархиня! гдѣ ты, тутъ красно торжество.
[г] И варварски сердца плѣненны стали ей.

[1] См. примѣчаніе къ предыдущей пьесѣ. Напеч. въ *С-пб. Вѣстн.* 1779 (ч. III), стр. 109.

III. ОДА ЕКАТЕРИНѢ II[1].

Вдохни, о истина святая! 1.
Свои мнѣ силы съ высоты;
Мнѣ, гласъ мой къ пѣнью напрягая,
Споборницей да будешь ты!
Тебѣ вослѣдъ идти я тщуся,
Тобой одною украшуся.
Я слабость духа признаваю,
Чтобъ лирнымъ тономъ мнѣ гремѣть;
Я Музъ съ Парнасса не сзываю,
Съ тобой одной хочу я пѣть.

Велико дѣло и чудесно[2] 2.
Въ подоблачной странѣ звучать

[1] Эта первая по времени ода *пѣвца Фелицы* оставалась до сихъ поръ въ рукописи (ср. Томъ I, стр. 150, гдѣ исчислены всѣ предшествовавшія одѣ къ Фелицѣ стихотворенія Державина въ честь Екатерины). Какъ эта, такъ и другія раннія, доселѣ неизвѣстныя оды Державина любопытны для исторіи развитія его поэтическаго таланта, показывая намъ, какъ онъ писалъ, когда еще не вышелъ на самостоятельный путь и подражалъ Ломоносову. Онѣ выясняютъ намъ собственное признаніе Державина, такъ записанное Остолоповымъ: «Всѣхъ сихъ произведеній авторъ самъ не одобрялъ потому, какъ выше сказано, что онъ хотѣлъ подражать Ломоносову, но чувствовалъ, что талантъ его не былъ внушаемъ одинаковымъ геніемъ: онъ хотѣлъ парить, и не могъ постоянно выдерживать красивымъ наборомъ словъ свойственнаго единственно россійскому Пиндару велелѣпія и пышности, а для того въ 1779 году избралъ онъ совершенно особый путь» и проч. (*Ключъ къ соч. Д.*, стр. 13).

Въ настоящей одѣ уже встрѣчаются такія мысли, которыя приняли другую форму или большее развитіе въ позднѣйшихъ одахъ. Такъ напр. стихи 8-й и 10-й въ 10-й строфѣ ср. съ примѣч. 28, 31 и 37 въ *Изображеніи Фелицы* (Томъ I, стр. 286 и слѣдд.).

[2] Велико дѣло и чудесно.

Ср. у Ломон., въ 6 одѣ, строфа 17: «Велико дѣло есть и знатно» и проч.

И въ честь владѣтелямъ нелестно
Гремящу лиру настроять;
Но если пышныя пареньи
Однимъ искусствомъ, въ восхищеньи,
Сердца, безъ истины, плѣняютъ;
То въ вѣки будущихъ премѣнъ
Въ подобны басни ихъ вмѣняютъ,
Что пѣлъ Гомеръ своихъ временъ.

Начто жъ на горы горы ставить 3.
И вверхъ ступать какъ исполинъ?
Я солнцу свѣтъ могу ль прибавить,
Умножу ли хоть лучь одинъ?
Твои, монархиня, доброты,
Любовь, судъ, милость и щедроты
Безъ украшеніевъ сіяютъ!
Поди ты прочь, витійскій громъ [3]!
А я, что̀ Россы ощущаютъ,
Лишь то моимъ пою стихомъ.

Возведъ своихъ я мыслей взоры 4.
Надъ верхъ полночныя страны,
Какіе, слышу, разговоры
По селамъ, градамъ ведены [4]!
Тебѣ, о мать Екатерина,
Плетется тамъ похвалъ пучина;

[3] Поди ты прочь, витійскій громъ!

Ср. въ одѣ *На смерть князя Мещерскаю* (Томъ I, стр. 94):

Подите, счастья, прочь, возможны!

[4] По селамъ, градамъ ведены.

Въ этой, а отчасти и въ слѣдующихъ строфахъ отразилось начало похвальнаго слова Ломоносова Елисаветѣ Петровнѣ: «Еслибы въ сей пресвѣтлый праздникъ ... возможно было намъ радостію восхищеннымъ вознестись до высоты толикой, съ которой бы могли мы обозрѣть обширность пространнаго ся владычества» и проч.

Усердны чувства то вспаляетъ
И движетъ къ оному языкъ!
О коль, — толпа людей вѣщаетъ, —
Въ владѣвшей нами Богъ великъ!

Онъ далъ намъ то въ императрицѣ, 5.
Чѣмъ Петръ премудръ въ законахъ слылъ;
Чтò купно видѣлъ свѣтъ въ дѣвицѣ,
Какъ вѣкъ ея незлобивъ былъ:
Шумящей славѣ не внимаетъ,
Чтò вмѣстѣ съ плачемъ прилетаетъ;
Но чѣмъ народна тихость болѣ,
Свой тѣмъ единымъ краситъ тронъ,
Во всемъ Творца согласна волѣ;
Та зритъ на пышность, какъ на сонъ.

Она подобна той пернатой, 6.
Чтò кровь свою изъ персей льетъ,
Да тѣмъ, своихъ хоть дней съ утратой,
Птенцамъ довольство подаетъ.
Покой трудами нарушаетъ,
Страны далеки обтекаетъ,
Для пользы нашей пòтомъ льется,
Не для себя свой вѣкъ живетъ:
Да обще счастье вознесется,
Да всякъ блаженны дни ведетъ.

Предъ мысленными очесами 7.
Предходитъ новый мнѣ предметъ;
Народъ сокрылся съ похвалами,
Ни селъ, ни градовъ болѣ нѣтъ.
Я духомъ въ храмахъ освященныхъ,
Темисой[5] всѣмъ установленныхъ,

[5] Въ *Краткомъ миѳолог. лексиконѣ* Чулкова *Ѳемиса*, вм. нынѣ употребительнаго *Ѳемида*. Строку 6 ср. съ 21 строф. оды 19 у Ломоносова.

Какой тутъ слышу слухъ веселый!
Не злобой пишутъ виннымъ рокъ!
Ликуйте, росскіе предѣлы:
На васъ кровей не льется токъ!

Стрѣлецъ, оружiемъ снабженный, 8.
На сынѣ видя лютыхъ змѣй,
Любовью отчей побужденный
Спасти его напасти сей,
Поспѣшно лукъ свой напрягаетъ,
На сына стрѣлы обращаетъ;
Но чтобъ кровямъ его не литься
И жизнь безбѣдно сохранить,
Искусно мѣтитъ онъ и тщится
На немъ лишь змѣй однихъ убить.

Таковъ твой судъ есть милосердый, 9.
Ты такъ къ намъ сердобольна, мать!
Велишь, — но были бъ мы безвредны, —
Пороки въ насъ ты истреблять.
Для правды удовлетворенья,
Для вящшей злости пресѣченья,
Грозишь закона намъ стрѣлою;
Но жизнь преступшихъ ты блюдешь.
Насъ матерней казнишь рукою —
И крови нашей ты не льешь.

Твою къ намъ милость, мать народа, 10.
Мнѣ всю удобно ль исчислять?
Произвела тебя природа,
Чтобъ всю вселенну удивлять!
Чѣмъ далѣ вѣкъ твой протекаетъ,
Тѣмъ болѣ смертныхъ ущедряетъ.
Младенцамъ жизни ты спасаешь,
Законы старымъ пишешь ты,

Науки въ юныхъ расширяешь,
Селишь обширны пустоты.

О, коль пространно всюду поле 11.
Твоихъ, богиня, хвальныхъ дѣлъ!
Вникаю тѣмъ, чѣмъ зрю ихъ болѣ,
Не можетъ мысль вмѣстить въ предѣлъ!
Такъ мнѣ ужъ можно ли стремиться
И пѣть тебя достойно льститься,
Коль Музъ соборъ, Россіянъ клики
Немолчно тщатся тя гласить;
Но всѣ твои дѣла велики
И тѣ не могутъ похвалить!

Тобой сколь родъ нашъ препрославленъ 12.
И сколь тобой блаженъ нашъ вѣкъ,
Таковъ тебѣ алтарь поставленъ
Въ сердцахъ россійскихъ человѣкъ,
Премудра нашихъ дней богиня!
Тишайша матерь, героиня!
Ущедрь Господь твои такъ лѣты,
Какъ ты безмѣрно щедришь насъ;
Исполнь всегда твои совѣты,
Вонми мольбы смиренный гласъ!

Сіе къ тебѣ подданныхъ чувство, 13.
Покой душамъ! любовь сердецъ!
Начто жъ мнѣ пѣть тогда искусство,
Коль всякъ тебѣ внутри пѣвецъ?
Усердныхъ только всѣхъ желаній,
Не ложныхъ, искреннихъ плесканій
Тебѣ свидѣтель симъ нельстивный.
Они восходятъ до небесъ
И съ славой вдругъ твоей предивной
Гремятъ хвалу твоихъ чудесъ.

IV. НА ПОДНЕСЕНІЕ ДЕПУТАТАМИ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ ТИТЛА ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ[1].

1767.

Хотя весь кругъ земной, чудясь, внималъ той славѣ,
Гремѣла[а] что Петромъ побѣдой при Полтавѣ;
Однако не одни воинскія дѣла —
Всеобщая ему на свѣтѣ похвала;
Но правы и суды и нравовъ просвѣщенье —
Безсмертное ему вовѣки прославленье.
Не тѣмъ онъ сталъ великъ, умѣлъ что побѣждать;
Но что блаженство зналъ подвластнымъ созидать[б].
Монархиня! и ты въ слѣды[в] его ступаешь;
Зовись великою: онъ началъ, ты кончаешь.

[а] Взремѣла ... (1779).
[б] Но зналъ что пользы онъ подвластныхъ соблюдать.
[в] ... въ стези.

---

[1] Въ 1767 году сенатъ и созванные для составленія проекта новаго уложенія депутаты поднесли императрицѣ наименованіе Великой, Премудрой, Матери отечества; но, какъ извѣстно, она отказалась отъ этихъ титловъ (*П. Собр. Зак.*, т. XVIII, № 12,978), — 20 августа 1767 г. секретарь гр. А. К. Разумовскаго писалъ изъ села Коломенскаго къ И. И. Шувалову за границу: «Прошлаго воскресенья была во дворцѣ благодарственная ея величеству церемонія отъ депутатовъ, въ которой, сказываютъ, просили депутаты принять титулъ Премудрой, Великой, Матери отечества; на что отвѣтъ былъ достойный сей монархини слѣдующій: Премудрость одному Богу; Великая, — о томъ разсуждать потомкамъ; Мать же отечества, — то я васъ люблю и любима быть желаю» (изъ бумагъ Иларіона Николаевича Толстаго).

Напеч. въ *С-пб. Вѣстн.* 1779 (ч. III), стр. 110.

V. ВЫВѢСКА.

(1-я эпиграмма на Сумарокова [1]).

Терентій здѣсь живетъ Облаевичъ Церберъ [2],
Который обругалъ подъячихъ выше мѣръ,

[1] Сумароковъ, желая осмѣять предпринятую Ломоносовымъ въ 1756 г. эпопею *Петръ Великій*, написалъ слѣдующую эпитафію своему сопернику:

«Подъ камнемъ симъ лежитъ Ѳирсъ* Ѳирсовичъ Гомеръ,
Который, вознесясь ученьемъ выше мѣръ,
Великаго воспѣть монарха устремился,
Отважился, дерзнулъ, запѣлъ и осрамился:
Дѣла онъ обѣщалъ воспѣть велика мужа;
Онъ къ морю велъ чтеца, а вылилася лужа».

Державинъ вступился за Ломоносова и въ пародію этой эпитафіи написалъ въ Москвѣ, тѣмъ же размѣромъ и на тѣ же риѳмы, свою *Вывѣску*. Такая форма эпиграммы была тогда употребительна: Сумароковъ подалъ первый примѣръ ея своею *Вывѣской*, въ которой выставленъ писарь Сава (*Соч. Сумар.*, изд. Новикова, ч. IX, стр. 158).

Въ рукописяхъ Державина передъ *Вывѣскою*, печатаемою нами въ текстѣ, помѣщены приведенные стихи Сумарокова, и обѣ пьесы соединены подъ общимъ заглавіемъ: *Надгробіе и Вывѣска*, съ такимъ примѣчаніемъ: «Надгробіе сочинено, сколько извѣстно, отъ зависти къ славѣ г. Ломоносова, а Вывѣска тогда жъ въ защищеніе онаго». Стихи Сумарокова, въ Новиковскомъ изданіи сочиненій его, напечатаны по позднѣйшей ихъ редакціи, отличающейся отъ той, въ которой они здѣсь предлагаются (*Соч. Сумар.* ч. IX, стр. 139, эпитафія 17-я). *Вывѣска* Державина въ первый разъ напечатана была нами въ 1-й книжкѣ *Записокъ акад. наукъ* 1862 г. въ статьѣ: *Письма Ломоносова и Сумарокова* (стр. 17).

[2] Терентій здѣсь живетъ Облаевичъ Церберъ.

Терентіемъ Сумароковъ названъ здѣсь, какъ авторъ комедій, по

* Ѳерситъ, извѣстное безобразное лицо въ Иліадѣ. Ср. Томъ I, стр. 486.

Кощунствовать своимъ Опекуномъ[3] стремился[а],
Отважился, дерзнулъ, зѣвнулъ и подавился:
Хулилъ онъ наконецъ дѣла почтенна мужа[б],
Чтобъ сей изъ моря сталъ ему подобна лужа.

[а] Святынѣ плесть хулу порока въ видѣ тщился (Старѣйш. рукоп.).
[б] И хулилъ наконецъ дѣла онъ славна мужа,
Изъ моря чтобъ и онъ съ нимъ равна была лужа.

———

имени славнаго римскаго комика, которое въ 18-вѣкѣ вообще такъ произносилось у насъ. Прозваніе *Церберъ Облаевичъ* намекаетъ на его заносчивость въ критикѣ и сатирѣ.

[3] Кощунствовать своимъ Опекуномъ стремился.

Здѣсь Державинъ конечно разумѣетъ нѣкоторыя рѣчи Чужехвата и Пасквина въ комедіи *Опекунъ* (*Соч. Сумар.* ч. V), именно въ явленіяхъ: IV (стр. 13 и 14), X (стр. 23), XI (стр. 26), XII (стр. 27) и XIV (стр. 36). *Опекунъ* оконченъ былъ въ началѣ 1765 года (*Зап. Порошина*, стр. 264), а напечатанъ въ 1768 (*Сопиковъ*, № 55.291), такъ же какъ и 4-е изданіе сочиненій Ломоносова.

VI. НА СОРОКУ ВЪ ЗАЩИЩЕНІЕ КУКУШЕКЪ.

(2-я эпиграмма на Сумарокова [1]).

Не будучи Орломъ Сорока здѣсь довольна [2],
Кукушками всѣхъ птицъ поноситъ своевольно;

[1] Эта эпиграмма написана Державинымъ въ Москвѣ, когда Сумароковъ обращалъ на себя общее вниманіе тамошней публики своею ссорою съ содержателемъ театра, Бельмонти, и главнокомандующимъ, графомъ Петромъ Семеновичемъ Салтыковымъ, за то, что на сценѣ, противъ желанія автора, представлена была трагедія *Синавъ и Труворъ*. Особенно стали смѣяться надъ нимъ, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ подавалъ императрицѣ жалобу и что она въ ироническомъ отвѣтѣ своемъ приняла сторону главнокомандующаго (ея письмо отъ 15 февр. 1770 см. въ *Чтеніяхъ общ. ист. и древ.* 1860, кн. II). Раздосадованный Сумароковъ написалъ на Москвичей слѣдующую эпиграмму, которая въ бумагахъ Державина записана передъ его отвѣтомъ:

НА КУКУШЕКЪ ВЪ МОСКВѢ.

«Намѣсто соловьевъ кукушки здѣсь кукуютъ
И гнѣвомъ милости Діанины толкуютъ;
Но можетъ ли вредить кукушечья молва?
Кукушкамъ ли понять богинины слова?
Въ дубравѣ сей поютъ безмозглыя кукушки,
Которыхъ пѣсни всѣ не стоятъ ни полушки.
Лишь только закричитъ кукушка на суку,
Другія всѣ за ней кричатъ: куку — куку».

Въ Новиковскомъ изданіи сочиненій Сумарокова эта эпиграмма напечатана два раза: въ VII ч. между баснями (стр. 331) и въ IX ч. между эпиграммами (стр. 129).

[2] Не будучи Орломъ Сорока здѣсь довольна.

Орломъ, т. е. главнокомандующимъ; *Сорока*, т. е. Сумароковъ: сходство

Щекочетъ и кричитъ: чики — чики — чики,
Въ дубравѣ будто сей всѣ птицы дураки.
Но мужество Орла Діана[3] почитаетъ,
И весь пернатый свѣтъ его заслуги знаетъ.
Сорока жъ завсегда сорокою слыветъ,
И что Сорока вретъ[a], то все сорочій бредъ[4].

[a] Сорока что совретъ, то все сорочій бредъ.

имени его съ звуками слова *сорока* вѣроятно входило въ соображеніе Державина при выборѣ этого прозванія.

3 *Діана* — императрица.

4 И что Сорока вретъ, то все сорочій бредъ.

Послѣдній стихъ эпиграммы былъ давно извѣстенъ изъ *Анекдота о Сумароковѣ*, напечатаннаго въ *Соревнователѣ просвѣщ. и благотвор.* 1819, № 5. Вся эпиграмма была въ первый разъ напечатана въ *Библіогр. Запискахъ* 1859, № 17 (стр. 520), въ статьѣ г. Аѳанасьева: *Образцы литературной полемики прошлаго столѣтія*, но съ оговоркою, что авторъ этихъ стиховъ неизвѣстенъ. Объ нихъ упомянуто также въ *Запискахъ Дмитріева* (*Москвитянинъ*, 1842, № 1, стр. 161). Ср. С. Глинки *Очерки жизни и соч. Сумарокова* ч. I, стр. 101 — 106), Грота *Державинъ* (*Современ.* 1845, т, XXXVII, стр. 142), Булича *Сумароковъ* (стр. 45 — 47). Преданіе объ отношеніяхъ между обоими писателями подало Пушкину поводъ къ замѣткѣ: «Державинъ исподтишка писалъ сатиры на Сумарокова и пріѣзжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, наслаждаться его бѣшенствомъ» (*Соч. Пушк.*, изд. Анненкова, т. VI, стр. 87).

VII. НА СЛУЧАЙ РАЗЛОМКИ МОСКОВСКАГО КРЕМЛЯ

ДЛЯ ПОСТРОЕНІЯ НОВАГО ДВОРЦА

въ 1770 году архитекторомъ Баженовымъ, при отъѣздѣ автора изъ Москвы въ Петербургъ [1].

Прости, престольный градъ, великолѣпно зданье
Чудесной древности, Москва, Россій [2] блистанье!
Сіяющи верхи и горды вышины [а],
На диво въ давній вѣкъ вы были созданы.
Впослѣдни зрю я васъ, покровы окомъ мѣрю
И въ ужасѣ тому дивлюсь, сомнюсь, не вѣрю;
Возможно ли, чтобъ вамъ разрушиться, возстать
И прежней красоты чуднѣе процвѣтать?
Твердынямъ таковымъ коль пасть и возставляться, 8.
То должно, такъ сказать, природѣ премѣняться!
Но что не сбудется, гдѣ хощетъ божество [б]?
Баженовъ! начинай, — уступитъ естество.

[а] ... верхи, гордящи вышины (1779).
[б] Но что не будетъ тамъ, гдѣ строитъ божество?
Минерва хочетъ то, — уступитъ естество.

---

[1] Василій Ивановичъ Баженовъ, архитекторъ, при императорѣ Павлѣ вице-президентъ академіи художествъ, род. 1737, ум. 1799. Баженовъ начерталъ проектъ великолѣпнаго кремлевскаго дворца, но исполненіе этого проекта встрѣтило затрудненія и онъ былъ оставленъ. Ср. Рѣчь Сумарокова на заложеніе кремлевскаго дворца (*Соч. Сумарокова*, ч. II, стр. 267) и замѣтку по этому предмету Н. Горчакова, гдѣ приведены надписи въ стихахъ и прозѣ, сдѣланныя на мѣдныхъ доскахъ при закладкѣ (*Москвитянинъ* 1842 г., кн. IX, стр. 162). — О Баженовѣ ср. Томъ II нашего изданія, стр. 21.

Напеч. въ *С-пб. Вѣстникѣ* 1779 г., ч. III, стр. 112.

[2] *Россій* вм. Россіи, — Державинская вольность (ср. выше стр. 48).

VIII. РАСКАЯНІЕ[1].

Ужель свирѣпства всѣ ты, рокъ, на мя пустилъ?
Ужель ты злобу всю съ несчастнымъ совершилъ?
Престанешь ли меня теперь ужъ ты терзати?
Чѣмъ грудь мою тебѣ осталось поражати?
Лишилъ ужъ ты меня имѣнья моего[2],
Лишилъ ужъ ты меня и счастія всего,
Лишилъ, я говорю, и — что̀ всего дороже —
(Какая можетъ быть сей злобы злоба строже?)
Невинность разрушилъ[3]! Я въ роскошахъ забавъ
Испортилъ уже мой и непорочный нравъ,

[1] Это стихотвореніе, по языку очень устарѣлое, осталось неотдѣланнымъ; въ старой тетради, писанной рукой Державина, противъ *Раскаянія* сдѣлана имъ отмѣтка: *Исправить.* За то стихи эти любопытны и важны въ біографическомъ отношеніи. Они должны относиться къ началу 1770 года, когда Державинъ уже болѣе трехъ лѣтъ жилъ въ Москвѣ и велъ тамъ безпорядочную жизнь, бывъ завлеченъ въ дурное общество. «Наконецъ», сказано въ его *Запискахъ* (*Р. Б.*, стр. 42), «онъ, проживая, въ Москвѣ съ знакомыми таковаго разбора людьми, чрезвычайно наскучилъ или, лучше сказать, возгнушавшись самъ собою, взялъ у пріятеля матери своей 50 руб., бросился въ сани и поскакалъ безъ оглядокъ въ Петербургъ».

[2] Лишилъ ужъ ты меня имѣнья моего.

«Онъ проигрался въ карты» (тамъ же).

[3] Невинность разрушилъ …

«Спознакомился съ игроками или, лучше, съ прикрытыми благопристойными поступками и одеждою разбойниками; у нихъ научился заговорамъ, какъ новичковъ заводить въ игру, подборамъ картъ, поддѣлкамъ и всякимъ игрецкимъ мошенничествамъ» (тамъ же).

Испортилъ, развратилъ, въ тьму скаредствъ погрузился, —
Повѣса, мотъ, буянъ, картежникъ очутился;
И вмѣсто, чтобъ талантъ мой въ пользу обратилъ,
Порочной жизнію его я погубилъ;
Презрѣнъ теперь отъ всѣхъ и всѣми презираемъ, —
Отъ всѣхъ честныхъ людей, отъ всѣхъ уничижаемъ.
О градъ ты роскошей, распутства и вреда!
Ты людямъ молодымъ и горесть и бѣда!
Москва, хотя въ тебѣ забавы пребываютъ,
Веселья, радости живущихъ восхищаютъ;
Но самый ты, Москва, ужъ тотъ же Вавилонъ:
Ты такъ же слабишь духъ, какъ прежде слабилъ онъ.
Ты склонности людей отравой напояешь,
Ко сластолюбію насильно привлекаешь.
Надлежитъ мрамора крѣпчае сердцу быть,
Какъ бывши молоду, въ тебѣ безстрастнымъ жить.
По имени въ тебѣ лишь мужество извѣстно;
А что порокъ и срамъ, то всѣмъ въ тебѣ прелестно.
Безумная тобой владѣетъ слѣпота,
Мечтанье лживое, суетствъ всѣхъ суета.
Блестящія въ сердцахъ и во умахъ прельщенья
Подъ видомъ доброты сугубятъ потемненья.
Ступаю на стези и ими въ тму иду.
Прелестну нѣту силъ преодолѣть бѣду!
О лабиринтъ страстей, никакъ неизбѣжимыхъ,
Борющихъ разумомъ, но непреодолимыхъ!
Доколѣ я въ тебѣ свой буду вѣкъ влачить?
Доколѣ мнѣ, Москва, въ тебѣ распутно жить?
Покинуть я тебя стократно намѣряюсь
И, будучи готовъ, стократно возвращаюсь.
Противъ желанія живу, живя въ тебѣ;
Кляну тебя, и въ томъ противлюсь самъ себѣ.
Магнитная гора, котора привлекаетъ,

Живой въ тебѣ примѣръ, Москва, изображаетъ:
Ты силою забавъ насъ издали влечешь,
А притянувъ къ тебѣ, ты крѣпко насъ прижмешь.
Желѣзо какъ та рветъ, къ себѣ та присвояетъ,
Въ тебѣ у насъ такъ жизнь имѣнье обираетъ.
Отдай скорѣй, прошу, отдай свободу мнѣ,
И счастія искать не льсти въ твоей странѣ:
Не милы мнѣ въ тебѣ и горы золотыя;
Но токмо бъ избѣжать лишь жизни сей мнѣ злыя
И прежнее мое спокойство возвратить,
И независимость отъ счастья получить.
Я сердцемъ и душой, мнѣ въ томъ самъ Богъ свидѣтель,
Нелестно что люблю святую добродѣтель.

IX. НА ПЕТЕРГОФЪ[1].

Прохладная[a] страна! мѣста преузорочны!
Гдѣ съ шумомъ въ воздухъ бьютъ стремленья водоточны;
Гдѣ роскоши своей весна имѣетъ тронъ,
Гдѣ всюды слышится поющихъ птичекъ тонъ,
Гдѣ спорятъ межъ собой искусство и природа
Въ лѣсахъ, въ цвѣтахъ, въ водахъ, въ небесномъ блескѣ свода,
И словомъ, кто эдемъ захочетъ знать каковъ, —
Приди и посмотри приморскій домъ Петровъ.

[a] Приморская ...
Шумя гдѣ бьютъ въ эѳиръ ...
Веселій гдѣ своихъ ...
Повсюду слышенъ гдѣ ...
Искусство блещетъ гдѣ, украся вещество,
Въ лѣсахъ, цвѣтахъ, водахъ превыся естество,
И лучше намъ нельзя эдемъ узнать каковъ,
Какъ если посмотрѣть пріятный Петергофъ.
Но райскія мѣста кому же посвященны?
Не для ли насъ они, коль будемъ мы блаженны?
Селеніе сіе рая намъ выше тѣмъ:
Вина живетъ блаженствъ, Екатерина, въ немъ (1779).

---

[1] Помѣщается здѣсь по позднѣйшей редакціи въ рукописи: *Часть VII*. Напечатано въ *С-петерб. Вѣстникѣ* 1779 г., ч. III, стр. 110, откуда выписываемъ и варіанты.

X. FRAGMENTUM[1].

1772.

Что день, то звукъ и торжество, 1.
Летятъ побѣдами минуты:
Коль склонно вышне Божество
Тебѣ, богиня, въ брани люты!
На встокъ, на югъ орелъ паритъ;
За славой вихрь не ускоритъ.
Ты, Муза, бурь[a] стремясь въ вершины,
Какъ мой восторгъ несись, шуми,

[a] . . . звѣздъ . . . (Рукоп.).

[1] Подъ этимъ заглавіемъ занесена въ тетрадь 1776 г. только первая строфа отрывка; остальныя строфы, вмѣстѣ съ первою, найдены нами на особомъ листѣ. Очевидно, что стихи эти относятся къ успѣхамъ Русскихъ въ первую турецкую войну. Державинъ задумывалъ, какъ кажется, очертить весь ходъ борьбы Христіанъ съ Магометанами. Слѣдующая строфа назначалась по видимому взамѣнъ 5-й, для олицетворенія владычества Ислама:

Но что мрачится горизонтъ
И рѣетъ пламень надъ лѣсами?
Угрюму бровь навѣсивъ въ понтъ,
Гора стоитъ подъ небесами!
Отъ ней плеяды дымъ темнитъ
И жупелъ среди волнъ горитъ.
Не бранный ль демонъ мною зрится?
Средь поль, средь дебрей, средь пещеръ,
Изъ челюстей земля багрится:
Ужасенъ мерзкій изувѣръ.

Тріумфы пой Екатерины[6],
Воспой, начни, звучи, греми.

Свергая тучу съ тверди звѣздъ, 2.
Возжженныхъ въ ней главой Парнасса,
Расчисть, расширь обширность мѣстъ
Для хвалъ тамъ сей царицы гласа.
Стряси свѣтилъ всѣхъ блескъ въ надиръ:
Тебѣ всегдашній мракъ, Омиръ,
Мое днесь солнце освѣщаетъ,
Моя богиня дальній свѣтъ!
Не баснь о ней мной здѣсь вѣщаетъ,
Но правда въ Ломоносовъ слѣдъ.

Въ единомъ мірѣ мѣста нѣтъ: 3.
Побѣда, въ трехъ мірахъ рожденна,
Изъ рода въ родъ въ устахъ живетъ,
Преданьемъ въ вѣчность утвержденна.
Ужъ зрю грядущій сонъ очамъ!
Тамъ палъ лавровый лѣсъ къ стопамъ,
Тамъ твердь благоухаетъ смирны[2]:
Весь свѣтъ потомства плеску малъ;
Сошлись властители всемірны
Дивиться той, Магметъ кѣмъ палъ.

Но новый жаръ и шумъ и лучъ 4.
Еще мой голосъ возвышаетъ;
Онъ гонитъ прю житейскихъ тучъ,
Онъ звуки Россовъ украшаетъ.
Разверзла мнѣ скрижаль жена,

[6] Еще тріумфъ Екатерины,
Еще тріумфъ звучи, греми.

[2] Род. падежъ вм. твор.; *смирна* (церковно-слав.), — myrrha.

Дѣяньевъ бывшихъ та полна!
Тамъ въ вихряхъ перемѣнъ крутящихъ
Сквозь мглу и мракъ проходитъ взоръ,
Среди вѣковъ, во тму летящихъ,
Свѣтлѣетъ мнѣ въ яву позоръ[3].

Великій, страшный исполинъ 5.
На полдень наступилъ ногою;
Чрезъ горъ хребты, чрезъ глубь долинъ
Востокъ онъ придавилъ другою.
Когда сходилъ съ пустынныхъ мѣстъ,
Главой касался онъ до звѣздъ
И, бурными какъ холмъ шагами
Простерши пепелъ за собой,
Онъ царства разорилъ часами
И страшною предсталъ Луной.

Страшилище вселенна зритъ, 6.
Трепещетъ, въ мысляхъ изступленна:
Вотще въ Европѣ жаръ горитъ,
И въ броню святость облеченна
Сбираетъ Крестоносцевъ сонмъ.
Угрюмымъ наклонясь челомъ,
Борей, нахмуря бровь на воды,
Какъ дуетъ мелкій дождь съ зыбей;
Срацынъ союзны такъ народы
Сопхнули съ Палестины всей.

. . . .

[3] *Позоръ* употреблено здѣсь въ смыслѣ *позорища;* ср. Томъ I, стр. 625 и 657.

XI. НА БРАКОСОЧЕТАНІЕ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА СЪ НАТАЛІЕЮ АЛЕКСѢЕВНОЮ.[1]

Въ полнощи свѣтлый югъ сіяетъ, 1.
Течетъ живѣе въ сердцѣ кровь[a],
И осень, какъ весна, вливаетъ
Натальѣ съ Павломъ въ грудь любовь.
Туманы солнцемъ озарились,
Въ зефиры бури превратились,
Разцвѣлъ при Бельтѣ Инда край.
Четѣ любящейся согласно
И самый воздухъ дышитъ страстно,
Здѣсь храмъ любви, блаженства рай.

[a] И радость всѣмъ волнуетъ кровь;
Намъ осень лѣто представляетъ,
Что зиждетъ Павлу бракъ любовь.
Се вѣтры въ зефры премѣнились,
Се мраки въ ведро претворились,
Мы зримъ на Бельтѣ Инда край!
И воздухъ дышитъ уже страстно,
Четѣ любящейся согласно;
Здѣсь храмъ любви, утѣхи рай (1773).

---

[1] Первое бракосочетаніе великаго князя Павла Петровича послѣдовало 29 сентября (10 октября) 1773 года. Великая княгиня Наталія Алексѣевна, до замужства принцесса Вильгельмина, была дочь ландграфа гессенъ-дармштадтскаго, Лудвига IX, родилась 14 (25) іюня 1755 г., скончалась 15 (26) апрѣля 1776. Подробности объ этомъ бракѣ можно найти въ брошюрѣ г. П. Лебедева: *Графы Никита и Петръ Панины* (гл. III). Уже за пять лѣтъ до того Екатерина II остановила вниманіе на гессенъ-

Душой и мыслію вперенна 2.
Богиня въ горни небеса,
Всякъ часъ котору зритъ вселенна
Творящу смертнымъ чудеса,
Еще, еще блаженство строить,
Навѣкъ Россію успокоить,

дармштадтскомъ домѣ для выбора невѣсты своему сыну, и графъ Н. И. Панинъ переписывался съ находившимся въ Дармштадтѣ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, барономъ Ассербургомъ, о трехъ дочеряхъ ландграфа, Амаліи, Вильгельминѣ и Луизѣ. Наконецъ, по приглашенію императрицы, онѣ вмѣстѣ съ своею матерью ландграфинею пріѣхали въ Петербургъ (въ іюнѣ 1773); выборъ великаго князя согласовался съ желаніемъ Екатерины и предположеніями Ассербурга. Но бракъ этотъ не былъ счастливъ: Наталія Алексѣевна скончалась въ родахъ уже черезъ два съ половиною года.

По случаю бракосочетанія ея съ великимъ княземъ появились оды: Хераскова, Княжнина, Сумарокова, Владыкина и другія, не только на русскомъ, но и на иностранныхъ языкахъ, также нѣсколько сочиненій въ прозѣ, какъ-то Описаніе торжества и т. п. (см. Russ. Bibl., т. II, стр. 468, и *С-пбурскія Вѣдом.* за послѣдніе мѣсяцы 1773 г.). Настоящая ода была въ то же время напечатана въ типографіи академіи наукъ (какъ видно изъ дѣлъ академическаго архива за ноябрь 1773 г.*), въ числѣ 50-и экз. Полное заглавіе ея было: *Ода на всерадостное бракосочетаніе ихъ императорскихъ высочествъ, сочиненная потомкомъ Аттилы, жителемъ рѣки Ра. Въ Санктпетербургѣ, 1773 года.* Здѣсь въ первый разъ выразилась охота Державина скрываться подъ загадочными заглавіями, какія онъ послѣ придумывалъ при выпускѣ въ свѣтъ Читалагайскихъ одъ и Фелицы. «Потомкомъ Аттилы» назвалъ онъ себя въ томъ же смыслѣ, какъ послѣ «Татарскимъ мурзою»; а «жителемъ рѣки Ра» (Волги) — какъ казанскій уроженецъ. Настоящей оды нѣтъ ни въ одномъ библіографическомъ указателѣ; единственный намъ извѣстный экземпляръ ея найденъ А. А. Куникомъ въ академической библіотекѣ. Изданная безъ имени автора, въ маломъ количествѣ экземпляровъ, она впослѣдствіи не могла обратить на себя вниманія; самъ же онъ не перепечатывалъ ея, такъ же какъ и большую часть другихъ пьесъ первой эпохи своего стихотворства. Изъ сохранившагося автографа этой оды видно, что Державинъ когда-то началъ исправлять ее; но остановился на первой строфѣ, которую и передаемъ по позднѣйшей редакціи съ варіантомъ изъ печатнаго текста.

* См. Канцелярскія дѣла и Журналъ исходящимъ дѣламъ № 1557.

Не быть чтобъ вредной ей никакъ [2]
Отъ грозна буйствомъ злобна время,
Отъ чуждагó царимой племя,
Грядетъ творить днесь сыну бракъ.

Цвѣтуща младость вслѣдъ царицѣ 3.
Спѣшитъ. Эдема садъ очесъ!
Луна и солнце по денницѣ
Коль шли бы вдругъ верху небесъ,
Мы были бъ меньше удивленны,
Чѣмъ наши души восхищенны
Сіяньемъ днесь Россій боговъ!
Краса красу тутъ предваряетъ,
Восторгъ все сердце наполняетъ,
Уста не изрекаютъ словъ!

Въ безмолвномъ, висящемъ, священномъ, 4.
Палящемъ внутрь меня огнѣ,
Въ мечтаньи сладкомъ, изступленномъ,
Небесъ се дверь разверзлась мнѣ!
Живущихъ гласы не пронзаютъ,
Ни молньи въ слухъ мой не дерзаютъ,
Ни понтъ, ни вихрь, ни лѣсъ шумѣть;
Разбросаны сіяньемъ мраки,
Притуплены существъ всѣхъ зраки:
Я зрю, нельзя чтò смертну зрѣть!

Въ пространствѣ бездны звѣздъ широкомъ, 5.
Въ эфирной дальности высотъ,

[2] Не быть чтобъ вредной ей никакъ *и проч.*
т. е. чтобъ ей не потерпѣть вреда отъ грознаго буйствомъ времени, отъ племени, чуждаго царимой (Россіи). Во 2-омъ стихѣ слѣдующей строфы естественный порядокъ словъ такой: садъ эдема очесъ.

Не можно гдѣ озрѣти окомъ
Горящихъ, зыблющихъ красотъ,
Въ тѣняхъ лазурныхъ быстропарныхъ,
Въ заряхъ лиловыхъ лучезарныхъ
Чудесный радужный чертогъ,
Гдѣ ждетъ судьба себѣ устава,
Неувядаема гдѣ слава,
Гдѣ свѣту свѣтъ, самъ свѣтитъ Богъ.

Тамъ въ виссъ[3] тріумфовъ облеченна, 6.
Вѣнцомъ вѣнчанная царей,
Стоитъ жена, Орломъ взнесенна
Седми обширныхъ вверхъ морей[4];
Отъ вечера до утра края
Очами царства надзирая,
Рукой въ союзѣ держитъ Льва[5],
Въ цвѣтахъ вредъ скрытый презираетъ,
Луну ногою попираетъ,
Творцу речетъ сіи слова:

«За вѣру правую, Создатель, 7.
За ревность искренну къ Тебѣ,

[3] *Виссъ* (церк.) то же, что *виссонъ*. Ср. у Ломоносова въ одѣ 10, строфа 5, стихи:

«И въ виссъ, вѣщаетъ, облеченной
Владычицѣ россійскихъ водъ».

Ниже, подъ *женой* должно разумѣть уже не Екатерину, а Россію.

[4] Седми обширныхъ вверхъ морей.

См. выше стр. 124.

[5] Рукой въ союзѣ держитъ Льва.

Уже Ломоносовъ нерѣдко называлъ Швецію, по ея гербу, *Львомъ;* см. у него напр. въ одѣ 4, строфѣ 6:

«Пятой наступишь ты на Льва».

Въ слѣдующихъ за тѣмъ стихахъ Державина подъ *цвѣтами* (лиліями) разумѣется Франція, подъ *Луной* — Турція.

Ты былъ всегда мнѣ благъ Податель,
Отецъ въ Твоей Ты мнѣ судьбѣ!
Чрезъ все препятство и коварство
Вознесъ мое Ты въ крѣпость царство;
На западъ, сѣверъ, югъ, востокъ
Я свой предѣлъ днесь простираю,
Въ себѣ вселенну всю взираю,
Всѣхъ главъ Тобой мой выше рогъ.

«Благословенна я, что въ руку 8.
Ты далъ меня Петру держать,
Ему подобную что внуку
Судилъ Тебя изображать.
Тобой герой младой мнѣ спѣетъ,
Живетъ Тобой, цвѣтетъ и зрѣетъ;
Чей правнукъ онъ и чей онъ сынъ!
Въ очахъ его я то взираю,
Что имъ я троны покоряю;
Но кто по немъ? Ты ... онъ ... одинъ».

Сіе Россія, распаленна 9.
Въ безмѣрной ревности своей,
Душой и сердцемъ сокрушенна,
Взывала ко Царю царей,
Предъ Нимъ колѣна преклоняла,
Предъ Нимъ молитву проливала,
Да дастъ, просила, Павлу бракъ:
Кадилъ такъ дымъ благоухаетъ,
Ея молитва какъ взлетаетъ
Предъ Вышняго ей склонный зракъ.

На тронѣ солнечномъ сѣдящій, 10.
Въ лучахъ, во славѣ, въ торжествѣ,
Отъ безднъ вершинъ, сквозь бездны зрящій,

Предивный, сильный въ естествѣ
Земли и неба скиптръ подъемлетъ;
Молчатъ моря, вѣтръ, буря внемлетъ,
Ермонъ, Ѳаворъ, Рифей, Кавказъ
Верхи съ почтеньемъ преклоняютъ:
Да будетъ, Россы что желаютъ, —
Онъ рекъ, и ужъ утѣшилъ насъ.

Се Павла сердце героично 11.
Питаетъ огнь въ своей крови;
Богининъ сынъ: ему прилично
Къ богинѣ жаръ имѣть любви.
Наталья взоръ всѣхъ преклонила,
Наталья духъ всѣхъ побѣдила,
Преозаренъ ей весь чертогъ!
И въ томъ подсолнечна согласна,
Что кто толь съ кротостью прекрасна,
Всегда благоволитъ къ той Богъ.

Уже отворенъ храмъ священный, 12.
Ливаномъ жертвенникъ вскуренъ;
Алтарь, межъ вапъ[6] препозлащенный,
Спревыше счастьемъ осѣненъ:
Надъ нимъ владычняя десница,
Предъ нимъ законъ, императрица
Благословляютъ жаръ четы.
Тутъ сердце сердцу отвѣчаетъ,
Корона такъ не увѣнчаетъ,
Какъ то, меня что любишь ты.

Молчите, страшны Норда громы, 13.
И свѣтъ престаньте потрясать;

[6] *Вапъ* (стар.) — краска.

Пускай останутся Содомы
Еще день року ожидать.
Въ сей день Титана не сражайте,
Вися надъ нимъ, не ударяйте,
Оставьте, день, сей день чтобъ жилъ;
А тамъ вы съ вящшею грозою,
Торжествъ усилившись росою,
И прахъ сметете, гдѣ онъ былъ.

Раксальски[7] дебри, возыграйте; 14.
Несися, гласъ Аральскихъ горъ;
Озера, рѣки, восклицайте;
Составьте, Камски дубы, хоръ:
Не гласъ Орфеевъ возбуждаетъ
Васъ, — утра солнце восхищаетъ:
Таковъ, таковъ женихъ у насъ!
Вы, дѣвы, Нимфамъ подражайте,
Зарю въ Натальѣ воспѣвайте;
Скачи, ликуй, шуми, Парнассъ!

Пророчественной въ свѣтъ цѣвницей 15.
Прорцы къ событію глаголъ:
Парящей нынѣ, какъ орлицей,
И впредь взнесется нашъ престолъ!
Екатеринины заслуги
Млады пробавятъ въ насъ супруги,
Господь ущедритъ ихъ плодомъ:

[7] *Раксальскій* — вмѣсто *Роксоланскій*. Встарину Роксоланъ считали предками Русскихъ и производили названіе ихъ отъ имени рѣки Ра. Ломоносовъ говоритъ: «Роксолане — реченіе сложенное отъ мѣста ихъ обитанія» (т. е. обитанія Аланъ), «которое не безъ основанія производятъ отъ рѣки *Раа*, какъ у древнихъ писателей слыветъ Волга» (*Соч.* Лом., т. III, стр. 133). Слѣдовательно, *раксальскій* у Державина значитъ *приволжскій*.

Намъ вѣчна будетъ кровь Петрова!
Промчись, сія надежда нова,
Растай хребты, покрыты льдомъ.

Средь звуковъ плещущаго тона, 16.
Души въ знакъ пламенной своей,
Поверхъ летающаго звона,
Петрополь, тьмы разсыпь зарей.
Страны подзвѣздны украшая,
Концы земли провозглашая,
Греми, союза свѣтлый день,
Греми; я громомъ огнь вкушаю,
Въ востокъ полночь преобращаю,
И зрю Евфрата брачну сѣнь!

Янтарный облакъ ограждаетъ 17.
Гдѣ холмы красные вокругъ;
Гдѣ уху вѣтръ не досаждаетъ,
Гдѣ пѣньемъ сладкимъ плѣненъ духъ;
Межъ перлъ кристальны бьютъ гдѣ воды;
Гдѣ дуть не смѣютъ непогоды;
Гдѣ всюды злачные луга,
Игры, веселья, радость, смѣхи;
Со всей подсолнечной утѣхи
Куда сошлися на брега:

Между лавровыми древами 18.
Тамъ нѣга свой имѣетъ тронъ,
На ложахъ розъ, подъ миртъ вѣтвями
Природу тихъ лелѣетъ сонъ;
Въ тѣняхъ тутъ горлицъ воздыханье,
Въ водахъ тамъ лебедей всклицанье;
Супруговъ страстныхъ всюды зракъ;
Они горятъ, они пылаютъ,

Съ царемъ вселенной не желаютъ
Смѣнять ихъ счастія никакъ.

Зефиръ, любитель мѣстъ пріятныхъ, 19.
Ты здѣсь имѣешь свой полетъ:
Зефиръ, въ сихъ рощахъ ароматныхъ,
Скажи, кто царствуя живетъ?
Ты здѣсь и Флору прохлаждаешь,
И огнь Нарцизу подгнѣщаешь[8];
Тому палишь, сей нѣжишь кровь,
Здѣсь все, я вижу, счастьемъ плѣнно!
Здѣсь все въ блаженство превращенно!
Конечно, здѣсь живетъ любовь?

Здѣсь злоба аду не рыгаетъ, 20.
Вражды, крамолъ, убійства нѣтъ.
Никто свирѣпости не знаетъ,
Никто за честь ее не чтетъ.
Безсильный съ сильнымъ безопасно
Живутъ въ содружествѣ согласно
И всякій часъ ликуютъ вновь.
Древа другъ друга обнимаютъ,
Подъ коркой сердцу быть являютъ!
Конечно, здѣсь живетъ любовь?

Въ блещаньи зрачнаго подира[9], 21.
На благовонія вѣтрахъ,
Отрада, мать, утѣха міра,
Въ улыбкѣ рдяной, какъ заряхъ,
Спѣшитъ Любовь и за собою

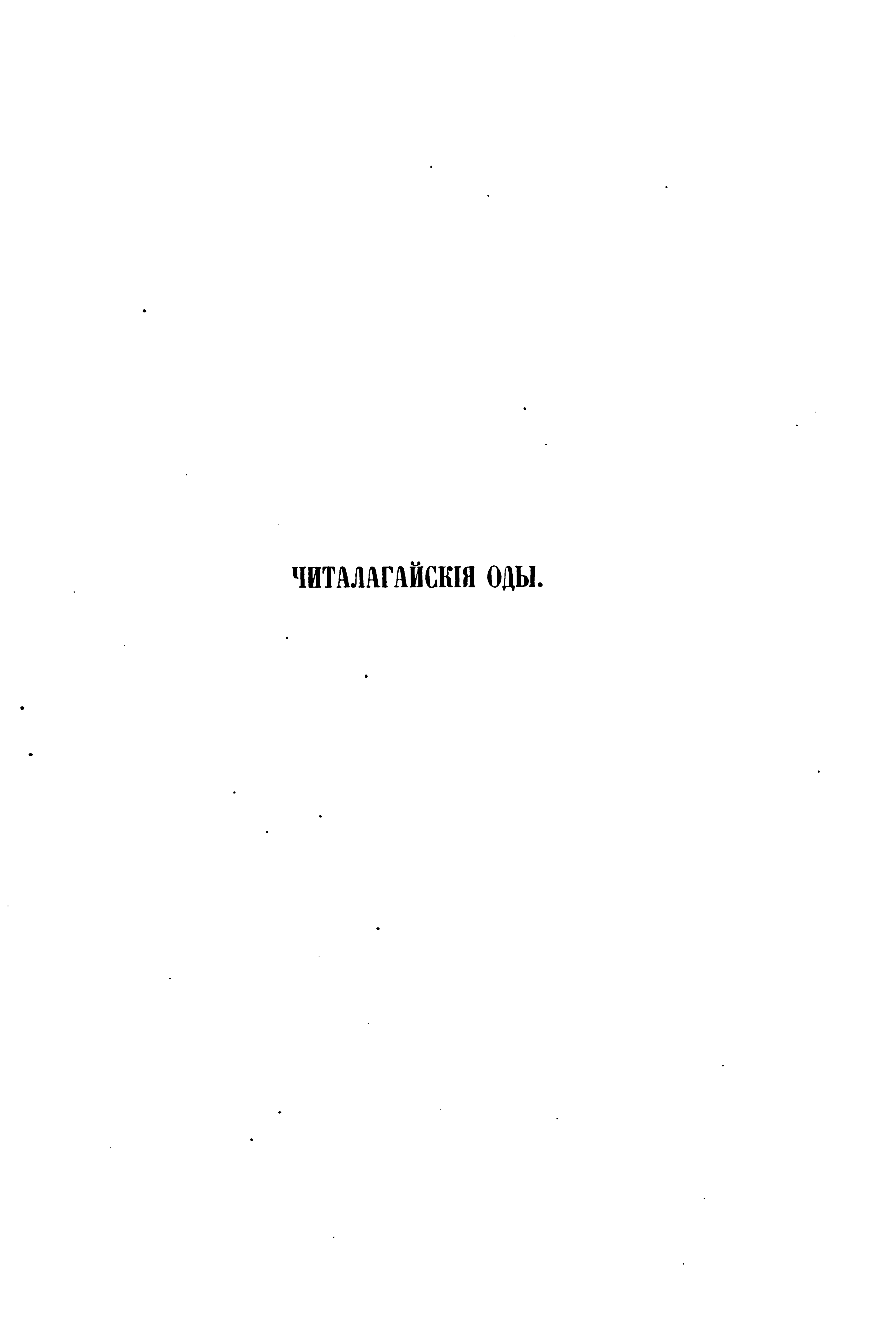
[8] У Державина было *подгнѣждаешь*, но такого слова нѣтъ: *подгнѣщать* — церк.-сл., подкладывать подтопку.

[9] *Подиръ* (отъ греч. ποδήρης, до ногъ спускающійся) — длинная риза: *Исход.*, гл. 28, ст. 31; Премудр. Сол., гл. 18, ст. 24.

Изящно-зрительнаго строю
Ведетъ преузорочный видъ:
Красотъ, высотъ, добротъ, прельщеньевъ,
Какъ лучъ въ Натальѣ восхищеньевъ,
Какъ туча ясная летитъ.

Гряди, речетъ, гряди за мною, 22.
Избранная изъ всѣхъ дѣвицъ,
Гряди и царствуй мной самою,
Средь счастія моихъ границъ:
Тебѣ единой то довлѣетъ,
Что тотъ къ тебѣ любовью тлѣетъ,
Кого полсвѣта тронъ, вѣнецъ
Та звучна слава ожидаетъ,
Что въ рождшей днесь его сіяетъ:
Онъ будетъ царь, герой, отецъ.

Ввела Любовь въ свое селенье 23.
Младыхъ, монархиня! супругъ;
Тому подобно и владѣнье
Тобой блаженныхъ намъ округъ:
Куды я взоръ ни обращаю,
Тебя съ щедротами встрѣчаю:
Въ дѣлахъ твоихъ тебя ищу;
Тебя нигдѣ не постигаю;
Затѣмъ хвалить не начинаю,
Благоговѣю и молчу.



ЧИТАЛАГАЙСКІЯ ОДЫ.

Примѣчаніе.

Черезъ нѣсколько времени послѣ Пугачевскаго бунта издана была маленькая книжка (8 д. л.) въ 38 страницъ, подъ заглавіемъ: *Оды, переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалагаѣ* 1774 г.* На заглавномъ листѣ ея не означено ни имени автора, ни когда и гдѣ она напечатана. По свидѣтельству Сопикова и Остолопова, это было въ 1777 году**; тотъ же годъ указываетъ и самъ Державинъ подъ одою *Вельможа*; Дмитріевъ говоритъ, что книжка вышла около 1776 г. изъ типографіи академіи наукъ***. Но изъ тогдашнихъ *С-петербургскихъ Вѣдомостей* оказывается, что Читалагайскія оды выпущены были въ продажу въ началѣ 1776 года. Въ Прибавленіяхъ къ № 12, 13, 14 (февраля 9, 12 и 16-го) объявлено, что онѣ продаются въ академической книжной лавкѣ, въ переплетѣ по 20 к., и безъ переплета по 15 коп.

Въ 1774 году Державинъ, бывшій тогда подпоручикомъ преображенскаго полка, командированъ былъ на Волгу для принятія мѣръ къ поимкѣ Пугачева; но въ журналѣ, веденномъ имъ въ это время и включенномъ впослѣдствіи въ его *Записки*, ничего не упомянуто ни объ его литературныхъ занятіяхъ въ ту эпоху, ни о горѣ Читалагаѣ. Въ диктованныхъ же имъ *Объясненіяхъ* на его стихотворенія, про оду *На смерть Бибикова* сказано, что она написана «въ саратовской губерніи при горѣ Читалагаѣ въ колоніи Шафгаузенъ», о которой не разъ говорится въ журналѣ Державина (*Зап.* его, *Рус. Бес.* стр. 67, 69, 72, 73, 86, 89, 92).

Шафгаузенъ принадлежитъ къ цѣлому ряду нѣмецкихъ колоній, основанныхъ въ началѣ царствованія Екатерины II на луговой сторонѣ Волги, въ той части волгскаго уѣзда, которая нынѣ отошла къ самарской губерніи: начинаясь въ 52 верстахъ отъ Саратова колоніею Екатеринштатъ, онѣ тянутся верстъ на 50 вверхъ по Волгѣ почти до верховья рѣки Малаго Карамана, гдѣ лежитъ колонія *Шафгаузенъ*, которую Державинъ поэтому и называетъ крайнею (стр. 69).

* Не *Читалагаръ*, какъ напечатано въ изданіяхъ Штукинскомъ (1845 г.) и Смирдинскомъ (1847 и 1851).

** *Опытъ росс. библіографіи*, № 3135; *Ключъ къ соч. Державина*, стр. 13.

*** Москвитянинъ 1842 г., кн. I.: «Державинъ, изъ записокъ Дмитріева».

О горѣ *Читалагай* до сихъ поръ не было никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Было даже выражено сомнѣніе въ дѣйствительномъ ея существованіи. Находясь на мѣстахъ лѣтомъ 1862 года, мы имѣли однакожъ возможность удостовѣриться, что Державинъ ея не выдумалъ. Верстахъ въ 8-ми отъ колоніи Шафгаузенъ, въ степи, тянется параллельно съ Волгой цѣпь песчаныхъ холмовъ, извѣстныхъ у колонистовъ подъ названіемъ Калмыцкой горы (Kalmückenberg), Старой горы или просто *горы*, — возвышенность, съ сѣверной стороны которой стекаетъ въ Волгу рѣчка Вертуба (у Нѣмцевъ Wattbach). Значительнѣйшій изъ этихъ холмовъ находится противъ самой колоніи Шафгаузенъ; на вершинѣ его видны до сихъ поръ слѣды четыреугольнаго шанца или батареи. Здѣсь-то въ Пугачевщину стояла нѣсколько времени часть артиллерійскаго отряда, вытребованнаго Державинымъ изъ Саратова. Этотъ холмъ, названный на одной старинной картѣ тамошняго края *Шитлагаемъ*, и есть *гора Читалагай* нашего поэта. Послѣднее имя почти уже неизвѣстно на мѣстахъ; его помнятъ только немногіе старожилы. Между окрестными Русскими оно слышится иногда въ искаженной формѣ *Чертолагая* *.

Часть весны и лѣта, какъ въ 1774, такъ и въ 1775 году, Державинъ жилъ въ колоніяхъ, особенно въ Шафгаузенѣ, и могъ въ это время, въ промежуткахъ между распоряженіями и разъѣздами, находить досугъ для своихъ любимыхъ литературныхъ занятій. Познакомясь въ колоніяхъ съ нѣсколькими образованными Нѣмцами, онъ нашелъ у нихъ сочиненія короля Фридриха II въ нѣмецкомъ переводѣ и вздумалъ передать нѣкоторыя изъ нихъ по-русски. Неискусный переводъ его отзывается иногда германизмами, по которымъ мы, еще не зная изданія, служившаго ему подлинникомъ, пытались возстановить фразы нѣмецкаго перевода (см. въ *Библіогр. Зап.* 1859, № 16, статью нашу о Читалагайскихъ одахъ).

Впослѣдствіи догадки наши были вполнѣ оправданы книжкою, доставленною намъ г. профессоромъ Н. Н. Буличемъ. Это былъ ветхій экземпляръ «Vermischte Gedichte, Berlin, 1760», — перевода стихотвореній короля-поэта, изданныхъ имъ въ томъ же году подъ заглавіемъ: «Poésies diverses du philosophe de Sans-Souci **. Эта книжка, купленная г. Буличемъ въ Казани на рынкѣ, быть можетъ, тотъ самый экземпляръ, который былъ въ рукахъ Державина: на заглавномъ листѣ написано стариннымъ почеркомъ имя *Карла Вильмсена*, съ которымъ Державинъ, какъ видно изъ его переписки, былъ знакомъ во время Пугачевщины.

* По свидѣтельству П. П. Семенова, бывавшаго въ киргизскихъ степяхъ, татарское слово *чи* есть названіе высокой травы, въ родѣ камыша, изъ которой на Востокѣ плетутъ корзины, ширмы, двери и т. п., а *талагай* значитъ верхушка, голова. Это объясненіе весьма правдоподобно, потому что около горы, на болотной почвѣ, въ самомъ дѣлѣ растетъ въ изобиліи такая трава.

** Вотъ почему Остолоповъ (*Ключъ*, стр. 13) говоритъ, что большая часть Читалагайскихъ одъ переведена изъ книги *Безпечный философъ*.

Всѣхъ Читалагайскихъ одъ восемь: первыя четыре, въ прозѣ, переведены изъ Фридриха II, остальныя — оригинальныя стихотворенія. Мы помѣщаемъ ихъ здѣсь въ томъ же порядкѣ, въ какомъ онѣ находятся въ отдѣльномъ изданіи Державина. Изданіе это сдѣлано съ большою небрежностью: нѣкоторыя изъ опечатокъ искажаютъ даже смыслъ; онѣ исправлены нами по подлиннику. Читалагайскія оды, напечатанныя Державинымъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, всегда были очень рѣдки. Здѣшняя публичная библіотека своимъ экземпляромъ обязана Гельсингфорсскому университету, который самъ получилъ его изъ Россіи съ другими пожертвованіями, сдѣланными въ пользу этого университета послѣ Абоскаго пожара, и уступилъ библіотекѣ по просьбѣ ея начальства въ 1850-хъ годахъ. У Д. В. Полѣнова находится экземпляръ, принадлежавшій самому поэту и отмѣченный своеручными его поправками. Читалагайскія оды не входили въ собраніе сочиненій Державина до 1845 г., когда онѣ въ первый разъ перепечатаны въ изданіи книгопродавца Штукина, по указанію покойнаго Н. А. Полеваго; послѣ того онѣ включены и въ Смирдинское изданіе Державина.

Въ этихъ одахъ, не смотря на все ихъ несовершенство, мы видимъ ступень къ будущему развитію поэта и любопытную страницу изъ перваго періода его литературной жизни. Уже одно то, что молодой офицеръ, посреди всѣхъ тревогъ командировки, чувствуетъ охоту и находитъ досугъ продолжать свои литературныя занятія, есть явленіе очень замѣчательное для того времени. Недостатки и промахи Читалагайскихъ одъ объясняются неблагопріятными для образованія условіями юности Державина; они выставляютъ еще въ болѣе яркомъ свѣтѣ силу и смѣлость, съ какими онъ является послѣ, восторжествовавъ надъ всѣми препятствіями. Но въ тѣхъ Читалагайскихъ одахъ, которыя писаны стихами, замѣтны уже проблески вдохновенія и таланта. Такого мнѣнія о нихъ былъ и современникъ нашего поэта, Дмитріевъ. Узнавъ, что у самого Державина не сохранилось экземпляра Читалагайскихъ одъ, онъ предложилъ ему свой. Державинъ, по словамъ Остолопова, самъ сознавался, что эти оды «писаны весьма нечистымъ и неяснымъ слогомъ» *, и потому удивлялся, какъ можно придавать цѣну этимъ слабымъ опытамъ незрѣлаго таланта. «Я всегда любилъ эти оды» — замѣтилъ Дмитріевъ: «ты уже и въ нихъ карабкался на Парнассъ **». Впослѣдствіи Дмитріевъ въ своихъ Запискахъ такъ отозвался о книжкѣ Читалагайскихъ одъ: «Въ стихахъ, помѣщенныхъ въ ней, при нѣкоторыхъ недостаткахъ, уже показывалась замашка врожденнаго таланта и главныя свойства его: благородная смѣлость, строгія правила и рѣзкость въ выраженіяхъ».

* *Ключъ*, стр. 53.

** Слышано отъ гр. Д. Н. Блудова и князя П. А. Вяземскаго.

XII. ОДЫ, ПЕРЕВЕДЕННЫЯ И СОЧИНЕННЫЯ ПРИ ГОРѢ ЧИТАЛАГАѢ

1774 года.

I. ОДА НА ЛАСКАТЕЛЬСТВО[1].

1.

Какое священное пореваніе[2], кое божество меня одушевляетъ. и коль сильнѣйшій огнь разжигаетъ мои мысли? Пріиди ко мнѣ, о Муза! да паки тобой пріиму я лиру и послѣдую твоимъ красотамъ. Поборствуй мнѣ, добльственный Алкидъ, ты, котораго безстрашная бодрость низлагала ужаснѣйшихъ чудовищъ! Въ подобіе тебѣ, яко отмститель вселенной, еще съ опаснѣйшимъ чудовищемъ и я долженствую братися[3].

2.

Вихри, разящіе жестокостію своею корабли о каменья; моря, покрытыя въ кораблекрушеніе тысящами дерзновенныхъ море-

[1] Въ «Vermischte Gedichte» заглавіе: «Ode IV. Die Schmeichelei».

[2] По-нѣмецки «Wuth».

[3] Въ экземплярѣ, принадлежавшемъ Державину, начало этой оды собственною его рукою исправлено такъ: «Какое священное рвеніе, какое божество меня одушевляетъ и какой сильнѣйшій огнь разжигаетъ мои мысли? Пріиди ко мнѣ, Муза! дай лиру и да послѣдую я твоимъ прелестямъ. . . . .
Подобно тебѣ, какъ отмститель вселенной, съ опаснѣйшимъ нежели ты чудовищемъ я сражатися долженствую.

«Вихри, разбивающіе силою своею корабли о каменья; моря, въ кораблекрушеніи покрытыя тысящами дерзкихъ мореходцевъ; тлетворные вѣтры, творящіе зараженнымъ своимъ дыханіемъ изъ земли» . . . .

ходцевъ; вѣтры, творящіе тлетворнымъ своимъ дыханіемъ изъ земли опустошенной гнусное позорище Атропы, — не такъ страшны, какъ стрѣлы ласкательства, которыя вредятъ сердца героевъ.

3.

Нравное ласкательство есть чадо собственнаго своего прибытка. Притворство, воспитавшее оное, даровало ему убранство добродѣтелей. Оно, присѣдя непрестанно при подножіяхъ трона, ѳиміамомъ тщеты окружаетъ оный и упоеваетъ имъ мужей и царей великихъ. Личиной учтивости прикрывается пресмыкающаяся подлость лживыхъ его потаканій[4].

4.

Тако клубящаяся змія, лежащая сокровенно во злакѣ, приуклоняетъ кичливую главу свою предъ безопаснымъ[5] Африканцемъ. Она ползетъ, дабы напасть, и вредъ желающей угрызть несется подъ сѣннолиствіемъ[6] и подъ цвѣтами, или такожъ неосторожнаго путника, вмѣсто истиннаго свѣта, прельщаютъ огни блудящіе мгновеннымъ своимъ блистаніемъ.

5.

Коварный льстецъ скрываетъ подъ обманчивою сладостію своихъ безпрестанныхъ хвалъ наивреднѣйшій ядъ. Уста его лживы и обманчивы; языкъ его стрѣла изощренноубивственная, внезапно прилетающая, попадающая и пронзающая, подобно яко лютое пѣніе Сиренъ съ удовольствіемъ смерть приноситъ.

6.

Небо! какое преображеніе дѣлаетъ изъ трости кедръ, изъ

[4] ... «die kriechende Niederträchtigkeit ihres falschen Beifalls». Начало же этой строфы читается такъ въ нѣмецкомъ переводѣ: «Die gefällige Schmeichelei ist die Tochter des Eigennutzes».

[5] т. е. безстрашнымъ — «dem verwegenen Afrikaner».

[6] ... «und der Betrug, mit dem sie ihn zu verderben sucht, ist unter dem Schmelze der Blumen verdeckt».

тернія розу, изъ скнипа Минотавра[7]! Мевій тотчасъ сдѣлался Виргиліемъ, Терситъ явился соперникъ Ахиллесовъ, и все стало одно съ другимъ смѣшанно. Государи! научайтесь познавать ласкательство: оно есть то, котораго обоженія пороки ваши творятъ добродѣтелями.

7.

Часто его низкость благоговѣетъ предъ отвращенія достойнымъ тираномъ и, славословя его мерзости[8], продаетъ за дорогую цѣну свое ему благоуханіе[9]. Высоковыйное счастіе[10], измѣна и благополучная дерзость находятъ себѣ почитателей. Ежели бы Картуша украсила корона, или Катилина былъ на престолѣ, то не имѣли ли бъ и они своихъ ласкателей?

8.

Когда разгоряченная кровь моя, изъ жилъ въ жилы стремящаяся, воспламеняется[11] и скоропостижный огнь приноситъ біющемуся моему сердцу; когда потемненный мой разумъ уже оставляетъ меня моему бѣснованію: вотще тогда безстыдный льстецъ обманчивымъ своимъ краснорѣчіемъ будетъ выхвалять и цвѣтъ лица моего и совершенство моего здравія.

9.

Вмѣсто того, чтобъ скаредное ласкательство благообразило наши пороки, то искажаетъ сіе преступное богопочтеніе у витязей славу. Люди могутъ насъ хвалить или хулить; но мы остаемся

[7] Вмѣсто послѣдняго сравненія находимъ въ нѣмецкомъ текстѣ: «aus einer Milbe einen Stier», что согласно и съ подлинникомъ: «ou d'un ciron fait un taureau», т. е. изъ клеща — вола. *Скнипъ* — вошь. Въ первоначальномъ изданіи: «книпа», но такого слова нѣтъ.

[8] ... «billigte ihre Schandthaten».

[9] ... «seinen Weihrauch».

[10] «Das stolze Glück».

[11] Въ изданіяхъ Штукина (1845) и Смирдина (1847 и 1851) здѣсь передъ словомъ *воспламеняется* появилась нелѣпѣйшая вставка: *изъ скнипа*, которая какъ-то забрела сюда изъ 6-й строфы, гдѣ вмѣсто: «изъ скнипа Минотавра» въ этихъ изданіяхъ напечатано: *изъ Минотавра красавца.*

таковы, каковы есмы: немощны или здравы, откровенны или скрытны. Нѣтъ, не витійство человѣковъ, но гласъ совѣсти моей одобряетъ мои добродѣтели [12].

10.

Людовикъ, который потрясъ землю, котораго руки сильно ужасалися, былъ очень великъ на войнѣ, но весьма малъ на театрѣ [13]. Всѣ знаки чести, посвященные государями собственной ихъ памяти, дѣлаютъ тріумфы ихъ ненавистными, и я не познаю уже гордаго разорителя Вавилона на его престолѣ, когда онъ велѣлъ себя нарещи сыномъ божіимъ.

11.

Возстаните отъ упіенія вашего, государи, князи, мудрецы и герои, и побѣдите слабость вашу, владычественные лавры ваши дѣлающую поблекшими. Воззрите на море заблужденія, въ которое изъ суеты самолюбіе ваше васъ низвергаетъ. Мужайтеся, бодрствуйте противъ ласкателей и разбейте невѣрное зеркало, сокрывшее предъ вами правду.

12.

О яснoблещущая истина, дщерь безсмертная неба! снесися къ симъ мѣстамъ изъ лучезарнаго твоего жилища. Свѣтъ твое наслѣдіе: разсыпь туманныя облака, чѣмъ гордость помрачаетъ нашъ разумъ; да прейдетъ она яко мгла густая, исчезающая отъ тихихъ лучей грядущаго на горизонтъ утренняго солнца.

13.

Вельможи, послѣдующіе примѣрамъ Цинея и Морнея [14], вы единственно заслуживаете храмъ, посвященный именамъ великимъ. Ваши тонкія укоризны [15] при напоминовеніи умѣютъ нравиться,

[12] ... «die Stimme meines Gewissens ist es, die meine Tugenden entscheidet (Qui décide de mes vertus)».

[13] ... «und sehr klein in der Oper».

[14] ... «des Cineas oder Mornay».

[15] «Ihr, deren scharfer Tadel» ...

и вы суть[16] одни друзья справедливые. Ласкатели! не употребляйте теперь болѣе вашей лести, не думайте, чтобъ вы меня обмануть могли. Я познаю уже ваши непріязненныя стрѣлы.

14.

Цезаріонъ, другъ истинный и нѣжнѣйшій нежели Пиридъ[17]! въ тебѣ нахожу я примѣръ изъ первыхъ всѣхъ добродѣтелей[18]. Обличай дерзновенною дружбою твоею безослабленно мои заблужденія и пороки. Такъ очищаетъ и раздѣляетъ злато въ горнилѣ огнь отъ прочихъ низкихъ металловъ.

16 *вы суть* подчеркнуто рукою Державина въ принадлежавшемъ ему экземплярѣ Читалагайскихъ одъ.

17 т. е. Пиритой.

18 ... «der ersten aller Tugenden», т. е. первой изъ всѣхъ добродѣтелей.

II. ОДА НА ПОРИЦАНІЕ[1].

1.

Какое привидѣніе, какое страшилище непрестанно меня преслѣдуетъ! Оно убѣжало отъ рубежа царства тѣней, и взоръ его грозитъ погубленіемъ. Рѣки горести и желчи текутъ изъ оскорбительнаго[2] рта сего блѣднаго и свирѣпаго чудовища. Оно не имѣетъ другія плоти, кромѣ лжи, обмана, клеветы, лести и вѣроломства.

2.

Я познаю тебя по подлымъ изворотамъ лица твоего, варварское порожденіе зависти! Я познаю тебя по неутолимой никогда алчбѣ безстыдства и предательства твоего, по зміямъ твоимъ и скорпіямъ[3], воздоеннымъ твоею лютостію, по покрывалу твоему,

1 Вѣрнѣе: На клевету — «An die Verleumdung» (въ указанной нѣмецкой книжкѣ ода I).

2 ... «aus dem lästernden Munde».

3 ... «und Drachen».

по ложному гласу трубы твоей, сему твоему орудію недоброхотства!

3.

Между тѣмъ какъ угасшій фіялъ[4] мрачнаго твоего подожженія раздуваешь ты вновь и отрясаешь его близъ престоловъ, то въ куреніи семъ исчезаютъ оные. Уже къ облежимымъ къ нимъ тобою не доходятъ болѣе жалобы невинности, коея были они покровители. Тотчасъ сами они становятся тебѣ въ порокахъ сопреступниками, тебѣ служатъ и угнетаютъ все, что̀ только гонитъ твоя ненависть.

4.

Личиною притворства[5] прикрываешь ты свое сквернообразіе. Продерзость скареднаго твоего языка возстаетъ даже на самихъ государей. Съ ужаснымъ ревомъ во всѣхъ чертогахъ царскихъ слышно рыканіе твоей наказанія достойной зависти[6]. Ты есть единственная душа придворныхъ[7], преобращающая смѣющіеся ихъ дни въ печальныя нощи.

5.

Итакъ наполненный твоими поношеніями быстротекущій слухъ заражаетъ своею лютостію всю вселенную. Европа, жадная къ новостямъ, глотаетъ дымъ, изрыгаемый твоимъ ядовитымъ дыханіемъ. Верженная тобою въ заблужденіе, почитаетъ она прорицалище лжи за излагателя правды.

6.

Ржа твоя обыкновенно пристаетъ болѣе къ именамъ славою

[4] *Фіялъ* — кубокъ; смѣшано Державинымъ съ словомъ *факелъ*, которое здѣсь слѣдовало употребить: «Indem du den trüben Schimmer der schwarzen Fackeln der Tisiphone wieder auffachst» ...

[5] ... «Mit der Larve der Politik» ...

[6] Фридрихъ II говоритъ о самомъ себѣ: «Mit einem schrecklichen Gebrüll schreit wider mich an allen Höfen der strafbare Hass».

[7] Въ первоначальномъ изданіи *притворныхъ* — опечатка: «Du wirst allein die Seele des Staatsbeamten».

великимъ. Сіяніе ихъ вящшей красоты неудобосносно[8] твоимъ мрачнымъ взорамъ. Демонъ ужаса, которымъ ты одержима, очерняетъ Цесареву славу у Никомеда и не щадитъ Сципіона. Ты изгоняешь Велисарія въ бѣдность и преобращаешь его лавры своимъ волшебствомъ въ глазахъ народа въ терніе.

7.

Гдѣ были великія заслуги, на которыхъ ты когда не зіяла? Не гонишь ты Терсита, но Ахиллеса заглушаетъ твой ревъ. Свирѣпые твои сообщники вооружалися въ Греціи остракизмомъ, истребити всѣхъ героевъ[9]. Великіе только люди суть твоя жертва, и еще дымится кровь оныхъ на темныхъ алтаряхъ твоихъ, пролитая твоими беззаконіями.

8.

Въ безумномъ упіеніи твоемъ Люксембургъ былъ обвиненъ чарованіемъ. Евгеній въ младости своей носилъ знаки зубовъ твоихъ. Колбертъ, сей достопочтенный мужъ совѣта, и теперь еще стыдитъ тѣмъ Францію, чѣмъ ты его поклепала. Тобою даже статуя великаго Людовика въ минуту послѣ его смерти была обезчещена.

9.

Кинжалъ твой, прободая честь, возставляетъ бранниковъ[10]. Болѣе нежели одинъ приводецъ[11] за побѣды свои обязанъ сопернику своего славѣ. Преодолѣя всѣ препятствія, по многимъ дивамъ имя его наконецъ будетъ яду твоему противный ядъ. Но какъ ты ни на кого болѣе не преогорченна, лишь на людей великихъ, то въ твоемъ мракѣ чрезмѣрное ихъ сіяніе ослѣпляетъ паче глаза смертныхъ.

8 «Deine zu sehr strahlende Schönheit verletzt».

9 ... «allen Heldenmuth zu ersticken».

10 ... «macht dass die Helden wieder aufstehen».

11 «Mehr als ein berühmter Heerführer» ... Ср. польское dowódca, начальникъ отряда.

10.

Потому, претерпѣвъ твою лютость, не боюся я болѣе твоихъ намущеній, для того, что пускаемыя тобою стрѣлы всегда попадаютъ въ добродѣтель. Напрасно ставить противъ тебя споны[12]: сама Минерва, вооруженная Медузой, не могла обратить тебя въ камень. Одно благодѣяніе времени откроетъ твою злость и оправдаетъ насъ передъ свѣтомъ.

11.

Вы же, которыхъ чудовище сіе воскормило и воспитало, излившіе пагубными языками своими злость его, соустроевайте свой хулительный гласъ, органъ подлѣйшаго обмана, тонкимъ клеветамъ его, возмущайте паче, ежели можете, и всѣ бездны моря: ничто не разрушитъ глубокаго моего покою.

12.

Между тѣмъ какъ въ прекрасныхъ вертоградахъ нашихъ, съ цвѣтовъ перелетая на цвѣты, для своего нектару собираетъ пчела сладость, то въ то же время безплодный рой шерстневъ[13], для собиранія своего яду, высасываетъ со вредныхъ травъ горесть[14]. Когда къ трудолюбивому царству пчелъ припалзываютъ ненавистные шерстни, тогда царица оныхъ взвивается къ облакамъ.

13.

Всегда полезная невинность, тако счастливая и спокойная, довольная своею судьбиною, трудится для блага человѣческаго рода и видитъ въ варварскихъ рукахъ твоихъ остріе желѣза, подстрекаемое до послѣдняго слѣда разрушить новые памятники, поставленные премудростію и блаженствомъ.

14.

Стократно видѣлъ я, что твои неблагодарныя руки, дабы тѣмъ болѣе повредить живущихъ, ласкаютъ умершихъ. Пороки твои

[12] т. е. препоны.
[13] т. е. шершней, «Wespen».
[14] читай: горечь.

обитаютъ въ нощи, ибо ты отвращаешься днй, который ихъ изобличить можетъ, — подобно печальнымъ вранамъ, кои на кладбищахъ мертвыхъ собираются въ кипарисныхъ дебряхъ и своимъ крикомъ пужаютъ тѣней.

15.

Ядовитая гидра! ты, которой угрызеніе зміино жалитъ для общаго добра рожденнаго принца, о дикій, кровожаждущій тигръ! я отказываюсь труда, не заслуживающаго благодарности [15], умягчить твои свирѣпые нравы: прежде Аравитянинъ, подъ горящимъ поясомъ, укротитъ всѣхъ африканскихъ чудовищъ.

16.

Будь кто соревнитель Виргиліевъ и царствуй на горѣ двухолмистой, но Зоилъ тебя перехулитъ и сопхнетъ со Геликона. Дерзостный орелъ, вознесшій свое пареніе до чертоговъ божества свѣта, понижаетъ свой полетъ и скоро преобращенъ будетъ въ хищную, или трупы жрущую птицу.

17.

Между тѣмъ какъ разгорячившееся отъ яду порицанія сердце занимается объ ономъ слагать стихи, безчеститъ оно свой даръ и божественное согласіе своея пѣсни. Да не употребимъ во зло нашего восторга; желчь порицанія отравляетъ источникъ Иппокрены. Я предпочитаю краснорѣчію своему мудрое и добродѣтельное Бернардово молчаніе, который опѣвалъ божество любви.

18.

Тако стоитъ безъ утѣшенія Наяда, когда возмятутъ бунтующіе вихри тихія ея воды, изъ нѣдръ глубокаго ея жилища подымаются камни, песокъ мѣшается съ волною и помрачаетъ кристаловидныя ея струи. Но ежели наступитъ тишина, источникъ становится прозраченъ, бѣжитъ свѣтло въ тихое его теченіе, то уже ничто не возмущаетъ чистаго ея потоку.

[15] «Ich entsage der undankbaren Arbeit».

19.

Подобны сему и разславленныя поношенія, между тѣмъ, какъ они еще и новы, касаются только воздуху, потомъ презираютъ ихъ, позабываютъ и пасквили [16] ихъ съѣдаются червями. Одни только справедливыя заслуги находятъ сами въ себѣ непрестанное покровительство.

20.

Напослѣдокъ возставленная истина торжествуетъ надъ заблужденіемъ. Іуліанъ находитъ противъ священнаго порицанія защитника. Ежели ненависть и ея подружіе зависть [17] лежатъ въ пыли, то безъ дальнаго предстательства, добродѣтель сама показывается собою. Мы видимъ въ почтенія достойныхъ повѣстяхъ, что лавры славы зеленѣютъ паки, которые было обезлистила [18] ненависть.

[16] ... «und die Schmähschrift».
[17] «Wenn der Hass und sein Gefolge und der Neid» ...
[18] «entblättert».

III. ОДА НА ПОСТОЯНСТВО [1].

1.

Ослѣпленная алчба крови, губительница смертныхъ, не твоему мрачному неистовству посвящаю я здѣсь алтарь, но той мужественной, постоянной, твердой и долготерпѣливой добродѣтели, которая, презирая обуреваніе судьбины, непреклонна отъ гласу ненависти, полна любови къ своей жизни, изъ великодушія токмо пренебрегаетъ смерть.

2.

Низведенный гнѣвъ [2] боговъ преступкомъ дерзкаго Прометея,

[1] Въ указанной книжкѣ: «Ode III. Die Standhaftigkeit», во французскомъ подлинникѣ: «La fermeté».

[2] Въ первоначальномъ изданіи «низведенный *Гіевъ*» — опечатка, которая повторилась и въ собраніяхъ сочиненій Державина. «Der aufgebrachte Zorn der Götter» ...

похитившаго у нихъ небесный огнь, велѣлъ распространиться изъ вреднаго сосуда Пандоры по всей землѣ адскому отроищу[3] зла; только единственная частица ихъ милости осталася на днѣ пагубнаго сего сосуда въ надеждѣ.

3.

На страшномъ позорѣ[4] ономъ, гдѣ люди яко на игрищѣ представляютъ свои лица[5], природа, утѣшающаяся нашими несчастіями, кажется намъ мачиха: заслуги, достоинства, порода и ничто не освобождаетъ насъ отъ страданія. Во всѣхъ нашихъ участяхъ бѣды съ нами: я вижу Галилея въ узахъ, Медицисъ въ заточеніи и Карла на мѣстѣ лобномъ.

4.

Здѣсь похищенное у тебя счастіе возжигаетъ въ тебѣ отмщеніе; тамо неповинное твое сердце прободаютъ стрѣлы зависти; тутъ изнуряющая скорбь разливаетъ свои страхи на цвѣтущее твое здравіе. Сегодня больна жена, завтра мать, или братъ, или смертъ вѣрнаго друга, заставляютъ тебя проливать слезы.

5.

Тако, не взирая на усильственную лютость свирѣпствующей хляби, носится утлое судно по ярящемуся морю. Воздвизаемыя бурнымъ дыханіемъ волны то возносятъ къ облакамъ, то низвергаютъ его въ тартаръ. Небо возвѣщаетъ ему его сокрушеніе, но оно, подкрѣпляемое своею бодростію, противится и волнамъ и вихрямъ и безднамъ.

6.

Итакъ, въ смущенныхъ дняхъ, противу всѣхъ навѣтовъ твердость щитъ и непоколебимость оружія[6]. Судьбина можетъ гнать

[3] ... «den höllischen Schwarm».

[4] т. е. позорищѣ. Державинъ и послѣ употреблялъ слово *позоръ* въ этомъ смыслѣ: см. выше стр. 258.

[5] «Worauf die Sterblichen die spielenden Personen sind».

[6] «So sind in diesen unruhigen Tagen Muth und Standhaftigkeit der Schild und die Waffen, die ich der Wiederwärtigkeit entgegen stelle».

и изготовлять паденіе и ускорять погибель, но никакая опасность не сотрясетъ постоянства. Когда боязливая подлость[7] исчезаетъ безъ надежды, тогда духъ крѣпкій мужаться долженъ.

7.

Божество времени скорыми своими крылами летитъ и не возвращается къ намъ паки. Хотя не можетъ оно отмѣнить судьбины, но, кажется, въ его отдаленіи самимъ своимъ полетомъ уже даетъ намъ благо, ибо все имъ причиняемое и все истребляемое, даже до малѣйшаго слѣда, уноситъ оно съ собою. Для чего жъ вздыхать въ краткое несчастіе, которое пройдетъ въ минуту, и для чего безпрестанно намъ жаловаться?

8.

Чуждуся я Овидія[8]: печаленъ, грустенъ, боязливъ и даже въ самой бѣдности ползающій[9] льстецъ своего тирана не имѣетъ ничего мужественнаго въ своемъ сердцѣ. Должно ли заключить изъ его жалобъ, что кромѣ пышныхъ стѣнъ Рима нѣтъ нигдѣ надежды смертнымъ? Блаженъ бы онъ былъ, когда бы въ своемъ заключеніи, какъ Горацій, сказать могъ: «Счастіе мое со мною!»

9.

Крѣпкіе философскіе духи, жители на земли неба, звѣзды стоическаго ученія! вы будете изъ смертныхъ боги. Ваши мудрованія, ваши непоколебимыя души надъ человѣчествомъ торжествуютъ. Что̀ могутъ налоги несчастія[10] мужественному сдѣлать сердцу, которое унывать неспособно?

10.

Регулъ оставляетъ друзей, отечество, идетъ въ Карѳагену,

7 «Wenn dem furchtsamen Pöbel alle Hoffnung verschwunden scheint».

8 «Ich verkenne den Ovid».

9 «Der traurige in seinem Elend kriechende» ... Въ первоначальномъ изданіи *пользующій* — опечатка. И Сумароковъ писалъ *ползующій* вм. *ползающій*.

10 «Was vermag Schmerz und Widerwärtigkeit» ...

предается въ неволю укротить дикую суровость своихъ мучителей. Велизарія я болѣе чту въ его презрѣніи и въ нищетѣ, нежели на лонѣ его благополучія. Если я удивляюся великому Людовику, то это тогда, какъ его угнетаютъ несчастія, и онъ лишается своего потомства.

11.

Малый духъ покоится безъ труда въ нѣдрѣ своего благополучія; человѣкъ наслаждается своимъ счастіемъ, которое ему даруетъ случай; душа благородная не токмо отличается въ благопріятномъ времени, но ежели и обстоятельства смѣшаны [11]. Сіе же опытъ совершенной добродѣтели, когда сердце въ жестокостяхъ рока растетъ и возвышается.

12.

Вѣчное предопредѣленіе неупросимо; напрасно хотятъ преобратить его; который смертный дерзнулъ противоборствовать его узаконеніямъ? Нѣтъ! всѣ силы Алцидовы въ крутизнахъ стремленія его слабы. [12] Постоянною душою только надлежитъ сносить свирѣпость несчастія, которое никакъ премѣнить не можно.

[11] «Nicht im günstigen Schicksal kann sich ein edler Geist hervorthun; er wird mit der Menge vermischt.

[12] «Nein, alle Stärke Alcidens hätte ihn nicht wider den Strom eines reissenden Flusses schwimmen gemacht».

IV. ОДА КЪ МОВТЕРПІЮ [1].

ЖИЗНЬ ЕСТЬ СОНЪ.

1.

О Мовтерпій, дражайшій Мовтерпій, какъ мала есть наша жизнь! Цвѣтъ сей, сегодня блистающій, едва только успѣлъ расцвѣсть, завтра увядаетъ. Все проходитъ, все проходитъ строгою

[1] Мопертюи (Maupertuis), котораго Державинъ по незнанію французскаго языка называетъ неправильно, былъ знаменитый французскій

необходимостію неизбѣжимыя судьбины, и все уносится. Твои добродѣтели, твои великіе таланты не могутъ дня одного получить отсрочки отъ времени.

2.

Лучшихъ дней моихъ нѣтъ; какъ шумящія волны, удовольствія мои улетѣли; никакая сила оныхъ не удерживаетъ, и я слѣдую уже стоическому поученію хладнаго моего разума. Между тѣмъ какъ я удручаюся, онъ восходитъ; настоящее летитъ, будущее неизвѣстно, а прошедшее менѣе какъ сонъ.

3.

Гордый смертный, ты, который толь суетенъ въ слабыхъ помышленіяхъ духа твоего! познай твою крушимую судьбину и умѣрь твою спѣсь; кратокъ есть конецъ и въ томъ предѣлъ твой: лишь только ты родился, уже рокъ дня того влечетъ тебя къ разрушающей нощи, гдѣ Мевій и Виргилій во множествѣ смѣшанны[2] и имѣютъ единственную участь.

4.

Прельщенные ложнымъ блескомъ добра недостойнаго, дѣлающіе себѣ идола изъ металла бреннаго и преходящаго, къ чему вы его жалѣете? Видите, о смертные! на свѣтѣ семъ все яко цвѣтъ сельный упадаетъ; такъ лучше пожалѣйте о своемъ заблужденіи! Ваши сокровища, ваши богатства послѣдуютъ ли за вами въ могилу вашу?

математикъ (1698 — 1759), извѣстный особенно по экспедиціи (1736), отправленной подъ его начальствомъ въ Лапландію для измѣренія градусовъ и имѣвшей результатомъ точнѣйшее опредѣленіе формы земли у полюсовъ. Авторъ одъ, Фридрихъ II, вызвалъ его 1740 г. въ Берлинъ и впослѣдствіи доставилъ ему мѣсто президента тамошней академіи; Мопертюи вмѣстѣ съ Вольтеромъ принадлежалъ къ тѣсному кружку самыхъ близкихъ друзей короля. Въ «Vermischte Gedichte» ода IX: «An Maupertuis. Das Leben ist ein Traum».

2 «Da sind die Mäve und Virgile unter der Menge vermischt und haben ein gleiches Schicksal».

5.

Какъ можно толикое множество суетныхъ предметовъ пожертвовать нашей жизни[3]! Для чего такое великое пространство замысловъ пути столь ограниченному? Герои, готовящіе узы несчастливой вселенной! воззовите витязей, начертанныхъ въ лѣтописцахъ: достигаете ли всѣхъ оныхъ вы славы?

6.

Пусть подсолнечная дѣлами вашими придетъ во изступленіе, пусть тріумфы ваши превознесутъ васъ въ санъ монарха, но миръ окончитъ брани; вы будете жертва смерти, и едва только выговорится о васъ одно слово, уже все загладится рушащими вѣками. Человѣкъ умретъ и героя позабудутъ.

7.

Какое множество было мужей великихъ, и время еще усугубитъ оныхъ. Станьте съ ними рядомъ, но тѣнь ихъ помрачитъ васъ. Ежели ваше невѣждественное бѣшенство почитало славолюбіе за истинную славу, то, ахъ! какая будетъ судьба ваша? Часто свирѣпствующій кровопивецъ думаетъ въ то время прославляться дѣлами своими, когда свѣтъ весь наполненъ къ нему омерзѣнія.

8.

Сколько прошло вѣковъ, какъ щедродарная десница мятежныя устроила стихіи, и изъ Хаоса сотворила свѣтъ. Время все захватываетъ въ свое владычество, такъ что настоящее бѣжитъ, а будущее скоропостижно ему же послѣдуетъ. Человѣкъ! область дней твоихъ — въ вѣчности точка: быть одну минуту, сіе называется жить.

9.

Когда бы люди по крайней мѣрѣ двойственное число дней своихъ жить могли, то бы можно было иногда поласкать ихъ гор-

[3] «Wie kann man sein Schicksal so vielen eitlen Gegenständen aufopfern»!

дости. Смертные! дерзкія желанія ваши возносятъ васъ сравняться богамъ, но что̀ вы? — вы рождены пресмыкатися въ пыли, жить и умереть. Это вы, которые существуете на то, чтобъ исчезнуть, — это вы стараетесь о славѣ?

10.

Для чего искать счастія? Для чего бояться ударовъ неба? Доброе есть пріятный, а злое худой сонъ. Всѣ сіи случаи для того, кому бытіе наше извѣстно[4], суть предметы равнодушные. Прочь, печали, утѣхи, и вы, любовныя восхищенія! я вижу нить дней моихъ въ рукахъ уже смерти.

11.

Имѣнія, достоинства, чести, власти, вы обманчивы и яко дымъ. Отъ единаго взгляда истины исчезаетъ весь блескъ проходящей красоты вашей. Нѣтъ на свѣтѣ ничего надежнаго, даже и самыя наивеличайшія царства суть игралище непостоянства.

12.

Познàемъ слѣпоту нашу, предразсужденія наши и наши слабости: тогда все кажущееся великимъ будетъ куча бездѣлицъ. Вознесемся на небеса и ниспустимъ отъ величественной высоты оной взоръ свой на Парижъ, на Пекинъ и на Римъ: то въ отдаленности всѣ сіи великости исчезнутъ. Вся земля уподобится точкѣ; что же будетъ человѣкъ?

13.

Наполнены суетности, носимся мы между прошедшею и будущею бездною вѣковъ, которые бѣгутъ непрестанно. Всегда упражнены ничѣмъ[5], яко дѣйствительные Танталы ложнаго блага, погружены въ обавающій сонъ, терзаемся безпрестанно хотѣніемъ и теряемся въ ничтожествѣ! Сей есть предѣлъ нашей жизни[6].

4 ... «der unsere Dauer kennt».
5 «Immer mit einem Nichts beschäftigt (toujours occupés par des riens)».
6 «Dies ist die Bestimmung unsers Lebens.

V. ОДА НА ВЕЛИКОСТЬ[1].

Живущая въ кругахъ небесъ 1.
У Существа существъ всѣхъ сущихъ,
Кто свѣтъ изъ вѣчной тмы вознесъ
И твердь воздвигъ изъ безднъ борющихъ,
Дщерь мудрости, душа боговъ!
На гласъ моей звенящей лиры
Оставь гремящіе эѳиры
И стань среди моихъ стиховъ!

Возлегши на твоихъ персяхъ, 2.
Наполнясь твоего паренья,
Я зрю, — блистаетъ свѣтъ въ очахъ;
Я мню, — перо творитъ велѣнья!
Восторгся духъ зарей въ чертогъ!
Страны вселенныя, взирайте,
Божественъ образъ познавайте:
Великость въ человѣкѣ — Богъ!

Свѣтила красныя небесъ, 3.
Теперь ко мнѣ не наклоняйтесь;
Дубравы, птицы, звѣри, лѣсъ,
Теперь на гласъ мой не сбирайтесь:
Для васъ высокъ сей пѣсни тонъ.
Народы! васъ къ себѣ сбираю,
Великость вамъ внушить желаю,
И вы, цари! оставьте тронъ.

Ногою ставъ на черный понтъ, 4.
Чрезъ мракъ и чрезъ пары стремящи
Тавръ всходитъ въ вышній горизонтъ;

[1] Эта ода, какъ видно изъ послѣднихъ строфъ ея, относится отчасти къ Екатеринѣ II и внушена блистательными побѣдами ея войскъ въ борьбѣ съ Пугачевымъ и съ Турками («Ты свергла Змія и Луну»).

Не можетъ вихрь его ярящій
Нимало сердце колебнуть:
Онъ бурей трескъ уничтожаетъ,
Онъ молній блескъ пренебрегаетъ,
Безсиленъ громъ его тряхнуть.

Высокій духъ чрезъ все высокъ, 5.
Всегда онъ твердъ, чтò ни случится:
На западъ, югъ, полнощь, востокъ
Готовъ онъ въ правдѣ ополчиться.
Пускай самъ Богъ ему грозитъ[2],
Хотя въ пыли, хоть на престолѣ,
Въ благой своей онъ крѣпокъ волѣ
И въ ней по смерть, какъ холмъ, стоитъ.

Изъ мрачной древности временъ 6.
Великій духъ мнѣ въ слухъ разится:
Алкидъ, геройствомъ возбужденъ,
Прогнать изъ свѣта злобу тщится.
Онъ въ путь течетъ средь безднъ, средь блатъ,
Изъ корней горы исторгаетъ,
Горами страшными бросаетъ,
Шагами потрясаетъ адъ[3].

Когда богамъ не можно быть 7.

[2] «Когда на Іова праведнаго ниспосланы были бѣдства, то самъ Богъ, искушая его, призвалъ духа и велѣлъ коснуться плоти его». Д.

[3] Ср. у Ломоносова въ одѣ 6, строфу 10:

«Я духомъ зрю минувше время,
Тамъ грозный злится исполинъ *и проч.*
Онъ ревомъ бездну возмущаетъ,
Лѣсисты съ мѣстъ бугры хватаетъ
И въ твердь сквозь облака разитъ».

Это соотвѣтствуетъ § 158 его Риторики: «Увеличеніе вещей къ сочиненію вымысловъ весьма способно» и т. д.

Никакъ со слабостьми людскими,
То долженъ человѣкъ сравнить
Себя дѣлами имъ своими.
На что взноситься въ звѣздный тронъ?
Петра Великаго лишь зрѣти,
Его кто можетъ духъ имѣти,
Богамъ подобенъ будетъ онъ.

8. Востока царь, полсвѣта страхъ,
Подсолнечной желатель трона,
Не тѣмъ великъ въ моихъ глазахъ
Попратель града Вавилона,
Что скипетры подъ нимъ лежатъ,
Но что, быть мнивши кубокъ съ ядомъ,
Прiялъ, не возмутился взглядомъ[4],
Яко божественный Сократъ.

9. Судьбина если не дала
Кому престоломъ обладати,
Творити Титовы дѣла,
Щедроты смертнымъ изливати, —
И въ нижней части можно быть[5]
Пресвыше, какъ носить корону:
Чѣмъ быть подобному Нерону,
То лучше Епиктитомъ слыть.

10. Терпѣть, страдать и умереть
Съ неколебимою душою,
Такою ревностью горѣть,
Мужался Регулъ каковою, —
Преславно тако кончить дни!
Бездушные Сарданапалы

[4] Какъ кажется, воображенiе Державина сильно поражено было этой чертой изъ жизни Александра Македонскаго. Ср. Томъ I, стр. 114.
[5] т. е. и въ низкой долѣ можно быть выше, чѣмъ нося корону.

Сто разъ предъ-Белизаромъ малы,
Хотя блаженствуютъ они.

Небесный даръ, краса вѣковъ, 11.
Къ тебѣ, великость лучезарна,
Когда средь сихъ моихъ стиховъ
Восходитъ мысль высокопарна,
Подай и сердцу столько силъ,
Чтобъ я тобой одной былъ явенъ,
Тобой въ несчастьи, въ счастьи равенъ,
Одну бы добродѣтель чтилъ.

Луны у насъ въ полудни нѣтъ, 12.
Она средь нощи намъ блистаетъ,
А если солнце день даетъ, —
По буряхъ краше намъ сіяетъ.
Великъ напастьми человѣкъ!
Въ горнилѣ злато какъ разжженно
Отъ праха зрится очищенно,
Такъ нашъ бѣдами бренный вѣкъ.

Услышьте, всѣ земны владыки, 13.
И всѣ державныя главы!
Еще совсѣмъ вы не велики,
Коль бѣдъ не претерпѣли вы!
Надлѐжитъ зло претерть пятой,
Противъ перуновъ ополчиться,
Самихъ небесъ не устрашиться
Со добродѣтельной душой.

Богини, радости сердецъ, 14.
Я здѣсь высотъ не выхваляю:
Помыслитъ кто, что былъ я льстецъ;
Затѣмъ потомкамъ оставляю
Гремящу, пышну ону честь:

Россія чувствуетъ, налоги,
Судьбы небесъ какъ были строги
Монархини сей духъ вознесть.

Она пожары, язвы, гладъ, 15.
Свирѣпы бунты укротила;
Всѣхъ золъ зіялъ на насъ какъ адъ,
Она бѣды всѣ отвратила:
Магмету стерла гордый рогъ;
Превыше смертныхъ щедрой власти,
Была покровъ намъ въ лютой части,
Какъ былъ на насъ Самъ въ гнѣвѣ Богъ.

Уже дымятся алтари 16.
Душѣ превыспренней, парящей,
Среди побѣдъ, торжествъ зари
Своимъ величествомъ свѣтящей:
Россія празднуетъ жену.
Но что за громъ мнѣ ударяетъ?
Екатеринѣ міръ взываетъ:
Ты свергла Змія и Луну!

6 Ср. выше въ 9-й строфѣ оды *На постоянство* (стр. 285): Налоги несчастія.

VI. ОДА НА ЗНАТНОСТЬ[1].

Не той здѣсь пышности одеждъ, 1.
Царей и куколъ что̀ равняетъ,
Наружнымъ видомъ отъ невѣждъ

1 Написана въ честь Румянцова-Задунайскаго, какъ славнѣйшаго дѣятеля въ турецкой войнѣ, одновременной съ Пугачевщиною. Объ этомъ стихотвореніи было уже говорено въ Томѣ I (стр. 622) подъ одою *Вельможа*, въ которую, двадцатью годами позже, Державинъ пересоздалъ оду *На знатность*.

Чтò имя знати получаетъ,
Я строю гусли и тимпанъ;
Не ты, сѣдящій за кристаломъ
Въ кивотѣ, блещущій металломъ,
Почтенъ здѣсь будешь мной, болванъ!

На стогнъ поставленъ, на позоръ, 2.
Кумиръ безумну чернь прельщаетъ;
Но чей въ него проникнетъ взоръ,
Кромѣ пустотъ не ощущаетъ.
Се образъ ложныя молвы,
Се образъ грязи позлащенной!
Внемлите, князи всей вселенной:
Статуи, безъ достоинствъ, вы!

При блюдѣ въ пиршествѣ златомъ 3.
Калигула, быть мнимый богомъ,
Не равенъ ли съ своимъ скотомъ[2]?
И ты, вельможа, въ блескѣ многомъ
Не такъ ли твой какъ пышенъ цугъ?
Не только ль славенъ ты кудрями,
Всякъ день роскошными столами
И множествомъ нарядныхъ слугъ?

Творящъ въ Ареопагѣ судъ, 4.
Подъ кровомъ злата и виссона,
Ѳемиды свято мѣсто тутъ:
Бѣги изъ-за зерцальна трона,
Коль ты неправеденъ, Катонъ!
На что и правосудье въ свѣтѣ,

[2] Не равенъ ли съ своимъ скотомъ.
Ср. *Вельможа*, строфа 4:

Калигула! твой конь въ сенатѣ
Не могъ сіять, сіяя въ златѣ:
Сіяютъ добрыя дѣла.

Когда есть стольникъ въ той примѣтѣ,
Что сталъ другой Шемякинъ онъ [3]?

Къ чему способности и умъ, 5.
Коль духъ наполненъ весь коварства?
Къ чему послужитъ вождя шумъ,
Когда не щитъ онъ государства?
Емелька съ Катилиной — змѣй;
Разбойникъ, распренникъ, грабитель
И царь, невинныхъ утѣснитель, —
Равно вселенной всей злодѣй.

Въ тріумфѣ, въ славѣ, подъ вѣнцомъ, 6.
Герой, Помпея побѣдитель,
Іюлій жаждущимъ мечемъ
Не сталъ ли Рима обагритель?
Славнѣй Екатериной быть:
Преставъ быть чуждымъ страхъ границамъ,
Велѣла слезы стерть вдовицамъ,
Блаженство наше возвратить.

О вы, верховныя главы, 7.
Сыны отъ крови свѣтлородной!
Тогда достойны знати вы,
Когда душою благородной,
Талантомъ, знаньемъ и умомъ
Примѣры обществу даете,

3 Что сталъ другой Шемякинъ онъ.

«Да не возьметъ фамилія Шемякиныхъ сіе на свой счетъ; судъ Шемякинъ извѣстенъ въ простонародіи.» Д.

Повѣсть о Шимякиномъ судѣ продавалась въ Москвѣ на Спасскомъ мосту еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, — какъ сказано въ предисловіи къ стихотворной ея передѣлкѣ, напечатанной въ 1794 г., въ Москвѣ же, подъ заглавіемъ: *Старинная русская повѣсть Суд Шемякинъ съ баснями въ лицахъ.*

И пользу оному ведете
Перомъ, мечемъ, трудомъ, жезломъ.

8. Дворянства взводитъ на степень
Заслуга, честь и добродѣтель[4];
Не гербы предковъ, блеску тѣнь,
Дворянства истинна содѣтель:
Я князь, коль мой сіяетъ духъ;
Владѣлецъ, коль страстьми владѣю;
Боляринъ, коль за всѣхъ болѣю
И всѣмъ усерденъ для услугъ.

9. Предъ нами древностью своей,
О князи міра, не гордитесь:
Каковъ Евгень, Тюрень, мужей
Представьте, ими возноситесь,
Но въ росскомъ множествѣ дворянъ
Герои славнѣе бывали
И нынѣ царство подпирали;
Межъ прочихъ сей въ примѣръ вамъ данъ:

10. Отечеству Румянцовъ другъ
И прямо свѣта хвалъ достоинъ.
Великъ, что въ немъ геройскій духъ,
Но болѣ, что Востокъ спокоенъ
И Сѣверъ сталъ его рукой.
Когда уста не прославляютъ,
На то лишь только умолкаютъ,
Чтобъ мирной чтить его душой.

[4] Первые 2 стиха ср. съ Наказомъ, гл. XV: «Добродѣтель съ заслугою возводитъ людей на степень дворянства» (стат. 363). «Добродѣтель и честь должны быть оному (дворянству) правилами» (ст. 364).

Стихи 5-й, 6-й и 7-й этой строфы сохранены безъ измѣненія въ 8-й строфѣ *Вельможи*, но вмѣсто 8-го стиха поставленъ другой:

Царю, закону, церкви другъ.

VII. ОДА НА СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛЪ-АНШЕФА БИБИКОВА[1].

Тебя ль оплакивать я долженъ? 1.
О Бибиковъ, какой ударъ!
Тебѣ ли кипарисны лозы
И миро я на гробъ несу?
Едва успѣлъ тебя познати,
Уже лишился рокомъ лютымъ!
Погибъ съ печали разумъ мой.
Когда твои доброты вспомню,
Сердечны разверзаю раны
И вновь терплю твою я смерть.

Твои заслуги и почтенье 2.
Къ тебѣ, отъ всей твоей страны,
Уже стократно болѣ стоятъ,
Какъ нежели тебя забыть.
У всѣхъ, достоинства кто любитъ,
Твой образъ въ мысли будетъ вѣченъ:
Внемли! се музъ несется стонъ;
Военна добродѣтель тужитъ,
Минерва съ Россами крушится;
Любовь, мой плачъ твердитъ: увы!

[1] Въ I-мъ Томѣ (стр. 16) уже напечатаны съ надлежащими объясненіями позднѣйшія редакціи этой оды, написанной Державинымъ вскорѣ по полученіи извѣстія о кончинѣ Бибикова (ум. 9 апрѣля 1774 г. въ Бугульмѣ). Здѣсь помѣщается только первоначальный текстъ ея съ примѣчаніями самого Державина, въ томъ видѣ, какъ они появились въ перепечатываемой нами книжкѣ.

Ода *На смерть Бибикова* — одна изъ всѣхъ Читалагайскихъ одъ — включена поэтомъ въ собраніе его сочиненій. Конечно онъ сохранилъ ее не столько потому, что она удалась ему лучше другихъ (она потребовала измѣненія многихъ стиховъ и цѣлыхъ строфъ), сколько изъ желанія передать потомству это вылившееся у него изъ души, искреннее и простое выраженіе любви и благодарности къ вельможѣ, который былъ однимъ изъ украшеній вѣка Екатерины.

Не показать мое искусство, 3.
Я здѣсь теперь пишу стихи,
И риѳмъ въ печальномъ слогѣ нѣтъ здѣсь;
Но вздохъ, но знакъ, но чувство лишь
Того тебѣ благодаренья,
Въ моемъ что невмѣстимо сердцѣ,
Я здѣсь изобразить хочу.
Пускай о томъ и всѣ узнаютъ:
Я сдѣлалъ мавзолей симъ вѣчный
Изъ горькихъ слезъ моихъ тебѣ.

Другіе чтятъ одну фортуну; 4.
Смотря на прибыли свои,
Божественной поэзьи дары
Лишь ей одной приносятъ въ честь;
Но я предъ тронъ фортуны міра
Моихъ цвѣтовъ не разсыпаю;
Я сыплю ихъ на пепелъ твой,
Желаю только, чтобъ сказали:
Онъ, знать, что любитъ добродѣтель,
Онъ пишетъ ей свои стихи.

Но смерть твою, герой, прехвальну 5.
Живѣй чтобъ могъ я описать,
Я взялъ себѣ всѣ черны тѣни
Съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ твой пресѣкся вѣкъ.
Не лавръ, какъ прежде, исторгая
Прусака, укротилъ Сарматъ;
Но ставъ своихъ спаситель странъ,
Въ вертепѣ бѣдномъ ты скончался!
А сей конецъ, о! какъ прекрасенъ;
Онъ лучше всѣхъ земныхъ побѣдъ.

Воззрѣвъ на предстоящихъ слезныхъ: 6.
«Не жаль отца, жены и чадъ:

«Воздать любящая заслугамъ,
«Российска матерь призритъ ихъ;
«Мнѣ жаль отечество оставить[2]!» ...
Ты рекъ, и рокъ сомкнулъ вздыханья;
Однако видъ казалъ геройскъ,
Чтобъ скоро все низвергъ ты бѣдство.
Но тутъ бореи возшумѣли
И разнеслася страшна вѣсть.

Пустыни въ вретище облеклись[3], 7.
Весна преобразилась въ мракъ,
Казань вострепетала въ сердцѣ,
Упалъ горящій войновъ духъ.
Спѣшатъ писать увѣщеванья:
Мужайтесь, бодрствуйте, — вѣщаютъ[4];
Но нѣтъ тебя ... но нѣтъ тебя!
Разстроилось побѣды дѣло[5];
Сильнѣе разлилася язва,
Скрѣпился въ звѣрствѣ Пугачевъ.

Тогда цѣна твоя познавалась 8.
Твоихъ рыданьемъ сограждан,
Успѣхомъ хищниковъ россійскихъ,

[2] «Сіи слова самыя тѣ, которыя сказаны покойнымъ при концѣ его, когда бывшіе съ нимъ стали представлять ему, чтобъ онъ просилъ монархиню о неоставленіи семьи его».

[3] «Сочинитель былъ въ то время въ пустыняхъ нѣкоторыхъ тружениковъ, которые въ знакъ своего сокрушенія надѣли на себя волосяныя рубахи, сіе есть вретище, и, сочиня постъ, молили о душѣ его».

[4] «Преемникъ Бибикова, генералъ-поручикъ Щербатовъ, отдавая покойному справедливость, писалъ къ нѣкоторымъ въ своихъ повелѣніяхъ, чтобъ не ослабѣвали въ дѣлахъ своихъ, услыша о кончинѣ толь любезнаго и достойнаго предводителя».

[5] «Татищевское сраженіе, разсыпало-было всю дерзость бунтующихъ, но послѣ смерти сего мужа Пугачевъ нашелъ время паки пріити въ силу».

Паденьемъ скорымъ многихъ странъ.
Блаженъ! рекли всѣ вожди свѣта:
Онъ въ лучши дни животъ оставилъ,
Когда о немъ жалѣютъ всѣ!
Въ слѣды счастливый побѣдитель
Несетъ проклятье за собою,
Защитникъ жалость по себѣ.

Подвижники усердной службы 9.
Отечеству по самый гробъ,
Когда имѣютъ въ воздаянье
Себѣ всегдашню похвалу;
То вожди будущи и войны
Россійскихъ странъ побѣдоносныхъ,
Взрастивъ, какъ мы, лавровый лѣсъ,
Сбирайтесь чтить того вы память,
Сносите въ честь тому вы розы,
Кого зрѣть тщились короли[6].

Онъ былъ искусный вождь на браняхъ, 10.
Совѣта мужъ, любитель музъ,
Отечества ревнитель твердый,
Блюститель вѣры, правды другъ,
Почтенъ монархиней за службу,
За даръ ума, за добродѣтель,
За честность духа своего;
Онъ зло стерть въ подвигѣ скончался.
Вы, вѣтры, нынѣ вѣйте тише!
Священный почиваетъ прахъ.

6 «Герой нынѣшняго вѣка, его величество король Прусскій писалъ къ господину Бибикову письмо, которое есть и напечатанное».

Замѣтимъ, что этотъ первоначальный текстъ оды *На смерть Бибикова* перепечатывается нами въ первый разъ: онъ пропущенъ даже въ тѣхъ изданіяхъ, гдѣ помѣщены остальныя Читалагайскія оды.

VIII. ОДА НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, СОЧИНЕННАЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ И БУНТА 1774 ГОДА[1].

Се красный день, твой новый годъ; 1.
А ты еще не утружденна,
Еще ни въ чемъ не упражненна,
Кромѣ побѣдъ, добротъ, щедротъ,
Кромѣ, чтобъ милость намъ являти
И часъ потеряннымъ считати
Безъ милосердіевъ твоихъ.
Любовь и удивленье свѣта,
Что дѣлалъ Петръ, Елисавета;
Твой вѣкъ, Екатерина, — ихъ!

Се новый путь блистать лучамъ, 2.
Тебѣ въ безсмертіе стремиться,
Еще превыше возноситься,
Съ тобою восходить и намъ.
Но, въ яры дни теперь вздыхая,
Дней прошлыхъ кротость вспоминая,
Ужель не ждать ихъ вспять съ небесъ?
Эхъ! можно ль въ ономъ сумнѣваться
И льзя ли Россу удержаться
Отъ пѣнія твоихъ чудесъ!

Младая муза, вспрянь, бодрись, 3.
И Эвръ какъ, крыла простирая,
Полеты стрѣлъ предускоряя,
Дерзай, теки, стремись, несись,
И въ быстромъ вихрѣ скоропарномъ,

[1] Екатерина II родилась 21 апрѣля 1729 года. Эта ода, въ сохранившейся первоначальной рукописи, состоитъ изъ гораздо большаго числа строфъ нежели въ книжкѣ Читалагайскихъ одъ. Мы помѣщаемъ ниже въ примѣчаніяхъ пропущенныя въ печати мѣста.

Въ теченьи солнца свѣтозарномъ,
Приближь къ нему свой орлій взоръ,
Сдержи его крутизнъ въ вершинѣ,
На самой выспренней стремнинѣ
Пловущихъ синихъ, свѣтлыхъ горъ.

Сдержи и рцы: о князь планетъ, 4.
Веществъ чувствительныхъ живитель,
Цвѣтовъ, весны, зарей родитель,
Свѣтило, льюще душу въ свѣтъ!
Со лучезарной колесницы
Весь день низводишь ты зѣницы
На россій небу равный край;
Не въ гнѣвъ тебѣ, царю златому, —
Равенъ ли солнцу ты другому,
Кѣмъ свѣтелъ Нордъ? Скажи, вѣщай!

Разжженный какъ въ горну халкидъ[2], 5.
Таковъ тутъ сынъ Латонинъ зрится,
Въ лицѣ багрянымъ цвѣтомъ рдится
И свой желаетъ скрыти стыдъ.
Трясетъ горящими кудрями
И жаркихъ бьетъ коней возжами,
Претечь ихъ нудитъ горизонтъ.
Пустившися съ высока юга,
Всего эмпира чрезъ полкруга,
Въ единый мигъ онъ скрылся въ понтъ.

Когдабъ средь варварства ночей 6.
Еще, монархиня, мы жили,
Мы въ солнца чинъ тебя бъ вмѣстили,
Поставя правдой вымыслъ сей;
Но, днесь ужъ Ольгой освященны,

[2] Халкидонъ — драгоцѣнный камень, родъ агата; но здѣсь *халкидъ* то же, что χαλκός — мѣдь.

Тобою паче просвѣщенны,
Мы баснями тебя не чтимъ;
А если къ онымъ прибѣгаемъ,
Живѣй лишь мысль представить чаемъ,
Въ тебѣ его что образъ зримъ.

Отъ вѣкъ горящій Океянъ 7.
Возвѣшенъ въ тверди сей надъ нами,
Дабы свѣтящими рѣками
Земныхъ онъ былъ лампада странъ:
Такъ ты, во блещущей коронѣ,
На боголѣпномъ предковъ тронѣ,
Екатерина, — россkій свѣтъ:
Ты намъ премудростью сіяешь
И ею тамъ ты озаряешь,
Гдѣ съ мракомъ ледъ борьбу ведетъ.

Любезный зракъ какъ свѣтитъ сей, 8.
Какъ зримъ его передъ глазами,
Безвредными тогда стезями
Мы ходимъ средь своихъ путей:
Такъ ясный день твое владѣнье,
Твои доброты — охраненье
Отъ всѣхъ намъ золъ въ странѣ твоей:
Законы, казни всей вселенной
Не могутъ жизни дать блаженной,
Какъ благъ одинъ примѣръ царей.

Полезной всюду теплотой 9.
Оно плоды произрастаетъ,
Богатыхъ съ скудными питаетъ
И всяку плоть живитъ собой:
Такъ ты героевъ награждаешь
И купно бѣднымъ помогаешь

Во воспитаньи оныхъ чадъ.
Торги, художества, науки,
За милости воздѣвши руки,
Тебя одну благодарятъ[2].

Оно обиліемъ лучей 10.
Ползущихъ тварей оживляетъ:
Твоя рука намъ поднимаетъ
Изъ пыли верженныхъ дѣтей.
На зданья зданья всѣ мемфисски
Тебѣ поставимъ въ обелиски, —
Благодаренья малъ то знакъ:
Носили горы исполины,
А человѣка, взявъ изъ глины,
Одинъ лишъ Богъ содѣлалъ такъ.

Когда угрюмыхъ облакъ сонмъ 11.
Хотятъ лицо его покрыти,
Оно, дни ясны продолжити
Зажегши паръ, бросаетъ громъ:
Въ завидшихъ нашему покою
Побѣдоносною войною
Перунъ и ты пустила свой.
Уже пламеноносны стрѣлы
Ниспали въ вражески предѣлы,
Стѣснившись, какъ туманъ густой[3].

[2] Тебя одну благодарятъ.
Ср. Томъ I, стр. 147, примѣч. 34 къ *Фелицѣ*.

[3] Послѣ этой строфы идутъ въ рукописи еще слѣдующія десять:

Но въ новыхъ звукахъ чтобъ побѣдъ 12.
Возвысить гласъ свой паче лиръ,
О Муза! пролетай въ эѳиръ,
Взирай тріумфовъ прежнихъ слѣдъ,
Дабы, тѣмъ тя воображая,
Въ сей вѣсти радость умножая,

Уже, какъ зыкъ въ лѣсахъ ловцовъ 12.
Еленицъ робкихъ ужасаетъ,
Срацынъ такъ слухъ одинъ сражаетъ,
Монархиня, твоихъ полковъ.
Доколь въ нихъ молніи летаютъ,

Громчай воскликнуть: съ нами Богъ!
Срацыны, знайте, покоряйтесь,
Что день, то грома дожидайтесь:
Сотремъ, сразимъ, вашъ свержемъ рогъ.

Сугубый жаръ мой духъ вознесъ; 13.
Я зрю съ востока въ сѣверъ хладный
Византски рыщутъ скимны гладны,
Но тутъ ихъ Россъ какъ сернъ разнесъ.
Какъ только слухъ единъ зарницы
Заслышатъ нощи хищны птицы,
Спѣшатъ, разсѣясь, по норамъ;
Такъ имемъ тутъ твоимъ единымъ,
Монархиня, въ бою взгласимымъ,
Средь фурій врагъ хребетъ намъ далъ.

Гдѣ Порты злость на насъ? гдѣ ядъ? 14.
Гдѣ конники-тристаты яры?
Гдѣ злобой дышущи янчары?
Въ глазахъ ихъ огнь, средь сердца адъ;
Въ кинжалахъ молнію зрю скору,
Но въ Россѣ каждомъ вижу гору:
Сперва стоитъ, недвижно ждетъ,
Потомъ несется, подавляетъ
И пыль лишь только оставляетъ
Вослѣдъ себя, гдѣ ихъ сотретъ.

Изъ зефра вихрь какъ ставъ крутящъ, 15.
Въ свирѣпствѣ бурномъ пролетая,
Матерый дубъ принагибая,
Къ себѣ его упорствъ незрящъ,
На кедръ, что твердостью гордится
И быть не преломимымъ мнится,
Напалъ, подулъ, — пошелъ лишь трескъ,
И лѣсъ, за нимъ стоящъ, свалился.
Ужъ вихорь въ путь свой устремился
Явить еще гдѣ силы блескъ.

Они ужъ то въ тріумфъ считаютъ,
Гдѣ если бѣгъ имъ жизнь спасетъ:
Господь твоей помощникъ волѣ.
Не будетъ несть земля ихъ болѣ
И память съ шумомъ ихъ минетъ.

Изъ лона мирныхъ дней такъ Россъ, 16.
Врагомъ ко мести принужденный,
Въ военну бурю устремленный,
Возсталъ, пошелъ, огонь понесъ,
Являя страшну всѣмъ судьбину,
Преклонну жизнь даритъ Хотину,
Его себѣ покорность зрящъ;
Бендеры горды въ прахъ стрясаетъ;
Отъ страху Крымъ весь упадаетъ ...
Летитъ еще, побѣдъ ищащъ.

Еще ль, Силистрія, стоишь, 17.
Когда за брегъ дунайскъ въ дорогу
Занесъ свою Румянцовъ ногу?
Еще ль, какъ ступитъ, не слетишь?
Не дай лишь, небо, ты преграды,
Стамбульской ждемъ тотчасъ осады,
Сорвемъ верхи Вятарскихъ * горъ.
Не зрилось Росса гдѣ и вида,
Отъ Даго за столпы Алкида,
Его днесь блещетъ мечъ и взоръ.

Кто знаетъ Россовъ грудь и духъ, 18.
Екатерины мудрость, твердость,
Не счелъ бы тотъ въ неимовѣрность,
На цѣлый свѣтъ пошли бъ хоть вдругъ!
Когда насъ правда вооружаетъ,
Когда насъ должность провождаетъ,
Любовь къ отечеству велитъ,
Когда мы вѣру защищаемъ
И Бога въ помощи взираемъ,
Такъ кто намъ свой поставитъ щитъ?

Пернатый спутникъ грома стрѣлъ, 19.
Не Зевсомъ, но Петромъ рожденныхъ,

* Не ошибка ли въ тетради, писанной дурнымъ писарскимъ почеркомъ и со многими невѣрностями?

Но скопы жирныхъ, черныхъ тучъ 13.
Какъ солнце жаромъ разрываетъ,
Желанный дождь всѣмъ проливаетъ,
Журчащихъ водъ сугубитъ ключъ:
Такъ ты всѣмъ матерь равна буди.
Враги, монархиня, тѣ жъ люди:
Ударь еще и разжени,
Но съ тѣмъ, чтобъ милость къ нимъ пролити,

Тобой, богиня, изощренныхъ,
Орелъ россійскій возлетѣлъ,
Прострясь отъ нощи въ день крылами,
Паритъ Марморы надъ морями,
Взираетъ дѣбычи своей
И вдругъ, какъ плинѳъ * летящъ изъ пращи,
Спустившись съ визгомъ въ понтъ ярящій,
Онъ рветъ драконы средь зыбей.

Уже пронзенъ, окровавленъ, 20.
Когтьми растерзанъ какъ носами,
Преядовитыми зубами
Вотще къ защитѣ ополченъ,
Поддержанъ мочью надъ волнами,
Трясетъ и бездной и брегами
И съ ревомъ рвется отъ вреда;
Взнесенъ на землю, издыхаетъ,
Орелъ чудовище снѣдаетъ:
Се кости моетъ ужъ вода.

Къ брегамъ съ пучины флотъ враговъ 21.
Такъ снесъ, чрезъ страшныхъ жерлъ удары,
Въ моряхъ блистатель молній ярый,
По имю, по дѣламъ Орловъ.
Тутъ съ волнъ въ плеяды дымъ стѣснился,
Луцферъ какъ градъ летущъ валился,
По искрамъ твердь и хлябь текла;
Еще, еще чесменски волны,
Стенанья, заревъ грома полны,
Ревутъ въ насъ ..... **

* *Плинѳъ*, или *плинѳа*, церк.-сл. (греч. πλίνθος) — кирпичъ.
** Этотъ стихъ въ рукописи не разобранъ.

Въ свое владѣнье покорити,
Какъ насъ, покоить ихъ въ сѣни[4].

Какъ насъ всегда храня собой, 14.
Покроя орлими крылами,
Златыми осчастливя днями,
Весь міръ возвесели тобой;
Тобой борей зефиромъ будетъ,
Злодѣйство злобствовать забудетъ,
Сокроетъ зависть ядъ въ себѣ;
Пріидутъ царіе вселенны,
Твоею славой восхищенны,
Учиться царствовать къ тебѣ[5].

Тогда ни вранъ на трупѣ жить, 15.
Ни волки течь къ тѣламъ стадами
Не будутъ, насыщаясь нами,
За снѣдь царей благодарить:
Не будутъ жатвы поплѣненны,
Не будутъ села попаленны,
Не прольетъ Пугачевъ кровей.
Твоя кротчайшая природа
Утѣшитъ всѣ страны народа,
Коль будетъ въ власти все твоей.

[4] За этимъ въ рукописи слѣдуетъ строфа 17, послѣ которой читается:

На то ль, на то ль сей только свѣтъ, 25.
Чтобъ жили въ немъ рабы, тираны,
Другъ друга варварствомъ попраны,
Съ собою свой носили вредъ?
Ни тигры тигровъ не терзаютъ,
Ни львы на львовъ не нападаютъ,
Себя губитъ лишь человѣкъ:
Въ скудельной жизни бренной
Онъ врагъ себѣ первостепенный,
Короткій свой коротитъ вѣкъ.

[5] Ср. Томъ I, стр. 288.

Ужель на сей одинъ конецъ 16.
Всѣ твари только и созданны,
Вели чтобъ брани непрестанны?
О Боже благъ, щедротъ Отецъ!
Не льзя ль изъ хаоса злосчастьевъ
Намъ свѣтъ Тебѣ содѣлать счастьевъ
И слезы наши отереть?
Подай, да царствуетъ едина
Надъ свѣтомъ всѣмъ Екатерина:
Имъ долженъ тотъ, кто благъ, владѣть.

Ея и благъ и кротокъ духъ: 17.
Пришельцевъ сѣнью та покрыла,
Отъ казни винныхъ свободила,
Она намъ щитъ отъ сильныхъ рукъ:
Кого жъ, кромѣ ея, Содѣтель,
Твою прославить добродѣтель
Пошлешь къ исправѣ Ты людей?
Удвой ей громъ, спасай вселенну,
Вездѣ отъ злобы утѣсненну,
И воцари ее надъ ней.

XIII. ЭПИСТОЛА КЪ ГЕНЕРАЛУ МИХЕЛЬСОНУ НА ЗАЩИЩЕНІЕ КАЗАНИ[1].

Внемли здѣсь, Михельсонъ, стихи тоя ты музы,
Которой спасъ ты жизнь, съ которой снялъ ты узы.

[1] Эта *Эпистола* до сихъ поръ извѣстна была только по упоминанію о ней въ Словарѣ митрополита Евгенія. Она считалась потерянною; мы отыскали ее между бумагами Державина въ перебѣленномъ спискѣ собственной его руки; но это, очевидно, только начало, оставшееся безъ продолженія и притомъ далеко не отдѣланное. Рукопись, современная самому сочиненію эпистолы, отличается отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что на поляхъ каждые пять стиховъ означены цифрами (5, 10, 15 и т. д.), а внизу страницъ отчеркнуто большое мѣсто для примѣчаній, изъ которыхъ впрочемъ только одно вписано (см. ниже прим. 5). Рукопись озаглавлена только словомъ *Эпистола;* мы дополнили заглавіе по выраженію Словаря Евгенія. Послѣ печатаемаго нами начала слѣдуетъ въ рукописяхъ еще черновая страница, написанная на особомъ листѣ; но такъ какъ на ней стихи еще только набросаны безъ всякой отдѣлки, отчасти даже не совсѣмъ разборчиво, то мы этой страницы не помѣщаемъ въ текстѣ и приводимъ изъ нея здѣсь лишь нѣсколько стиховъ, чтобъ дать понятіе о содержаніи этого добавочнаго отрывка:

О строгій день судебъ и лютость тѣхъ часовъ!
Почто, о Боже, намъ твой гнѣвъ былъ столь суровъ?
Неужель предъ Тобой мы столько согрѣшили,
Благоутробія что бездны истощили?
. . . .
Ты любишь праведныхъ, ты грѣшнымъ терпѣливъ,
Ты всѣмъ намъ милостивъ, Отецъ и Покровитель:
Такъ можетъ ли то быть, чтобъ былъ намъ Ты жъ мучитель?
Не Ты, но адское рожденіе то злобы.
. . . .

Хоть лучше тебѣ хвалъ, что я тобой дышу[2],
Но въ благодарность я сіе къ тебѣ пишу,

Но чѣмъ виновны здѣсь младенцы погубленны? —
Судьбы Твои отъ насъ, Всесильный, сокровенны!
. . . .
Изъ ада иль съ небесъ, но зло есть Пугачевъ!

Главныя обстоятельства бѣдствія и спасенія Казани были слѣдующія. Пугачевъ, ворвавшись въ городъ 12 іюля 1774 г., сжегъ посреди грабежей и убійствъ большую половину его, но не могъ овладѣть хорошо-обороняемою крѣпостью, въ которой заключились городскія власти и множество жителей. Михельсонъ, преслѣдуя Пугачева, не могъ настигнуть его до Казани, но подоспѣлъ къ ней ввечеру того же дня. Услышавъ о приближеніи войска, Пугачевъ встрѣтилъ его въ 7 верстахъ отъ города, близъ села Царицына, и здѣсь былъ совершенно разбитъ, что̀ повторилось на другое утро на Арскомъ полѣ, а черезъ два дня опять около Царицына. Пугачевъ бросился вверхъ по Волгѣ; думали, что онъ пойдетъ на Москву; но у Кокшайска онъ переправился черезъ Волгу и обратился на югъ. Подробности событій, сопровождавшихъ разореніе Казани, можно найти въ *Краткомъ извѣстіи о злодѣйскихъ на Казань дѣйствіяхъ Емельки Пугачева*, составленномъ архимандритомъ Платономъ Любарскимъ и напечатанномъ Пушкинымъ въ *Приложеніяхъ* къ *Исторіи Пугачевскаго бунта*. Это — письмо Любарскаго къ Н. Н. Бантышъ-Каменскому; подлинникъ — въ государственномъ архивѣ. Ср. разсказъ самого Пушкина въ 7-й главѣ его книги. Извѣстіе о бѣдствіи родной Казани Державинъ получилъ 16 іюля 1774 года въ Саратовѣ, гдѣ онъ въ то время находился, бывъ командированъ въ окрестности его еще покойнымъ Бибиковымъ для принятія мѣръ къ поимкѣ Пугачева. Эпистола была написана уже по истребленіи Пугачева, вѣроятно, подъ конецъ 1774 или въ началѣ 1775 года, когда Державинъ жилъ въ Казани, вызванный туда начальникомъ секретныхъ коммиссій, Павломъ Сергѣевичемъ Потемкинымъ (о которомъ см. ниже примѣч. 9).

Попытка Державина обработать въ поэтической формѣ эпизодъ изъ Пугачевщины тѣмъ болѣе замѣчательна, что она, сколько извѣстно, единственная въ своемъ родѣ и что поэтъ былъ очевидцемъ событій, изъ которыхъ имъ заимствованъ предметъ. Вниманія заслуживаетъ также намѣреніе почтить заслуги Михельсона, которому и до сихъ поръ еще не отдана полная справедливость. Иванъ Ивановичъ Михельсонъ былъ подполковникомъ, когда Бибиковъ поручилъ ему отдѣльный отрядъ для дѣйствій противъ Пугачева, съ которымъ онъ и имѣлъ болѣе 12-и удачныхъ сраженій и въ послѣднемъ окончательно уничтожилъ его силы (см. ниже

Котору чувствую въ душѣ нелицемѣрной
За подвиги твои, за трудъ твой пребезмѣрной,
Опасность что презря, ты въ помощь намъ притекъ
И кремль[3] освободилъ кровавыхъ сильныхъ рѣкъ.
Казански жители, едиными устами,
Признательны тебѣ и сердцемъ и душами:
Не хочетъ за животъ кто свой благодарить,
Не стоитъ жизни тотъ, не долженъ въ свѣтѣ жить.

Пускай прахъ Бибиковъ возносится слезами[4]:
При жизни какъ своей почтенъ онъ былъ хвалами,
Пускай составитъ псальмъ и днесь ему не лесть,
Но искренность сама и истина и честь,
Что былъ отечества онъ пламенный любитель,
Что былъ монархинѣ онъ ревностный служитель,

прим. 10); послѣ казни Пугачева Михельсонъ получилъ собственноручный рескриптъ императрицы, чинъ полковника и другія награды. Впослѣдствіи (1788 г.) шведская война въ Финляндіи доставила генералу Михельсону случай къ новымъ подвигамъ. Въ турецкую войну, при императорѣ Александрѣ I, онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ, но умеръ уже 19 августа 1807 г. въ Бухарестѣ.

[2] Хоть лучше тебѣ хвалъ, что я тобой дышу —

т. е. хотя для тебя лучше похвалъ то, что я тебѣ обязанъ жизнью. — Какъ Казанецъ, поэтъ воображаетъ, что онъ былъ въ родномъ городѣ во время нашествія Пугачева.

[3] Слово *кремль* у самого Державина написано какъ нарицательное имя, безъ большой буквы (Объ этомъ словѣ см. нашу замѣтку въ *Запискахъ Ак. Н.*, т. VI, кн. I).

[4] Пускай прахъ Бибиковъ возносится слезами.

Назначенный, послѣ Кара, главнокомандующимъ арміи для усмиренія Пугачева, Александръ Ильичъ Бибиковъ умеръ въ началѣ своихъ успѣшныхъ дѣйствій, на пути въ Оренбургъ. Смерть постигла его въ Бугульмѣ, 9 апрѣля 1774 года. Стихи Державина на его кончину см. выше стр. 298 и въ Томѣ I, стр. 16.

Объ употребленіи такихъ именъ, какъ *Бибиковъ*, въ видѣ прилагательныхъ см. Томъ II, стр. 464. Примѣръ подобнаго употребленія имени *Ломоносовъ* ср. также выше стр. 257.

Что былъ министръ и вождь, судья, отецъ и другъ,
Кому и вражескій былъ тайно преданъ духъ:
Его прибытьемъ здѣсь вострепетала злоба[5],
Была что скрытая, мрачнѣе съ язвой гроба.
Его единъ обратъ[6], его единъ здѣсь взглядъ
Крамолу обуздалъ и обезсилилъ ядъ.
Въ предѣлы буйности то тотчасъ разнеслося,
Что воинство ему на хищниковъ далося[7].
Онъ мѣры предпріялъ и вождевъ разрядилъ;
Казалось, что тогда жъ онъ злобу побѣдилъ.
Начало положилъ къ концу благополучну
И кончилъ свою жизнь, съ побѣдой неразлучну.
Пускай ему сердца и души даютъ дань,
И помнитъ вздохами, съ пролитьемъ слезъ, Казань.
Утрату чувствуетъ вся въ немъ пускай Россія;
Достоинъ Бибиковъ есть жертвы таковыя.
Пускай Голицыну[8] въ искусствѣ и трудѣ

[5] «Въ 1773 году въ ноябрѣ мѣсяцѣ и декабря въ первыхъ числахъ Казань была въ великомъ страхѣ и колебаніи отъ самозванцевыхъ партій. Прибытіемъ покойнаго Александра Ильича все сіе и разсѣваемые плевелы въ народѣ обуздались. Одна его особа устрашала бунтовщиковъ, въ 60 верстахъ разъѣзжающихъ уже отъ Казани». Д.

[6] *Обратъ* вм. оборотъ.

[7] Что воинство ему на хищниковъ далося — т. е. что ему дано было войско ...

[8] Князь Петръ Михайловичъ Голицынъ, генералъ-маіоръ, которому поручено было очистить край къ сторонѣ Оренбурга, одержалъ 23 марта 1774 года при крѣпости Татищевой, на Яикѣ, первую побѣду надъ Пугачевымъ. И во все время бунта Голицынъ дѣйствовалъ съ отличіемъ; онъ очень цѣнилъ Державина и впослѣдствіи старался защитить его отъ гнѣва графа П. И. Панина. Въ самый годъ казни Пугачева (1775) и князь Голицынъ несчастно кончилъ жизнь: онъ былъ убитъ на дуэли Шепелевымъ, впослѣдствіи женатымъ на одной изъ племянницъ Потемкина (ср. Томъ I, стр. 228), который будто-бы и устроилъ этотъ поединокъ изъ зависти къ Голицыну, обратившему на себя вниманіе Екатерины II.

По правдѣ похвалы разносятся вездѣ:
Сквозь степи, снѣгъ, прошелъ бураны онъ безбѣдно
И войско сохранилъ въ опасностяхъ безвредно.
Удачный зѣльный бунтъ какъ души всѣхъ мутилъ,
Скрывался въ пеплѣ огнь, онъ войновъ укрѣпилъ.
Колебленъ всякъ тогда противъ врага былъ злова,
Онъ первый опровергъ въ укрѣпахъ Пугачова;
Измѣнникамъ далъ страхъ, отвагу намъ вперилъ,
Карать безъ робости продерзость ободрилъ;
Поставилъ свою грудь впередъ въ смущенномъ боѣ:
Такое рвеніе любезно есть въ героѣ!
Онъ доблій будетъ вождь, то трудъ его звучитъ,
И зависть, въ немъ узрѣвъ надежду, замолчитъ.
Пускай отечества защитники и вѣры,
Возстать противъ кого дерзали изувѣры,
За церковь, за себя, за скипетръ и за честь
Являли буйству ихъ, гдѣ должно было, месть;
Пускай извѣрговъ тьма есть, ими побіенныхъ,
И болѣе сто разъ избавленныхъ, спасенныхъ.
Пускай Потемкинъ[9] кремль чрезъ нѣсколько часовъ

9 Екатерина, послѣ смерти Бибикова, назначила главнокомандующимъ князя Ѳедора Ѳедоровича Щербатова; но не поручила ему секретныхъ розыскныхъ коммиссій, казанской и оренбургской, которыя также были въ вѣдѣніи покойнаго. Вскорѣ она поставила надъ ними особаго начальника; это былъ молодой генералъ-маіоръ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, троюродный братъ знаменитаго временщика, обратившій на себя вниманіе въ турецкую войну, только теперь кончавшуюся. Впослѣдствіи онъ возведенъ былъ въ графское достоинство. Получивъ образованіе въ московскомъ университетѣ, П. С. Потемкинъ занимался литературой, сочинялъ и переводилъ (см. Словарь Евгенія) и между прочимъ составилъ исторію Пугачева, надъ которымъ онъ, по окончаніи бунта, производилъ слѣдствіе вмѣстѣ съ московскимъ градоначальникомъ, княземъ М. Н. Волконскимъ; трудъ этотъ остался неизданнымъ. Внезапная смерть Потемкина, 29 марта 1796 г., до сихъ поръ покрыта тайною: ее приписываютъ извѣстному Шешковскому, съ которымъ онъ видѣлся передъ самымъ концомъ своимъ. — По новой должности своей Потемкинъ

Труднѣе удержалъ, какъ въ нѣсколько годовъ,
Разсудкомъ, бодростью, проворствомъ и словами
Воздвигнулъ къ мужеству отчаянныхъ душами,
Зло вкрадшеесь пресѣкъ, пожаръ не попустилъ
И ветхость себѣ стѣнъ на память защитилъ
(Едва ль, я думаю, Казань бы то терпѣла,
Когда бы ранѣе Потемкина имѣла).
Пусть Панину[10] вѣнецъ и блескъ и звукъ и честь —

прибылъ въ Казань въ ночь на 8-е іюля 1774, слѣдовательно за четыре дня до нападенія Пугачева, и принялъ начальство надъ имѣвшимися тамъ армейскими командами. 12-го числа онъ, съ отрядомъ изъ 400 человѣкъ и двумя пушками, вышелъ на встрѣчу мятежниковъ, но не могъ помѣшать ихъ вторженію въ городъ и едва успѣлъ, съ большею частью своего отряда, укрыться въ кремлѣ, гдѣ и оставался до слѣдующаго утра, когда Михельсонъ, разбивъ злодѣя, при разсвѣтѣ пришелъ на Арское поле и далъ знать казанскимъ начальникамъ о своемъ приближеніи. Здѣсь Потемкинъ, по словамъ Михельсонова донесенія, «своимъ присутствіемъ былъ свидѣтель вторичной побѣды надъ Пугачевымъ». Потемкинъ съ своей стороны писалъ императрицѣ, что Михельсонъ, по его повелѣнію, въ 9 часовъ утра пошелъ на встрѣчу Пугачева, который, вслѣдствіе полученнаго подкрѣпленія имѣя болѣе 15 т. человѣкъ, намѣренъ былъ въ слѣдующую ночь напасть на Казань. Въ 7-и верстахъ отъ города началось сраженіе. Потемкинъ изъ кремля отрядилъ къ Михельсону 200 человѣкъ пѣхоты, но войско принуждено было отступить. Однакожъ Михельсонъ поправилъ эту неудачу, и наконецъ мятежники бѣжали, потерявъ 12 пушекъ и болѣе 4 т. плѣнными (Изъ дѣлъ государственнаго архива).

Съ подчиненіемъ Потемкину секретныхъ коммиссій Державинъ получалъ новаго начальника, съ которымъ вскорѣ и началась у него дѣятельная переписка. Письма къ нему П. С. Потемкина, почти всегда собственноручныя, иногда съ французскими приписками *, показываютъ особенную довѣренность и благосклонность къ Державину.

[10] Когда, послѣ разграбленія Казани, Екатерина увидѣла необходимость болѣе энергическихъ мѣръ противъ Пугачева, то она, вызвавъ Щербатова въ Петербургъ, избрала на мѣсто его въ главнокомандующіе графа Петра Ивановича Панина и 29-го іюля подписала, въ Петергофѣ, указъ о его назначеніи. Принятыя имъ строгія мѣры, нагнавъ страхъ на

* Потемкинъ, еще не зная Державина лично, считалъ его, какъ гвардейскаго офицера, человѣкомъ свѣтски образованнымъ.

И, можно чѣмъ еще заслуги превознесть,
Военный трубный гласъ и сладки лирны струны
Согласьемъ заглушатъ и громы и перуны.
Пускай ему тріумфъ, восторгъ и торжество
И сыплетъ росское щедроты божество:
Онъ душу ревностну, въ отечество влюбленну,
Имѣя жалостью и мужествомъ вспаленну,
Пожарскій какъ Москву избавить шелъ отъ бѣдъ,
Такъ онъ пошелъ съ Москвы низвергнуть россій вредъ:
Ни лѣта, ни труды, ни лавровы сѣдины
Сдержати не могли геройскія стремнины;
Познало тотчасъ зло наложенный яремъ,
Бросалось по степямъ въ отчаяньи своемъ:
Попранно, сверженно, желало укрываться;
Но можетъ ли когда гдѣ зло не наказаться?
Судьбина какъ на насъ свирѣпа ни была,
Но Панину сама ехидну привела.
Любовь къ отечеству и сердца добродѣтель
Вѣнчаетъ завсегда успѣхами Содѣтель.
Заразу что извлекъ, мятежи укротилъ
И прежнее онъ намъ спокойство возвратилъ,
Пускай признательна вся въ томъ ему вселенна;
Но жизнь мнѣ, Михельсонъ, тобою защищенна!
Тобою нашъ спасенъ оставшій рухлый градъ —
Отъ самыхъ тартарскихъ ты возвратилъ насъ вратъ.

мятежниковъ, конечно способствовали къ прекращенію безпокойствъ; но окончательныя пораженія Пугачева и поимка его произошли совершенно независимо отъ Панина, благодаря энергіи, съ какою Михельсонъ шелъ по пятамъ злодѣя: 25 августа Пугачевъ былъ на голову разбитъ имъ при Черномъ Ярѣ, а 15 сентября выданъ казаками. Извѣстно, что Панинъ не сошелся съ Державинымъ (см. статью нашу *Державинъ и графъ Петръ Панинъ* въ *С-петербургскихъ Вѣдом.* 1863 г. № 209 и 210); тѣмъ замѣчательнѣе то уваженіе, съ какимъ поэтъ отзывается о немъ въ этихъ стихахъ, писанныхъ послѣ непріятной для обоихъ встрѣчи въ Симбирскѣ.

Что видимъ еще свѣтъ и солнце лучезарно,
Все общество за то тебѣ здѣсь благодарно.
Тебѣ, приспѣвшему известь изъ бѣдства насъ,
Признательный здѣсь всѣхъ сораздается гласъ.
Тебѣ то навсегда служити будетъ къ чести;
Правдива здѣсь хвала, тебѣ не надо лести.

Хотя въ исторіи дѣла твои и трудъ
Потомки поздные увидятъ и прочтутъ;
Хотя извѣстно всѣмъ то будетъ непремѣнно,
Емельку что ты гналъ вездѣ неутомленно;
Уралы дикіе, вертепы страшныхъ горъ,
Природы ужасомъ гдѣ содрогаетъ взоръ,
Чрезъ рѣки, чрезъ лѣса, чрезъ степи, чрезъ крутины,
Съ сибирскихъ почти странъ до донскія стремнины,
Прошелъ — и поражалъ бѣгущихъ сопостатъ
И хищника разбилъ — ты знаешь, сколько кратъ!
Тебѣ извѣстны всѣ лишь, всѣ твои побѣды, —
Я мыслію своей теряю твои слѣды!
Я въ повѣстяхъ тебя со всѣхъ вижу сторонъ,
И все мнѣ говоритъ, вездѣ мнѣ: Михельсонъ!
Исторія хотя твой трудъ превознесетъ,
И сбытность твоихъ дѣлъ по свѣту распрострѣтъ;
Но стихотворство здѣсь изобразитъ живѣй,
Что должно намъ сказать ввѣкъ къ памяти твоей.
Какое Михельсонъ тобой намъ зло сраженно!
Воззри на зрѣлище, тобою прекращенно!

Въ день ярыхъ намъ небесъ, за грѣхъ какъ насъ казнить
Всевышній захотѣлъ тирана допустить,
Когда мы древнему Египту соравнялись,
Что тварью, такъ какъ онъ, презрѣнной покарались,
Едва лишь солнце свой простерло міру взглядъ, —
Багровый лучъ изъ мглы низвергнулся на градъ,

Зардѣлось зданіе блистающе въ вершинѣ;
Что пламенной оно готовилось кончинѣ,
Скрывали облака кровавы — небеса;
Что смертная идетъ пожати насъ коса.
Начальники хоть влить старалися кровь рьяну,
Народъ унылому былъ сходенъ Окіяну,
Который недвижимъ предъ бурею стоитъ,
Какъ будто чувствуетъ, что вихрь ему грозитъ.
Явленіе Сиренъ невѣждамъ штурмъ вѣщаетъ:
Здѣсь имя царское безумцевъ возмущаетъ,
Бѣснуетъ ядъ сердца и развращаетъ умъ.
Межъ тѣмъ ужъ слышится по стогнамъ накровъ[11] шумъ,
Тревожный гласъ и вопль по улицамъ несется:
Идетъ злодѣй на градъ! слухъ въ градѣ раздается.
Стремятся ратники на стрѣльницы на брань,
Несутъ монархинѣ и долгу жизни въ дань.
Потемкинъ, сердце, духъ имѣя и проворство,
Хотѣлъ чудовище воззвать въ единоборство[12],
Иль славно умереть, иль славно побѣдить;
Но былъ ему совѣтъ соблазна не чинить.
Однако онъ, презря, что съ страшной врагъ толпою,
Не съ тысячью пошелъ, — съ отважною душою.
Довольно мужества, но мало силъ имѣлъ,
Лишь тѣмъ нахальнаго врага не одолѣлъ,
Который, такъ какъ вѣтръ трящися дышащій,

[11] *Накра*, стар., бубны. Ср. во второй пѣсни поэмы *Петръ Великій* (*Соч.* Лом., т. I, стр. 353):

«При накрахъ движутъ духъ свирѣли, барабаны».

Вообще *Эпистола* носитъ слѣды вліянія этой поэмы на Державина; оттуда и употребленіе слова *крови* во множ. числѣ, которое впрочемъ и въ другихъ мѣстахъ нерѣдко встрѣчается у обоихъ поэтовъ.

[12] Хотѣлъ чудовище воззвать въ единоборство.

Весьма любопытный фактъ, неизвѣстный изъ историческихъ свидѣтельствъ, но вѣроятно слышанный Державинымъ отъ самого Потемкина.

Бурливый, мещущій, крутящися визжащій,
Хотѣлъ насъ поломить, но былъ вездѣ отпоръ:
Стенали ревомъ жерлъ твердыни тяжкихъ горъ;
Горюче зелье страхъ и мракъ и смерть бросало
И бездны дальнія ударомъ потрясало;
Носился вихрями ревущихъ ядеръ градъ.
Ужъ скверныхъ скопищъ вождь хотѣлъ идти назадъ;
Но знать, что божество, что было раздраженно,
Хотѣло насъ казнить конечно непремѣнно.
Тогда кромѣшный духъ подгнелъ[13] мятежа ядъ —
Измѣной подлыхъ душъ тогда отверзся градъ.
Тогда бичъ здѣшнихъ странъ, преемникъ Гришки, Смерда[14],
Соотчичъ Разина, разбойника злосерда,
Свирѣпый, злобный тигръ, рыкающій на ловъ,
Какъ сонмы многихъ водъ, вломился Пугачовъ.
Грубѣйшая толпа, разжженна изувѣрствомъ,
Прельщенна кознями, грабительствомъ и звѣрствомъ,
Какъ волки хищные, порыскали на трупъ
И къ стрѣльницамъ на тылъ направили приступъ,
Ударили на сломъ; тутъ должно обращаться
И спреди и сзади, намъ съ тысячьми сражаться.
Падутъ измѣнники и извергаютъ духъ, —
Однако на штыки толпами лѣзутъ вдругъ;
Сугубу въ сердцѣ желчь и ненависть имѣя,
Открыту наглу грудь нимало не жалѣя,
Бѣгутъ свирѣпые, кровями блещетъ взглядъ,
И всякій умереть за самозванца радъ.
Гдѣ слыхана когда такая злоба рьяна,
Чтобъ звѣри дикіе дрались за ихъ тирана?

[13] *Подгнелъ*, неправильно, вм. подгнѣтилъ отъ подгнѣтить, подгнѣщать; ср. выше стр. 267.

[14] *Смердъ*, т. е. Смердисъ, извѣстный въ древней персидской исторіи самозванецъ.

Не звѣрь здѣсь, — человѣкъ, но злѣе онъ звѣрей:
На брата идетъ братъ, отецъ противъ дѣтей.
Любовь монархини и мать въ ней забывая,
За варвара животъ и душу полагая,
Не мыслятъ ни о чемъ, бросаются на строй.
Но мужество, не зря на трудъ и подвигъ свой,
Еще тутъ лютость разъ и ярость низлагало.
Взвертѣлъ тогда тутъ змѣй свое въ гортани жало:
Нельзя предательству усердія попрать, —
Велѣлъ предмѣстіе пожару пожирать.
Возгнелся[15] всюды огнь и городъ воздымился,
Полдневный красный блескъ въ полунощь премѣнился.
По миракамъ густость искръ, какъ огненна рѣка,
Поднявшись отъ земли, простерлась въ облака.
Свирѣпый, страшный вихрь, верхи съ домовъ хватая
И клубы пламенны чрезъ поприщи бросая,
Вія съ углями прахъ, несетъ, куритъ и мчитъ
И дальни зданія завѣтритъ и палитъ.
Тамъ грохотъ, трескъ и стукъ, гдѣ пламя прорѣваетъ,
Здѣсь мгла и пыль и шумъ, гдѣ буря воздуваетъ;
Тамъ сѣрный сильный зной, здѣсь смольный страшный жаръ;
Паденія высотъ тамъ слышится ударъ,
Здѣсь утлы храмины вмигъ рушащимись зрятся,
Торжественны врата тамъ въ пепелъ свой валятся,
Тамъ церквы Божіи стихія не щадитъ:
Прекрасный городъ весь во пламени стоитъ!

Не можно стало намъ съ огнемъ, съ врагомъ, съ вихрями,
Съ измѣной, злобой вдругъ сражаться и съ судьбами:
Оттертъ сталъ сонмъ граждана тутъ въ отступъ отъ бойницъ;
Но блещетъ еще мечъ, сколь можетъ, ихъ десницъ;
Хотя идутъ впередъ, хоть станутъ, хоть отходятъ, —

[15] *Возгнелся*, ср. выше прим. 13.

Вездѣ зубами смерть въ свой слѣдъ скрежащу водятъ;
Средь искръ, средь пуль, средь стрѣлъ, средь копій, средь мечей,
Еще мужаются, еще душой своей.
Одинъ, въ опасности отвсюды окруженный,
Разитъ премножество, но самъ лежитъ сраженный;
Другой, чтобъ защитить врата, отважно сталъ,
Но, въ чрево прободенъ, на чрево мертвъ упалъ.
Се здѣсь, пробившись самъ, но спасть рабовъ желаетъ,
Бросается и чуть животъ не скончеваетъ;
Се тамъ, отставъ отъ всѣхъ, одинъ стоитъ въ бою,
Но долженъ послѣ жизнь чрезъ стѣны несть свою.
Тотъ воинъ, что Пруссакъ и Турокъ не страшился, —
Въ разсѣяньи сквозь вратъ далече простремился;
Тотъ бранникъ на бояхъ, что Персъ и Шведъ бивалъ,
Измѣнникомъ сраженъ, какъ сельный злакъ увялъ;
Тотъ всадникъ, что въ степяхъ какъ быстрый вихрь носился,
Пущеннымъ на него металломъ обагрился;
Тотъ конникъ, что мечемъ какъ молнія блисталъ,
Усѣченъ во главу, стремглавъ на пыль упалъ.
Тѣ музы кроткія, тѣ музы тиха свойства,
Едва что терпятъ звукъ и истинна геройства,
За честь Минервину съ оружіемъ стоятъ,
Начальника въ кровяхъ поверженнаго зрятъ[16].
Тѣ общества щиты, подпора царска трона,
Непотрясаема твердыни оборона,
Какъ прежде прорекли, и душу и животъ
Слагали съ рвеніемъ за мать своихъ щедротъ.
То вождь несчастнѣйшій, что вѣнчанъ сѣдиною,
Пріаму жалкому подобенъ былъ судьбою.

[16] Начальника въ кровяхъ поверженнаго зрятъ.

Подъ музами Державинъ здѣсь разумѣетъ самого себя, а подъ начальникомъ Бибикова, который погибъ среди кровопролитія («въ кровяхъ»). Въ послѣднихъ стихахъ этого отдѣла поэтъ сравниваетъ его съ Пріамомъ въ томъ смыслѣ, что оба погибли въ борьбѣ за отечество.

Но должно поспѣшать спасти кремлевъ оплотъ.
Гдѣ полчища стеклись вблизи уже воротъ,
Тутъ надобно опять отважиться, мужаться,
Сквозь тысячъ одному, коль можно, пробираться.
Азійцы изъ луковъ пустили тучу стрѣлъ;
Потемкинъ, то не зря, насъ прямо къ онымъ велъ.
Лежалъ въ пути намъ мостъ, тутъ тьмой толпы спирались;
Ударили мы въ нихъ и грудью продирались,
Встрѣчали на штыки, свергали стами въ ровъ;
Но много тутъ и насъ побито отъ враговъ.
У самыхъ вратъ кремля, подъ самыми стѣнами
Покрыта мертвыми земля была тѣлами.
Однако, презря все и ядръ, что сыпалъ, дождь,
Пробился и провелъ сквозь все нашъ храбрый вождь;
Но кажется и тутъ, что стѣны возопили,
Почто и въ крайности, коль живы, отступили.

Какое, Михельсонъ, тутъ звѣрство началось,
Когда все воинство въ засаду вобралось;
Какая Фурія, наполненная злобы,
Пришла терзатъ Казань изъ адскія утробы!
Не зря, тебѣ того нельзя вообразить;
Я, видѣвъ, развѣ тѣнь могу лишь изразить.
Отъ вѣка самаго что̀ злость ни вымышляла,
Въ суровости большой то все здѣсь показала:
Хищеніе богатствъ, грабленіе домовъ,
Руганіе церквей, попранье алтаревъ,
Разбой монастырей, татьба одеждъ священныхъ,
Нещада утварей, престолу посвященныхъ,
Ристаніе на всѣхъ, рыканіе и искъ,
Прекровожаждущій на благородныхъ рыскъ [17].

[17] ... на благородныхъ рыскъ.

Извѣстно, что господствующею чертою Пугачевщины было ожесточенное преслѣдованіе и истребленіе дворянъ. Нынѣ уже забытое слово

Тиранство, варварство, мученьевъ разны роды,
Что въ кровопивствѣ есть въ зазоръ и стыдъ природы,
Убивство, пагуба, терзанье по частямъ, —
Здѣсь все представилось, о Михельсонъ, то намъ!
То все съ несчастными съ высотъ кремля мы зрѣли,
Которы въ кремль войти въ защиту не поспѣли.

. . . .

рыскъ значило: бѣганье, бѣготня. Державинъ употребилъ его однажды и въ прозѣ, въ донесеніи объ ужасахъ Пугачевщины. Ср. у Ломоносова, въ 1-й пѣсни поэмы *Петръ Великій* (т. I, стр. 324):

«Для убіенія не нуженъ былъ въ нихъ искъ:
На сродниковъ моихъ направленъ былъ ихъ рыскъ».

XIV. МОЛИТВА[1].

Кто можетъ, Господи, Твои уставы знать?
Предѣлъ Твоихъ судебъ кто можетъ испытать?
Котора буйна тварь столь въ мысляхъ вознесется,
Что твердость никогда ея не потрясется?
Кто скажетъ мнѣ: богатъ я, знатенъ я, высокъ?
Единъ, всесильный Царь, Ты держишь смертныхъ рокъ;
Ты участи людей какъ коло обращаешь,
Свергаешь долу Ты, Ты вверхъ ихъ восхищаешь;
И небо и земля, и воздухъ и моря,
И сердце и судьбы въ Твоихъ рукахъ, Царя.
Какъ быстры воды Ты въ насъ мысли устремляешь,
Ты брегъ водамъ, конецъ дѣламъ опредѣляешь.
Чего не приходило на сердце и на умъ,
О томъ теперь молва, гласъ, звуки, слава, шумъ;
Которая звѣзда свѣтлѣе всѣхъ блистала,
Незрима та теперь и непримѣтна стала.
Средь лона счастія герой фарсальской брани
Убитъ и, распростря побѣдоносны длани,
Лежитъ въ крови своей отъ искреннихъ своихъ ...
Какъ, Господи, узнать предѣлъ судебъ Твоихъ?
Когда я паче всѣхъ дней жити еще льщуся,

[1] Въ рукописи эти стихи слѣдуютъ за одою *На день рожденія ея величества*, въ той же тетради и писаны той же писарской рукой. Тамъ они безъ заглавія.

То, можетъ быть, въ тотъ мигъ я въ смертный ровъ валюся;
Когда я, думаю, надъ всѣмъ превознесенъ,
То, можетъ быть, стремглавъ летѣть я осужденъ.
Надменный въ гордости, коль мудрствую я паче,
Не для того ль, о томъ раскаяться чтобъ въ плачѣ?
Когда жъ трясусь и зрю, что смерть моя близка, —
Меня Всесильнаго всесильная рука
Изъ тартара, когда не чаю, восхищаетъ.
Твоя власть, Господи, изъ мертвыхъ воскрешаетъ:
Отчаяваться грѣхъ, надежды вѣрной нѣтъ.
Такъ Ты, о Боже мой! и жизнь моя и свѣтъ;
Въ восторгѣ радостномъ и мысли восхищенной
Помощника Тебя я вижу всей вселенной,
На Тя единаго мнѣ должно уповать,
И безъ меня Ты мнѣ возможешь счастье дать.
Начала своего я, ни конца не вижу:
Пекусь коль о себѣ, я тѣмъ Тебя обижу!

XV. НА СТАТУЮ ПЕТРА ВЕЛИКАГО[1].

Се тотъ герой, Орла который просвѣтилъ[a],
Внѣ Солнце, Льва, Луну, — внутрь Гидру побѣдилъ;

[a] ... Орла что свѣтомъ озарилъ,
Кто Солнце, Льва, Луну, кто Гидру усмирилъ;
......, онъ былъ законодатель (1779).

[1] Подобныхъ надписей въ честь Петра I находится нѣсколько у Ломоносова (*Соч.* его, Смирд. изд., т. I, стр. 231) и у Сумарокова (*Соч.* его, Новик. изд., ч. I, стр. 265). Здѣсь должно разумѣть конную статую Петра, съ которою находятся въ связи и два стихотворенія, напечатанныя нами въ I-мъ Томѣ, стр. 29 и 37. Для сооруженія этого памятника вызванъ былъ въ 1766 году французскій скульпторъ и писатель Фалконетъ (род. 1716, ум. 1791). Черезъ три года модель была готова. Гранитный камень, назначенный въ подножіе, привезли изъ Лахты въ 1770 году; къ сожалѣнію, художникъ уменьшилъ его первоначальные размѣры. Голову всадника изваяла пріѣхавшая съ Фалконетомъ дѣвица Колло̀ (Collot). Къ литью статуи приступили въ 1775 году, но тогда это не удалось; окончательно отлита она 4 іюля 1777. Фалконетъ, по нѣкоторымъ непріятностямъ, принужденъ былъ оставить Россію уже въ 1778. Открытіе памятника послѣдовало 7 августа 1782 (И. Бакмейстера *Историческое извѣстіе о изваянномъ конномъ изображеніи Петра В.*, переводъ Н. Карандашова*; ср. Russ. Bibliothek, т. IV, стр. 160). Извѣстная надпись на этомъ монументѣ: *Петру первому Екатерина вторая* принадлежитъ Сумарокову (см. *Соч.* его, ч. I, стр. 269; ср. *Другъ просвѣщенія* за май 1804 г., ч. II, стр. 153).

Второй стихъ ср. со стихомъ надписи Сумарокова (*Соч.* его, ч. I, стр. 268):

«Петръ внутреннихъ враговъ и внѣшнихъ побѣдилъ».

* Питомца академической гимназіи, см. *Матеріалы для біографіи Ломоносова*, собр. Билярскимъ.

Водимъ премудростью, — былъ вождь, законодатель,
Строитель, плаватель, работникъ, обладатель[6].
Екатерина, — Россъ чтобъ зря благоговѣлъ, —
Воздвигла зракъ его. Ея сей образъ дѣлъ.

[6] Екатерина здѣсь, — чтобъ Россъ благоговѣлъ, —
Воздвигла зракъ Петровъ; се образъ ея дѣлъ.

Солнце означаетъ Персію, *Левъ* — Швецію, *Луна* — Турцію; *Гидра* — революцію (ср. Томъ I, стр. 645, и Томъ II, стр. 346).

Настоящіе стихи Державина напечатаны въ *С-петерб. Вѣстникѣ* 1779 г., ч. III, стр. 108.

Изъ рукописи 1776 года заимствуемъ первоначальную, довольно любопытную редакцію измѣненныхъ впослѣдствіи стиховъ этой надписи (начиная съ 3-го стиха):

Темису посадилъ средь августѣйша трона;
Намѣстникъ Марса былъ, Нептуна, Аполлона;
Минервою водимъ, учившися училъ;
Подъемля рабій зракъ, — подвластвуя, царилъ;
Пресѣкъ самъ ропотъ тѣхъ, что санъ даетъ природа,
Великостью своей что былъ монархъ народа.
Отечества отецъ, во множествѣ чудесъ,
Собой себя, сей градъ, страну сію вознесъ.
Безсмертіе дала дѣламъ его судьбина,
А видъ сей въ вѣчный знакъ взнесла Екатерина,
Предбудущій чтобъ міръ, благоговѣя, зрѣлъ.
Се Петръ, речетъ она: се образъ моихъ дѣлъ.

XVI. НА ИЗОБРАЖЕНІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО[1].

Кого блистающа я вижу средь лучей[a]?
Не Марсъ ли, Аполлонъ, Эрмій, иль богъ морей?
Ликурга ль образъ сей, Алкида ль представляетъ? —
Великаго Петра, — мнѣ Клія отвѣчаетъ.

[a] Се кое божество блистаетъ средь лучей?
Кто — Марсъ иль Аполлонъ, Эрмій иль богъ морей? (1779).

[1] Въ рукописи 1776 года заглавіе этой надписи: *На ту же статую*; тамъ первые два стиха записаны такъ:

Который это богъ? божественъ видъ сей чей?
Кто — Марсъ иль Аполлонъ? иль это богъ морей?

Напеч. въ *С-петерб. Вѣстникѣ* 1779, ч. III, стр. 108.

XVII. НА ТАКОЕ ЖЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ[1].

Богъ рѣдко, чудеса творя,
Подобныхъ въ свѣтъ мужей являетъ;
Создавъ Великаго Петра,
Понынѣ отдыхаетъ.

[1] Время сочиненія этой надписи въ точности неизвѣстно; она помѣщается здѣсь по связи ея съ предыдущею.

XVIII. НА ГРОБЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО[1].

Священный прахъ Петровъ въ семъ гробѣ почиваетъ.
Надъ онымъ Ангелъ[a] тотъ крылами помаваетъ,
Который тронъ его, сей градъ его хранитъ.
Благоговѣй, монархъ! здѣсь твой учитель спитъ.

[a] ... Геній тотъ ... (1779).

[1] Напечатано въ *С-петерб. Вѣстникѣ* 1779 г., ч. III, стр. 108.

XIX. НА БОЛТУНА[1].

1775.

Не спитъ, не ѣстъ, не пьетъ, и день и ночь хлопочетъ,
Ворчитъ, шумитъ, кричитъ, — казаться умнымъ[a] хочетъ;
Нѣтъ дѣла ни на грошъ, — но велерѣчивъ онъ.
Свинцовый колоколъ даетъ такой же звонъ.

[a] ... дѣльнымъ ... (Рукоп. 1790-хъ годовъ).

[1] Первоначальная, почти точно такая же редакція найдена нами на черновомъ листѣ, относящемся къ 70-мъ годамъ. Годъ сочиненія означенъ на одномъ изъ списковъ. Эта эпиграмма печатается здѣсь въ первый разъ (по рукописи *Часть VII*).

XX. НА ОТКРЫТІЕ НАМѢСТНИЧЕСТВЪ[1].

1776.

Начто[a] намѣстники тебѣ всякъ ставятъ тронъ?
Престолъ тебѣ весь міръ чрезъ мудрый твой законъ.
Почто тебѣ они возносятъ обелиски?
Въ сердцахъ твой обелискъ превысилъ всѣ мемфисски[2];
Безъ храмовъ, безъ статуй, сквозь тьму грядущихъ вѣковъ
Вселенна обожать мать будетъ человѣковъ.

[a] Почто ...

[1] Вслѣдствіе учрежденія о губерніяхъ, изданнаго 7 ноября 1775 года.

Первый стихъ должно разумѣть такъ: Зачѣмъ каждый изъ намѣстниковъ ставитъ тебѣ тронъ? Ср. Томъ I, стр. 249, стихи оды *На Счастіе*:

«На пышныхъ карточныхъ престолахъ Сидятъ мишурные цари»
и примѣчаніе къ нимъ.

Напеч. въ *С-петерб. Вѣстникѣ* 1779, ч. III, стр. 112.

[2] Въ сердцахъ твой обелискъ превысилъ всѣ мемфисски.

Окрестности древняго египетскаго города Мемфиса (близъ нынѣшняго Каира) богаты были собственно не обелисками, а пирамидами. Ср. выше, стр. 305, два стиха въ 10-й строфѣ оды *На день рожденія ея величества*.

XXI. НА ИЗОБРАЖЕНІЕ ѲЕОФАНА[1].

Россійской церкви столпъ, совѣта мудрый мужъ[a],
Философъ, богословъ, историкъ, пастырь душъ.
Витійствомъ словъ его доднесь Россія блещетъ;
Петровымъ похваламъ вселенна совосплещетъ.

[a] Се церкви іерархъ, синклита мужъ избранъ,
Философъ, богословъ, историкъ Ѳеофанъ (1779).

[1] Эта и слѣдующія четыре надписи (XXII, XXIII, XXIV и XXV) написаны по поводу вызова, напечатаннаго въ предисловіи къ *С-петербургскимъ Ученымъ Вѣдомостямъ* 1777 года: издатели приглашали желающихъ сочинить и доставить къ нимъ надписи къ портретамъ Ѳеофана Прокоповича, Кантемира, Поповскаго, Лосенкова и Чемесова *. Державинъ былъ въ числѣ лицъ, принявшихъ вызовъ: въ *С-петерб. Вѣстникѣ* 1779 г., ч. IV, стр. 113, напечатаны пять его надписей точно въ такомъ порядкѣ, и онѣ же встрѣчаются, съ измѣненіями и сокращеніями, въ позднѣйшихъ его рукописяхъ.

Эта надпись напечатана въ томъ же видѣ, какъ въ нашемъ текстѣ, въ *Словарѣ древней и новой поэзіи*, Остолопова, ч. II, стр. 207.

Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ новгородскій и первенствующій членъ св. синода, род. 1681 г., скончался 1736.

* «Сверхъ сего мы будемъ иногда вносить въ наши *Вѣдомости* мелкія стихотворенія, которыя болѣе согласны будутъ съ нашимъ намѣреніемъ. Да и пригласили бы мы господъ россійскихъ стихотворцевъ къ сочиненію Надписей къ личнымъ изображеніямъ россійскихъ ученыхъ мужей и писателей, если бы не опасались мы ихъ тѣмъ отвлечь отъ важнѣйшихъ трудовъ. Но ежели бы захотѣлось имъ оказать намъ учтивость исполненіемъ нашея просьбы, то предложили бы слѣдующее упражненіе: сочинить надписи *Ѳеофану Прокоповичу, К. Антіоху Кантемиру, Николаю Никитичу Поповскому*, въ наукахъ прославившимся мужамъ; *Антону Павловичу Лосенкову* и *Евграфу Петровичу Чемесову*, въ художествахъ отличнымъ мужамъ. Сего на первый случай было бы довольно». Объ этомъ вызовѣ упомянулъ г. Лонгиновъ въ *Русск. Архивѣ* 1864 г., вып. 11 и 12, ст. 1253.

XXII. НА КАНТЕМИРА[1].

Старинный[a] слогъ его достоинствъ не умалитъ.
Порокъ! не подходи: сей взоръ тебя ужалитъ

[a] Нечистый … (1791).

[1] Эта надпись была помѣщена, почти въ такомъ точно видѣ (см. варіантъ), въ *Московскомъ журналѣ* за іюнь 1791 г., ч. II, стр. 221, подъ заглавіемъ: *Надпись къ портрету князя Кантемира.* Въ *Спб. Вѣстникѣ* были передъ этими двумя стихами еще два:

Се равный остротой Боалу Кантемиръ;
Министръ и первый нашъ онъ былъ творецъ сатиръ.

Впослѣдствіи эта надпись напечатана въ *Памятн. отеч. музъ* на 1827 г., стр. 45, и оттуда перешла во всѣ посмертныя изданія Державина.

Ей подражалъ Гнѣдичъ въ первомъ стихѣ своей *Надписи къ гробу Кантемира* (*Стихотворенія* Н. Гнѣдича, Спб. 1832, стр. 204):

«Порочный, не смѣй подходить къ сей гробницѣ:
Твой бичъ, Кантемиръ здѣсь лежитъ.
Ты жъ, добрый, къ могилѣ приникни спокойно
И, если захочешь, усни.

Князь Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ, бывшій русскимъ резидентомъ въ Лондонѣ, а потомъ чрезвычайнымъ посломъ въ Парижѣ, род. 1708, ум. 1744 г.

XXIII. НА ПОПОВСКАГО[1].

Піитъ и философъ, и Локкъ и Попе россій,
Въ чертахъ сего лица изображенъ Поповскій.

[1] Первоначальная редакція этой надписи въ *Спб. Вѣстникѣ* была слѣдующая:

Горацій, Попе, Локкъ прославилися въ чемъ,
Онъ мысль ихъ начерталъ природнымъ языкомъ,
Прославился и былъ піитъ, философъ россій:
Се взоромъ и умомъ изображенъ Поповскій!

Николай Никитичъ Поповскій, ученикъ Ломоносова и одинъ изъ профессоровъ московскаго университета при его учрежденіи, извѣстенъ особенно своими переводами: 1) Опыта о человѣкѣ, Попе; 2) Посланія Горація къ Пизонамъ о стихотворствѣ, и 3) Локковой книги о воспитаніи. Умеръ 1760 г. тридцати лѣтъ отъ роду.

XXIV. НА ЛОСЕНКОВА[1].

Талантъ, духъ творческій въ чертахъ его являетъ:
И въ Россахъ можетъ быть Апеллесъ, — предвѣщаетъ.

[1] Въ *Спб. Вѣстникѣ* передъ этими двумя стихами были еще два:
Лосенкова сего не ўмретъ мастерство:
Безсмертіе онъ влить могъ въ тлѣнно вещество.
Сверхъ того въ концѣ надписи стояло *представляетъ* вмѣсто *предвѣщаетъ*.

Антонъ Павловичъ Лосенко, истинный основатель русской школы живописи, родился въ Малороссіи. По возвращеніи изъ-за границы въ 1770 году, онъ получилъ званіе профессора академіи художествъ, а потомъ былъ короткое время директоромъ ея. Умеръ 1773 (А. Андреева *Живопись и живописцы* и проч. Спб. 1857 г.). Онъ былъ похороненъ въ Смольномъ монастырѣ близъ нынѣшней церкви, гдѣ покойный граверъ Н. И. Уткинъ (какъ мы слышали отъ него) видѣлъ плиту съ именемъ Лосенко. Наводненіе 1824 года смыло слѣды этой гробницы.

XXV. НА ЧЕМЕСОВА[1].

Пріятности души и сердца онъ являлъ:
О добродѣтели! онъ васъ изображалъ.

[1] Въ *Спб. Вѣстникѣ* эти два стиха стояли послѣ двухъ слѣдующихъ:
Рачитель Чемесовъ художествъ былъ свободныхъ,
Художникъ первый онъ изъ Россовъ благородныхъ.

Евграфъ Петровичъ Чемесовъ (род. около 1737, ум. 1765), превосходный граверъ, былъ академикомъ и оставилъ нѣсколько замѣчательныхъ эстамповъ; разсказываютъ, что онъ самоучкою дошелъ до изумительнаго искусства въ рисованіи перомъ. У покойнаго Уткина видѣли мы портретъ Чемесова, имъ самимъ гравированный. Онъ былъ ученикъ Шмидта (G. Fr. Schmidt), гравировавшаго портретъ Елисаветы Петровны во весь ростъ. Есть и грудной портретъ ея, рѣзанный на мѣди Чемесовымъ. Онъ же гравировалъ портретъ Екатерины II, подъ которымъ подписаны стихи Дашковой (см. *Словарь* Евгенія). Любопытно было бы знать, на чемъ основано показаніе Блума въ біографіи Сиверса, будто бы Чемесовъ несправедливо подписалъ свое имя на нѣкоторыхъ доскахъ Шмидта, оставленныхъ послѣднимъ въ Россіи при выѣздѣ отсюда (Ein russischer Staatsmann, примѣчаніе о приложенныхъ портретахъ въ концѣ тома IV). Очеркъ біографіи Чемесова, составл. П. Н. Петровымъ, см. въ *Библ. для Чтенія* за апрѣль 1860 г.

Державинъ, по прибытіи изъ Казани на службу въ Петербургъ, познакомился съ Чемесовымъ и былъ обласканъ имъ (*Зап.* Держ. *Р. Б.*, стр. 17).

XXVI. ПѢСНЬ ЕКАТЕРИНѢ ВЕЛИКОЙ[1].

1779.

Увеселяя всюды взоры 1.
Въ благополучьи вашихъ дней,
Составьте, Россы, громки хоры
Царицѣ, матери своей.

Хоръ. Она народомъ обоженна,
Она монархами почтенна;
Неситесь, гласы, до небесъ,
Екатерининыхъ чудесъ!

Изъ тмы Россію восхищати — 2.
Петра Великаго труды;
Россію солнцемъ освѣщати —
Екатеринины плоды.

Хоръ. Она народомъ обоженна *и проч.*

Гдѣ только взоръ она являетъ, 3.
Чертогъ тамъ слава зиждетъ свой;
Вездѣ величество сіяетъ,
Вездѣ съ ней царь или герой.

Хоръ. Она народомъ обоженна *и проч.*

[1] Замѣчателенъ эпитетъ, данный въ заглавіи императрицѣ. Эта пѣснь, въ одной старой рукописи поэта, помѣщена вслѣдъ за двумя пѣснями Петру Великому (см. Томъ I, стр. 29 и 37) и вѣроятно написана въ подражаніе имъ. Напечатана, безъ имени автора, въ *Академическихъ Извѣстіяхъ* за февраль 1779 года (стр. 174), почему мы и относимъ ее къ этому году.

Когда прохладный сонъ лелѣетъ 4.
Полсвѣта подъ ея рукой,
Она покою не имѣетъ,
Но бдитъ, ему дая покой.

Хоръ. Она народомъ обоженна *и проч.*

Встаютъ изъ пепла ея грады, 5.
Текутъ сквозь сушу волны рѣкъ,
Цвѣтутъ въ пустыняхъ вертограды,
Воскресъ изъ мертвыхъ человѣкъ[2]!

Хоръ. Она народомъ обоженна *и проч.*

Она законы возвѣстила 6.
Порокъ со жалостью карать,
И судъ и милость совмѣстила:
Она всѣхъ человѣковъ мать.

Хоръ. Она народомъ обоженна *и проч.*

Сыны отечества и дщери 7.
Призрѣнны ею въ юныхъ дняхъ,
Торгамъ отверзты ею двери
Въ чужой и свой архипелагъ.

Хоръ. Она народомъ обоженна *и проч.*

Она науки ободряетъ, 8.
Героевъ производитъ въ свѣтъ;
Таланты, нивы удобряетъ,
Заслугамъ должну мзду даетъ.

Хоръ. Она народомъ обоженна *и проч.*

[2] «Чрезъ сіе разумѣется избавленіе отъ смертоносной воспы и спасеніе сирыхъ младенцевъ» (Д.), — оспопрививаніе и учрежденіе Воспитательныхъ домовъ (ср. Томъ I, стр. 287 и 290).

Чтобъ козни злобы усмирѣли, 9.
Едва блеснула лишь мечемъ,
Эвксинъ, Дунай, Чесма взревѣли,
Въ востокъ и полдень грянулъ громъ.

Хоръ. Она народомъ обоженна *и проч.*

Врагамъ самимъ великодушна, 10.
Судья царей, престоловъ честь;
Европа въ бурѣ ей послушна;
Рекла: да будетъ миръ, — и есть!

Хоръ. Она народомъ обоженна *и проч.*

Царица Савская[3] въ почтеньѣ 11.
Взирала Соломоновъ тронъ;
Владычицы сердецъ реченье
Почтилъ самъ норда Соломонъ[4].

Хоръ. Она народомъ обоженна *и проч.*

Благотворительница міра, 12.
Ея въ томъ слава и краса,
Чтобъ зрѣлась всѣмъ ея порфира,
Какъ полны радугъ небеса.

Хоръ. Она народомъ обоженна *и проч.*

Цари предъ ней благоговѣютъ, — 13.
Какая здѣсь ея хвала?
Пиндарны громы онѣмѣютъ,
Ея гдѣ имя и дѣла.

Хоръ. Она народомъ обоженна,
Она монархами почтенна;
Неситесь, гласы, до небесъ,
Екатерининыхъ чудесъ.

[3] О царицѣ Савской см. выше стр. 195 и 226.
[4] «Король Прусскій Фридрихъ II». Д.

XXVII. КЪ ПОРТРЕТУ ЛОМОНОСОВА[1].

Се Пиндаръ, Цицеронъ, Виргилій, — слава Россовъ[а],
Неподражаемый, безсмертный Ломоносовъ.
Въ восторгахъ онъ своихъ гдѣ лишь черкнулъ перомъ,
Отъ пламенныхъ картинъ понынѣ слышенъ громъ[б].

[а] Виргилій, Цицеронъ и Пиндаръ звучный Россовъ,
Неподражаемый здѣсь зрится Ломоносовъ (1779).
[б] Среди пріятностей тамъ весь парнасскій громъ.

[1] Въ одной рукописи эта надпись положительно отнесена къ 1779 году: она тогда же была и напечатана въ *С-петерб. Вѣстникѣ*, ч. III, стр. 114, вслѣдъ за надписями 1777-го года (см. выше стр. 331). Поводомъ къ составленію ея могло быть изданіе въ 1778 г. Дамаскинымъ сочиненій Ломоносова съ его портретомъ.

XXVIII. ПРИ ЧТЕНІИ ОПИСАНІЯ ЗИМЫ ВЪ РОССІЯДѢ
ВО ВРЕМЯ ЖЕСТОКАГО МОРОЗУ 1779 ГОДА[1].

Останови свою, Херасковъ, кисть ты льдяну:
Ужъ отъ твоей зимы
Всѣ содрогаемъ мы[а].
Стой, стой! я весь замерзъ — и вмигъ дышать престану.

[а] Безъ памяти всѣ мы (Черновая рукоп.).

[1] Въ рукописяхъ означенъ въ заглавіи этой эпиграммы 1777-й годъ; но такъ какъ *Россіяда* была издана не прежде 1779, то мы и поправили

ошибку, принявъ, что стихи эти написаны при первомъ чтеніи поэмы. Они являются только въ позднѣйшихъ рукописяхъ Державина, и если предположить, что онъ выставилъ годъ на память, то легко объяснить такую неточность.

Описаніе зимы, которое разумѣлъ поэтъ, находится въ началѣ 12-й пѣсни *Россіяды*.

Вслѣдъ за этою эпиграммой въ рукописяхъ его помѣщена другая подъ заглавіемъ: *Суждение о Россіядѣ автора и критика.* По мѣсту, гдѣ она въ первый разъ встрѣчается, есть основаніе думать, что Державинъ написалъ ее уже въ 1800-хъ годахъ; но такъ какъ это только наше предположеніе, то мы, по связи съ предыдущими стихами, печатаемъ ее здѣсь. Въ примѣчаніи такъ объяснено ея происхожденіе:

«Пріятель творца Россіяды, увидѣвъ ее у одного знакомаго, хвалилъ, уподобляя чистой *рѣкѣ*; но тотъ показалъ ему сорокъ мѣстъ, гдѣ упоминается *тростникъ*». Вотъ самая эпиграмма:

Авторъ.

На Россіяду я гляжу, какъ на рѣку:
Въ ней много чистыхъ водъ *.

Критикъ.

Не нѣтъ и тростнику!

Весьма замѣчателенъ фактъ, что Державинъ писалъ на Хераскова эпиграммы въ такое время, когда послѣдній слылъ однимъ изъ образцовыхъ писателей, особенно въ эпосѣ; Державинъ же самъ воспѣлъ его въ *Ключѣ*. Въ позднѣйшихъ рукописяхъ его есть еще слѣдующій, сюда же относящійся отрывокъ подъ заглавіемъ: *Зима, 1799 года:*

Дай, Херасковъ, кисть мнѣ льдяну,
Чтобы зиму описать,
Ту Исмена ** силу хладну,
Чтобы пламень застужать;
Дай его мнѣ волхвованье,
Да отверзу вьюгъ чертогъ,
Чтобы чтущихъ *** кровь, дыханье
Замороживать я могъ.

* Въ другой рукописи: Въ ней бездна чистыхъ водъ.
** Въ *Россіядѣ* Зимѣ служитъ чародѣй Нигринъ, а не Исменъ.
*** т. е. читающихъ.

XXIX. ПИСЬМО КЪ СУПРУГУ ВЪ НОВЫЙ 1780 ГОДЪ[1].

Двѣнадцать почти лѣтъ, дражайшій мой супругъ,
Какъ страстнымъ пламенемъ къ тебѣ возжженъ мой духъ, —
Двѣнадцать почти лѣтъ, какъ я тобой плѣненна.
И всякій день и часъ въ тебя я вновь влюбленна;
Но что я говорю — двѣнадцать только лѣтъ?
Не съ самыхъ ли тѣхъ поръ, какъ я узнала свѣтъ,
Не съ самыхъ ли пеленъ, со дня какъ я родилась,
Въ супруги я тебѣ судьбой опредѣлилась?
Конечно, это такъ! Едва я стала жить,
Ужъ мнѣ назначено тебя было любить;
Лишь чувства нѣжныя развертываться стали,
Желанія мои лишь счастія взалкали,
Ужъ нѣкій тайный гласъ въ груди моей вѣщалъ,

[1] Это посланіе отъ имени дамы сохранилось въ единственномъ, отдѣльномъ и современномъ сочиненію, спискѣ руки самого Державина, съ поправками его же почерка. О назначеніи стиховъ этихъ можно догадываться по одному мѣсту *Записокъ* его (*Р. Б.*, стр. 124). Говоря о своихъ близкихъ отношеніяхъ къ дому начальника своего, генералъ-прокурора князя Вяземскаго (по службѣ въ сенатѣ съ 1777 г.), Державинъ такъ выражается о себѣ: «Словомъ, онъ былъ нѣкотораго рода любимцемъ сего весьма уважаемаго дома ... Для княгини писалъ стихи похвальные въ честь ея супруга, хотя на счетъ ея страсти и привязанности къ нему не весьма справедливые, ибо они знали модное искусство давать другъ другу свободу». Князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій (род. 1727, ум. 1793) почти во все царствованіе Екатерины II, около 30-и лѣтъ, завѣдывалъ важнѣйшими внутренними дѣлами. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Еленѣ Никитишнѣ Трубецкой (род. 1745, ум. 1832). По первымъ стихамъ посланія выходитъ, что они вступили въ бракъ въ 1768 году, когда ему былъ 41, а ей 23 года.

Любовникомъ тебя, супругомъ называлъ!
Не знала я тебя, но я тебя искала;
Не зрѣла я тебя, но зрѣть тебя желала.
Вообразя красы вселенныя мечтой,
Творила изъ красотъ я милый образъ твой
И, будучи всегда ужъ онымъ наполненна,
Не вѣдавши тебя, была въ тебя влюбленна.
Средь пышностей двора, среди его богатствъ,
Средь прелестей его, среди его пріятствъ,
Средь множества мущинъ прекрасныхъ, знаменитныхъ,
Цвѣтущихъ младостью, умами отмѣнитыхъ,
При счастьи моего и знатности отца,
Блистаючи вездѣ и побѣждаючи сердца[2],
При случаяхъ, какъ все, мнѣ все любовь вдыхало,
Душѣ моей тебя, тебя не доставало.
Никто не силенъ былъ то сердце побѣдить,
Которое тебя готовилось любить.
Ни чьи достоинства, къ плѣненію удобны,
Съ супругомъ мысленнымъ мнѣ не были подобны.
Предсталъ лишь только ты, — какъ нѣкій сильный богъ,
Единымъ взглядомъ мнѣ ты чувства всѣ возжогъ!
Супруга моего, котораго искала,
Въ рѣчахъ твоихъ, въ чертахъ, въ поступкахъ я узнала,
И сердце нѣжное сказало: «это онъ!»
Разсудокъ не велѣлъ пріять любви законъ:
Не воспротивилась всесильной я судьбинѣ.
Ты руку мою взялъ, ты любишь мя донынѣ!
О, коль я счастлива, любезный мой, тобой!
Завиденъ всѣмъ женамъ, я мышлю, жребій мой!
Къ тебѣ единому любовію возжженна,
Къ единому тебѣ всѣмъ чувствомъ прилѣпленна,

[2] Семистопный стихъ.

Въ улыбкѣ, въ радости, въ восторгахъ, внѣ себя,
Не насыщаючись смотрѣньемъ на тебя,
Я мышлю иногда, возлѣ тебя сѣдяща,
Весь разумъ мой къ тебѣ, всю душу устремяща:
Ахъ! еслибъ не было угодно то судьбѣ,
Чтобъ сопряженной быть на вѣчность мнѣ тебѣ;
Когда бы счастіе тебя не украшало
И блеску титлами тебѣ не пріобщало;
Когда бы въ участи ты самой низкой былъ,
Въ непроницательномъ когда бъ ты мракѣ жилъ,
А я бы, зрѣвъ тебя, твое бы сердце знала,
Къ другому бъ, не къ тебѣ, любовію сгарала,
Не знала бъ истинныхъ достоинствъ оцѣнить,
Не добродѣтель бы должна была любить, —
Какого бъ счастія на свѣтѣ я лишилась!
Въ порочной пышности презрѣнна бъ находилась!
А ты, всѣхъ благъ моихъ и радостей творецъ,
Супругъ дражайшій мой, любовникъ, другъ, отецъ...
О! соберитесь всѣ вы, имена священны:
Въ одно названіе вы мной совокупленны,
Да страсти я моей, любви моей равно,
Изъ всѣхъ ему имянъ содѣлаю одно:
Любезный мой супругъ! ... ты знаешь то конечно
Какъ любятъ матери дѣтей своихъ сердечно;
Чего жъ въ сей новый годъ я пожелаю имъ?
Да могутъ слѣдовать ввѣкъ по стезямъ твоимъ!
Какого блага имъ хощу, да наградятся?
Лишь въ добродѣтели умѣютъ пусть влюбляться.
Въ сѣдой коль старости въ нихъ[3] выше человѣкъ:
Укрась еще ты свой, укрась ты ими вѣкъ!

[3] *въ нихъ*, т. е. въ добродѣтеляхъ.

XXX. НА ЗАГОРОДНЫЙ ДОМЪ СЕНАТОРА НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ЧИЧЕРИНА[1].

1780.

Поставленъ домикъ сей суетъ во избѣжанье
Тебѣ, совѣта мужъ, въ спокойство по трудамъ.
Кто любитъ истину, честь, разумъ, прилежанье, —
Симъ добродѣтелямъ воздвигнутъ этотъ храмъ.

[1] Чичеринъ съ 1764 по 7 дек. 1777 г. занималъ должность генералъ-полицiймейстера; ум. въ чинѣ генералъ-аншефа 1782 г.

XXXI. НА УВЕСЕЛИТЕЛЬНЫЙ САДЪ,
НАЗВАННЫЙ „КАПРИЗОМЪ",
КНЯГИНИ ЕЛЕНЫ НИКИТИШНЫ ВЯЗЕМСКОЙ,
ВЪ СЕЛѢ АЛЕКСАНДРОВСКОМЪ[1].

1783.

Капризомъ названъ садъ, въ который ты идешь;
Но странности ты въ семъ названьи не найдешь.
Природой были здѣсь мѣста пренебреженны,
Искусствомъ и трудомъ теперя[а] украшенны.
Здѣсь, видишь, лугъ цвѣтетъ, здѣсь льется водный токъ,
Изъ блата поднялись здѣсь рощи, холмы, горы;
Чѣмъ если ты свои утѣшишь духъ и взоры, —
«И самонравiе», скажи: «не есть порокъ[б]».

[а] ... суть нынѣ ... (Рукопись 1790-хъ гг.).
[б] Признайся, что капризъ не есть всегда порокъ.

[1] Служа въ сенатѣ, Державинъ былъ первое время домашнимъ человѣкомъ въ семействѣ своего начальника, князя Вяземскаго (ср. выше стр. 339), съ которымъ онъ послѣ былъ въ непрiязненныхъ отношенiяхъ.

Дача Вяземскихъ находилась на берегу Невы, на мѣстѣ учрежденной впослѣдствiи *Александровской* мануфактуры, въ бывшемъ Софiйскомъ уѣздѣ, на 11-ой верстѣ отъ Петербурга, по Шлюссельбургской дорогѣ. Здѣсь было цѣлое село изъ каменныхъ домовъ, расположенное по обѣ стороны дороги, съ красивою церковью, съ хорошо построенными сахарнымъ и кожевеннымъ заводами, съ трехъ-этажнымъ господскимъ домомъ, имѣвшимъ громовой отводъ. При величественномъ англiйскомъ садѣ была еще особая мыза, состоявшая изъ нѣсколькихъ домовъ. По словамъ Шторха, самое мѣсто было живописно, а строенiя придавали виду еще болѣе красоты (Gemählde von St. Petersburg, т. I, стр. 102; ср. *Географическiй Словарь* Щекатова, ч. I, стр. 104).

XXXII. ЖЕЛАНІЕ ЗИМЫ.

ЕГО МИЛОСТИ РАЗЖАЛОВАННОМУ ОТСТАВНОМУ СЕРЖАНТУ, ДВОРЯНСКОЙ ДУМЫ КОПІИСТУ, АРХИВАРІУСУ БЕЗЪ АРХИВА, УПРАВИТЕЛЮ БЕЗЪ ИМѢНІЯ И СТИХОТВОРЦУ БЕЗЪ ВКУСА [1].

На кабакѣ, Борея 1.
Эолъ ударилъ въ нюни *;
Отъ вяхи ** той блѣднѣя,
Борей вино и слюни [a]
Изъ глотки источилъ,
Всю землю замочилъ.

[a] Богъ хлада слякоть, слюни (Позднѣйшая поправка).

[1] Имя лица, которому посвящена эта шуточная пьеса, приведено въ 6-мъ ея куплетѣ. Однодворецъ или мѣщанинъ Петръ Михайловичъ Захарьинъ сдѣлался извѣстенъ Державину въ 1786 г., въ Тамбовѣ, когда послѣдній жилъ тамъ въ качествѣ губернатора и открывалъ народное училище. При этомъ случаѣ Захарьинъ произнесъ публично, на улицѣ, сочиненную Державинымъ рѣчь, которая была приписана самому оратору и надѣлала много шуму, даже въ Петербургѣ, куда Захарьинъ послѣ былъ вытребованъ по повелѣнію императрицы и гдѣ возбудилъ много о себѣ толковъ (о чемъ см. въ перепискѣ Державина письмо къ нему Н. А. Львова отъ 1-го ноября 1786 года). Самая рѣчь будетъ помѣщена нами между сочиненіями Державина въ прозѣ (ср. *Записки* его, *Р. Б.*, стр. 269 и слѣдд.).

Въ позднѣйшее время къ заглавію настоящей пѣсни сдѣлано поэтомъ слѣдующее примѣчаніе: «Сей однодворецъ, къ которому сія ода писана, имѣлъ природныя большія способности къ сочиненію романовъ, что̀ доказываетъ повѣсть его объ Арфаксадѣ, въ стихотвореніяхъ же не было вкуса, но непреодолимою побѣжденъ страстію къ пьянству, отъ которой

* *Нюни* — губы (Област. словарь); обвислыя, слюнявыя губы (Словарь Даля).

** *Вяха* — вѣсть; чудо, небывалый случай (Обл. сл.).

И зря[6] ту Осень шутку[2], 2.
Ихъ въ правду драться нудитъ,
Дастъ вина по кубку[8]
И дождь рѣками прудитъ,
Плеща имъ въ рожи грязь,
Какъ дуракамъ смѣясь.

Въ убранствѣ козырбацкомъ[3], 3.
Со ямщикомъ-нахаломъ,
На иноходцѣ хватскомъ,
Подъ бѣлымъ покрываломъ —
Бореева кума —
Катитъ въ саняхъ Зима.

Кати, кума драгая, 4.
Въ шубеночкѣ атласной,
Чтобъ Осень, баба злая,
На Астраханскій Красный
Не шлендала[4] кабакъ
И не кутила дракъ.

[6] Узря . . .

[8] Поднявъ предъ нами юбку,
Дожди, какъ рѣки, прудитъ.

былъ удерживаемъ разными средствами сочинителемъ сей оды; но какъ ничто не успѣло, то въ шутку надъ нимъ и написана сія площадная пьеса».

Объ упоминаемомъ здѣсь романѣ *Арфаксадъ* можно найти цѣлый рядъ библіографическихъ замѣтокъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1859 года № 190 и слѣдд. О самомъ же Захарьинѣ и отношеніяхъ его къ Державину см. біографію поэта, также *Отечеств. Записки* 1823 г., ч. XIII, стр. 80—98). Адмиралъ Н. С. Мордвиновъ, бывъ назначенъ начальникомъ черноморскаго флота, взялъ Захарьина съ собою въ южную Россію изъ Москвы, гдѣ онъ нарочно отыскалъ его по прочтеніи *Арфаксада*. Однодворецъ-писатель умеръ въ Николаевѣ въ 1798 г. (или въ 1800, какъ показываетъ Шторхъ въ *Систематическомъ обозрѣніи литературы въ Россіи*).

[2] т. е. И Осень, зря ту шутку.

[3] *Козырбацкій*; этого слова нѣтъ въ словаряхъ; оно вѣроятно сродни слову *козыриться*, молодечествовать, храбриться (Словарь Даля).

[4] *Шлендать* (въ Обл. Сл. *шляндать*) тихо ходить; бродить по грязи.

Кати къ намъ, бѣлолика, 5.
Кати, Зима младая,
И, льстя сѣдаго трыка[4]
И страсть къ нему являя,
Эола усмири,
Съ Бореемъ помири.

Спѣши, и нашу музу, 6.
Кабацкую пѣвицу,
Наполнь хмѣльнаго грузу,
Наладь ея скрипицу! —
Строй пуншъ твоей рукой,
Захарьинъ! пей и пой.

Пой, только не стихеры[5], 7.
И будь лишь въ стойкѣ дивенъ,
На разныя манеры
Ори ширень да виренъ[6],
Да листъ, братцы, трава …
О пьяна голова!

«Астраханскій Красный кабакъ» — вѣроятно, названіе такого заведенія въ Тамбовѣ, который лежитъ на астраханскомъ трактѣ.

5 *Трыкъ* — модникъ, вѣтреникъ (Обл. Сл.).

6 «Покушался-было онъ сочинять стихеры и перелагать въ стихи псальмы; но Гавріилъ, митрополитъ санктпетербургскій и новгородскій, не опробовалъ оныя». Д. (О Гавріилѣ см. ниже стр. 349). Слово *стойка*, употребленное въ слѣдующемъ стихѣ, можетъ конечно имѣть здѣсь только значеніе отгородки, устроенной въ питейныхъ домахъ для продажи напитковъ (Словарь церк.-слав. и русск. яз.).

7 Это слово есть и въ прозаическомъ эскизѣ *Видѣнія Мурзы*, гдѣ сказано: «Иногда шатался я какъ стѣнь въ туфляхъ и колпакѣ цѣлый день по моимъ покоямъ, а случалось, по улицамъ, и пѣлъ *ширень да виренъ*». Эти два слова означаютъ, какъ кажется, пѣніе пьянаго (см. *Объясненія* Державина въ нашемъ изданіи; ср. Томъ I, стр. 168).

XXXIII. НА МРАМОРНУЮ КОЛОННУ, ВЪ КРАСНОЙ МЫЗѢ НАРЫШКИНЫХЪ,

КОТОРУЮ БЕЗЪ ВѢДОМА ХОЗЯЕВЪ ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II ВЪ САДУ ИХЪ ПОСТАВИТЬ ПРИКАЗАЛА[1].

1788.

Сей
Свыше даръ
и
Нашей радости
Предметъ неизреченный!

[1] Здѣсь особенно любопытенъ фактъ, на который указываетъ заглавіе. Владѣтельница мызы, Анна Никитишна Нарышкина, урожденная княжна Трубецкая, старшая сестра княгини Вяземской (см. выше стр. 339), была давно въ короткой пріязни съ императрицей. Супругъ ея былъ оберъ-шенкъ Александръ Александровичъ Нарышкинъ (род. 1726, ум. 1795), старшій братъ болѣе извѣстнаго Льва Александровича. Ихъ дача, *Красная мыза*, была по петергофской дорогѣ, на 4-ой верстѣ отъ Петербурга: по лѣвую сторону дороги былъ деревянный домъ съ деревнею, построенною въ голландскомъ вкусѣ; по правую же сторону тянулся почти на версту, до самаго взморья, англійскій паркъ съ островами, бесѣдками, круглымъ храмомъ, качелями, кеглями и т. п.; на каналахъ были плоты, гондолы, и плавали лебеди. Сюда по воскресеньямъ сбиралась на гулянье многочисленная публика, для которой играла музыка. Эта дача извѣстна была также подъ оригинальнымъ названіемъ *Ба! ба!*, какъ лежавшая въ двухъ верстахъ далѣе мыза Л. А. Нарышкина называлась *Га! га!* (Георги-Безакъ, *Описаніе С. Петербурга*, ч. III, стр. 625 и 711; ср. Томъ I, стр. 737).

Здѣсь въ первый разъ встрѣчается у Державина надпись, написанная въ прозѣ такъ называемымъ лапидарнымъ слогомъ. Ниже будетъ напечатано еще нѣсколько подобныхъ надписей.

XXXIV. НА ОТРАЖЕНІЕ ШВЕДОВЪ ГРЕЙГОМЪ[1].

Британа храбра кровь съ душою Славянина
Какъ шла соединясь, въ отпоръ рычащу Льву,
Вселенна слышала правдивую молву,
Что Грейгъ съ младенцами препнулъ путь исполина.

[1] Адмиралъ Грейгъ одержалъ морскую побѣду надъ Шведами (*Львомъ*) 6 іюля 1788 года (ср. Томъ I, стр. 292).

XXXV. НА ГРОБЪ ГРАФА ПЕТРА ИВАНОВИЧА ПАНИНА[1].

1789.

Прочь, врагъ отечества съ нахмуреннымъ челомъ!
Сему не прикасайся тлѣну:
Сокрытъ въ немъ на измѣну
И на неправду громъ.

[1] Графъ П. И. Панинъ род. 1721, ум. въ Москвѣ 15 апрѣля 1789 г. Незадолго передъ своею смертію онъ имѣлъ случай оказать Державину услугу, которая ихъ окончательно примирила (см. выше стр. 317). Державинъ пріѣхалъ въ Москву, такъ какъ въ тамошнихъ департаментахъ производилось дѣло объ отрѣшеніи его отъ тамбовскаго губернаторства. По окончаніи года онъ дожидался только объявленія сената, что нѣтъ препятствія къ отъѣзду его въ Петербургъ, и обратился къ Панину съ просьбою постараться объ ускореніи выдачи такого объявленія. Къ чести Панина, говоритъ Державинъ въ своихъ *Запискахъ* (*Р. Б.*, стр. 291), должно сказать, что этотъ вельможа принялъ его благосклонно и исполнилъ его просьбу.

Первоначально надпись состояла только изъ двустишія:

Здѣсь на измѣну скрытъ
И на неправду громъ.

XXXVI и XXXVII. НА ИЗОБРАЖЕНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II[1].

1789.

I.

Величества, любви, щедроты, красоты
Изображенны здѣсь безсмертныя черты,
О коихъ тяжется со Счастьемъ Добродѣтель[a].
Вселенна судія ихъ спору и свидѣтель.
Но Россы говорятъ: возложимъ мы вѣнецъ
Не на чело побѣдъ, — владычицу сердецъ.

[a] О коихъ споръ ведетъ со Счастьемъ Добродѣтель.
Вселенна зритъ на нихъ и съ плескомъ имъ свидѣтель.
Россія говоритъ, что истины вѣнецъ
Отдастъ любезнѣйшей владычицѣ сердецъ (Рукоп. 1799-хъ гг.).

II.

Любовію къ Россіи дышитъ,
Ей зиждетъ счастье и покровъ:
Законы, судъ и милость пишетъ
И громъ бросаетъ на враговъ.

[1] Ср. еще надпись къ портрету Екатерины II въ Томѣ I, стр. 445.

XXXVIII. НА ПЕРЕНЕСЕНІЕ МОЩЕЙ СВ. АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО ВЪ НОВОПОСТРОЕННУЮ ЦЕРКОВЬ МИТРОПОЛИТОМЪ ГАВРІИЛОМЪ[1].

1790.

Когда невидимо на брань незапну съ Шведомъ
Съ перуномъ Александръ ходилъ къ намъ въ помощь небомъ,
Тогда наставникъ думъ, смиренный Гавріилъ,
Екатерининой щедротой храмъ построя,
Въ немъ Богу мира сѣнь возвысилъ, освятилъ
И умолилъ почить святаго въ немъ героя,
Прешедъ изъ перваго жилища своего.
Страшися, росскій врагъ, — не разбуди его!

[1] Новая эта церковь была заложена 30 августа 1778 года преосвященнымъ Гавріиломъ въ присутствіи императрицы, а окончена въ 1789. 30 Августа 1790, когда объявленъ миръ съ Швеціей, церковь освящена митрополитомъ и въ нее перенесены кавалерами ордена Александра Невскаго мощи святаго (*Ист. Росс. Іерархіи*, ч. II, стр. 215—218).

XXXIX. НА МРАМОРНОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ МИТРОПОЛИТА ГАВРІИЛА

ПО ПОВЕЛѢНІЮ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II[1].

Премудрости внимая,
Создалъ храмъ Богу Соломонъ.
На мраморъ сей взирая[a],
Не представляется ли онъ?
О нѣтъ! се образъ Гавріила.
Екатерина имъ сей храмъ соорудила.

[a] На зданіе сіе взирая,
Не вспоминается ли онъ?
Нѣтъ: образъ Гавріила.
Екатерины гласъ онъ внявъ, соорудилъ,
Миръ торжествуя, освятилъ
Сей храмъ во славу Бога мира (Рукопись 1790-хъ гг.).

[1] Въ одной рукописи объяснено, что это изображеніе, по повелѣнію государыни, поставлено было въ Невскомъ монастырѣ, въ новопостроенной церкви (см. предыдущую надпись). Митрополитъ Гавріилъ (Петровъ), род. 1730, ум. 1801 г., почти во все царствованіе Екатерины II находился въ Петербургѣ и, какъ человѣкъ высокаго образованія, какъ писатель и проповѣдникъ, пользовался особеннымъ ея уваженіемъ. Въ письмахъ къ Вольтеру она часто упоминала о немъ и посвятила ему (1773 г.) сдѣланный во время плаванія ея по Волгѣ (1767) переводъ Мармонтелева Велисарія. Въ Петербургъ былъ онъ вызванъ 1765 г. изъ Твери, гдѣ занималъ епископскую каѳедру; въ 1768 назначенъ, на мѣсто умершаго митрополита Дмитрія, депутатомъ отъ синода въ коммисію о составленіи проекта новаго уложенія; въ 1770 г. переименованъ архіепископомъ с-петербургскимъ; въ 1783 пожалованъ митрополитомъ и оставался въ этомъ званіи до 1800 г. Скончался въ Новгородѣ 70-и лѣтъ (*Словарь* Евгенія и *Русс. Арх.* 1864, вып. II, стр. 213).

XL. КЪ ПОРТРЕТУ КНЯГИНИ ЕКАТЕРИНЫ РОМАНОВНЫ ДАШКОВОЙ, ВО ВРЕМЯ ЕЯ ПРЕЗИДЕНТСТВА ВЪ АКАДЕМІИ НАУКЪ[1].

Сопутницей была,
Когда съ небесъ на тронъ
Возсѣсть Астрея шла;
А нынѣ — Аполлонъ.

[1] Княгиня Дашкова род. 1744, ум. 1810 г. Первые стихи относятся къ извѣстной роли, которую она играла при восшествіи на престолъ Екатерины II, о чемъ сама она разсказываетъ въ Запискахъ своихъ; но, по язвительному замѣчанію Фридриха II, Дашкова «n'a été là que la mouche vaniteuse du coche: les Orloff ont tout fait, Rhulière s'est trompé» (Mémoires de Ségur, т. II, стр. 415). Біографическія свѣдѣнія о Дашковой см., сверхъ Словаря Евгенія, въ *Другъ Просвѣщенія* 1806 г., № 3, стр. 271—273, и въ *Отеч. Зап.* 1859, т. CXXVI и CXXVII (двѣ статьи Д. Иловайскаго); о литературныхъ трудахъ ея — въ *Отеч. Зап.* 1860, т. CXXIX (статья А. Аѳанасьева).

Къ Дашковой же отнесено въ одномъ доставленномъ намъ со стороны * спискѣ слѣдующее двустишіе Державина, не объясненное имъ, но написанное, кажется, около того же времени. Въ его рукописяхъ оно читается точно такъ же, но только подъ заглавіемъ: *Къ портрету Гермафродита.*

Се ликъ:
И баба и мужикъ.

* Отъ А. Ѳ. Бычкова.

XLI. КЪ БЮСТУ АДМИРАЛА ВАСИЛІЯ ЯКОВЛЕВИЧА ЧИЧАГОВА[1].

Трикратъ на насъ сильнѣй флотъ Шведовъ текъ;
Безстрашный Чичаговъ Екатеринѣ рекъ:
«Коль намъ помощникъ Богъ, насъ тьмой не сглотятъ силъ!»
Отбилъ, облегъ, разбилъ, плѣнилъ.

[1] Адмиралъ Чичаговъ, род. 1726, ум. 1809 г., прославился особенно морскою побѣдою надъ Шведами въ ревельскомъ рейдѣ, 2 мая 1790 года; непріятельскій флотъ состоялъ изъ 26-и кораблей и 7-и другихъ судовъ, у Чичагова же было всего 10 линейныхъ кораблей и нѣсколько фрегатовъ. За этотъ подвигъ адмиралъ получилъ орденъ св. Георгія 1-й ст. и 2000 душъ крестьянъ въ Бѣлоруссіи. Державинъ разсказываетъ, что въ 1791 году императрица, намѣреваясь назначить его своимъ секретаремъ, въ Свѣтлое Христово воскресенье, въ присутствіи всего двора, приказала ему идти за собою. «Пришедъ въ отдаленныя эрмитажа комнаты, остановилась въ той, гдѣ стоятъ нынѣ (1812) бюсты Румянцова, Суворова, Чичагова и проч., начала приказывать тихо, какъ бы какую тайну, чтобъ онъ сочинилъ Чичагову надпись на случай мужественнаго его отраженія въ прошедшемъ году въ Ревелѣ сильнѣйшаго въ три раза противъ россійскаго, флота шведскаго, которая была бъ сколько возможно кратка и непремѣнно помѣщены бы были въ ней слова сего мореходца. Когда она ему сказала, что идетъ сильный флотъ шведскій противъ нашего ревельскаго, посылая его онымъ командовать, то онъ ей отвѣчалъ равнодушно: *Богъ милостивъ, не проглотятъ* *! Это ей понравилось. Приказавъ сдѣлать его бюстъ, желала, чтобъ на ономъ надпись именно изъ тѣхъ словъ состояла.... На другой день, истоща всѣ силы свои и въ поэзіи искусство, принесъ онъ сорокъ надписей и представилъ чрезъ любимца государынѣ, но ни одна изъ нихъ ею не апробована, а написала она сама прозою, которую и нынѣ можно видѣть на бюстѣ Чичагова» (Ср. Томъ II, стр. 489). Въ тетради 1790-хъ годовъ надпись Державина записана такъ:

Се человѣкъ!
На Бога уповалъ и рекъ:
Насъ тьмою не поглотятъ силъ:
Отбилъ, облегъ, разбилъ, плѣнилъ.

Послѣдній стихъ относится и къ дальнѣйшимъ подвигамъ Чичагова въ Финскомъ заливѣ, какъ видно изъ распространеннаго при этой редакціи заглавія: «Къ бюсту Чичагова, на отраженіе имъ шведскаго флота отъ Ревеля, на обложеніе въ выборгскомъ заливѣ, на совершенное разбитіе при выходѣ изъ онаго и на плѣненіе многихъ кораблей».

* По показанію Бантышъ-Каменскаго, Чичаговъ произнесъ передъ самымъ сраженіемъ, въ ревельскимъ рейдѣ, слова: *Богъ защитникъ мой! не проглотятъ они насъ*

XLII. КЪ ПОРТРЕТУ АДМИРАЛА АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА КРУЗА[1].

Зря громъ біющій въ громъ и въ страшномъ боѣ Круза,
Пророчественная предвозвѣщаетъ муза:
Гдѣ градъ Петровъ Екатерининъ духъ хранитъ, —
Остановись, Густавъ! на стражѣ Богъ стоитъ.

[1] Крузъ (род. 1727, ум. 1798 г.), въ чинѣ вице-адмирала, 22—24 мая 1790 г. близъ острова Сескара, за Кронштадтомъ, счастливою атакою и обороною удержалъ и отразилъ сильнѣйшій шведскій флотъ подъ предводительствомъ герцога Зюдерманландскаго. Въ награду императрица пожаловала Крузу орденъ Св. Александра Невскаго и имѣніе въ Лифляндіи.

Первоначально надпись эта имѣла такую форму, въ которой она повторяется и въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ рукописяхъ:

Три дни онъ отражалъ
Себя сильнѣйшій громъ;
Густава съ Карломъ не пускалъ[a]:
Спасъ градъ Петровъ и домъ.

[a] Густава съ Карломъ не впускалъ
И въ градъ Петровъ и въ домъ.

Бантышъ-Каменскій сообщаетъ надпись на надгробномъ памятникѣ Круза, которая, судя по ея сходству съ напечатанными здѣсь стихами, должна также принадлежать Державину:

Громами отражая громъ,
Онъ спасъ и градъ Петровъ и домъ.

XLIII. СУВОРОВУ-РЫМНИКСКОМУ,
ВЪ РОЧЕНСАЛЬМЪ ИЗЪ ЦАРСКАГО СЕЛА[1].

Не всякій день мы зримъ перунъ небесъ,
Которымъ Божій гнѣвъ разитъ злодѣевъ,
Но часто тучки лишь[a]. — Почій, нашъ Геркулесъ,
И ты теперь среди твоихъ трофеевъ.

[a] Пустыя часто облака...

[1] Удаленный въ Финляндію для укрѣпленія границы, Суворовъ называлъ тогдашнія занятія свои *бездѣйствіемъ* въ сравненіи съ прежнею службой (*Словарь* Бантышъ-Каменскаго, Спб. 1847, г. III). Къ этому-то и относится настоящая *записка*, — такъ названы эти стихи въ одной рукописи; въ другой означенъ при нихъ май мѣсяцъ. *Роченсальмъ* (Ruotsensalmi, финское названіе, по-шведски Svenksund, знач. шведскій проливъ) — крѣпость при Финскомъ заливѣ, за Фридрихсгамомъ (Ср. Томъ I, стр. 709).

XLIV. НА МЕДАЛІОНЪ,
НА КОТОРОМЪ ПРЕДСТАВЛЕНЪ СУВОРОВЪ ВЪ ЛЬВИНОЙ КОЖѢ[1].

Се россійскій Геркулесъ:
Гдѣ сколько ни сражался[a],
Всегда непобѣдимъ остался,
И жизнь его полна чудесъ!

[a] Онъ тамъ разилъ и здѣсь
Ехиднъ, драконовъ, львовъ,
Отечества враговъ (Рукопись 1790-хъ гг.).

[1] Послѣ взятія Измаила была выбита въ честь Суворова медаль, которую и должно разумѣть въ этихъ стихахъ. Въ императорскомъ эрмитажѣ есть серебряный экземпляръ ея. На одной сторонѣ изображенъ Суворовъ съ львиною кожей на плечахъ; на другой висящіе подъ лавровымъ вѣнкомъ щиты съ надписями: *Рымникъ*, *Измаилъ*, *Фокшаны*, *Кинбурнъ;* на этой же сторонѣ еще надписи: вверху — *Побѣдихъ;* внизу — *въ 1787, 1788 и 1790 годахъ.*

Позднѣйшая редакція текста Державина взята нами изъ рукописи *Часть VII.*

XLV. РЕЗОЛЮЦІЯ[1].

1794.

Плѣниры смертью огорченъ,
Въ Милену я влюбленъ,
Таможнею взбѣшенъ,
Россіянъ славой оглушенъ[а]
И пѣть ихъ Музой восхищенъ;
Могу ль я быть уменъ
И въ межевыхъ дѣлахъ силенъ?
Пускай же ихъ рѣшатъ Романъ и съ нимъ Семенъ[б].

[а] Россіи громомъ . . .
[б] Пусть ихъ рѣшать Романъ, Семенъ (1860).

[1] Назначенный въ началѣ 1794 года президентомъ коммерцъ-коллегіи, Державинъ испыталъ по этой должности много непріятностей, на которыя и намѣкаетъ третій стихъ (см. его *Записки*, *Р. Б.*, стр. 362 и слѣдд.). 15-го іюля умерла Плѣнира, первая жена его, а въ слѣдующемъ году онъ женился на Миленѣ, — Дьяковой (Томъ I, стр. 58, 570 и 584); 4-й стихъ относится къ славѣ Суворова въ польскую кампанію (тамъ же, стр. 636). Изъ послѣднихъ же стиховъ видно, что *Резолюція* написана по поводу какого-то дѣла въ межевомъ департаментѣ сената, въ которомъ Державинъ былъ членомъ съ 1793 года.

Эти стихи были напечатаны въ московскомъ листкѣ *Развлеченіе* за 1860 годъ, № 38 (сент. 24) *, подъ заглавіемъ: *Экспромтъ Державина*, «сказанный имъ по выслушаніи съ товарищами его одного межеваго дѣла, во время присутствованія ихъ въ сенатѣ, въ межевой экспедиціи»; при чемъ объяснено, что имена Романъ и Семенъ означаютъ сенаторовъ Теплова и Неплюева. Послѣднее имя показано вѣрно, но вмѣсто перваго слѣдуетъ поставить другое. Члены межеваго департамента въ это время были: *Романъ* Никифоровичъ Томиловъ (инженеръ-генералъ-поручикъ), Сергѣй Козмичъ Вязмитиновъ, графъ Николай Петровичъ Шереметевъ, графъ Алексѣй Кириловичъ Разумовскій, Державинъ и *Семенъ* Александровичъ Неплюевъ (*Мѣсяцословъ съ росписью чиновъ* на 1795 г.).

* Гдѣ однакожъ недостаетъ 5-го стиха.

XLVI. НА ТРАГЕДІЮ „ЛЖЕДМИТРІЙ“,
КНЯЗЯ БѢЛОСЕЛЬСКАГО[1].

Лжедмитрью плахи какъ синклитомъ подносились,
Отъ благородныхъ чувствъ мой духъ вострепенулъ,
И слезы сладкія съ ланитъ моихъ катились;
Но съ патріаршихъ словъ — о грѣшникъ! — я заснулъ.

[1] Въ другой рукописи: *При чтеніи трагедіи Лжедмитрій анекдотъ.* Была ли эта трагедія напечатана, сомнительно: ея нѣтъ ни въ извѣстныхъ библіографическихъ указателяхъ, ни въ *Россійскомъ ѳеатрѣ*. Въ Смирдинской *Росписи* (№ 7707) названа другая пьеса князя Александра Михайловича Бѣлосельскаго, именно опера *Олинька или первоначальная любовь* (Село Ясное, 1796). Имя Бѣлосельскаго было упомянуто нами на стр. 356 Тома II.

XLVII. ОТРЫВОКЪ[1].

Не предавай себя печали,
Не сокращай стенаньми вѣкъ:
Блаженны небеса создали
Тебя къ блаженству, человѣкъ!
Умѣй сей жизнью наслаждаться,
Умѣй ты всѣмъ довольнымъ быть;
Сколь много ни грустить, ни рваться,
Твоихъ судебъ не премѣнить;
Летитъ Сатурнъ, стремятся годы,
Смерть близится всечасно къ намъ...

[1] Относимъ сюда этотъ отрывокъ на томъ основаніи, что содержаніе его по видимому въ связи съ печалью, которую въ 1794 году испыталъ Державинъ, лишившись жены своей (см. Томъ I, стр. 570 и слѣдд). Стихи написаны его рукой, почеркомъ этого времени его жизни, на особомъ листѣ безъ всякаго обозначенія.

XLVIII. Н. А. ЛЬВОВУ[1].

Какъ я сегодня всталъ
И пѣсню, отъ тебя мной взяту, прочиталъ, —
Узналъ,
Что ты ее, мой другъ, писалъ.
Въ солдатскомъ разумѣ твой умъ блисталъ
И горы раздвигалъ,
И цѣлыя къ ногамъ ты царства поваляль;
Но какъ въ иныхъ мѣстахъ немного погрѣшалъ,
И слога низкаго ты въ нихъ не удержалъ,
То я по дружбѣ смѣлость взялъ
И слова два-три въ ней перемаралъ.
Негладкій первый стихъ поглаже я свахлялъ,
Виновнаго послушнымъ[2] я назвалъ,
Алмазный щитъ я на булатный[3] промѣнялъ,
Вселенну бѣлымъ свѣтомъ[4] я призналъ,
Замысловатый разумъ твой корою покрывалъ;
Но какъ красотъ твоихъ нигдѣ не ощипалъ,
То и не думаю, чтобъ я въ вину попалъ.
А для того тебѣ ту пѣснь поправленну послалъ
И нѣсколько межъ тѣмъ я списковъ написалъ
И во дворецъ съ собой въ карманъ я взялъ,
Чтобъ славы громъ и о тебѣ звучалъ.

[1] Н. А. Львовъ (см. Томъ I, стр. 511, и Томъ II, стр. 459) написалъ *Солдатскую пѣсню на взятіе Варшавы* и показалъ ее Державину, который, сдѣлавъ въ ней нѣкоторыя измѣненія, отвѣчалъ этою шуткой. Помѣщаемъ въ приложеніи пѣсню Львова, отысканную нами въ рукописной книгѣ его стихотвореній, принадлежащей внуку его Леониду Леонидовичу Львову.

[2] Дѣло идетъ о 4-мъ стихѣ припѣва (см. варіантъ 6 въ приложеніи).

[3] и [4] См. третій куплетъ въ приложеніи.

Приложеніе.

СОЛДАТСКАЯ ПѢСНЯ НА ВЗЯТІЕ ВАРШАВЫ.

(Н. А. Львова).

Пѣсня эта была напечатана, чуть ли не въ первый разъ, въ *Карманномъ пѣсенникѣ*, изданномъ И. И. Дмитріевымъ 1796 г. въ Москвѣ (стр. 156), а потомъ появлялась долгое время и въ другихъ сборникахъ этого рода, но всегда безъ подписи имени автора. Перепечатываемъ ее по изданію Дмитріева, прилагая варіанты изъ рукописи.

Холя * съ гребнемъ приходила 1.
Буйну голову чесать,
Мыть грозила, — отступила [a]; —
Русска грудь нейдетъ назадъ.
Слава, слава русской груди,
Слава русскому уму!
Исполать вамъ, русски люди,
Что *послушны* [б] вы ему!

Буйну голову шаршаву 2.
Кто клокотилъ, кто трепалъ?
Русскій выступилъ на славу,
Взялъ шаршаву, расчесалъ.
Слава, слава русской груди,
Слава русскому уму! *и проч.*

Русскій Богъ Россію славитъ, 3.
Бѣлый свѣтъ онъ въ ней вмѣститъ;
Русскій умъ полсвѣтомъ правитъ,
Русска грудь — *булатный* щитъ.
Слава, слава русской груди,
Слава русскому уму! *и проч.*

Какъ на дѣло гдѣ сойдутся 4.
Русскій умъ да русскій Богъ,
Горы треснутъ, раздадутся,
Царства цѣлыя у ногъ.
Слава, слава русской груди,
Слава русскому уму!
Исполать вамъ, русски люди,
Что послушны вы ему!

[a] И пришла, да отступила; —
... не ходитъ вспять (Рукопись).
[б] Что повинны ...

* «Прусская армія» (Рукопись Львова). Пруссаки приходили-было, въ подкрѣпленіе Русскихъ, подъ Варшаву, но вскорѣ отступили (См. Томъ I, стр. 646, примѣчанія къ одѣ *На взятіе Варшавы*).

XLIX. НА ОСВЯЩЕНІЕ ХРАМА ВЪ КАБИНЕТѢ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ЕКАТЕРИНЫ II[1].

1795.

О Ты, чей небо тронъ, земля подножье ногъ,
Великій Богъ!
Коль вѣрныхъ сонмъ сердецъ всегда Твоя обитель,
Приди въ сей храмъ
Ты къ намъ
И будь въ немъ житель:
Достойна Твоего жилища здѣсь краса,
Земныя небеса!

[1] Намъ неизвѣстно никакихъ подробностей къ объясненію этого обстоятельства.

L. ПРИ ВХОДѢ ГРИГОРЬЕВСКОЙ БОЛЬНИЦЫ[1].

Григорьевская больница,
Отъ щедротъ
Екатерины вторыя,
Графинею Браницкою
Въ память
Заслугъ дяди ея
Князя Григорія Александровича
Потемкина-Таврическаго,
Возстановителя и повелителя
Черноморскаго флота,
И его къ ней неисчетныхъ благотвореній
Воздвигнута 1795 года.

[1] Гдѣ была эта больница, названная по крестному имени Потемкина? Не въ Бѣлой ли Церкви, имѣніи Браницкихъ, которое съ 1793 г. отошло къ Россіи? Объ Александрѣ Васильевнѣ Браницкой, урожденной Энгельгардтъ, см. Томъ I, стр. 228, 453 и 473.

LI. НАДЪ ДВЕРЬМИ ПОКОЕВЪ, ГДѢ ЛЕЖАТЪ БОЛЬНЫЕ[1].

—

О вы, нашедшіе здѣсь сѣнь и исцѣленье!
Пошлите къ Вышнему усердное моленье,
Да успокоится въ селеніяхъ святыхъ
Проливш ій вамъ и мнѣ потокъ щедротъ Своихъ!

[1] См. примѣчаніе къ предыдущей надписи.

LII. НА МОНУМЕНТЪ,

ВОЗДВИГНУТЫЙ ГРАФИНЕЮ ВРАНИЦКОЙ ВЪ МѢСТЕЧКѢ БѢЛОЙ ЦЕРКВИ

КНЯЗЮ ПОТЕМКИНУ-ТАВРИЧЕСКОМУ[1].

—

Таврида и Эвксинскій флотъ
Вѣщаютъ о его заслугѣ.
Здѣсь благодарность слезы льетъ
По дядѣ, по отцѣ, по другѣ.

[1] См. примѣчаніе подъ надписью L.

LIII. НА БЮСТЪ ВЪ МЕДАЛІОНѢ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ АЛЕКСАНДРЫ ПАВЛОВНЫ, ЕЯ ТРУДОВЪ,

ПОДАРЕННЫЙ ГРАФИНѢ ВРАНИЦКОЙ[1].

—

Какъ даръ весны благоуханный[2],
Въ ея день ангела и мой,
Сей образъ, ею изваянный,
Ея же ангельской мнѣ подаренъ рукой.

[1] Объ Александрѣ Павловнѣ, см. Томъ II, стр. 300 и 583. О Браницкой выше, подъ надписью L.

[2] День Александры бываетъ, какъ извѣстно, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.

LIV. НА МЕДАЛІОНЪ ГРАФИНИ АЛЕКСАНДРЫ ВАСИЛЬЕВНЫ БРАНИЦКОЙ,

подаренный Екатериною II, съ антиками ея работы[1].

1796.

Подвластныхъ
Мудростью, добротой,
Противныхъ
Твердостью, умомъ,
Какъ царь, плѣнила;
Меня безчисленной щедротой,
Какъ мать, обогатила
И рукъ своихъ трудомъ
Украсила, почтила
Екатерина симъ. —
Вотъ памятникъ дѣтямъ моимъ!

[1] Въ своихъ *Объясненіяхъ*, въ одномъ примѣчаніи къ одѣ *Рѣшемыслъ* (Томъ I, стр. 170), Державинъ говоритъ, что императрица въ послѣдній годъ жизни часто занималась въ ранніе часы дня «отпечатываніемъ антиковъ на картузной бумагѣ, кои дарила своимъ приближеннымъ, а особливо многіе изъ нихъ находятся у графини Браницкой». Въ *Запискахъ* Грибовскаго (М. 1864, стр. 31) также упомянуто что Екатерина II, въ послѣднее время, «иногда дѣлала бумажные слѣпки съ *каме*, что̀ случалось и при слушаніи почты».

LV. ВИДЪ АВТОРУ СУВОРОИДЫ[1].

Сей риѳмотворческой, безсмысленной чухой
Геройскій звукъ побѣдъ въ потомство не промчится:
По имени творца, въ пыль тотчасъ *завалится*,
И вѣчно будетъ жить Суворовъ самъ собой
Или достойною его гомеровой трубой.
Вотъ видъ на эту книгу мой.

[1] Авторъ *Суворониды*, Иринархъ Завалишинъ, подполковникъ фанагорійскаго гренадерскаго полка (шефомъ котораго былъ Суворовъ), поднесъ экземпляръ своей героической поэмы Державину; послѣдній написалъ эти стихи передъ заглавнымъ ея листомъ, откуда и заимствуемъ ихъ.

Суворонида, сочиненная въ Варшавѣ, напечатана въ Петербургѣ въ 1796 году. Она начинается стихами:

«Пою прехрабраго силъ россихъ воеводу,
Который, въ сорокъ дней свершеннаго походу
Борясь съ стихіями, съ Днѣстровскихъ береговъ
До Вислы гналъ, разилъ отечества враговъ,
Низвергнулъ крамолу, покой вездѣ возставилъ
И, царства покоривъ, себя навѣкъ прославилъ».

LVI. НА ГРОБЪ ДУБЯНСКАГО[1].

Что̀ смертно было въ немъ, поглощено волной
И скрыто здѣсь землей;
Безсмертное живетъ въ огнѣ, въ эфирѣ.
Не плачьте же о немъ, потоки слезъ лія,
О нѣжна мать, сестра и братья и друзья!
Вы узрите его въ лучахъ въ воздушномъ мірѣ.

[1] См. въ Томѣ I, стр. 750, пьесу *Потопленіе*.

LVII. НА РОНДО ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ[1].

Когда кричитъ куликъ:
Такой-то мужъ великъ[а],
Его такъ слышенъ крикъ,
Какъ бы[б] шумитъ голикъ!
Для грома имени Петрова
Слаба музыка куликова;
Но пусть по-своему взываетъ всяка тварь[в]:
Великій Петръ! великій царь!

[а] Что кто великъ, великъ (1848).
[б] Будто ...
[в] ... всяка плоть.
Великъ, великъ Господь!

[1] *Рондо*, названное въ заглавіи, напечатано Н. П. Николевымъ въ І-й книжкѣ *Аонидъ* (стр. 78). Стихи Державина помѣщены имъ въ письмѣ къ Дмитріеву отъ 6 октября 1796 года и вмѣстѣ съ этимъ письмомъ были напечатаны въ 10-й книжкѣ *Москвитянина* 1848 г. (письмо № 5). Впослѣдствіи эти же стихи примѣнены были Державинымъ къ героической поэмѣ *Петръ Великій*, Сладковскаго, изданной въ 1803 г., въ Петербургѣ, и потому-то въ одной рукописи при нихъ означенъ 1804-й годъ.

Для полнаго объясненія первыхъ стиховъ этой эпиграммы надобно прибавить, что каждый изъ семи куплетовъ *рондо* Николева начинается и кончается восклицаніемъ: «Петръ великъ!»

Вотъ первый куплетъ:

«Петръ великъ! ... такъ міръ вѣщаетъ;
Сердце то же ощущаетъ;
Сердце тако говоритъ:
Кто столь много сотворитъ,
Потрудится такъ полезно? ...
О отечество любезно!
Простирай до неба кликъ:
Петръ великъ!»

LVIII. ДРУГУ ЖЕНЩИНЪ[1].

Замужней женщины прекрасной[а]
Кто дружбу пріобрѣсть умѣлъ;
Для толковъ, для молвы напрасной
Тотъ лучше бы стихи ей въ честь не плелъ[б].

Какъ хладный вѣтерокъ — чума для нѣжныхъ розъ:
Такъ при мужѣ и другъ вмигъ отморозитъ носъ.

[а] Въ замужней женщинѣ ...
Себѣ кто дружбу пріобрѣлъ (1848).
[б] Онъ лучше бы ее не пѣлъ.

---

[1] Эти стихи относятся къ Карамзину и написаны по поводу его *Посланія къ женщинамъ*, напечатаннаго въ I-ой книжкѣ *Аонидъ* (стр. 218—249) и кончающагося стихами:

Что̀ истина своей рукою
Напишетъ надъ моей могилой? ... *Онъ любилъ:*
Онъ нѣжной женщины нѣжнѣйшимъ другомъ былъ!

Стихи Державина помѣщены имъ въ томъ же письмѣ къ Дмитріеву, о которомъ упомянуто въ примѣчаніи къ предыдущей пьесѣ и при нихъ замѣчено: «Не погнѣвайся: это истина; но прошу меня не поссорить съ Николаемъ Михайловичемъ; я его люблю. Его привязанность къ добродѣтели и восторгъ поэта побудили похвалиться дружбою дамы; но благоразуміе въ семъ случаѣ друга, т. е. ваше, должно было остеречь его въ сей нѣжной матеріи».

Напеч. въ 10-й книжкѣ *Москвитянина* 1848 г., въ письмѣ № 5.

LIX. ДАШѢ ПРИНОШЕНІЕ[1].

1797.

Ты со мной вечоръ сидѣла,
Милая, и пѣсню пѣла[a]:
«Садъ намъ надо, садъ, мой свѣтъ!»
Я хоть думалъ: денегъ нѣтъ;

[a] И одну ты пѣсню пѣла.
«Садъ мнѣ надо, садъ, мой свѣтъ».
А тебѣ я: денегъ нѣтъ.
«Какъ же ты свой вѣкъ трудился, —

[1] Во II-мъ Томѣ (стр. 364) было уже сказано о происхожденіи этой неконченной пьесы и о связи ея съ позднѣйшимъ, помѣщеннымъ тамъ стихотвореніемъ: *Приношеніе красавицамъ.* Имя *Даши* означаетъ вто-

Но, любя, какъ отказаться?
Сталъ ходить и домышляться,
Какъ тебѣ въ томъ пособить,
Какъ бы саду быть.
Но какъ утро вечера хитрѣе,
Буду завтра я умнѣе!
Легъ я спать и вижу сонъ:
Мнѣ явился Аполлонъ!

«Саду даже не добился?
«А по нашимъ суетамъ,
«Некуда и выйти намъ.
«Но дѣла твои спорѣе
«Пойдутъ отъ саду, скорѣе».
— Прихоть! прихоть! по дѣламъ
Не гуляютъ по садамъ.
«Да ты пишешь и стихами,
«И широкими шагами
«Топъ по комнатѣ, да топъ,
«Будто буря, морща лобъ;
«То впередъ, то взадъ летаешь,
«Тѣнью мнѣ въ глаза мелькаешь:
«Успокой мой духъ!»
— Хорошо, мой другъ!
Я сказалъ и поклонился,
Самъ въ постелю торопился,
Легъ, заснулъ и вижу сонъ.
(Зачеркнутая редакція).

———

рую жену Державина, для угожденія которой онъ, какъ упоминается въ пьесѣ, предпринялъ сочиненіе *Анакреонтическихъ пѣсней*, желая доставить ей средства развести при домѣ садъ.

Стихи *Дашъ приношеніе* сохранились цѣликомъ только въ черновомъ подлинникѣ, въ рукописи казанскаго университета (Томъ I, стр. XV), по которой они были напечатаны въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1859 г., № 11. По той же рукописи печатаются они и здѣсь съ исправленнымъ чтеніемъ нѣкоторыхъ стиховъ.

Къ этому стихотворенію, какъ служащему дополненіемъ *Анакреонтическихъ пѣсней*, прилагаются два рисунка, въ подлинникѣ сдѣланные при жизни Державина. Первый былъ приготовленъ къ *Приношенію красавицамъ*, но мы замѣнили его (Томъ II, стр. 364) другою, первоначально заказанною поэтомъ виньеткою изъ отдѣльнаго изданія *Анакреонтическихъ пѣсней;* другой рисунокъ заимствуемъ изъ III-го тома изданія 1808 года, гдѣ онъ является на 1-ой страницѣ, надъ заглавіемъ той же пьесы.

Вкругъ чела его кругъ звѣздъ[б] сіяетъ;
Самъ на лирѣ онъ играетъ,
Перстами по струнамъ бьетъ[в],
И огонь отъ нихъ течетъ,
Какъ съ лампадъ лучи струятся.
Ночь свѣтлѣетъ, взоры тмятся
Отъ божественныхъ красотъ!
Отъ волшебнаго бряцанья,
Его гласа[г] восклицанья,
Вижу я, мой садъ растетъ!
Изъ земли выходятъ дубы мшисты,
Въ воздухъ бьютъ ключи сребристы,
Рыбы ходятъ по прудамъ,
Птицы райски по кустамъ,
Лани бѣлы, златороги
Черезъ желтыя дороги,
Черезъ холмы скачутъ скользки
И коты кричатъ заморски.
Богъ лучистый, богъ, сотворшій садъ[д]
Бросилъ на меня свой взглядъ:
«Я», сказалъ, «тебѣ далъ лиру,
«Ты воспѣлъ ужъ ей харитъ.
«Для чего-же міру[е]
«Еще гласъ твой не гремитъ?
«Зачинай[ж]! рѣка златая,
«Изобилье проливая,

[б] Вкругъ чела изъ звѣздъ вѣнецъ сіяетъ.
[в] Въ струны перстами бьючи;
Съ струнъ такъ звоны, какъ лучи
Отъ лампадъ по тмѣ струятся,
Блещутъ въ очи, очи тмятся...
[г] Пѣсенъ, гласа....
[д] ... сей мнѣ садъ.
[е] Для чего же съ нею міру
[ж] Ну, зачни....
Изобильная такая

«На карманъ твой потечетъ, —
«Удивится свѣтъ.»
Онъ сказалъ и самъ сокрылся
Средь златыхъ, лазурныхъ тучъ.
Я вспрянулъ[з] и пробудился;
Вижу: солнца лучъ
Отъ востока сквозь окно сіяетъ
И струею золотой
Течетъ точно[и] какъ живой,
Надъ лицомъ моимъ играетъ
Средь[і] завѣсы вкругъ одра зеленой.
Всталъ я, богомъ озаренный[2],
Показалъ тебѣ свѣтъ сей.
И тутъ волѣ я твоей
Ужъ безмолвно покорился.
Взялъ я лиру и на ней,
Разогрѣвъ холодну кровь,
Пѣть изъ шутки покусился
Нѣжную любовь;
А ко мнѣ Анакреонъ,
Лель, Амуръ, Эротъ и Купидонъ,
Съ ними вмѣстѣ ты[к]
На совѣтъ пришли,

Въ мигъ единый потечетъ, ...
Что дивиться будетъ свѣтъ.
[з] Я вздрогнулъ ...
[и] Такъ трепещетъ ...
[і] Внутрь ...
Всталъ я, свѣтомъ ...
Показалъ тебѣ лучъ сей.
[к] Сафо, Львовъ, а съ ними ты
На бесѣду всѣ пришли.

———

[2] Остальное, начиная отъ этого стиха, сохранилось еще въ другой редакціи на особомъ листѣ, откуда заимствуемъ варіанты к, л и стихъ 70, который пропущенъ въ казанской рукописи и въ *Библіогр. Запискахъ*.

Вкусъ и знанья принесли,
Чтобъ поэзіи мечты,
Тѣнь мѣшать умѣть пріятно съ свѣтомъ [1],
А тебѣ, душѣ моей,
Даръ принесъ я сей,
Не для славы, —
Для забавы
Въ скучные твои часы,
Когда сморщишь ты красы.
Ты замѣть: сбудется ль сонъ?
Правъ ли будетъ Аполлонъ
Съ толь пріятнымъ мнѣ обѣтомъ?

[1] Тѣнь смѣшать пріятно съ свѣтомъ.

LX. АВТОРУ,

ОСМѢЯВШЕМУ ВЪ КОМЕДІИ СТИХОТВОРЦЕВЪ И ПЕРЕВОДИВШЕМУ АНАКРЕОНА[1].

Преславно подлинно и всѣхъ похвалъ достойно,
Въ комедьи рифмачей ты живо описалъ, —
Мольеръ, Анакреонъ ты сталъ.
Лишь день въ твой вѣкъ умѣлъ одинъ провесть пристойно!

[1] При первоначальной редакціи прибавлено къ заглавію этой эпиграммы, что переводившій оды Анакреона въ одной изъ нихъ сказалъ: *Какъ все было спокойно и онъ тотъ день провелъ пристойно.* Эти слова даютъ намъ ключъ къ опредѣленію лица, послужившаго предметомъ эпиграммы. Въ *Подражаніяхъ древнимъ* Николая Эмина (см. Томъ II нашего изданія, стр. 232) ода III* начинается стихами:

«Недавно въ темну ночь,
Окончивъ день *пристойно*,
Прогнавъ заботы прочь,
Я спалъ себѣ *спокойно*».

Эминъ же написалъ комедію *Знатоки* (Москва, 1788), въ которой дѣйствительно осмѣяны стихотворцы въ лицѣ Пегасова и отчасти Самохвала.

* Это та ода, которую перевелъ и Державинъ, давъ ей заглавіе *Купидонъ* (Томъ II, стр. 73).

LXI. НА КОНЧИНУ ЕКАТЕРИНЫ II[1].

Народовъ съ тысящей упала днесь корона:
Отъ Финновъ до Якутъ не слышно, кромѣ стона.

[1] Ср. Томъ I, стр. 789, *Надгробную императрицѣ Екатеринѣ II.*

LXII. КЪ СТАТУѢ ЕКАТЕРИНЫ II[1].

Хотя бы окруженъ былъ тмою сей кумиръ,
Но въ немъ владычицу свою позналъ бы міръ.

[1] Ср. ниже № XCVI.

LXIII. КЪ МРАМОРНОМУ ЕЯ БЮСТУ У СЕНАТОРА САМАРИНА[1].

Хоть сей бездушенъ камень;
Но благоговѣйный у того
Родится въ сердцѣ пламень,
Кто только взглянетъ на него.

[1] Петръ Ѳедоровичъ Квашнинъ-Самаринъ, въ то время тайный совѣтникъ и сенаторъ 2-го департамента, былъ прежде президентомъ юстицъ-коллегіи; род. въ 1731 г., ум. въ 1830 въ чинѣ дѣйств. тайн. сов.

LXIV. НА МЕДАЛІОНЪ СЪ ЕЯ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ И ВОЛОСАМИ У ПРОТАСОВОЙ[1].

Остатокъ тлѣнности —
Души моей
Безцѣнный здѣсь залогъ:
Да будетъ въ вѣчности
Такъ милостивъ и къ ней,
Какъ мнѣ она была,
Всещедрый Богъ!

[1] О камеръ-фрейлинѣ Аннѣ Степановнѣ Протасовой, род. 1745, ум. 1828*, см. Томъ I, стр. 306. Въ 1801 году она получила графское достоинство.

* По *Спискамъ* Карабанова (*Чт.* 1860, кн. I); по примѣч. же г. Лонгинова къ *Запискамъ* Энгельгардта (стр. 39), † 12 апрѣля 1826.

LXV. НА ТАКОВОЙ ЖЕ СЪ СИЛУЭТОМЪ И ВОЛОСАМИ ЕЯ У ГРАФИНИ МУСИНОЙ-ПУШКИНОЙ[1].

О славѣ — области чужія,
О добродѣтеляхъ — Россія,
О милостяхъ ко мнѣ ея —
И умъ и сердце вспоминаетъ,
На коемъ здѣсь блистаетъ
Остатокъ отъ нея.

[1] Графиня Екатерина Алексѣевна, урожденная княжна Волконская (род. 1754, ум. 1829), была супруга извѣстнаго любителя и собирателя древностей, дѣйствит. тайн. совѣтника графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина (род. 1744, ум. 1817).

LXVI. КЪ ИЗОБРАЖЕНІЮ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I-ГО ПРИ ВСТУПЛЕНІИ ЕГО НА ПРЕСТОЛЪ[1].

По слову первому — покой,
По имени — ты царь нашъ первый,
Сынъ — по рожденію — Минервы,
Сосудъ избранный — ангелъ твой,
И ангелъ риѳмой сочетаться
Лишь можетъ съ именемъ твоимъ[2].
Кого же должно дожидаться
Вещей съ стеченьемъ таковымъ?
Кого? — конечно не инова,
Какъ сподвижника Петрова!

[1] Ср. Томъ II, стр. 145, оду *На новый 1798 годъ.*
[2] См. тамъ же, стр. 219, стихи:

Во громы облеченный ангелъ,
Во броню правды вѣрный Павелъ.

и ниже стр. 377.

LXVII. НА ИЗОБРАЖЕНІЕ СУВОРОВА ПРИ ОТСТАВКѢ ЕГО[1].

На браняхъ ставя тверду грудь врагамъ[a],
Великъ, непобѣдимъ онъ былъ войною.
Никто его сокрыть не можетъ тмою:
Преграды нѣтъ лучамъ.

[a] Врагамъ на браняхъ ставя грудь,
Великъ непобѣдимый мужъ войною;
Но больше еще тотъ, кто борется съ судьбою:
Благословенъ, Суворовъ, будь! (Первон. рукопись).

[1] Объ увольненіи Суворова см. Томъ II, стр. 136.

LXVIII. КЪ ПОРТРЕТУ СЕНАТОРА КНЯЗЯ ЯКОВА ѲЕДОРОВИЧА ДОЛГОРУКОВА.

Въ сенатѣ римскомъ былъ Катонъ,
А въ русскомъ — онъ.
Тотъ съ равными себѣ за правду состязался;
Сей, рабъ передъ царемъ, бывъ правъ, не унижался.

LXIX. КЪ ПОРТРЕТУ ТОГО ЖЕ[1].

Великъ сей мужъ: царю онъ правду говорилъ;
Петръ болѣе его, что правду ту сносилъ.

[1] Ср. Томъ I, стр. 622, портретъ Долгорукова, и стр. 634, относящіеся къ нему стихи въ одахъ *Истуканъ* и *Вельможа*.

LXX. НА ГАТЧИНСКІЕ ПРУДЫ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I[1].

На тронѣ возсѣдитъ господь сихъ мѣстъ высоко.
Какъ точку зритъ онъ міръ пространный подъ собой;
Какъ солнце въ мракѣ безднъ провидитъ онъ глубоко
И видитъ въ сихъ водахъ на днѣ песокъ златой,
И рыба гонится за малою какъ рыбкой.
Но еслибъ зрѣлъ онъ такъ всѣ ясно и сердца
Блестящихъ вкругъ его пріятною улыбкой;
Тогда бы онъ позналъ, кто волкъ и кто овца.

[1] Державинъ неразъ бывалъ въ Гатчинѣ по службѣ и иногда гостилъ тамъ у Н. А. Львова, пользовавшагося особенною милостью императора Павла. Ср. Томъ II, стр. 185. Но эти стихи написаны вѣроятно по поводу того проѣзда черезъ Гатчино, о которомъ Державинъ упоминаетъ въ своихъ *Запискахъ* (*Р. Б.*, стр. 410): тогда узналъ онъ о своемъ новомъ назначеніи въ президенты коммерцъ-коллегіи съ подчиненіемъ по этой должности князю Гагарину, въ чемъ онъ видѣлъ знакъ недовѣрія императора Павла.

LXXI. КЪ ПОРТРЕТУ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ АЛЕКСАНДРЫ ПАВЛОВНЫ[1].

Когда бы Уранія
Сошла свѣтлѣйшихъ звѣздъ въ вѣнцѣ, —
Безсмертну красоту увидѣла бъ Россія
Въ ея и нравѣ и лицѣ.

[1] См. выше стр. 359.

LXXII. НА НАДУТАГО, НЕСПРАВЕДЛИВАГО И ХРОМОНОГАГО ИСТОРИКА[1].

Тацитъ нашъ за столомъ, по многихъ красоуляхъ[2],
Минувшій хаетъ[a] вѣкъ, а хвалитъ только свой;
Но жаль, что кривъ душой и хромъ ногой:
Исторія его къ намъ выйдетъ на ходуляхъ.

[a] ... хулитъ ...

[1] Первоначальное заглавіе было просто: ***На хромоногаю историка.*** Кого здѣсь Державинъ разумѣетъ, на это нѣтъ никакого указанія; мы не имѣемъ въ виду никого, кто бы тогда писалъ или готовился писать исторію.

[2] ***Красоуля***, иначе ***красовулъ*** — монастырская чаша; вообще, большая кружка.

LXXIII. НА ПАДЕНІЕ НОВАГО ФАЭТОНТА[1].

1798.

О гордый юноша, подобный Фаэтонту!
Безъ разума по высотѣ летя,
Ты вмигъ упалъ стремглавъ со горизонту,
Но колесница все кряхтитъ еще твоя.

[1] Въ черновой рукописи: ***На паденіе К.*** Эта буква означаетъ вѣроятно одного изъ князей Куракиныхъ, которые, послѣ быстраго возвышенія при императорѣ Павлѣ, осенью 1798 года вдругъ лишились важныхъ должностей своихъ.

LXXIV. КЪ Ѳ. М. КОЛОКОЛЬЦОВУ[1].

Чтобъ узелъ развязать, какъ побѣдитель свѣту,
Мы правосудія поднимемъ острый мечъ,
Дадимъ домъ Мейеру, а Шредершѣ монету, —
И бросимъ, какъ Омаръ, и судъ и книги въ печь.

[1] О Ѳедорѣ Михайловичѣ Колокольцовѣ см. Томъ II, стр. 264. Въ чемъ именно заключалось тяжебное дѣло, по поводу котораго написаны эти стихи, названные въ черновой тетради ***запиской***, намъ неизвѣстно.

LXXV. НА ХАРАКТЕРЪ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА[1].

Въ немъ воли доброй, мудрой много;
Остеръ въ рѣшеніяхъ, легокъ[a],
За все берется круто, строго;
Все бъ сдѣлалъ вдругъ, коль былъ бы богъ.

[a] Въ рѣшеньяхъ кратокъ, быстръ, щедроты лилъ, гдѣ могъ,
Судъ правый водворить брался онъ живо, строго,
И все бы сдѣлалъ вдругъ; но, ахъ! онъ не былъ богъ.
(Позднѣйшая рукопись).

[1] Печатается здѣсь по первоначальной редакціи.

LXXVI. Г-НУ ДИЦУ, 30 ОКТЯБРЯ 1798 ГОДА[1].

Какою силой Дицъ на скрыпкѣ такъ играетъ,
Что восхищаетъ умъ, волнуетъ, нѣжитъ кровь?
Не оттого ли, что краса его питаетъ,
Внушаетъ вкуса богъ, безмолвье и любовь?
Живи, витія чувствъ! игрой тѣшь Музъ соборъ:
Пріятенъ и безъ словъ твой сердца разговоръ.

[1] Въ III-й книжкѣ *Аонидъ* (1798—1799) помѣщено слѣдующее четырестишие И. И. Дмитріева:

ЭКСПРОМПТЪ НА ИГРУ Г. ДИЦА.

Что слышу, Дицъ! смычокъ, тобой одушевленный,
Поетъ и говоритъ и движетъ всѣхъ сердца!
О сынъ Гармоніи! достоинъ ты вѣнца
И можешь презирать языкъ обыкновенный.

Тамъ же (стр. 114) сказано въ примѣчаніи: «Сей превосходный музыкантъ, къ удивленію всѣхъ, вдругъ пересталъ говорить и уже близъ года наблюдаетъ глубокое безмолвіе, не переставая притомъ восхищать по прежнему игрой своей». Къ этому-то обстоятельству относится и послѣдній стихъ у Державина.

LXXVII. НА ГРОБНИЦУ П. В. НЕКЛЮДОВА,

ПОСТАВЛЕННУЮ СУПРУГОЮ ЕГО ВЪ НЕВСКОМЪ[1].

Свѣтъ ясный, неизмѣнный!
Пролейся въ гробъ сей темный,
Да нѣкогда струя твоя
Возбудитъ, воскреситъ
Отъ сна здѣсь друга моего
И на челѣ его,
Какъ перло, возблеститъ
Слеза моя.

[1] Петръ Васильевичъ Неклюдовъ служилъ оберъ-прокуроромъ въ сенатѣ и присутствовалъ также въ придворной конторѣ (*Мѣсяцесловъ* 1796 г.). Онъ род. въ 1740-хъ годахъ; ум. въ іюлѣ 1796 г.

LXXVIII. КЪ ПОРТРЕТУ ПРЕОСВЯЩЕННАГО ИННОКЕНТІЯ ПСКОВСКАГО,

СКОНЧАВШАГОСЯ 26 ЯНВАРЯ* 1799 ГОДА[1].

Витія, о тебѣ не возгласимъ похвалъ:
Гласъ краснорѣчія для праведника малъ.

[1] Надпись эта, вырѣзанная на гробницѣ преосвященнаго въ Александро-невской лаврѣ, сочинена по поводу того, что ему не было произнесено надгробнаго слова. Архіепископъ Иннокентій родился въ 1722 году.

Напечатана въ *Словарѣ* Митрополита Евгенія и въ *Памятникѣ отеч. музъ* на 1827 г., стр. 45.

* По Евгенію, 24 января.

LXXIX. НА ПОБѢДУ, ОДЕРЖАННУЮ ЭРЦГЕРЦОГОМЪ КАРЛОМЪ НАДЪ ФРАНЦУЗСКИМЪ ГЕНЕРАЛОМЪ ЖУРДАНОМЪ

ВЪ МАРТѢ 1799 ГОДА[1].

Достигнулъ только громкій слухъ,
Что войски шлетъ на Галловъ Павелъ, —
Вмигъ въ Карлѣ поразилъ ихъ ангелъ:
Исчезъ Журдановъ слѣдъ и духъ!

[1] Журданъ съ дунайскою арміею, составлявшею 37,000, перешелъ Рейнъ въ февралѣ мѣсяцѣ, и столкновеніе его съ эрцгерцогомъ Карломъ было началомъ военныхъ дѣйствій въ русско-австрійскую кампанію. Не смотря на значительный перевѣсъ австрійскихъ силъ, простиравшихся до 90,000, битвы при Острахѣ и Штокахѣ (8—15 марта) не имѣли рѣшительнаго результата, и союзники Россіи развѣ потому только могли приписать себѣ побѣду, что Журданъ вскорѣ послѣ этихъ сраженій сдалъ команду своему начальнику штаба, уѣхалъ въ Парижъ и получилъ увольненіе (*Исторія войны 1799 г.*, Спб. 1857, ч. II, стр. 183—203).

LXXX. НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВИЧА БЕЗБОРОДКО[1].

Онъ мнѣ творилъ добро. —
Быть можетъ, что и лихо;
Но умеръ человѣкъ, не входитъ въ небо зло.
Творецъ! мольбѣ моей вонми:
Въ объятіе Свое, въ сіянье тихо
И слабости его прими.

[1] См. примѣчаніе подъ слѣдующею надписью.

LXXXI. НА ГРОБЪ ЕГО ЖЕ[1].

За сердце и за умъ
Онъ былъ почтенъ двумя царями;
Любимъ, осѣтованъ друзьями,
И не народный шумъ,
Не погребенья блескъ, не звукъ ему хвала, —
Дѣла.

[1] Князь Безбородко род. 14 марта 1747, умеръ 6 апрѣля 1799 года (ср. Томъ II, стр. 208 и 359). Къ объясненію первыхъ двухъ стиховъ могутъ служить *Записки* Державина: говоря объ отношеніяхъ своихъ къ Безбородко, онъ неразъ намекаетъ на неискренность добраго расположенія, которое этотъ вельможа показывалъ ему (см. особенно стр. 338 и 365). Въ черновой рукописи было сперва заглавіе: *На смерть человѣка.*

LXXXII. ЖУКОВСКОМУ И РОДЗЯНКѢ,

ПРИСЛАВШИМЪ СЪ БОЛЬШИМИ ПОХВАЛАМИ АВТОРУ ПЕРЕВОДЪ ЕГО ОДЫ «БОГЪ» НА ФРАНЦУЗСКОМЪ ЯЗЫКѢ[1].

Не мнѣ, друзья! идите вслѣдъ;
Ищите лучшаго примѣру:
Пиндару русскому, Гомеру[2]
Послѣдуйте, — вотъ мой совѣтъ.

[1] Жуковскій и Семенъ Е. Родзянко воспитывались вмѣстѣ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ (см. сочиненіе объ этомъ училищѣ Н. В. Сушкова, М. 1858, стр. 76 и 89) и оттуда прислали, при письмѣ къ Державину, сдѣланный ими французкій переводъ оды *Богъ* (Томъ I, стр. 190).
[2] Ломоносову.

LXXXIII. ОТРЫВОКЪ[1].

Вторжествовалъ — и усмѣхнулся 1.
Внутри души своей[a] тиранъ,
Что громъ его не промахнулся,
Что имъ ударъ послѣдній данъ
Непобѣдимому герою,
Который въ тысящи бояхъ
Боролся твердой съ нимъ душою
И презиралъ угрозы страхъ.

Нѣтъ, не тиранъ, не лютый рокъ, 2.
Не смерть .... сразила:
Вѣнцедаятель, Славы Богъ
Архистратига Михаила
Послалъ, небесныхъ вождя силъ,
Да приведетъ къ нему вождя земнаго
Пріять возмездія вѣнецъ,
Какъ лучъ отъ свода голубаго....

[a] Улыбкой гордою...

[1] Эти двѣ строфы написаны рукой Державина начерно на особомъ полулистѣ, съ немногими помарками, и не встрѣчаются въ другихъ его рукописяхъ. Годъ сочиненія указанъ рукописью.

LXXXIV. НА СМЕРТЬ СУВОРОВА[1].

О вѣчность! прекрати твоихъ шумъ вѣчныхъ споровъ,
Кто превосходнѣй всѣхъ героевъ въ свѣтѣ былъ.
Въ святилище твое отъ насъ въ сей день вступилъ
Суворовъ.

[1] См. Томъ II, стр. 344. Въ тетрадяхъ Державина надпись эта сохранилась только въ такомъ видѣ; но мы получили отъ А. Ѳ. Бычкова еще слѣдующую редакцію ея, заимствованную изъ одного рукописнаго сборника, гдѣ она также приписана Державину:

Окончи, вѣчность,
Тѣхъ споровъ безконечность,
Кто больше изъ твоихъ героевъ былъ.
Окончи безконечность споровъ:
Въ твое святилище вступилъ
Отъ насъ Суворовъ.

LXXXV. НА ГРОБНИЦУ СУВОРОВА ВЪ НЕВСКОМЪ[1].

Здѣсь лежитъ Суворовъ.

[1] См. тамъ же, стр. 345. Эта надпись, дѣйствительно вырѣзанная на надгробномъ памятникѣ знаменитаго полководца, встрѣчается отдѣльно въ тетрадяхъ нашего поэта, и мы помѣщаемъ её такимъ же образомъ въ подтвержденіе, что она точно принадлежитъ Державину.

LXXXVI. ПЕТРУШѢ,

проповѣднику безъ словъ[1].

Твое безмолвно лепетанье
И непонятный разговоръ,
На небо дланей простиранье,
То важный, то веселый взоръ,
Приведшій всѣхъ насъ въ удивленье, —
Не ангельскій ли былъ восторгъ
И тѣхъ намъ таинствъ изъясненье,
Которы скрылъ отъ мудрыхъ Богъ?
Невинностью своей чудесной
Не говорилъ ли ты съ Христомъ?
Младенцевъ царствіе небесно, —
Ты вѣрно говорилъ о томъ.

[1] Въ черновой рукописи *Петрушѣ Милову*, 31 января 1804 года. Имя Миловыхъ нигдѣ болѣе не встрѣчается въ бумагахъ Державина.

LXXXVII. НА ПОДЪЯЧАГО, СВИСТАВШАГО ВЪ КОМЕДІИ «КОВАРНЫЙ»[1].

Какъ ты *Коварнаго* рѣшился освистать?
Сказалъ дьяку такъ дьякъ, бывъ хитрый самъ пролаза. —
Нашъ долгъ, тотъ отвѣчалъ, себя здѣсь защищать:
И воронъ ворону не выколетъ вѣдь глаза.

[1] При заглавіи въ рукописи означенъ декабрь 1804 года. Изъ *Сѣвернаго Вѣстника* (ч. V, стр. 108) видно, что комедія *Коварный* дѣйствительно была въ первый разъ представлена 16 декабря этого года. Къ сожалѣнію, въ журналѣ не сообщено ни имени автора, ни другихъ какихъ-либо подробностей относительно этой пьесы.

LXXXVIII. КАНТАТА[1].

1805.

Страны россійски, ободряйтесь! 1.
Ликуй, и церковь и чертогъ!
Языцы! знайте, покоряйтесь,
Внуши[2], вселенна: съ нами Богъ!
  Мечъ только Александровъ
  Извлекся изъ ноженъ,
  Огнь страшный Саламандровъ[3]
  Въ минуту охлажденъ.
  Бѣгутъ Наполеониты[4];
  О Россы! съ вами Богъ!

Какъ ураганы, свирѣпѣя, 2.
Летя, все пламенемъ палятъ,
Но тихнутъ, встрѣтивши Борея,
Такъ тылъ къ намъ обратилъ Мюратъ.
  Мечъ только Александровъ *и проч.*

Дерзай, сонмъ войновъ благородныхъ: 3.
Твои знамена впереди.
Нѣтъ въ мужествѣ тебѣ подобныхъ, —
Непобѣдимыхъ побѣди.
  Мечъ только Александровъ *и проч.*

[1] Написана по поводу извѣстія о подвигѣ нашего арьергарда, который подъ начальствомъ Милорадовича и Витгенштейна, 24 октября 1805 года, на берегахъ Дуная, отразилъ многочисленнѣйшій непріятельскій корпусъ подъ предводительствомъ Мюрата (Михайлов.-Даниловскаго *Описаніе первой войны съ Наполеономъ.* стр. 92).

[2] *Внуши*, т. е. услышь, внемли.

[3] См. Томъ II, стр. 616.

[4] Ср. тамъ же стр. 169.

Внявъ душъ великихъ гласу въ плачѣ 4.
И нѣжности и красотѣ,
Мы не хотимъ васъ зрѣть иначе,
Какъ со щитомъ иль на щитѣ.
Мечъ только Александровъ
Извлекся изъ ноженъ,
Огнь страшный Саламандровъ
Въ минуту охлажденъ.
Бѣгутъ Наполеониты;
О Россы! съ вами Богъ.

LXXXIX. ПИРУШКА АНГЛИЧАНЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ,

ПО СЛУЧАЮ ПОЛУЧЕННЫХЪ ИЗВѢСТІЙ О ПОБѢДѢ РУССКИМИ ФРАНЦУЗОВЪ.[1]

НАРОДНАЯ ПѢСНЯ.

Французовъ Русскіе побили: 1.
Здоровье храбрыхъ войновъ пьемъ;
Но не шампанскимъ пьемъ, какъ пили:
Друзья! мы русскимъ пьемъ виномъ.
Подай намъ доброй штофъ сивухи,
Дай пива русскаго кулганъ[2].
Мы, братцы, не нѣмецки шлюхи,
Безъ боя не покинемъ станъ.
Ура! здоровье Русскихъ пьемъ.

[1] Въ рукописи это стихотвореніе помѣчено 20-мъ ноября. 5-го числа этого мѣсяца Багратіонъ съ 6000 Русскихъ пробился, подъ Шенграбеномъ, сквозь тридцатитысячный французскій корпусъ и соединился съ отступавшимъ Кутузовымъ, который, за пять дней передъ тѣмъ, разбилъ непріятеля у Кремса (*Описаніе первой войны съ Наполеономъ*, стр. 128—132). Ср. Томъ II, стр. 579.

[2] *Кулганъ* — мѣдный кувшинъ.

Вѣдь вожди русскіе не Маки[3], 2.
Нигдѣ не сдѣлали измѣнъ;
Солдаты не ползутъ какъ раки,
Какъ бабы не сдаются въ плѣнъ.
Подай намъ доброй штофъ сивухи, *и проч.*

Обсталъ Бонпартъ Багратіона: 3.
Отдай, кричалъ, твои штыки!
«Возьми»! отвѣсивъ три поклона,
Сказалъ — и расчесалъ въ клочки.
Подай намъ доброй штофъ сивухи, *и проч.*

Хоть отступалъ назадъ Кутузовъ, 4.
Противъ обычья Русаковъ, —
Велѣлъ такъ царь, — но онъ Французовъ
Пужнулъ, какъ тьму тетеревовъ.
Подай намъ доброй штофъ сивухи, *и проч.*

Кто русскихъ войскъ царю вѣрнѣе? 5.
Гдѣ есть подобные полки?
На брань и дѣти пламенѣя,
Знамена вражьи рвутъ въ куски.
Подай намъ доброй штофъ сивухи, *и проч.*

Но и за нашихъ красоуля[4] 6.
Пусть ходитъ воиновъ вокругъ:
Хоть Нельсона сгубила пуля,
Герой съ побѣдой издалъ духъ.
Подай намъ доброй штофъ сивухи,
Дай пива русскаго кулганъ.
Мы, братцы, не нѣмецки шлюхи,
Безъ боя не покинемъ станъ.
Ура! здоровье Русскихъ пьемъ.

[3] Австрійскій генералъ Макъ со всѣмъ своимъ корпусомъ, при Ульмѣ, положилъ оружіе предъ окружившими его Французами.

[4] Надобно помнить, что это говорится отъ имени Англичанъ. Слово *красоуля* см. выше стр. 374.

XC. НА АТАКУ ФРАНЦУЗАМИ БАГРАТІОНА [1].

Обшедъ кругомъ Мюратъ Багратіона,
Увѣдомлялъ
Наполеона,
Что онъ нашелъ пирогъ, чтобъ кушать поспѣшалъ [a].
Летитъ къ нему Аттилъ со звѣрской пастью, съ злостью
На лакомый кусокъ; — но подавились костью.

[a] Чтобъ съѣсть пирогъ къ нему онъ поспѣшалъ.
На лакомый кусокъ летитъ Аттила съ злостью,
Но оба подавились костью (Первоначальная редакція).

[1] Послѣ отраженія Мюрата Русскими (см. выше стр. 382), Наполеонъ, услышавъ о движеніи Кутузова, спѣшилъ вслѣдъ за нимъ; но Кутузовъ 28-го октября перешелъ неожиданно на лѣвый берегъ Дуная и при Кремсѣ одержалъ рѣшительную поверхность надъ непріятелемъ (*Опис. 1-ой войны* и проч. стр. 107 и слѣдд.).

XCI. НА ПЕРВЫЯ ПОБѢДЫ РУССКИМИ ФРАНЦУЗОВЪ [1].

Узрѣлъ лишь Галла Россъ, вмигъ треснулъ его въ усъ.
«Кричали мнѣ», сказалъ: «непобѣдимъ Французъ».

[1] См. выше, стр. 382, примѣч. къ № LXXXVIII.

XCII. НА ОППОЗИЦІЮ АНГЛІЙСКАГО ПАРЛАМЕНТА О ТОРГѢ НЕВОЛЬНИКАМИ[1].

Прекрасно, хорошо, и можно подтвердить,
Чтобъ дать невольникамъ отъ ихъ работъ свободу;
Но прежде надобно двѣ вещи разрѣшить:
Льзя ль просвѣщенный умъ привить всему народу
И въ равенствѣ его во всей вселенной зрѣть?
Коль можно, то съ звѣрьми должно въ норахъ сидѣть
И лѣсъ звать городомъ, а пить за кофе воду.

[1] Уже съ 1785 года начали поступать въ нижній парламентъ прошенія объ отмѣнѣ торга невольниками; здѣсь дѣло идетъ о преніяхъ, возобновившихся особенно по настояніямъ Вильберфорса и Фокса и имѣвшихъ результатомъ постановленіе, состоявшееся въ февралѣ 1807 года подъ названіемъ Abolition Act of slavery. Ср. примѣч. 1 къ пьесѣ *Голубка*. Томъ II, стр. 391.

XCIII. НА НЕСПРАВЕДЛИВУЮ ХВАЛУ РЕЦЕНЗЕНТОМЪ НѢКОТОРЫХЪ МѢСТЪ ВЪ ТРАГЕДІИ «БАРДАХЪ»[1].

Оставя лучшія въ трагедіи мѣста,
Гдѣ сердце чувствуетъ и блещетъ мыслей свѣтъ,
Другія рецензентъ въ ихъ мѣсто выхваляетъ:

[1] Подъ *Бардами* Державинъ разумѣетъ трагедію Озерова *Фингалъ*, которая въ первый разъ была представлена 8 декабря 1805 года, ср. Томъ II, стр. 580 и слѣд. О первомъ представленіи ея есть статья въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* за декабрь 1805 г. (ч. IV, стр. 262); но такъ какъ тамъ нѣтъ рѣчи объ отдѣльныхъ мѣстахъ трагедіи, то надобно полагать, что Державинъ въ этой эпиграммѣ разумѣетъ не журнальную рецензію,

Какая, говоритъ, въ нихъ сила, красота,
Гдѣ ихъ совсѣмъ и нѣтъ. —
Скажите: автора онъ хвалитъ, иль ругаетъ?

а чье-нибудь слышанное имъ въ разговорѣ сужденіе. Въ первоначальной же редакціи не было слова *рецензентъ*, а стояло *цензоръ*.

Сперва редакція была слѣдующая:

Оставя лучшія въ трагедіи мѣста,
Ума гдѣ блещетъ свѣтъ,
Дурныя если намъ въ ней цензоръ похваляетъ:
Какая, говоритъ, тутъ сила, красота,
Гдѣ ихъ совсѣмъ и нѣтъ. —
Скажите *и проч.*

XCIV. И. И. ДМИТРІЕВУ,

по полученіи отъ него 3-й части его сочиненій [1].

1806.

О какъ шумливъ [а] бывалъ градской нашъ бургомистръ,
Изъ первой гильдьи кто [б] въ мѣщане исключался!
Сердитъ и Фебъ, мой другъ, что даръ ты скрыть старался;
И сталъ не басельникъ, но ужъ — эпиграммистъ.

[а] ... сердитъ ... (Первонач. редакція).

[б] Изъ первостатейныхъ кто ...:
Досадно, что и ты талантъ свой крыть старался,
Изъ баснослова ставъ, мой другъ, эпиграммистъ.

[1] Эта 3-я часть сочиненій Дмитріева напечатана была въ 1805 г. въ дополненіе къ двумъ первымъ, изданнымъ въ 1803 (разборъ ея въ *Вѣстникѣ Европы* 1806, книжка II). Получивъ ее отъ автора, Державинъ былъ недоволенъ излишними, по его мнѣнію, сокращеніями въ басняхъ и, замѣчая это въ письмѣ къ Дмитріеву, приложилъ настоящее четырестишіе (см. въ *Москвитянинѣ* 1848, кн. V, письмо 16, отъ 8 марта 1806 г.). Дмитріевъ былъ, дѣйствительно, до того строгъ къ самому себѣ, что хотѣлъ было исключить даже *Чужой толкъ* изъ изданія своихъ сочиненій (слышано отъ покойнаго графа Блудова).

XCV. КЪ ПОРТРЕТУ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I[1].

Кто царь сей межъ царей? чья блещетъ такъ порфира?
По бронѣ Александръ, по взору Аполлонъ;
Летятъ за нимъ Орлы, какъ на побѣду міра[a]!
Такъ! вѣрно побѣдитъ, но благостію онъ.

[a] Тьмы вкругъ него Орловъ: знать, побѣдитель міра.

[1] Напечатана въ *Памятникѣ отеч. музъ* на 1827 г., стр. 33, и потомъ въ посмертныхъ изданіяхъ Державина.

XCVI. КЪ ПОРТРЕТУ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ[1].

Какъ лилія весной и роза среди лѣта
Въ уединеніи благоуханье льетъ,
Такъ скромностью своей сердца къ себѣ влечетъ,
Умомъ и красотой — владычица полсвѣта.

[1] Напеч. въ *Памятникѣ отеч. музъ* на 1827 г., стр. 34, и потомъ въ посмертныхъ изданіяхъ Державина.

XCVII. КЪ ПОРТРЕТУ ВДОВСТВУЮЩЕЙ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ [1].

Хоть мракъ лучи ея лица и сокрываетъ [a];
Но красоты души не престаютъ блистать.
Щедротъ богиню въ ней свою Россія знаетъ;
А сироты — ихъ мать.

[a] Хотя бы не въ лучахъ она сіяла
И тма ее дерзала покрывать,
Царицу бы Россія въ ней узнала,
А сироты — ихъ мать. (Черновая рукопись).

[1] Ср. Томъ II, стр. 82.

XCVIII. КЪ ПОРТРЕТУ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА [1].

Сбери, Рафаэль, огнь съ очей его души [a]:
Россіи Марса напиши.

[a] Сними, Рафаэль, огнь съ очей его, съ души
И въ шлемѣ Марса въ немъ Россіи напиши (Чернов. рукоп.).

[1] Ср. Томъ I, стр. 379, и Томъ II, стр. 289. Великій князь Константинъ Павловичъ род. 27 апрѣля 1779, скончался 15 іюня 1831 года. Напеч. тамъ же, гдѣ №№ XCV и XCVI.

XCIX. АѲИНЫ И АЛЕКСАНДРЪ [1].

Монархъ какъ юный сей, поднявъ мечъ, шелъ въ Персиду,
О, какъ Аѳины тутъ участье брали въ немъ,
Сквозь зубъ браня его, а радовались съ виду!
Какъ побѣдителемъ и сильнымъ царствъ царемъ
Въ словахъ его, въ пирахъ провозглашали міру,
А мнили, что ему тѣмъ дѣлали сатиру!
Безмѣрная хвала
Есть то же, что хула.

[1] Эти стихи являются у Державина только въ двухъ черновыхъ рукописяхъ, но въ чистыя тетради не включены. Первыя шесть строкъ представляютъ акростихъ: *Москва*. Въ одной рукописи заглавіе было: Истинное мнѣніе Аѳинъ объ Александрѣ Великомъ, и послѣ 6-го стиха шли слѣдующіе, образовавшіе акростихъ: *похожа* (на Аѳины?), но потомъ зачеркнутые:

Подобно такъ рабы господъ боготворятъ,
Округъ ихъ ползаютъ, а за очи бранятъ.
Хотя жъ и кукиши въ карманахъ поставляютъ,
Однакожъ имъ въ лицо курятъ, благоухаютъ,
Желаютъ въ часъ * и золъ, но тутъ же служатъ имъ.
А такъ мы видимъ сплошь не то, на что глядимъ.

* т. е. подъ-часъ.

C. НА ЖУРНАЛЪ «ДРУГЪ ПРОСВѢЩЕНІЯ»,

ПЕРЕМѢНЕННЫЙ ИЗЪ АЛАГО ЦВѢТА ВЪ ГОЛУБОЙ [1].

Въ одеждѣ красной [a] былъ въ годъ прошлый сей журналъ,
И просвѣщеніе намъ сурикомъ блистало;
Но нынѣ голубымъ онъ сталъ:
Неужель намъ вранье пріятнѣе въ немъ стало?

[a] Въ одеждѣ алой (Первон. редакція).

[1] Въ черновой рукописи эта эпиграмма озаглавлена: *На перемѣну оболочки журнала Д. П.*, и послѣ 2-го стиха прибавлено:

А въ правду коль сказать, немного и марало.

Вмѣсто заключительнаго стиха стояли первоначально два:

Чтожъ значитъ то? не то ль, что съ легкостью эѳира
Слышна намъ будетъ въ немъ Хвостова звучна лира?

О журналѣ *Другъ Просвѣщенія* и издателяхъ его см. Томъ I, стр. 525 и 802, и Томъ II, стр. 483 и слѣдд. Въ началѣ изданія этого журнала, въ 1804 году, Державинъ согласился помѣстить въ немъ нѣсколько стихотвореній; въ 1805 онъ далъ гр. Хвостову только двѣ пьесы, а въ 1806 уже не далъ ничего.

CI. РАЗНОЦВѢТНЫЕ ЖУРНАЛЫ.

КЪ СЕКРЕТАРЮ АКАДЕМІИ [1].

Не правда ль, что у насъ теперя [a] просвѣщенье,
Подобяся веснѣ, во всей красѣ цвѣтетъ?

[a] ... ужъ нынѣ ... (Черновая рукопись)

[1] Секретарю россійской академіи П. И. Соколову*, съ которымъ Державинъ былъ въ сношеніяхъ. Въ 1806 году издавались слѣдующіе

* О Соколовѣ см. нашу замѣтку въ *Запискахъ Ак. Н.*, т. VI, кн. III, стр. 306.

Журналовъ будто рѣкъ блистаетъ наводненье [6],
И пестроты межъ ихъ какой не видитъ свѣтъ?
Въ оберткахъ алыхъ тѣ, зеленыхъ тѣ, брусничныхъ,
Тѣ синихъ, голубыхъ, иные и въ двуличныхъ,
И словомъ: въ разности чудесныхъ толь цвѣтовъ [в],
Казалось, какъ не быть талантовъ и головъ,
Чрезъ кои поле бы искусствъ всѣхъ было полно;
Но что, коль запаху и зернъ въ нихъ нѣтъ довольно?

[6] Журналовъ или рѣкъ повсюду наводненье,
И пестроты какой въ нихъ нѣтъ?
[в] Но благовонія въ нихъ, кажется, немного;
Иль не судить о нихъ теперь еще такъ строго,
Пока къ намъ осень не придетъ?
Но ахъ! не поздно ли, какъ сѣмя упадетъ?

журналы — въ С. Петербургѣ: ***Корифей***, Галинковскимъ; ***Періодическое сочиненіе о успѣхахъ просвѣщенія***, Озерецковскимъ; ***Лицей***, Мартыновымъ; ***Любитель словесности***, Остолоповымъ; ***Статистическій журналъ***, Германомъ; въ Москвѣ: ***Вѣстникъ Европы***, Каченовскимъ; ***Другъ Просвѣщенія***, гр. Хвостовымъ и др. (см. предыдущее стихотвореніе); ***Московскій Курьеръ***, П. Львовымъ; ***Московскія ученыя Вѣдомости***, профессоромъ Буле; ***Московскій Зритель***, кн. Шаликовымъ; ***Дамскій журналъ*** и ***Московскій Собесѣдникъ*** (неизвѣстно кѣмъ). За два года передъ тѣмъ, вскорѣ послѣ появленія *Друга Просвѣщенія*, Державинъ писалъ къ И. И. Дмитріеву: «Въ самомъ дѣлѣ, куда какъ ***зажурналилось*** и, по привычкѣ къ риѳмѣ, хочется сказать: ***затуманилось***, вмѣсто свѣта, котораго ожидали» (Письмо отъ 5 іюля 1804 г.).

CII. МИЛОРДУ, МОЕМУ ПУДЕЛЮ[1].

—

Тебя, Милордъ, воспѣть хочу: 1.
Ты графской славной сынъ породы.
Встань, Діогенъ, зажги свѣчу
И просвѣти ты въ томъ народы,
Что вѣрности и дружбы нѣтъ
На свѣтѣ болѣе собачьей.
Воззри, брехавъ на міръ ходячій:
Какъ бочку ты, такъ кабинетъ

1 Объ этомъ пуделѣ упомянуто уже въ пьесѣ 1801 года: *На разлуку* (Томъ II, стр. 395). Стихотвореніе *Милорду* находится только въ перебѣленной рукописи, гдѣ оно отнесено къ апрѣлю мѣсяцу и сперва было озаглавлено: Великому моему пуделю. Въ позднѣйшіе годы сдѣланы были въ немъ многія поправки и на поляхъ прибавлены цѣлые куплеты; но такъ какъ всѣ эти перемѣны и дополненія носятъ характеръ неоконченности и даже не могутъ быть вполнѣ разобраны, то мы почти исключительно держимся первоначальной редакціи. Изъ дополнительныхъ строфъ, какъ недодѣланныхъ, не рѣшились мы включить въ текстъ ни одной, и приводимъ здѣсь только слѣдующую, какъ содержащую историческій намекъ:

Отважный, дерзкій водолазъ,
И рубль ты сыщешь безднъ въ срединѣ.
Еще бы болѣе проказъ
Узрѣли мы Фортуны въ сынѣ:
Когда бы только онъ имѣлъ
Твое чутье и плавать лапы,
Онъ сорвалъ бы съ Британцевъ шляпы
И вмигъ ихъ златомъ овладѣлъ,
На брегъ изъ моря вышедъ съ дракой.
И былъ всѣхъ больше бъ забіякой.

Стрежетъ мой циникъ[2] безъ измѣны,
Храня въ немъ книги, письма, стѣны.

Къ тебѣ какъ древле, такъ къ нему 2.
Коль вшелъ бы міра побѣдитель
И, принеся въ626 кануру тму,
Его былъ гордый вопроситель,
Чего себѣ желаетъ въ даръ:
То, гриву дыбомъ какъ щетину
Поднявъ, ощеря харю львину,
Какъ ты онъ громко бъ заворчалъ:
«Прочь! солнечна не тми зениту,
«Не засть писать стихи піиту».

Ты шерстью бѣлъ, Милордъ, умомъ — 3.
Подлогу нѣтъ въ тебѣ ни духу;
Ты рабъ, а въ смыслѣ другъ прямомъ
И струсишь развѣ отъ обуху;
Ласкаешься ты къ тѣмъ всегда,
Меня кто непритворно любитъ;
А кто мнѣ врагъ иль лесть мнѣ трубитъ,
Ты тѣхъ кусаешь иногда.
Ты камердинеръ на догадки:
Мнѣ носишь шляпу; трость, перчатки.

Осанистъ, взраченъ, смотришь львомъ, 4.
Подобно гордому вельможѣ:
Обмытъ, расчесанъ, обѣленъ.
Прекрасенъ и въ мохнатой рожѣ:
Великъ, кудрявъ, всѣмъ хватъ собой:
Какъ иней — бѣлыми бровями,
Какъ соколъ — черными глазами,

[2] *Циникъ* употреблено здѣсь въ смыслѣ того слова (греч. χύων), отъ котораго это названіе происходитъ, и на томъ основаніи, что Діогенъ принадлежалъ къ школѣ циниковъ. Ср. Томъ I, стр. 641, примѣч. 4.

Какъ тузъ таможенный какой,
Въ очкахъ магистеръ знаменитый,
А паче гдѣ ты волокитой.

Бываешь лѣтомъ сзади голъ, 5.
Обритъ до тѣла ты нагаго;
Но сколь ни будь кто хочетъ золъ,
Не можетъ на тебя другаго
Пороку взвесть и трубочистъ,
Который всѣхъ собой мараетъ,
Что видъ твой мота лишь являетъ,
Который сзади уже чистъ
Имѣніемъ своимъ богатымъ,
Но зрится лишь съ лица хохлатымъ.

О, сколь завистниковъ въ судьбѣ 6.
Твоей и жребьи столь счастливомъ,
Когда отвсюду нимфъ къ тебѣ
Ведутъ, — и ты во прихотливомъ
Твоемъ желаньи, какъ султанъ,
Насытясь мясъ изъ рукъ пашинскихъ,
Съ млекомъ левантскихъ питій, хинскихъ,
Почить ложишься на диванъ:
Ты равенъ тутъ ужъ сибариту,
Породой, счастьемъ отмѣниту[3].

Онъ сладко ѣстъ и пьетъ и спитъ, 7.
Куритъ и весь свой вѣкъ зѣваетъ, —
Тѣмъ больше въ свѣтѣ знаменитъ,
Чѣмъ больше въ нѣгѣ утопаетъ.
Но нѣтъ: его ты лучше тѣмъ,
Что доброхотамъ благодаренъ,
Не золъ на вышкѣ, не коваренъ,

[3] Слова *отмѣнитый* въ Словаряхъ нѣтъ, но мы его слышали изъ устъ народа въ рязанской губерніи.

Не подлъ внизу ни передъ кѣмъ,
И на воронъ хоть лаешь черныхъ,
Но другъ друзей своихъ ты бѣлыхъ.

Заносчивъ, правда, ты, Милордъ, 8.
Но будь блаженъ, о песъ почтенный!
И по достоинству тѣмъ гордъ,
Что стражъ ты добръ хозяйскихъ вѣрный,
Какъ рѣдко въ нынѣшній то вѣкъ!
Въ плѣну стѣсненъ бывъ жаждой, гладомъ,
Прервавъ ты цѣпь, бѣжалъ всѣмъ градомъ,
Какъ твердый отчичъ, человѣкъ,
Что на дары ничьи не падокъ,
И легъ на одръ свой безъ оглядокъ[4].

О славный, рѣдкій пудель мой, 9.
Кобель великій, ханъ собачій,
Что истинно ты есть герой,
Того и самый злой подъячій
Не можетъ ужъ перехерять:
Ты добръ, — смѣшишь дѣтей игривыхъ;
Ты храбръ, — страшишь людей трусливыхъ;
Учтивъ, — бѣжишь меня встрѣчать;
Ты мудръ, въ философы годишься,
Затѣмъ что Дурака[5] тулишься.

О, такъ! великъ, могущъ Дуракъ, 10.
И всѣмъ пословица извѣстна,
Что съ сильнымъ, съ богачемъ никакъ
Ни брань, ни драка несовмѣстна:
То какъ избавиться хлопотъ,

[4] Милордъ когда-то былъ украденъ и содержался въ тяжеломъ плѣну, но, вырвавшись, прибѣжалъ черезъ весь городъ домой.

[5] «*Дуракомъ* называется ужасной величины датскій злобный кобель, отъ котораго Милордъ всегда прячется» (*тулится*). Д.

Какъ сладить со слоновьей мочью?
Съ упрямой тварью, мозгомъ тощью,
Какъ не бѣжать, поджавши хвость?
Смекнувъ, ты, чтобъ не быть въ накладѣ,
Ушелъ отъ бѣдъ, живешь въ прохладѣ.

Сіятельнѣйшій твой отецъ[6] 11.
Покоится въ саду прекрасномъ
И тамъ, чувствительныхъ сердецъ
Къ отрадѣ въ плачѣ ихъ ужасномъ,
Надъ нимъ поставленъ монументъ:
То мнѣ ли быть неблагодарнымъ,
Піиту не высокопарнымъ,
Тебѣ не сдѣлать комплиментъ?
Нѣтъ! гробъ твой освѣчу лучами,
Вкругъ прахъ обмою весь слезами.

А если строгою судьбой 12.
И непреложнымъ, злобнымъ рокомъ
Вѣкъ прежде прекратится мой;
То ты въ отчаяньи жестокомъ,
Среди ночныя темноты,
Наполнь весь домъ мой завываньемъ,
Чтобъ врагъ и другъ мой, душъ съ терзаньемъ,
Простили мнѣ мои вины:
Хоть то по смерти награжденье,
Во всѣхъ внушить коль сожалѣнье.

[6] Уже въ первомъ куплетѣ порода Милорда названа графскою; изъ этихъ же стиховъ видно, что онъ происходилъ отъ одной изъ собакъ Екатерины II, похороненныхъ въ царскосельскомъ саду за извѣстной пирамидой, гдѣ надъ ними положены надгробные камни съ надписями въ стихахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя сочинены самой государыней (см. статью П. П. Пекарскаго о *журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II* въ Томѣ III *Записокъ Академіи Наукъ*, стр. 70). См. ниже, подъ 1803 г., эпитафію Милорду.

CIII. КРЕСТЬЯНСКІЙ ПРАЗДНИКЪ[1].

Горшки не боги обжигаютъ, 1.
Не все пьютъ пиво богачи:
Пусть, Муза! насъ хоть осуждаютъ;
Но ты днесь въ кобасъ[2] пробренчи
И, всшедъ на холмъ высокій, званскій,
Прогаркни праздникъ сей крестьянскій,
Который господа даютъ, —
Гдѣ всѣ молодки съ молодцами,
Подъ балалайками, гудками,
Съ парнями, съ дѣвками поютъ.

Поютъ подъ пляской въ пѣсняхъ сельскихъ, 2.
Что можно и крестьянамъ быть
По упражненьяхъ деревенскихъ
Счастливымъ, радостнымъ — и пить.
Раздайтесь же, круги, пошире
И на преславномъ этомъ пирѣ
Гуляй, удала голова!
Ничто теперь уже не диво:

[1] Это стихотвореніе, отмѣченное 1807 годомъ, находится въ рукописной тетради передъ пьесой: *Евгенію. Жизнь званская*, которая объясняетъ его; ср. особенно, Томъ II, стр. 642, стихи:

Толпа крестьянъ, ихъ женъ вино и пиво пьетъ,
Поетъ и пляшетъ подъ гудками.

[2] Въ Словаряхъ академическомъ и Даля: *кòбысъ*, *кòбызъ* - варганъ. Даль принимаетъ еще форму *кòбузъ* и прибавляетъ: астраханская балалайка. Ср. *кобза*, осмиструнная балалайка.

Коль есть въ глазахъ вино и пиво,
Все, братцы, въ свѣтѣ трынъ-трава.

Гуляйте, бороды съ усами, 3.
Купайтесь по-уши въ чанахъ,
И вы, повойники съ чепцами,
Не оставайтесь на дрожжахъ;
Но кто что хочетъ, то тяните,
Проказьте, вздорьте, курамшите [3];
Тутъ нѣтъ вины, гдѣ пиръ горой;
Но, въ домы вшедъ, питьемъ не лейтесь:
Съ женой мужъ яицами бейтесь,
Или скачите чихардой.

Но только, вставъ поутру рано, 4.
Перекрестите шумный лобъ,
Умывъ водой лицо багряно;
Съ похмелья чару водки тропъ [4] —
Ужъ не влекитесь больше къ пьянству,
Здоровью вредну, христіанству
И разорительну всѣмъ вамъ;
А въ руки взявъ серпъ, соху, косу,
Пребудьте, не поднявши носу,
Любезны Богу, господамъ.

Не зря на вѣтреныхъ Французовъ, 5.
Что мнили ровны быть царямъ
И, не поднявъ ихъ вздорныхъ грузовъ [a],
Спустилися въ навозъ къ скотамъ,
И днесь, какъ звѣри, съ ревомъ, съ воемъ

[a] Но не поднявъ умовъ ихъ грузовъ (Прежняя редакція).

[3] Въ Словаряхъ нѣтъ этого слова.
[4] Тропнуть — сильно ударить (*Дополненіе* къ Обл. Словарю).

Пьютъ кровь нѣмецкую разбоемъ.
Мечтавъ, и Русь что мишура;
Но вы не трусы вѣдь, ребята,
Штыками ваша грудь рогата;
Въ милицьи гаркнете: ура[5]!

Ура, россійскіе крестьяне, 6.
Въ трудѣ и въ боѣ молодцы!
Когда вы въ сердцѣ христіане,
Не вѣроломцы, не срамцы:
То всѣхъ предъ вами дивъ явленье,
Бѣсовъ французскихъ наважденье
Предъ вѣтромъ убѣжитъ, какъ прахъ.
Вы все на свѣтѣ въ грязь попрете,
Вселенну кулакомъ тряхнете,
Жить славой будете въ вѣкахъ.

[5] Въ то время набиралось ополченіе (ср. Томъ II, стр. 640). Манифестомъ 30 ноября 1806 г. повелѣно было составить ополченіе, названное «внутреннею временною милиціею», въ 612,000 ратниковъ, взятыхъ изъ 31-й губерніи ... Въ милицію поступали мѣщане, однодворцы, казенные и помѣщичьи крестьяне не старѣе 50-ти и не моложе 17-ти лѣтъ (*Опис. 2-й войны съ Напол.*, стр. 52 и слѣдд.).

CIV. НА ПРОГУЛКУ ВЪ ГРУЗИНСКОМЪ САДУ[1].

О, какъ плѣнительно, умно тамъ, мило все,
Гдѣ естества красы художествомъ сугубы,
И сѣннолистны гдѣ Ижорска князя дубы
Въ вѣтръ шепчутъ, преклонясь, про счастья колесо!

[1] Въ бывшемъ имѣніи Аракчеева, Грузинѣ, въ 18-и верстахъ отъ Званки, есть дубовая аллея, саженая княземъ Меншиковымъ (Ижорскимъ). Два сосѣда вели между собой тяжбу и были въ отношеніяхъ вовсе не дружескихъ, о чемъ подробнѣе въ біографіи Державина. Въ 4-мъ стихѣ пророчество на счетъ Аракчеева.

CV. ПОХВАЛА КОМАРУ[1].

Пиндаръ воспѣвалъ орла[2], 1.
Митрофановъ сокола,
А Гомеръ, хоть для игрушекъ,
Прославлялъ въ грязи лягушекъ;
Попе — женскихъ клокъ власовъ,
И Волтеръ, я мню, въ издѣвку
Величалъ простую дѣвку;
Ломоносовъ — честь усовъ.
Я, въ деревнѣ, для забавы,
Въ подражаніе ихъ славы,
Проворчу тара-бара.

[1] Чрезвычайное обиліе комаровъ надъ болотистымъ грунтомъ Званки на берегахъ Волхова (см. Томъ II, стр. 196 и 633), подало Державину поводъ сказать о ней однажды:

Здѣсь царство комарье,
Царица въ немъ Дарья,

т. е. жена его; этимъ же объясняется происхожденіе настоящей шуточной пьесы. Комаръ есть одинъ изъ любимыхъ предметовъ русскаго народнаго остроумія, какъ показываетъ множество относящихся къ нему замысловатыхъ поговорокъ и загадокъ (см. Словарь Даля), и у Державина встрѣчаются здѣсь иногда образы, нѣсколько сходные съ тѣми, которые создала народная фантазія.

[2] Пиндаръ воспѣвалъ орла *и проч.*

См. въ Томѣ II, стр. 332, 2-ую строфу *Первой пѣсни Пиндара пиѳической*. О Митрофановѣ Державинъ замѣчаетъ: «Извѣстный пѣвецъ, который пѣвалъ русскую пѣсню: *Высоко соколъ* и проч.» Гомерова *Ватраміомахія*, шуточная поэма Попа: The rape of the lock, и Вольтерова La Pucelle едва ли требуютъ указанія. Далѣе поэтъ разумѣетъ *Гимнъ бородѣ* Ломоносова, напечатанный въ *Библ. Зап.* 1859 г. № 15. Виргилію приписывается между прочимъ стихотвореніе подъ заглавіемъ Culex (Комаръ).

Стройся, лира восхищенна,
Слышь Виргилья вновь, вселенна:
Я пою днесь Комара!

Блаты, лѣсъ, луга, моря, 2.
Комаровъ летящихъ зря,
Какъ гудятъ повсюду гуломъ,
Иль какъ стрѣлъ съ гремящимъ туломъ
Марсъ несется на войну:
Такъ съ комарьей похвалою
На Пегасѣ вскачь трубою
Я колеблю тишину. —
Стихотворцы! ставъ парадомъ,
Съ лирами, съ свирѣльми, рядомъ,
Честь воздайте Комару,
И согласнымъ восклицаньемъ,
Звономъ, грохотомъ, бряцаньемъ,
Въ бубны бейте: туру-ру.

Мгла упала тлѣна съ глазъ: 3.
Мнѣ предсталъ Микромегасъ[3],
Головой небесъ касаясь,
Черезъ море нагибаясь,
Какъ чрезъ чашу молока,
И ужасною рукою
Ловитъ, горстію одною,
Корабли сквозь облака.
Такъ съ метлою я гайдука,
Великановъ древнихъ внука,
Комаровъ отъ барскихъ яствъ

[3] Заглавіе философической сказки Вольтера и имя героя ея, великана съ звѣзды Сиріуса (см. Oeuvres de Voltaire, éd. Beuchot, т. XXXIII, стр. 165—194). Эта сказка переведена Сумароковымъ (Соч. Сумар., ч. IX, стр. 258).

Прочь гонящаго, взираю[4];
Я съ гигантомъ рокъ равняю;
Съ комарами — силы царствъ.

Гласъ народа мнѣ вѣщалъ: 4.
Съ дуба-де комаръ упалъ[5]. —
Се по лѣсу звукъ раздался,
Холмъ и долъ восколебался,
Океанъ всталъ изъ бреговъ.
Не на быль ли баснь похожа,
Что упалъ какой вельможа
Изъ высокихъ внизъ чиновъ?
Вставъ изъ дрязгу теплымъ лѣтомъ,
Подъ блестящимъ солнца свѣтомъ,
Счастья плылъ онъ на крылахъ.
Комара, мудрецъ, паденьемъ
Возгреми нравоученьемъ:
Суета, скажи, все — ахъ!

Мужикъ корень вырветъ древъ; 5.
Комары, оттоль взлетѣвъ,
Его роемъ окружаютъ,
Жалятъ всюду и пронзаютъ:

[4] Въ блаженныя времена крѣпостнаго состоянія водилось въ барскихъ усадьбахъ, что за столомъ, въ лѣтнее время, сзади каждаго стула стоялъ дворовый съ длинною вѣтвью, которою онъ безпрестанно махалъ надъ головой сидѣвшаго передъ нимъ, для удаленія докучныхъ насѣкомыхъ. Покойный С. Т. Аксаковъразсказы ваетъ: «Здоровенный дворовый парень, Николка Рузанъ, сталъ за дѣдушкой съ цѣлымъ сучкомъ березы, чтобы обмахивать его отъ мухъ» (*Сем. Хроника*, М. 1856, стр. 42).

[5] Народная пѣсня, за указаніе которой мы обязаны П. Н. Полевому. Она находится въ *Сказаніяхъ* Сахарова (т. I, Спб. 1841, стр. 217) и начинается словами:

«Стукнуло, грянуло въ лѣсѣ,
Комаръ съ дуба свалился».

Не подобнымъ ли война
Изъ безднъ ада, Люциферомъ[6],
Излетѣла намъ примѣромъ?
Небо ей, земля полна:
Ей Гомеры и Мароны,
Воздавали честь Мильтоны,
Чтили брань въ людяхъ, въ духахъ.
Для чего жъ полки комарны,
Буйствомъ столь же быстропарны,
Не воспѣть мнѣ на стихахъ?

Насѣкома мелка тварь, 6.
Хоть ничтожный прахъ комаръ;
Но по подвигахъ толикихъ,
На крылахъ своихъ великихъ,
Не преславенъ ли войной?
Не равняется ли чванствомъ,
Своимъ браннымъ шарлатанствомъ
Съ первымъ вождемъ сей герой[7]?
Такъ, не храбрыхъ воевъ свойствомъ
И не личнымъ онъ геройствомъ
Города, страны беретъ:
Но лишь издали пужаньемъ,
Вводитъ въ скуку, въ страхъ жужжаньемъ
И въ расплохъ всѣхъ кровь піетъ.

Неисчетна тьма враговъ, 7.
Какъ Татаръ и Калмыковъ,
Саранчи рои, летая,
Древле съ визгомъ окружая.

[6] Намекъ на Наполеона; ср. выше стр. 135, 151 и 179.

[7] Народная загадка: «Въ маѣ мѣсяцѣ, по осмой тысячѣ, родился конь крылатый, не боится царя въ палатѣ» (Словарь Даля).

Ужасъ тщились навести;
Изъ луковъ дождь стрѣлъ пущали
Остры копья простирали,
Русскихъ мнили погребсти;
Мы отъ ордъ сихъ въ защищенье
Тактики ввели ученье
И воздвигли города.
Такъ отъ жалъ комарьихъ нынѣ,
Отъ носовъ ихъ, живъ въ пустынѣ,
Много вышло намъ труда.

Терпятъ взоры наши, носъ, 8.
Что тамъ вересъ, тамъ навозъ
Жгутъ отъ войскъ сихъ въ защищенье;
Пологовъ тамъ расширенье
Доставляетъ сладкій сонъ[8];
Для прохлады тамъ въ окошки
Ставятъ изъ кисей рогожки;
Но нельзя какъ выйти вонъ
Безъ ограды изъ покоевъ;
То, какъ лучшій вождь героевъ[9],
Бить чтобъ Турокъ, ввелъ каре:
Такъ боярыни средь Званки,
Съ стекломъ капоръ изъ серпянки
Сшивъ, гуляютъ въ фонарѣ.

[8] Кровать со всѣхъ сторонъ окружается оградою изъ кисейныхъ занавѣсокъ. Старый Багровъ, въ *Семейной Хроникѣ*, спалъ въ пологу изъ домашней рѣдинки. «Предосторожность необходимая», замѣчаетъ Аксаковъ: «безъ полога заѣли бы его злые комары и не дали уснуть. Рои носились и тыкались длинными жалами своими въ тонкую преграду крылатые музыканты и всю ночь пѣли ему докучныя серенады. Смѣшно сказать, а грѣхъ утаитъ, что я люблю дишкантовый пискъ и даже кусанье комаровъ: въ нихъ слышно мнѣ знойное лѣто, роскошныя безсонныя ночи» и т. д. (*Сем. Хр.*, стр. 35).

[9] Румянцовъ; см. Томъ I, стр. 406.

Такъ, друзья, мой слыша зовъ, 9.
Вы не бойтесь комаровъ!
Комары не безполезны,
Могутъ быть еще любезны:
Вялыхъ двигаютъ недвигъ,
Искусствъ служатъ къ обрѣтенью,
Даютъ случай къ дерзновенью
Гордыхъ щелкать въ носъ и шлыкъ,
У красавицы спѣсивой
Смѣть съ улыбкою учтивой
Съ нѣжной ихъ согнать руки,
И своимъ они мученьемъ
Нравъ мягчатъ намъ сожалѣньемъ,
Какъ грызутъ ихъ пауки.

Что за туча на крылахъ 10.
Синимъ дымомъ на поляхъ
Поднималась, расширялась,
Вдругъ на землю опускалась?
Затемнился солнца свѣтъ,
Зачернѣлись небеса,
Затопилися лѣса,
Затруднился бѣгъ планетъ,
Затуманились народы,
Закипѣли мухой воды,
Застеналъ и самъ Нептунъ;
На египетски границы
Гнѣвъ небесной легъ десницы,
И Комаръ — ея перунъ!

Столпъ изъ пламени былъ данъ 11.
Весть Юдеевъ въ Ханаанъ.
Предъ грядущею весною
Въ вечеръ, тихою зарею,

Столпъ толчется комаровъ:
Служитъ знакомъ селянину
Въ поле гнать свою скотину
И впрягать въ плуга воловъ;
Рыбакамъ метать сѣть въ воды,
Идти дѣвамъ въ хороводы,
Воспѣвать любви ихъ жаръ,
Жаворонкамъ вверхъ взвиваться,
Соловьямъ вдаль раздаваться...
И предтеча всѣмъ — Комаръ.

Но ужели огнь мой весь 12.
Къ пѣнью комаровъ исчезъ?
Мысль за мыслію стремится,
Бездна безднъ чудесъ ихъ зрится:
Булдыхана зрю я тронъ!
Мандарины вкругъ съ усами,
Съ черными сидятъ косами,
Съ лысымъ, блещущимъ челомъ.
Имъ рабы ихъ на колѣняхъ
Подаютъ тамъ на ступеняхъ
Съ насѣкомыми тьмы блюдъ.
Лица радостны ихъ, взоры;
Сребро, злато и фарфоры
Съ комарами имъ несутъ.

Иль Китайцамъ лишь Комаръ 13.
Данъ природой въ сладкій даръ?
Сколько птичекъ сладкопѣвныхъ
И козявокъ разноперныхъ!
Какъ китовъ, ихъ Чукчи ждутъ;
Напротивъ того, и сами
Комары сколь ихъ носами
Земнородныхъ крови льютъ!

Пролѣзаютъ въ узки щелки,
Какъ пьянчуги для горѣлки,
Гдѣ бы было что попить,
И подъячій съ ихъ примѣру
Въ петлю радъ хоть черезъ вѣру
И чрезъ совѣсть пощечить.

Ахъ! на то ли міръ созданъ, 14.
Чтобъ былъ жертва и тиранъ?
Вижу, въ пышной колесницѣ,
Уподобяся Денницѣ [10],
Выѣзжаетъ Исполинъ!
Перстомъ дѣлитъ онъ Европу,
Угрожаетъ Еѳіопу;
Надъ ягненкомъ зѣвъ тамъ львинъ
Ужъ разверзтъ, его хватаетъ,
Но Комаръ какъ вихрь влетаетъ
Алчущихъ тирановъ въ носъ;
Они чхаютъ, упадаютъ,
Жертвъ въ покоѣ оставляютъ.
Философамъ тутъ вопросъ:

Силенъ ли надъ нами рокъ? 15.
Комаръ агнца, міръ сберегъ.
Есть ли звѣздъ опредѣленье?
Есть ли вышнее правленье?
О, великъ и ты, Комаръ!
Общей цѣпи всѣхъ твореньевъ
Не послѣдній ты изъ звеньевъ.
Не напрасно ль я мой даръ
Въ похвалу однихъ великихъ,
Блескомъ тщетнымъ отмѣнитыхъ,
Приносилъ всегда людей?

[10] Наполеонъ; см. выше стр. 179.

Между звѣздъ и преисподней
Кто суть пользой благороднѣй?
Дайте, дайте мнѣ судей.

Но найду ль я мыслей, словъ, 16.
Чтобъ прославить комаровъ?
Слабы струны моей лиры.
Окружаетъ и порфиры
Рой ихъ, тронъ и алтари;
И наушниковъ бояться,
Надъ зоиломъ издѣваться,
Брать ихъ могутъ въ цѣль цари,
А геройства звуку, грому,
Славы тщетныя содому
Точный образъ есть Комаръ:
Зефиръ порхнетъ, — къ небу вьется;
Борей дунетъ, — и свернется:
Онъ чудовище и паръ.

Въ микроскопѣ онъ, повѣрь, 17.
На ходуляхъ дивій звѣрь;
Хоботомъ — слону подобенъ;
По крыламъ — драконъ всѣмъ злобенъ;
О шести ногахъ — куликъ;
Тощь и малъ, — а льва тревожитъ:
Въ коняхъ, въ тиграхъ ярость множитъ,
Буйволъ имъ реветъ и быкъ,
А Церберъ съ досады воетъ,
Что, кусая, безпокоитъ
Столь его живая грязь;
Онъ по лету — духъ небесный!
Алчбой крови — вождь извѣстный,
По усамъ ордынскій князь[11].

[11] Ср. народную загадку: «Крылья орловы, хобота слоновы, груди

Больше жъ ты, Комаръ, во всемъ 18.
Схожъ съ военнымъ кораблемъ:
Ты на парусахъ летаешь,
Страшны громы испущаешь,
Жжешь свирѣпо и язвишь;
Ты снабженъ кормой и носомъ
И съ предлиннымъ тожъ насосомъ
Часто на меляхъ сидишь.
Грязнувъ въ патокѣ, въ сметанѣ
И на зимнемъ твоемъ станѣ
Замерзаешь тожъ, какъ онъ;
А тепло лишь дхнетъ весною,
Ты попутною порою
Самъ средь моря Фараонъ!

Но большую коль съ меньшой 19.
Сравнимъ вещь между собой,
То поэзіи пареньемъ
Намъ нельзя ль воображеньемъ
Комаровъ равнять душамъ,
Кои въ вѣчности витаютъ,
Миріадами летаютъ
По полямъ и по лѣсамъ;
Въ плоти свѣтлой и прозрачной
Воспѣвая вѣкъ свой злачной,
Не кусаютъ, — нѣтъ тамъ жалъ.
О! когда бы я, въ восторгѣ
Пѣсни въ райскомъ пѣвъ чертогѣ,
Комаромъ небеснымъ сталъ!

Здѣсь же въ мірѣ что, любя, 20.
Прославлялъ я столь тебя;

кониныя, ноги львиныя, голосъ мѣдный, носъ желѣзный; мы ихъ бить, а они нашу кровь лить» (Словарь Даля).

То прошу теперь послушать
И живьемъ меня не кушать,
Не лѣзть въ очи, не дуть въ слухъ;
Здѣсь жилище не небесно, —
Часто тварямъ въ ономъ тѣсно, —
Мы поссоримся, мой другъ.
Тамъ духовъ одна порода,
Братство, равенство, свобода;
Пиѳагорцы можемъ быть,
Ввѣкъ ничѣмъ не раздѣляться,
Другъ всѣ другомъ насыщаться,
Царь и рабъ друзьями жить.

О Комаръ! колико свойствъ, 21.
Разныхъ доблестей, геройствъ
Тебя въ свѣтѣ отличаютъ!
Всѣ народы величаютъ
Во свою тебя чреду.
Ты лѣсникъ, травникъ и тундрикъ,
Пикинеръ[12], трубачъ, цырульникъ, —
Мастеръ пѣть, пускать руду.
Сколь мужей было великихъ
Между насъ и между дикихъ!
Всѣхъ была, прошла пора;
Но тебя не позабудутъ:
Мои пѣсни вѣчно будутъ
Эхомъ звучнымъ Комара.

[12] *Пикинеръ* или, правильнѣе, пикенеръ (piquenaire) — солдатъ, вооруженный пикою. При Екатеринѣ II было образовано нѣсколько такихъ полковъ изъ казачьихъ. Графъ П. И. Панинъ, бывъ назначенъ главнокомандующимъ для усмиренія Пугачевскаго бунта, въ началѣ августа 1774 г. писалъ императрицѣ о новыхъ полкахъ: «... всѣ они по превращеніи ихъ изъ казачьихъ въ пикинерные немалое негодованіе оказывали» и проч. (см. наши *Матеріалы для истор. Пугач. бунта* въ *Зап. А. Н.*, т. III).

CVI. НА МОГИЛУ УБИТЫХЪ ПРИ ГРАНИЦѢ РУССКИХЪ ВОИНОВЪ ПОДЪ ФРИДЛАНДОМЪ[1].

—

Властолюбивый вождь, къ чертѣ сей не ходи:
Защитниковъ не разбуди!

[1] Гибельное для Русскихъ сраженіе подъ Фридландомъ было 2 іюня 1807; число убитыхъ и раненыхъ съ нашей стороны простиралось до 10 тысячъ (*Опис. 2-й войны съ Наполеономъ*, стр. 326—338).

CVII. КЪ ПОРТРЕТУ М. М. ХЕРАСКОВА.

—

Любимецъ русскихъ музъ (въ немъ нашъ Виргилій цвѣлъ)[a]
Монарховъ подвиги, дѣла героевъ пѣлъ:
Се видъ его лица, души — стихи свидѣтель,
А жизни — добродѣтель.

[a] . . . Виргилій нашъ въ немъ цвѣлъ;
Онъ подвиги царей, . . .
Лица его сей видъ. . . . (1808).

— —

[1] Херасковъ род. 25 октября 1733, ум. 27 сентября 1807 г. Напечат. въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за апрѣля 1808 г. (ч. II, стр. 77) и въ *Памятникѣ отеч. музъ* на 1827 г., стр. 46; потомъ во всѣхъ посмертныхъ изданіяхъ Державина.

CVIII. А. С. ХВОСТОВУ [1].

—

У знатоковъ соболій хвостъ 1.
Имѣетъ знамениту цѣну:
Въ Рожественскій имъ хладный постъ

[1] Державинъ уже въ первую эпоху своей дѣятельности былъ знакомъ съ Хвостовымъ и пользовался его совѣтами въ своихъ литературныхъ занятіяхъ (см. Томъ I, стр. 70). Дружескія ихъ отношенія не измѣнялись и послѣ. При учрежденіи *Бесѣды любителей русскаго слова* въ 1811 году Хвостовъ сдѣлался предсѣдателемъ 3-го разряда ея. Въ литературѣ извѣстенъ онъ болѣе по преданію, какъ счастливый острословъ и тонкій эпикуреецъ *, нежели по своимъ сочиненіямъ, изъ которыхъ только два до сихъ поръ обратили на себя вниманіе потомства, именно: шуточная ода къ Безсмертію: «Хочу къ безсмертью пріютиться» (см. *Собесѣдникъ люб. росс. сл.*, ч. X, стр. 165) и «Посланіе къ творцу посланія», т. е. къ Фонъ-Визину, напечатанное въ книгѣ кн. Вяземскаго объ этомъ писателѣ (стр. 330). Въ приложеніи къ настоящему посланію читатель найдетъ еще стихотвореніе А. С. Хвостова, доставленное намъ М. П. Погодинымъ.

Александръ Семеновичъ Хвостовъ былъ двоюродный братъ ославленнаго несчастною страстью къ стихотворству графа Дмитрія Ивановича Хвостова (см. Томъ II, стр. 484), надъ которымъ онъ часто подшучивалъ, какъ показываетъ и слѣдующее приписываемое первому двустишіе:

«Писатель нашъ Хвостовъ, скажу вамъ не въ укоръ,
Танцуетъ какъ Вольтеръ и пишетъ какъ Дюпоръ» **.

Графъ Хвостовъ иронически выражалъ сожалѣніе, что не можетъ назвать своего родственника русскимъ Пирономъ, потому что онъ слишкомъ лѣнивъ. Тотъ отвѣчалъ:

«Лѣниться — жребій мой, и жребій неизбѣженъ;
Скажи, любезный другъ, что̀ въ томъ, что ты прилеженъ?» ***

* *Воспом.* Вигеля въ *Русск. Вѣст.* за апрѣль 1864 г., стр. 565.

** Сообщено Н. И. Гречемъ. О знаменитомъ въ свое время танцовщикѣ Дюпорѣ говорится въ *Воспоминаніяхъ* Вигеля (*Русск. Вѣст.* за августъ 1864 г., стр. 452).

*** Слышано отъ покойнаго графа Блудова.

Они зрятъ митру опушену,
Корабликъ на главѣ царицъ;
Хвостъ грѣетъ грудь у женъ, дѣвицъ;

О томъ, какъ однажды графъ Хвостовъ воспользовался комплиментомъ, назначеннымъ автору оды къ Безсмертію, разсказываетъ Жихаревъ въ *Дневникѣ студента* (стр. 282). А. С. Хвостовъ слылъ вообще между своими друзьями человѣкомъ даровитымъ, но лѣнивымъ. Въ одномъ, неизвѣстномъ намъ посланіи къ Н. А. Львову, Капнисту и Хемницеру, подъ заглавіемъ *Три портрета*, онъ охарактеризовалъ талантъ каждаго изъ нихъ. Львовъ отвѣчалъ слѣдующимъ экспромптомъ:

«Хвостовъ! краскою своею
Ты насъ всѣхъ троихъ списалъ
И чрезъ то ты намъ сказалъ:
Вотъ какъ кистью я владѣю!
Я за всѣхъ за васъ умѣю
Означать и свѣтъ и тѣнь.
Это видите вы сами,
Что тремя могу быть вами,
Да ... лѣнь!» *

А. С. родился 18 ноября 1753 г. въ селѣ Кежовѣ (петербургской губ. гдовскаго уѣзда), учился въ академической гимназіи, поступилъ 1772 г. на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, потомъ, при генералъ-прокурорѣ кн. Вяземскомъ, былъ секретаремъ въ сенатѣ и тутъ-то вѣроятно сблизился съ Державинымъ (см. *Записки* Д., *Р. Б.*, стр. 124 и слѣдд.); въ 1779 онъ перешелъ въ военную службу подполковникомъ; въ 1791 былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Константинополѣ; въ 1803 переименованъ изъ генералъ-маіоровъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; въ 1804 произведенъ въ тайные; впослѣдствіи былъ директоромъ государственнаго заемнаго банка и умеръ 14 іюня 1820. Въ молодости Хвостовъ переводилъ съ разныхъ языковъ и, уже начиная съ 1770 г., печаталъ эти юношескіе труды **.

* Разсказъ объ этомъ и послѣдній стихъ слыхали мы неразъ отъ графа Блудова, но полный экспромптъ Львова сообщенъ намъ А. П. Кожевниковымъ.

** Нѣкоторые изъ нихъ показаны въ *Словарѣ* Евгенія и въ Смирдинской *Росписи*. Непонятно, какимъ образомъ первый опытъ его (*Любовные оборотни*, изъ Леграна) напечатанъ 1770 въ Москвѣ. За сообщаемые здѣсь біографическія о немъ свѣдѣнія мы обязаны Н. В. Сушкову, которому передалъ ихъ С. Д. Полтарацкій, а ему они были доставлены сыномъ Александра Семеновича, А. А. Хвостовымъ. Къ числу переводовъ А. С. прибавленъ въ указаніяхъ г. Сушкова романъ съ французскаго: *Фаншетина ножка*. Остальные были: съ нѣмецкаго *Португалія*, изъ Бюшинговой географіи (Спб. 1772), и съ латинскаго *Андріанка*, комедія Теренція (Спб. 1773).

Султанска имъ подбита шуба;
Но паче всѣхъ хвала сугуба,
Что свѣта богъ у Музъ своихъ
Мететъ имъ пыль съ ихъ лиръ златыхъ.

Однимъ изъ давнишнихъ пріятелей Хвостова былъ и А. В. Храповицкій (см. Томъ II, стр. 145). Они переписывались въ стихахъ; ихъ посланія отъ Х. къ Х. (см. *Раутъ* 1854 г.) имѣли особенное значеніе для современниковъ, которые находили въ нихъ понятные для себя намеки. Изъ шутокъ его приведемъ между прочимъ слѣдующее. «Жена его родила дочь — и вотъ онъ въ радости пишетъ экспромптомъ:

«Наконецъ
Я — отецъ!
Въ эту ночь
Богъ мнѣ дочь
Даровалъ!» и т. д.

«Встрѣчается онъ съ записнымъ волокитой, и вотъ ему совѣтъ:

«И за дичинкою на ловлю
Въ чужіе не ходи края.
Тотъ, кто чужую кроетъ кровлю,
Смотри, не протекла бъ своя ...»

«Съ молоду насмѣшливость, шутки и остроты Хвостова вызвали и на него шутку съ каламбуромъ:

«Хвосты есть у лисицъ, хвосты есть у волковъ,
Хвосты есть у кнутовъ: — эй, берегись, Хвостовъ!»

«Въ одной журнальной статьѣ эта шутка приписана Воейкову, который будто-бы написалъ ее на гр. Хвостова. Въ семейныхъ преданіяхъ, еще недавно, въ 1860 г. подтвержденныхъ мнѣ дочерью А. С. Хвостова, С. А. Козляиновой, и родной внучкой его, Е. Н. Тучковой (по рожденью Веригиной), эти стишки отнесены къ времени его военной службы; они были прилѣплены къ его лагерной палаткѣ и, стало быть, написаны не на гр. Хвостова и не Воейковымъ, который едва ли участвовалъ въ нашихъ войнахъ съ Турціей. Авторъ ихъ не извѣстенъ. Перебирая остряковъ давней поры, многіе приписывали ихъ Копьеву» *.

Настоящее посланіе сохранилось, переписанное на-бѣло, съ немногими поправками самого Державина, въ одной изъ его тетрадей; другой списокъ, совершенно такой же, полученъ нами отъ М. П. Погодина; изъ

* Частью изъ книги г. Сушкова: *Моск. унив. благор. пансіонъ* (М. 1858), частью изъ рукописныхъ его сообщеній, поправляющихъ прежнія показанія.

Подобно такъ и ты, Хвостовъ, 2.
Разсудкомъ здравымъ, тонкимъ вкусомъ,
Съ моихъ сметаешь грязь стиховъ,
И твоего пера искусомъ
Мои такъ мысли, какъ пилой,
Пилишь вокругъ твоей хулой,
Гоня моей Еврейки взрачной[2]
Съ лица веснушекъ облакъ мрачной,
О коихъ рекъ Дмитревскій намъ,
Что то порокъ прекрасныхъ драмъ.

Княгиню съ княземъ молодыхъ, 3.
По древню Россовъ обычаю,
Какъ въ сорокъ соболей драгихъ
Окутавъ вкругъ, опослѣ чаю
Ведутъ ко браку на погостъ[5],
Насыпавъ хмѣлю на помостъ,
Хвостовъ махая вязью славной;
Такъ идетъ Иродъ съ Маріамной
Мой въ свѣтъ подъ блескомъ чертъ твоихъ,
И волосъ не падетъ на нихъ.

Идетъ[6], какъ кровь съ млекомъ, какъ сыръ, 4.

[5] Усыпавъ хмелемъ сѣни, мостъ,
Выводятъ дружки на погостъ (Позднѣйшая поправка).
[6] Валитъ. . . .

чего можно заключить, что это — одно изъ стихотвореній, распространившихся между современниками въ рукописи. У Державина оно помѣчено 11-мъ января 1808 года. Подъ 1809 г. см. еще стихи Хвостова къ Державину.

[2] . . . *моей Еврейки взрачной*, т. е. Маріамны. Рѣчь идетъ о трагедіи Державина: *Иродъ и Маріамна*, которая въ это время была уже написана и прочитана въ рукописи знаменитымъ актеромъ Дмитревскимъ (род. 1736, ум. 1821). См. драматическія сочиненія въ слѣдующемъ Томѣ нашего изданія.

Купчиха въ кунтушѣ собольемъ
На пышный, горделивый пиръ
Раздуться яствъ и пивъ привольемъ;
Или какъ русская Жанъ-д'Аркъ,
Хвостъ черный гребнемъ на шишакъ
Нагнувъ надъ взоромъ соколинымъ,
Течетъ въ рядахъ въ бой съ сердцемъ львинымъ,
Забывъ свой полъ и юность лѣтъ, —
Моя трагедія идетъ.

Пойдетъ[в] подъ поѣздомъ твоимъ 5.
На славный такъ театръ столицы;
Котурномъ возносясь своимъ,
Взвернетъ всѣхъ ложъ, помостовъ лицы
На образъ свой. О, сколько словъ
Завистныхъ втай и въявь судовъ[г]
Возстанетъ тамъ! Того не зная,
Сколь мыслей и стиховъ ломая[д],
Ты золъ мнѣ былъ, болѣзненъ такъ,
Какъ сердцу отчу дщери бракъ.

Но много ли такихъ хвостовъ[е], 6.
Какъ ты, изъ соболина рода?
Инымъ не месть моихъ стиховъ;
Тебя произвела природа
Лонгиномъ, Квинтильяномъ быть,
Лагарповъ въ Россахъ зародить!
Лишь будь ты сиднемъ въ кабинетѣ,
И копоткій въ твоемъ совѣтѣ,

[в] Взойдетъ ...
[г] Завистныхъ толковъ и судовъ.
[д] Ты сколь стиховъ и риѳмъ ломая,
Жестокъ мнѣ былъ, болѣзненъ такъ.
[е] Но много ли суть тѣхъ хвостовъ (Первонач. редакція).

Разборчивый Шишковъ[3]: — то музъ
Невы прославится союзъ.

Отнюдь я не завистенъ къ тѣмъ, 7.
Кто ихъ стиховъ не любитъ править
И сыплетъ имъ какъ бы дождемъ,
Себя мня риѳмами прославить*.
Пусть чернь гремитъ, ликъ хвалитъ баръ
И блещетъ ихъ тщеславный жаръ:
Я въ швальню не пойду портнаго;
Но дать на судъ ума Хвостова
И всѣмъ, кто вкусомъ знаменитъ,
Письмянъ моихъ, — не ставлю въ стыдъ.

* .... лишь славить.

---

[3] А. С. Хвостовъ былъ въ короткой пріязни съ Шишковымъ (*Моск. ун. бл. пансіонъ*, l. c.).

Приложеніе.

ОТВѢТЪ Г. Р. ДЕРЖАВИНУ.

(А. С. Хвостова.)

Державина пріявъ велѣнье, 1.
Отнынь я критикъ и піитъ;
Пѣвца Фелицы ободренье
Кого, кого не возгордитъ?

Проживъ полвѣка, я такаго 2.
Огня въ себѣ не ощущалъ;
Се дѣйствіе его мнѣ слова,
Се слѣдствіе его похвалъ.

Тщеславья мѣряся аршиномъ, 3.
Мню, что талантъ на судъ мнѣ данъ;
Уже себя я чту Лонгиномъ,
Мню: я Лагарпъ, Квинтиліанъ.

Но разумъ мой, меня не нѣжа, 4.
Даетъ полезный мнѣ урокъ.
Онъ говоритъ: «Молчи, невѣжа;
«Сиди въ своемъ шесткѣ, сверчокъ!

«Таинъ Божьихъ Вышняго свершенья 5.
«Пресвитеру у алтаря
«Прилично ли уподобленье
«Невѣжнаго понамаря?

«Державинъ вкусъ твой похваляетъ, 6.
«Тебя довѣренностью чтитъ;
«Умъ въ мѣрахъ быть повелѣваетъ
«И знать себя тебѣ велитъ.

«Тебѣ то диво непонятно, 7.
«Что въ баринѣ да спѣси нѣтъ;
«Иль то тебѣ невѣроятно,
«Что скроменъ, терпѣливъ поэтъ?

«Тебѣ ль его судьей быть драмѣ? 8.
«Постой, опомнися, гордецъ!
«Вѣдь тотъ, кто соръ мететъ во храмѣ,
«Не есть хвалъ Вышняго пѣвецъ.

«Скорѣй въ невѣжествѣ признайся, 9.
«Меня, ума, послушавъ въ томъ:
«Хвостовъ, не очень величайся
«Своимъ метелочнымъ умомъ»!

CIX. ПРИКАЗЪ МОЕМУ ПРИВРАТНИКУ [1].

Единъ есть Богъ, единъ Державинъ, 1.
Я въ глупой гордости мечталъ,

[1] Стихи эти написаны Державинымъ по тому поводу, что однажды швейцаръ его принялъ пакетъ, адресованный на имя другаго Державина, оберъ-священника Ивана Семеновича, который жилъ по сосѣдству съ нимъ. Шуточное посланіе стало ходить по рукамъ и вызвало длинный, язвительный отвѣтъ въ стихахъ же, приписанный однофамильцу его и помѣщаемый нами ниже, въ приложеніи. Обѣ пьесы распространились въ безчисленныхъ спискахъ и встрѣчаются въ рукописныхъ сборникахъ подъ однимъ общимъ заглавіемъ: *Споръ Державиныхъ*, или *Ссора Державиныхъ*. Само собою разумѣется, что въ такомъ большомъ числѣ списковъ многіе стихи являются въ различномъ, отчасти искаженномъ видѣ. *Приказъ моему привратнику* былъ наконецъ напечатанъ въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1859 г. (№ 11, ст. 329), при чемъ нѣкоторые стихи представлены въ двоякой редакціи. Мы печатаемъ это стихотвореніе по собственной тетради поэта, гдѣ оно помѣчено 16-мъ января 1808 года и переписано набѣло рукой писаря съ немногими только автографическими поправками. Изъ первоначальнаго заглавія: Приказъ моему вратнику два первыя слова тамъ вычеркнуты, а вмѣсто послѣдняго поставлено *Привратнику*. Мы удержали ту форму заглавія, въ какой оно чаще всего попадается въ рукописяхъ * и уже явилось однажды въ печати. Помѣщать при немъ всѣ варіанты, попадающіеся въ распространившихся спискахъ, не считаемъ нужнымъ, такъ какъ эти варіанты принадлежатъ по большой части не самому поэту, а переписчикамъ.

Что касается до *Отвѣта*, или *Приказа моему секретарю*, котораго, по очень понятной причинѣ, въ бумагахъ поэта не оказалось, то мы заим-

* Въ сборникѣ, полученномъ нами отъ В. И. Григоровича, читается заглавіе: *Приказаніе моему привратнику*; въ спискѣ, доставленномъ отъ М. П. Погодина: *Наставленіе вратнику.*

Одна мнѣ риѳма — древній Навинъ[2],
Что солнца бѣгъ остановлялъ.
Теперь другой Державинъ зрится,
И риѳма та жъ ему годится;
Но тотъ Державинъ — попъ, не я:
На мнѣ парикъ, на немъ скуфья.

Итакъ, чтобъ вратъ моихъ приставу 2.
Въ Державиныхъ различье знать,
Пакетовъ, чести по уставу[3],
Чужихъ мнѣ въ домъ не принимать,
Не брать отъ *имрековъ* пасквилей,
Цидулъ, листовъ, — не быть впредь филей,
Даю сей вратнику приказъ
Не выпускать сего изъ глазъ:

На имя кто бъ мое пакеты 3.
Какіе, письма ни принесъ,
Вопросы долженъ на отвѣты[4]

ствуемъ его изъ весьма четко и грамотно написаннаго сборника, подареннаго намъ въ Казани бывшимъ профессоромъ тамошняго университета, Викторомъ Ивановичемъ Григоровичемъ. Помѣщенный здѣсь списокъ отвѣта отличается полнотою и вѣрностью; въ имѣвшейся у насъ до того копіи не доставало цѣлыхъ 6-ти строфъ (отъ 2-ой до 7-ой включительно). Въ *Библ. Зап.* изъ этого отвѣта было сообщено только 16 стиховъ. Вполнѣ онъ недавно былъ напечатанъ, вмѣстѣ съ посланіемъ поэта Державина, за-границей, въ одномъ сборникѣ русскихъ стихотвореній, но не безъ важныхъ невѣрностей.

[2] Въ нѣкоторыхъ спискахъ: «Одинъ мнѣ риѳма древній Навинъ» (т. е. одинъ Навинъ ...). По настоящему, и въ томъ и въ другомъ выраженіи неточность: поэтъ хотѣлъ сказать: *одному* мнѣ риѳма Навинъ.

[3] Этотъ стихъ почти во всѣхъ извѣстныхъ намъ спискахъ искаженъ: по большей части, вмѣсто *чести* читается тутъ *почты*. Въ этой же строфѣ стихъ 7-ой часто встрѣчается въ такомъ видѣ: «Ему даю на то приказъ».

[4] Въ *Библіогр. Запискахъ* было замѣчено объ этомъ стихѣ: «Неправильная перестановка; должно читать: *Отвѣты долженъ на вопросы*». Это

Тотчасъ онъ дать, — бумагъ тѣхъ въ вѣсъ, —
Сказать: отколь, къ кому писанья?
И тѣ всѣ произнесть признанья[5]
Свободнымъ безъ запинокъ ртомъ; —
Подметны сплетни жги огнемъ[а].

А чтобъ Державина со мною 4.
Другаго различалъ ты самъ, —
Вотъ знакъ: тотъ младъ, но съ бородою;
Я старъ, — юнъ духомъ по грѣхамъ[6].
Онъ въ рясѣ длинной и широкой;
Мой фракъ кургузъ и полубокой.
Онъ въ волосахъ, я голъ главой;
Я подлинникъ, — онъ списокъ мой.

Онъ пѣлъ молебны, панихиды, 5.
И ихъ понынѣ все поетъ:
Слуга былъ Марса я, Ѳемиды,
А нынѣ — отставной поэтъ;
Онъ пастырь, чадъ отецъ духовный,
А я правитель былъ народный.
Онъ оберъ-попъ, я ктиторъ Музъ[б],
Иль днесь пресвитеръ ихъ зовусь.

[а] Подметны жъ письма... (Прежняя редакція).
[б] ... я сотникъ Музъ.

не вѣрно: такихъ перестановокъ Державинъ никогда не позволялъ себѣ; онъ хочетъ сказать, что швейцаръ при пріемѣ пакетовъ долженъ предлагать принесшему ихъ вопросы для полученія отвѣтовъ и потомъ передавать эти отвѣты (*признанья*) своему господину.

[5] Стихъ, въ большей части списковъ пропущенный и замѣщенный точками.

[6] Въ одномъ спискѣ:

Я старъ, — онъ младъ, хоть и съ брадою,
Но старъ онъ духомъ по грѣхамъ.

Кропитъ водой, куритъ[в] кадиломъ, 6.
Онъ тянетъ руку дамъ къ устамъ[7]:
За честь я чту тянуться съ рыломъ
И цѣловать ихъ ручки самъ.
Онъ молитъ небеса о мирѣ,
Героевъ славлю я на лирѣ;
Онъ тайны сердца исповѣсть,
Скрывать я шашни чту за честь.

Различенъ также и дѣлами[г]: 7.
Онъ ѣстъ кутью, а я салму[8];
Онъ громокъ многими псалмами,
Я въ день шепчу по одному.
Державинъ родъ съ потопа влекся;
Онъ въ семинарьи имъ нарекся[9]
Лишь сходствомъ риѳмъ моихъ и стопъ.
Мой дѣдъ мурза, его дѣдъ попъ.

И словомъ, онъ со мной не сходенъ 8.
Ни видомъ, ростомъ, ни лицомъ;
Душой, быть можетъ, благороденъ,

[в] ... звучитъ.
— брянчитъ.
[г] Различенъ платьемъ и дѣлами.

---

[7] Въ нѣкоторыхъ спискахъ: «ко рту дамъ».

[8] *Салма* — изрѣзанное кусками тѣсто, сваренное въ водѣ съ приправою или просто (Обл. Словарь). Это татарское слово, записанное въ симбирской губерніи, конечно распространено и въ другихъ низовыхъ мѣстахъ, гдѣ бывалъ Державинъ.

[9] Извѣстно, что въ прежнее время сыновья священниковъ обыкновенно принимали въ семинаріи новую фамилію. Поэтъ намекаетъ, что отецъ Іоаннъ назвался въ семинаріи Державинымъ, потому что подражалъ его стихамъ. При этомъ онъ въ шутку преувеличиваетъ древность своего рода, который собственно восходилъ до временъ Василія Темнаго, когда изъ Золотой орды выѣхалъ родоначальникъ Державиныхъ, мурза Багримъ (*Записки* Д., *Р. Б.*, стр. 10).

Но гербомъ не Державинъ онъ!
Въ моемъ звѣзда рукой держима[10],
А имъ клюка иль трость носима.
Онъ можетъ четки взнесть въ печать,
Я лирою златой блистать.

А потому почталіоновъ, 9.
Его носящихъ письма мнѣ,
Отправя множествомъ поклоновъ,
Ни средь обѣдовъ, ни во снѣ
Не рушь ты моего покою;
Но позлащенной булавою
Съ двора ихъ съ честью провожай;
Державу съ митрой различай.

[10] Въ гербѣ Державина изображена рука среди облаковъ, держащая звѣзду. Въ царствованіе Павла онъ придумалъ къ этому надпись: *Силою вышнею держусь* (*Зап.* его, *Р. Б.*, стр. 427).

Приложеніе.

Хотя есть основаніе сомнѣваться, чтобы отвѣтъ на предыдущіе стихи былъ написанъ тѣмъ самымъ лицомъ, котораго они касались, однакожъ мы здѣсь сообщимъ прежде всего свѣдѣнія о священникѣ Державинѣ, какъ объ одномъ изъ героевъ этой перебранки, а потомъ назовемъ того, кто по всей вѣроятности можетъ считаться авторомъ отвѣта. Отецъ Іоаннъ Семеновичъ Державинъ, по окончаніи курса въ новгородской семинаріи, былъ въ ней учителемъ; въ 1788 году, когда Александро-невская семинарія была преобразована въ Главную, съ тѣмъ чтобъ приготовлять учителей въ семинаріи епархіальныя, онъ былъ вызванъ сюда наставникомъ на классъ поэзіи *, а въ слѣдующемъ году переведенъ на классъ красно-

* Въ томъ же году были вызваны въ Главную семинарію, для приготовленія къ наставническимъ должностямъ: знаменитый Сперанскій изъ владимірской семинаріи, извѣстный И. И. Мартыновъ изъ полтавской, Ѳедоръ Гавриловичъ Русановъ (впослѣдствіи Ѳеофилактъ, экзархъ Грузіи) изъ олонецкой, и Петръ Андреевичъ Словцовъ изъ тобольской семинаріи.

рѣчiя; въ 1790 г. вышелъ священникомъ въ приходъ и занималъ разныя епархiальныя должности; въ 1798 произведенъ въ протоiерея къ Вознесенской церкви; въ iюлѣ 1807 назначенъ членомъ синода и оберъ-священникомъ армiи и флота (на мѣсто П. Я. Озерецковскаго), а въ декабрѣ того же года пожалованъ митрой. Въ 1808 г., при учрежденiи комитета о преобразованiи церковныхъ училищъ, И. С. Державинъ назначенъ членомъ его (вмѣстѣ съ митрополитомъ Амвросiемъ, кн. А. Н. Голицынымъ, Сперанскимъ, Өеофилактомъ Русановымъ и Криницкимъ), а послѣ переименованiя комитета въ коммиссiю духовныхъ училищъ оставленъ постояннымъ ея членомъ. Скончался въ началѣ 1826 г. и погребенъ въ волковской церкви Воскресенiя Христова, въ притворѣ. Онъ былъ женатъ на дочери духовника императора Александра 1, протопресвитера Сергѣя Өедоровича Краснопѣвкова (ум. 4 мая 1808 г.). У него было четыре дочери, изъ которыхъ двѣ еще живы. Портретъ И. С. Державина, какъ и тестя его, есть у преображенскаго протоiерея Сицилинскаго. Отецъ Iоаннъ жилъ на углу обуховскаго проспекта и 2-ой роты измайловскаго полка, гдѣ теперь помѣщается строительное училище *. По отзывамъ знавшихъ его современниковъ, онъ былъ человѣкъ весьма умный, даровитый и имѣлъ въ синодѣ большую силу. Независимость своего характера доказалъ онъ многими мнѣнiями, которыя онъ представлялъ, расходясь съ большинствомъ своихъ сочленовъ, и въ которыхъ почти всегда былъ съ нимъ согласенъ позднѣйшiй духовникъ императора Александра П. В. Криницкiй. Къ этимъ свѣдѣнiямъ, за доставленiе которыхъ приносимъ искреннюю признательность И. А. Чистовичу, прибавимъ, что отъ протоiерея Державина остались три напечатанныя рѣчи, говоренныя имъ передъ воинствомъ въ 1812, 1813 и 1814 годахъ. Изъ нихъ болѣе другихъ замѣчательна первая, пропущенная въ Смирдинской *Росписи*, но имѣющаяся въ здѣшней публичной библiотекѣ подъ рукописнымъ заглавiемъ: *Слово о должности воина*. Вотъ изъ нея довольно любопытное мѣсто: «А какое зло можетъ превышать варвар-«скiй характеръ Наполеона? Еще за 18 вѣковъ почти нѣкоторый знаме-«нитый римскiй философъ изобразилъ чувства и правила праотцевъ его. «Вотъ, говоритъ онъ, законы Корсиканцевъ: мстить, лгать, хищничать «и отвергать боговъ! — По всѣмъ явленiямъ жизни и дѣлъ видно, что «Наполеонъ намѣренъ ничего не щадить, чтобъ на земли не существо-«вали отнюдь благоденствiе, правда и добродѣтель и чтобъ гибельными «навыками къ его правиламъ заражены были всѣ сущiе подъ солнцемъ. «И сiе ли зло останется отъ васъ ненаказаннымъ?» и проч. (стр. 5 и сл.).

Судя по этимъ рѣчамъ, трудно представить себѣ, чтобы *Приказъ секретарю* былъ написанъ тѣмъ же перомъ. Дѣйствительно, по засвидѣтельствованiю достовѣрныхъ людей, уже между современниками Державиныхъ была распространена молва, называвшая авторомъ этого отвѣта совсѣмъ другое лицо, именно священника Пакатскаго. Онъ напечаталъ

* Г. Р. Державинъ жилъ въ собственномъ домѣ на Фонтанкѣ близъ измайловскаго моста; см. Томъ I, стр. 436.

довольно много сочиненій, по большой части стихотворныхъ, которыя легко могутъ имѣть одинаковое происхожденіе съ занимающимъ насъ отвѣтомъ. Особенно относятся сюда его *Зримый свѣтъ, или возницающая Аврора* (Спб. 1805) *, и посвященіе императору Александру Павловичу передъ *Священной поэмой* на окончаніе войны съ Наполеономъ (Спб. 1814); то и другое написано четырехстопными ямбическими стихами, довольно легкими для того времени, и языкомъ довольно чистымъ. Авторъ еще въ 1789 г. издалъ книжку: *Благоразумный христіанинъ или напутствіе человѣку, вступающему въ должности общежитія.* Гораздо позднѣе онъ переложилъ въ стихи *Плачъ Іереміи* (1812), *Псалтирь* (1818), *Книгу Іисуса Сираха* (1825) и *Канонъ Андрея Критскаго* (1829). За *Псалтирь* россійская академія наградила его преміей въ 500 рубл. (*Извѣстія росс. ак.* 1820 г., кн. VIII, стр. 7). На заглавномъ листѣ этой книги перелагатель обозначенъ «лишеннымъ зрѣнія». Изъ предисловія къ *Зримому свѣту* видно, что онъ еще въ 1802 и 1803 годахъ, по слабости зрѣнія, пользовался свободою отъ должности. Тогда уже Гавріилъ Абрамовичъ Пакатскій былъ конечно человѣкъ не молодой; онъ занималъ мѣсто священника при церкви градскихъ богадѣленъ, подъ Смольнымъ монасыремъ; учился въ новгородской семинаріи. Вотъ всѣ свѣдѣнія, которыя намъ до сихъ поръ удалось собрать о немъ при радушномъ содѣйствіи протоіерея И. В. Рождественскаго и профессора И. А. Чистовича. По словамъ автора *Обзора русской духовной литературы*, (кн. II, стр. 222), «канонъ Критскаго такъ хорошо переложенъ, такъ близко къ подлиннику, что едва ли можетъ быть лучшее переложеніе».

ОТВѢТЪ.

ПРИКАЗЪ МОЕМУ СЕКРЕТАРЮ.

1. Опомнись, осмотрись, Державинъ,
Какой ты дичи наблеялъ[а]!
Одна ль тебѣ есть риѳма Навинъ,
Кой[б] солнца бѣгъ остановлялъ?
Единъ есть Богъ и Вседержитель,
Державинъ есть державы житель:
Въ державѣ житель не одинъ,
А риѳма есть ни родъ, ни чинъ.

[а] ... намаралъ (По другимъ спискамъ).
[б] Что ...

* Эта книжка, родъ дѣтской энциклопедіи, Orbis sensualium pictus, Sichtbare Welt, переложена имъ въ стихи изъ прозаическаго перевода (съ нѣмецкаго), сдѣланнаго членомъ росс. академіи Иваномъ Хмельницкимъ и издававшагося нѣсколько разъ подъ заглавіемъ: *Свѣтъ зримый въ лицахъ.* Мы знаемъ четыре его изданія: 1773, 1789, 1805 и 1817. Первое въ четвертку, 400 стр. кромѣ предисловія, и въ текстѣ 100 большихъ гравюръ на мѣди.

Нѣтъ нужды спорить мнѣ съ піитомъ. 2.
Богатой риѳмы мнѣ не жаль [1];
Я долженъ толковать съ левитомъ
Начало вѣры и скрижаль.
Начто же было издѣваться,
Что могъ Державинымъ назваться?
Но я тоя жъ державы членъ [в],
Коль столько же въ нее влюбленъ.

Начто жъ вставать изъ-за обѣда, 3.
Писать обширный сей приказъ
И столь невиннаго сосѣда
Колоть не въ бровь, а прямо въ глазъ?
Не знаю я твоихъ пороковъ,
Займовъ, кредитовъ и просроковъ;
Начто примѣты всѣ считать?
Довольно надпись прочитать.

Зоиловыхъ держась ты правилъ, 4.
Искалъ въ чужой сорочкѣ блохъ;
Но свой лишь вшивый плащъ представилъ [г]
Въ сатирѣ сей, какъ Архилохъ.
Я зналъ различье между нами,
Хотя мы сходны именами:
Я младъ лѣтами, ты старикъ.
Ношу я митру, ты — парикъ.

Не попъ, но оберъ я священникъ.[2], 5.
Рѣшитель здѣсь грѣховныхъ узъ;
Филипповъ только ты каженникъ [3],
Не ктиторъ, но питомецъ Музъ;
Я членъ святѣйшаго синода,
Ты былъ правителемъ народа;
Я ветхій съ новымъ чту завѣтъ,
Тебѣ жъ извѣстнѣе балетъ [д].

Я въ рясѣ длинной и широкой, 6.
Власы имѣю и браду;

[в] Другой, тоя жъ державы членъ,
Кой...
[г] ... тылъ представилъ.
[д] Тебѣ жъ пора плясать балетъ.

---

[1] Т. е. я спорю не изъ-за богатой риѳмы и готовъ, пожалуй, уступить ее.

[2] *Оберъ-священникъ* — «протоіерей, управляющій духовными дѣлами военнаго вѣдомства, независимо отъ епархіальнаго начальства» (Акад. Словарь).

[3] Относится къ сказанію апостольскому объ апостолѣ Филиппѣ и эѳіопскомъ вельможѣ — *каженикъ*, или евнухѣ, который принялъ отъ Филиппа крещеніе (*Дѣян. апостольск.*, гл. 8, ст. 26—39).

Твой фракъ кургузъ и полубокой
И плѣшь поверхъ его въ виду.
И то скажу съ отважнымъ рискомъ,
Что мнѣ нельзя твоимъ быть спискомъ:
Съ чего власы, браду мнѣ снять?
Чѣмъ рясу съ фрака дополнять?

Пою молебны, панихиды: 7.
Мой долгъ и польза суть виной;
Слуга бывъ Марса и Ѳемиды,
Министръ ты нынѣ отставной.
Кроплю водой, брянчу кадиломъ,
Тебя къ себѣ не кличу съ рыломъ,
Но крестъ святой лобзать даю,
Кто руку хочетъ чтить мою *.

Я пастырь есмь овецъ словесныхъ, 8.
Завистникъ ты красотъ тѣлесныхъ;
Я тайны сердца исповѣмъ,
Ты, зная ихъ, разскажешь всѣмъ.
Бужу всѣхъ многими псалмами,
Едва ль внушу по одному.
Кутью жъ ѣдятъ міряне сами,
Одинъ ты кушаешь салму!

Тебѣ не нужны ѳиміамы, 9.
Ниже съ водой святою крестъ;
Однѣ въ умѣ вертятся дамы,
Хотя бъ среди священныхъ мѣстъ.
Всѣхъ родъ исходитъ отъ Адама,
Хоть кавалеръ кто будь, хоть дама;
Всѣ мы отъ Ноевыхъ сыновъ
Беремъ различіе чиновъ.

Кто тамъ мурзой именовался, 10.
О томъ совсѣмъ не знаю я;
Но, какъ историкъ отозвался,
Была въ ковчегѣ и свинья.
Мой родъ и всѣ въ Россіи дѣды;
Татары — только намъ сосѣды:
Державинъ есть россійскій сынъ,
Мурза — князей татарскихъ чинъ.

Учась въ россійскомъ институтѣ, 11.
Сіе я имя заслужилъ;
Твой, можетъ статься, дѣдъ въ Бахмутѣ
Его мурзенку наложилъ.

* Кто хочетъ — руку чтить мою.

Мой гербъ есть книга, крестъ и митра,
Твой гербъ — звѣзда въ рукѣ безъ скиптра!
Клюка жъ — хранитель отставныхъ,
А четки — ангеловъ земныхъ.

Что ты ни въ чемъ со мной не сходенъ, 12.
Признался ты, и я не лгу,
И быть душою благороденъ
Всегда хочу я и могу.
Ошибка ль чья тому виною,
Или игрушка надо мною,
Что поданъ мой тебѣ пакетъ, —
Моей вины однакожъ нѣтъ!

Коль многими уже вѣками 13.
Нашъ чинъ включенъ въ оригиналъ,
Какой бы дерзкими руками
Похитить могъ его нахалъ?
Мнѣ въ чинѣ сдѣлалъ ты убавку,
Дабы забыть свою отставку,
Дабы татьбой чужихъ заслугъ
Покрыть[*] природный свой недугъ.

Теперь, казалось, расквитались, 14.
Державинъ! мы уже съ тобой,
И много безъ кишокъ катались,
Смотря на сей безкровный бой; —
Но будь и въ томъ еще увѣренъ:
Коль будешь такъ же не умѣренъ,
То знай, что ѣду, не свищу,
А какъ наѣду, не спущу.

А ты, Козминъ, мой тайникъ[4] вѣрный, 15.
Возьми пасквиль его прескверный
И мной написанный отвѣтъ
Хранить на случай въ кабинетъ,
Чтобъ встрѣчей намъ сему подобныхъ
Впередъ съ тобою не видать.
При случаяхъ на то удобныхъ
Сіе имѣешь наблюдать:
Пріемля и нося пакеты,
Различье помни и примѣты,
Подложныхъ писемъ не примай
И самъ печати не ломай.

[*] Открыть ...

[4] *Тайникъ*, переводъ слова секретарь. Въ одномъ спискѣ *тайникъ* безъ *мой*.

CX. ОТЗЫВЪ НА ПАСКВИЛЬ[1].

Ужель мнѣ отвѣчать
На то, что такъ меня за шутку злобно колютъ?
Благоразумнѣе молчать:
Избыткомъ лишь сердецъ уста у насъ глаголютъ.

[1] Въ черновой рукописи стихи эти были начаты подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Отвѣтъ попу Державину на ругательство и сперва получили такую редакцію:

Что дать въ отвѣтъ на брань святаго мнѣ отца?
Всякъ правъ иль виноватъ считается дѣлами.
Пойдемъ на судъ къ людямъ своими мы стихами;
Увидитъ всякъ изъ нихъ, кто волкъ и кто овца.
Мнѣ должно ль говорить, гдѣ злобно меня колютъ?
Избыткомъ сердца лишь уста у насъ глаголютъ.

CXI. НА ОСВЯЩЕНІЕ ЭРМИТАЖНАГО ТЕАТРА,

въ которомъ былъ маскарадъ и ужинъ

28 января 1808 года[1].

Не Солнцевъ ли сей домъ?
Онъ весь блеститъ огнями!
Нѣтъ! храмъ, свѣтящійся сердцами,
Когда счастливъ народъ царемъ.

[1] Празднество было въ честь великаго князя Константина Павловича, которому въ этотъ день минуло десять лѣтъ (см. Томъ II, стр. 150). Надпись эта напечатана въ *Драматическомъ Вѣстникѣ* 1808 г., ч. I, стр. 32, съ подписью *Державинъ*. Оттуда и заимствуемъ нашъ текстъ; въ позднѣйшихъ тетрадяхъ поэта встрѣчается слѣдующая редакція:

Не Солнцевъ ли чертогъ содѣлался сей домъ,
Что свѣтъ объемлетъ насъ и свѣтитъ всѣмъ зарями?
Нѣтъ, это храмъ молитвъ, свѣтящійся сердцами,
Когда народъ счастливъ царемъ.

CXII. НА ВЗЯТІЕ СВЕАБОРГА[1].

Какъ Тиръ, такъ Свеаборгъ непобѣдимымъ былъ:
Но что противъ машинъ и силъ и ухищренья
Царей могущихъ стать возможетъ устремленья?
Тотъ первый Александръ, второй сей покорилъ.

[1] Свеаборгъ сдался генералу Буксгевдену въ 20-хъ числахъ апрѣля 1808 года, при чемъ, какъ теперь уже несомнѣнно, *золотой порохъ* дѣйствовалъ болѣе всякаго оружія. Это важнѣйшее событіе войны праздновалось въ Петербургѣ особеннымъ торжествомъ предъ монументомъ Петра Великаго (Михайловскаго-Данилевскаго *Описаніе финляндской войны*, стр. 109).

CXIII. НА ТО, ЧТО БЫЛО И ЧТО НЫНѢ[1].

Бывало обручи вкругъ китовы надѣты 1.
И госпожи средь ихъ какъ города стоятъ;
А нынѣ донага почти онѣ раздѣты;
На плечахъ крылышки, — Амуръ вспорхни, — летятъ.

Бывало нелегко причислиться въ поэты 2.
И геній вѣкъ свой трудъ былъ долженъ исправлять;
А нынѣ такъ стихи, какъ мѣдныя монеты,
Чеканятъ всякій день, и Пиндары гремятъ.

[1] Въ черновой тетради отмѣчено 25 мая 1808 г. Помѣщается по рукописи *Часть VII*.

Бывало съ юности трудятся многи лѣты, 3.
И баръ по опытамъ на степени садятъ;
Днесь польза царствъ, законъ хоть чужды имъ и счеты,
Но Остерманомъ быть всѣ, Вяземскимъ хотятъ.

Бывало, въ лагеряхъ и сыты и одѣты, 4.
Оружьемъ поразя, своихъ враговъ щадятъ;
А нынече бивакъ французскихъ въ томъ лишь мѣты,
Чтобъ кровью цѣлыхъ царствъ насытить звѣрскій гладъ.

Бывало, къ отчеству любовію нагрѣты, 5.
За вѣру, за царя, какъ въ пиръ, на бой летятъ;
А нынѣ золота и вѣроломства сѣти
Министровъ и вождей и царски очи тмятъ.

Какой же лучше вѣкъ? планеты иль кометы? 6.
Что было, иль что есть? — кто можетъ судъ мнѣ дать?
Правдивой славы въ храмъ Лукрецій иль Мальгреты*,
Съ Аттилой Александръ ужели пойдутъ въ рядъ?

Ахъ, нѣтъ! коль вѣчность есть, Богъ праведенъ и святъ. — 7.
Не могутъ такъ пройти Господнихъ словъ обѣты,
И души чисты, такъ какъ солнце, возблестятъ;
А нечестивыя покроетъ мрачный адъ.

* «Бурбонская принцесса». Д.

CXIV. НА ПОРАЖЕНІЕ ГИШПАНЦАМИ ФРАНЦУЗОВЪ[1].

Въ огневицѣ[2] Французъ ужасны терпитъ муки,
Бросается на всѣхъ, кусаетъ и грызетъ:
Гишпанскія ему прикладываютъ мухи.
Не знаю, придетъ ли онъ въ разумъ, или нѣтъ.

[1] Написано вѣроятно по поводу извѣстія объ изгнаніи Французовъ возставшими Испанцами изъ Мадрида и всего королевства до рѣки Эбро, послѣ чего однакожъ непріятель опять занялъ страну и началась война гверильясовъ.

[2] *Огневи́ца* — горячка.

CXV. КЪ ПОРТРЕТУ АДМИРАЛА ДМИТРІЯ НИКОЛАЕВИЧА СЕНЯВИНА[1].

Аттила бы хотѣлъ, чтобъ онъ вѣнчался кровью,
Сгоря на воздухѣ, въ огнѣ, какъ саламандръ;
Но къ человѣчеству исполненъ царь любовью:
Спасителю людей даетъ побѣды лавръ.

[1] Подъ Аттилою разумѣется Наполеонъ. Въ 1806 году Сенявинъ съ большою славою дѣйствовалъ противъ Французовъ въ Далмаціи; но когда открылась война съ Турціей, онъ долженъ былъ отправиться въ Архипелагъ и здѣсь при Лемносѣ одержалъ надъ непріятелемъ рѣшительную побѣду (въ іюнѣ мѣсяцѣ). «Послѣ побѣды», говоритъ Бантышъ-Каменскій, «Сенявину предстоялъ выборъ самый затруднительный: гнаться ли за остатками, или возвратиться въ Тенедосъ, спасти гарнизонъ отъ плѣна неминуемаго и жестокаго, и отказаться отъ рѣдкаго случая быть истребителемъ всего турецкаго флота? Сенявинъ не поколебался пожертвовать личною славою для спасенія братій своихъ, осажденныхъ превосходнымъ числомъ непріятеля. Онъ послѣдовалъ движенію своего добраго сердца ... 28-го іюня Турки сняли осаду ... Государь пожаловалъ Дмитрію Николаевичу орденъ св. Александра». Сенявинъ род. 1763, ум. 1831 г. (*Словарь достоп. людей*, Спб. 1847).

CXVI. ВЪ ЗАЩИТУ СТАНЕВИЧА[1].

Прославится иль постыдится
Всякъ отъ того, кто что творитъ.
Станевичъ быть полезнымъ тщится,
А Скверныословъ его бранитъ.

[1] Евстафій Станевичъ, питомецъ коммерческаго училища, основаннаго при московскомъ Воспитательномъ домѣ на щедрыя пожертвованія Прокофія Акинѳіевича Демидова*, былъ въ молодости увлеченъ книгою Шишкова *О старомъ и новомъ слогѣ* (1802) и вскорѣ послѣ ея появленія самъ выступилъ на литературное поприще, какъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ его приверженцевъ. Онъ началъ переводами съ французскаго, а въ 1805 г. издалъ томъ своихъ мелкихъ сочиненій, большею частью стиховъ, подъ заглавіемъ: *Собраніе сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ, ч. I* (Спб.). Книжка эта, свидѣтельствовавшая о совершенномъ отсутствіи въ авторѣ поэтическаго таланта, была очень враждебно встрѣчена Каченовскимъ. Помѣщенная въ *Вѣстникѣ Европы* (1806 г. янв., кн. 2) критика его, отчасти справедливая, отчасти придирчивая, вызвала со стороны Станевича защиту, составившую цѣлое отдѣльное сочиненіе подъ заглавіемъ: *Способъ разсматривать книги и судить о нихъ* (Спб. 1808, мал. 8 д. л., 116 стр.)**. Въ томъ же году онъ напечаталъ: *Разсужденіе о русскомъ языкѣ* въ двухъ частяхъ (8°, 70 и 116 стр.); проникнутое благоговѣніемъ къ Шишкову, оно содержитъ однакожъ и вѣрныя мысли, разумѣется, въ границахъ тогдашнихъ филологическихъ понятій, и показываетъ въ авторѣ человѣка очень начитаннаго и знакомаго со многими иностранными языками. На первое изъ этихъ двухъ сочиненій напалъ, опять въ *В. Е.* (1808 сент., кн. 18), Воейковъ весьма рѣзкою статьею: *Мнѣніе безпристрастнаго о способѣ разсматривать книги*, и эта-то статья послужила поводомъ къ четырестишію Державина, который подъ именемъ Скверныслова и разумѣетъ Воейкова.

Самъ Державинъ вовсе не былъ безусловно на сторонѣ Шишкова, какъ показываетъ то, что онъ въ началѣ 1804 года писалъ къ И. И. Дмитріеву: «Г. Ши. вызывалъ меня въ разговорахъ на похвалу своей критики (*Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ*), сдѣланной имъ на счетъ новыхъ писателей и, какъ кажется, болѣе Ни. Ми. (*Н. М. Карамзина*). Я ему сказалъ, что я не грамматикъ, о всѣхъ тонкостяхъ языка

* См. *Способъ разсматривать книги*, стр. 56.

** Въ концѣ этой книжки Станевичъ защищаетъ своего друга, харьковскаго жителя А. А. Палицына, котораго *Посланіе къ Привѣтѣ или воспоминаніе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ моего времени* также было отдѣлано въ *В. Е.*

судить не могу, но мнѣ кажется, что слишкомъ пристрастны его разсужденія. Онъ отошелъ съ неудовольствіемъ». Прибавляя потомъ, что онъ желаетъ успѣха Карамзину, но боится излишняго усердія его подражателей, Державинъ кончаетъ свое письмо замѣчаніемъ: «Мудрость заключается въ серединѣ крайностей» (*Москвит.* 1848, № 10). Вотъ почему онъ не могъ сочувствовать и слишкомъ ожесточеннымъ нападкамъ на Станевича, тѣмъ болѣе, что этотъ въ то время молодой писатель искалъ его покровительства, поднесъ ему свои сочиненія и въ нихъ нѣсколько разъ выражалъ свое удивленіе къ «творцу Фелицы», а Державинъ всегда, но особенно въ старости, былъ слабъ къ похвалѣ и лести.

Сверхъ выходки противъ Воейкова, онъ написалъ въ томъ же смыслѣ и нѣсколько стиховъ на Каченовскаго, которыхъ нѣтъ въ рукописяхъ Державина, но которые были найдены на экземплярѣ *Способа разсматривать книги*, поднесенномъ ему авторомъ.

Этотъ экземпляръ достался потомъ митрополиту Евгенію, а имъ завѣщанъ, въ числѣ другихъ книгъ, библіотекѣ кіевской семинаріи. Вотъ эта надпись, составляющая отвѣтъ на 113 и 114 стр. книжки*:

Зоиловыхъ противъ
Тебя, Станевичъ, клеветаній,
Суть собственны его писанья
Твои сильнѣйши оправданья,
Которы свѣту ты открылъ.
Припомнимъ истину извѣстну всѣмъ давно:
«Въ чужихъ глазахъ зримъ сукъ, не зримъ въ своихъ бревно».

Эти стихи были напечатаны въ *Маякѣ* 1842 г., т. V, *Смѣсь*, стр. 25. О Станевичѣ см. также *Воспоминанія Вигеля* (*Р. Вѣстн.* 1864, № 8, стр. 483), статью г. Лонгинова *Бѣлинскій и его лжеученики* (*Р. Вѣстн.* 1861, № 6, стр. 129) и *Истор. Христом.* г. Галахова (т. II, стр. 385).

Въ своемъ *Домѣ Сумасшедшихъ* Воейковъ посвятилъ ему слѣдующій куплетъ:

«Вотъ Станевичъ. Въ отдаленьи
Усмотрѣвъ, что это я,
Возопилъ въ остервененьи:
Міръ, потомство! за меня
Злому критику отмстите:
Мой изъ бронзы выливъ ликъ,
Монументъ соорудите!
Я великъ, великъ, великъ!»

* «И когда доставилъ я знаменитому творцу Фелицы мои сочиненія, то я никакъ не опасался его худаго обо мнѣ заключенія, потому только, что назвалъ моего критика зоиломъ въ сихъ стихахъ:

«Зоилъ угрызъ мой трудъ:
Но коль пѣвецъ Фелицы
Прочтетъ сіи страницы
И скажетъ: онъ не худъ, —
Зоилъ! напрасенъ былъ твой судъ».

CXVII. НА ПАМЯТНИКЪ ПРЕКРАСНАГО ПУДЕЛЯ[1].

Подъ камнемъ симъ Милордъ, кудрявый песъ прекрасный,
Почіетъ погребенъ, счастливѣйшій изъ псовъ:
Онъ ѣлъ, онъ пилъ, онъ спалъ, онъ велъ вѣкъ сладострастный,
Дѣля женъ множеству нѣжнѣйшую любовь;
А сверхъ того всегда не упускалъ рѣзвиться
Между прекрасныхъ дѣвъ, въ диванахъ, по коврамъ.
Милорды роскошью! придите прослезиться
У гроба здѣсь его: онъ былъ подобенъ вамъ.

[1] См. выше, стр. 393, *Милорду, моему пуделю.*

CXVIII. АННѢ ПЕТРОВНѢ БУНИНОЙ,

НА ПРИСЛАННУЮ ИДИЛЛІЮ, ВЪ КОТОРОЙ ОНА ПРЕДСТАВЛЯЕТЪ СЕБЯ БЕЗПОЛЕЗНО ПИЛЯЩЕЮ КАМЕНЬ[1].

Холодный камень сей ты тайною пилою
Вотще заботишься пилить, —
Здоровье тѣмъ свое лишь можешь повредить;
Но съ разумомъ, пріятностью, красою
Отважься на него любовною стрѣлою:
Ты сердце въ немъ властна, какъ громомъ, раздробить!

[1] А. П. Бунина, род. въ 1774, ум. въ 1831 году. Довольно подробныя о ней свѣдѣнія см. въ Плюшаровомъ *Энцикл. Лексиконѣ*, также въ *Русск. Арх.* 1865, вып. 9. Державинъ разумѣетъ ея идиллію: *Ливія*, начинающуюся такъ (см. *Собраніе стихотв.* Буниной, Спб. 1819, ч. III, стр. 13):

Камилла.

Что дѣлаешь ты здѣсь, съ открытой головою,
На солнечномъ жару, одна, томясь отъ зною,
Средь камней и песковъ?

Ливія.

Ломаю сей утесъ.

CXIX. НА ФРАНЦУЗСКУЮ КНИГУ, НАЗЫВАЕМУЮ НОВОЮ ТАКТИКОЮ[1].

Система книги сей, иль бранныхъ правилъ зрѣлость —
Ни въ чемъ, какъ быстроту имѣть и смѣлость, смѣлость;
Хотя бы и мосты людьми мостить,
Но только бъ побѣдить,
Подобно древле какъ кровавы Тамерланы
Безъ милосердья въ пеплъ сражали царства вдругъ.
Начто симъ намъ грозить? Французы шарлатаны
Предъ тѣмъ, кто знаетъ русскій духъ.

[1] Любопытно, какъ выраженіе тогдашняго взгляда на Французовъ. Въ библіографическихъ указателяхъ мы тщетно искали заглавія книги, которую разумѣетъ Державинъ.

CXX. ПРИ ПОСЫЛКѢ СОЧИНЕНІЙ АВТОРА СЕСТРѢ ЕГО, НАТАЛЬѢ ИВАНОВНѢ МИЛЛЕРЪ[1].

1809.

На вечернихъ дней зарѣ
Братъ любезнѣйшей сестрѣ
Шлетъ въ сихъ книгахъ *душу* нынѣ;
А опослѣ на холстинѣ
Къ ней пришлетъ и *образъ* свой —
Жить, бесѣдовать съ сестрой[a].

[a] ... собой (Первон. рукоп.).

[1] Наталья Ивановна, урожденная Державина, была по отцу двоюродная сестра поэта. Мужъ ея былъ Никита Миллеръ, внуки котораго до сихъ поръ владѣютъ имѣніями Державина въ казанской и самарской губерніяхъ (см. его біографію). Н. И. желала имѣть портретъ брата. Заказавъ портретъ, онъ между тѣмъ, въ январѣ 1809 г., послалъ ей экземпляръ своихъ недавно вышедшихъ сочиненій и на заглавномъ листѣ 1-й части написалъ эти стихи. Они были напечатаны въ *Маякѣ* 1842 г., т. I, стр. 90.

CXXI. ОТВѢТЪ А. С. ХВОСТОВУ[1].

Я на осмой стоялъ степени у Өемисы;
Парнасскихъ нынѣ древъ я возлежу въ тѣни[a].
Коль истины вѣсы могли у ней тмить крысы,

[a] Стою у русскихъ музъ на первой днесь въ тѣни.
Коль истины вѣсы той закастили крысы,
Сихъ лиры праведной не осквернятъ онѣ.
О! ежели ... (Первон. рукоп.).

[1] Объ А. С. Хвостовѣ и его отношеніяхъ къ Державину см. выше стр. 413. Подъ Өемисою здѣсь должно разумѣть или вѣдомство юстиціи, по которому Державинъ долго служилъ въ качествѣ сенатора, или императрицу Екатерину. Но не совсѣмъ ясно, чтò онъ хотѣлъ сказать словами *на осмой степени;* не относятся ли они къ межевому департаменту, членомъ котораго былъ Державинъ и который въ составѣ сената занималъ, по спискамъ, 8-е мѣсто? (см. *Мѣсяцословъ съ росписью чиновныхъ особъ* на 1794 г.)

Державинъ отвѣчалъ этими строками на слѣдующіе стихи, написанные очевидно по поводу обвиненій, которымъ онъ подвергался вскорѣ послѣ изданія своихъ сочиненій. Вотъ эти стихи Хвостова, занесенные также въ рукописи нашего поэта.

А. С. Хвостовъ на мои сочиненія.

«Удары волнъ бываютъ ли ужасны?
Пигмеевъ замыслы Ираклу не опасны;
Дымъ Этны пламенной Олимпъ безпечно зритъ:
Зоиловъ слабый крикъ Омира не страшитъ.
Пѣвца Фелицы лавръ средь дерзка врановъ гласа
Растетъ и высится въ честь росскаго Парнасса».

О томъ, что сочиненія Державина, при появленіе ихъ въ 1808 году, возбуждали не всегда благопріятные для него толки, свидѣтельствуетъ и слѣдующее четырестишіе его къ Лабзину (ср. Томъ II, стр. 678):

Издателю моихъ сочиненій.

Въ угодность наконецъ общественному взгляду
Багримъ къ тебѣ предсталъ татарскихъ мурзъ съ гудкомъ;
Но съ вздохомъ признаюсь: въ немъ очень мало ладу;
И то уже порокъ: я смѣлъ блистать умомъ.

Около того же времени, подъ 1809 годомъ, занесена въ черновыя тетради нашего поэта еще другая стихотворная переписка его съ А. С.

То струнъ не осквернятъ межъ музъ моихъ онѣ.
Такъ, ежели мой лавръ на Пиндѣ зеленѣетъ,
То запахъ обонять его Хвостовъ умѣетъ.

Хвостовымъ. Принадлежащіе къ ней стихи Державина остались неотдѣланными, и потому не помѣщаемъ ихъ въ нашемъ текстѣ; но такъ какъ они по содержанію любопытны, то приводимъ ихъ здѣсь. Дѣло идетъ о томъ, позволительно ли въ русскихъ стихахъ употреблять стопу *пиррихій* (состоящую изъ двухъ слоговъ безъ ударенія). А. С. Хвостовъ, найдя много пирриxіевъ въ сочиненіяхъ своего соименника, графа Д. И., напалъ на него за это; тотъ въ оправданіе свое ссылался на Ломоносова и другихъ нашихъ поэтовъ, у которыхъ эта стопа также встрѣчается часто, какъ неизбѣжная при многосложности русскихъ словъ, имѣющихъ только по одному ударенію; къ тому же она придаетъ разнообразіе нашимъ ямбамъ и хореямъ. Сознавши, что гр. Хвостовъ правъ, Державинъ написалъ:

Къ А. С. Хвостову.

Замѣченнымъ тобой пиррихіемъ въ Хвостовѣ
Какую ты, Хвостовъ, надѣлалъ кутерьму!
Цыплята Солнцевы *, витающи Музъ въ кровѣ,
Хоть треснуть, но прочесть виршъ долженствуютъ тьму;
Трудъ Ломоносова, Хераскова разверзся,
Зрятъ Дмитрева, тебя, меня, — и что я изреку?
Пиррихій и въ твоихъ, кричатъ, стихахъ нашелся!
Графъ веселъ, какъ пѣтухъ, поетъ *кукуреку*
И, гордъ побѣдою своей, ** ....
Пиррихьемъ вновь звучитъ, какъ скриплою телѣгой.

А. С. Хвостовъ отвѣчалъ:

«Коль въ Ломоносовѣ пиррихій найденъ,
Такъ конченнымъ считаю дѣло;
Признаюся, что побѣжденъ:
Всякъ можетъ сотнями впередъ писать ихъ смѣло.
Желалъ бы только я, чтобъ графъ за сто красотъ
И Ломоносова и вашихъ,
Одинъ хоть путненькій далъ мыслямъ оборотъ
Во все теченіе своихъ лѣтъ и лѣтъ нашихъ.
Румянцову кто хочетъ подражать,
То кажется, не тѣмъ, чтобъ не умѣть писать».

Послѣдніе два стиха открываютъ намъ неизвѣстную доселѣ черту въ графѣ Хвостовѣ и молву современниковъ о Румянцовѣ.

* т. е. питомцы Фебовы.
** Тутъ зачеркнуты слова: «въ поэзьи нѣгой».

CXXII. ЛИЗѢ ЗА КНИЖКУ[1].

Вчерась съ пріятнымъ взоромъ
Я, Лиза, награжденъ тобой
Златою книжкой, съ договоромъ,
Чтобъ въ вѣкъ я вписывалъ въ ней мой,
Какія въ свѣтѣ гдѣ случатся
Велики, славныя дѣла. —
Писать я буду, радъ въ томъ клясться,
Но только то, — что ты мила.

[1] Эта и слѣдующія двѣ пьесы помѣщены въ рукописяхъ подъ общимъ заглавіемъ: *Благодарность за подарки въ день имянинъ* (13 іюля). Подъ *Лизой* должно разумѣть покойную Елисавету Николаевну Львову (см. Томъ II, стр. 418 и 459).

CXXIII. ВѢРѢ ЗА ЦѢПОЧКУ[1].

Вчерась рукой невинной Вѣра,
Взложа мнѣ цѣпь свою на грудь,
«Носи», сказала, «для примѣра,
Что ужъ подъ ней никакъ вздохнуть
Не долженъ ни о комъ старикъ безстрастной!» —
Я рекъ: — кромѣ тебя, прекрасной!

[1] Вѣрѣ Петровнѣ Лазаревой, которая, по окончаніи воспитанія въ Смольномъ монастырѣ, будучи сиротою, жила въ домѣ Державина вмѣстѣ съ племянницами его, Львовыми. Она была сестра знаменитаго адмирала Михаила Петровича Лазарева и имѣла еще двухъ братьевъ, Андрея (впослѣдствіи тоже адмирала) и Алексѣя (флигель-адъютанта). Отецъ ихъ, Петръ Гавриловичъ Лазаревъ, морякъ, былъ давнишній другъ Державина. Онъ умеръ вдовцомъ лѣтъ за десять до поэта и поручилъ ему своихъ дѣтей. Вѣра Петровна вышла послѣ замужъ за Петра Петровича Львова, брата Ѳедору Петровичу; см. Томъ II, стр. 478 (слыш. отъ А. И. Кожевниковой).

CXXIV. ДРУГОЙ ВѢРѢ ЗА КОШЕЛЕКЪ[1].

Вчерась златой мнѣ кошелекъ
Прекрасна Вѣра подарила
И такъ съ улыбкой говорила:
«Прими, мой милый старичекъ,
И золото клади въ него».
Я отвѣчалъ: Въ младыя лѣта
Другой бы не хранилъ монеты
Въ немъ, кромѣ сердца твоего.

[1] Вѣрѣ Николаевнѣ Львовой; см. Томъ II, стр. 460.

CXXV. НА ФИЛАНТРОПІЮ.

Какой небесный въ томъ и рѣдкій вижу даръ,
О человѣчествѣ кто всякій мигъ печется!
Любя его, вокругъ онъ непрестанно вьется.
О Филантропія! — ты точно какъ комаръ.

[1] Эпиграмма на филантропическія тенденціи, господствовавшія тогда въ высшихъ слояхъ русской администраціи и иногда переходившія въ крайность.

CXXVI. ПИРАМИДА[1].

Зрю
Зарю,
Лучами,
Какъ свѣщами,
Во мракѣ блестящу,
Въ восторгъ всѣ души приводящу.
Но что? — Отъ солнца ль въ ней толь милое блистанье?
Нѣтъ! — Пирамида — дѣлъ благихъ воспоминанье.

[1] Встарину лучшіе поэты потѣшались иногда подобными игрушками, которыми нѣкогда занималась даже піитика (см. Schottel, Deutsche Vers- und Reimkunst, Frankfurt, 1656, стр. 214). Знаменитый еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія Рамлеръ написалъ оду на гранатное яблоко строфами, которыя суживались къ низу, и хвалился, что оды его производятъ впечатлѣніе пріятное для глазъ и для слуха. У Панара (Panard, 1690—1765) есть нѣсколько стихотвореній, образующихъ такъ называемые losanges, разныя замысловатыя фигуры, между прочимъ стаканъ и бутылку (см. Almanach chantant, Paris 1864). Еще очень недавно Французъ Помье, авторъ «игры въ риѳмы», подбиралъ стихи въ видѣ узоровъ. Одна изъ его пьесъ такъ начиналась (*С-петерб. Вѣд.* 1860, № 249):

A
Ta
Cime
Sublime
Monument
Qui fièrement
Lèves tes assises …

Въ черновой рукописи Державина прибавлено къ заглавію: *для вписанія въ началѣ альбаумовъ* и внизу приписано: «На Званкѣ 1809 года іюня 21 дня незапно (*экспромптомъ?*) моимъ дѣтямъ сочинилъ Державинъ». См. выше, стр. 380, въ примѣчаніи, надпись на смерть Суворова, образующую очертаніе гробницы.

CXXVII. ВЪ ЗАПИСНУЮ КНИЖКУ ПЕТРУШѢ ЛЬВОВУ[1].

Богъ есть среда и кругъ всей видимой вселенной, 1.
Творецъ и Царь духовъ и тварей всѣхъ Отецъ.
Не смѣй питать въ себѣ и мысли развращенной,
Что Онъ не есть всему начало и конецъ.

Познали бытіе свое едва народы, — 2.
Признали Бога власть во власти ихъ царей:
И ты священными законы чти природы,
Ни Богу, ни царю противиться не смѣй.

Но вмѣсто Бога ты не обожай кумира 3.
И угождать царей противникамъ не тщись;
Однакожъ проницай пути пристрастна міра,
Какъ голубь — сердцемъ чистъ; какъ змѣй — быть хитръ учись.

На правомъ ставъ пути, противъ неправдъ мужайся 4.
И вѣрь, терпѣньемъ что возможешь злобу стерть;
Богатствъ на силу, мощь друзей не опирайся;
Всѣ — кромѣ *совѣсти* — уйдутъ, какъ придетъ смерть.

Она единая въ сей жизни утѣшенье. 5.
Душъ добротой твои родители цвѣли.
Вѣкъ помни матери блаженное успенье;
И, въ небѣ какъ она, — будь счастливъ на земли.

[1] Сыну Ѳедора Петровича Львова отъ первой его жены, урожденной Березиной. См. Томъ II, стр. 478, и настоящій Томъ, стр. 42. Въ первоначальной рукописи эти стихи помѣчены: *10 іюня 1810 г. на Званкѣ.*

Благочестивыя мысли, занимавшія Державина особенно въ послѣдніе годы его жизни, выражались въ разныхъ формахъ. Такъ, между прочимъ, мы находимъ въ черновой его тетради слѣдующую *Загадку:*

Я разуму уму заря,
Я иду съ мечемъ судія;
Съ начала та жъ я и съ конца
И всѣми чтуся за Отца.

Первые два стиха этой загадки придуманы такъ, что ихъ можно одинаково прочесть съ конца, на что и намекаетъ третій. Второй изъ нихъ довольно извѣстенъ, хотя, сколько мы знаемъ, не былъ напечатанъ.

CXXVIII. НА ГРОБЪ ПЕРЕВОДЧИКА АНАКРЕОНА, Н. А. ЛЬВОВА, И ЕГО СУПРУГИ, ВЪ СЕЛѢ НИКОЛЬСКОМЪ[1].

Да вьется плющъ, и миртъ здѣсь высится зеленый,
Хоръ свищетъ соловьевъ, смѣется пестрый лугъ,
Ключи струятъ млеко, и вина драгоцѣнны
Да разливаютъ всѣмъ благоуханье вкругъ:
Анакреонъ съ четой здѣсь русской почиваетъ.
О Львовъ! покойся, — прахъ покой коль ощущаетъ.

[1] Ср. особенно примѣчаніе 1 къ стихотворенію: *Памятъ другу* (Томъ II, стр. 459). Написано, вѣроятно, во время пребыванія Державина въ Никольскомъ, куда онъ ѣздилъ въ 1810 году.

CXXIX. ДѢТСКАЯ ПѢСНЯ[1].

Коль я добрая дѣвица, 1.
Любитъ маменька меня;
Если прясть я мастерица,
Я любезна для нея.

Шью когда, вяжу, читаю, 2.
Это нравится все ей;
Что прикажетъ, исполняю
Волею всегда своей.

И она мнѣ позволяетъ 3.
Дни въ весельи проводить,
Пѣть, играть не запрещаетъ,
Рѣзвою и милой быть.

[1] Изъ черновой рукописи, гдѣ при этомъ заглавіи отмѣчено: «Переводъ съ нѣмецкаго. На Званкѣ, 12 іюля 1810 г.»

CXXX. КЪ МОЛОДОМУ ЗЛОБИНУ[1].

—

Кая бо польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ,
душу же свою отщетитъ? Матѳ., 16. 26.

Къ Плутону ты отъ Аполлона, 1.
Отъ Гномовъ къ лику свѣтлыхъ Музъ
Бѣжишь, богатства съ пышна лона

[1] Сыну знаменитаго въ свое время Василья Алексѣевича Злобина, который, благодаря своему природному уму, смѣлости и обстоятельствамъ, доставившимъ ему покровительство генералъ-прокурора князя Вяземскаго, сдѣлался въ короткое время изъ бѣднаго мѣщанина милліонеромъ-откупщикомъ. Памятникомъ его возвышенія и необыкновенной дѣятельности остается до сихъ поръ городъ саратовской губерніи *Вольскъ*, который онъ застроилъ множествомъ каменныхъ домовъ; это — родина Злобина, прежнее село Малыковка, получившее права города вмѣстѣ съ новымъ именемъ въ 1780 году. Есть преданіе, что императрица хотѣла назвать его *Злобинскомъ*, но что Злобинъ отказался отъ этой чести и предложилъ вмѣсто того названіе *Екатериновольска* (какъ учрежденнаго *волею Екатерины*), откуда будто бы и произошло настоящее имя этого города. Какъ много Вольскъ обязанъ Злобину, видно между прочимъ изъ того, что когда послѣ бывшаго тамъ пожара, въ первые годы нынѣшняго столѣтія, правительство готово было назначить жителямъ пособіе, то они отозвались, что, благодаря щедрости своего согражданина, не нуждаются въ помощи отъ казны.

Державинъ могъ познакомиться съ Злобинымъ еще въ Пугачевщину, когда былъ командированъ Бибиковымъ въ Малыковку; но вѣроятно, болѣе сошелся съ нимъ послѣ, служа подъ начальствомъ князя Вяземскаго, когда Злобинъ былъ вызванъ въ Петербургъ и, живя здѣсь, вошелъ въ связи съ государственными людьми; когда, по словамъ г. Костомарова, «его привѣтливость, добродушіе и роскошные обѣды привлекали къ нему толпы гостей» (*Поѣздка въ городъ Вольскъ*, въ *Памятной книжкѣ* саратовской губерніи на 1859 г. стр. 88—96).

Въ тѣнь тихихъ рощъ, изъ злата узъ, —
Смиренъ душой, прозваньемъ злобенъ.
Сколь самъ себѣ ты не подобенъ!

Сей день условье, договоры 2.
На хлѣбъ, на соль и на вино;

Константинъ Алексѣевичъ Злобинъ, къ которому поэтъ обращается въ настоящемъ посланіи, имѣлъ тогда года 32 отъ роду. Изъ нѣкоторыхъ стиховъ мы можемъ заключить, что онъ былъ человѣкъ съ многостороннимъ образованіемъ, увлекавшійся весьма разнородными интересами. Онъ воспитывался въ Сарептѣ у нѣмецкаго пастора, зналъ древніе языки и пріобрѣлъ хорошую библіотеку; по разсказу, слышанному въ Вольскѣ г. Костомаровымъ, онъ получилъ отличное образованіе, занимался литературой и оставилъ въ печати (?) нѣсколько стихотвореній. О вступленіи его въ гражданскую службу и первомъ бракѣ (на англичанкѣ Маріаннѣ Стивенсъ) сообщено нѣсколько свѣдѣній барономъ М. А. Корфомъ въ *Жизни графа Сперанскаго* (т. I, стр. 83, 272 и 282). Замѣтимъ, что молодой Злобинъ, служа при генералъ-прокурорѣ, могъ быть этимъ обязанъ старинньшъ отношеніямъ своего отца къ князю Вяземскому; послѣднимъ начальникомъ Константина Алексѣевича былъ Державинъ, по должности министра юстиціи, которую онъ занималъ большую часть 1803 года; въ этомъ же году Злобинъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, оставилъ службу и уѣхалъ въ Вольскъ заниматься торговыми дѣлами своего отца. Вѣроятно, къ этому-то времени относится вступленіе его въ масонскія ложи, учрежденіе въ родномъ городѣ училища подъ названіемъ *Пропилеи*, которое, къ сожалѣнію, не пережило своего основателя, а также и другія пожертвованія на общую пользу, за которыя онъ получилъ отъ императора Александра I рескриптъ съ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. Вскорѣ послѣ смерти Маріанны молодой Злобинъ женился во второй разъ, но, едва узнавъ супружеское счастіе, умеръ и самъ, въ 1813 году (въ чинѣ коллежскаго совѣтника). Въ послѣднее время жизни онъ, изъ благодарности къ отцу, хлопоталъ о включеніи въ свой гербъ словъ: «Pro virtute paterna», но не успѣлъ выполнить этой мысли. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его смерти, за нимъ послѣдовалъ и отецъ его, разорившійся въ послѣдніе годы; онъ умеръ въ августѣ 1814 года*. Въ рукоп. посланіе помѣчено 20 мая 1810.

* Г. Костомаровъ относитъ смерть его къ 1818 г., а баронъ Корфъ — къ 1841 (послѣднее не опечатка ли?). Мы основываемся на показаніи внука его, Константина Константиновича Злобина, которому мы обязаны и за нѣкоторыя другія свѣдѣнія этого примѣчанія.

Пѣвцовъ парнасскихъ завтра хоры.
Я зрю и слышу не одно
Изъ устъ твоихъ въ твоихъ бесѣдахъ,
На ужинахъ и на обѣдахъ.

Объ откупахъ, торгахъ, подрядахъ 3.
Теперя споришь съ жаромъ ты,
И вмигъ — Аркадьи о прохладахъ,
Пастушекъ хвалишь красоты.
Поэтъ душой, купецъ породой, —
Двоякъ въ себѣ съ твоей свободой.

Итакъ ты выбрось разнь изъ мозгу: 4.
Двухъ зайцевъ вдругъ не поимать;
Чтобъ быть и всѣ и вся, ужъ розгу
Волшебну днесь нельзя сыскать.
Барышникъ, стиходѣй — суть двое:
Ты выбери добро любое.

Ихъ въ мірѣ два: одно льститъ тѣло, 5.
Другое сладостно уму;
Тѣмъ жди за трудъ награды смѣло,
Тѣмъ отъ мечты подъ-часъ суму.
Симъ шумъ прострется за тобою,
Другое приведетъ къ покою.

Когда богатъ, — за столъ возсядешь, 6.
Тьмы лакомыхъ властитель блюдъ!
На виночерпья только взглянешь,
И кубки питей пѣной бьютъ;
Изъ криновъ льются благовонья
И слышится вдали гармонья.

Сколь узришь лести разны роды 7.
Тогда изъ устъ и изъ очей!

Вскричатъ свои піиты оды;
Пукъ перьевъ взявъ изъ-за ушей,
Дьяки вспрыгнутъ хѣрить доклады;
Тѣ въ долгъ просить, а тѣ — награды.

Но, ставъ поэтъ, въ углу съ друзьями 8.
Ты будешь съ мертвыми одинъ
Сидѣть въ безмолвьи, — и съ гостями, —
Въ своемъ дому не господинъ;
Не взлюбишь пиршествъ, ни имѣнья,
А тихихъ Піэридъ лишь пѣнье.

И, внутрь коль ощутивъ довольство, — 9.
Твоя подруга при тебѣ, —
Достатокъ нужный и спокойство
Удержишь вѣкъ свой при себѣ,
Скажи тогда, на что рѣшишься?
Души ли, злата ль отщетишься?

Рѣшись, оставь свое разгласье: 10.
Сомнѣнья къ благу не ведутъ.
Нѣтъ! Геніи когда и счастье,
Сложась, тебѣ дары даютъ,
Дерзай: будь чудо-фениксъ въ мірѣ!
Не игрывалъ Мидасъ на лирѣ.

CXXXI. НА ИЗДАТЕЛЯ ЧУЖИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ[1].

О рѣдкій, славный умъ, изящный изъ умовъ,
Умъ прямо Аполлоновъ,
Который въ годъ одинъ пять томовъ
Прекрасныхъ написалъ, но лишь чужихъ стиховъ!

[1] Т. е. на Жуковскаго, который издалъ *Собраніе рускихъ стихотвореній, взятыхъ изъ лучшихъ стихотворцевъ россійскихъ и изъ многихъ рускихъ журналовъ*, 5 ч., Москва 1810—1811. Когда появился этотъ сборникъ, въ которомъ, съ согласія Державина, было помѣщено довольно большое число его произведеній, то какой-то книгопродавецъ увѣрилъ его, будто это повредитъ сбыту собственнаго его изданія (1808 г.). Державинъ серіозно разсердился на Жуковскаго и написалъ къ А. И. Тургеневу весьма рѣзкое письмо (отъ 18 марта 1811), которое будетъ въ своемъ мѣстѣ напечатано нами. Къ тому же обстоятельству относится и это четырестишіе. Отвѣтъ Тургенева, также дошедшій до насъ, конечно успокоилъ поэта: отношенія его къ Жуковскому, всегда питавшаго къ нему глубокое уваженіе, опять поправились, какъ видно изъ слѣдующихъ строкъ, набросанныхъ на одной изъ позднѣйшихъ черновыхъ бумагъ Державина:

Тебѣ въ наслѣдіе, Жуковскій,
Я ветху лиру отдаю;
А я надъ бездной гроба скользкой
Ужъ преклоня чело стою.

Помѣщаемая нами въ текстѣ эпиграмма не пошла далѣе черновой тетради поэта.

CXXXII. ФИЗІОГНОМИСТЪ ИЛИ ХИРОМАНТИКЪ[1].

Ты просишь отгадать, 1.
Чтò мыслишь и какимъ ты занята мечтаньемъ?
Стань прямо и смотри, красавица, съ вниманьемъ;
Не будетъ хиромантикъ лгать.

Какой въ очахъ огонь! 2.
Какая на челѣ пріятность и прельщенье!
И въ хладныхъ ты душахъ возжжешь воспламененье;
Тобой не шутитъ Купидонъ.

[1] Въ первоначальной редакціи нѣтъ слова *физіогномистъ;* оно прибавлено къ заглавію уже послѣ, въ другомъ собственноручномъ же спискѣ

На розовыхъ твоихъ 3.
Ланитахъ и устахъ цвѣты любви сіяють,
Улыбкой, нѣжностью, умомъ обворожають;
Весна ты во очахъ моихъ.

Начто жъ крушить твой духъ? 4.
Чего недостаетъ еще твоимъ желаньямъ?
Повѣрь, любезная, моимъ ты знаньямъ:
Тебѣ лишь надобенъ — супругъ.

CXXXIII. АМУРЪ И ГИМЕНЕЙ[1].

Амуръ.

Ко мнѣ, красавицы, идите[а],
Лишь мнѣ сердца вы въ даръ несите.

Гименей.

Не вѣрьте мальчику сему:
Ко мнѣ идите, не къ нему!

Амуръ.

Но безъ меня, — ужель не знаешь? —
Сердецъ ты не плѣняешь[б].

Гименей.

А ты, шутя, рѣзвясь, смѣясь[в],
Хоть ихъ плѣнишь, но лишь на часъ.

Амуръ.

Такъ, слушай, другъ мой: помиримся!
Съ тобой мы лучше съединимся:
Я буду ихъ плѣнять, сражать[г],
А ты подъ стражею держать.

[а] За мною, дѣвушки, идите (Первон. рукоп.).
[б] Ты ихъ, сердецъ не поимаешь.
[в] А ты рѣзвясь, шутя, плутецъ,
Вѣдь не плѣнишь навѣкъ сердецъ.
[г] Коль я плѣнилъ сердца Ланскихъ,
То будь ты стражемъ ввѣкъ у нихъ (позднѣйшая ред.).

[1] Изъ черновыхъ рукописей; написано, какъ кажется, безъ всякаго примѣненія, но впослѣдствіи, какъ показываетъ варіантъ г, отнесено къ браку Ланскихъ (имя это см. ниже подъ стихотвореніями неизвѣстныхъ годовъ).

CXXXIV. КЪ ПОРТРЕТУ КНЯЗЯ КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКАГО[1].

Премудро Фабія, воскресшаго для насъ,
Одно здѣсь кажетъ слово:
Не скоро, да здорово.
Тотъ Римъ, а онъ Россію спасъ.

[1] Изъ черновой тетради. Ср. куплетъ *народной пѣсни* въ *Вѣстникѣ Европы* 1814 г., № 9 (стр. 80):

«Князь Кутузовъ помнилъ слово:
Хоть не скоро, да здорово, —
Старый воробей».

Надпись Державина была отправлена имъ въ армію при письмѣ къ генералу Алексѣю Васильевичу Воейкову (въ то время жениху Вѣры Ник. Львовой), отъ 22 ноября 1812 г. «Здѣсь», писалъ онъ, «за медленность его (*фельдмаршала*) нѣсколько сѣтовали, но послѣдствія доказали съ предусмотрѣніемъ его и правоту его дѣйствій».

Приведемъ тутъ же *Эпиграмму* на адмирала П. В. Чичагова, найденную нами въ бумагахъ Державина на отдѣльномъ листкѣ. Хотя она написана рукой его секретаря, но такъ какъ ея нѣтъ въ тетрадяхъ поэта, то мы не можемъ сказать утвердительно, онъ ли ея авторъ; тѣмъ не менѣе прилагаемъ эту пьеску какъ выраженіе тогдашняго общественнаго мнѣнія. Она тѣмъ любопытнѣе, что очень близко передаетъ идею двухъ сдѣланныхъ въ то время каррикатуръ на Чичагова, описанныхъ г. Кеневичемъ въ статьѣ: *Историческое значеніе басенъ Крылова* (*Записки Ак. Наукъ*, т. IV, стр. 164); сборникъ, въ которомъ находится одна изъ нихъ, принадлежитъ нынѣ здѣшней публичной библіотекѣ.

ЭПИГРАММА.

Смоленскій князь Кутузовъ
Продерзостныхъ Французовъ
И гналъ и билъ,
И наконецъ имъ гибельну онъ сѣть связалъ;
Но земноводный генералъ
Приползъ, — да всю и распустилъ.

Собственныя объясненія Чичагова см. въ «Mémoires de l'amiral Tschitchagoff», Лейпцигъ 1862. Павелъ Васильевичъ Чичаговъ, сынъ Екатерининскаго адмирала (см. выше стр. 350), род. 1767, ум. въ Парижѣ 10 сент. н. ст. 1849 г.

CXXXV. КЪ ПОРТРЕТУ ГРАФА МИХАИЛА АНДРЕЕВИЧА МИЛОРАДОВИЧА [1].

1814.

Обзоромъ, быстротой и натискомъ разитель
Всѣхъ Милорадовичъ враговъ; онъ Россовъ честь,

[1] Подъ этимъ стихотвореніемъ, на особомъ листкѣ, рукой Державина приписано: «Выпроси фигурной бумаги, хоть у Прасковьи Николаевны *, и хорошенько съ золотыми или красными литерами перепиши, братецъ **, сію надпись къ Бесѣдѣ и не показывай никому; а имя мое оставь мнѣ самому подписать».

Въ другой рукописи стихи эти помѣчены 8 декабря 1814 года.

Къ Милорадовичу же относятся слѣдующіе неконченные стихи, написанные Державинымъ только начерно. Поводомъ къ сочиненію ихъ было занятіе Русскими Варшавы въ концѣ 1813 года, когда, вслѣдствіе соглашенія Милорадовича съ Шварценбергомъ, депутація отъ этого города явилась къ первому съ хлѣбомъ и солью, и ключи Варшавы были поднесены ему тѣмъ самымъ чиновникомъ, который въ 1794 г. вручилъ ихъ Суворову. За этотъ важный успѣхъ императоръ Александръ пожаловалъ Милорадовичу свой вензель на эполеты, и князь Кутузовъ писалъ своему сподвижнику: «Великія заслуги ваши столь много сблизили васъ съ всеавгустѣйшимъ императоромъ нашимъ, что сіе даруемое имъ вамъ преимущество находиться при особѣ его императорскаго величества сдѣлалось необходимо для васъ и для него». (М. Богдановича *Исторія войны 1813 г.*, т. I, стр. 15).

Ты возвѣщаешь, Фуксъ ***, мнѣ о взятьѣ Варшавы
И что виновникъ сей Россіянъ новой славы
Былъ Милорадовичъ, сподвижникъ-ученикъ
Суворова, твой другъ, чей мечъ блистать привыкъ
Въ слѣды Рымникскаго всегда побѣдой новой

* Львовой, см. Томъ II, стр. 459.

** Относится къ секретарю поэта, Абрамову (Томъ I, стр. 382).

*** Егоръ Борисовичъ Фуксъ, извѣстный секретарь Суворова въ италіянскую кампанію и авторъ разныхъ о немъ сочиненій. Объявленіе о біографіи Суворова, которую готовилъ Фуксъ, написано Жуковскимъ и напечатано въ *Вѣстн. Евр.* 1809 г., ч. 48, стр. 346.

Суворовъ ученикъ, Кутузовъ исполнитель[2].
Пріятно отблескъ въ немъ здѣсь ихъ сіянья зрѣть.

И вѣтвью украшать чело свое лавровой;
Предъ кѣмъ надменная, блестящая Луна,
Надъ седмихолміемъ неразъ рога склоня,
. . . .* отъ ужаса блѣднѣла
И жалко на заряхъ по минаретамъ пѣла;
Предъ коимъ и Сарматъ, обритымъ свѣтлымъ лбомъ
Неразъ упадъ до ногъ, сметалъ съ нихъ пыль хохломъ,
И Альпы гнулися предъ коимъ ихъ хребтами,
Какъ бездны проходилъ онъ смѣлыми шагами.
. . . .

² Суворовъ и Кутузовъ здѣсь прилагательныя: ср. Томъ I, стр. 125, и Томъ II, стр. 464.

* неразобранное слово.

CXXXVI. СОЛДАТСКІЙ ИЛИ НАРОДНЫЙ ДИѲИРАМБЪ ПО ТОРЖЕСТВѢ НАДЪ ФРАНЦІЕЮ[1].

Спѣсь мы Франціи посбили, 1.
Ей кудерки пообрили,
Убаюкана она!
Ужъ не будетъ безпокоить,
Штуки разныя намъ строить:
Дайте чашу намъ вина!

Веселися, царь блаженный, 2.
Александръ Благословенный[2]!

¹ На перебѣленномъ спискѣ отмѣчено: «С-Петербургъ, мая 10-го дня 1814 года».

² Когда государь, послѣ 18-ти мѣсячнаго отсутствія, въ іюлѣ 1814 года, возвратился въ Петербургъ (ср. выше стр. 214), синодъ, государственный совѣтъ и сенатъ единодушно положили просить его о принятіи имени Благословеннаго. Александръ, какъ извѣстно, отказалъ въ этой

Русская земля сильна:
О тебѣ она радѣла,
Груди, жизни не жалѣла:
Дайте чашу намъ вина!

Дайте чашу пьяной браги: 3.
Генераловъ въ честь отваги
Выпьемъ мы ее до дна;
За казачью хитрость, сбойство,
За солдатское геройство —
Дайте чашу намъ вина!

Дайте меду намъ братину, 4.
Что явили мочь мы львину;
Гдѣ пылала зла война,
Сотней тысячи сражали;
Нѣтъ храбрѣй насъ — доказали.
Дайте чашу намъ вина!

Нѣтъ храбрѣй, — что мы съ любовью 5.
Своей жертвовали кровью;
Русскимъ честь мила одна:
И корысти забывали,
Мы враговъ своихъ спасали.
Дайте чашу намъ вина!

Успокоили мы царства; 6.
Бонапарта и коварства
Свергли въ бездну адска дна, —
Пусть воюютъ тамъ съ чертями.
Царь-отецъ! ты здравъ будь съ нами.
Дайте чашу намъ вина!

просьбѣ (Гречъ въ *Энц. Лексиконѣ*); но съ тѣхъ поръ имя Благословеннаго начало уже являться въ печати и особенно въ стихахъ, какъ можно видѣть въ тогдашнихъ журналахъ.

CXXXVII. МОЛОДОМУ КАПНИСТУ[1].

Изъ крылышекъ своихъ
Амуръ мнѣ золотое
Въ день именинъ моихъ
Принесъ перо такое
(Хотѣлъ, знать, пошутить),
Чтобъ могъ я всѣхъ имъ краше
Красу изобразить.
Я взялъ перо — и Дашѣ
Трудъ посвятить мнилъ мой,
Когда имъ начертаю
Я дѣвы образъ той,
Котору обожаю.
Но Даша, на чело
Взглянувъ мое сѣдое,
Сказала, что перо
Не надо ей такое,

[1] Въ подлинникѣ къ заглавію приписано: *при отдачѣ пера, обвитаго разнымъ шелкомъ и золотомъ, подареннаго автору Дашею* (второю женою его), *іюля 13 дня 1815 году* (день его именинъ).

Этихъ стиховъ нѣтъ въ тетрадяхъ Державина, но они списаны съ автографа и доставлены намъ М. А. Дмитріевымъ, получившимъ подлинникъ отъ князя Дмитрія Ивановича Долгорукаго.

Семенъ Васильевичъ Капнистъ, сынъ извѣстнаго поэта (Томъ II, стр. 104), пріѣхавъ въ Петербургъ на службу въ послѣдніе годы жизни Державина, жилъ въ его домѣ: по своей матери онъ былъ родной племянникъ Дарьи Алексѣевны. По примѣру отца и дяди, онъ также писалъ и печаталъ стихи (см. тамъ же, стр. 717). Къ нему-то и обращается Державинъ.

Которо все пестро,
А лучше ей простое,
Чтобъ сердце лишь зажгло
И было вѣковое,
Не только что на часъ.
Но какъ мои сѣдины
Я не умѣлъ сокрыть
И, вмѣсто сердца, льдины
Не могъ я растопить,
То принужденъ признаться
Что слабъ былъ курамшить [2]
И за красой гоняться.
Тутъ Лель, что мнѣ являлся,
Подъ Дашинъ кроясь ликъ,
Вспорхнулъ и засмѣялся,
Сказавъ, что я старикъ,
Но юну долгъ огнисту
Поэту пѣть красотъ.
Я далъ перо Капнисту:
Пускай онъ ихъ поетъ.

[2] «Куртизанить, подлипать.» Д. — Ср. это слово выше, стр. 399.

СТИХОТВОРЕНІЯ

НЕИЗВѢСТНЫХЪ ГОДОВЪ,

БОЛЬШЕЮ ЧАСТЬЮ НЕИЗДАННЫЯ.

CXXXVIII. ИДИЛЛІЯ[1].

Не мышлю никогда за Пиндаромъ гоняться
И бурнымъ вихремъ вверхъ до солнца подыматься;
Чтобъ фениксомъ не стать, боюся я того
И съ жару бъ не сгорѣть въ полвѣка моего,
Не треснуть бы съ огня.
Стихи мои слагать, —
Довольно для меня
Зефиру подражать:
Онъ нѣжно на цвѣты и розы красны дуетъ
И всѣ онъ ихъ цѣлуетъ;
Чего же мнѣ желать? Пишу я и цѣлую
Анюту дорогую.

[1] Въ рукописи 1776 года № 1. Эти стихи тѣмъ любопытны, что въ нихъ молодой поэтъ шуточнымъ тономъ отрекается отъ торжественной оды, которою онъ впослѣдствіи прославился. Присоединяемъ сходный по идеѣ отрывокъ изъ другаго стихотворенія его, относящагося къ той же эпохѣ и озаглавленнаго, въ той же рукописи: *Идиллія, переложенная въ стихи съ греческаго перевода* (т. е. по переводу съ греческаго).

Когда хочу настроить въ хвалу боговъ я струны,
Или когда монарховъ блистанье пѣть фортуны,
То голосъ мой исчезнетъ и силы сокрушатся,
И стройныя тутъ струны нестройны становятся.
А если я оставлю боговъ, царей въ порфирѣ,
Ихъ пѣть кому другому на гордой его лирѣ,
И, съ сердцемъ соглашаясь, *люблю*, скажу, *драгая*;
И голосъ мой тутъ сладокъ и пѣсня тутъ иная, —
Золотая.

CXXXIX. НА ГРОБЪ БОДРЯГИ[1].

Бодряга капитанъ подъ камнемъ симъ лежитъ[a].
Въ сраженьяхъ онъ бывалъ, — въ трактирѣ онъ убитъ.

[a] Прехрабрый капитанъ Бодряга здѣсь лежитъ.

[1] Въ рукописи 1776 г. № 9: *Эпитафія*; переписано въ тетрадь *Часть VII* съ небольшимъ только измѣненіемъ и другимъ заглавіемъ.

CXL. ЭПИГРАММА[1].

Что пользы въ томъ, хоть ты и много книгъ читаешь,
И тысячу, какъ жить, примѣровъ твердо знаешь,
Коль дѣлаешь ты то, что должно убѣгать,
А бѣгаешь того, что должно исполнять?

[1] Изъ рукописи 1776 г. № 11.

CXLI. ОТКРЫТІЕ[1].

Какой-то бѣшеный по улицѣ бѣжалъ,
И мочи что въ немъ есть: горитъ, горитъ! кричалъ.
Тутъ выбѣжалъ старикъ съ прекрасною женою:
«Гдѣ, что», кричалъ, «горитъ? что сдѣлалось со мною?»
Тутъ бѣшеный такой сказалъ ему отвѣтъ:
Ахъ нѣтъ!
Не твой пылаетъ домъ, — сердечушко во мнѣ
По душечкѣ горитъ, — твоей горитъ женѣ!

Изъ рукописи 1776 г. № 19.

CXLII. СОВѢТЪ[1].

Уймешься ль куликать? жена тазала мужа:
Ты видишь, насъ скуда кака пришибла, нужа! —
Тащитъ кто болѣ домъ, ей мужъ сказалъ въ отвѣтъ,
Ты лучше знаешь то: иль я, иль нашъ сосѣдъ?
Жена ему на то ни слова не сказала,
Краснѣла только лишь, задумалась, молчала.

[1] Изъ рукописи 1776 г., № 22.

CXLIII. СХОЛАСТИКЪ[1].

Схоластикъ, доктора увидѣвъ, укрывался.
Врачъ спрашивалъ его: Чего ты испугался? —
Мнѣ стыдно, сударь, васъ, схоластикъ отвѣчалъ:
Ужъ нѣсколько годовъ я боленъ не бывалъ.

[1] Заимствовано изъ «Іерокловыхъ веселыхъ замысловъ» *, напечатанныхъ въ *Трудолюбивой Пчелѣ* Сумарокова, ч. II, стр. 427: «Схоластикъ, встрѣтясь со врачемъ, прости меня, государь мой, говоритъ, и не гнѣвайся пожалуй на меня за то, что я болѣзни никакой не имѣлъ;» и далѣе, стр. 428: «Схоластикъ, встрѣтясь съ лѣкаремъ, спрятался за уголъ, и какъ спросили его о причинѣ, то онъ отвѣтствовалъ: давно-де уже я боленъ не бывалъ, и для того стыдно мнѣ показаться лѣкарю». Стихи эти въ разныхъ видахъ встрѣчаются нѣсколько разъ въ рукописяхъ Державина. Помѣстивъ ихъ въ текстѣ по послѣдней редакціи (*Часть VII*), приводимъ здѣсь и первоначальную изъ тетради 1776 г., гдѣ они записаны подъ заглавіемъ *Стыдливость* (№ 23):

Схоластикъ, идучи, вдругъ медика узрѣлъ;
Чтобъ скрыться отъ него, онъ за уголъ ушелъ.
То медикъ видѣвши, къ схоластику подкрался
И спрашивалъ его, чего онъ такъ боялся.
Мнѣ стыдно, сударь, васъ, схоластикъ отвѣчалъ:
Ужъ съ годъ тому, какъ я и боленъ не бывалъ.

* Гіероклъ (Hierokles), неоплатоникъ, жившій въ 5-мъ столѣтіи по Р. Х. въ Александріи, написалъ между прочимъ собраніе анекдотовъ (Ἀστεῖα), которое издавалось нѣсколько разъ въ западной Европѣ.

CXLIV. УЛИКА[1].

Не выписалъ копистъ[a] какого-то указу,
Не внесъ его въ экстрактъ по данному приказу.
За ту его вину дьякъ на цѣпь приковалъ
И, бивши по щекамъ, неистово ругалъ;
Пропойцею его, ярыгой называя,
Разсѣчь хотѣлъ плетьми[б], отъ пьянства унимая.
Подьячій, зря бѣду, отъ страха весь дрожалъ,
Божился, что родясь онъ пьянымъ не бывалъ. —
Ахъ, скверный человѣкъ! ты хочешь оправдаться,
Предъ ставкою очной дерзаешь запираться?
Не я ли всякій день, — хожу какъ на кабакъ,
Самъ вижу тамъ тебя? — сказалъ копистү дьякъ.

[a] Не выписалъ писецъ ...
Не сдѣлалъ выписки по царскому приказу (Первонач. рукоп.).
[б] Хотѣлъ стегать плетьми ...
Увидѣвъ то, писецъ отъ страха задрожалъ
И клялся, въ кабакѣ что съ роду не бывалъ.

[1] Изъ рукописи *Часть VII;* варіанты приводятся по тетради 1776 г. (№ 24). Въ тетради 1790-хъ годовъ озаглавлено: *Дьяку.*

CXLV. НА КРАСАВИЦУ[1].

Красавица! зря пчелъ вкругъ розы ты весной,
Представь, что роза ты, а мы, мы всѣ твой рой!

[1] Это двустишіе, напечатанное въ *Памятникѣ отеч. муз.* 1827 г. (стр. 104) и потомъ въ посмертныхъ изданіяхъ Державина, встрѣчается почти въ такомъ же видѣ въ тетради 1790-хъ годовъ. Но уже рукопись 1776 г. (№ 25) представляетъ начало его въ слѣдующемъ *Мадригалѣ:*

Взглянувъ когда на красный розы цвѣтъ,
Филиса, — въ ней представь себя тотчасъ.
Летящихъ пчелъ весной къ ней зря на медъ,
Тутъ воспомни ты, прекрасная, о насъ.
Твоя цвѣтетъ подобно юность дней;
Желанья въ насъ родитъ она и страсть;
На прелести, какъ рой, красы твоей
Стремимся мы, чтобъ тѣмъ вкусить намъ сласть.

CXLVI. БЫВАЛЬЩИНА[1].

Пословица у насъ крестьянская идетъ,
Что краденый намъ хлѣбъ вкуснѣй сводо живетъ;
Прибаска такова ко правдѣ много схожа,
И я теперь скажу бывальщину про то же.
Вертлявый господинъ, изрядный молодецъ,
Пригожей жены мужъ и дѣткамъ ужъ отецъ,
Прелестникъ былъ сердецъ;
А попросту сказать: забѣглый удалецъ,
Иль былъ онъ волокита.
По имени какъ слылъ, того я не скажу;
Желаетъ же кто знать, загадкой покажу:
Онъ не былъ Никодимъ и не былъ Никаноръ,
Никифоръ не слывалъ,
А Никона ему попъ имя не давалъ,
И также не звался отнюдь, отнюдь Никита;
Отъ литеры жъ онъ *наш* то имя начиналъ.
Ты понялъ разговоръ,
Читатель дорогой,
Какъ зваться онъ довлѣетъ?
Пойми еще и то: прозваніе съ зимой
Онъ схожее имѣетъ.
Мнѣ съ *наша* и *зимы* ну чтожъ теперь начать?
Какъ то мнѣ разсказать?
О Момусъ, научи!
Молчи:
Престань ты болѣ врать;

[1] По указываемымъ здѣсь признакамъ, можно догадываться, что стихи эти были написаны на какого-то Назимова. Въ рукоп. 1776 г. № 43.

Начто тебѣ издѣвку
Сосѣду сплетать?
Довольно и сего
Къ несчастію его.
Укралъ онъ нѣгдѣ дѣвку,
Въ тюрьмѣ за то сидѣлъ;
Бывъ въ юпку наряженъ, онъ смѣхъ отъ всѣхъ терпѣлъ;
Онъ, бѣдный, согрѣшилъ
И тысячу рублевъ за дѣвку заплатилъ.
Не все, что̀ обѣщалъ, въ бывальщинѣ сказалъ.
Читатель, извини: мнѣ Момусъ заказалъ.

CXLVII. Сонетъ[1].

Красавица! не трать ты времени напрасно 1.
И знай, что безъ любви все въ свѣтѣ суеты:
Жалѣй и не теряй прелестной красоты,
Чтобъ послѣ не тужить, что вѣкъ прошелъ несчастно.

Любися въ младости, доколѣ сердце страстно; 2.
Какъ сей вѣкъ пролетитъ, ты будешь ужъ — не ты.
Плети себѣ вѣнки, покуда есть цвѣты,
Гуляй въ садахъ весной, а осенью ненастно.

Взгляни когда, взгляни на розовый цвѣтокъ 3.
Тогда, когда уже завялъ ея листокъ:
И красота твоя подобно ей завянетъ.

Не трать своихъ ты дней, доколь ты не стара, 4.
И знай, что на тебя никто тогда не взглянетъ,
Когда, какъ розы сей, пройдетъ твоя пора.

[1] Въ рукописи 1776 г. № 45.

CXLVIII. ПОХВАЛЬНЫЕ СТИХИ ГАВРИЛѢ АНДРЕЕВИЧУ СУРОВЦОВУ,

КОТОРЫЙ БЫЛЪ ВЪ ИНОСТРАННОЙ КОЛЛЕГІИ ПЕРЕВОДЧИКОМЪ [1].

—

О! какъ ты, Суровцовъ, въ восторгъ меня приводишь,
Къ забавамъ что ты всѣмъ вездѣ, всегда приходишь!
Дивится всякъ тебѣ, дивится старъ и малъ,
Что рѣдкостью собой во всемъ ты градѣ сталъ.
Смотрѣвши на твои дары неоцѣненны,
Въ веселье, въ шутку, въ смѣхъ живутъ всѣ приведенны.
Какъ пальцами двумя играешь въ клавесинъ,
Въ брянчаніи ты семъ бываешь не своимъ.
Скрипицу ты когда, играть чтобъ, принимаешь,
Играньемъ всѣхъ своимъ со смѣху надрываешь.
Когда ты сдѣлаешь въ хвалу кому стихи,
То оные стихи бываютъ всѣмъ въ смѣхи;
Въ нихъ живность разума и остроты блистанье
Въ немолчный всѣхъ ведутъ восторгъ и хохотанье.
Въ поступкахъ ты легокъ, какъ рѣзвенькій козелъ,
А въ важности ума — какъ вьюченный оселъ.
Прости, что я скотамъ тебя здѣсь примѣняю:

[1] Отъ 1771 до 1776 г. этотъ Суровцовъ значится въ *Мѣсяцословахъ*, при коллегіи иностранныхъ дѣлъ, однимъ изъ секретарей капитанскаго ранга *. Изъ рукоп. 1776 г., № 48.

* *Гаврила Суровцовъ*, безъ отчества. Въ способѣ занесенія должностныхъ лицъ въ списки соблюдалась любопытная постепенность: высшіе чины, до коллежскаго совѣтника включительно, записывались съ окончаніемъ *вичъ*, надворные совѣтники и маіоры — *овъ сынъ*, а слѣдовавшіе затѣмъ — вовсе безъ отчества. Впрочемъ уже около 1780 года эта тонкость въ чинопочитаніи исчезаетъ изъ календаря.

Я свойства тѣхъ звѣрей въ тебѣ лишь обрѣтаю.
До прелестей твоихъ касается же что,
Довольно вѣдаютъ всѣ женщины про то:
Прекраснымъ солнышкомъ они тебя считаютъ;
Ласкаючи тебя, какъ куколкой играютъ.
Хотѣлъ бы куклой быть равно у женщинъ я,
Но я не Суровцовъ, то горька часть моя,
И Фоки Маркьгча[2] я имя не имѣю.
Крушася я о томъ, печалюсь и жалѣю.
Я съ красными бровьми и въ красномъ парикѣ,
На рѣзвомъ, такъ какъ ты, не ѣзжу рыжакѣ;
Не шелъ я въ карусель противъ враговъ сражаться[3],
Я Шведомъ никогда не мыслилъ наряжаться.
Ты разумомъ широкъ и хитростью ты быстръ;
Безъ разсужденья, ты — сенаторъ и министръ.

[2] Не былъ ли этотъ Фока Марковичъ другой, болѣе важный по мѣсту или богатству Суровцовъ? Въ *Мѣсяцословахъ* 70-хъ годовъ мы не нашли такого.

[3] Карусель, на который здѣсь намекается, былъ 14 іюля 1766 года; см. Томъ I, стр. 280 и 767. Для объясненія слѣдующаго стиха надобно вспомнить, что Россія находилась тогда въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Швеціи, гдѣ между собой враждовали двѣ партіи: французская, или *шляпы*, и русско-англійская, или *шапки*. Попытка Густава III ввести въ Швеціи національный костюмъ могла нѣсколько отразиться и на петербургскихъ модахъ.

CXLIX. МОЛИТВА[1].

Непостижимый Богъ, всѣхъ тварей Сотворитель,
Движеніевъ сердецъ и помысловъ Прозритель!
Въ послѣдній разъ зову къ Тебѣ я въ жизни сей[a]:
Склони съ небесъ, склони свой слухъ къ мольбѣ моей.
Воззри, Создатель мой, на сердце сокрушенно.
Что если, Твой законъ желавъ знать совершенно,
Я слабымъ разумомъ чего не понималъ,
Помилуй Ты меня, коль въ немъ я заблуждалъ.
Твое святое я хотѣлъ творить велѣнье
Со всею ревностью, но безъ предразсужденья.
Се, вижу растворенъ тотъ путь передо мной,
По коему войти я въ вѣчный льщусь покой.
Войду, конечно такъ, я въ томъ не сомнѣваюсь:
На милосердіе Твое я полагаюсь.
Ты щедръ и милостивъ былъ въ вѣкъ сей скоротечный:
Ты будешь мнѣ Отецъ, а не Мучитель вѣчный.

[a] Къ Тебѣ я вопію впослѣдній въ жизни сей,
Ты ухо преклони съ высотъ къ мольбѣ моей (Первон. ред.).

[1] Эта пьеса, встрѣчающаяся не только въ рукописи 1776 г. (№ 54), но и въ двухъ позднѣйшихъ, первоначально носила заглавіе: *Переводъ съ молитвы г. Волтера.* Подлинные, французскіе стихи находятся въ 4-й части сочиненія «Poème sur la loi naturelle» (см. Oeuvres de Voltaire, éd. Beuchot, т. XII, стр. 177). Они были въ свое время очень извѣстны. Ихъ же перевелъ Радищевъ (*Соч.* его, М. 1806—1812, ч. I, стр. 198).

CL. ЗАГАДКА[1].

—

Я тварь ума и рукъ, моя дочь безконечность;
Въ людской я жизни мигъ, а въ Божьей жизни вѣчность.
Едва я не ничто; но я слѣпыми зримъ.
Составилъ мѣру я; но я неизмѣримъ.
Могу тѣлесенъ быть, равно и безтѣлесенъ,
Въ огнѣ, въ землѣ, въ водѣ, въ эфирѣ среди сферъ.
У Русскихъ дама я, у Нѣмцевъ кавалеръ[2].

[1] Была напечатана, безъ имени автора, еще въ *С-петербургскомъ Вѣстникѣ* 1779 г. за октябрь (ч. IV, стр. 281). Встрѣчается нѣсколько разъ въ рукописяхъ Державина съ поясненіемъ: *точка*. Между 5-мъ и 6-мъ стихомъ былъ первоначально еще стихъ, напечатаний и въ *Вѣстникѣ*, но опущенный въ позднѣйшихъ рукописяхъ, вѣроятно по неясности своей:

Стремятся всѣ ко мнѣ, хоть всѣмъ я неизвѣстенъ.

Въ тетрадяхъ поэта находится еще слѣдующая *Загадка съ отгадкою въ акростихѣ*, задуманная имъ еще въ молодости, но только въ послѣдствіи получившая эту искусственую форму:

Родясь отъ пламени, на небо возвышаюсь;
Оттуда на землю водою возвращаюсь.
Съ земли меня влечетъ планетъ всѣхъ князь къ звѣздамъ;
А безъ меня тоска смертельная цвѣтамъ.

[2] Нѣмецкое слово Punkt — мужескаго рода.

CLI. ИЗЪ ПОЭМЫ ПОЖАРСКІЙ[1].

—

Пою усердныхъ войскъ россійскихъ воеводу,
Который, усмиривъ крамолы непогоду,
Отъ внѣшнихъ супостатъ Москву освободилъ,
Наслѣдный Россовъ скиптръ наслѣднику вручилъ,
А самъ, — отрекшись быть державнымъ властелиномъ, —
Подпорою царю, отечеству былъ сыномъ.

[1] Въ одномъ примѣчаніи къ одѣ *На Коварство* (Томъ I, стр. 329) уже было упомянуто объ особенномъ уваженіи Державина къ Пожарскому и объ этомъ оставшемся въ черновыхъ его бумагахъ отрывкѣ, писанномъ, сколько можно судить по почерку, около или вскорѣ послѣ 1780 года. Въ рукописи надъ этими стихами заглавіе *Пѣснь 1.* Въ нихъ очень замѣтно подражаніе Генріадѣ Вольтера; это становится еще очевиднѣе, когда мы узнаемъ, что Державинъ около того же времени началъ-было переводить Генріаду, какъ показываютъ слѣдующіе его рукой писанные стихи:

Пою властителя французскаго народа,
Кого взвела на тронъ побѣда и порода,
Несчастіемъ самимъ навыкнулъ кто царить,
Въ изгнаньи зналъ сражать, а побѣдивъ, простить.
Онъ свергъ Иберію, крамолу и Маенна
И былъ его отцомъ отечества сраженна.
Снесися, Истина, съ высотъ ко мнѣ твоихъ
И силу, свѣтъ и жаръ разсыпь въ стихахъ моихъ,
Да слухъ царей внимать глаголъ твой пріобыкнетъ
И, что имъ должно знать, въ твои вѣщанья вникнетъ;
Являй причину золъ, междоусобну рать,
Какъ наши области раздоръ могъ пожирать,
Описывай порокъ, и вождевъ, и монарховъ,
Несчастіе людей и слабость іерарховъ;
Приди и возгласи, и слухъ правдивъ коль сей,
Что прежде съ важностью мѣшалась баснь твоей *....

* Первый переводъ Генріады, бѣлыми стихами, появился у насъ въ 1777 г. и сдѣланъ Княжнинымъ (см. *С-пб. Вѣстникъ* ч. I, стр. 396); другой, въ риө-

О ты, которая средь людствъ, наединѣ,
Во всѣхъ его дѣлахъ, въ совѣтахъ, на войнѣ
Была его душа, наставникъ и свидѣтель,
Приди, внуши меня, святая Добродѣтель!
Скажи мнѣ подвиги и всѣ его дѣла,
И всѣ пути его, и какъ его вела
Любовь къ отечеству, а ты сопровождала,
Когда его рука Россію избавляла.
Одни лишь вы могли его вождями быть:
Героевъ истинныхъ удобны вы творить.

Печальная Москва, Поляками плѣненна,
Казалась узницей, въ оковы заключенна;
Чертогъ царей ея и тронъ ея былъ сиръ;
Ни въ мысляхъ, ни въ сердцахъ не водворялся миръ;
По стогнамъ кровь текла, въ домахъ лилися слезы,
Звучали на гражданъ возложенны желѣзы....

Въ позднѣйшее время поэтъ передѣлалъ начало поэмы *Пожарскій* слѣдующимъ образомъ:

Любовь къ отечеству, богиня душъ изящныхъ!
Воспой вождя тобой водимыхъ россиихъ силъ,
Что Готовъ и Сарматъ въ дни мятежей ужасныхъ
Умомъ и храбростью отвлекъ и отразилъ
Отъ завладѣнія полувселенной трономъ,
Освободилъ Москву, крамолу усмиря,
Отвергъ предложенный вѣнецъ ему народомъ
И воцарилъ, избравъ, наслѣднаго царя.
Любовь къ отечеству! паришь ты предо мною
И перстомъ мнѣ твоимъ показываешь путь. ...

махъ, неизвѣстно чей, напечатанъ въ 1790 г. (*Моск. журналъ*, ч. II. стр. 207). Приводимъ для сравненія начало послѣдняго:

«Пою героя, кто, разрушивши коварство,
Оружіемъ досталъ французско государство;
Кто, долго странствуя межъ сопротивныхъ силъ,
Наслѣдіе свое чрезъ храбрость получилъ,
Злыхъ возмутителей Испанцевъ былъ гонитель,
Сталъ подданныхъ своихъ отецъ и покровитель».

Приложеніе.

(Въ бумагахъ Державина сохранился цѣлый планъ начатой имъ поэмы, писанный собственною его рукой. Сообщаемъ весь этотъ конспектъ, исключая только находящееся передъ каждымъ отдѣломъ заглавіе: *Содержаніе* такой-то *пѣсни*, такъ какъ поэтъ очевидно не установилъ окончательно раздѣленія поэмы и у него иногда на двухъ пѣсняхъ сряду встрѣчается та же цифра. При этомъ ограничиваемся тѣмъ, что отставляемъ содержаніе каждой отдѣльной пѣсни, по первоначальному плану; потомъ предполагалось ихъ 15, а напослѣдокъ только 12).

Утѣсненіе Литвою Москвы и принужденіе въ ней сидящихъ русскихъ измѣнниковъ, Салтыкова и прочихъ, выбрать на царство королевича польскаго. Слабая осада Трубецкимъ Москвы и слабое жъ его сопротивленіе противъ Сапѣги и гетмана Хоткѣвича, приходящихъ на сикурсъ городу. Раздоръ въ его войскахъ о утвержденіи на царство нѣкоторыми самозванца, а нѣкоторыми шведскаго королевича и о уходѣ изъ-подъ Москвы нѣкоторыхъ войскъ его. О убіеніи Ляпунова. О плѣненіи многихъ городовъ, какъ-то Новагорода, Смоленска, Козельска и прочихъ. Разслабленіе всего государства. Горестное описаніе Москвы. Являющіяся страшныя чудеса.

Описаніе уединеннаго жилища Пожарскаго. Волненіе его между любовью къ отечеству, между трудностями, ему предстоящими, между покойною жизнію его, любовію къ Клеонисѣ, нѣгою и одержащими его отъ ранъ болѣзнями. Внушеніе его разнымъ посѣтителямъ бѣдственнаго состоянія государства.

Изображеніе Любви къ отечеству, которая, захотя спасти Россію, приходитъ къ Пристрастію, и оба вмѣстѣ во снѣ внушаютъ Минина, который поутру, выходя на площадь, со рвеніемъ уговариваетъ народъ вступиться къ защитѣ отечества, высказывая тѣ самыя слова, которыми увѣщевалъ Пожарскій своихъ посѣтителей. Согласіе на то всѣхъ вообще. Собраніе сокровищъ и посланіе оныхъ съ послами къ Пожарскому съ просьбою, чтобъ онъ принялъ главное надъ совѣщающимися повелительство.

Принесеніе клятвы Дмитрію ложному; подлое Злодѣйство, живущее въ тартарѣ, приходитъ потаенными ущеліями къ Властолюбію, живущему близко его въ гордыхъ палатахъ, возбуждаетъ его взять на себя образъ Трубецкаго и представить Заруцкому опасность; а само оно беретъ на себя вдохнуть въ Заруцкаго ядъ свой, чтобъ послать убить Пожарскаго. Заруцкій потому и отправляетъ убійцъ, подъ видомъ тѣмъ, будто просить отъ него себѣ помощи*.

* Этотъ отдѣлъ въ подлинникѣ зачеркнутъ.

Пожарскаго пришествіе въ Нижній. Собраніе и ополченіе войска. Посланіе грамотъ въ нѣмецкія земли, чтобъ чрезъ сію интригу умедлить ихъ прибытіе съ королевичами на царство московское. Извѣтъ нечаянный Пожарскому о намѣреніи убить его. Онъ непоколебимою душею принимаетъ пословъ убивства, его ранятъ. Минина и народное стремленіе растерзать ихъ. Но онъ прощаетъ убійцъ и шествуетъ на помощь къ пославшимъ ихъ.

Пріѣздъ самозванца въ лагерь подъ Москву. Казнь его и побѣгъ къ другому самозванцу Заруцкаго съ войсками, котораго на дорогѣ посланный отъ Пожарскаго двоюродный его братъ разбиваетъ. Но онъ самъ уходитъ и по страшнымъ скитается вертепамъ; ужасъ его.

Пришествіе Пожарскаго въ Троицкую лавру. Описаніе оной. Повѣсть архимандрита Діонисія подробная происшествіямъ московскимъ во время болѣзни Пожарскаго. Объ утвержденіи Поляковъ. О Гермогенѣ и Филаретѣ и напоминовеніе о собственныхъ его дѣлахъ и ранахъ при защитѣ его московской отъ Поляковъ. Отшествіе изъ лавры. Чудо, предвозвѣщающее успѣхъ его походу.

Хитрость Струся, который даетъ поводъ выйти Клеонисѣ, дочери его, съ намѣреніемъ, чтобъ она уговорила Пожарскаго медлить приходомъ подъ Москву. Онъ ѣдетъ осматривать положеніе мѣстъ для стана войска; Клеониса его встрѣчаетъ съ своею свитою въ рощахъ. Ихъ свиданіе. Нѣжное волненіе сердца Пожарскаго. *Сраженіе любви съ любовью отечества**. Онъ предается пріятностямъ и нечувствительно медлитъ. Вѣстникъ возвѣщаетъ, что гетманъ идетъ. Онъ позабываетъ любовь и возвращается къ войску.

Властолюбіе, ослабленное отсутствіемъ Злодѣйства, призываетъ на помощь Коварство и внушаетъ Трубецкому послать пословъ къ Пожарскому въ таборъ, чтобъ соединиться съ нимъ вмѣстѣ и дать ему пожарской конницы. Пожарскій стать вмѣстѣ отказывается, а конницу даетъ. Прогоняетъ одинъ гетмана, однако ослабѣваетъ. Требуетъ помощи отъ Трубецкаго, который не даетъ; онъ посылаетъ деньги и нанимаетъ отъ него войска.

На утріе новое побоище, гдѣ совершенно разбиваетъ гетмана. Струсь вышелъ на помощь: и его разбиваетъ и вламывается въ городъ Китай. Неудовольствіе и ненависть Трубецкаго и казаковъ.

Жалостное состояніе кремля. Совѣтъ въ немъ сидящихъ Поляковъ. Надежда на великодушіе Пожарскаго. Намѣреніе отпустить къ нему въ покровительство женъ своихъ и имѣніе свое, съ чѣмъ и посылаютъ къ нему пословъ.

Среди своихъ тріумфовъ печальное размышленіе Пожарскаго, что сколько онъ несчастливъ, видя, что намѣсто благодарности всеобщей возбудилъ онъ на себя ненависть многихъ и что не можетъ, исполняя долгъ свой къ отечеству, удовольствовать склонности своего сердца въ разсуж-

* Подчеркнутое, какъ здѣсь, такъ и ниже, написано рукою Капниста.

деніи любви своей къ Клеонисѣ. Послы приходятъ и просятъ, чтобъ онъ принялъ въ покровъ женъ и имѣніе осажденныхъ. Онъ принимаетъ и радуется, что увидитъ между ними свою возлюбленную. Однако ему сказываютъ, что Струсь своей дочери не отпустилъ; не взирая на сіе, даетъ имъ онъ свое покровительство.

Кремль, не взирая, что выпустилъ своихъ женъ, не могъ перенести тяжкаго облежанія. Отворилъ ворота. Войска польскія сдалися. Полки, которые плѣнены Трубецкимъ, посѣкаются на голову казаками, между которыми былъ и Струсь. Пожарскій, услыша сіе кровопролитіе, избавляетъ отъ смерти Струся. Сыскиваетъ дочь его Клеонису и даетъ имъ у себя безопасное убѣжище. Будучи побѣдитель и имѣя Струся въ своей власти, проситъ у него дочь его себѣ въ супружество. Польскій вельможа, будучи жестоковыенъ, не даетъ своего позволенія дочери дать ей руку Пожарскому. А съ презрѣніемъ говоритъ ей, буде она хочетъ, то онъ, будучи плѣнникомъ, возбранить ей того не можетъ. Пожарскій великодушно сіе сноситъ и отпускаетъ Струся и съ его дочерью въ ихъ отечество.

Благодарность народная приноситъ побѣдителю корону. Завистники хотѣли сему препятствовать, но народъ заставилъ ихъ молчать. Онъ благодаритъ народъ за его признаніе. Велитъ назначить день собранія, гдѣ онъ обѣщаетъ имъ представить достойнаго имъ государя. Народная о семъ его изволеніи радость.

Между тѣмъ какъ во время нощи все покоилось, онъ пекся о устроеніи тишины въ градѣ и о сокровенномъ своемъ намѣреніи посылаетъ гонцовъ. Поутру пріуготовленіе производилося къ коронаціи. Собралися всѣ и ожидали его пришествія. Онъ медлилъ. Наконецъ приходитъ. Подносится ему. Онъ ее беретъ. Зависть ухищренно улыбается. Но онъ ее налагаетъ на приведеннаго съ собою юношу. Становится предъ нимъ на колѣни и объявляетъ его государемъ. Представляетъ его мать и сказываетъ, что онъ оставшійся потомокъ прервавшагося рода царей россійскихъ. Даетъ ему присягу и требуетъ отъ народа. О себѣ объявляетъ, что онъ удаляется въ уединеніе, съ тѣмъ, что ежели его рука или совѣты когда-нибудь понадобятся отечеству, онъ готовъ всегда показать ему услуги.

(Въ концѣ рукою же Державина приписано:)

Главные характеры.

Пожарскаго: образъ совершеннаго героя, любителя отечества; великодушенъ, терпѣливъ, безкорыстенъ, милосердъ, щедръ, скроменъ, богочтителенъ.

Трубецкаго: властолюбивъ, хитръ, корыстолюбивъ, завистливъ и гордъ.

Минина: пристрастный любитель отечества, простосердъ, горячъ, мечтателенъ, жертвующій все отечеству.

Заруцкаго: злодѣй, коваренъ, подлъ, корыстолюбивъ, трусъ.

Струся: надменъ, твердъ, жестокъ, неумолимъ.

Клеонисы: добродѣтельна, великодушна, нѣжна, послушлива и постоянна.

CLII. НА ГРОБЪ ПОЖАРСКАГО[1].

Плѣнитель чуждыхъ царствъ и вождь мятежной злости!
Не смѣй попрать сей прахъ: — Пожарскаго тутъ кости.

[1] См. предыдущій №.

CLIII. ОТРЫВОКЪ[1].

Омывши костромскихъ подошву твердыхъ стѣнъ,
Спѣшила Волга взять стремленье Унжи въ плѣнъ;
Но, видомъ одного урочища прельщенна
И мѣстъ пріятностью окрестныхъ привлеченна,
Склоня съ прямой стези свой быстротечный бѣгъ,
На долъ облокотясь, лобзая тучный брегъ,
Составила заливъ, горами окруженный,
Въ который вѣтры дуть не смѣютъ раздраженны[a].
Тамъ въ жидкомъ зеркалѣ любуются лѣса;
Свѣтило дневное, луна и небеса,
Унизанныя тьмой алмазовъ, вѣкъ блестящихъ,
Пріятно смотрятся въ струяхъ покойныхъ, спящихъ.

[a] ... разъяренны (Зачеркнутая редакція).

[1] Автографъ этого отрывка написанъ на особомъ полулистѣ, съ немногими поправками и помарками, безъ всякаго заглавія. Бумага совершенно такая же, какъ та, на которой начало Пожарскаго; почеркъ изъ той же эпохи.

Вблизи и окрестъ ихъ разложисты брега,
Поля зеленыя и злачные луга
Прекрасное[6] очамъ позорище являютъ.
Пристанище сіе нерѣдко посѣщаютъ
Мимоходящія торговыя суда.
Отъ страшныхъ непогодъ спасаясь иногда,
Находитъ плаватель въ немъ твердую ограду.
Въ безбурны дни почить или вкушать прохладу,
Или потребные припасы доставать
Обыкли кормчіе въ немъ часто приставать.
Оттоль невдалекѣ строеніевъ громады
Стояли безъ забралъ, безъ всякія ограды,
Безъ стражи и безъ вратъ. Средь зданій на столбахъ
Изображалося въ короткихъ сихъ словахъ:
Всякъ нужное бери. Различныя потребы —
Желѣзо, верви, соль, смола, вино и хлѣбы,
Отъ влаги лишь одной сокрыты подъ покровъ,
Въ особыхъ храминахъ безъ мѣръ и безъ вѣсовъ
Съ излишествомъ вездѣ желанью представлялись. ...

[6] Любезное ...
Убѣжище ...

CLIV. СТАНСЫ КЛАРИСѢ[1].

1. Зефиры нѣжны прилетѣли,
Пришла прекрасная весна;
Съ пригорковъ воды зашумѣли,
Повсюду зелень разстлана.

[1] Изъ рукописи 1790-хъ годовъ.

При всходѣ утренней зарницы
Поютъ по рощамъ звонко птицы,
И все мой духъ въ восторгъ ведетъ;
Но что въ тебѣ, Клариса, зрится?
Румяна роза застыдится,
Лилеи поблѣднѣетъ цвѣтъ.

Ты разумомъ плѣняешь болѣ, 2.
Чѣмъ прелестью весна своей;
Живешь ты въ страстномъ сердцѣ долѣ,
Чѣмъ лучъ скользящій сверхъ зыбей.
Твой взоръ лазурнѣе эѳира,
Твой вздохъ пріятнѣе зефира,
Ты слаще соловья поешь.
Шлетъ пурпуры тебѣ Аврора,
Цвѣты и ароматы Флора;
Ты царствуя средь ихъ цвѣтешь!

О! еслибъ только тѣмъ сравнилась 3.
Съ младой и нѣжной ты весной,
Чтобы ко мнѣ такъ преклонилась,
Какъ вѣтвь съ блистающей росой!
Тогда бъ я, жаръ мой прохлаждая
Въ тѣни блаженствъ, любовь вкушая,
На лонѣ вѣкъ твоемъ почилъ,
Или златымъ пчеламъ подобно
Леталъ во время лишь способно
И съ розъ твоихъ бы нектаръ пилъ!

CLV. МОЛИТВА [1].

О Боже! чту Твоихъ предѣловъ свѣтозарность 1.
И льщусь, что я могу въ блаженствѣ вѣчномъ жить;
Къ престолу Твоему взываю благодарность,
Что Ты опредѣлилъ мнѣ въ сей надеждѣ быть.

Ты благость льешь свою на грѣшныхъ всеконечно, 2.
Ты наши слабости щедротой превозмогъ;
Владѣніе Твое есть благо и предвѣчно:
Мнѣ все вѣщаетъ здѣсь, что Ты прямой есть Богъ.

Мнѣ солнце есть Твоихъ предѣловъ предъявленье, 3.
Могущество Твое со всѣхъ я вижу странъ;
Природа вся мнѣ въ томъ есть точно увѣренье,
Что Твой законъ всему пространну міру данъ.

Величіе Твое, о Боже! воспѣваю, 4.
Къ Тебѣ стремлю я мысль и чувствія и духъ,
И сердцемъ существо Твое я прославляю;
О Боже! преклони къ усерднымъ пѣснямъ слухъ.

Мнѣ помощь не нужна парнасска Аполлона, 5.
Дабы Создателя усердіемъ почтить;
Не надобно къ тому гремящей лиры звона, —
Лишь надобно умѣть Создателя любить.

[1] Въ подлинникѣ писано также рукой самого поэта на особомъ полулистѣ; бумага и почеркъ сходны съ замѣченными при №№ CLI и CLIII.

CLVI. КАНТАТА НА ДЕНЬ ВОЕННАГО ОРДЕНА

ГЕРОЯМЪ РОССКИМЪ [1].

—

Поправъ своихъ злодѣевъ,
Младый лобзая миръ,
Россія средь трофеевъ
Своимъ героямъ пиръ
Межъ лавровъ поставляетъ.
Екатерина къ нимъ
Лицомъ своимъ сіяетъ;
Петрополь наливаетъ
Кипящи звѣзды имъ.

На арфѣ звонкострунной
Хоръ Музъ имъ пѣснь поетъ;
Трубой златоперунной
Въ пространный Слава свѣтъ
Дѣла ихъ повѣствуетъ;
Простря безсмертный перстъ,
На нихъ всѣмъ показуетъ,
Звучитъ о нихъ у звѣздъ.

Сей съ громомъ двигать стѣны
И побѣждать училъ,

[1] Орденъ св. Георгія учрежденъ 26-го ноября 1769 года; кантата написана очевидно послѣ первой турецкой войны. Въ стихахъ 22—33 разумѣются герои этой войны: гр. Румянцовъ, графъ П. И. Панинъ, князь А. М. Голицынъ и графъ А. Г. Орловъ. Подлинникъ-автографъ, съ немногими поправками, на особомъ листѣ.

И новой Карѳагены
Онъ рокъ опредѣлилъ.

Сей съ горстью тьмамъ встрѣчался,
Какъ вихрь за прахомъ мчался,
Какъ буря грады рвалъ,
Примѣръ вождямъ давалъ.

Сей, осторожнымъ боемъ,
Прославился героемъ,
Съ жалѣньемъ врагъ разилъ:
Оливы приносилъ.

Тотъ всю обтекъ вселенну,
Флотъ вражій истребилъ;
Тотъ, грудь поставя въ стѣну,
Сей-градъ оборонилъ.

Тотъ въ морѣ,
Тотъ въ горахъ,
Тотъ въ полѣ,
Тотъ въ лѣсахъ
Противныхъ поражали,
Вселенну удивляли.

Какъ туча, синѣя,
Приходитъ съ полей,
Молнія, рѣя,
Блистаетъ струей;
И буря какъ яра
Чернымъ крыломъ
Ударъ вслѣдъ удара
За громомъ шлетъ громъ, —

Перуны по меракамъ
Сѣкутся вокругъ,

Все пламеннымъ зракомъ
Зіяетъ вамъ вдругъ
И пѣнны громады
Волнъ кровью текутъ:
Рушатся грады,
Бездны ревутъ!
Топотомъ бурнымъ
Коннымъ, война
Трескомъ перуннымъ
Какъ ни страшна,
Но росскимъ героямъ
И смерть ни во что,
Идутъ съ покоемъ,
Велятъ имъ на что . . .

CLVII. ПОДРАЖАНІЕ ПСАЛМУ[1].

Терпѣлъ я, уповалъ на Бога, 1.
И преклонился ко мнѣ Богъ;
Мое смятеніе, тревога
Проникнули въ Его чертогъ.

Изъ безднъ клеветъ меня избавилъ, 2.
Пріялъ въ объятья Онъ свои,

[1] Такъ озаглавили мы этотъ отрывокъ, оставшійся только вчернѣ на оборотѣ репортички изъ коммерцъ-коллегіи отъ 23 февраля 1796 года. Стихи эти соотвѣтствуютъ первой половинѣ 39-го псалма и относятся къ тѣмъ непріятностямъ по службѣ, которыя Державинъ, какъ видно изъ его *Записокъ*, испыталъ въ 1794 и 95 году.

На камнѣ ноги мнѣ поставилъ
И утвердилъ стопы мои.

Вложилъ въ уста мои пѣснь нову, 3.
Хвалу я Господу воспѣлъ;
Всѣ зрѣли, всѣ дивились слову,
Въ которомъ я о Немъ гремѣлъ.

Блаженъ, своимъ кто упованьемъ 4.
Почіетъ въ Богѣ лишь одномъ,
И ложной суеты съ мечтаньемъ
Не ослѣпляется лучемъ.

Великъ, великъ Онъ чудесами, 5.
Которыя на мнѣ явилъ;
Непостижимыми дѣлами
Себя никто съ Нимъ не сравнилъ.

Не исчислять ихъ, проповѣдать, — 6.
Мое я пѣнье возношу
Сердечны чувства исповѣдать;
Другихъ я жертвъ не приношу.

Такъ! въ путь иду мой, не робѣя, 7.
(Написано о мнѣ въ судьбахъ!)
Закономъ Божьимъ пламенѣя,
Живущимъ у меня въ костяхъ.

CLVIII. НА ПТИЧКУ [1].

Поймали птичку голосисту,
И ну сжимать ее рукой:
Пищитъ бѣдняжка, вмѣсто свисту, —
А ей твердятъ: Пой, птичка, пой!

[1] Это четырестишіе, напечатанное сперва въ *Памятникѣ отеч. музъ* 1827 г. (стр. 102), а потомъ во всѣхъ посмертныхъ изданіяхъ Державина, написано конечно по тому поводу, что когда онъ попалъ въ должность секретаря Екатерины II (1791), то государыня часто выражала ему желаніе, «чтобъ онъ писалъ въ родѣ оды Фелицѣ» ... «онъ и далъ ей въ томъ свое слово; но не могъ онаго сдержать по причинѣ разныхъ придворныхъ каверзъ, коими его безпрестанно раздражали; не могъ онъ такъ воспламенить своего духа, чтобъ поддерживать свой высокій прежній идеалъ, когда вблизи увидѣлъ подлинникъ человѣческій съ великими слабостями» (*Записки* Д., *Р. Б.*, стр. 320 и 379).

Разительное, хотя конечно случайное сходство съ этими стихами представляетъ по идеѣ басня Крылова *Кошка и Соловей*, какъ показываютъ слѣдующіе два стиха изъ середины ея:

«Пропой, дружокъ, хотя немножко. —
Но нашъ пѣвецъ не пѣлъ, а только что пищалъ».

CLIX. НА ПОЛКОВОДЦА, ХОТѢВШАГО ПОСТРИЧЬСЯ [1].

Румянцовъ и Репнинъ давно стоятъ въ ружьѣ;
А ты, о Марсъ! — къ кутьѣ!

[1] Извѣстно, что таково было намѣреніе Потемкина вскорѣ послѣ возвышенія его въ 1774 году. Рукописи 1790-хъ годахъ и *Часть VII*.

CLX. ПРАВИЛО ЖИТЬ[1].

—

Утѣшь поклономъ горделивца,
Уйми пощечиной сварливца,
Засаль подмазкой скрыпъ воротъ,
Заткни собакѣ хлѣбомъ ротъ:
Я бьюся объ закладъ,
Что всѣ четыре замолчатъ.

[1] Занесено совершенно въ томъ же видѣ въ тетрадь 1790-хъ годовъ и въ рукопись *Часть VII*.

CLXI. СПРАВКА[1].

Безъ справокъ запрещаетъ
Законъ дѣла рѣшить;
Сенатъ за справки отрѣшаетъ
  И отдаетъ судить.
  Но какъ же поступать? —
    Воровать!

[1] Есть уже въ тетради 1790-хъ годовъ, гдѣ слово *сенатъ* приписано послѣ; въ одной изъ позднѣйшихъ рукописей оно замѣнено словомъ *диванъ*. Въ другой послѣднему стиху дана такая форма: Неужель воровать?

CLXII. ЧЕЛОБИТНАЯ О ДОСТРОЙКѢ ДОМА[1].

Воззри, монархиня! на домъ, покрова неимущій,
Въ столицѣ отъ крупицъ царя Тавриды сущій.
Воззри! и украси сей хижиной твой тронъ:
Прибавь къ украденнымъ еще хоть милліонъ.

[1] Рѣчь идетъ о Гарновскомъ, который, будучи управителемъ Таврическаго дворца, хотѣлъ воспользоваться своимъ положеніемъ и самъ началъ строить себѣ домъ. Но по смерти Потемкина наслѣдники его остановили расхищеніе, и домъ Гарновскаго, смежный съ домомъ Державина, остался недостроеннымъ. Владѣлецъ просилъ у Екатерины пособія, что̀ и подало поводъ къ этой эпиграммѣ, заимствуемой нами изъ рукописи *Часть VII* (Ср. Томъ I, стр. 442).

CLXIII. ОБОРОНА ОТЪ ВОРА[1].

Полѣномъ воръ
Прохожаго хватилъ.
Разбойнику прохожій говорилъ:
Забылъ ты развѣ, воръ,
Что на *полѣно* есть *топоръ?*

[1] Такъ въ рукописи 1790-хъ годовъ; въ *Части VII* заглавіе этой надписи: *На вора.*

CLXIV. НА БАРСУКА[1].

Витіей слылъ Барсукъ средь львинаго чертога.
Съ утра до вечера онъ всѣхъ цѣнилъ, ругалъ,
И даже ужъ шутилъ на счетъ царя и Бога;
А только о себѣ, ослахъ и псахъ молчалъ.

[1] Изъ тетради 1790-хъ годовъ и рукописи *Часть VII.* — Это подражаніе эпиграммѣ Клейста Marforius, кончающейся стихомъ:

«Vom Esel nur und Affen schwieg er still».
(Kleist's Werke, Вѣна, 1789, ч. I. стр. 97.)

CLXV. СОВѢТЪ АВТОРУ[1].

Писанья ты свои прилежно вычищай:
Вѣдь изъ чистилища приходятъ уже въ рай.

[1] «Переводъ съ французскаго, на которомъ сію эпиграмму сочинилъ г. Капнистъ въ отвѣтъ на посланные мои стихи». Такъ объясняетъ самъ Державинъ это двустишіе, въ первый разъ встрѣчающееся въ тетради 1790-хъ годовъ, подъ заглавіемъ: *Цыдулка автору.*

CLXVI. МОЛИТВА[1].

Боже Создатель,
Владыко Творецъ!
Ты мой питатель,
Ты матерь, отецъ,
Ты покровитель:
Ты мнѣ судьбой
Быть въ свѣтѣ судилъ,
Своей мнѣ рукой
Ты душу вложилъ;
Ты жить повелѣлъ.
Въ чреслахъ кровями
Ты родшей моей,
Въ дѣтствѣ сосцами
На лонѣ у ней
Взлелѣялъ меня.
Въ юности нынѣ,
Въ бунтѣ страстей,
Въ быстрой пучинѣ
Волнъ жизни моей
Помощникъ мнѣ будь!
Не вижу я дней
Во мракѣ моемъ
И свѣтлыхъ лучей;
На поприщѣ семъ
Не знаю пути.
Судно вѣтрами

[1] Это — одно изъ многихъ духовныхъ стихотвореній, встрѣчающихся въ самыхъ старыхъ рукописяхъ Державина. Мы избираемъ его, какъ отличающееся большею оригинальностью. Оставляя въ сторонѣ первоначальную редакцію этой молитвы въ тетради 1776 года, заимствуемъ нашъ текстъ изъ рукописи 90-хъ годовъ.

Несется въ моряхъ,
Бьется волнами,
Въ шумящихъ водахъ
Утопаетъ оно.
Я такъ подобно
Въ сомнѣньяхъ моихъ,
Бурями злобно
Пристрастій моихъ
Тону во грѣхахъ.
Коль не изымешь
Рукою своей,
Въ безднѣ сей кинешь,
Погрязну я въ ней,
Совсѣмъ погублюсь.
Слабой ты груди
Будь укрѣпленье.
Знаютъ пусть люди:
Ты лишь спасенье
Единъ у меня.
Злобны языки
Да стиснуть гортань;
Гнѣвъ ихъ великій,
Злосердую брань
Обрати мнѣ въ любовь.
Вѣрныхъ надежда,
Веселье сердецъ,
Нищихъ одежда,
Монарховъ вѣнецъ,
Всѣхъ утѣшитель!
Коль въ сокрушеньи
Взываю къ Тебѣ,
Въ благоволеньи
Внемли сей мольбѣ,
Творецъ мой и Богъ!

CLXVII. НА СМЕРТЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО[1].

Когда скончался Петръ,
Отецъ отечества и царь:
Умолкъ въ Россіи вѣтръ,
Уныла тварь,
Померкла солнечна краса,
Восплакала земля, взыграли небеса.

[1] Написано въ параллель къ надписи на рожденіе Петра; см. Томъ I, стр. 444.

CLXVIII. ВОИНСКАЯ ПѢСНЬ[1].

По сѣверу, по югу 1.
Нашъ сизъ орелъ паритъ:
Всему земному кругу
Шумъ крылъ его грозитъ.
Ура вамъ, храбры воины,
Россійскіе солдаты, —
Никѣмъ не побѣдимы,

[1] Хотя позднѣйшая передѣлка этихъ стиховъ, подъ заглавіемъ *Заздравный орелъ*, уже и напечатана въ I-мъ Томѣ (стр. 712), однакожъ не лишнимъ считаемъ помѣстить здѣсь и первоначальную редакцію ихъ, относящуюся очевидно ко времени окончанія шведской и второй турецкой войны. Въ этомъ видѣ пьеса сохранилась только въ тетради 1790-хъ годовъ. Редакція *Заздравнаго орла* отнесена Державинымъ къ 1795 году; но, судя по словамъ 2-го куплета: «Мы въ память вашу пьемъ», обращеннымъ къ Румянцову и Суворову, надобно думать, что эта переработка сдѣлана уже послѣ смерти обоихъ полководцевъ, именно въ 1804 г., — для *Анакреонтическихъ пѣсней*, гдѣ это стихотвореніе въ первый разъ появилось.

Никѣмъ не устрашимы!
Здоровье ваше пьемъ.

Хоръ. Звучи ты, трубный звонъ,
Блистай изъ пушекъ громъ.
Ура! ура! ура!

Орелъ кидаетъ громы 2.
На Льва и на Луну:
Стамбулы и Стокгольмы,
Покорствуйте ему.
Ура вамъ, мудры вожди,
На сушѣ генералы [a],
На морѣ адмиралы,
Всѣ русски офицеры!
Здоровье ваше пьемъ.

Хоръ. Звучи ты, трубный звонъ, *и проч.*

Орелъ подъ облаками 3.
Своихъ не тратитъ правъ;
Готовъ въ когтяхъ съ громами
Противу всѣхъ державъ.
Ура, Екатерина,
Какъ Петръ неустрашима,
Какъ Соломонъ премудра,
Какъ небо милосерда!
Твое здоровье пьемъ.

Хоръ. Звучи ты, трубный звонъ,
Блистай, изъ пушекъ громъ.
Ура! ура! ура!

[a] Россійски Геркулесы,
Румянцовъ и Суворовъ,
Репнинъ, Орловъ, Потемкинъ (Позднѣйшая поправка).

CLXIX. Къ портрету адмирала Спиридова[1].

Когда по манію его бросалъ перунъ
Орелъ въ превыспренней своей отвагѣ,
Россъ Турковъ при Чесмѣ жегъ флотъ въ Архипелагѣ;
Тогда Орловъ — Зевесъ, Спиридовъ былъ — Нептунъ.

[1] Григорій Андреевичъ Спиридовъ, род. 1713, ум. 1790; командуя кораблемъ Евстафій, обратилъ въ бѣгство турецкій флотъ при Суэзскомъ заливѣ и содѣйствовалъ совершенному истребленію его при Чесмѣ (*Словарь дост. людей*, Моск. 1836). Изъ рукоп. *Часть VII.*

CLXX. На гробъ князю Петру Михайловичу Голицыну[1].

Стой, Зависть, стой — и устыдись!

[1] Смыслъ этой надписи объясняется причиною и родомъ смерти князя П. М. Голицына: см. выше стр. 314. Изъ *Части VII.*

CLXXI. НА ГРОБЪ ЛЮБИМЦУ ФОРТУНЫ[1].

Богатъ, красенъ, цвѣтущъ, вкругъ почестьми сіялъ,
И можно бы ему воскликнуть тьмы похвалъ;
Но вѣра воспрещаетъ
Хвалить мірскія суеты.
Разсыпьте, Музы, вы цвѣты
На гробѣ семъ:
Любимецъ въ немъ[a]
Фортуны почиваетъ.

[a] Вѣдь въ немъ
Благоволеніе монарше почиваетъ (Рукоп. 1790-хъ гг.).

[1] Изъ рукописи 1790-хъ годовъ и *Части VII*. Первоначальное заглавіе было: *Любимцу царскому*. Написано, какъ видно изъ этого, по поводу *Эпитафіи* Струйскаго *графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому* (ум. 1771):
«Любимца царскаго здѣсь тлѣнъ опочиваетъ.
Со именемъ его и прахъ не сотлѣваетъ;
Но еслибъ и сотлѣлъ и мельче пепла былъ,
То и тогда бъ сей прахъ для всѣхъ безцѣннымъ слылъ.
На мѣстѣ семъ лежитъ, быть мнится, добродѣтель,
Елисаветиныхъ щедротъ, всѣхъ дѣлъ свидѣтель.
Монархиня сама ему вѣнцы плела,
Рукой своей безсмертья въ храмъ ввела».
(*Соч.* Н. Струйскаго, т. I, стр. 9).
О Струйскомъ см. ниже подъ надписью *На извѣстнаго стихотворца*.

CLXXII. На гробъ вельможи и героя[1].

Въ семъ мавзолеѣ погребенъ
Примѣръ сіянія людскаго,
Примѣръ ничтожества мірскаго:
Герой — и тлѣнъ.

[1] Изъ рукописи 1790-хъ годовъ и *Части VII*. Напеч. въ *Памятникѣ отеч. музъ* 1827 г., стр. 45, и въ посмертныхъ изданіяхъ Державина.

CLXXIII. Къ силуэту И. И. Хемницера[1].

Эзопъ лампадой освѣщалъ,
А Басня кистію тѣнь съ Истины снимала;
Лицомъ Хемницера незапно тѣнь та стала,
Котору въ басняхъ онъ столь живо описалъ.

[1] Изъ рукописи 1790-хъ годовъ. Въ другой, позднѣйшей, объяснено при заглавіи: *при его басняхъ напечатанному.* Тутъ разумѣется прекрасное изданіе ихъ, сдѣланное въ 1799 году другомъ покойнаго баснописца Н. А. Львовымъ, съ виньетами Оленина; впереди предисловія, написаннаго первымъ, помѣщенъ силуэтъ Хемницера, окруженный свернувшеюся въ кольцо змѣею, которая опирается на лиру. Это 3-е изданіе басенъ Хемницера, къ трехъ частяхъ, тогда же напечатано было и на простой бумагѣ безъ виньетъ. Въ семействѣ Львовыхъ* сохранилось преданіе, что Хемницеръ былъ замѣчательно дуренъ собою.

* Онъ былъ влюбленъ въ Марью Алексѣевну Дьякову, впослѣдствіи вышедшую за Н. А. Львова, и посвятилъ ей свои басни.

CLXXIV. КЪ ПОРТРЕТУ ПРЕКРАСНОЙ И ДОБРОДѢТЕЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ[1].

Коль Еввою тебя природа бъ сотворила,
Была бъ ты образомъ любви и красоты,
Но хитрость змія бы тебя не обольстила:
Любовники твои всѣ были бы святы.

[1] Въ черновой рукописи къ этому заглавію прибавлены начальныя буквы: Г. К. В. С., вѣроятно означающія графиню Катерину Васильевну Скавронскую, впослѣдствіи Литта (см. Томъ II, стр. 201). Надпись относится къ 1790-мъ годамъ.

CLXXV. НА ГАУБИЦЫ, ГРАФОМЪ ШУВАЛОВЫМЪ, И НА КОННУЮ АРТИЛЛЕРІЮ, КНЯЗЕМЪ ЗУБОВЫМЪ ВВЕДЕННЫЯ[1].

Шуваловъ громъ вознесъ — вдругъ тьмы враговъ сражать;
А Зубовъ — быстротой чтобъ молньи ихъ догнать.

[1] Графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ (см. Томъ II, стр. 144) былъ съ 1756 г. генералъ-фельдцейхмейстеромъ и славился еще между современниками улучшеніемъ артиллеріи; извѣстныя подъ его именемъ гаубицы появились въ 1758 г. (см. *Словарь дост. людей*, М. 1836) и подали Ломоносову поводъ написать особое стихотвореніе о превосходствѣ *новоизобрѣтенной артиллеріи предъ старою.* Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ (см. Томъ I, стр. 598) сформировалъ въ 1794 г. особую конную артиллерію, послужившую основаніемъ нынѣшней.

CLXXVI. Къ портрету В. В. Капниста[1].

Надежды и Любви и Ябеды писецъ:
Дай, Аристархъ, ему и отъ Сатиръ вѣнецъ.

[1] *Надежда* — одна изъ одъ Капниста; *любовь* воспѣта имъ въ стихахъ *На счастіе* и *На дружество*; *Ябеда* — извѣстная его комедія. Второй стихъ относится къ его стихотворенію: *Сатира первая*, напечатанному сперва въ *Спб. Вѣстникѣ* (ч. IV), а потомъ, съ исключеніемъ осмѣянныхъ именъ и съ дополненіемъ въ заглавіи *и послѣдняя*, — въ *Собесѣдникѣ люб. р. сл.* (ч. V). Въ черновой рукописи есть еще слѣдующая, потомъ зачеркнутая надпись на Капниста:

Онъ, истину трубя,
Не пощадилъ себя:
Въ театрѣ ябеду дерзнулъ пересмѣхать,
Въ судѣ — противъ Тарновской стать.

Для объясненія послѣдняго стиха см. Томъ II, стр. 106.

CLXXVII. На холоднаго стихотворца[1].

Кто ни единой мысли мнѣ
Въ душѣ огнемъ не печатлѣетъ
И такъ слова, какъ на гумнѣ

[1] Мы бы никакъ не догадались, какой поэтъ подалъ Державину поводъ къ этимъ стихамъ, еслибъ въ его бумагахъ не осталось черноваго отпуска записки, передъ которою набросанъ подстрочный переводъ Шиллерова *Диеирамба*, начинающійся словами:

Крестьянинъ въ вѣтръ[a] мякину, вѣетъ, —
Тотъ скученъ, холоденъ поэтъ:
Блистаетъ пыль, а зеренъ нѣтъ.

[a] ... въ мразъ ...

Никогда, вѣрьте мнѣ,
Не показываются боги,
Никогда одни.

За диѳирамбомъ слѣдуетъ: «Возвращая поэта, въ которомъ по истинѣ много ума, много знанія и много прекрасныхъ стиховъ, но — отъ того ли, что ужъ очень много, или что нѣтъ Пиндарова огня, который, подхвативъ, съ собою возноситъ, или пріятнаго нектара Горація, который вмѣстѣ щекотитъ, учитъ и услаждаетъ, — не прочелъ я ни одной пьесы безъ скуки *. Столь-то разнообразны и странны вкусы человѣческіе! и столь-то впрочемъ это истина, что похвалы однѣ утомляютъ не токмо постороннихъ читателей, но и самого героя! .... писанія, ежели они не приправлены аттическою солью — нравоученія или сатиры — по крайней мѣрѣ такъ мнѣ кажется. Надобно причины сему искать во глубинѣ сердца человѣческаго. Подлинно такъ; но о немъ отнюдь сего сказать не можно».

Послѣ этихъ строкъ приписаны стихи, являющіеся въ чистой тетради подъ заглавіемъ: *На холодную стихотворца*. Любопытно это впечатлѣніе, которое производилъ Шиллеръ на Державина и которое впрочемъ довольно понятно при совершенной разнородности характера поэзіи того и другаго. Мечтательность перваго, иногда переходившая даже въ сентиментальность, была совершенно чужда чисто реальному и практическому направленію послѣдняго. Романтизмъ не могъ понравиться поэту, который по духу былъ въ полнѣйшемъ смыслѣ классикомъ.

Основываясь на рукописяхъ, мы относимъ эту надпись къ 1790-мъ годамъ.

* Здѣсь надъ строкою приписаны слова: *я ему даже удивляюсь*, которыя мы опускаемъ, такъ какъ связь ихъ съ предыдущими не совсѣмъ ясна. Далѣе точками означено неразобранное мѣсто.

CLXXVIII. КЪ ПОРТРЕТУ ТРУДОЛЮБИВАГО[1].

Вселенной на вратахъ написано вездѣ,
Что счастье смертныхъ всѣхъ единственно въ трудѣ.

[1] Изъ *Части VII.*

CLXXIX. КЪ ПОРТРЕТУ ЧРЕЗЪ ЗЛОДѢЯНІЯ ДОСТИГШАГО КЪ ДОБРОДѢТЕЛЯМЪ И СЛАВѢ[1].

Правдиво доблестьми сей образъ намъ блеститъ —
Но ахъ! — въ потомствѣ возсмердитъ.

[1] Изъ *Части VII.*

CLXXX. КЪ ПОРТРЕТУ ПРЕОСВЯЩЕННАГО ПЛАТОНА[1].

Сей россійскій Златоустъ
Единымъ словомъ устъ,
Предъ гробомъ преклоня знамена,
Безсмертье доказалъ:
«Возстань», онъ возопилъ, «Великій Петръ, изъ тлѣна!» —
И въ россихъ Петръ сердцахъ, какъ молнія, возсталъ.

[1] Здѣсь разумѣется слово, произнесенное митрополитомъ Платономъ въ 1770 году въ петропавловскомъ соборѣ по случаю побѣды, одержанной нашимъ флотомъ надъ турецкимъ. Ораторъ неожиданно сошелъ съ амвона къ гробницѣ Петра Великаго и, коснувшись ея, сказалъ: «Возстань теперь, великій монархъ, отечества нашего отецъ! возстань и воззри на любезное изобрѣтеніе твое» и т. д. Съ этимъ соединяется извѣстный анекдотъ о графѣ К. Г. Разумовскомъ. — Изъ *Части VII.*

CLXXXI. НА ИЗВѢСТНАГО СТИХОТВОРЦА[1].

По имени — струя,
А по стихамъ — болото.

[1] Изъ *Части VII*. Въ черновыхъ рукописяхъ встрѣчается между стихотвореніями 1790-хъ годовъ, и въ одной изъ нихъ озаглавлено: *Къ портрету г-на Струйскаю*. При позднѣйшей редакціи Державинъ хотѣлъ-было обратить эту надпись въ слѣдующую эпитафію:

Средь мшистаго сего и влажнаго толь грота,
Пожалуй. мнѣ скажи, могила эта чья?
— Поэтъ тутъ погребенъ: по имени струя,
А по стихамъ — болото.

Николай Еремѣевичъ Струйскій (ум. въ 1796 году) издалъ 1790 томъ (1-й) своихъ *Сочиненій* и сверхъ того печаталъ отдѣльно разные труды свои въ стихахъ и прозѣ. Онъ былъ нѣкогда владимірскимъ губернаторомъ; по выходѣ же въ отставку поселился въ своемъ пензинскомъ имѣніи Рузаевкѣ (инсарскаго уѣзда). «Будучи страстнымъ охотникомъ писать стихи и печатать ихъ, онъ завелъ у себя въ деревнѣ типографію для печатанія своихъ произведеній. Наборщики и мастеровые были изъ крѣпостныхъ людей». Въ замѣткѣ г. Бартенева *о сельскихъ типографіяхъ* (*Библ. Зап.* 1858 г., стр. 281), откуда взяты эти строки, поименованы и изданія Струйскаго. Стихотворецъ новѣйшихъ временъ, Дмитрій Юрьевичъ Струйскій, сказано тамъ же, былъ внукомъ рузаевскаго помѣщика; изъ его же семьи произошелъ поэтъ Полежаевъ.

CLXXXII. НА КОРЫСТОЛЮБЦА[1].

Корыстолюбецъ и подлецъ
На честь и ласки не взираетъ.
Ничѣмъ не сытъ живетъ емецъ, —
Ему лишь деньги толкъ.
Въ собачей кожѣ волкъ
Способнѣе карманы набиваетъ.

[1] Изъ рукописей 1790-хъ годовъ и *Части VII*.

CLXXXIII. На риѳмоплета[1].

Видалъ ли, риѳмоплетъ, на рынкѣ ты блины
Изъ гречневой муки, холодные, сухіе,
Безъ соли, безъ дрождей, безъ масла спечены,
И словомъ, черствые и жесткіе такіе,
Что въ горло могутъ быть пестомъ лишь втолчены?
Не трудно ль — разсуди — блины такіе кушать,
Не казнь ли смертная за тяжкіе грѣхи?
Вотъ такъ-то, риѳмоплетъ, легко читать и слушать
Увы! твои стихи[a].

[a] Въ тринадцати частяхъ, увы! твои стихи.

[1] Изъ рукописей 1790-хъ годовъ и *Части VII.* Не трудно угадать, на кого мѣтятъ какъ эта эпиграмма, такъ и слѣдующія три. Варіантъ *а* подъ первою изъ нихъ могъ бы, правда, указывать на Хераскова, такъ какъ никто другой не былъ такъ плодовитъ; но изъ надписи подъ № CVII (стр. 412) видно, да и по другимъ фактамъ извѣстно, что Державинъ, хотя и сознавалъ въ Херасковѣ недостатки (см. стр. 337), однакожъ раздѣлялъ общее о немъ мнѣніе. Писатели, о которыхъ онъ въ разныхъ случаяхъ отзывался враждебно, были: Н. Эминъ (Т. I, стр. 271, Т. II, 232, и Т. III, стр. 369), Николевъ (см. выше стр. 362), гр. Хвостовъ (стр. 439) и Струйскій (стр. 497). Естественно, что эти эпиграммы относятся то къ одному, то къ другому изъ нихъ же, тѣмъ болѣе что тутъ встрѣчаются и выраженія, которыя поэтъ прежде или послѣ прилагалъ къ нихъ; такъ Николевъ былъ названъ куликомъ, поэзія Струйскаго сравнена съ болотомъ, а стихи гр. Хвостова съ скрипящею телѣгой.

CLXXXIV. НА ВЗДОРНАГО ПИСАТЕЛЯ[1].

Въ твоихъ торжественныхъ, высокопарныхъ,
Похвальныхъ одахъ, благодарныхъ,
Не блески въ мракѣ зрю, — не день,
Не звуки слышу громовые;
Текутъ потоки потовые
И отъ гремушекъ дребедень.

[1] Изъ рукописей 1790-хъ годовъ. См. № CLXXXIII.

CLXXXV. НА СОЧИНИВШАГО ОДУ БЕЗЪ ЕРОВЪ[1].

Прекрасно написалъ ты оду безъ еровъ;
Но лучше бы еще, когда бъ совсѣмъ безъ словъ[a].

[a] О, если бы безъ словъ!

[1] Кѣмъ и когда была написана такая ода, мы не знаемъ; ничего подобнаго не случалось намъ видѣть и въ рукописныхъ сборникахъ. Извѣстно, что Домашневъ, бывшій директоромъ академіи наукъ съ 1775 по 1783 г., старался вывести букву ъ изъ употребленія въ концѣ словъ. Въ издававшихся при немъ *Академическихъ Извѣстіяхъ* печатался съ 1781 г. одинъ отдѣлъ, въ видѣ опыта, безъ этой буквы. Это былъ отдѣлъ, помѣщавшійся въ концѣ изданія подъ заглавіемъ: «Показаніе новѣйшихъ трудовъ разныхъ академій». Другія попытки изгнанія буквы ъ были и прежде и послѣ того. Впрочемъ, зная, что многіе старинные поэты, въ томъ числѣ и самъ Державинъ, иногда для благозвучія писали стихи безъ *р* (см. Томъ II, стр. 126), можно подумать, не *эту* ли букву онъ разумѣлъ подъ названіемъ *еровъ* или *эровъ* (Державинъ никогда не писалъ э). Такому толкованію мѣшаетъ только то, что безъ буквы *р* трудно написать *оду*, какъ пьесу во 1-хъ довольно длинную, а во 2-хъ не имѣющую надобности въ особенной мягкости звуковъ; но одами назывались также и анакреонтическія пѣсни небольшаго размѣра.

CLXXXVI. НА СКРЫПЛЕВА[1].

Скрипитъ немазанна телѣга
Въ степи песчанистой безъ брега
    И съ золотомъ везетъ навозъ.
Сидитъ куликъ-крикунъ въ болотѣ,
Трудится въ тяжкой онъ работѣ:
    То ноги увязитъ, то носъ.
Изъ тинистой рѣки, раздравъ зелены воды,
Таскаютъ воротомъ коряги и колоды,
    И тянутъ лямками суда.
Визжитъ свинья, въ околицѣ увязши,
Стучатъ песты, на толчеѣ упадши,
    И въ вешникъ[2] бьетъ съ плотинъ вода.
Оретъ мужикъ въ лѣсу дуброву,
Деретъ медвѣдь въ долу корову,
    И всюду раздается гулъ.
Отъ рынку ходючи до рынку,
Дудитъ по праздникамъ въ волынку
    Докучну пѣсню всѣмъ Федулъ.
Кричитъ, пустясь на удалую,

[1] Изъ рукописей 1790-хъ годовъ. См. № CLXXXIII. Въ одномъ изъ новѣйшихъ списковъ этой эпиграммы заглавіе ея измѣнялось нѣсколько разъ; подъ одной помаркой читается: *На Тяжелослова*, а подъ другою можно разобрать имя Хвостова.

[2] Въ акад. Словарѣ *вешнякъ* — въ плотинахъ и запрудахъ отверзтіе съ творидомъ и спускомъ для стока прибылой воды. По замѣчанію г. Даля (см. его Словарь), иные, можетъ быть, правильнѣе говорятъ: *вершнякъ* и *вышникъ*, потому что есть и *нижникъ*. Если такъ, то и *вешникъ*, котораго въ этомъ значеніи словари не приводятъ, не есть ли испорченное *вершникъ?*

Одну весь вѣкъ свой столповую[3]
Изъ многихъ пономарь стиховъ.
Подобно такъ твоя пріятна,
Легка поэзія и внятна,
О славный нашъ поэтъ, Скрыплевъ!

[3] *Столповое пѣніе* — напѣвъ простой и безъ мѣры, имѣющій сходство съ чтеніемъ на распѣвъ.

CLXXXVII. НА ХМЕЛЬНИНА[1].

Весьма злорѣчивъ тотъ, неправеденъ и злобенъ,
Кто скажетъ, что Хмельнинъ Гомеру не подобенъ:
Піита огнь вездѣ и громъ блистаетъ въ немъ;
Лишь пахнетъ нѣсколько виномъ.

[1] Изъ рукописей 1790-хъ годовъ. Написано конечно на Кострова, который еще въ 1787 году издалъ переводъ первыхъ шести пѣснь Иліады.

CLXXXVIII[1].

Босканфъ, Лаба и Дольскій
Сходны, какъ съ братомъ братъ:
Рѣшилъ бы лишь Шешковскій,
Кто больше плутоватъ.

[1] Изъ упомянутыхъ въ началѣ именъ намъ извѣстно только первое, встрѣчающееся въ Запискахъ Блума о Сиверсѣ. Босканфъ, или вѣрнѣе *Боскампъ* (Booskamp) былъ однимъ изъ тайныхъ агентовъ графа Сиверса въ Варшавѣ *, точно такъ же какъ прежде, во время первой турецкой

* Графъ Яковъ (или, какъ самъ онъ подписывался, *Іаковъ*) Ефимовичъ Сиверсъ, род. 1730, ум. 1808 г., былъ въ Польшѣ посломъ 1789—1793.

войны, онъ служилъ подобнымъ агентомъ русскому правительству въ Константинополѣ. Въ Варшавѣ и кончилась его карьера: онъ погибъ въ рѣзнѣ 1794 года. Сиверсъ, ходатайствуя о призрѣніи дѣтей убитаго, выхваляетъ въ письмѣ къ императрицѣ (5 янв. 1795) услуги, оказанныя имъ правительству раскрытіемъ во время сейма продѣлокъ короля, Коссаковскихъ и прусскаго министра. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сиверсъ ссылается на Державина, котораго племянникъ Арсеньевъ женатъ былъ на дочери Боскампа и который поэтому зналъ положеніе сиротъ. Незадолго передъ смертію Боскампъ и самъ, въ одномъ письмѣ (7 марта 1794) просилъ Сиверса замолвить Державину слово объ Арсеньевѣ, который, не имѣя порядочнаго мѣста, слишкомъ дорого стоилъ своему тестю; Державинъ въ то время былъ президентомъ коммерцъ-коллегіи (Ein russischer Staatsmann, т. IV, стр. 53, 132 и 138). Что касается до родства Державина съ Арсеньевымъ, то изъ родословной, оставшейся въ бумагахъ поэта, видно, что троюродная сестра послѣдняго, Катерина Дятлова, была замужемъ за Иваномъ Михайловичемъ Арсеньевымъ (ст. сов., род. 1726, ум. 1799), у котораго было четыре сына: Николай, Алексѣй, Петръ и Павелъ. Одинъ изъ нихъ и приходился дальнимъ племянникомъ Державину. Въ *Росс. родосл. книгѣ* (ч. IV, стр. 251) всѣ четыре показаны женатыми на особахъ, между которыми нѣтъ фамиліи *Боскампъ;* тутъ или ошибка (жена Павла, *Боярская*, не есть ли Боскампъ?), или можно предполагать, что тутъ не означено первой женитьбы при одномъ изъ братьевъ.

Извѣстный Шешковскій значится слѣдующимъ образомъ въ *Мѣсяцословахъ* своего времени (при 1-мъ департаментѣ сената): «у порученныхъ отъ ея имп. величества особыхъ дѣлъ по тайной экспедиціи Степанъ Ивановичъ Шешковскій». Имя его было уже упомянуто у насъ въ I-мъ Томѣ, стр. 111. Одинъ изъ допросовъ его разсказанъ Невзоровымъ и И. В. Лопухинымъ (*Библіогр. Зап.* 1858, стр. 651 и слѣд.; тамъ же, стр. 753, замѣтка о немъ кн. Н. Голицына).

CLXXXIX. КЪ ПОРТРЕТУ Н. А. ДЬЯКОВА[1].

Курантъ духовный, повсемѣстный:
Лишь только заведи
И прочь поди, —
Играетъ аріи небесны.

[1] Николай Алексѣевичъ Дьяковъ, родной братъ второй жены Державина (см. Томъ II, стр. 531), прекрасно пѣлъ и оставилъ нѣсколько лег-

кихъ музыкальныхъ произведеній; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, зная наизусть почти всю библію, предавался мистицизму и принадлежалъ къ московской масонской ложѣ, въ которой Поздѣевъ былъ гросмейстеромъ. Державинъ, подсмѣиваясь иногда надъ религіозными странностями своего шурина, соединилъ въ этой надписи характеристику обѣихъ его особенностей. Извѣстно, что *курантами* назывались встарину часы съ музыкой. У Н. А. Дьякова былъ братъ Семенъ, которому Державинъ написалъ слѣдующую эпитафію, заимствуемую нами, такъ же какъ и эта надпись къ портрету Н. А., изъ *Части VII.* Изъ черновыхъ рукописей видно однакожъ, что обѣ относятся къ 1790-мъ годамъ.

НА ПАМЯТНИКЪ С. А. ДЬЯКОВА,
убитаго въ сраженіи съ Шведами на островѣ въ 1790 году.

На черной сей скалѣ, прохожій, поутру,
Какъ блескъ росы тебя освѣтитъ удивленна,
Вспомнь: за отечество тутъ война убіенна
И, какъ зарю, по немъ рыдавшую сестру.

CXC. НА ГРОБЪ КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ВЯЗЕМСКАГО[1].

Въ усердіи его къ отечеству отверзтомъ
Не споритъ врагъ и другъ, ни истина, ни лесть,
И словъ надъ гробомъ симъ не стыдно произнесть:
Онъ могъ быть Сюлліемъ при Генрихѣ чертвертомъ.

[1] Изъ *Части VII.* Извѣстно, что Державинъ, въ послѣднее время своей службы при генералъ-прокурорѣ кн. Вяземскомъ, былъ не въ хорошихъ съ нимъ отношеніяхъ и вслѣдствіе того долженъ былъ даже выйти въ отставку. Позднѣе Вяземскій способствовалъ къ отдачѣ его подъ судъ за дѣйствія по тамбовскому губернаторству, и въ прежнихъ стихахъ Державина можно найти много намековъ на непріязнь къ нему сильнаго вельможи. Поэтому настоящая эпитафія, такъ же какъ и подобное надгробіе другому гонителю его, графу П. И. Панину (см. выше стр. 347), доказываетъ незлобіе поэта и отсутствіе въ немъ злопамятности. Въ послѣднемъ стихѣ заключается косвенный упрекъ Екатеринѣ II. О Вяземскомъ см. при *Зап.* Державина (*Р. Б.*, стр. 122) замѣтку г. Бартенева.

CXCI. НА ЗАКОНЫ[1].

Хоть въ розовы законъ сафьяны
Переплетенъ въ судахъ людскихъ;
Но всѣ суть люди обезьяны,
И надобенъ примѣръ для нихъ.

[1] Изъ *Части VII*.

CXCII. ЭПИТАФІЯ САМОМУ СЕБѢ[1].

Сребра и злата не далъ въ лихву
И съ неповинныхъ не бралъ мзды,
Коварствомъ не вводилъ въ ловитву
И не ковалъ ни чьей бѣды;
Но, вѣрой, правдой вержа злобу,
Въ долгу оставилъ трехъ царей.
Приди вздохнуть, прохожій, къ гробу,
Покоищу его костей.

[1] Изъ *Части VII* и черновой рукописи, гдѣ эти стихи озаглавлены въ одномъ мѣстѣ: *На гробъ NN*, а въ другомъ: *Самому себѣ*. Подъ тремя царями въ 6-мъ стихѣ разумѣются: Екатерина II, Павелъ и Александръ I. Писано, по видимому, въ 1804 или 1805 году.

М. А. Дмитріевъ сообщилъ намъ еще другую эпитафію Державина самому себѣ, написанную въ прозѣ, въ видѣ лапидарной надписи:

Здѣсь лежитъ Державинъ,
который поддерживалъ правосудіе;
но, подавленный неправдою,
палъ, защищая законы.

Автографъ находится на оборотѣ письма къ поэту отъ 6 мая 1796 года, почему вѣроятно, что въ томъ же году писана и эпитафія; изъ *Записокъ* Державина извѣстно, что онъ въ предшествовавшее время потерпѣлъ много непріятностей по службѣ.

CXCIII. НА ГРОБЪ А. И. БИБИКОВА[1].

Не блескомъ велелѣпной тризны,
Не бронзой смертный знаменитъ;
Отца, жены, дѣтей, отчизны
Слезами Бибиковъ покрытъ.

[1] Изъ *Части VII.* — См. Томъ I, стр. 16 и 25.

CXCIV. НА МОНУМЕНТЪ П. Д. ЕРОПКИНУ,

воздвигнутый въ Москвѣ за спасеніе оной[1].

Почто въ свой вѣкъ не получаютъ
Щиты, подпоры царствъ, себѣ достойной мзды,
Но монументы имъ по смерти воздвизаютъ[a],
Хоронятъ славно за труды?
Не отъ того ль, что гордость ихъ боится
При жизни возвышать? по смерти же ликуй
Хоть съ ангелы герой. — Прохожій! поклониться
Приди здѣсь мужеству и прахъ его цѣлуй.

[a] Но мавзолеи созидаютъ
И похороны имъ лишь славны за труды (Первон. рукопись).

[1] Изъ *Части VII.* Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ, род. 1736, ум. 7 февр. 1805 г., извѣстенъ своими дѣйствіями во время московской чумы и происшедшаго по поводу ея бунта 1771. Вскорѣ послѣ смерти его, именно 14 марта, императоръ Александръ въ рескриптѣ на имя московскаго военнаго губернатора А. А. Беклешова объявилъ, что, желая засвидѣтельствовать особливое уваженіе свое къ памяти и заслугамъ покойнаго, онъ намѣренъ соорудить ему надгробный памятникъ (*Спб. Журналъ*, № IV, стр. 31). Этимъ-то рескриптомъ и объясняется надпись Державина. Дѣйствительно ли осуществилось намѣреніе государя, намъ неизвѣстно; Еропкинъ погребенъ въ селѣ своемъ Успенскомъ (калужской губерніи?), какъ видно изъ *Краткихъ извѣстій* о жизни его, изданныхъ Я. Ростомъ. М. 1805, стр. 12).

CXCV. НА ГРОБЪ ПРЕОСВЯЩЕННАГО АМВРОСІЯ,

убитаго въ Москвѣ[1].

Что гробъ бросаетъ сей печальный
Кровавы вкругъ себя лучи?
Не вѣки ль мучениковъ дальны
И дни невѣжества? — Молчи!

[1] Изъ *Части VII.* — Амвросій Зертисъ-Каменскій, архіепископъ московскій, род. 1708 окт. 17, въ Нѣжинѣ, убитъ московскою чернью во время чумы 1771 г., сент. 16. См. сочиненіе Д. Н. Бантышъ-Каменскаго *Жизнь архіепископа Амвросія*, М. 1813, и *Описаніе московскаго бунта* въ *Русск. Архивѣ* 1863 г., стр. 910.

CXCVI. ВЪ АЛЬБОМЪ ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ[1].

I.

На сихъ альбаума листахъ
Цвѣтетъ поэзіи искусство,
Но благодарное чадъ росскихъ чувство
Къ ихъ матери — на ихъ написано сердцахъ.

II.

Два въ свѣтѣ способа отъ всѣхъ любовь найтить:
Къ богатымъ ласкову быть, — милостиву къ бѣднымъ.
Но если истину надлежитъ объявить, —
Великая душа склоняется къ послѣднимъ.

[1] Изъ рукописи *Часть VII.*

CXCVII. ЭКСПРОМПТЪ ДЛЯ МАРѲЫ ИВАНОВНЫ АРБЕНЕВОЙ[1].

Ну же, Муза! ну ну ну!
    Настрой[а] арфу,
    Воспой Марѳу,
Мнѣ Арбенева жену.
    Что Марѳа прекрасна,
    Въ томъ Муза согласна[б];
    Что Марѳа умна,
    Въ томъ Муза скромна[в].

[а] Возьми . . .
[б] . . . арфа согласна.
[в] . . . лира скромна.

[1] Сказанъ вслѣдствіе неотступной просьбы этой въ то время пожилой уже дамы написать похвальные ей стихи, при чемъ она, встрѣчаясь съ Державинымъ, всякій разъ повторяла: «*Ну же*, Гаврила Романовичъ!» Этихъ стишковъ въ рукописяхъ его нѣтъ, но они хорошо извѣстны въ кругу его родныхъ и сверхъ того сохранились въ памяти многихъ современниковъ; мы получили ихъ въ нѣсколькихъ спискахъ. По словамъ Н. В. Сушкова, которому мы обязаны однимъ изъ этихъ списковъ, эпиграмма на Арбеневу ходила по Москвѣ въ 1808 и 1809 годахъ, когда онъ воспитывался въ тамошнемъ университетскомъ пансіонѣ. А. Ѳ. Бычковъ нашелъ ее въ одномъ рукописномъ сборникѣ стиховъ съ тѣмъ объясненіемъ, которымъ начинается настоящее наше примѣчаніе. Мужъ Арбеневой, Іоасафъ Іевлевичъ, былъ тогда генералъ-аншефомъ въ отставкѣ. Объ этой четѣ разсказываетъ Вигель (*Р. Вѣстн.* 1864 за апрѣль, стр. 490): «Теперь въ Петербургѣ едва ли кто знаетъ, чтò такое были Арбеневы, а тогда бывало лишь назовешь Асафа Ивелича и Марфу Ивановну, знакомые и незнакомые люди всѣхъ состояній, всякій знаетъ, о комъ идетъ рѣчь. Сіи супруги прославились своими странностями, а смертію своею нѣсколько времени оставили въ обществѣ пустоту. Честный и добрый старикъ былъ служакой при Екатеринѣ, когда ихъ было такъ мало, и отъ того долго командовалъ при ней измайловскимъ полкомъ: манеры его нѣсколько отзывались фронтомъ и отъ того должны были казаться странными въ гостиныхъ. При Павлѣ онъ оставилъ службу съ честію и миромъ, съ пенсіей и мундиромъ; даже

при отставкѣ получилъ чинъ полнаго генерала и остался на житьѣ въ Петербургѣ. Въ Марѳѣ же Ивановнѣ смѣшнымъ казалось то, что наперекоръ природѣ, она хотѣла оставаться молодою въ шестьдесятъ лѣтъ и для того все у себя красила и перекрашивала: и все это для того только, чтобы лучше понравиться мужу, съ которымъ они жили, какъ голубки. Ихъ домъ, собственный, на малой морской, былъ единственное мѣсто, гдѣ самый высшій петербургскій кругъ встрѣчался съ второстепеннымъ и даже съ третьеклассньмъ обществомъ. Во извиненіе себѣ знатные говорили, что ѣздятъ посмѣяться, а еслибы сказали правду, то для того, чтобы повеселиться. Говорятъ, дѣйствительно, радушіе было старинное, гостепріимство тогдашнее московское. Всякій вечеръ, что хозяева не на званомъ балѣ, у нихъ самихъ незваный балъ: наѣдетъ молодежь, домъ набьется биткомъ, все засмѣется, все запляшетъ; правда, говорятъ, зажгутся сальныя свѣчи, для прохлады разнесется квасъ; уже ничего прихотливаго не спрашивай въ угощеніи, но за то веселіе, самое живое веселіе, которое, право, лучше одной роскоши, замѣнившей его въ настоящее время. Однакоже, и съ такимъ житьемъ, когда принимаешь у себя весь городъ, небольшому состоянію трудно то выдержать и, кажется, Арбеневы не оставили много средствъ жить такъ же весело своему семейству, которое съ тѣхъ поръ удалилось въ провинцію. Какъ ни говори, но чтобъ умѣть постоянно собирать у себя разнородныя общества, необходима въ хозяинѣ или хозяйкѣ особливая приманчивость».

CXCVIII. КЪ ПОРТРЕТУ Н. М. КАРАМЗИНА[1].

Любезныхъ Прелестей любезный обожатель
И россихъ звучныхъ дѣлъ правдивый[a] описатель.

[a] ... искусный ...

[1] Карамзинъ познакомился съ Державинымъ, когда возвратился изъ-за границы въ 1790 году и былъ проѣздомъ въ Петербургѣ. Предпринимая изданіе *Московскаго журнала*, онъ просилъ стиховъ у знаменитаго поэта, который и послѣ часто помѣщалъ свои новыя произведенія сперва въ этомъ изданіи, а потомъ въ *Аонидахъ*. Карамзинъ всегда принималъ эти присылки съ особеннымъ удовольствіемъ, какъ показываютъ его отзывы при нѣкоторыхъ изъ нихъ. Оба писателя знали другъ другу цѣну (см. Томъ I, стр. 427), хотя Державину не всегда нравилась сентиментальность Карамзина, на что и намекаетъ первая строка двустишія (ср. выше стр. 363). Слово *Прелести* употреблялось тогда какъ синонимъ *Грацій*. — Изъ *Части VII*.

CXCIX. НА ГРОБЪ ГРАФА АЛЕКСѢЯ ГРИГОРЬЕВИЧА ОРЛОВА[1].

Зачѣмъ, орелъ, сидишь ты на гробницѣ сей
И взводишь быстрыя на небеса зѣницы? —
«Здѣсь въ образѣ орла я персти стражъ моей,
Сокрытой дочерью; а духъ мой — у Фелицы».

[1] См. Томъ I, стр. 762, и Томъ II, стр. 387. — Изъ *Части VII*. Прахъ Орлова покоится въ прекрасномъ подмосковномъ селѣ его *Хатунь*, серпуховскаго уѣзда.

CC. ВЪ АЛЬБОМЪ ЕКАТЕРИНЫ ДМИТРІЕВНЫ БАЛАШЕВОЙ[1].

Беру перо; но глядь — въ альбаумѣ все Французы:
Квартира занята!
Что дѣлать? — знать, что въ немъ невмѣстны русски музы.
Но какъ не красота,
Не лестна суетность, не дамамъ угожденье
И въ модномъ свѣтѣ жить умѣнье
Велѣли въ книжкѣ сей мнѣ нѣчто написать
И чувства дружбы начертать;
Такъ пусть хоть при концѣ, ко Франкамъ я примкнувшись,
Но въ русску правду обернувшись,

[1] Старой дѣвицы, сестры извѣстнаго министра полиціи во время отечественной войны, Александра Дмитріевича Балашева, у котораго былъ на Фонтанкѣ, насупротивъ дома Державиныхъ, свой домъ, впослѣдствіи купленный въ казну для вѣдомства путей сообщенія. Балашевы были въ короткой пріязни съ Державиными. Изъ *Части VII*.

Запечатлѣю ей листы,
Сказавъ сіи стихи златы
На время нынѣшне и дней на память дальныхъ:
Блаженъ, кто могъ творить всякъ день неблагодарныхъ[2]
И, не жалѣвъ себя, невинность защищать!
Альбаумъ долженъ сей лишь тѣмъ принадлежать.

[2] Мысль, заимствованная изъ Вольтерова стиха, который особенно нравился Державину:

«Il est grand, il est beau de faire des ingrats.»

(Изъ Précis de l'Ecclésiaste, Oeuvres de V., Beuchot, т. XII, стр. 223.)

Ср. нашу статью *Жизнь Державина* въ *Русск. Вѣстникѣ* 1860 г., № 7, стр. 355.

CCI. НА СПУСКЪ КОРАБЛЯ «ОРЛА».

Когда ты возлетишь подъ небеса волнами, —
Увидишь смертныхъ умъ и ихъ надъ моремъ власть;
Но въ бездны коль падешь, — узришь ихъ бренну часть.
Взноси жъ, Орелъ, крылѣ, чтобъ ввѣкъ жить межъ звѣздами.

[1] По мѣсту, занимаемому этой надписью въ черновой тетради, она относится вѣроятно къ 1810 и 1811 году.

CCII. СВѢТСКАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ[1].

Вотъ благодѣтель мой представленъ на картинѣ,
Вотъ мѣдный полкумиръ[2] его мной вознесенъ.
Жертвъ благодарности какихъ же хочетъ онъ,
Коль на стѣнѣ виситъ, стоитъ и на каминѣ?

[1] Изъ черновой рукописи 1800-хъ годовъ.
[2] Бюстъ.

CCIII. КЪ ПОРТРЕТУ NN[1].

Минервы и Цересъ, Діаны и Юноны
Ей нравились законы;
Но въ дружествѣ съ одной Цитерой не жила,
Хоть недурна была.

[1] Изъ черновой рукописи видно, что подъ NN должно здѣсь разумѣть вторую жену Державина, Дарью Алексѣевну.

CCIV. ДУРНОЙ СОНЪ[1].

Скупой Жидъ зрѣлъ во снѣ, что пиромъ разорился:
Вскочилъ отъ ужаса — и съ горя удавился.

[1] Изъ *Части VII.*

CCV. ОЦѢНКА ДВУХЪ КАРТИНЪ[1].

Ты хочешь цѣну знать, малярь, твоихъ картинъ,
Гдѣ въ небѣ написалъ ты въ пламѣ Фаэтона
И утопающа въ водѣ Девкаліона?
Внемли правдивый судъ: ты стоишь ихъ судьбинъ!

[1] Изъ *Части VII.*

CCVI. КЪ ПОРТРЕТУ И. И. ДМИТРІЕВА[1].

Поэзія, честь, умъ
Его были душою;
Юстиція, блескъ, шумъ
Двора — судьбы игрою.

[1] Дмитріевъ былъ еще совершенно молодымъ человѣкомъ, когда Державинъ поразилъ его своимъ талантомъ и сдѣлался предметомъ особеннаго его уваженія (см. Томъ I, стр. 88); но начало ихъ личнаго знакомства относится къ 1790 году (тамъ же, стр. 456). Съ тѣхъ поръ между ними установились самыя дружескія отношенія; Державинъ такъ цѣнилъ вкусъ и мнѣнія Дмитріева, что ничего не выпускалъ въ свѣтъ безъ предварительнаго его просмотра, чему мы представили много примѣровъ въ I-мъ Томѣ. Часть бывшей между ними переписки уже обнародована (*Москвит.* 1848 г., № 10). О дальнѣйшихъ отношеніяхъ ихъ см. біографію Державина. Министромъ юстиціи Дмитріевъ былъ отъ 1810 до 1813 г. — Изъ *Части VII.*

CCVII. НА ГРОБЫ РОДА ДЕРЖАВИНЫХЪ
ВЪ СЕЛѢ ЕГОРЬЕВѢ[1].

О, праотцевъ моихъ и родшихъ прахъ священный!
Я не принесъ на гробъ вамъ злата и сребра
И не размножилъ вашъ собою родъ почтенный;
Винюсь: я жилъ, сколь могъ, для общаго добра.

[1] Егорьево — казенное село лаишевскаго уѣзда казанской губерніи, имѣющее нынѣ болѣе 1200 жителей. Родители Державина, полковникъ Романъ Николаевичъ (ум. въ 1754 г.) и Ѳекла Андреевна, урожденная Козлова (ум. въ 1784 г.), похоронены здѣсь, потому что, живя неподалеку въ своемъ имѣніи, Кармачахъ, принадлежали къ Егорьевскому приходу. Прахъ обоихъ покоится возлѣ самой церкви, въ ея оградѣ, и на двухъ рядомъ поставленныхъ гробницахъ до сихъ поръ ясно читаются имена ихъ (см. *Записки Ак. Наукъ*, т. II, стр. 38). Для объясненія 3-го стиха замѣтимъ, что у Державина никогда не было дѣтей.

CCVIII. ОБОДРЕНІЕ[1].

—

Графинѣ лгалъ сержантъ, какъ города беретъ,
Что самъ съ сердечными онъ мечется штыками —
И весь въ любви дрожалъ. — Она смѣющими устами:
Чтожъ сталъ, сердечный мой? ступай, не бойсь, впередъ!

[1] Изъ *Части VII*.

CCIX. НА ПОСТРОЕНІЕ ХРАМА[1].

—

Воздвигнутъ Божій храмъ сей для молитвы вѣрныхъ:
Душою чистыхъ лишь въ немъ жертва возгоритъ,
Ихъ приметcя мольба. Но совѣстію черныхъ
Свѣщи не возблестятъ: ихъ ѳиміамъ смердитъ.

[1] Изъ *Части VII*. Поводомъ съ сочиненію этихъ стиховъ было, вѣроятно, освященіе Казанскаго собора (см. выше стр. 105), ибо къ этому времени относится страница рукописи, гдѣ они записаны.

CCX. НА МОГИЛУ МИЛОЙ СОБАЧКИ[1].

—

Здѣсь песикъ бѣленькій лежитъ,
Который Горностайкомъ звался.

[1] Эту собачку звали сокращенно *Тайкой;* она была хорошо извѣстна всѣмъ посѣщавшимъ Державина, которые часто заставали его въ халатѣ

Онъ былъ тѣмъ милъ и знаменитъ,
Что за хозяина вступался
И угождалъ не низкою какой,
А твердой — львиною душой;
Ворчалъ, визжалъ, — но такъ забавно,
Что и сердяся пѣлъ сопрано.

и видѣли у него эту любимицу за пазухой. Вѣроятно, къ ней же относятся слѣдующіе два стиха его, напечатанные въ *Маякѣ* 1842 г., т. I, стр. 91. Приложенное тамъ объясненіе, будто въ нихъ рѣчь идетъ о болонкѣ императрицы Екатерины, сомнительно, потому что, судя по мѣсту этой надписи въ тетрадяхъ Державина, она написана въ послѣдніе годы его жизни:

Всѣмъ смертнымъ — должно сей собачкѣ подражать:
Хоть лаять иногда, но только не кусать.

CCXI. ОТВѢТЪ ТРОМПЕТИНА БУЛАВКИНУ[1].

Трубитъ Тромпетинъ какъ въ тромпету,
Трубы звукъ вторитъ холмъ и долъ;
Но колетъ какъ Булавкинъ въ мѣту,
Кому слышна булавки боль?
Блистали царства, — царствъ тѣхъ нѣту;
Пиндаръ въ стихахъ своихъ живетъ.
Толпой толпятся мошки къ свѣту;
Но дунетъ вѣтръ — и мошекъ нѣтъ.

[1] Изъ *Части VII*. *Тромпетинъ* означаетъ здѣсь лирика, а подъ *Булавкинымъ* разумѣется его критикъ. Ср. ниже пьесу CCXXVIII.

CCXII. НА ТРАГЕДІЮ[1].

Не правда ль, что я въ сей трагедіи прекрасенъ,
И ты не освисталъ, бывъ съ публикой согласенъ?
Вольтеръ съ улыбкой злой Пирона вопрошалъ. —
Пиронъ въ отвѣтъ: «Мнѣ какъ свистать, когда зѣвалъ?»

[1] Изъ *Части VII*. Этимъ анекдотомъ объ отвѣтѣ Пирона Вольтеру воспользовался и нѣмецкій поэтъ Гёкингъ (Göckingk, род. 1748, ум. 1828); см. его Sinngedichte, Leipzig, 1778, стр. 9: Kritik über ein Drama, гдѣ однакожъ не названы писатели, къ которымъ относятъ разговоръ, переданный Державинымъ.

CCXIII. БЛАГОПРІЯТНЫЙ СЛУЧАЙ[1].

Втораго Фридриха̀, Іосифа втораго,
Екатерину взялъ когда вторую Богъ, —
Не мудрено, тогда изъ смертнаго простаго[a]
Быть первымъ межъ царей и Бонапартъ возмогъ.

[a] Быть первымъ межъ царей изъ смертнаго простаго
Кто захотѣлъ, тотъ могъ (Первон. рукоп.).

[1] Изъ *Части VII*.

CCXIV. БЛАГОСЛОВЕНІЕ НЕВѢСТѢ И ЖЕНИХУ[1].

Послушайте, друзья! вы оба близоруки,
И прелестьми *вдали* себя нельзя вамъ льстить;
Но, зря ихъ *подъ носомъ*, скорѣй давайте руки:
Благословляю васъ другъ друга вѣкъ любить!

[1] Изъ рукописи *Часть VII.* Эти стихи были напечатаны въ *Маякѣ* 1842 г. (т. I, стр. 91 *Замѣчателя*) съ слѣдующимъ поясненіемъ: «Державинъ замѣтилъ, что одинъ изъ его родственниковъ былъ неравнодушенъ къ дочери его друга; дѣло шло на помолвку. Невѣста и женихъ были оба близоруки и поэтъ часто надъ ними подшучивалъ; но, принимая въ нихъ искреннее участіе, совѣтовалъ спѣшить свадьбою». По дошедшимъ до насъ семейнымъ преданіямъ, жившая въ домѣ поэта дѣвица Вѣра Петровна Лазарева (см. выше стр. 440) была дѣйствительно близорука; но сдѣлавшійся мужемъ ея Петръ Петровичъ Львовъ не страдалъ этимъ недостаткомъ, такъ что навѣрное нельзя сказать, точно ли къ этой четѣ относится шуточное четырестишіе, или содержаніе его вымышлено по поводу близорукости Лазаревой.

CCXV. ОТВѢТЪ ДЛЯ АЛЬБОМА Е. И. ЛАНСКОЙ[1].

На колесницѣ лучезарной
Коль въ полнощь Фебъ къ тебѣ съѣзжалъ,
Сквозь двери въ день небесъ янтарной,

[1] Эти стихи были вызваны слѣдующими:

От Е. И. Ланской.

«Въ лучезарной колесницѣ
Фебъ спустился съ облаковъ!
Онъ несетъ пѣвцу Фелицѣ
Не одинъ, а тьму вѣнцовъ:

Знать, зрѣлъ тебя и страстенъ сталъ
Тобой. — Теперь его лучами
Ты бывъ надѣлена дарами,
Въ числѣ быть Музъ его должна.
Конечно, бывъ умомъ богатой,
Ты будешь Музою десятой
Чрезъ твой альбаумъ почтена.

Каждое его творенье
Увѣнчалъ Парнасса богъ,
Вѣкамъ позднимъ въ удивленье
И безсмертія въ залогъ!
Нашихъ дней Анакреона
Слабой лирой не воспѣть:
Самъ властитель Геликона
Даръ сей можетъ лишь имѣть...»

Елисавета Ивановна Ланская была дочь нѣмецкаго поэта Іоанна Готтлиба Вилламова (онъ род. 1736, ум. 1777 г.), который до 1772 былъ инспекторомъ школы св. Петра въ Петербургѣ; онъ пріобрѣлъ въ Германіи имя своими диѳирамбами и баснями и издавалъ у насъ нѣмецкій еженедѣльный журналъ* (Бакмейстера Russ. Bibl., ч. I, стр. 280). Лизавета Ивановна, наслѣдовавшая отъ отца любовь къ литературѣ, была въ молодости наставницей великой княжны Александры Павловны (Masson, ч. I, стр. 15), пользовалась пріязнью лучшихъ русскихъ писателей своего времени и сама занималась авторствомъ. Около 1830 года она собралась было издавать журналъ и уже составила программу его, но предпріятіе это по чему-то не осуществилось (слыш. отъ гр. Блудова, въ то время товарища министра народн. просв.). Мужъ ея, Ланской, человѣкъ, ничѣмъ особеннымъ не ознаменовавшій себя, былъ дядей бывшаго въ наше время министромъ внутреннихъ дѣлъ графа Сергѣя Степановича Ланскаго. Статсъ-секретарь Григорій Ивановичъ Вилламовъ былъ ея родной братъ.

Въ *Части VII*, откуда заимствуемъ эти стихи, находится еще слѣдующая надпись:

Е. И. Ланской.

Отецъ твой, Вакха воспѣвая,
Безсмертнымъ учинилъ себя;
А я, безсмертія желая,
Безсмертнымъ сталъ, хваля тебя.

* Spaziergänge, eine moralische Wochenschrift für das deutsche Publicum in St. Petersburg, 1772.

CCXVI. НА САМОХВАЛОВА[1].

—

«Какъ нравится тебѣ моя о Богѣ ода?»
Самхваловъ у меня съ надменностью спросилъ:
«Я фантастическа не написалъ урода,
О коемъ намъ въ письмѣ Горацій говорилъ[2];
Но всяку строку я набилъ глубокой мыслью
И должный моему далъ Богу видъ и ростъ». —
То правда, я сказалъ: нелѣпицу ты кистью —
И быть бы гдѣ главѣ — намалевалъ тутъ... хвостъ.

[1] Изъ *Части VII*. Еще Тредьяковскій назвалъ *Самохваломъ* Ломоносова въ эпиграммѣ, недавно объясненной г. Куникомъ (*Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ*, ч. I, стр. XLIX); потомъ въ сатирѣ Капниста (см. выше стр. 494) встрѣчаются стихи:

«Учености надѣвъ личину дерзновенно,
Самхваловъ хочетъ всѣхъ насильно, неотмѣнно
Увѣрить о своемъ и знаньи и цѣнѣ...»

Настоящая эпиграмма Державина относится къ графу Хвостову, который превозносился своей одой Богъ, написанной въ 1797 году, т. е. черезъ тринадцать лѣтъ послѣ знаменитой оды Державина (см. Томъ I, стр. 191). Сравненіе обѣихъ см. въ статьѣ Анастасевича о нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ Хвостова, въ *Соревнователь просв. и благотвор.* 1820 г., ч. IX, стр. 243 и слѣдд.

[2] Эпистола къ Пизонамъ начинается предположеніемъ уродливаго образа:

Humano capiti cervicem pictor equinam
Iungere si velit и проч.

(т. е. еслибъ живописецъ захотѣлъ къ человѣческой головѣ приставить лошадиную шею...).

Во II-мъ Томѣ (стр. 487) уже было показано, что до Хвостова иногда доходили отзывы о немъ Державина. Что раздражительный стихотворецъ не всегда сносилъ ихъ равнодушно, можно заключать изъ слѣдующаго двустишія въ рукописяхъ Державина, котораго тотъ упрекалъ, какъ кажется, въ необработанности таланта или въ недостаткѣ образованія:

Отвѣтъ на эпиграмму г. Х.

Ты правъ, что я никакъ въ манежѣ не учился,
И зришь ты самъ, Хвостовъ, — я безъ хвоста родился.

или, по первоначальной редакціи:

Я подлинно, *Хавронъ*, въ манежѣ не учился —
Затѣмъ что лошадью я право не родился.

CCXVII. ЭКОНОМКА[1].

Разсчетисто ведешь ты домъ, хозяйка, твой:
Скончался муженекъ, — въ запасѣ есть другой.

[1] Изъ *Части VII.*

CCXVIII. ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ТАЛАНТОВЪ[1].

Надлежитъ всякое полезно сочиненье
Вельможамъ доказать чрезъ вистъ, бостонъ и рокамболь;
А безъ того царю, отечеству раченье
У насъ предъ ними — ноль.

[1] Изъ *Части VII.*

CCXIX. ГЛУПИЛОВУ[1].

Глупилову въ войнѣ велика похвала,
Что съ нимъ лошадка въ станъ къ врагамъ самъ-другъ пришла.

[1] Изъ *Части VII.*

CCXX. СУДЪ О БАСЕЛЬНИКАХЪ[1].

Эзопъ, Хемницера зря, Дмитрева, Крылова,
Послѣднему сказалъ: ты тонокъ и уменъ;
Второму: ты хорошъ для модныхъ, нѣжныхъ женъ;
Съ усмѣшкой первому сжалъ руку — и ни слова.

[1] Изъ *Части VII.* Въ черновыхъ рукописяхъ нѣтъ этихъ стиховъ и потому мы лишены возможности повѣрить слѣдующій разсказъ С. Аксакова: «Изъ мелкихъ своихъ сочиненій Державинъ особенно любилъ одно осмистишіе, которымъ, по его мнѣнію, вполнѣ обрисовывались трое знаменитыхъ нашихъ баснописцевъ: Хемницеръ, Дмитріевъ и Крыловъ, изъ которыхъ перваго онъ предпочиталъ остальнымъ за простоту и естественность разсказа. Стиховъ не помню, но содержаніе ихъ состоитъ въ томъ, что три поэта являются къ Аполлону, который говоритъ Дмитріеву: ты ловокъ, образованъ и ввелъ басню въ гостиную; Крылову: ты колокъ, народенъ и уменъ; а Хемницеру Аполлонъ протягиваетъ руку, жметъ ее, «и ни слова» (*Сем. Хрон. и Воспом.* стр. 383).

Вѣроятно, настоящая пьеска — та самая, которую слышалъ покойный Аксаковъ, но послѣ долгаго времени онъ передалъ подробности не совсѣмъ точно.

CCXXI. СУДЪ О ТРАГИКАХЪ[1].

Эсхила видючи, Софокла, Эврипида,
Корнелій и Расинъ, Вольтеръ и Кребильёнъ
Съ признаньемъ ихъ покражъ имъ сдѣлали поклонъ;
Но сихъ дрожалъ Княжнинъ и Сумароковъ вида.
Богиня трагиковъ, подшедъ къ нимъ величаво, —
Не бойтеся, рекла, другъ друга вы, друзья;
Вы чувствовали все и разсуждали здраво.
Хоть лоскутки на васъ чужіе вижу я;
Но моего вѣнца я никому не дамъ другому,
Какъ чувству собственну и генію прямому.

[1] Сохранилось также только въ чистой рукописи *Часть VII.*

CCXXII.

Враги — намъ лучшіе друзья,
Они премудрости насъ учатъ;
Но больше тѣхъ страшуся я,
Ласкательствомъ меня кто мучатъ.

CCXXIII[1].

Царь — вышній образъ Божьей власти,
Но царь сей также человѣкъ;
Траянъ и Титъ имѣли страсти,
И Маркъ Аврелій — краткій вѣкъ....

[1] Оба четырестишія написаны на одномъ листкѣ бумаги, но въ разное время, какъ видно по различному цвѣту чернилъ.

CCXXIV. КЪ ПОРТРЕТУ КНЯЗЯ А. И. ГОРЧАКОВА[1].

По сердца добротѣ министръ благолюбивый,
Въ которомъ виденъ духъ Суворова и кровь,
Къ отечеству, къ царю приверженный, правдивый,
Изображенъ здѣсь князь почтенный — Горчаковъ.

[1] Изъ черновой рукописи. Относится, по видимому, къ концу 1813 года. Князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ, род. въ 1764, ум. въ 1825, племянникъ Суворова (см. Томъ II, стр. 297), подъ начальствомъ котораго участвовалъ почти во всѣхъ походахъ его; въ нынѣшнемъ столѣтіи онъ служилъ съ отличіемъ въ борьбѣ съ Наполеономъ, и въ 1812 г., по назначеніи Барклая-де-Толли въ дѣйствующую армію, сдѣлался преемникомъ его въ управленіи военнымъ министерствомъ. Въ послѣдніе годы жизни онъ былъ членомъ государственнаго совѣта.

CCXXV. Въ альбомъ К. В. Капнистъ[1].

Младыхъ со Псла я слышу соловьевъ!
Кто научаетъ ихъ пріятному толь пѣнью,
Что ихъ доходитъ гласъ до Волхова бреговъ,
И Паша подъ окномъ ихъ внемлетъ вдохновенью!
Не ты ли, Катенька, — живя въ глухомъ лѣсу,
Алмазъ, скрывающій въ корѣ свою красу?

[1] Покойная Екатерина Васильевна Капнистъ была старшая дочь поэта; она вышла замужъ за Алексѣя Ивановича Полетику. Подъ Пашей разумѣется жившая у Державина Прасковья Николаевна Львова (Томъ II, стр. 460). Пселъ — рѣка, омывающая малороссійское имѣніе Капнистовъ, Обуховку (ср. Томъ II, стр. 110). Упоминаніе Волхова показываетъ, что стихи писаны на Званкѣ (кажется, въ 1813 г.). — Изъ черновой тетради.

CCXXVI. Къ портрету безкорыстнаго[1].

Вотъ праведный судья, что пользъ своихъ не знаетъ:
Запутанны дѣла рѣшить скорѣй спѣша,
У вдовъ и у сиротъ, — о честная душа! —
Дешевою цѣной имѣнія скупаетъ.

[1] Изъ *Части VII*. По черновой тетради можно полагать, что писано въ 1806 году, но къ кому относится, неизвѣстно.

CCXXVII. Посвященіе императору Александру[1].

Монархъ! спокойствомъ ты мою ущедрилъ лиру, —
Я кринъ цвѣтовъ ея дерзнулъ принесть предъ тронъ:
Ты, обоняя ихъ, внушишь яснѣе міру,
Что и при бурныхъ дняхъ ты музамъ Аполлонъ.

[1] Этимъ четырестишіемъ мы заключаемъ рядъ мелкихъ стихотвореній послѣдняго періода жизни Державина. Оно напечатано передъ II-ою частью его сочиненій, изданныхъ въ 1808 году, и тамъ помѣчено маемъ 1807; потомъ въ позднѣйшихъ Смирдинскихъ изданіяхъ.

CCXXVIII. ЛИРИКЪ[1].

Трубитъ — и гласъ его несется 1.
Съ Невы до Лены береговъ.
Летитъ — и долъ подъ нимъ смѣется,
Какъ эхомъ тысячи громовъ.
Пятою черны бездны давитъ,
Челомъ касается звѣздамъ;
Дивитъ кого, стращитъ иль славитъ, —
Комета, метеоръ вѣкамъ.
Возноситъ персть боговъ къ престолу
И вержетъ истукановъ долу.

Тромпетинъ, Арѳинъ или Лиринъ[2], 2.
Кто сей столь дерзостный пѣвецъ?
Какъ молнія, полетъ эѳиренъ,
Какъ буря, — свѣта по конецъ.
Какъ водопадъ, съ горы крутыя
Низвергшись, вдалекѣ реветъ,
Какъ ключъ изъ челюсти земныя,
Сверкая, въ воздухъ блески льетъ.
Всякъ, внемля, зря его, дивится,
Восторженъ, очарованъ зрится.

Не онъ ли струнъ своихъ движеньемъ 3.
Вкругъ холмы и лѣса скликалъ?
Согласнымъ оныхъ удареньемъ
Чудесно городъ созидалъ?
Не персты ли его проворны,
По гуслямъ прыгавъ золотымъ,
Владыки мрачнаго духъ томный
Прогнали пѣніемъ своимъ,
Не пастырь ли, своимъ восторгомъ,
Сталъ царь, съ самимъ стязался Богомъ?...

[1] Съ двухъ черновыхъ списковъ на отдѣльныхъ полулистахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Державинъ рисуетъ тутъ самого себя.
[2] Ср. выше, стр. 514, имя Тромпетина въ *Эпиграммѣ*.

CCXXIX. ИЗЪ ВТОРОЙ ПѢСНИ МОИСЕЕВОЙ[1].

Вонми, о небо! что реку, 1.
Земля, услышь мои глаголы:
Какъ дождь, на нивы потеку,
И какъ роса, на злачны долы;
Прольюсь и въ мракъ я преисподній
Пѣть имя, чудеса Господни.

Богъ истина — и всѣ дѣла, 2.
И всѣ пути Его суть правы;
Онъ благость весь и нѣтъ въ Немъ зла;
Всякъ мерзокъ путь Ему лукавый.
О родъ строптивый, родъ развратный,
Неблагодарный, святотатный!

[1] *Второзаконія гл. 32.* Въ этомъ отрывкѣ, сохранившемся въ двухъ черновыхъ автографахъ на отдѣльныхъ полулистахъ*, Державинъ страннымъ образомъ встрѣтился съ Тредьяковскимъ — не только въ предметѣ переложенія, что было бы неудивительно, но и въ выраженіяхъ. Конечно первыя, счастливыя строфы парафразиса Тредьяковскаго были ему извѣстны, и онъ, можетъ быть безсознательно, воспользовался нѣкоторыми стихами ихъ и риѳмами. Вотъ начало переложенія Тредьяковскаго:

«Вонми, о небо! и реку,
Земля да слышитъ устъ глаголы:
Какъ дождь, я словомъ потеку,
И снидутъ, какъ роса къ цвѣтку,
Мои вѣщанія на долы.»

Замѣчательно, что въ 1840-хъ годахъ два извѣстные критика, обыкновенно несогласные между собой во взглядахъ, почти одновременно отдали справедливость этимъ стихамъ Тредьяковскаго. Сперва въ 1841 г. они были выписаны въ одной критической статьѣ Бѣлинскимъ, который ихъ назвалъ *прекрасными* и *достойными Державина*, а потомъ, въ 1843, ихъ привелъ Шевыревъ, какъ одно изъ рѣдкихъ мѣстъ, удавшихся автору *Телемахиды* (см. *Соч.* Бѣлинскаго, ч. V, стр. 359, и *Москвит.* 1843, № 3, стр. 243).

* На оборотѣ одного изъ нихъ черновое письмо къ князю П. В. Лопухину объ открытіи Бесѣды (1811).

Ты такъ ли воздаешь Творцу 3.
За всѣ Его благодѣянья,
Когда бъ къ Нему ты, какъ къ Отцу,
Припасть въ сердечномъ воздыханьи
Былъ долженъ и принесть моленья
За всѣ твои, ахъ! согрѣшенья!

Ты жъ, буй, — зришь на другихъ людей, 4.
Забывъ, что Онъ твой предводитель,
Господь твоихъ, источникъ дней,
Творецъ, питатель, покровитель,
И ты предъ Нимъ толь сталъ злокозненъ,
Ему враждебенъ, непокоренъ!

... Спроси отца, гробовъ въ тѣни, 5.
Да скажетъ ада изъ средины,
Когда Богъ раздѣлилъ народы
Адамлихъ чадъ на стольки роды.
. . . .

CCXXX. КЪ ПРАВДѢ[1].

Слуга, сударыня, покорный!
Пускай ты божеская дочь, —
Я сталъ ужъ человѣкъ придворный
И различу, чтò день, чтò ночь.
Лѣтъ шестьдесятъ съ тобой водился,
Лбомъ за тебя о стѣны бился,
Чтобъ въ вѣрныхъ слыть твоихъ слугахъ;
Но вижу, неба дщерь прекрасна,
Что вѣрность та моя напрасна:
Съ тобой я въ чистыхъ дуракахъ!
. . . .

[1] Это начало чего-то задуманнаго, но оставшагося безъ выполненія, набросано начерно на оборотѣ письма къ Державину, писаннаго въ мартѣ 1808 г.

CCXXXI. КУБОКЪ[1].

Вѣнчанный старецъ сѣдинами, 1.
Дочернинъ торжествуя бракъ,
Межъ знаменитыми гостями
Веселый обращая зракъ,
Златой кипящій кубокъ пѣной
За здравье юна зятя пьетъ
И чести въ знакъ ему отмѣнной
Въ наслѣдный даръ его даетъ:
Такъ я дворянству молодому
Сію пѣснь въ память подношу.

Возстань со креселъ куріальныхъ[2], 2.
Неопытный боярскій сынъ,
И пышнымъ древомъ предковъ дальныхъ
Не дмись, случайный властелинъ!
Но слушай старика сѣдаго,
Что съ дѣтства, съ нижнихъ степеней
Шелъ, безъ подпоръ и безъ покрова,
Лишь правды, мужества стезей,
Былъ щитъ отчизны, руль законовъ,
Стоялъ предъ трономъ трехъ царей.

На четырехъ столпахъ стихійныхъ 3.
Вселенну утвердилъ Творецъ;
На состояньяхъ равносильныхъ
Сихъ числъ и тронъ свой царь-мудрецъ.
Пусть спорятъ сонмы ихъ съ собою,
Но споръ ихъ общу связь крѣпитъ,
Коль самодержца власть рукою

[1] Одна изъ двухъ черновыхъ собственноручныхъ рукописей на оборотѣ письма къ Державину отъ 29 ноября 1814 года.
[2] Т. е. *курульныхъ*.

Въ ихъ равновѣсьи держитъ щитъ.
О такъ, патрицій юный, вѣдай:
Что̀ въ мірѣ огнь, — то въ царствѣ ты . . .

CCXXXII. ПОСЛАНІЕ КЪ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ ЕКАТЕРИНѢ ПАВЛОВНѢ

О ПОКРОВИТЕЛЬСТВѢ ОТЕЧЕСТВЕННАГО СЛОВА [1].

Народа своего искусница языка,
О вѣтвь отъ кореня владыкъ полночныхъ лика,
Дщерь царская, сестра умомъ и красотой!
Позволь, да днесь дерзну предстать передъ тобой —

[1] Изъ письма Евгенія Болховитинова отъ 2 ноября 1807 г. видно, что эта эпистола была начата еще до замужства Екатерины Павловны, которой первый бракъ совершился въ 1809 (см. выше стр. 1). «Начало эпистолы вашей», говорилъ преосвященный, «съ отмѣннымъ удовольствіемъ прочиталъ. Матерія обширна и достанетъ на цѣлую поэму. По моему мнѣнію, больше надобно распространиться надъ отечественною словесностію, а иностранщину зацѣпить вскользь, яко общій только примѣръ. Простите еще откровенности моей: стихи въ эпистолѣ должны быть сколько можно простѣе, плавнѣе и безъ затруднительной для смысла перестановки словъ. Въ одѣ фразеологическій слогъ производится пареніемъ мыслей, а эпистола есть дружеская, откровенная бесѣда. Впрочемъ не испортятъ эпистолы и такіе высокіе, разительные стихи, каковъ напримѣръ: Коснулся тмѣ — и тма бысть образъ сей вселенной» (въ нашемъ текстѣ ст. 22). О высокомъ образѣ мыслей Екатерины Павловны и ея сочувствіи къ умственнымъ интересамъ можно судить особенно по письмамъ ея къ Карамзину, котораго она называла своимъ учителемъ, но къ которому писала однакожъ почти всегда по-французски, выражаясь не безъ затрудненія на родномъ языкѣ (*Неизд. соч.* Карамзина, ч. I, стр. 87—123). По-французски же были написаны два ея письма къ Ростопчину, напечатанныя, къ сожалѣнію, только въ переводѣ (*Арх. истор. и практ. свѣдѣній*, изд. г. Калачевымъ, 1860—1861, кн. II). Изъ нихъ видно, какое дѣятельное участіе великая княгиня въ 1812 г. принимала въ возбужденіи и распространеніи въ Россіи идеи о необходимости народнаго ополченія. Уже смолоду Екатерина Павловна любила серіозныя занятія и такимъ образомъ пріобрѣла многостороннія познанія. Съ особеннымъ искусствомъ владѣла она карандашемъ и украсила виньетками небольшое собраніе стихо-

Полсвѣта Аонидъ ходатая быть въ чинѣ,
При соименной какъ тебѣ сихъ странъ богинѣ
Сотрудникъ былъ въ дѣлахъ и собесѣдникъ музъ,
Смѣлъ легкаго внушать стихосложенья вкусъ,
Несчетны подвиги мѣстя въ немноги строки,
Срывалъ улыбку съ устъ, съ очесъ ея слезъ токи,
То важно, то шутя въ слухъ истину поя.
Внемли и ты гласъ лиръ отчизны твоея
И, воспріявъ подъ сѣнь ихъ своего покрова,
Предстательницей будь предъ трономъ росска слова.

Гласъ слава, искони исшедъ отъ Божества,
Незримость воплотилъ во зримы вещества;
Изъ нѣдра хаоса исторгнувый свѣтила
Понтъ, землю раздѣлилъ и вѣтру поднялъ крыла,
Природы спящія ростокъ разверзъ сѣмянъ:
Одушевился левъ, орелъ, левіаѳанъ,

твореній своего супруга, напечатанное 1810 г. въ Москвѣ. Всѣ эти данныя заставляютъ желать, чтобы на русскомъ языкѣ были изданы о ней свѣдѣнія подробнѣе помѣщенныхъ вскорѣ послѣ ея смерти въ *Сынѣ отеч.* (см. выше стр. 1). Стихи Жуковскаго на кончину королевы виртембергской проникнуты глубокою и искреннею скорбію, но именно потому, можетъ быть, они и не представляютъ никакихъ чертъ для характеристики этой замѣчательной личности, которую съ увлеченіемъ описываютъ многіе знавшіе ее современники, между прочими знаменитый Штейнъ, приглашенный императоромъ Александромъ I, въ 1812 году, въ Россію. Изъ множества брошюръ (большею частью надгробныхъ рѣчей и стиховъ), появившихся въ Германіи по случаю ея кончины въ Штутгардѣ 26 дек. 1818 г., болѣе богатымъ содержаніемъ отличается небольшая біографія ея, напечатанная въ Канштадтѣ 1821 подъ заглавіемъ: «Katharina Pawlowna, Königin von Würtemberg. Darstellungen aus der Geschichte ihres Geistes und Lebens». Державинъ уже прежде два раза посвящалъ великой княгинѣ стихи свои (см. выше пьесы: *Геба*, стр. 1, и *Шествіе по Волхову россійской Амфитриты*, стр. 37). Печатаемое нами начало Посланія сохранилось въ двухъ собственноручныхъ редакціяхъ на особыхъ листкахъ. Послѣдняя изъ нихъ, въ заглавіи которой Екатерина Павловна названа уже *великой княгиней* (въ первомъ спискѣ читаются только буквы в. к.), относится, можетъ быть, къ позднѣйшимъ годамъ жизни Державина, когда заботы о *Бесѣдѣ люб. русск слова* могли заставить его возвратиться къ идеѣ этого посланія.

И кратко: Божій духъ, во словѣ устремленный,
Лишь двигнулъ тму — и тма бысть образъ сей вселенной.
Подобно человѣкъ чрезъ слово всемогущъ:
Языкъ всѣмъ знаніямъ и всей природѣ ключъ;
Во словѣ всѣхъ существъ содержится картина,
Сообществъ слово всѣхъ и дѣйствіевъ пружина.
Отъ безсловесныхъ мы отличны тварей имъ,
А пѣньемъ не равны ль и Ангеламъ самимъ?
Не даромъ басненна языческая древность,
Внявъ гласа лирнаго могущественну мѣрность,
Мечтала быть по ней и бѣгу всѣхъ міровъ,
Языкомъ нарекла поэзію боговъ.
Мы вѣримъ и поднесь, что, струнъ коснясь рукою,
Водилъ Орфей древа и камни за собою,
Ѳивъ стѣны арфою возвысилъ Амфіонъ,
Свирѣлью вѣкъ златой свелъ съ неба Аполлонъ,
И краснорѣчіе, бывъ многихъ дивъ содѣтель,
Потомству въ родъ и родъ содѣлалось свидѣтель;
Законы царствамъ давъ, совѣты давъ царямъ,
Духъ воинствамъ и свѣтъ простерло временамъ.
О, если бъ пользы всѣ могла счесть слова лира,
Не помѣстила бъ книгъ во всемъ пространствѣ міра!
Для сихъ-то важныхъ винъ отъ древнихъ самыхъ лѣтъ
Поэзію весь чтитъ и краснорѣчье свѣтъ;
Мудрѣйшіе цари и мужіе совѣта
Бывали образцы витіи иль поэта.
Когда жъ и не данъ былъ кому сей неба даръ,
Музъ къ покровительству они являли жаръ.
Челомъ блестящій вождь, пророкъ, законодатель
Міросозданія былъ первый воспѣватель
И до потопа пѣлъ событья онъ временъ
И происшествія израильскихъ племенъ.
Надменнаго царя по погруженьи въ море,
Побѣдну пѣснь внушалъ сестрѣ онъ и Деворѣ.
Въ теченіи по немъ послѣдственныхъ вѣковъ
И пастырь и борецъ и царь его родовъ

Вѣнчанную главу на тронѣ во порфирѣ
Коль часто преклонялъ ко сладкострунной лирѣ,
Пѣлъ Всемогущему въ восторгѣ похвалы.
Подъ звуками его и холмы и валы
Какъ агнцы прядали и вспять бѣжали рѣки.
Поныне твердые не могутъ человѣки
Безъ умиленья быть и ужаса въ сердцахъ,
Когда гремитъ Давидъ въ святыхъ своихъ псалмахъ.

Порфирородный сынъ его, наслѣдникъ трона —
Пѣвецъ премудрости, любви. Кто Соломона
Не любитъ нѣжности во пѣсняхъ Суламитъ [2]?
Изъ устъ червленныхъ розъ льетъ сладость царь-піитъ
И, проповѣдуя благіе міру нравы,
Поднесь онъ мудрыхъ вождь, Софіи лучъ и Славы.
Реченія вождя, который солнца бѣгъ
Остановилъ, въ умахъ твердиться будутъ вѣкъ,
И вдохновенный сонмъ чрезъ духъ святый пророковъ
Сколь кратъ міръ отвращалъ вѣщаньемъ отъ пороковъ!

Но въ тѣ же времена въ Египтѣ Озиридъ
Былъ покоритель странъ и чтитель Піэридъ:
Водя ихъ за собой пѣсногласящи хоры,
Принудилъ звѣрскихъ ордъ свои оставить норы,
Кочующую жизнь въ жизнь премѣнить гражданъ,
Признать его царемъ, дать добровольну дань.
Въ семъ плѣнѣ царствъ ему не мечъ служилъ убійства,
Но обаяніе поэзіи, витійства.
Онъ просвѣщенье ввелъ чрезъ музъ къ народамъ дикимъ
И послѣ самъ почтенъ сталъ божествомъ великимъ.
Во древней сей странѣ, во колыбели музъ,
Въ вѣкъ поздній Птоломей возобновилъ къ нимъ вкусъ
И славится поднесь Пальмиры прахъ въ Сиріи,
Что былъ витіею Лонгинъ при Зинобіи.
. . . .

[2] См. Томъ II, стр. 621, пьесу *Соломонъ и Суламита*.

CCXXXIII. ГОРЕ-БОГАТЫРЬ[1].

Встаньте вкругъ меня, ребяты, 1.
Удалые молодцы,
Русски храбрые солдаты,
Въ свѣтѣ первые бойцы!

[1] О названіи *Горе-Богатырь* см. Томъ I, стр. 253.

Паденіе Наполеона, которое Державинъ нѣсколько разъ предсказывалъ, сильно возбудило дѣятельность его угасавшаго таланта. Не довольствуясь стихотвореніями, написанными имъ по этому поводу въ духѣ торжественной лирики и напечатанными въ первой половинѣ настоящаго тома, поэтъ, подчиняясь господствовавшему тогда въ русскомъ обществѣ настроенію, видѣлъ въ этомъ событіи богатый предметъ для разгула народнаго юмора, которымъ самъ онъ обладалъ въ значительной степени. Подъ вліяніемъ этой идеи онъ нѣсколько разъ принимался создать какое нибудь шуточное произведеніе на низверженіе грознаго властителя. Объ этомъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ черновыхъ автографовъ, собранныхъ нами изъ его бумагъ и представляющихъ подобныя попытки подъ разными заглавіями и въ разныхъ формахъ. Такъ, кромѣ отрывка, сообщаемаго нами въ текстѣ и названнаго въ рукописи *романсомъ* (онъ тономъ своимъ очень напоминаетъ пьесу *Царь-дѣвица*), въ рукахъ нашихъ находятся еще начатки, озаглавленные слѣдующимъ образомъ: *Баллада Сѣверный Амуръ, Письмо о счастіи къ Бонапарту, Посланіе отъ Фортуны къ Горю-богатырю*, далѣе: *Завоевателю вселенной* и отдѣльная строфа, начинающаяся стихомъ: «Погасла грозная комета».

Такъ какъ въ этихъ отрывкахъ отчасти повторяется одно и то же, и всѣ они состоятъ изъ стиховъ неотдѣланныхъ, а иногда недописанныхъ даже; то мы позволимъ себѣ, ради историческаго интереса, выписать здѣсь только начало: 1, *Посланія отъ Фортуны къ Горю-богатырю* и 2, *Сѣвернаго Амура*. Первое начинается такъ:

Чего ждешь отъ меня, шалунъ, повѣся носъ?
Когда бы во весь ротъ кричать тебѣ: не бось!
Когда бъ притворно днесь смѣяться и бодриться,
Дабы въ потомствѣ тѣмъ хотя великимъ зриться,
Казаться хоть орломъ, коль *сталъ* ужъ нетопырь,

Я скажу вамъ быль, не сказку, 2.
Про проказу, — не царя ...
Какъ назвать его собаку? —
Горя — что ль? — богатыря!

О баба-молодецъ! о Горе-богатырь!
Куда теперь твое надменіе дѣвалось,
Недавно чѣмъ твое тщеславье величалось?
Гдѣ колдовство твое, чѣмъ мнился быть великъ?
Бывъ громокъ на словахъ, на лужѣ какъ куликъ,
Почто совѣтовъ ты монхъ не принялъ къ сердцу,
Когда ты задавалъ Европѣ цѣлой перцу,
Ея былъ рудометъ, цѣдилъ изъ царствъ всѣхъ жиръ,
Цесарѣ поставлялъ и Пруссіи клистиръ,
Неугомонный сна россійскаго будильникъ! ...

Баллада Сѣверный Амуръ начата Державинымъ въ одной изъ черновыхъ тетрадей его, съ помѣтою: «на Званкѣ, 16 сентября 1814 года»; но она зачеркнута и на поляхъ карандашемъ означено: *не годится.* Вотъ это начало:

Витязя облекшись въ латы, 1.
Галлъ, разбойникъ озорной,
Чтобъ добычи взять богаты,
Дерзко въ Русь взвился войной.
Конь его, звуча браздой,
Ужъ ступалъ Москвы на пяты,
А онъ адскою душой
Разорить мнилъ храмы святы.

Бывъ къ хищеньямъ тароватый, 2.
Мытою въ крови рукой
Грабилъ пламемъ градъ объятый
И въ карманъ все пряталъ свой,
Не смотря что слылъ герой;
А наѣхавъ на палаты,
За рѣшеткой золотой,
Гдѣ былъ теремъ темноватый,

Вмигъ влетѣлъ какъ бѣсъ крылатый, 3.
Думалъ ключъ найти въ покой;
Но узрѣлъ лишь онъ, проклятый,
Красныхъ дѣвъ тамъ скрытый строй.
Слаще медъ чѣмъ сотовой —
Устъ ихъ мнилъ онъ ароматы:

Онъ не Турчинъ былъ, не Нѣмецъ, 3.
Не старъ, не молокососъ,
Не некресть, не иновѣрецъ,
Не отчій сынъ, — ублюдокъ Корсъ.

Карла былъ почти по росту, 4.
Но прибрюхъ и кривоногъ;
Крови пилъ въ день ведеръ по сту, —
Сущій чортъ, хоть былъ безъ роґъ.

Чортъ, — что въ затылкѣ болона[2], 5.

Бросился жаръ страстный свой
Имъ открыть ...

Но Киргизъ былъ за стѣной: 4.
Вдругъ, спустя свой лукъ рогатый,
Плюнулъ въ жабръ ему стрѣлой
Сѣверный Амуръ брадатый.
Разверзая зѣвъ трикраты
И извергнувъ кровь рѣкой,
Западный Амуръ пернатый
Палъ, шатаясь, внизъ главой
Предъ казацкой бородой.
Но почто было чрезъ блаты,
Чрезъ покрытый край зимой,
Въ строгіе летѣть климаты,

Гдѣ медвѣди спятъ мохнаты, 5.
Скутанны въ берлогахъ тмой,
Волки, рыси полосаты
Рыщутъ вѣкъ въ глуши лѣсной
И лишь храбрый, удалой
Россъ могущій, жиловатый
Ходитъ твердою ногой,
Иней, мразъ снося косматый?
. . . .

Нѣтъ! ты, правнукъ, Галлъ младой, 6.
Вспомня сей войны всѣ траты,
Не дерзнешь ужъ съ нами въ бой:
Лихъ Амуръ нашъ сѣдоватый ...

2 *Болона́* — наростъ, опухоль, желвакъ.

Что вкругъ изъ подлобья взглядъ
Вращалъ съ огнемъ какъ сатана,
Чортъ — что въ немъ былъ золъ всѣхъ адъ.

И онъ-то, какъ подбился 6.
Къ колдуньѣ нѣкоей въ любовь,
Героемъ сильнымъ учинился
И первымъ вождемъ всѣхъ вѣковъ.

Онъ пошелъ тогда кудесить, 7.
Будоражить царства вкругъ,
На вѣсы престолы вѣсить
И склонять подъ свой обухъ.

Сонныхъ Нѣмцевъ, непроворныхъ, 8.
Разбудилъ — и черезъ-чуръ
На бояхъ, какъ помореныхъ,
Ощипалъ ихъ всѣхъ какъ куръ.

Всѣ цари его дрожали, 9.
Почитая колдуномъ;
Царства, троны отдавали,
Били о землю челомъ.

А отъ этой онъ поблажки 10.
Возгордѣлъ и вздернулъ носъ,
Пекъ князей, щипалъ за шапки,
На Россію лапу взнесъ.

И Москву уже проклятый 11.
Изуродовать дерзнулъ;
Храмы Божьи жегъ, палаты,
И на гробы посягнулъ.

Вся, — ужъ думала Россія, — 12.
Покоренна стала тварь,
Но вступилися святые,
Русскій Богъ и бѣлый царь . . .

НЕИЗДАННЫЯ

БАСНИ И ПРИТЧИ.

Примѣчаніе.

Со второй половины прошлаго столѣтія басня сдѣлалась у насъ однимъ изъ любимыхъ родовъ поэзіи: то же явленіе нѣсколькими десятками лѣтъ ранѣе произошло въ Германіи, гдѣ оно было вызвано примѣромъ Лафонтена и его послѣдователей. Въ Россіи Сумароковъ увлекъ на это поприще Майкова*, а Майковъ способствовалъ къ тому, что и Державинъ, уже въ началѣ своей литературной дѣятельности, сталъ между прочимъ испытывать свои силы въ баснѣ. Тогда Хемницеръ еще не былъ извѣстенъ: его басни были въ первый разъ изданы въ 1778 году, а мы находимъ три басни Державина въ тетради, писанной двумя, — можетъ быть, и тремя годами ранѣе. Съ тѣхъ поръ онъ не переставалъ возвращаться, хоть изрѣдка, къ тому же роду, на что конечно имѣлъ вліяніе разительный успѣхъ Хемницера. До конца жизни Державинъ сохранялъ глубокое уваженіе къ его таланту, отдавая ему преимущество предъ Дмитріевымъ и даже Крыловымъ (см. выше стр. 520). Нельзя однакожъ сказать, чтобъ въ басняхъ Державина замѣтно было подражаніе любимому его баснописцу. Въ позднѣйшихъ изъ нихъ видно скорѣе нѣкоторое сходство съ пріемами Крылова; слава двухъ первыхъ русскихъ баснописцевъ нынѣшняго столѣтія конечно имѣла значительную долю участія въ возбужденіи къ этому роду производительности нашего лирика, который, какъ намъ уже приходилось упоминать, неохотно уступалъ другимъ первенство въ какой бы ни было отрасли литературы.

Первыя басни Державина замѣтно отличаются отъ позднѣйшихъ не только въ художественномъ достоинствѣ, но и въ томъ отношеніи, что онѣ еще не представляютъ тѣхъ примѣненій къ современной дѣйствительности, которыя составляютъ главный интересъ послѣдующихъ произведеній его въ этомъ родѣ. Таковы уже и тѣ двѣ басни его, которыя, какъ прежде изданныя, напечатаны нами въ I и во II томахъ настоящаго изданія (*Левъ и Волкъ*, 1783, Т. I, стр. 178, и *Крестьянинъ и Дубъ*, 1802, Т. II, стр. 449). Остальныя басни его, писанныя въ царствованія Екатерины, Павла и Александра, носятъ явные признаки живой связи съ явленіями каждой эпохи. Мы видимъ въ нихъ по большой части изнанку медали, которой лицевую сторону представляютъ его оды. Позволяя себѣ указать на историческое значеніе басень Державина, предоставляемъ самому читателю оцѣнить степень ихъ литературнаго достоинства; обнаруживающееся въ нихъ глубокое знакомство съ народнымъ языкомъ можно было замѣтить уже и во многихъ другихъ его сочиненіяхъ. Въ формѣ его басень, вообще довольно отдѣланной, поражаетъ только особенная вольность въ сочетаніи риѳмъ, такъ что два созвучные стиха иногда отдѣлены другъ отъ друга цѣлымъ рядомъ другихъ риѳмъ; впрочемъ то же попадается изрѣдка и въ лирическихъ его стихотвореніяхъ.

* Василій Ивановичъ Майковъ род. около 1725 г., ум. въ 1778. Братъ его, Александръ Ивановичъ, былъ прадѣдомъ извѣстнаго въ наше время Аполлона Николаевича Майкова.

Самъ поэтъ, въ послѣдній періодъ своей жизни, собралъ накопившіяся у него постепенно басни въ особую тетрадь, писанную столь извѣстною намъ изъ бумагъ Державина рукою секретаря его Абрамова и относящуюся по видимому къ 1810 или 1811 году. Черезъ нѣсколько лѣтъ она была вновь пересмотрѣна имъ и измарана поправками, при чемъ къ общему заглавію ея прибавлено слово *Притчи*, удержанное и нами, такъ какъ дѣйствительно въ нѣкоторыхъ изъ этихъ разсказовъ аллегорическіе образы заимствованы изъ людскаго быта, а не изъ животнаго или вещественнаго міра*. Но въ разнообразныхъ редакціяхъ этого разряда произведеній Державина здѣсь болѣе нежели гдѣ-либо оказывается справедливымъ мнѣніе, что онъ позднѣйшими исправленіями иногда портилъ свои сочиненія. Отдаленный многими годами отъ впечатлѣній, давшихъ начало его баснямъ, онъ уничтожалъ въ нихъ нѣкоторыя изъ тѣхъ именно чертъ, которыя для насъ всего драгоцѣннѣе по ихъ отношенію къ исторической правдѣ. Это дѣлалось частію потому, что онъ, при подобныхъ позднѣйшихъ поправкахъ, имѣлъ въ виду только литературное совершенство басни, а частью и по цензурнымъ требованіямъ того времени, такъ какъ онъ готовилъ и этотъ отдѣлъ своихъ сочиненій къ печати. Поэтому естественно, что мы строго отвергали подобныя мнимыя улучшенія, давая имъ только въ уважительныхъ случаяхъ мѣсто между варіантами, и что мы особенно дорожили *первоначальными* редакціями его историческихъ басень. Къ счастью, кромѣ сказанной тетради, въ которой онѣ также не вполнѣ удержали свою старѣйшую форму, сохранились и отдѣльныя черновыя рукописи, по которымъ можно было прослѣдить весь ходъ образованія той или другой басни. Наконецъ многія изъ нихъ занесены и въ общія рукописныя собранія его сочиненій, куда стихи вписывались по мѣрѣ ихъ происхожденія, такъ что мы имѣли возможность опредѣлить, по крайней мѣрѣ приблизительно, время, когда большая часть этихъ басень впервые были написаны. Легко было догадаться, что басни, не вошедшія ни въ одну изъ тетрадей, принадлежатъ къ самымъ послѣднимъ годамъ жизни поэта. Такимъ образомъ, хотя въ его собственномъ сборникѣ эти стихотворенія и размѣщены въ случайномъ порядкѣ**, мы могли расположить ихъ, по общепринятому нами правилу, въ довольно достовѣрной хронологической послѣдовательности.

Все сказанное, какъ мы надѣемся, достаточно оправдываетъ насъ въ томъ, что мы, вообще устранивъ въ нашемъ изданіи раздѣленіе стихотвореній по родамъ, рѣшились однакоже составить изъ басень Державина особый отдѣлъ его неизданныхъ сочиненій.

* Въ этой тетради помѣщены первыя 22 басни нашего изданія, но, какъ ниже будетъ замѣчено, въ другомъ порядкѣ. Сверхъ того въ нее занесена, какъ притча, пьеска *Аѳины и Александръ*, уже напечатанная нами въ другомъ мѣстѣ (см. выше стр. 390).

** Именно слѣдующемъ: 1) *Фонари*, 2) *Корабль и игла*, 3) *Струя и домъ*, 4) *Жмурки*, 5) *Голуби*, 6) *Судъ о стихотворцахъ*, 7) *Крестьянинъ и Дубъ*, 8) *Аистъ*, 9) *Бойница и Водопадъ*, 10) *Медвѣдь и Рысь*, 11) *Лашманы и Дубъ*, 12) *Гуси*, 13) *Аѳины и Александръ*, 14) *Цвѣтъ и Паукъ*, 15) *Выборъ министра*, 16) *Хозяйка*, 17) *Лисица и Зайцы*. 18) *Мать и дѣти*, 19) *Медвѣдь, Лисица и Волкъ*, 20) *Собака и Старуха*, 21) *Левъ и Кротъ*, 22) *Смерть и Старикъ*, 23) *Ягненокъ и Волкъ*.

БАСНИ И ПРИТЧИ.

I. СМЕРТЬ И СТАРИКЪ[1].

Вязанку дровъ Старикъ тащилъ и надрывался,
Сугорбился, потѣлъ, дрожалъ и задыхался;
А какъ была тогда осеняя слота[2],
Несноснѣе ему была тѣмъ тягота.
Лишился силъ, подсѣклись ноги:
Упалъ среди дороги[a].

[a] Упалъ онъ и лежитъ чуть живъ среди дороги,

Самая старая басня Державина: въ рукоп. 1776 г., № 34, она помѣщена подъ заглавіемъ *Басня*; но тамъ заключеніе было длиннѣе позднѣйшаго (см. конецъ варіанта). Басня эта есть и въ тетради 1790-хъ годовъ. Основа ея находится уже у Эзопа, которому потомъ подражалъ Лафонтенъ. У насъ тотъ же предметъ впервые обработанъ былъ Сумароковымъ (см. его *Притчи*, кн. VI, 8: *Крестьянинъ и Смерть*). Державинъ, слѣдуя этимъ источникамъ въ первой половинѣ разсказа, измѣнилъ однакожъ отвѣтъ Старика, который у другихъ баснописцевъ проситъ Смерть помочь ему поднять вязанку. Эту перемѣну внушилъ Державину, какъ кажется, Гагедорнъ: у него въ баснѣ «Der arme Kranke und der Tod», Старикъ говоритъ явившейся на зовъ его Смерти:

«Freund, geht zu meinem Nachbar hin»,

т. е. «Другъ мой, поди къ моему сосѣду».

Такъ какъ басня *Смерть и Старикъ* представляетъ первый опытъ Державина въ этомъ родѣ, то мы сообщаемъ въ варіантахъ главныя отличія первоначальной редакціи ея.

[2] *Слота*, обл., слякоть, мокрый снѣгъ.

Стеналъ онъ, лежа, и вздыхалъ
И въ слабости своей сказалъ:
О Смерть, страдальцевъ облегченье!
Приди и прекрати мученье.
Тутъ Смерть ему въ глаза,
Какъ страшная гроза!
Ты ль звалъ меня? его спросила
И косу на него блестящу наклонила.
— Нѣтъ, нѣтъ, не я, помилуй! онъ вскричалъ[a]
И пальцемъ ближняго сосѣда показалъ.

А дождикъ на него сильнѣе поливалъ.
Ужъ тошно безъ того, дождь пуще досаждалъ:
«О Смерть!» онъ возопилъ, «страдальцевъ утѣшенье!
Приди ко мнѣ хоть ты и сбрось мнѣ ты мученье».
Промолвилъ лишь Старикъ, тутъ Смерть ему въ глаза:
Ужасна людямъ всѣмъ несносная гроза! —
Ну, что ты звалъ, бѣднякъ, готовъ ли умирати?
Пришла желанна Смерть . . . (*не разобрано*).
«Не я тебя зову», тутъ робко онъ вскричалъ:
«Здѣсь звалъ тебя сосѣдъ (дворъ пальцемъ указалъ),
Поди къ нему: онъ тамъ сидитъ теперь съ гостями;
А я ужъ и одинъ сбреду домой съ дровами» (Первон. редакція).

II. МЕДВѢДЬ, ЛИСИЦА И ВОЛКЪ[1].

Медвѣдь, Лиса и Волкъ согласно жили,
Гуляли вмѣстѣ, ѣли, пили,
На промыселъ ходили заодно.

[1] И эта басня является уже въ рукописи 1776 г. № 46; но тамъ она озаглавлена *Общество*. Это названіе мы встрѣчаемъ надъ одною изъ басень Майкова, имѣющею однакожъ совершенно другое содержаніе; но у него есть также басня: *Медвѣдь, Волкъ и Лисица*, въ которой мы узнаемъ источникъ Державинской. Басни Майкова въ первый разъ вышли въ 1770 году и естественно должны были находиться въ рукахъ начинающаго

Подпапали въ одно
Они теличку время.
Медвѣдь, добычу взявъ въ беремя,
Послушайте, сказалъ: коль всѣмъ намъ части брать,
То мало этого всѣмъ голодъ намъ унять;
А старѣй кто изъ насъ, пускай тотъ и владѣетъ
Обѣдомъ симъ:
Промыслимъ послѣ мы другимъ;
Но старшинство вездѣ вѣдь первенство имѣетъ. —
Изрядно, говоритъ Лиса [а]:

[а] Лисица говоритъ: Изрядно разсужденье;

поэта. У Майкова (ч. I, баснь 9) тѣ же три звѣря идутъ вмѣстѣ промышлять обѣдъ; имъ попадается на дорогѣ *полоть ветчины*, и Лиса предлагаетъ, чтобъ эта находка досталась тому изъ нихъ, кто старше; потомъ она говоритъ:

«Нельзя считаться вамъ со лѣтами моими:
Женился какъ Адамъ и Евва замужъ шла,
Я не послѣднею на свадьбѣ ихъ была,
Была вторая дама.
А Волкъ сказалъ въ отвѣтъ:
Я старѣе тебя и твоего Адама:
Какъ зачался лишь свѣтъ, —
А я былъ сѣдъ.
Медвѣдь то видитъ,
Что старшинствомъ ихъ не обидитъ:
Онъ полоть въ лапу взялъ,
А самъ имъ такъ сказалъ:
Любезная Лиса и ты, дружечекъ мой!
Хотя я васъ моложе,
И нѣту у меня волосъ сѣдыхъ на кожѣ,
Подите отъ меня безспорно вы домой
А полоть — мой».

Основная мысль та же, что въ извѣстной баснѣ Федра Vacca, Capella, Ovis et Leo, которой потомъ подражалъ Лафонтенъ (La Génisse, la Chèvre et la Brebis en société avec le Lion); у насъ, ее заимствовали потомъ Сумароковъ (*Левъ*, *Корова*, *Овца и Коза*), Хемницеръ (*Дѣлежъ львиный*) и Крыловъ (*Левъ на ловлѣ*); но какъ у Федра, такъ и во всѣхъ этихъ передѣлкахъ обстановка другая, нежели у Майкова и у Державина.

Когда создались небеса
И твердь звѣздами убралася,
Тогда я родилася. —
Стара, кума, и ты, Волкъ началъ говорить:
Но не успѣли звѣздъ ко тверди пригвоздить,
Какъ я на свѣтъ сей происшелъ!
И ѣсть было телицу шелъ.
Ну, врешь, сказалъ Медвѣдь, оскалившись зубами:
Пусть молодъ, но сильнѣй я всѣхъ теперь межъ вами[б],
Да мнѣ же хочется и ѣсть;
Такъ мнѣ принадлежитъ и старшинство и честь[в].

Изряденъ твой совѣтъ;
Такъ я, когда сей свѣтъ
Натура сотворила,
Съ рожденіемъ тогда и жизнь я получила. —
Стара, кума, и ты, тутъ Волкъ сталъ говорить:
Но я, какъ сей вашъ свѣтъ еще и не былъ строенъ,
Былъ сѣдъ;
Такъ мой — обѣдъ,
Котораго одинъ лишь я изъ васъ достоинъ! —
И зубы было сталъ къ обѣду ужъ острить.
Ахъ, нѣтъ! Медвѣдь тутъ имъ вѣщаетъ:
Я голоденъ, а жду! вамъ полно больше врать.
Пусть каждый самъ идетъ и пищу промышляетъ...
И сталъ теленка убирать (Первоначальная редакція).

[б] Я молодъ, но сильнѣй, такъ правѣй я межъ вами.

[в] Такъ, стало, мой обѣдъ, и старшинство и честь (Средняя редакц.).

III. СОБАКА И СТАРУХА[1].

Украла мяса часть Собака у Старушки
Изъ клѣтушки
И ну бѣжать съ добычей прочь

[1] Въ рукописи 1776 г. (№ 47) эта басня помѣщена подъ заглавіемъ *Жадность*; но ни тамъ, ни въ тетради 1790-хъ годовъ, гдѣ многіе стихи

Во всю собачью мочь,
По опытамъ то знавъ, что стары бабы строги,
За сорванны куски ломаютъ ноги
Ухватами, клюками у собакъ.
Итакъ
Подалѣй Лыска убиралась,
Чтобы въ глаза Старухѣ не попалась;
А наконецъ, когда къ источнику пришла [а],
На берегу его легла
И стала наполнять голодно брюхо мясомъ,
Украденнымъ запасомъ.
Но глядь въ потокъ —
Увидѣла: другой кусокъ
Такой же, какъ она — такая жъ Лыска ѣла;
Тотчасъ и тотъ подцапать захотѣла [б],
Разверзла пасть, —
Упала изо рту украденная часть.

Ахъ! сколько въ свѣтѣ мы примѣровъ тѣхъ видали,
Что, бывъ несытыми накраденнымъ добромъ,
Еще въ чужомъ
Пустую тѣнь хватали.

[а] За гумны наконецъ къ источнику пришла (Первон. редакція).
[б] И тотъ себѣ тотчасъ спроворить захотѣла.
Не думавъ ничего, вдругъ бросилась за нимъ,
Хотѣла ухватить, разсталася съ своимъ.

измѣнены, у ней еще нѣтъ нравоученія, которое является только въ позднѣйшемъ спискѣ. Сюжетъ этой басни — одинъ изъ самыхъ древнихъ и перешелъ въ европейскій апологъ изъ Индіи. Начиная отъ Эзопа, (см. въ изданіи Мартынова № 209, *Собака, несущая мясо*), его обработывали очень многіе баснописцы, какъ-то Федръ (*Собака, несущая кусокъ мяса черезъ рѣку*), Лафонтенъ (Le chien qui lâche la proie pour l'ombre), Сумароковъ (кн. VI, стр. 22: *Собака съ кускомъ мяса*) и др.; но введеніе въ басню старухи и то развитіе нравоученія, какое находимъ у Державина, принадлежатъ ему самому.

IV. ЛЕВЪ И КРОТЪ[1].

—

[1] См. въ Томѣ I, стр. 178, басню *Левъ и Волкъ;* тамъ упомянуто и о позднѣйшей ея редакціи, которая не представляетъ однакожъ стóящихъ вниманія варіантовъ.

V. ЛИСИЦА И ЗАЙЦЫ[1].

—

Лисица съ Зайцами въ одномъ лѣсу жила,
И Зайцамъ хоть она не госпожа была,
Но какъ проворный умъ имѣла,
То робкихъ сихъ скотовъ вертѣла,
Какъ хотѣла,
И словомъ, лисій гласъ
Для Зайцевъ былъ указъ.
Но какъ предѣловъ нѣтъ властолюбивой страсти,
То и она на нихъ хотѣла царской власти[a].
Нашла вину,
И объявила имъ за то войну:
Зачѣмъ они несходны съ прочими звѣрями, —

[a] Надъ Зайцами Лиса желала царской власти (Другая редакція).

[1] Ни у русскихъ баснописцевъ, предшествовавшихъ Державину, ни у иностранныхъ мы не находимъ источника, откуда могло бы быть почерпнуто содержаніе этой басни. Такъ какъ и она, вмѣстѣ съ четырьмя предыдущими, помѣщена въ тетради 1790-хъ годовъ, то мы полагаемъ, что поводомъ къ ея происхожденію послужилъ второй раздѣлъ Польши (1793).

Съ неравными противъ другихъ ногами[б]
И съ долгими притомъ ушами.
Возсталъ на Зайцевъ громъ, простерлася гроза[в].
Бѣгутъ изъ куста въ кустъ, распяливши глаза;
Немного похрабрились,
Пришли и покорились[г].
Узнавъ побѣду Волкъ, да и Медвѣдь,
Въ завоеваньи часть задумали имѣть.
Здорово, говорятъ, сестрица:
Жиренъ такой кусокъ одной тебѣ, Лисица!
Пожалуй, кумушка, по часточкѣ и намъ,
А ежели не такъ, большимъ быть хлопотамъ.

Напрасно роемъ ровъ безсильнымъ мы сосѣдямъ:
Дурнѣе будетъ жить намъ съ волкомъ да съ медвѣдемъ.

[б] Съ неровными ногами.
[в] И встала отъ такой политики гроза.
[г] И съ областью своей Лисицѣ покорились.

VI. МАТЬ И ДѢТИ[1].

Мать въ школѣ посадила
Дѣтей урокъ твердить
И съ лаской дѣтямъ говорила:
Гулять вамъ, дѣтки, не ходить. —

[1] Автографъ этой маленькой оригинальной притчи встрѣчается, почти въ томъ же самомъ видѣ, въ тетради 1790-хъ годовъ и любопытенъ особенно тѣмъ, что третій стихъ написанъ рукой И. И. Дмитріева надъ неудачнымъ стихомъ прежней редакціи: «Шутила и говорила». Рукою Дмитріева же въ 6-мъ стихѣ прибавлено слово *однакоже*. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Державинъ имѣлъ тутъ въ виду Екатерину II. Въ этомъ еще болѣе убѣждаетъ находящаяся на той же страницѣ тетради черновая редакція стиховъ къ портрету императрицы, которые и приводимъ:

Хотя и хныкаютъ бѣдняжки,
Однакоже урокъ твердятъ.

Вотъ такъ и мудрый царь, не дѣлая поблажки,
Умѣетъ кротостью народъ въ грозѣ держать.

Твое, о Лампи, мастерство
Въ женѣ явило здѣсь вселенной
Умъ, духъ великій, божество,
Екатерины образъ воплощенный.

Мимоходомъ замѣтимъ, что подлинникъ этого портрета, на которомъ государыня представлена вставшею съ креселъ, находится въ Романовской галлереѣ Зимняго дворца. Іоаннъ Баптистъ Лампи род. близъ Тріэста 1751, ум. въ Вѣнѣ 1830; находился въ Россіи съ 1791 по 1798 годъ; портретъ Екатерины II былъ готовъ въ началѣ 1792 (П. Петровъ).

VII. СУДЪ О СТИХОТВОРЦАХЪ[1].

Весной
Въ дубравѣ, въ рощѣ ли какой
Свистали соловьи, кричали и кукушки.
«Какія дружки[а]!
Нельзя ихъ, право, разобрать,
Чтобъ преимущество кому въ пѣньѣ отдать[б]»,

[а] Какія, право, дружки!
Не можно вдругъ и разобрать (Другая редакція).
[б] ... кому какое дать.

[1] Судя по мѣсту, занимаемому этою баснею въ рукописяхъ, можно отнести ее къ 1796 или 1797 году. По идеѣ она нѣсколько напоминаетъ басню Сумарокова *Соловей и Кукушка*, съ такимъ нравоученіемъ (кн. III, притча 26).

«Достойной похвалы невѣжи не умалятъ;
А то не похвала, когда невѣжи хвалятъ.»

Прохожи шедшіе, одинъ сказалъ другому.
А тотъ отвѣтствовалъ: Дивлюсь суду такому;
Не надо, братецъ, быть и знатоку,
Чтобъ различить умѣть отъ пѣсенки *куку*.

Нерѣдко такъ даютъ[в]
О стихотворцахъ судъ.

[в] Однакожъ сплошь даютъ
Такой о стихотворцахъ судъ.

VIII. ФОНАРИ[1].

Случилось парѣ
Быть Фонарямъ въ анбарѣ:
Кулибинскому и простому[а],
Такому,
Какъ ночью въ мрачну тѣнь
Съ собою носитъ чернь.

[а] Одинъ Кулибинскій, — а съ нимъ другому,
Худому, старому, бумажному, простому,
Точь въ точь такому.

[1] На основаніи рукописей, можно полагать, что эта басня написана въ 1796 или не позже 1798 года. Основная мысль ея высказана уже въ одѣ *Аѳинейскому витязю* (Томъ I, стр. 772):

Тогда Кулибинскій фонарь,
Что свѣтелъ издали, близъ теменъ,
Былъ не во всѣхъ мѣстахъ потребенъ.

Отношеніе басни къ этимъ стихамъ становится еще виднѣе изъ помѣщенныхъ при нихъ примѣчаній самого Державина (см. тамъ же).

Басня эта сохранилась въ нѣсколькихъ спискахъ, и мы затруднялись, который изъ нихъ выбрать для текста. Она напечатана здѣсь по средней редакціи; первоначальная же и позднѣйшая помѣщены нами въ варіантахъ.

Кулибинскій сказалъ: Какъ смѣешь, старичишка,
Бумажный Фонаришка,
Ты мѣстничать со мной?
Я баринъ, я начальникъ твой.
Ты видишь, на столбахъ ночною какъ порою[б]
Я свѣтлой полосою, —
Въ каретахъ, въ улицахъ и въ шлюпкахъ на рѣкѣ
Блистаю вдалекѣ[2].
Я весь дворецъ собою освѣщаю[в],
Какъ полная небесъ луна. —
Такъ подлинно, и я то знаю,
Отвѣтствовалъ простой Фонарь:
Моя передъ твоей ничто величина;
Сіяніемъ вдали ты царь[г],
Лучами яркими ты баринъ;

[б] Смотри: по улицамъ ночною какъ порою
Златою полосою
Отъ крылецъ, отъ каретъ, отъ шлюпокъ на рѣкѣ.
[в] И даже у дворца всю площадь освѣщаю.
[г] Моя передъ тобой ничто величина:
Сіяніемъ вдали ты царь,

[2] По словамъ Державина (Томъ I, стр. 773), Кулибинскій фонарь «производитъ чрезвычайный свѣтъ вдали горизонтальною полосою; но чѣмъ ближе подходишь, свѣтъ уменьшается и наконецъ у самаго фонаря совсѣмъ темно». Въ такомъ фонарѣ свѣчка стоитъ передъ вогнутымъ кругомъ, сдѣланнымъ изъ множества зеркальныхъ стеклышекъ, такъ что свѣтъ огня, отражаясь въ нихъ, увеличивается во столько разъ, сколько этихъ кусочковъ.

Что касается до заключенія басни, то надобно припомнить что въ объясненіяхъ къ названной одѣ Державинъ указываетъ на генералъ-прокурора графа Самойлова, племянника Потемкина, какъ на вельможу, который вдали гремитъ своимъ умомъ; но «коль скоро короче его узнаешь, то увидишь, что онъ ничего собственнаго не имѣетъ, а умъ его и таланты заимствуются отъ окружающихъ его людей, т. е. секретарей».

Въ послѣдней редакціи, относящейся едвали не къ 1814 году, въ заключеніи басни поставлено *президентъ* вм. *господинъ*, вѣроятно на счетъ графа Н. И. Салтыкова, который въ отсутствіи императора предсѣдательствовалъ въ государственномъ совѣтѣ.

Но только развѣ тѣмъ со мной неравенъ,
Что — вблизь и съ стороны покажемся кому, —
Во мнѣ увидятъ свѣтъ, въ тебѣ увидятъ тму,
И ты окружныхъ стеклъ лишь свѣтишь лоскутками.

Иной и господинъ уменъ секретарями.

Великолѣпіемъ, сіяніемъ вельможа;
Твоя передъ моей красна, велика рожа.
Но пусть кто придетъ вблизь и насъ посмотритъ такъ,
Чтобъ видны были впрямь ему:
Во мнѣ нашелъ бы свѣтъ, въ тебѣ же тму;
То есть, что ты — дуракъ (Первонач. редакц.).
— Я въ красотѣ тебѣ, въ величьи уступаю:
Ты царь сіяніемъ вдали передо мной;
Но лишь въ бездѣлицѣ одной
Есть разница межъ нами:
Пусть ближе подойдетъ изъ насъ кто къ одному,
Во мнѣ увидитъ свѣтъ, въ тебѣ увидитъ тму.
Окружныхъ мелкихъ стеклъ ты свѣтлъ лишь лоскутками.

Иной и президентъ уменъ секретарями (Позднѣйшая редакція).

IX. КОРАБЛЬ И ИГЛА[1].

Корабль на полныхъ парусахъ
Летѣлъ, какъ птица на крылахъ
(За нимъ не успѣвало око),
И думалъ о себѣ вельми высоко:
«Какъ?» говорилъ, «чтобъ смѣлъ со мною кто равняться
Въ отвагѣ, быстротѣ, величіи, красѣ, —
Не можетъ статься;
Ничто передо мною всѣ!» —

[1] Находится въ рукописи между стихотвореніями 1799 года и написана конечно въ царствованіе императора Павла подъ тѣми впечатлѣніями, о которыхъ Державинъ разсказываетъ въ разныхъ мѣстахъ своихъ *Записокъ*, напечатанныхъ въ *Русской Бесѣдѣ*. Въ позднѣйшихъ редакціяхъ заглавіе: *Корабль и магнитная игла.*

Такъ точно, государь! ты можешь величаться[а],
Сказала на кормѣ магнитная игла:
Ты царь морей! я твой министръ, я прахъ земли[б]
И въ мысляхъ равной быть съ тобою я страшуся;
Но, смѣю доложить: я сколько ни мала,
  А лишь попорчусь, пошатнуся, —
    Ты сядешь на мели.

[а] Нельзя, о государь! тебѣ въ томъ сомнѣваться.
[б] Но я сколь ни мала,
Хоть службою моей отнюдь не возношуся, —
Ты истину внемли:
Не будь только меня иль мало покривлюся,
    Ты сядешь на мели.
• Не трудно, думаю, изъ басни сей понять,
Что вѣрныхъ слугъ никакъ не должно презирать.
(Средняя редакція.)

X. СТРУЯ И ДОМЪ[1].

Струя, иль капля подъ землей[а]
  Сквозь берега прокралась —
    И такъ своей водой[б]
  Тихонько расширялась,
  Что сдѣлалась ручьемъ
И стала подмывать вседневно и всенощно
  Прекрасный, твердый домъ,
Въ которомъ весело, роскошно
  Бояринъ знатный жилъ,

[а] Водъ струйка, капелька, иль слезка подъ землей.
(Средняя редакція.)
[б] И такъ часъ отъ часу извивистой змѣей.

[1] Эта басня и въ рукописныхъ тетрадяхъ слѣдуетъ за предыдущею. Нравоученіе ея представляетъ сходство съ заключеніемъ оды *Колесница*

Столы давалъ, пиры водилъ
И въ мысляхъ не держалъ о близкомъ рокѣ[в];
Но какъ усилилась струя
И, воды многія лія,
Въ свирѣпомъ, бурномъ токѣ
Большою вдругъ открылася рѣкой,
Взревѣла подъ землей, —
Повергла домъ
И мѣсто, гдѣ стоялъ, струя умчала.

Предупреждай бѣду сначала[г],
Звукъ первый отвращай, чтобы не вышелъ громъ.

[в] И въ мысляхъ не имѣлъ о ближащемся рокѣ.
[г] Предупреждай бѣду, схватывай болѣзнь сначала.
— Читатель! научись сей баснею простой
Предупреждать бѣду сначала,
Доколь не грянулъ громъ (Поздн. ред.).

въ первоначальной его редакціи (см. Томъ I, стр. 530), такъ что и басня имѣетъ въ виду, какъ кажется, французскую революцію съ ея послѣдствіями. По обстоятельствамъ разсказа, *Струя и домъ* нѣсколько напоминаетъ басню Крылова *Мельникъ*.

XI. ХОЗЯЙКА[1].

Хозяйка, ключница, досужа домоводка,
Старуха иль молодка, —
Нѣтъ нужды до того, но только мать, —
Держала въ домѣ птицъ и ихъ сама кормила,

[1] Помѣщенная и въ рукописи 1790-хъ годовъ вслѣдъ за двумя предыдущими, эта притча относится также ко времени царствованія императора Павла и сперва носила заглавіе *Мать и сынъ*. Не трудно найти въ ней связь съ № VI. Она намекаетъ на равнодушіе къ наградамъ, слишкомъ щедро раздаваемымъ.

Умѣренно бросая зернъ.
Довольны птицы были,
Что шелъ имъ нужный кормъ:
Хозяйку всѣ хвалили.
И «станемъ впредь мы больше ждать»[а],
Между собою говорили.
Но какъ-то мать съ двора ушла,
А птицъ кормить пора пришла;
Тутъ тотчасъ подхватилъ съ пшеницей сынъ лукошко
И, высунясь въ окошко,
Ну полной горстью имъ бросать,
А птицы ну клевать, клевать
И, наклевавшися досыта,
Какъ нечего ужъ стало ждать,
Отъ сына прочь отстали,
Ходить за нимъ не стали
И разбрелися спать.

Хозяйка домовита
Съ умомъ умѣла награждать.

[а] «Намъ нечего еще желать» (Первон. редакція).
— Благодарили
И межъ собою говорили:
«Чего жъ еще? даютъ намъ хлѣбъ зобать,
А чтобъ намъ жирнымъ стать,
Того мы можемъ подождать
И на хозяйку нечего сердиться.
Межъ тѣмъ хозяйкѣ той случилось отлучиться
Куда-то со двора;
Она ушла,
Замедлилась, а птицъ кормить пора
Пришла.
Мальчишка, сынъ ея, схватя съ пшеницею лукошко
И высунясь по поясъ за окошко,
Ну полной горстью кормъ бросать (Средняя редакція).

XII. КРЕСТЬЯНИНЪ И ДУБЪ[1].

[1] См. Томъ II, стр. 449.

XIII. АИСТЪ[1].

Оралъ Аистъ, какъ чортъ, въ болотѣ.
Лягушки вкругъ его, улитки и зуйки
И маленьки нырки
Въ ужасной были всѣ тревогѣ и заботѣ:
Узря, что онъ однихъ глотаетъ,
Другихъ же крикомъ устрашаетъ,
Не знали, что зачать.
На это что бы мнѣ сказать[a]
Аисту вопреки? —
И великаны тѣмъ бываютъ
Страшны и велики,
Когда ихъ карлы окружаютъ.

[a] А мнѣ бы, напримѣръ, пристойно что сказать
Аисту вопреки,
Когда бъ о томъ меня спросили старики? —
И великаны тѣмъ только всегда бываютъ,
Сказалъ бы я, страшны и велики,
Когда ихъ карлы окружаютъ (Позднѣйшая редакція).

[1] По мѣсту, занимаемому этою басней въ рукописяхъ, слѣдуетъ отнести ее къ 1805 году. Кажется, она написана на Аракчеева, который, хотя еще и не имѣлъ того обширнаго круга дѣйствія, какой открылся ему черезъ нѣсколько лѣтъ, однакожъ «уже и въ то время чрезвычайно много значилъ» (*Жизнь Сперанскаго*, т. I, стр. 106); Державинъ же, какъ владѣлецъ Званки, зналъ коротко грузинскаго помѣщика. По извѣстному характеру Аракчеева, къ нему могло очень хорошо идти то, что въ баснѣ говорится объ Аистѣ.

XIV. ЖМУРКИ[1].

Хозяинъ молодой единожды, изъ шутки,
Былъ прошенъ отъ дѣтей,
Своихъ друзей,
Чтобъ съ ними поиграть немножко въ жмурки.
Онъ, согласясь на то, позволилъ имъ повязку,
Какъ водится, иль темну маску
Надѣть на свой прекрасный зракъ,
И сталъ ему чрезъ то въ его чертогахъ[a] мракъ.
Друзья-ребяточки вокругъ его обстали,
А онъ въ кругу у нихъ
Съ жгутомъ.
Потомъ
Играть они, какъ должно, стали.
Извѣстно, что сперва всякъ въ уголку притихъ,
Тулился, прятался, — а онъ имъ вслѣдъ гонялся,
Ударить тѣхъ, ловить другихъ старался.
Кто мышкой гдѣ вдали тихонько заскребетъ,
Мяукнетъ кошкой тамъ, тутъ пѣтухомъ вспоетъ.
Они жъ, чтобъ поострить шаги его пытливы,

[a] ... свѣтлицѣ ... (Позднѣйшая редакція).

[1] Эта притча относится, такъ же какъ и предыдущая басня, къ 1805 году. Безъ сомнѣнія, и здѣсь кроется политическій смыслъ. Встрѣчающіяся въ 7-мъ и 8-мъ стихѣ слова *прекрасный зракъ* и *чертоги* заслуживаютъ вниманія. Надобно вспомнить, какимъ вліяніемъ пользовались тогда графъ Кочубей, Новосильцовъ, князь Чарторижскій и графъ П. А. Строгановъ: три послѣдніе образовали союзъ, который современная публика называла *тріумвиратомъ* (*Жизнь Сперанскаго*, т. I, стр. 93). У извѣстнаго нѣмецкаго писателя Лихтвера есть басня подъ такимъ же заглавіемъ (Blinde Kuh), но ни въ разсказѣ, ни въ нравоученіи притча Державина не имѣетъ съ нею соотношенія.

Манили пуще всякъ къ себѣ чрезъ гласы лживы;
А онъ упрямился, повязки не скидалъ,
То о печь, то о дверь, то лбомъ, то носомъ попадалъ.
Ребята слѣпотой его смѣлѣе стали:
Со всѣхъ сторонъ они его щипали
И громко вкругъ его надъ нимъ же хохотали,
Что онъ руками врозь ходилъ, а ихъ не поималъ,
И стулья и столы лишь только поваляль,
А наконецъ ужъ такъ усталъ,
Что, закружась, запнулся,
Упалъ и растянулся
И тѣмъ во всемъ дому
Такую подняль кутерьму,
Что описать ее не можно никому.

Не надо допускать класть на себя повязку [6]
И вслѣдъ друзей своихъ будто слѣпцу ходить
Или глядѣть на нихъ тихонько изъ-подъ маски,
А инакъ — голову сломить.

[6] Къ чему бы эту быль приладить или сказку,
На пользу намъ?
Не надо позволять класть на себя повязку,
Хотя бы и друзьямъ.

XV. ЛАШМАНЫ И ДУБЪ [1].

Претолстый, страшный Дубъ на множествѣ саняхъ
И лошадяхъ
Везли ко пристани Лашманы.

[1] Первоначальная рукопись на оборотѣ черноваго письма къ Каченовскому, писанному въ 1806 году (см. Томъ I, стр. 536): къ этому же

Но какъ спускалися они подъ-часъ и въ ямы;
То трудно было имъ изъ ямъ тѣхъ выѣзжать,

времени относится, вѣроятно, и сочиненіе притчи. Представленная въ ней картина принадлежитъ къ воспоминаніямъ изъ жизни Державина на Волгѣ. «Лашманы», объясняетъ онъ въ примѣчаніи, «работники, опредѣленные къ вывозу корабельныхъ лѣсовъ». По академич. Словарю, это — государственные крестьяне низовыхъ губерній, заготовляющіе дубъ для постройки кораблей. Г. Даль въ своемъ Словарѣ прибавляетъ: «б. ч. Татары, и они свободны отъ солдатства и др. повинностей». Дѣло въ томъ, что по указу Петра Великаго 26 февраля 1719 года назначены для работъ по заготовленію корабельныхъ лѣсовъ служилые мурзы и Татары въ тогдашнихъ казанской, нижегородской и воронежской губерніяхъ, а въ 1722 году этой повинности подвергнуты также тамошніе Мордва и Чуваши. «Тягостное изнуреніе и бѣдность отъ употребленія по тѣмъ работамъ, которыя соединены съ потеряніемъ и поврежденіемъ людей и лошадей при подъемѣ на сани и при спускѣ деревьевъ» (*Полн. Собр. Зак.* т. XXIV, № 17.772) нѣсколько разъ побуждало этихъ работниковъ домогаться освобожденія отъ платежа податей и отъ другихъ повинностей. Наконецъ, при императорѣ Александрѣ I, въ 1817 году, состоялось особое положеніе *о Лашманахъ* (*П. С. З.* т. XXXIV, № 27.023), которымъ они дѣйствительно освобождены отъ обязанности поставлять рекрутъ. Число ихъ до того времени простиралось свыше 943.000 душъ; тогда же положено было удержать изъ этого числа для означенныхъ работъ только 120.000. При этомъ случаѣ въ законодательствѣ въ первый разъ употреблено было названіе *Лашманы*, которое однакожъ, какъ видно изъ настоящей притчи, давно уже извѣстно было во вседневномъ быту. Въ 1860 г., по поводу уничтоженія крѣпостнаго права и замѣны обязательнаго труда добровольнымъ, лашманы освобождены отъ лежавшей на нихъ повинности и перечислены въ общій разрядъ государственныхъ крестьянъ. Названіе *лашманъ* производятъ съ нѣмецкаго, отъ провинціальнаго, употребляемаго въ кораблестроеніи слова Lasche, надрубъ дерева, и Mann, человѣкъ (Кеппенъ, Ueber die Vertheilung der Bewohner Russlands nach Ständen, въ Mém. de l'Acad. VIe série, sc. polit. etc., t. VII, стр. 412).

Впослѣдствіи Державинъ, желая еще рѣзче выставить трудность придать согласное движеніе разнороднымъ силамъ, присоединилъ къ *лошадямъ быковъ*, такъ что второй стихъ получилъ форму: «Быкахъ и лошадяхъ»; но по неоконченности этой второй редакціи, мы не могли ею воспользоваться. Содержаніемъ своимъ эта притча явно указываетъ на какой-то разладъ въ государственной администраціи и напоминаетъ басню Крылова *Лебедь, щука и ракъ*, у которой однакожъ выводъ другой.

А надобно, чтобъ дружна сила
На высоту одна его бы вывозила.
А какъ премножество людей
И лошадей
На это согласить не скоро можно,
То Дубу стать тутъ было должно.
Сталъ. Дергъ коня, дергъ, — нѣтъ. — И такъ ужъ богомолъ
Какой-то изо всѣхъ Лашмановъ волхвъ, иль дока
Сыскался и сказалъ: Ни съ мѣста! знать, съ урока[2];
Дай пошепчу; — а вы, какъ я мигну лишь глазомъ,
Прильнувъ всей силою къ гужамъ,
Ударьте по конямъ,
И вскрикните всѣ разомъ.
Они такъ сдѣлали, — и Дубъ пошелъ.

Когда и царства кругъ (а въ немъ и разны части)
Хотятъ, чтобы блаженствъ къ одной мѣтѣ бѣжалъ,
Не худо, маньемъ вышней власти,
Одинъ чтобъ дока управлялъ.

[2] *Урокъ*, — «у суевѣровъ: припадокъ, которому будто бы подвергается тотъ, на кого посмотритъ кто-нибудь завистливыми глазами или похвалитъ не отъ доброжелательства» (Акад. Словарь).

XVI. ГУСИ[1].

Га, га, га, га! кричали Гуси,
Летѣвши вереницей съ Руси;
«Куда», спросилъ прохожій ихъ,

[1] Написана вѣроятно осенью 1806 года передъ отправленіемъ арміи въ прусскій или турецкій походъ.

«Такой пустились вы аравой?» —
На югъ. — «Зачѣмъ туда?» — За славой!
И голосъ ихъ потомъ затихъ.

Помедлить бы Гусямъ хвалиться,
Поколь весна не возвратится.

XVII. МЕДВѢДЬ И РЫСЬ[1].

Наука бранная въ Европѣ хоть одна,
Однако не равна
Война,
Какъ въ тактикѣ вождей не равно и искусство.
Подобно у звѣрей,
Хотя ко звѣрству равно чувство;
Но тотъ сильнѣй,
А сей хитрѣй.
Такъ надобно умѣть ихъ свойствами всѣхъ править,
Чтобъ ихъ бояться всѣхъ въ войнѣ себя заставить.
Медвѣдь и Рысь, наруша тишину,
Затѣяли войну.
Великій звѣрь шелъ впрямь, ломился межъ древами
И мнилъ онъ малаго, что встрѣтитъ, разорвать[a];
Но Рысь, заслыша ревъ, сокрылась межъ вѣтвями

[a] И малаго хотѣлъ на части разорвать (Позднѣйшая редакція).

---

[1] Сопоставленіе двухъ животныхъ такой различной величины, какъ медвѣдь и рысь, заставляетъ думать, что подъ первымъ здѣсь разумѣется Россія, а подъ послѣднимъ Швеція. Во время финляндской войны 1808 г. Русскіе, пройдя побѣдоносно до береговъ Ботническаго залива, потерпѣли здѣсь нѣсколько неудачъ (*Картина воен. дѣйствій въ Финл.*, гр. Сухтелена, Спб. 1832, стр. 28—37); по этому-то поводу, какъ кажется, и написана настоящая басня.

И, на дубу засѣвъ, рѣшилась поджидать,
Покудова порою
Увидитъ эту всю машину подъ собою.
Ждала и дождалась: пришла гроза
И стала будто холмъ, не опасаяся нимало.
Какъ съ неба, на него тутъ съ дуба Рысь упала
И выдрала глаза.
Тройнымъ быть можетъ баснь сія чтецу урокомъ,
И напримѣръ, хотя бы въ томъ:
Чтобъ по коряжистымъ путямъ ему не ѣздить скокомъ,
Чтобъ стѣнъ не разбивать своимъ безумно лбомъ
И наконецъ однимъ не чваниться могутствомъ,
А запастись искусствомъ.

XVIII. ВЫБОРЪ МИНИСТРА [1].

Для мелочныхъ, между огромныхъ
Въ божественномъ правленьи, дѣлъ
Минервѣ и изъ насѣкомыхъ [a]

[a] Богинѣ мудрости изъ рода насѣкомыхъ (Позднѣйшая ред.).

[1] Въ этой баснѣ подъ Паукомъ должно разумѣть, кажется, Сперанскаго, о которомъ Державинъ въ своихъ *Запискахъ* отзывается очень неблагосклонно (см. сочиненіе барона Корфа, т. I, стр. 101 и сл.) и который, по его словамъ, имѣлъ связи во всѣхъ министерскихъ канцеляріяхъ, двигалъ и руководилъ, какъ скрытою машиною, чиновниками, имъ самимъ вездѣ насаженными изъ семинаристовъ, и предупреждалъ государя тайными, побочными внушеніями противъ справедливости дѣлъ, несогласныхъ съ мыслями его, Сперанскаго, или лучше, совѣтниковъ, составлявшихъ тріумвиратъ. Въ Муравьѣ можно угадывать одного изъ этихъ совѣтниковъ, именно Н. Н. Новосильцова; это былъ, по засвидѣтельствованію барона Корфа (см. тамъ же стр. 93) человѣкъ съ многосторонними знаніями, почти ученый; онъ, при другихъ своихъ должностяхъ, былъ президентомъ

Юпитеръ повелѣлъ
Кого бы подѣльнѣй и вѣрить кому можно,
Избрать въ министры одного.
Премудрость[6] за дѣла берется осторожно;
А для того,
Какъ вѣдала она, что сихъ животныхъ гнѣзда
Большою частію суть Панова уѣзда,
То, имянный указъ исполнить чтобъ, — съ небесъ
Сама отправилася въ лѣсъ.
Увидя жъ башни пчелъ, курганы муравьины,
Полотна пауковъ блестящей паутины,
Сказала: Вотъ народъ
Знать умный, дѣльный тутъ живетъ;
Но мало вѣдь дѣльцовъ вкругъ божескаго трона,
И мало умниковъ однихъ;
А надобенъ одинъ горячій рабъ закона,

[6] Минерва ...

академіи наукъ и попечителемъ петербургскаго учебнаго округа. По учрежденіи министерствъ Новосильцовъ получилъ мѣсто товарища министра юстиціи; къ нему же, съ управленіемъ учрежденнаго тогда комитета министровъ, перешли всѣ личные доклады государю. Но около времени эрфуртскаго конгресса (1808) тріумвиратъ распался, и Новосильцовъ, устраненный отъ всѣхъ личныхъ докладовъ, пожалованный въ сенаторы, отправился за границу (тамъ же стр. 106). Къ этому-то обстоятельству относится вѣроятно стихъ:

Бѣжитъ отчизны прочь; лишь самъ спастися хочетъ.

Въ изображеніи преимуществъ Пчелы поэтъ, кажется, намекаетъ на самого себя; на эту мысль наводятъ насъ особенно выраженія:

Хотя же горяча, — а иногда шумлива,
Но шумъ ея гремитъ за общее добро.

Извѣстно, что Державинъ неразъ признавалъ въ себѣ эти свойства. Если наши предположенія справедливы, то настоящая басня написана въ 1808 году. Самъ онъ былъ назначенъ министромъ юстиціи при учрежденіи министерствъ и оставался на этомъ постѣ только отъ февраля до октября 1803.

Безъ видовъ собственныхъ своихъ.
Такъ дай же, посмотрю межъ сихъ твореній дробныхъ —
Къ тому дѣльцовъ способныхъ[в],
Въ которыхъ бы всѣ тѣ мнѣ качества найтить,
Чтобъ божеству служить.
Вотъ, напримѣръ, Паукъ: хитръ, молчаливъ, тихъ, скроменъ,
Отъ всѣхъ уединенъ, тончайши сѣти вьетъ;
Но гордъ онъ, кажется, завидливъ, къ мести сроденъ,
Что ищетъ помрачить прекрасный Солнца свѣтъ;
Притомъ немилосердъ, убійствомъ веселится,
Въ тенеты завлекая мухъ;
А бывъ ужъ вреднымъ такъ, коварный, скрытый другъ
Въ министры божеству благому не годится.
Хорошъ бы Муравей:
Отвсюду хламъ сбирать онъ ищетъ и хлопочетъ;
Но въ бѣдственны часы труслпвъ и малъ душей,
Бѣжитъ отчизны прочь; лишь самъ спастися хочетъ[г],
Все унося съ собой, вездѣ свой строитъ домъ,
И словомъ, добръ къ себѣ, не мысля о другомъ.
Притомъ
Исподтишка кусается, зловоненъ[д],
То также божеству въ сотрудники не годенъ.
Иную жъ вѣтрену, лѣниву, глупу тварь,
Усѣялъ коею вселенну неба Царь,
Какъ-то: коровокъ божьихъ,
Казявокъ, мотыльковъ,
Стрекозъ и червячковъ

[в] Къ тому я одного изъ всѣхъ способныхъ,
Въ которомъ качества желанны мнѣ бъ найтить,
Чтобъ прямо божеству служить.

[г] Прочь отъ отчизны онъ бѣжитъ, спастися хочетъ
Лишь только самъ одинъ, вездѣ свой строитъ домъ.

[д] Кусается тишкомъ
И запахомъ дурнымъ весь слѣдъ его курится:
То также божеству въ друзья онъ не годится.

И прочихъ
До пользы общества и славы неохочихъ, —
Разряженныхъ звѣрьковъ,
Жуковъ,
Что, блескомъ ихъ породъ гордяся златорожьихъ,
По праху ползаютъ, летятъ до облаковъ
И тонутъ въ роскоши, въ сластяхъ чужихъ трудовъ,
Какъ чтетъ Зевесъ въ ничто; то миновать ихъ должно, —
А можно
Взглянуть
На эту чудну насѣкому,
Которой, слышу я, столь всѣмъ полезенъ трудъ [е]
Какъ Богу вышнему, такъ смертному простому.
Да, — вотъ она:
Умна,
Честна,
Вѣрна,
Благочестива,
Трудолюбива,
Къ тому жъ и не труслива.
Хотя же горяча, — а иногда шумлива;
Но шумъ ея гремитъ за общее добро [ж],
Когда увидитъ зло,
Что царства кто ея блаженство похищаетъ [з].
За сей-то сотъ златой, за сей душистый медъ
Она кладетъ животъ;
Но тайно никого и тутъ не уязвляетъ
И жала мщенія въ себѣ не оставляетъ;
Но гибнетъ, уязвивъ, сама въ минуту ту жъ:
Примѣръ великихъ душъ,

[е] Которой, слышу я, пріятенъ, сладокъ трудъ
Какъ вышнимъ всѣмъ богамъ, такъ . . .
[ж] Но шумъ бываетъ тотъ за общее добро.
[з] Царицу оскорбляетъ (между 70 и 71 стих.).

Когда отечество, царя кто защищаетъ
И тутъ же умираетъ!
Богиня, такъ судя по пользамъ о дѣлахъ,
По дѣлу объ умахъ,
Пчелу въ министры избираетъ.

XIX. ЦВѢТЪ И ПАУКЪ[1].

Какой-то Цвѣтъ въ саду блисталъ[a]
Прекрасный, благовонный
И взоры на себя всеобщи обращалъ
По добротѣ своей природной.
Всякъ ждалъ,
Что подъ пространнымъ свѣтлымъ небомъ
Растеніе сіе великимъ будетъ древомъ —
И садъ, въ коемъ расло, весь обратитъ въ эдемъ.
Почти и было такъ: ужъ пчелы вкругъ роились,
Надъ нимъ жужжали и толпились,
А птички въ пѣніи своемъ

[a] Какой-то Цвѣтъ въ какомъ-то огородѣ
Прекрасный, благовонный цвѣлъ
И взоры на себя всѣхъ, по своей природѣ,
Онъ обращать умѣлъ.
Всякъ ждалъ, что этотъ Цвѣтъ подъ чистымъ, свѣтлымъ небомъ
Великимъ будетъ древомъ
И садъ, въ которомъ цвѣлъ, преобратитъ въ эдемъ (Позднѣйш. р.).

[1] Очевидно, что и эта басня написана не безъ примѣненія къ обстоятельствамъ царствованія императора Александра I. Сочиненіе ея относится по видимому къ 1809 или 1810 году. Тогда Аракчеевъ былъ уже министромъ и безпрестанно усиливался; поэтому возможно, что поэтъ мѣтилъ тутъ на него; но такъ какъ въ предыдущей баснѣ подъ именемъ Паука очерченъ, какъ кажется, Сперанскій, то вѣроятнѣе, что и здѣсь надобно разумѣть его же.

Подъ сѣнію его блаженство предвѣщали[б],
И взоръ и слухъ и умъ къ нему всѣхъ обращали.
Но гдѣ не водворится зло?
Хоть добрые бываютъ гдѣ засѣвы,
Въ какой не возрастутъ златой пшеницѣ плевы?
Дай волю только имъ. — Закралось, подползло
И къ этому Цвѣтку какое-то животно,
Иль попросту Паукъ: вкругъ свѣтъ весь застѣня[в],
Такъ паутиною къ нему прильнулъ, прижался плотно,
Что трудно ихъ развлечь безъ стали, безъ огня.
Листы благоухать престали,
Птицъ гласы замолчали,
Съ дня на день блекнулъ Цвѣтъ:
Того и жди, что садъ репьемъ весь зарастетъ.

Сей басни смыслъ понять — ходить не надо въ школы:
Подъ сѣтью Пауковъ валятся и престолы[г].

[б] Сидя на немъ
Или въ сѣни его свое блаженство возвѣщали.

[в] Иль, такъ сказать, Паукъ. Вкругъ солнце застѣня,
Такъ привился къ нему своею сѣтью плотно,
Что трудно было ихъ безъ збруи, безъ огня
Расплесть,
Развесть.

[г] Подъ паутинами льстецовъ темны престолы.

XX. ЯГНЕНОКЪ И ВОЛКЪ[1].

Паслися на лугу пастушкою овечки.
Пастухъ тутъ былъ, иль нѣтъ, не знаю; можетъ, спалъ.

[1] Всѣмъ извѣстный сюжетъ, разработанный сперва Эзопомъ (въ изд. Мартынова № 229), потомъ Федромъ (кн. I, б. 1), а у нихъ заимствован-

Ягненокъ маленькій,
Пушистый, тучненькій
И весь, весь бѣленькій
Отъ стада, оплошавъ, нечаянно отсталъ
И захотѣлъ воды испить изъ чистой рѣчки,
Текущей жемчужкомъ,
Зелененькимъ лужкомъ
Иль золотымъ пескомъ . . .
До этого теперь мнѣ дѣла нѣту [*]**,**
А я склоняю мысль на эту только мѣту,
Что на сіи жъ мѣста,
Къ тому же ручейку, — къ вершинѣ только ближе, —

[*] Но впрочемъ до того мнѣ, право, дѣла нѣту (Другая редакція).

ный Лафонтеномъ, (кн. I, б. 10), Сумароковымъ (кн. I, пр. 2) и Крыловымъ (кн. I, б. 13). Трудно опредѣлить, когда именно и по какому поводу Державинъ написалъ свою басню на ту же тему. Нельзя однакожъ оставить безъ вниманія, что басня Крылова *Волкъ и Ягненокъ* впервые явилась въ № 24 *Драматическаго Вѣстника* на 1808 годъ и что послѣ того въ *Прибавленіи* къ этому журналу (*Др. В.* того же года, ч. V) была напечатана статья Шишкова *Сравненіе Сумарокова съ Лафонтеномъ*, въ которой между прочимъ разбирается притча *Волкъ и Ягненокъ*. Мы думаемъ, что чтеніе *Драм. Вѣстника*, въ которомъ Державинъ участвовалъ, и подало ему мысль взяться за басню на тотъ же предметъ. Не даромъ у него встрѣчается и *пастушка*, о которой говорится у Сумарокова, и названіе *плутишка* въ рѣчи Волка къ Ягненку, чему также поданъ примѣръ этимъ писателемъ:

«Довольно ли тебѣ, плутишка, сей улики?»

Наконецъ и заключеніе разсказа у Сумарокова и у Державина почти одно и то же. Первый кончаетъ словами:

«А ты за то умри. Ягненка Волкъ терзаетъ».

Замѣтимъ, что въ рукописяхъ Державина окончаніе разсказа такъ не отдѣлано, что мы изъ многихъ поправокъ могли извлечь только сводную редакцію. Въ первоначальномъ же автографѣ послѣдній стихъ разсказа имѣлъ такую форму: «Ягненка бѣлаго Волкъ сѣрый растерзалъ». По всему этому намъ кажется вѣроятнымъ, что настоящая басня Державина относится къ 1808 или 1809 году.

Шасть гладный Волкъ изъ за-куста
И, пламенный свой взглядъ по рѣчкѣ кинувъ ниже,
Увидѣлъ, что одинъ Ягненокъ воду пьетъ[6],
И пастуха съ нимъ нѣтъ,
Къ его великому несчастью!
Волкъ ощетинился и жадной крови пастью
Барашку онъ сказалъ:
«Какъ ты дерзнулъ, плутишка,
Молокососъ, овечій сынъ, мальчишка,
Одну со мною воду пить?» —
На то она
Сотворена,
Барашекъ отвѣчалъ,
Чтобъ всѣхъ поить! —
«Да ты стоишь меня, самъ видишь, ближе къ устью,
И воду всю легко мнѣ можешь помутить».
Ягненокъ съ трепетомъ отвѣтствовалъ и грустью[7]:
Вода вверхъ токъ свой не стремитъ! —
«Ты говоришь еще!» — съ усмѣшкою Волкъ злою,
Зубами хлопая, взревѣлъ:
«Ты пилъ иль пить хотѣлъ,
Мутилъ иль не мутилъ ты воду:
Но я твою породу
Издревле не терпѣлъ.
А пуще жъ мнѣ твоей ты нелюбъ бѣлизною,
И для того умри» ... Волкъ на него напалъ
И тотчасъ растерзалъ.

Къ какому бъ басню сію привесть намъ лучше толку?
Къ барашку примѣнить — невинность, зависть — къ Волку.

[6] .... что одинъ тамъ агнецъ воду пьетъ.
Увы! одинъ къ его несчастью, —
Защиты нѣтъ!

[7] Ягненокъ проблеялъ со трепетомъ и грустью.

XXI. ГОЛУБИ[1].

Стояла на дворѣ[а]
Господскомъ голубятня.
Не знаю я того, поутру ль на зарѣ,
Иль въ полдень, иль подъ вечеръ, вѣроятнѣй,
На ней
Станица голубей, —
Старье и молодые, —
Сидѣла на полку
И межъ собой ворку, ворку.
Такъ говорили пожилые:
Эй, дѣточки! летать поосторожнѣй вамъ
И съ разумомъ кружить небесъ подъ высотою[б],
Дабы несчастною какой порою

[а] Свѣтлица на дворѣ
Господскомъ съ голубятней
Стояла, или домъ, но только на зарѣ (Позднѣйш. ред.).
[б] ...подъ звѣздной высотою.

---

[1] Въ первоначальной черновой рукописи басня эта названа *Старые и молодые Голуби*. Въ ней выражается какъ вообще мысль Державина о несостоятельности молодыхъ дѣятелей, возвысившихся въ первые годы царствованія императора Александра I, такъ и въ особенности порицаніе распоряженій какихъ-то молодыхъ военачальниковъ. Послѣднее можетъ относиться къ Багратіону и Каменскому-сыну, которые, одинъ послѣ другаго, были главнокомандующими въ турецкую кампанію 1810 года, послѣ престарѣлаго Прозоровскаго. Багратіонъ, перейдя Дунай, безуспѣшно осаждалъ Силистрію, а потомъ былъ отбитъ турецкою арміей и принужденъ возвратиться въ Молдавію. Назначенный на мѣсто его Н. М. Каменскій, открывъ новый походъ блестящими дѣйствіями за Дунаемъ, вскорѣ однакожъ испыталъ такія же неудачи подъ Шумлою и Рущукомъ. Дѣлà черезъ нѣсколько времени поправились; но басня написана вѣроятно до полученія о томъ извѣстій.

Не быть всѣмъ жертвой вамъ
Какимъ бѣдамъ[в]. —
Старухи-бабы такъ, трусихи, разсуждаютъ,
Сказали молодцы;
Сказали, да и порхъ, взвились и залетѣли
За облачны концы.
Оттуда жъ глядь на низъ, — какъ точку весь узрѣли
Міръ подъ собой
И пуще прежняго вскружились головой.
Ну вотъ, сѣдая ветошь, посмотри,
На высотѣ они віясь, мечтаютъ;
Не всякій ли изъ насъ герой?
Не всѣ ли мы богатыри?
Сказали — и средь тучъ вдругъ какъ-то очутились.
Извѣстно, перышки немножко подмочились,
Поотягчали ихъ крыла;
А тутъ вдругъ мгла:
И громъ на нихъ и молньи заблистали,
И бури засвистали,
И распужали
Подъ солнцемъ голубковъ прекраснѣйшую рать,
А ястреба ихъ ну терзать.

На это что сказать?
Безъ стариковъ-вождей, да не узнавъ и броду,
Соваться въ воду[г],
И плохо по одной теорьи воевать.

[в] Орламъ и ястребамъ.
[г] Безъ опыта соваться въ воду,
Неловко по одной . . .

XXII. БОЙНИЦА И ВОДОПАДЪ[1].

Съ горъ страшный водопадъ лился, шумя, рѣкою;
Съ бойницы же ревѣлъ градъ ядръ, и огнь, и громъ,
Такъ что и съ твердою душою
Нельзя идти къ нимъ на проломъ.
Но воинамъ чрезъ нихъ пробраться было должно:
Въ военной службѣ нѣтъ *не можно!*
Чтожъ дѣлать, что начать?
На мѣстѣ не стоять,
Назадъ не отступать,
Чтобъ не прослыть трусами;
Сего не водится межъ русскими полками.
Но, къ счастью, вождь у нихъ старикъ ужъ былъ сѣдой,
Хоть не мудрецъ и не герой,
А самый человѣкъ простой,
Но только въ опытахъ весь вѣкъ проведшій свой.
Чего, ребята, вамъ бояться?
Онъ имъ съ усмѣшкою сказалъ

[1] Сохранилась въ двухъ черновыхъ редакціяхъ, и въ первоначальной озаглавлена: *Огнестрѣліе и водопадъ;* вмѣсто перваго слова предполагалось потомъ поставить: *Артиллерійскій паркъ.* Первая редакція, переписанная и въ тетрадь, гдѣ собраны басни, совершенно отличается отъ позднѣйшей и потому также сообщается здѣсь:

Свирѣпый водопадъ съ горы свергалъ водъ рѣки,
А тамъ со стѣнъ градскихъ изъ жерлъ огонь сверкалъ,
И словомъ, шумъ тамъ волнъ, здѣсь громъ всѣхъ ужасалъ,
Такъ что безъ трепета и бранны человѣки
Боялися на нихъ и издали смотрѣть,
Не токмо чтобы вблизь къ нимъ подойти посмѣть.
Но въ сторонѣ старикъ сѣдой,
Не трусъ и не герой,
А только опытный, прилежно въ нихъ всмотряся,
Сказалъ съ усмѣшкою: Ступайте, не боясь:

И батарею имъ и волнъ ревъ перстомъ показалъ:
Осмѣльтесь попытаться!
Подъ этотъ поднырнемъ.
Подъ эту подполземъ.
Вотъ такъ и сдѣлалось, — рѣшились:
Вода и огнь чрезъ нихъ перекатились.

Какой бы намъ извлечь изъ притчи сей совѣтъ? —
Умъ опытный лишь зритъ и отвращаетъ вредъ.

Лишь издали они
Ужасны кажутся, — не таковы вблизи;
Подъ этотъ на брюхѣ, подкравшись, подползи,
Подъ тотъ ты съ боку поднырни.
Итакъ, хотя они пожрать стремятся,
Но, вѣрьте, черезъ васъ перевалятся
И пламя и вода.

Не такъ ли и бѣда?
Когда подъ сильныхъ кровъ пронырствомъ кто подскочитъ,
Ни зной не жжетъ, ни дождь не мочитъ.

Эта мораль не понравилась, видно, самому автору и онъ впослѣдствіи далъ притчѣ совершенно другой оборотъ, примѣнивъ ее къ той же мысли, которую въ разныхъ формахъ выражаютъ и двѣ другія басни (XVII и XXI). По почерку послѣдней редакціи, напечатанной нами въ текстѣ, можно заключить, что она писана въ 1813 или даже 1814 году; первоначальная же, кажется, годами семью старѣе.

XXIII. ФИЛЬКА И МИХЕЙКО [1].

Михейко былъ кобель, огромный датскій, бурый,
А Филька бѣленькій, постельный мелкій песъ.

[1] Заимствуется изъ черноваго собственноручнаго подлинника на особомъ полулистѣ, на которомъ она написана вмѣстѣ съ слѣдующею баснею.

Такъ были созданы они натурой
Иль пусть хоть отъ небесъ;
Что нужды до того? — Но только такъ случилось,
Что Филькѣ вдругъ помстилось[2],
Какъ будто бы ему Михейко равный братъ:
Пошелъ съ нимъ въ рядъ
И за одну хотѣлъ забраться съ нимъ тарелку,
Сочтя въ бездѣлку
Или за стельку
Великаго Михейку.
На гривѣ у него шерсть дыбомъ поднялась;
Хвать Фильку поперекъ и въ челюстяхъ потрясъ,
На землю бросилъ чуть живаго:
Смотри, взревѣлъ, бѣднякъ! впередъ со мной ни слова!

Какой сей баснѣ толкъ?
Барашекъ Филька былъ, Михейко — волкъ.

[2] *Помститься*, обл., — показаться, почудиться.

XXIV. ВЕЛИКАНЪ, БАБА И ДИТЯ[1].

Шелъ великанъ, да баба, да дитя.
Тѣ гусемъ двое впереди,
А мальчикъ позади
Подѣтски шелъ, шутя,
И, по ребячеству не знавъ, что малъ былъ craномъ,
Что очень силой тощъ,

[1] Съ черноваго автографа. Вѣроятно, и здѣсь кроется какой-нибудь намекъ, но мы не имѣемъ средствъ опредѣлить, въ чемъ онъ заключался.

Вдругъ не за бабой, а за великаномъ
Бѣжать во всю пустился мочь.
Бѣжалъ и, по цѣлку[2], съ протоптанной дороги
Сорвавшись, увязилъ въ снѣгъ по колѣни ноги.
Не могши новаго пути себѣ открыть, —
Что дѣлать? — сталъ онъ въ пень, сталъ горьки слезы лить
И проклинать свои ребячески затѣи.
Но басни дали сей такой смыслъ грамотѣи:
Когда бъ за бабой, а не за гайдукомъ шелъ,
Мальчишка бъ брелъ да брелъ. . . .

[2] *По цѣлку*, или *цѣлкомъ*, обл., по мѣсту, гдѣ нѣтъ проложенной дороги.

Державинъ оставилъ въ рукописи еще одну басню: *Великаны и Карлы*; она написана на особомъ полулистѣ, но такъ поспѣшно и нечетко, что въ ней кромѣ заглавія почти ничего нельзя разобрать.

О приписанной Державину баснѣ *Сильная рука владыка* см. общее примѣчаніе къ слѣдующему за симъ отдѣлу.

СТИХИ,

ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ДЕРЖАВИНУ.

Примѣчаніе.

Державинъ не избѣгъ того, что̀ бываетъ съ большею частью знаменитыхъ поэтовъ: ему и при жизни, и по смерти его приписывали много стиховъ, въ сочиненіи которыхъ онъ не имѣлъ никакого участія. Мы получили отъ разныхъ лицъ нѣсколько рукописныхъ стихотвореній, подписанныхъ его именемъ, но не носящихъ на себѣ никакихъ признаковъ такого происхожденія или, вѣрнѣе, очевидно не принадлежащихъ перу его; поэтому, какъ само собою разумѣется, мы не могли включить ихъ въ настоящій отдѣлъ нашего изданія. Одно изъ нихъ, которое имѣетъ характеръ пасквиля и въ которомъ Державинъ представляется говорящимъ отъ своего лица, будетъ напечатано нами впослѣдствіи, въ разрядѣ направленныхъ противъ него сочиненій этого рода.

Другіе стихи, пущенные въ ходъ съ его именемъ, но безъ достаточныхъ на то доказательствъ, появились уже прежде въ печати. Въ позднѣйшихъ Смирдинскихъ изданіяхъ сочиненій Державина напечатаны между прочимъ, какъ принадлежащія ему, три стихотворенія, которыхъ не было въ прежнихъ его изданіяхъ, именно: *Человѣкъ*, *Дежурство* и *Слѣпой случай*.

Изъ нихъ мы принимаемъ въ свое изданіе только вторую пьесу, потому что не имѣемъ положительныхъ данныхъ для опроверженія слуха, распространившагося еще между современниками нашего поэта, будто она написана имъ. Сами мы совершенно убѣждены въ несправедливости этого слуха: къ основаніямъ, излагаемымъ нами въ примѣчаніи подъ *Дежурствомъ*, присоединяется еще то, что этой довольно большой пьесы нѣтъ въ рукописяхъ Державина; въ нихъ не сохранилось ни малѣйшаго слѣда ея, тогда какъ почти всѣ даже самыя мелкія произведенія его встрѣчаются въ оставленныхъ имъ бумагахъ, по крайней мѣрѣ въ одномъ, если не въ двухъ или нѣсколькихъ спискахъ, по крайней мѣрѣ въ отрывкахъ, если не въ цѣльномъ видѣ. Въ самомъ дѣлѣ невѣроятно, чтобы стихотворенія, обратившаго на себя вниманіе современниковъ, онъ вовсе не занесъ въ свои тетради, еслибъ оно принадлежало ему; невѣроятно, чтобы оно не сохранилось хоть вчернѣ, тогда какъ уцѣлѣло такое множество черновыхъ подлинниковъ другихъ, гораздо меньшихъ или даже неконченныхъ трудовъ его.

Поэтому сомнительно также, чтобы печатаемые нами въ настоящемъ отдѣлѣ стихи *Къ Павлину* и *На Радищева* были написаны Державинымъ. Въ отношеніи къ эпиграммѣ на Радищева высказанный сейчасъ доводъ не имѣетъ однакоже полной силы, такъ какъ можно допустить, что если авторъ *Путешествія въ Москву* согласно съ преданіемъ дѣйствительно поднесъ эту книгу знаменитому поэту, то послѣдній могъ написать стихи на

присланномъ ему экземплярѣ и не внести ихъ потомъ въ свои тетради. Такъ было съ надписями *Автору Сувороиды* и *Станевичу*, которыя сохранились единственно на книжкахъ, доставленныхъ Державину сочинителями (см. выше стр. 361 и 435). Противъ принадлежности ему эпиграммы на Радищева сильнѣе говоритъ внѣшній характеръ стиха ея, на что будетъ указано ниже, въ своемъ мѣстѣ.

Что касается до *Резолюціи на просьбу протопопа*, то мы печатаемъ ее только въ виду весьма распространившейся при жизни поэта молвы объ этихъ двухъ стихахъ и просьбѣ, будто бы подавшей къ нимъ поводъ.

Но почему же исключили мы два изъ стихотвореній, напечатанныхъ Смирдинымъ въ собраніи сочиненій Державина?

При одномъ, озаглавленномъ: *Слѣпой случай*, мы находимъ въ Смирдинскомъ изданіи слѣдующее примѣчаніе: «Напечатано въ *Русской Бесѣдѣ*, томъ II*, подъ именемъ сочиненія Державина; но намъ извѣстно что это стихотвореніе — сочиненіе не Державина, а Николая Сергѣевича Арцыбашева, написанное въ 1805 году. Здѣсь же помѣщается *для того, что уже было напечатано подъ именемъ Державина*». О странности такой причины и о томъ, что мы не можемъ признать ея для себя обязательною, распространяться нечего.

Ода *Человѣкъ* перешла въ Смирдинское изданіе изъ *Одесскаго Альманаха* на 1831 годъ, гдѣ она была напечатана при слѣдующемъ примѣчаніи: «Покойный П. И. Р., нѣсколько времени находившійся при Державинѣ, въ бумагахъ своихъ имѣлъ много стихотвореній знаменитаго пѣснопѣвца нашего въ рукописяхъ; тамъ были всѣмъ извѣстныя оды: *На развалины Пальмиры* **, *На смерть князя Мещерскаго*, *Переходъ черезъ Альпійскія горы*, и между прочимъ нигдѣ еще, кажется, не напечатанная ода *Человѣкъ*, — всѣ подписанныя собственною рукою Державина. Сіи рукописи принадлежатъ теперь одному изъ издателей *Одесскаго Альманаха* ***, который счастливымъ себя почитаетъ украсить оный вдохновенными звуками сѣвернаго Пиндара».

По поводу этой находки явилась въ *Московскомъ Телеграфѣ* за іюль 1831 года, въ отдѣлѣ *Русская Литература* (ч. XL, стр. 103), слѣдующая замѣтка: «... обратимъ вниманіе читателей на любопытное стихотвореніе, находящееся въ *Одесскомъ Альманахѣ* — отрывокъ оды Державина, подъ названіемъ: *Человѣкъ*. Кто станетъ писать о великомъ поэтѣ Сѣвера,

* Читай: томъ I (Спб. 1841), гдѣ къ стихотворенію *Слѣпой случай* присоединено еще примѣчаніе: «Эта превосходная, до сихъ поръ не напечатанная ода великаго нашего Державина, — едва ли не лучшая изъ всѣхъ его одъ послѣ оды *Богъ*, — найдена въ фамильныхъ бумагахъ князей Кропоткиныхъ и сообщена для помѣщенія въ *Русскую Бесѣду* княземъ Д. А. Кропоткинымъ. *Изд. Маяка*».

** Мы этой оды не знаемъ.

*** П. Морозовъ и М. Розбергъ.

тотъ долженъ разсмотрѣть сей небольшой отрывокъ внимательнѣе. Въ этомъ, нигдѣ донынѣ не напечатанномъ отрывкѣ, написанномъ въ бытность Державина въ Тамбовѣ, не должно искать тѣхъ вдохновенныхъ звуковъ, коими гремѣла потомъ лира сѣвернаго барда. Нѣтъ! здѣсь Державинъ еще робкій ученикъ Ломоносова; въ самомъ порядкѣ стиховъ онъ подражаетъ одной изъ пьесъ Ломоносова (преложеніе изъ Іова). Но уже виденъ собственный полетъ Державина: еще не сознавшій себя, геній его уже чувствуетъ свою силу. Видно, что мысль оды Богъ зрѣла уже тогда въ умѣ Державина. Онъ написалъ оду *Человѣкъ* и, вѣроятно, былъ ею недоволенъ, а потому оставилъ ее; но мысли, даже выраженія изъ сей оды можемъ найти въ послѣдовавшихъ за тѣмъ твореніяхъ Державина. Такъ, напримѣръ, въ стихахъ:

«Ты строишь, рушишь, созидаешь,
Какъ Богъ, всемощною рукой,
Міры десницей потрясаешь,
Громами правишь, тишиной;
Ты мыслью бездны проникаешь,
Ты персть — и съ перстью истлѣваешь,
Паришь подъ землю, къ солнцу, въ адъ;
Ты прахъ, ты мощный Энкеладъ!»

«замѣчаете-ли основную мысль превосходной строфы:

«Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я царь, я рабъ, я червь, я Богъ!»

«Другіе стихи изъ оды *Человѣкъ* найдемъ въ *Видѣніи Фелицы* (?!). Но главное, — ода *Человѣкъ* была явнымъ зерномъ, изъ коего возрасла потомъ идея оды *Богъ*. Ода *Человѣкъ* была написана Державинымъ въ 1785-мъ, а ода *Богъ* не прежде 1793 * года, слѣдственно, нѣсколько лѣтъ зрѣла мысль объ ней. Державинъ сказывалъ, что онъ написалъ оду *Богъ* въ нѣсколько часовъ восторга **; вѣримъ, но онъ самъ не понималъ, что въ эти часы восторга слились у него идеи и неясные звуки многихъ годовъ прежней его жизни. Поэтъ есть психологическая задача. Благодаримъ гг. издателей *Одесскаго Альманаха* за доставленіе нѣсколькихъ *данныхъ* къ рѣшенію задачи, которую, на обыкновенномъ языкѣ человѣческомъ, означаемъ мы словомъ: *Державинъ*».

* Это показаніе ни на чемъ не основано: ода *Богъ* была уже напечатана въ 1784 г. (см. Томъ I, стр. 189). Вообще вся эта тирада можетъ служить любопытнымъ образчикомъ того, чѣмъ во всѣ времена бываетъ иногда журнальная критика. Интересно бы знать, по какимъ соображеніямъ ода *Человѣкъ* отнесена здѣсь ко времени, когда Державинъ былъ тамбовскимъ губернаторомъ.

** Державинъ сказалъ совсѣмъ другое, а именно, что онъ цѣлыхъ четыре года (1780—1784) не могъ совладать съ одою *Богъ*.

Всѣ эти глубокомысленныя соображенія становятся очень забавными при ближайшемъ изслѣдованіи дѣла.

Просматривая журналы 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, мы нашли эту самую оду въ *С-петербургскомъ Меркуріи*, который издавали знаменитый впослѣдствіи Крыловъ и извѣстный драматическій писатель Александръ Ивановичъ Клушинъ *. Она напечатана въ апрѣльской книжкѣ этого журнала за 1793 годъ (стр. 3 — 10) съ подписью *А—ъ Кл—ъ*, означающею очевидно втораго издателя, и состоитъ здѣсь изъ 14-и строфъ, тогда какъ въ *Одесскомъ Альманахѣ* и Смирдинскомъ изданіи Державина стихотвореніе это прерывается въ серединѣ 7-й строфы и тѣмъ оканчивается. Такимъ образомъ ода *Человѣкъ* есть не сочиненіе Державина, а только подражаніе ему и не имѣетъ никакого права на мѣсто между его произведеніями.

Другой подобный случай представляетъ басня *Сильная рука владыка*, напечатанная въ 1860 году подъ именемъ Державина. Она была помѣщена въ № 47 московскаго изданія *Развлеченіе* за этотъ годъ при письмѣ г-на А. Зиновьева, подробно изложившаго тутъ основанія своей увѣренности, что басня эта написана Державинымъ. Противное тому наше убѣжденіе вполнѣ подтвердилось, когда мы въ 1862 году познакомились въ библіотекѣ казанскаго университета съ рукописнымъ сборникомъ сатирическихъ стихотвореній, въ которомъ находится и эта басня съ полною подписью имени ея автора: *Николай Эминъ*. Мы слышали уже прежде, что этотъ писатель, котораго имя неразъ встрѣчается въ нашемъ изданіи, сочинилъ на Державина пасквиль, получившій нѣкоторую гласность еще при жизни обоихъ: въ названной баснѣ мы и узнали этотъ пасквиль, въ чемъ не можетъ быть никакого сомнѣнія для того, кому извѣстны существовавшія между обоими писателями отношенія. Эминъ, какъ видно изъ *Записокъ* Державина, служилъ при немъ въ Петрозаводскѣ, но имѣлъ по этой должности какія-то непріятности и вслѣдствіе того былъ переведенъ на другое мѣсто. Это происходило въ 1785 году, что совершенно согласно съ стихомъ басни, въ которомъ Овечка говоритъ, жалуясь Льву, т. е. Екатеринѣ II:

«Ужъ двадцать три года ты льешь на насъ щедроты.»

Овечка и есть самъ Эминъ, Державина же онъ разумѣетъ подъ именемъ Волка.

Слѣдовательно, этой басни мы также не могли принять въ отдѣлъ приписываемыхъ Державину сочиненій. Она найдетъ мѣсто при біографіи поэта, между сочиненными на него пасквилями.

* Очеркъ біографіи Клушина, записанный нами съ словъ сына его, см. въ *Запискахъ Ак. Наукъ*, т. II, стр. 9.

СТИХИ,

ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ДЕРЖАВИНУ.

I. КЪ ПАВЛИНУ [1].

Всѣ пышность, глупость почитаютъ,
И всѣ ее боготворятъ ....
Въ павлинахъ гордость осмѣхаютъ —
И быть павлинами хотятъ.
Драгихъ алмазовъ подъ лучами,
Подъ золотомъ и подъ вѣнцами
Великъ — и малый человѣкъ;
Безъ гордой же сея порфиры
Всѣ дарованья въ мірѣ сиры.
Раймира! — правду ль я изрекъ?

[1] Изъ сборника русскихъ стихотвореній прошлаго столѣтія, гдѣ эта пьеса, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими (см. выше стр. 350, 380 и 507), подписана именемъ Державина. Доставлена намъ А. Ѳ. Бычковымъ. Время ея сочиненія не извѣстно. — Ср. пьесу *Павлинъ*, Томъ I, стр. 697.

II. НА РАДИЩЕВА [1].

1790.

Ѣзда твоя въ Москву со истиною сходна,
Не кстати лишь смѣла, дерзка и сумасбродна;
Я слышу, на коней ямщикъ кричитъ: вирь, вирь!
Знать, русскій Мирабо, поѣхалъ ты въ Сибирь.

[1] Дѣло идетъ о книгѣ Радищева (род. 1749 г., ум. 1802) *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, появившейся въ Петербургѣ лѣтомъ 1790 года

и напечатанной, по собственному его показанію, въ домашней его типографіи. Извѣстно, что она содержала осужденіе существовавшаго въ Россіи порядка вещей, особенно крѣпостнаго права, была отобрана и истреблена по повелѣнію государыни, а авторъ ея преданъ суду и сосланъ въ Сибирь, откуда возвращенъ уже императоромъ Павломъ съ позволеніемъ жить въ деревнѣ. При изданіи своей книги онъ служилъ въ коммерцъ-коллегіи подъ главнымъ начальствомъ графа Александра Романовича Воронцова и пользовался особеннымъ его покровительствомъ (Memoirs of the princess Dashkaw, т. I, стр. 358). Императоръ Александръ I, по вступленіи на престолъ, опредѣлилъ его членомъ коммиссіи составленія законовъ; но вскорѣ послѣ того онъ въ припадкѣ ипохондріи отравилъ себя. Главный матеріалъ для его біографіи, статья г. Корсунова, *А. Н. Радищевъ*, написанная по разсказамъ сына покойнаго, съ *Приложеніемъ* П. А. Радищева и примѣчаніями М. Н. Лонгинова, — въ *Русск. Вѣстникѣ* 1858 г., № 23. Сверхъ исчисленныхъ тамъ статей о томъ же лицѣ см. въ *Библіогр. Зап.* 1858 г., № 23, сообщенныя княземъ Н. Голицынымъ *Современныя извѣстія о Радищевѣ;* также нашу замѣтку въ *Извѣст. Отд. р. яз. и сл.*, т. IX, вып. 3, о русскихъ товарищахъ Радищева въ лейпцигскомъ университетѣ.

Подобно большей части современниковъ Державина, Радищевъ питалъ глубокое уваженіе къ пѣвцу Фелицы (см. Томъ I, стр. 132).

Въ письмѣ Каменева (род. 1772, ум. 1803) къ Москотильникову отъ 14 іюня 1802 года, изъ Москвы, находится слѣдующее мѣсто: «Скоро отправлюсь я въ резиденцію царя добраго; хотя въ ней и нѣтъ его, но я вижу радость столицы при возвращеніи его. Поѣду по тѣмъ станціямъ, гдѣ идеально блуждалъ Р..... (*Радищевъ*) и мечталъ перомъ своимъ, въ желчи обмокнутымъ, давать уроки властямъ. Сказываютъ, что сочинитель *Водопада* надписалъ еще на манускриптѣ его *Путешествія*».... За этимъ приведены напечатанные въ текстѣ нашемъ стихи (см. въ изданномъ гр. Соллогубомъ 1845 г. сборникѣ *Вчера и Сегодня*, кн. I. статью г. Второва *Г. П. Каменевъ*, стр. 63).

Очевидно, что Каменевъ зналъ эти стихи наизусть и что молва приписывала ихъ Державину; но какъ могъ поэтъ написать ихъ на *манускриптѣ* книги Радищева, который до напечатанія ея конечно никому не сообщалъ своего *Путешествія?* Преданіе подтверждаетъ однакожъ, что Р., по изданіи книги, отправилъ экземпляръ ея, въ числѣ другихъ лицъ, къ Державину. Слухъ о томъ дошелъ и до Пушкина (см. его статью: *Александръ Радищевъ* въ изданіи г. Анненкова, т. VII, стр. 54). Сынъ Радищева въ *Русск. Вѣстникѣ* прибавляетъ, что Державинъ поднесъ императрицѣ присланный ему экземпляръ, отмѣтивъ карандашемъ всѣ важнѣйшія мѣста. «Это разсказывалъ,» прибавляетъ онъ, «самъ Радищевъ». *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву* появилось, какъ видно изъ Записокъ

Храповицкаго, въ іюнѣ 1790 года. Тогда Державинъ еще не служилъ при императрицѣ; еслибъ онъ поднесъ ей свой экземпляръ книги Радищева, то конечно это сдѣлалось бы не иначе какъ при посредствѣ или, по крайней мѣрѣ, съ вѣдома Храповицкаго, который не преминулъ бы упомянуть о томъ въ своихъ Запискахъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ друженъ съ Радищевымъ (см. статью *Русск. Вѣстн.*, стр. 403). Притомъ экземпляръ этотъ былъ бы переданъ въ эрмитажную библіотеку и оказался бы въ ней вмѣстѣ со многими другими поднесенными императрицѣ книгами, которыя, какъ и вообще эрмитажная библіотека, поступили недавно въ здѣшнюю публичную библіотеку; но такого экземпляра сочиненія Радищева не отыскалось. Преданіе остается сомнительнымъ: тутъ и собственное свидѣтельство Радищева, вскорѣ по выходѣ книги арестованнаго и сосланнаго, не можетъ служить полнымъ доказательствомъ справедливости факта, основаннаго только на слухѣ. Такъ же точно и для рѣшенія вопроса, кто авторъ эпиграммы на Радищева, мы не имѣемъ ничего, кромѣ преданія, записаннаго Каменевымъ. Въ складѣ стиховъ не видно ни одной изъ собственно Державинскихъ особенностей. Невѣроятно, чтобы Державинъ такъ рѣзко возсталъ противъ гр. Воронцова, которому онъ былъ обязанъ и который, какъ не могло не быть ему извѣстнымъ, поддерживалъ Радищева. Единственной опорой преданію остается только то, что Державинъ, по своему образу мыслей, могъ быть авторомъ этого четырестишія.

III. РЕЗОЛЮЦІЯ НА ПРОСЬБУ ПРОТОПОПА [1].

1803.

Цареву волю вѣсте [a]:
Велѣлъ васъ посадить на протопопскомъ мѣстѣ.

[a] Царево повелѣнье вѣсте.

[1] Эту резолюцію, какъ увѣряетъ преданіе, объявилъ Державинъ, въ званіи министра, на слѣдующее всеподданнѣйшее прошеніе:

«Премудрый Александръ, Россіи государь!
Прости, что предъ тобой пищать дерзнулъ комаръ.
Самодержавія тебѣ дана власть свыше:

Всесильный! поступать вели со мной потише [а].
Я — протопопъ, ношу тобой мнѣ данный крестъ [б],
Но такъ умаленъ, какъ въ рукахъ мизинный перстъ.
Отъ восмисотаго до нынѣшняго года
По сану моему не вижу я прихода [в].
Синодъ повелѣвалъ и дважды я просилъ, —
Владыка не давалъ [г] — прости, нѣтъ больше силъ;
И дать мнѣ мѣсто вновь синодъ повелѣваетъ,
Но архипастырь мой сего не исполняетъ.
И тако повели, всемилостивый царь [д],
Меня, презрѣнную отъ нашей власти тварь,
Возставить, посадить на протопопскомъ мѣстѣ.
Или же въ пенсіонъ мнѣ дать рублей хоть двѣстѣ.
Тогда жена моя и четверо дѣтей,
Пришедъ со мною въ храмъ, произнесутъ гласъ сей:
«Да будетъ Александръ, его Елисавета —
Надъ нами царствовать счастливо многи лѣта [е]!»

[а] ... надъ мною тише.
[б] ... тобою данный крестъ.
[в] По сану моему не получалъ прихода.
[г] Архіерей не далъ.
[д] ... Всеавгустѣйшій царь.
[е] ... царствовать премноги лѣта.

Ни резолюціи, ни просьбы нѣтъ въ рукописяхъ поэта; но онѣ въ свое время такъ распространились въ публикѣ, что мы получили современные дѣлу списки ихъ отъ трехъ разныхъ лицъ: отъ Г. Н. Геннади, отъ М. П. Петровскаго и отъ М. Н. Меншикова. Всѣ три списка почти совершенно сходны между собою и согласны въ томъ, что просьба подана протопопомъ черниговской губерніи; но имя его написано различно: въ одномъ спискѣ *Колебелецкой*, въ другомъ *Конебевскій*, въ третьемъ *Корабленкій*. Въ тогдашнихъ *Мѣсяцословахъ* мы не нашли подобнаго имени. Въ одномъ спискѣ прошеніе помѣчено 4-мъ, въ другомъ 7-мъ мая 1803 года; въ третьемъ нѣтъ никакого числа. Резолюція во всѣхъ трехъ подписана именемъ Державина. Преданіе не объясняетъ, почему высочайшая воля была объявлена духовному лицу чрезъ министра юстиціи.

Вѣсте неправильно употреблено здѣсь въ значеніи повелительнаго; это 2-е лицо множ. ч. наст. вр. изъяв. наклоненія. Въ повелительномъ должно бы быть: *вѣдите* (См. *Словоуказатель* Востокова при Остром. ев. Спб. 1843).

IV. ДЕЖУРСТВО [1].

1803.

Солнце красно закатилось, 1.
Сумракъ скучный наступилъ;

[1] Напечатано въ первый разъ въ *Сынъ Отечества* за мартъ 1843 года (Отд. III, стр. 1) съ такимъ примѣчаніемъ отъ редакціи: «Стихотвореніе это сообщено намъ почтеннымъ старцемъ Ѳ. А. Э., который въ 1803 году служилъ подъ начальствомъ Державина. Этого стихотворенія нѣтъ въ полныхъ его сочиненіяхъ. Сколько намъ извѣстно, оно еще нигдѣ не было напечатано». Послѣ того оно было помѣщено въ Смирдинскихъ изданіяхъ нашего поэта.

Кого могутъ означать буквы Ѳ. А. Э.? не Ѳедора же Александровича Эмина, извѣстнаго романиста, ум. еще въ 1770 году; сынъ его Николай Ѳедоровичъ Эминъ нѣкогда служилъ, въ Петрозаводскѣ, подъ начальствомъ Державина, но въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ губернаторомъ въ Выборгѣ; онъ умеръ въ 1814 г. (см. Томъ II, стр. 232, и выше стр. 369 и 578). Въ *Мѣсяцословѣ* мы не нашли между подчиненными Державина лица, котораго имя начиналось бы означенными буквами.

Такимъ образомъ намъ остается неизвѣстнымъ, кто отдалъ эту пьесу въ печать съ именемъ нашего поэта. Рѣшительно признать ее за его сочиненіе не позволяютъ ни складъ ея, ни размѣръ стиховъ, котораго онъ никогда не употреблялъ для сюжетовъ этого рода, ни наконецъ внутренняя основа пьесы, помѣченной 1803-мъ годомъ. Поэтъ, занимающій или, пожалуй, покидающій мѣсто министра, представляетъ себя на дежурствѣ: не совсѣмъ правдоподобно, чтобы ему пришла такая мысль по прошествіи болѣе четверти столѣтія съ тѣхъ поръ, какъ онъ, бывши сенатскимъ экзекуторомъ, могъ исполнять обязанность дежурства. Поэтому не вѣроятнѣе ли, что стихи эти были кѣмъ-нибудь пущены въ ходъ, въ 1803 г., безъ имени автора и приписаны Державину? Какъ бы ни было, они прослыли за его сочиненіе. Мы получили ихъ также въ довольно старой рукописи отъ Г. Н. Геннади, впрочемъ безъ всякой подписи; въ этомъ спискѣ нѣсколько другая редакція, отступающая отъ напечатаннаго текста и тѣмъ, что въ ней — осмистрочные куплеты; главныя изъ ея отличій въ отдѣльныхъ стихахъ представляемъ мы въ варіантахъ.

Что пьеса *Дежурство* съ самаго появленія своего, при жизни Державина, была приписана ему и разошлась по рукамъ, доказывается отвѣтомъ на нее, который тогда же былъ кѣмъ-то написанъ подъ заглавіемъ *Къ Дежурщику*. Помѣщаемъ въ приложеніи этотъ любопытный пасквиль по списку, доставленному намъ М. П. Полуденскимъ.

Стужа съ вечеромъ явилась,
Сторожъ печи затопилъ.

Мнѣ въ то время показалось, 2.
Что природа спать легла;
Здѣсь спокойство водворялось;
Мысль моя судить могла.

Сѣвъ на стулѣ я, у печи, 3.
Пристально въ нее глядѣлъ;
Не съ кѣмъ мнѣ промолвить рѣчи:
Голову склоня, сидѣлъ.

Я смотрѣлъ, какъ угольками 4.
Тамъ огонь перебиралъ;
Гдѣ потухнетъ, гдѣ мѣстами
Лучъ златой еще игралъ.

Между тѣмъ вѣтръ заключенный 5.
Пѣснь плачевну воспѣвалъ;
Теноръ томный, сокрушенный
Мысль со страхомъ мнѣ вливалъ:

Точно такъ мы потемнѣемъ, 6.
Какъ сей черный уголекъ;
Нынѣ — блескъ въ себѣ имѣемъ,
Тамъ — затмитъ насъ страшный рокъ.

Быстро уголь [a] истлѣваетъ, 7.
Быстро блескъ его пройдетъ:
Такъ и съ смертнымъ здѣсь бываетъ:
Онъ живетъ — и пропадетъ.

Такъ почто здѣсь суетиться [б]? 8.
Счастіемъ почто блистать?

[a] Иной уголь . . .
Другой блескъ въ себя беретъ (Рукопись).
[б] Такъ почто жъ намъ суетиться?

Здѣсь намъ[в] вѣчно не нажиться,
А какъ уголь истлѣвать.

Но мы счастьемъ ослѣпленны 9.
И не помнимъ жребій свой, —
Взоры къ злату обращенны,
Когда смерть ужъ за спиной!

Что намъ въ золотѣ съ чинами? 10.
Многаго на что желать? —
И покрытаго крестами
Будетъ въ гробѣ червь терзать!

Все увянетъ, все истлѣетъ: 11.
Слава, блескъ — во мракъ сойдетъ[г],
Въ мірѣ все конецъ имѣетъ
И исчезнетъ въ свой чередъ[д].

Я считалъ дежурство вѣкомъ, 12.
Но вотъ скоро и пройдетъ[е];
Такъ и въ свѣтѣ съ человѣкомъ:
Отдежуритъ — и уйдетъ!

[в] Намъ вѣдь вѣчно не нажиться.
[г] И злодѣй во мракъ пойдетъ.
[д] И въ чреду свою падетъ.
[е] .... и минетъ.

Приложеніе.

КЪ ДЕЖУРЩИКУ.

(Написано неизвѣстнымъ въ отвѣтъ на *Дежурство*).

Поздно, поздно ужъ, Дежурщикъ,
Пѣсню скромную запѣлъ:
Подъ вечеръ въ тебѣ, не въ полдни,
Жаръ къ мечтамъ охолодѣлъ.
Къ злату, къ почестямъ презрѣнье

Ты тогда ужъ показалъ,
Когда съ почести высокой
Внизъ презрѣнія упалъ.
Есть черта всему, — ты учишь:
Все истлѣетъ и падетъ;
Только дѣлъ великихъ слава
Не погибнетъ, не умретъ.
Если руки твои чисты,
Если честно ты служилъ, —
Отчего жъ ты такъ уныло
Къ печкѣ голову склонилъ?
Знаю, скорбь твоя велика:
Смерть стоитъ ужъ за спиной!
Смерть, — и съ ней молва крылата
Съ приговоромъ надъ тобой, —
Слушай, — свѣту громко скажетъ:
Онъ великій былъ поэтъ,
Добродѣтели прославилъ,
Далъ имъ яркій блескъ и свѣтъ;
Но, къ несчастью, былъ пристрастенъ
И, чрезъ чуръ хваля живыхъ,
Мерзко поносилъ по смерти
Тѣхъ же идоловъ своихъ [1];
Черный духъ неблагодарный
Тѣмъ сильнѣе къ нимъ явилъ,
Чѣмъ скорѣе ихъ щедроты
Подло, гнусно позабылъ;
Былъ упрямъ, жестокъ и мраченъ,
Какъ друидъ, понтифексъ, магъ,
И столь гордъ, что мнилъ быть вѣченъ,
Одинъ сдѣлавъ только шагъ.
Смерть желанью угодила:
Въ сумракъ вѣчности ввела,
Но безсмертія лучами
Оградить не возмогла.

[1] Это несправедливо: такъ напримѣръ, своего начальника Бибикова Державинъ воспѣлъ только тогда, когда лишился его; Потемкину онъ принесъ полную дань уваженія только по смерти его въ *Водопадѣ*; Екатерину II, И. И. Шувалова, Л. А. Нарышкина онъ хвалилъ въ стихахъ, написанныхъ послѣ ихъ кончины, не менѣе какъ и при жизни ихъ; бывшимъ гонителямъ своимъ, князю Вяземскому и П. И. Панину, написалъ онъ, когда ихъ не стало, хвалебныя эпитафіи.

ОБЪЯСНЕНІЯ ДЕРЖАВИНА

НА ЕГО СОЧИНЕНІЯ.

Примѣчаніе.

Еще въ предисловіи къ изданію своихъ сочиненій въ 1808 году Державинъ говорилъ, что онъ впослѣдствіи снабдитъ ихъ «примѣчаніями, какъ на тѣ мѣста, кои иносказательны, такъ и на тѣ собственныя имена, кои мнѣ одному извѣстны, и изъ скромности, чтобъ не сочтено было о нихъ сказанное грубымъ ласкательствомъ или моимъ самохвальствомъ, объявлены не были. Со временемъ я или кто другой по мнѣ объяснятъ какъ ихъ, такъ и тѣ реченія, которыя въ скрытомъ смыслѣ употреблены и заключаютъ въ себѣ двойное знаменованіе; а равно и случаи, для которыхъ что писано и что къ кому относится». Въ такомъ же смыслѣ онъ въ 1815 году писалъ къ Мерзлякову: «Всѣ примѣчатели и разбиратели моей поэзіи, безъ особыхъ замѣчаніевъ, оставленныхъ мною на случай смерти моей, будутъ судить не впопадъ» (см. Томъ I, стр. 652) *.

Мысль о подобныхъ объясненіяхъ давно занимала нашего поэта. Къ развитію ея могъ способствовать, кромѣ собственнаго его убѣжденія, и примѣръ нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей. Съ комментаріемъ издалъ свои сочиненія между прочими (въ 1757 г., въ Гамбургѣ) нѣмецкій поэтъ Гагедорнъ, котораго читалъ Державинъ; Гагедорнъ же въ этомъ случаѣ слѣдовалъ, какъ самъ онъ сознается, примѣру Фридриха Великаго.

Державинъ справедливо находилъ, что къ его стихамъ объясненія особенно нужны, и потому-то онъ постоянно заботился о нихъ. Первымъ шагомъ къ осуществленію этой идеи было составленіе Остолоповымъ **, служившимъ подъ его начальствомъ, *Ключа къ сочиненіямъ Державина.* Такъ какъ позднѣйшія стихотворенія, здѣсь объясненныя, писаны въ 1804 году, то слѣдуетъ, что къ этому же времени относится окончаніе книжки Остолопова. Въ предисловіи комментаторъ говоритъ, что онъ собиралъ объясненія подъ руководствомъ самого поэта, который такимъ образомъ принималъ участіе въ этомъ трудѣ.

Но *Ключъ* оставался неизданнымъ до 1821 г. (см. нашъ Томъ I, стр. XXXIX). Вѣроятно, уже имѣя его въ рукописи, Державинъ на другой годъ послѣ изданія своихъ сочиненій, приступилъ къ составленію новыхъ объясненій. Проводя по обыкновенію лѣто 1809 года на Званкѣ, онъ сталъ диктовать ихъ своей въ то время двадцатилѣтней племянницѣ, жившей съ сестрами въ домѣ его, Елисаветѣ Николаевнѣ Львовой (род. 1788 г., ум. 1864). Эта работа продолжалась и въ слѣдующее лѣто, и

* Ср. въ перепискѣ Державина письмо его къ П. А. Гасвицкому отъ 29 іюля 1807 года.

** Николай Өедоровичъ Остолоповъ род. 1782, ум. 1833 г. (*Хронол. спис. русск. сочинителей*).

такимъ образомъ составилось нѣсколько тетрадей въ листъ изъ синей, довольно грубой бумаги, писанныхъ по большей части однимъ и тѣмъ же, четкимъ и твердымъ женскимъ почеркомъ. Въ послѣднихъ тетрадяхъ онъ иногда смѣняется рукою жившаго также у Державиныхъ Семена Васильевича Капниста. При такомъ способѣ происхожденія рукописи *Объясненій*, въ нее естественно должны были вкрасться разныя невѣрности, состоящія частію въ неразслышанныхъ словахъ и числахъ, частью въ неточныхъ показаніяхъ самого поэта, который обыкновенно диктовалъ свои примѣчанія на память, не справляясь съ источниками. Такъ напримѣръ, онъ нерѣдко ошибается въ указаніи журналовъ, гдѣ въ первый разъ появилось то или другое изъ его сочиненій; иногда же память измѣняетъ ему въ опредѣленіи годовъ, къ которымъ они относятся. Всѣ библіографическіе промахи *Объясненій* уже исправлены въ нашихъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ; хронологическіе также устранялись нами по мѣрѣ возможности. Такія невѣрности будутъ указаны, но безъ повторенія поправокъ, и подъ текстомъ *Объясненій*, въ выноскахъ. Не смотря на подобныя обмолвки, *Объясненія* Державина составляютъ важный и отчасти весьма любопытный матеріалъ какъ для исторіи литературы его времени, такъ и для точнѣйшей характеристики самого поэта. Касаясь литературной стороны дѣятельности Державина, они существенно дополняютъ его *Записки*, обнимающія почти исключительно его служебныя отношенія. Нѣкоторыя обстоятельства изложены и въ *Запискахъ* и въ *Объясненіяхъ*: въ такихъ случаяхъ одинъ источникъ можетъ служить для повѣрки другаго. Впослѣдствіи, при печатаніи *Записокъ*, мы снабдимъ ихъ точными ссылками на параллельныя мѣста *Объясненій*, при которыхъ также помѣстимъ теперь краткія указанія на *Записки*.

О существованіи этихъ *Объясненій* было давно заявлено въ литературѣ. Первый упомянулъ о нихъ князь П. А. Вяземскій въ извѣстной статьѣ своей о Державинѣ, написанной вскорѣ послѣ смерти знаменитаго поэта (*Сынъ Отеч.* ч. 32, № XXXVIII, и *Вѣстн. Евр.* ч. LXXXVIII, № 15). Потомъ объ *Объясненіяхъ* Державина говорилъ печатно В. Н. Каразинъ * въ статьѣ объ одѣ *Богъ* (*Соревн.* 1820, ч. IX, стр. 212). По замѣчанію его, эти «въ величайшей простотѣ начертанныя записки будутъ весьма драгоцѣнны для потомства. Онѣ объясняютъ многое, что̀ и для насъ уже кажется непонятнымъ. Теперь конечно не пришло еще время ихъ въ полнотѣ обнародовать».

Въ 1834 году Ѳедоръ Петровичъ Львовъ (см. Томъ II, стр. 478), женатый на Елисаветѣ Николаевнѣ, писавшей рукопись *Объясненій*, рѣшился напечатать ихъ, но при этомъ счелъ нужнымъ почти вездѣ пере-

* Род. 30 января 1773, ум. 4 ноября 1842 г. (изъ альбома покойнаго академика П. И. Кеппена). Существенное изъ продолженія приводимой здѣсь замѣтки Каразина уже было напечатано нами въ Томѣ I, стр. 246.

дѣлать редакцію Державина и кромѣ того измѣнялъ мѣстами самый смыслъ примѣчаній, сокращалъ ихъ, наконецъ выпускалъ многое, повинуясь по необходимости требованіямъ своего времени. Съ той поры успѣло смѣниться еще одно поколѣніе, и теперь нѣтъ уже причинъ издавать комментарій Державина съ какими-либо умолчаніями или измѣненіями. Мы печатаемъ его *Объясненія* во всей точности по подлинной рукописи (переданной намъ самою Елисаветой Николаевной Львовой), позволяя себѣ исправлять только орѳографію и явныя ошибки противъ смысла, изъ которыхъ важнѣйшія будемъ особо указывать.

По времени, когда писаны *Объясненія* Державина, ясно, что они могутъ относиться только къ сочиненіямъ его, изданнымъ въ 1808 году въ четырехъ частяхъ. Напечатанная въ 1815 году V-ая часть не была объяснена самимъ поэтомъ. Порядокъ *Объясненій*, раздѣленныхъ также на четыре части, соотвѣтствуетъ расположенію стихотвореній въ каждомъ изъ томовъ изданія 1808 года *. Въ *Объясненіяхъ* выставленъ Державинымъ при каждомъ стихотвореніи тотъ же нумеръ, какой находится въ книгахъ этого изданія. Поэтъ, диктуя свои примѣчанія, имѣлъ всегда передъ собою тотъ или другой томъ: всякій стихъ, требовавшій объясненія, былъ напередъ подчеркнутъ и отмѣченъ съ боку цифрою. Эти цифры идутъ чрезъ всѣ четыре части изданія 1808 года и перенесены авторомъ-комментаромъ въ *Объясненія* вмѣстѣ съ самыми объясняемыми стихами, которые мы однакоже, для выигранія мѣста, печатаемъ какъ прозу, а иногда и сокращаемъ. Описанія виньетокъ, сопровождающія въ подлинникѣ *Объясненія*, удерживаемъ только тогда, когда они чѣмъ-нибудь существеннымъ отличаются отъ помѣщенныхъ нами при самыхъ рисункахъ.

Присоединяемъ въ выноскахъ какъ нѣкоторыя дополнительныя примѣчанія, такъ и другія однородныя приложенія.

* Поэтому-то мы въ нашихъ примѣчаніяхъ подъ стихотвореніями, указывая на изданіе 1808 года, всегда приводили нумеръ, подъ которымъ тамъ помѣщена каждая пьеса: читая Державина по нашему изданію, всякій можетъ такимъ образомъ тотчасъ отыскать у насъ и собственныя объясненія поэта къ пьесѣ. Въ редакціи Львова порядокъ *Объясненій* совершенно измѣненъ, сообразно съ первыми Смирдинскими изданіями Державина (1831 и 1833), въ которыхъ сочиненія его расположены по родамъ.

ОБЪЯСНЕНІЯ[1]

НА СОЧИНЕНІЯ ДЕРЖАВИНА

ОТНОСИТЕЛЬНО ТЕМНЫХЪ МѢСТЪ, ВЪ НИХЪ НАХОДЯЩИХСЯ, СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ, ИНОСКАЗАНІЙ И ДВУСМЫСЛЕННЫХЪ РЕЧЕНІЙ, КОТОРЫХЪ ПОДЛИННАЯ МЫСЛЬ АВТОРУ ТОКМО ИЗВѢСТНА; ТАКЖЕ ИЗЪЯСНЕНІЕ КАРТИНЪ, ПРИ НИХЪ НАХОДЯЩИХСЯ, И АНЕКДОТЫ, ВО ВРЕМЯ ИХЪ СОТВОРЕНІЯ СЛУЧИВШІЕСЯ.

Предварительное примѣчаніе вообще ко всѣмъ сочиненіямъ.

I-ая часть сихъ сочиненій поднесена была императрицѣ Екатеринѣ II лично авторомъ въ Петербургѣ ноября 6-го дня 1795 г., которая по прочтеніи ея государынею и оставалась у ней въ кабинетѣ по самую ея кончину, 1796 ноября 6-го дня послѣдовавшую. Причина тому, что при жизни ея въ печать оная не издана, не иная какая была, какъ недоброхотство сочинителю, которое внушили ей, что якобы въ ней находятся на счетъ ея язвительныя или сатирическія выраженія, изъ коихъ именно вторая ода[2] растолкована, якобы содержащая въ себѣ якобинство, о чемъ при той самой одѣ объяснится. По кончинѣ ея, при императорѣ Павлѣ, когда авторъ опредѣленъ былъ въ верховный совѣтъ и, знавъ неблагорасположеніе сего государя къ покойной его матери, то имѣлъ случай чрезъ статсъ-секретаря Нелединскаго[3] обратно оную взять къ себѣ. Въ 1798 году Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, любя его сочиненія, по временамъ списки имъ собранные отослалъ въ университетъ и велѣлъ тамъ напечатать, о чемъ въ первомъ изданіи сей I-ой части подробно сказано[4]; прочія же части напечатаны въ 1808 г. самимъ авторомъ въ Петербургѣ, изъ коихъ предисловія можно также видѣть причины, по коимъ не объяснены были въ томъ изданіи темныя мѣста сихъ сочиненій и что онъ предоставлялъ ихъ объяснить будущему времени, что̀ симъ и исполняется.

[1] Въ подлинникѣ надъ этимъ заглавіемъ написано: *Начато писать на Званкѣ 19 іюня 1809 года.*

[2] *Властителямъ и судьямъ.*

[3] Юрія Александровича Нелединскаго-Мелецкаго, род. 1751 г., ум. 1829.

[4] Ср. между сочиненіями Державина въ прозѣ *Предувѣдомленіе* его *къ Читателю*, которое предполагалось помѣстить передъ изданіемъ 1798 г. и гдѣ эти обстоятельства разсказаны нѣсколько иначе. Тамъ же см. и Предувѣдомленіе, дѣйствительно напечатанное передъ этою I-ою частью.

ЧАСТЬ I.

ПРИНОШЕНІЕ КЪ ИМПЕРАТРИЦѢ[1].

1) И музѣ будь моей подпорой и щитомъ, Какъ мнѣ была и есть ты отъ клеветъ спасеньемъ. — Авторъ, послѣ сочиненія оды къ Фелицѣ, о коей ниже будетъ сказано, былъ гонимъ отъ вельможъ, а особливо отъ генералъ-прокурора Вяземскаго, вопреки котораго взятъ онъ былъ въ 1791 г. декабря 12 дня къ императрицѣ въ статсъ-секретари.

2) Послѣдній родъ Багрима. — Подъ симъ авторъ разумѣлъ предка его Багрима, выѣхавшаго изъ Золотой Орды на службу къ великому князю Василію Васильевичу Темному, отъ коего дѣти были Нарбекъ, Кеглъ, Акинѳъ и Держава; отъ нихъ произошли роды Нарбековы, Кеглевы, Акинѳовы и Державины; сіе въ бархатной дворянской книгѣ и въ грамотѣ на дворянство Державина видѣть можно[2]; по преданіямъ полагаютъ, что будто Багримъ назывался по-русски Басенокъ, извѣстный въ исторіи; но сего за вѣрное утвердить не можно.

Картина при семъ *Приношеніи* изображаетъ киргизскаго мурзу, посвящающаго лиру свою Фелицѣ, *и проч.* (см. Т. I, стр. 717). Мурзой именовалъ себя авторъ потому, какъ выше явствуетъ, что произошелъ онъ отъ татарскаго племени; а императрицу — Фелицею и киргизскою царевною для того, что покойная императрица сочинила сказку подъ именемъ Царевича Хлора, котораго Фелица, то есть богиня блаженства, сопровождала на гору, гдѣ роза безъ шиповъ цвѣтетъ, и что авторъ имѣлъ свои деревни въ оренбургской губерніи въ сосѣдствѣ отъ киргизской орды, которая въ подданствѣ ея числилась

Эпиграфъ къ *Приношенію*[3]. — Эпиграфъ сей означаетъ: Орелъ россійскій подъ щитомъ великой Екатерины разсыпаетъ милости и щедроты изъ рога изобилія.

I. ОДА БОГЪ[4].

3) Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества. — Авторъ, кромѣ богословскаго православной нашей вѣры понятія, разумѣлъ тутъ три лица метафизическія; то есть: безконечное пространство, безпрерывную жизнь въ движеніи вещества и неокончаемое теченіе времени, которое Богъ въ Себѣ совмѣщаетъ[5].

[1] Въ нашемъ изданіи Томъ I, стр. 715.

[2] Ср. *Записки*, *Р. Б.*, стр. 10. Въ бархатной книгѣ *Теглевы.*

[3] Эпиграфомъ названа здѣсь виньетка, воспроизведенная на заглавномъ листѣ всѣхъ томовъ нашего изданія (ср. Томъ I, стр. XXXV).

[4] Томъ I, стр. 195.

[5] Однажды, въ разговорѣ, Сперанскій строго критиковалъ, съ богословской точки зрѣнія, первую строфу оды *Богъ.* Извѣстный графъ Петръ Александровичъ Толстой (род. 1769, ум. 1844, генер. отъ инфантеріи, чл. госуд. совѣта) возражалъ и съ своей стороны приводилъ, въ защиту Державина, другія строфы оды, особенно стихи: «Какъ въ мразный, ясный день зимой» и проч. Сперанскій, сознавая красоту этого мѣста, остался однакожъ при своемъ мнѣніи (слыш. отъ графа Блудова).

4) Пылинки инея сверкаютъ. — Обитателямъ токмо сѣвера сія великолѣпная картина ясно бываетъ видима по зимамъ въ ясный день, въ большіе морозы, по большей части въ мартѣ мѣсяцѣ, когда уже снѣгъ оледенѣетъ, и пары, въ леденыя капли обратившіеся, внизъ и вверхъ носясь, какъ искры сверкаютъ предъ глазами.

5) И благодарны слезы лить. — Авторъ первое вдохновеніе или мысль къ написанію сей оды получилъ въ 1780 г., бывъ во дворцѣ у всенощной въ Свѣтлое воскресенье, и тогда же, пріѣхавъ домой, первыя строки положилъ на бумагу; но, будучи занятъ должностію и разными свѣтскими суетами, сколько ни принимался, не могъ окончить оную, написавъ однако въ разныя времена нѣсколько куплетовъ. Потомъ 1784 года, получивъ отставку отъ службы, приступалъ-было къ окончанію, но также по городской жизни не могъ; безпрестанно однако былъ побуждаемъ внутреннимъ чувствомъ, и для того, чтобъ удовлетворить оное, сказавъ первой своей женѣ, что онъ ѣдетъ въ польскія свои деревни для осмотрѣнія оныхъ, поѣхалъ и, прибывъ въ Нарву[1], оставилъ свою повозку и людей на постояломъ дворѣ, нанялъ маленькій покой въ городѣ у одной старушки Нѣмки, съ тѣмъ, чтобы она и кушать ему готовила; гдѣ запершись сочинялъ оную нѣсколько дней, но, не докончивъ послѣдняго куплета сей оды, что̀ было уже ночью, заснулъ передъ свѣтомъ; видитъ во снѣ, что блещетъ свѣтъ въ глазахъ его, проснулся, и въ самомъ дѣлѣ воображеніе такъ было разгорячено, что казалось ему, вокругъ стѣнъ бѣгаетъ свѣтъ, и съ симъ вмѣстѣ полились потоки слезъ изъ глазъ у него; онъ всталъ и ту жъ минуту, при освѣщающей лампадѣ, написалъ послѣднюю сію строфу, окончивъ тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ проливалъ онъ благодарныя слезы за тѣ понятія, которыя ему вперены были. Надобно примѣтить кстати къ сему сочиненію еще анекдотъ, въ самомъ младенчествѣ съ авторомъ случившійся. Родился онъ 1743 года 3 іюля, а въ 1744 году, въ зимнихъ мѣсяцахъ, когда явилась комета, то онъ, бывъ около двухъ годовъ, увидѣвъ оную и показавъ пальцемъ, бывъ у няньки на рукахъ, первое слово сказалъ: *Богъ*[2]. — Въ журналѣ, подъ именемъ *Собесѣдникъ* издаваемомъ въ томъ году, то есть 1784, въ лѣтнихъ мѣсяцахъ въ первый разъ напечатана сія ода.

Картина къ одѣ Богъ: Кругъ означаетъ вѣчность; въ немъ изображенъ «Ветхій деньми», края вселенныя собою занимая: *Кто все собою наполняетъ* и проч. Черты лица Его теряются въ лучахъ: *Кого никто постичь не могъ*. Изъ правой Его руки *Какъ искры сыплются, стремятся, Такъ солнцы отъ Него родятся*. Лѣвою отдѣляетъ тму. Правою ногою опирается на землю, подножіе ногъ его; лѣвая скрывается въ безднѣ.

Здѣсь еще надобно дополнить приличною cul-de-lampe, или *кашкой*[3], ежели мѣсто въ новомъ изданіи позволитъ.

[1] *Зап.* (*Р. Б.*), стр. 246.

[2] *Зап.* (*Р. Б.*), 6.

[3] Виньеткой называется собственно только картинка *передъ* началомъ главы или стихотворенія; настоящее же названіе картинки *въ концѣ* ихъ есть cul-de-lampe. По-русски для первой существуетъ названіе *цвѣтокъ*, для второй — *кашка*. По свидѣтельству Оленина (въ Письмѣ о тмутороканскомъ камнѣ) названіе *цвѣтокъ* употребляется въ синодальныхъ типографіяхъ.

II. НА ОСВЯЩЕНІЕ КАМЕННООСТРОВСКАГО ИНВАЛИДНАГО ДОМА, вышше въ 1778 г.[1]. Напеч. въ первый разъ въ I томѣ 1798 г.

6) Въ сей одѣ только примѣтить должно нѣкоторыя сбывшіяся предсказанія: первое, побѣды въ Италіи; второе, попеченіе супруги его (*Павла I*) о бѣдныхъ и рожденіе въ слѣдующемъ году великаго князя Константина Павловича, и проч.

III. ВЛАСТИТЕЛЯМЪ И СУДЬЯМЪ[2], въ Петербургѣ: ода, которой мысль почерпнута изъ псалма Давидова 81; напечатана въ первый разъ[3] въ журналѣ подъ именемъ *Зеркало свѣта* въ 1787 году, а въ 98 г. въ I-ой части цензурой не пропущена.

Къ началу **картина**: Орелъ держитъ вѣсы правосудія. Къ окончанію cul-de-lampe, картины, нѣтъ; но ежели въ новомъ изданіи позволитъ мѣсто, то надобно изобрѣсть програму и нарисовать.

Примѣчаніе. Къ сей одѣ принадлежитъ анекдотъ, упоминаемый выше[4]. Когда авторъ поднесъ сочиненія свои лично императрицѣ, она приняла ихъ благосклонно и занялась, сколько было извѣстно, чтеніемъ оныхъ; въ наступившее воскресенье по обыкновенію пріѣхалъ онъ съ прочими для свидѣтельствованія ей своего почтенія; но показалась она чрезвычайно холодна и придворные всѣ отъ него отвращались; не зная тому причины, долженъ былъ съ неудовольствіемъ возвратиться домой. Въ другое воскресенье то же съ нимъ случилось. На третье онъ рѣшился спросить гр. Безбородко (который былъ послѣ княземъ); графъ, по обыкновенію своему въ непріятныхъ случаяхъ, старался отдѣлаться отъ него невразумительнымъ бормотаньемъ, съ чѣмъ отъ него и долженъ былъ идти. Случившійся тутъ графъ Мусинъ-Пушкинъ, который тогда былъ оберъ-прокуроромъ синода, позвалъ его къ себѣ обѣдать; туда же пріѣхалъ къ обѣду Булгаковъ, бывшій посланникомъ въ Царѣградѣ; онъ, бывъ автору довольно знакомымъ, спросилъ у него, для чего онъ нынче пишетъ якобинскіе стихи. Онъ не могъ сего понять; Булгаковъ объяснилъ ему, что читалъ ихъ въ его сочиненіяхъ въ парафразисѣ псалма 81. Авторъ отвѣтствовалъ, что онъ никогда не бывалъ якобинскихъ мыслей, и почему считаютъ таковымъ сей псаломъ, который написалъ царь Давидъ? — Однакожъ въ нынѣшнія времена это очень дурно, отвѣтствовалъ Булгаковъ, замолчавъ (ибо примѣтить должно, что въ сіе время революція во Франціи въ жесточайшемъ была дѣйствіи и опослѣ авторъ уже узналъ, что якобинцы, сей псаломъ переложа, распространили по Франціи, къ упрекамъ правленія Людовика XVI). Послѣ сего разговора авторъ остался въ крайнемъ смущеніи и не зналъ, отъ кого спросить подробнѣйшее объясненіе сему вопросу. По возвращеніи домой, пріѣхалъ къ нему вечеромъ г. Дмитріевъ, бывшій тогда гвардіи семеновскаго полка офицеръ, что нынѣ сенаторъ. Какъ онъ самъ былъ стихотворецъ и хорошій автору пріятель, то и спросилъ его, что съ нимъ дѣлается. Онъ отвѣчалъ, что ничего. Какъ? васъ велѣно спросить г-ну *Шешковскому* (тайной канцеляріи

[1] Томъ I, стр. 61. [2] Т. I, 109. [3] Это невѣрно, см. тамъ же.
[4] Ср. *Зап.* (*Р. Б.*), стр. 287 и 381.

секретарь), почему пишете вы такіе дерзкіе стихи, которые вы поднесли императрицѣ. Онъ изумился и сказалъ: Когда такъ, то я самъ спрошу, почему ихъ такими разумѣютъ, и тогда же написалъ анекдотъ, который подлинникомъ находится въ части[1]. Сіе было въ тотъ самый годъ, когда поднесены были сочиненія императрицѣ, то есть 1795 г. въ ноябрѣ мѣсяцѣ, а псаломъ сей переложенъ въ стихи въ 1787 г., о чемъ въ томъ анекдотѣ обстоятельно объяснено. Онъ при письмахъ своихъ послалъ тотъ анекдотъ къ графу Безбородкѣ, къ статсъ-секретарю Трощинскому, у котораго его сочиненія, отданныя графомъ, тогда находились и гдѣ читалъ ихъ Булгаковъ, и третье отдалъ лично князю Зубову, бывшему тогда любимцемъ императрицы. По отсылкѣ оныхъ въ наступившее воскресенье поѣхалъ паки во дворецъ, дабы узнать, что съ нимъ далѣе будетъ, увидѣлъ императрицу весьма къ нему милостивую и господъ придворныхъ весьма ласковыхъ.

IV. ВЕЛИЧЕСТВО БОЖІЕ[2]. Мысль почерпнута изъ псалма 103; сочиненъ 1789 г., въ первый разъ въ І-й части напечатанъ 1798.

7) *Онагры*, или просто дичь.

8) *Эродій*, или аистъ, который на высокихъ древахъ вьетъ гнѣзда.

9) *Скимнъ* — молодой левъ.

V. ПРАВЕДНЫЙ СУДЬЯ[3]. Мысль почерпнута изъ пс. 100; написанъ въ 1789 г. въ Пб., напечатанъ въ І-ой ч. 1798.

VI. ИСТИННОЕ СЧАСТЬЕ[4]. Мысль изъ 1-го пс. Сочиненъ въ Пб. въ 1789 г., напечатанъ въ І-й части въ первый разъ 1798 г.

Къ концу нѣтъ картины; ежели въ новомъ изданіи мѣсто позволитъ, то, сдѣлавъ программу, нарисовать.

VII. ПОБѢДИТЕЛЮ[5]. Написано въ Москвѣ въ 1789 г. и относится на счетъ побѣдителя Очакова князя Потемкина, который, рѣшившись на атаку сего города зимою, т. е. 6 Декабря 1797 въ лютый морозъ, показалъ свое благоговѣніе къ Богу.

10) И отъ зломышленныхъ людей, и проч. — Относится сія мысль къ тому, что во время сперва неудачной атаки сказаннаго города, были весьма дурные толки при дворѣ о князѣ и сдва ему не отказано отъ команды.

11) Но кто ты, вождь, кѣмъ стѣны пали. — Весь сей куплетъ, при напечатаніи въ 1798 г., московская цензура не пропустила по причинѣ неблаговоленія императора Павла къ князю Потемкину.

Картинки. Къ началу: Побѣда съ наградою идетъ на встрѣчу къ побѣдителю.

Къ концу: Вѣнецъ вѣчности, носящійся по высотѣ.

VIII. ПОМОЩЬ БОЖІЯ[6]. Мысль взята изъ пс. 120. Соч. въ Пб. 1793. Въ первый разъ напечатанъ въ І-ой ч. 1798.

[1] Въ 5-й части рукописныхъ сочиненій Державина. Этотъ «анекдотъ» перепечатанъ нами въ приложеніи къ одѣ.

[2] Т. I, стр. 236. [3] Т. I, 265. [4] Т. I, 268. [5] Т. I, 231. [6] Т. I, 551.

12) Блюдетъ мой входъ и исхожденье, Предупреждаетъ искушенье, Чтобъ злость вредить мнѣ не могла. — Бывъ статсъ-секретаремъ при императрицѣ, на автора наведено было сумнѣніе по дѣламъ, особливо Якобія; но обнаружена была его невинность.

IX. УПОВАЮЩЕМУ НА СВОЮ СИЛУ[1]. Мысль изъ пс. 146. Написанъ въ Петрозаводскѣ въ 1786 въ бытностъ тамъ самого автора; напечатанъ въ первый разъ въ I-ой ч. 1798.

X. СЧАСТЛИВОЕ СЕМЕЙСТВО[2]. Мысль изъ пс. 147. Соч. въ Пб. 1780, напечатанъ въ первый разъ въ *Собесѣдникѣ*[3] въ томъ же или послѣдующемъ году.

По бывшей тогда пріязни между авторомъ и Алексѣемъ Андреевичемъ Ржевскимъ и его семействомъ нарисована была картина первою женою автора съ силуэтами, со всѣмъ семействомъ Ржевскаго, на оборотѣ которой сія ода была написана. — Послѣ случившееся происшествіе разсорило автора съ симъ почтеннымъ человѣкомъ. У вышесказаннаго г. Дмитріева было дѣло, по завѣщанію дяди его Бекетова, съ г. Всеволожскимъ; со стороны Дмитріева авторъ и со стороны Всеволожскаго г. Васильевъ (который послѣ былъ пожалованъ графомъ) и г. Сушковъ были избраны посредниками. Ржевскій былъ тогда совѣстнымъ судьею въ Петербургѣ; справедливость была на сторонѣ Дмитріева, но покровительство приближенныхъ двора на сторонѣ Всеволожскаго. Захотѣли обвинить Дмитріева и, не давши случая къ примиренію тяжущихся, написали опредѣленіе, обвиняющее Дмитріева. Позвали автора къ выслушанію и къ подписанію онаго, въ самый день свадьбы великаго князя Константина Павловича, когда въ судѣ прочихъ судей никого не было, кромѣ вышеписанныхъ особъ и секретаря. Авторъ сталъ доказывать, что опредѣленіе сдѣлано несправедливо и несогласно съ учрежденіемъ, которымъ велѣно примирять, а не обвинять тяжущихся; изъ сего вышелъ чрезвычайный шумъ; авторъ, увидя, что одному противу трехъ безъ постороннихъ свидѣтелей спорить не можно, могли бы записать въ журналѣ, что̀ хотѣли: то онъ, оставя ихъ, ушелъ стремительно изъ суда. Ржевскій подалъ рапортъ генералъ-губернатору Архарову, а сей донесъ императрицѣ, что якобы онъ надѣлалъ много непристойности и бросилъ на полъ ея учрежденіе. Императрица симъ крайне оскорбилась, приказала взять отвѣтъ; авторъ донесъ подробно о всемъ происшествіи, сославшись на самое опредѣленіе, которое было беззаконно. Дѣло сіе лежало по самую кончину императрицы передъ ней; при императорѣ Павлѣ уничтожены были совѣстные суды и отослано оное съ прочими таковыми же въ архивъ къ вѣчному забвенію. Въ бытность мою генералъ-прокуроромъ, Всеволожскій, знавъ свою несправедливость и боясь, чтобъ Дмитріевъ не возобновилъ иску своего, пріѣхавъ нарочно изъ Москвы, просилъ автора, чтобъ помирить его съ Дмитріевымъ, что́ и исполнено на томъ основаніи, какъ авторъ полагалъ въ совѣстномъ судѣ; обиженный получилъ свое удовлетвореніе[4].

[1] Т. I, 210. [2] Т. I, 107. [3] Невѣрно, см. тамъ же.

[4] *Зап.* (*Р. Б.*), 356, 360. Подробную объяснительную записку Державина

Къ концу картины нѣтъ, но ежели въ новомъ изданіи достанетъ мѣсто, то надо сдѣлать программу и нарисовать.

XI. УСПОКОЕННОЕ НЕВѢРІЕ[1]. Соч. въ Пб. 1778, напечат. въ первый разъ въ томъ же году въ *С-петерб. Вѣстникѣ*[2], потомъ 1783 въ *Собесѣдникѣ* и наконецъ въ I части 1798.

Примѣчаніе. Сія ода самая первая, которая извѣстна стала, будучи исправлена вмѣстѣ съ друзьями моими: Н. А. Львовымъ, В. В. Капнистомъ, И. И. Дмитріевымъ[3] и А. С. Хвостовымъ, у послѣдняго въ домѣ.

XII. ФЕЛИЦА[4]. Соч. въ Пб. 1782, напеч. въ первый разъ въ *Собесѣдникѣ* 1783, въ I части, во второй разъ 1798.

13) Киргизъ-кайсацкія орды. — Почему названа императрица киргизъ-кайсацкою царевной, выше сказано.

14) Царевичу младому Хлору. — Тоже и о семъ выше упомянуто.

15) Читаешь, пишешь предъ налоемъ. — Въ то время императрица занималась сочиненіемъ законовъ, какъ-то: грамотой дворянства, уставомъ благочинія и прочими, скоро послѣ того вышедшими законами.

16) Коня парнасска не сѣдлаешь. — Императрица, хотя занималась иногда сочиненіемъ оперъ и сказокъ, какъ выше явствуетъ, но стиховъ писать не умѣла и не писала, а когда надобно было, то препоручала статсъ-секретарямъ Елагину и Храповицкому, потомъ и прочимъ.

17) Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь. — Императрица не жаловала масоновъ и въ ложу къ нимъ не ѣзжала, такъ какъ дѣлали многіе знатные.

18) Скачу къ портному по кафтанъ. — Относится къ прихотливому нраву князя Потемкина, какъ и всѣ три нижеслѣдующіе куплеты, который то сбирался на войну, то упражнялся въ нарядахъ, въ пирахъ и всякаго рода роскошахъ.

19) Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ. — Относится тоже къ нему, а болѣе къ гр. Ал. Гр. Орлову, который былъ охотникъ до скачки лошадиной.

20) Или кулачными бойцами. — Тоже къ Орлову относится, который охотникъ былъ до всякаго молодечества русскаго, какъ и до пѣсень русскихъ.

21) И забавляюсь лаемъ псовъ. — Относится къ Петру Ивановичу Панину, который любилъ псовую охоту.

22) Я тѣшусь по ночамъ рогами И греблей удалыхъ гребцовъ. — Относится къ Семену Кирилловичу Нарышкину, бывшему тогда егермейстеромъ, который первый завелъ роговую музыку.

23) Иль сидя дома, я прокажу. — Сей куплетъ относится вообще до старинныхъ обычаевъ и забавъ русскихъ.

по этому дѣлу см. между его сочиненіями въ прозѣ. Она была напечатана въ *Москвитянинѣ* 1841 г., ч. 1, № 1, и потомъ въ Смирдинскомъ изданіи Держ. при стихотвореніи *Счастливое семейство.*

[1] Т. I. 69. [2] Невѣрно, см. тамъ же.

[3] Имя Дмитріева стоитъ здѣсь по ошибкѣ, вѣроятно вм. *Хемницера*: съ Дмитріевымъ Державинъ познакомился не ранѣе 1790 года.

[4] Т. 1, 129.

24) За библіей зѣвая сплю. — Относится до кн. Вяземскаго, любившаго читать романы (которые часто авторъ, служа у него въ командѣ, предъ нимъ читывалъ, и случалось, что тотъ и другой дремали и не понимали ничего) — Полкана и Бову и извѣстныя старинныя русскія повѣсти.

25) Между лѣнтяемъ и брюзгой. — Въ вышеупомянутой сказкѣ о царевичѣ Хлорѣ, сочиненной императрицею, названы *лѣнтяемъ* и *брюзгой* царевной Фелицей вельможи. Сколько извѣстно, разумѣла она подъ первымъ кн. Потемкина, а подъ другимъ кн. Вяземскаго, потому что первый, какъ выше сказано, велъ лѣнивую и роскошную жизнь, а второй часто брюзжалъ, когда у него, какъ управляющаго казной, денегъ требовали.

26) И знать и мыслить позволяешь. — Императрица, подобно императору Траяну, весьма снисходительна была къ злорѣчивымъ къ ея слабостямъ людямъ; многіе о семъ анекдоты сказать можно бы, которые, можетъ быть, кѣмъ-нибудь и написаны будутъ, но они здѣсь неумѣстны.

27) Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ. — При императрицѣ Аннѣ столь было строгое правленіе, что если двое пошепчутъ между собой, то принималось за подозрѣніе какого-либо умыслу, и нерѣдко таковыхъ по доносамъ отвозили въ тайную канцелярію.

28) За здравіе царей не пить. — Въ то же правленіе тѣ, которые въ публичныхъ пиршествахъ не выпивали большаго бокала какого нибудь крѣпкаго вина, за здравіе царицы подносимаго, принимались за недоброжелателей ея и отсылались въ тайную.

29) Тамъ съ именемъ Фелицы можно Въ строкѣ описку поскоблить. — Тогда же за великое преступленіе почиталось, когда въ императорскомъ титулѣ было что-нибудь поскоблено или поправлено. Сіе продолжалось даже до временъ Екатерины II, при которой уже стали переносить императорскій титулъ и въ другую строку, когда въ первой не помѣщался. Разумѣется, что не раздѣляли реченій, что-либо значущихъ, а прежде того никакъ того сдѣлать не смѣли, и таковыхъ писцовъ, кто въ семъ ошибался, часто наказывали плетьми.

30) Или портретъ неосторожно Ея на землю уронить. — Равномѣрно подвергались несчастію кто хотя ненарочно изъ рукъ выранивалъ монету съ императрицынымъ портретомъ: довольно было клеветнику донесть, что бросилъ кто изображеніе лица, то отвозимъ былъ въ тайную, по одному крику, что *я знаю за собою слово и дѣло государево;* того, на кого сіе сказано, забирали подъ крѣпкую стражу, домъ весь кругомъ запечатывали и отвозили въ столицу къ тайному розыску.

31) Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ, Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ. — Сіе относится къ славной шутовской свадьбѣ нѣкотораго князя Голицына, бывшаго при императрицѣ Аннѣ, котораго женили на подобной ему шутихѣ; былъ нарочно состроенъ ледяной домъ со всѣми принадлежностями и даже пушки ледяныя, изъ коихъ стрѣляли, также баня ледяная, въ которой молодыхъ парили; при семъ случаѣ былъ чрезвычайно славный маскарадъ: собраны были изъ всѣхъ подвластныхъ россійскому скипетру народовъ по мужчинѣ и женщинѣ

наилучшихъ, въ богатѣйшемъ ихъ уборѣ, съ ихъ музыкальными инструментами, которые ѣхали въ церемоніи на разныхъ скотахъ и производили въ домѣ молодыхъ ихъ собственныя пляски и игры.

32) Не щелкають въ усы вельможъ; Князья насѣдками не клохчутъ и проч. — Императрица Анна любила забавляться подлыми шутами, которыхъ въ ея царство премножество было; изъ числа оныхъ былъ упомянутый князь Голицынъ; надъ ними любимцы государыни и прочіе вельможи ей въ угожденіе шучивали разными образами, подобно какъ иные благородные шалуны шутятъ надъ дураками, ими къ забавѣ ихъ содержимыми. Сіи шуты, когда императрица слушала въ придворной церкви обѣдню, саживались въ лукошки въ той комнатѣ, чрезъ которую ей изъ церкви въ внутренніе свои покои проходить должно было, и кудахтали какъ насѣдки; прочіе же всѣ тому, надрываяся, смѣялись.

33) Ты пишешь въ сказкахъ поученья. — Напротивъ того императрица Екатерина, въ часы отдохновенія ея отъ дѣлъ, забавлялась веселостями, свойственными просвѣщенному ея вѣку; она писала, хотя не весьма удачныя, но шутливыя комедіи, какъ-то: *Федулъ съ дѣтьми*, *Недоумѣніе* и проч., также сказки, какъ выше сказано, *Царевича Хлора*, *Февея* и другія. Для царевичей Александра и Константина сочинена азбука, въ которой между прочимъ сіе точно есть нравоученіе, что *не дѣлая ничего худаго, можно и самаго лютаго порицателя сдѣлать презрѣннымъ лжецомъ.*

34) Который брани усмирилъ. — Сей куплетъ относится на мирное тогдашнее время, по окончаніи первой турецкой войны въ Россіи процвѣтавшее, когда многія человѣколюбивыя сдѣланы были императрицею учрежденія, какъ-то: воспитательный домъ, больницы и прочія.

35) Который даровалъ свободу Въ чужіи области скакать. — Имп. Екатерина подтвердила свободу, дворянству данную Петромъ III, путешествовать по чужимъ краямъ, чего прежде дѣлать не смѣли.

36) Сребра и золота искать. — Издала указъ о свободномъ промыслѣ дорогихъ металловъ владѣльцамъ въ собственную пользу, которые прежде принадлежали коронѣ.

37) Который воду разрѣшаетъ. — Позволила свободное плаваніе по морямъ и рѣкамъ для торговли.

38) И лѣсъ рубить не запрещаетъ. — Сняла запрещенную порубку лѣсовъ, бывшую сперва подъ присмотромъ вальдмейстеровъ.

39) Развязывая умъ и руки, Велитъ любить торги, науки и проч. — Разрѣшила свободное производство всѣхъ мануфактуръ и торга, чего прежде безъ свѣдѣнія мануфактуръ и коммерцъ-коллегіи дѣлать не можно было

Къ началу: Орелъ стремительно встрѣчаетъ младаго царевича при храмѣ мудрости и безсмертія. Къ концу: *По склонности моей къ перемѣнѣ, Имѣя шапку на бекренѣ, Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ.*

Примѣчаніе. Одѣ сей, какъ выше сказано, поводомъ была сочиненная императрицею сказка Хлора, и какъ сія государыня любила забавныя шутки, то во вкусѣ ея и писана на счетъ ея ближнихъ, хотя безъ всякаго злорѣчія, но съ довольною издѣвкою и съ шалостью. При всемъ томъ авторъ опасался, чтобъ не оскорбить ихъ симъ сочиненіемъ; то призвавъ

своихъ друзей: покойнаго Н. А. Львова и Капниста, прочелъ имъ оное сочиненіе, которые также согласились съ нимъ, что нельзя ея выдать въ свѣтъ; вслѣдствіе чего осталась она извѣстною только между ими, заперта была и годъ въ сокрытіи находилась. Но въ одно утро занадобились автору нѣкоторыя бумаги, въ бюро его лежащія, гдѣ была сія ода; онъ, разбирая прочія, выложилъ ее на столъ; Козадавлевъ, жившій съ нимъ въ одномъ домѣ, взошелъ нечаянно, увидѣлъ ее; прочетши нѣсколько строкъ, просилъ его неотступно повѣрить ему на часъ для прочтенія теткѣ его г-жѣ Пушкиной, которая страстно любила стихотворство, а паче творенія автора; не могъ онъ отговориться, подъ клятвою отдалъ ему, чтобъ никому не показывать; прошло часъ или два, онъ ему возвратилъ. Нѣсколько дней спустя И. И. Шуваловъ, покровитель автора, у котораго онъ былъ подъ начальствомъ во время его ученія въ казанской гимназіи, присылаетъ къ нему человѣка просить его убѣдительно къ себѣ за крайнею нуждою. Авторъ не могъ отговориться, ѣдетъ къ нему, находитъ сего почтеннаго человѣка въ крайней тревогѣ, который его съ прискорбнымъ видомъ спрашиваетъ, что̀ ему дѣлать: отсылать ли ему стихи его кн. Потемкину, который тогда былъ въ чрезвычайной силѣ во дворѣ и ихъ проситъ. Авторъ, удивяся, спрашиваетъ: Какіе стихи? — Мурзы къ Фелицѣ. — Какъ вы ихъ знаете? какъ они у васъ? — Г. Козадавлевъ по дружеству далъ мнѣ ихъ. — Но какъ кн. Потемкинъ ихъ узналъ? — Вчера у меня обѣдала компанія господъ, какъ-то: гр. Безбородко, гр. Завадовскій, гр. Шуваловъ, Стрекаловъ и прочіе любящіе литературу; при разговорѣ, что у насъ еще нѣтъ легкаго и пріятнаго стихотворства, я прочелъ имъ ваше твореніе, а гр. Шуваловъ изъ подслуги къ кн. Потемкину разсказалъ ему все, что тамъ на счетъ его писано. Не переписать ли и выбросить тѣ куплеты, которые къ нему относятся? — Авторъ, подумавъ, сказалъ, что нѣтъ: извольте отослать какъ они есть, — разсудя въ мысляхъ своихъ, что ежели что-нибудь выкинуть, то показать тѣмъ умыслъ на оскорбленіе его чести, чего никогда не было, а писано сіе твореніе изъ шутки на счетъ всѣхъ слабостей человѣческихъ. Между тѣмъ поѣхалъ домой съ крайнимъ прискорбіемъ; призвавъ г. Львова, который былъ домашній человѣкъ у гр. Безбородко, пересказалъ ему все случившееся съ нимъ и просилъ, чтобъ онъ узналъ графскія мысли и предупредилъ его на случай, ежели императрица спроситъ о семъ сочиненіи, что къ писанію сего сочиненія никакого оскорбительнаго умысла ни на чей счетъ не было, но писано оно изъ шутки и оставлено для друзей, но нескромностію г. Козадавлева вышло въ свѣтъ. Г. Львовъ исполнилъ просьбу автора; неизвѣстно, посылалъ ли Шуваловъ къ Потемкину, но только еще нѣсколько времени сочиненіе сіе было безвѣстно; но въ 1783 въ лѣтнихъ мѣсяцахъ сдѣлана княгиня Дашкова директоромъ академіи наукъ, а Козадавлевъ при ней совѣтникомъ: она, хотѣвъ возстановить россійскую литературу, вознамѣрилась издавать отъ академіи журналъ. Козадавлевъ тотчасъ принесъ ей, безъ авторскаго соизволенія, сіе твореніе для помѣщенія въ томъ журналѣ, который названъ *Собесѣдникомъ*. Княгиня, не сказавъ никому ни слова, приказала въ немъ оное напечатать и въ первое воскресенье, въ которое она обыкновенно ѣз-

жала къ императрицѣ для поднесенія ей объ академіи своихъ рапортовъ, поднесла и тотъ журналъ, на первой страницѣ котораго помѣщена сія ода. Въ понедѣльникъ поутру рано присылаетъ императрица къ ней и зоветъ ее къ себѣ. Княгиня приходитъ, видитъ ее стоящую, расплаканную, держащую въ рукахъ тотъ журналъ; императрица спрашиваетъ ее, откуда она взяла сіе сочиненіе и кто его писалъ. Княгиня сначала испугалась, не знала, чтò отвѣчать; императрица ее ободрила, сказавъ: Не опасайтесь; я только васъ спрашиваю о томъ, кто бы меня такъ коротко зналъ, который умѣлъ такъ пріятно описать, что, ты видишь, я какъ дура плачу. — Княгиня ей сказала объ имени автора и все, что могла, объ немъ хорошаго. Нѣсколько дней спустя, когда авторъ обѣдалъ у начальника своего, кн. Вяземскаго, скоро послѣ обѣда сказываютъ ему, что почталіонъ принесъ ему конвертъ; онъ принимаетъ, видитъ надпись: Изъ Оренбурга отъ киргизской царевны къ мурзѣ. Онъ догадывается, развертываетъ конвертъ и находитъ въ немъ золотую табакерку, осыпанную брильянтами, и въ ней 500 червонныхъ; онъ приходитъ къ князю; спрашиваетъ его, прикажетъ ло онъ присланный ему подарокъ принять; онъ, взглянувъ суровымъ видомъ, спросилъ: Какой? Авторъ показываетъ; князь примѣтилъ, что табакерка была новой французской работы, понялъ, отъ кого она прислана, сказалъ: Возьми, братецъ, когда жалуютъ. Между тѣмъ княгиня Дашкова увѣдомила его, что то сочиненіе она поднесла императрицѣ: чрезъ нѣсколько дней приказано было сочинителя представить государынѣ, и съ тѣхъ поръ сталъ онъ ей какъ сочинитель извѣстенъ, и поднялось на него гоненіе отъ вельможъ или, лучше сказать, отъ одного Вяземскаго, которому чрезвычайно досадно стало, для чего онъ безъ его покровительства сталъ извѣстенъ императрицѣ, ибо ничѣмъ его раздражить столько было не можно, какъ если кто безъ его предводительства былъ замѣченъ и познаемъ государыней.

XIII. БЛАГОДАРНОСТЬ ФЕЛИЦѢ[1]. Соч. 1783, скоро по полученіи подарка, напечатана въ первый разъ въ *Собесѣдникѣ* въ томъ же году, потомъ въ I части 1798.

40) Когда отъ бремя дѣлъ случится И мнѣ свободный часъ имѣть. — Мысль сія относится къ тому, что кн. Вяземскій не любилъ стихотворства и весьма на тѣхъ нападалъ, кто въ ономъ упражнялся, а особливо на авторовъ, говоря: что когда имъ заниматься дѣлами, когда у нихъ риѳмы на умѣ; и вообще онъ думалъ, что стихотворцы неспособны къ дѣламъ.

XIV. НА ОТСУТСТВІЕ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ВЪ БѢЛОРУССІЮ[2]. Соч. въ Пб. 1780 и послана въ Бѣлоруссію чрезъ канцелярію кн. Вяземскаго къ императрицѣ, которая однако никакого вниманія не произвела. Напеч. въ первый разъ въ *Собесѣдникѣ* 1783, потомъ въ I-ой ч. 1798.

41) Человѣчество тобою, Истина и совѣсть въ судъ. — Сей куплетъ есть списокъ съ того барельефа, который былъ въ сенатѣ въ

[1] Т. I, 153. [2] Т. I, 95.

залѣ общаго собранія, работы г. Рашета, изобрѣтенія г. Львова. Авторъ былъ въ то время экзекуторомъ въ сенатѣ въ 1-омъ департаментѣ; ему приказано было вновь передѣланную общую залу украсить; между лѣпною работою сей залы, описанною въ части[1], сей барельефъ занималъ первое мѣсто, гдѣ представлены были три добродѣтели, то есть: Истина, Человѣколюбіе и Совѣсть, которыхъ вводитъ Минерва въ лицѣ императрицы въ храмъ правосудія; на нихъ сходитъ, въ видѣ обелиска, отъ провидѣнія сіяніе, которое лучами своими поражаетъ Злость и Ябеду.

Неизлишне помѣстить при семъ забавную достопамятность. Князь Вяземскій, бывъ генералъ-прокуроромъ, пришелъ осматривать работу залы и, увидѣвъ барельефъ, гдѣ Истина была изображена нагая, сказалъ, что соблазнительно видѣть ее гг. сенаторамъ, и для того приказалъ ее нѣсколько прикрыть, что̀ исполнено было. Барельефъ сей существовалъ до восшествія на престолъ императора Павла; въ угодность ли ему, или самъ собою, ставши генералъ-прокуроромъ, кн. Куракинъ велѣлъ оный изломать и спрятать въ архивъ[2].

42) И уставы Ты собою освяти. — Въ отсутствіе императрицы изъ Петербурга приказано было ввести новое учрежденіе о управленіи губерній, что̀ и исполнилъ покойный фельдмаршалъ кн. А. М. Голицынъ.

43) Мирный твой храня завѣтъ. — Тогда во всей Европѣ былъ миръ.

44) Ждутъ тебя младые внуки, Сынъ тебя съ супругой ждетъ. — Великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи были тогда младенцы; наслѣдникъ государыни, великій князь Павелъ, оставался съ супругой своей въ Петербургѣ.

45) Гдѣ грядетъ теперь она. — Путешествіе сіе совершалось въ маѣ мѣсяцѣ.

XV. НА ПРІОБРѢТЕНІЕ КРЫМА[3]. Соч. въ Пб. 1784, напеч. въ томъ же году въ *Собесѣдникѣ* въ первый разъ; потомъ въ I-й ч. 1798.

46) Пастухъ и земледѣлецъ въ пѣсняхъ Средь хижинъ воспѣваютъ миръ. — Миръ сдѣланъ съ Оттоманскою портою безъ военныхъ дѣйствій, чрезъ договоръ, коимъ присоединенъ къ Россіи Крымъ.

47) ... и трость, Водимая умомъ обширнымъ, и проч. — Перо гр. Безбородко, водимое по мыслямъ кн. Потемкина, получило успѣхъ, то есть, чрезъ ихъ совѣтъ пріобрѣтенъ Крымъ; кто знаетъ татарскую исторію и все отъ сихъ народовъ претерпѣнное Россіею, тотъ отдастъ справедливость сей важной услугѣ, ибо покореніемъ Крыма получила Россія прочное спокойствіе.

48) Россія наложила руку На Тавръ, Кавказъ и Херсонесъ. — Въ то самое время обузданы кавказскія орды, и Херсонесъ, древній городъ князей россійскихъ, возвращенъ Россіи.

49) Стамбулу флотами гремитъ. — Относится къ извѣстнымъ побѣдамъ росс. флота надъ турецкимъ въ Средиз. и Черномъ моряхъ.

50) Заноситъ изъ Европы ногу, — И возрастаетъ Констан-

[1] Пробѣлъ въ рукописи; читай: въ V-ой части.

[2] *Зап.* (*Р. Б.*), 132. [3] Т. I, 181.

тинъ. — Отношеніе къ Константину Палеологу, царю константинопольскому, съ котораго смертію пало греческое царство, и что намѣсто его возрастаетъ великій князь Константинъ Павловичъ, котораго государыня желала возвесть на престолъ, изгнавъ Турковъ изъ Европы, и для (*тою*) обученъ былъ греческому языку. Какіе замыслы! человѣкъ замышляетъ, а Богъ исполняетъ.

51) Цирцея отъ досады воетъ, и проч. — Отношеніе на извѣстную басню, что Цирцея обратила Грековъ въ свиней, а Минерва отдала имъ прежній образъ: симъ предсказывалось, что Екатерина по подобію сей богини возстановитъ Грецію, то есть, просвѣтя Грековъ, сдѣлаетъ изъ скотовъ людьми.

52) Осклабясь, Пиѳагоръ дивится. — Обращеніе на Пиѳагорову систему на преселеніе душъ; т. е. изъ стрекозы или изъ какого-нибудь ничтожнаго Грека можетъ выдти какой славный стихотворецъ, подобный Гомеру.

Къ началу: Портретъ гр. Безбородко, котораго перо, водимое великою Екатериною, пріобрѣло безсмертную славу. Здѣсь обликъ его представленъ какъ соучастника въ дѣлахъ, касательныхъ до пріобрѣтенія Крыма безъ военныхъ дѣйствій. Къ концу: Ежели позволитъ мѣсто, то въ новомъ изданіи сочинить и помѣстить надо программу.

XVI. ВИДѢНІЕ МУРЗЫ[1]. Соч. въ Пб. 1783 мая 9 дня; напеч. въ первый разъ въ *Собесѣдникѣ* въ томъ же году[2], потомъ въ I-й части.

53) Изъ теремовъ своихъ янтарныхъ И сребророзовыхъ свѣтлицъ. — Въ Царскомъ Селѣ быда одна комната убрана вся янтаремъ, а другая розовая фольговая съ серебряною рѣзьбою.

54) Какъ будто изъ улусовъ дальныхъ. — Улусомъ называется селеніе кочующихъ народовъ или нѣсколько кибитокъ въ совокупности, на удобномъ мѣстѣ поставленныхъ.

55) Украдкой отъ придворныхъ лицъ. — Императрица притворялась, что будто не къ ней относится вышеупомянутое сочиненіе *Фелица*, и для того подарокъ къ автору посланъ былъ безъ огласки.

56) За росказни, за растабары... И въ досканцахъ червонцы шлютъ. — Отношеніе къ тому, что за упомянутые стихи, или вирши присланъ былъ вышесказанный подарокъ. Въ старинныя времена въ Россіи табаку не нюхали и потому табакерокъ не знали, а употребляли намѣсто ихъ такъ называемые досканцы, въ которыхъ сохраняли мушки, булавки и тому подобныя къ женскимъ уборамъ принадлежащія мелочи.

57) ... и жрицей очутилась Или богиней предо мной. — Вся сія картина по самый стихъ: *Держалъ, какъ будто бы уснувъ*, — подлинный списокъ съ портрета покойной императрицы, писаннаго г. Левицкимъ, — изобрѣтенія г. Львова.

58) Изъ черноогненна виссона Висѣлъ на лѣвую бедру. — Описаніе владимірскаго ордена, который императрица, по написаніи ея учрежденія о губерніяхъ, яко награду за труды свои на себя наложила, объявивъ себя гохмейстеромъ сего ордена.

[1] Т. I, 157, и *Зап.* (*Р. Б.*), 246. [2] Невѣрно, см. Т. I.

59) Сафиросвѣтлыми очами,... Богиня на меня воззрѣла. — Отношеніе къ тому, что, какъ выше сказано, представленъ былъ авторъ императрицѣ въ воскресный день, въ кавалергардской комнатѣ, при множествѣ зрителей; то, подойдя къ нему, въ нѣсколькихъ шагахъ остановилась и, осмотрѣвъ быстрымъ взоромъ съ ногъ до головы нѣсколько разъ автора, подала наконецъ ему руку. Сего величественнаго вида не могъ онъ никогда забыть: *Пребудетъ образъ вѣкъ во мнѣ, Она который впечатлѣла.*

60) Вострепещи, мурза несчастный! — Выше сказано, императрица притворилась, будто не разумѣла, что въ одѣ *Фелицѣ* похвалы къ ней относились, а для того и показывала видъ важный, что будто она удивляется смѣлости, съ какой сіе сочиненіе написано, и полюбопытствовала видѣть автора.

61) Довольно безъ тебя людей... И отъ сатиръ щититься злыхъ. — Піитъ сими стихами даетъ императрицѣ знать, что и безъ ея притворства многіе на него разгнѣвались изъ вельможъ за сіи стихи; а особливо, когда она каждому послала по экземпляру, подчеркнувъ тѣ строки, что до кого относится. Многіе происходили толки, и словомъ, по всему государству былъ великій шумъ.

62) И словомъ: тотъ хотѣлъ арбуза, А тотъ соленыхъ огурцовъ. — Сіе относится на прихотливый нравъ кн. Потемкина, который тогда только и былъ доволенъ, когда чего дожидался, а какъ скоро получалъ, то опять находился въ скукѣ: онъ нерѣдко посылывалъ нарочныхъ курьеровъ по имперіи, какъ-то въ Москву и въ другіе города за арбузами, за солеными огурцами и проч. и проч.

63) И что не изъ чужихъ анбаровъ Тебѣ наряды я крою. — Симъ показываетъ авторъ, что ниоткуда онъ не занималъ мысли свои, писавши сіи стихи, какъ изъ ея добродѣтели.

Приложеніе.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ЭСКИЗЪ ВИДѢНІЯ МУРЗЫ.

(см. Томъ I, 168, гдѣ напечатано начало этого эскиза, въ стихахъ.)

... Льстецами я почитаю тѣхъ, которые, напримѣръ, въ снахъ, хотя похвалить какую-либо выдуманную Царь-дѣвицу, какую-либо царевну Прекрасу и не имѣя ничего сказать славнаго къ похвалѣ ихъ, машутъ своими волшебными ширинками[1] и стаскиваютъ, намѣсто добродѣтелей, человѣколюбія и ума, въ ихъ палаты солнце, луну и звѣзды, и когда уже всё приберутъ къ нимъ масть къ масти, что только можно, и видятъ недостатокъ въ истинахъ, которыя трогаютъ сердце, то говорятъ, что у нихъ сквозь сорочки тѣло видно и какъ изъ косточки въ косточку мозжечокъ переливается. Мнѣ жъ прибѣгать къ такимъ нелѣпымъ вымысламъ нѣтъ нужды: неизмѣримое поле твоихъ добродѣтелей украшаетъ стихи мои. Я говорю про то, что всѣ знаютъ, что ты добродѣтельна и проч. Льстецами я почитаю и тѣхъ, которые, отъ страха, хотя удобрить какую-либо лихую ягую бабу въ нелѣпыхъ бредняхъ сказовальщиковъ рожѣницъ, у которой носъ въ потолокъ утыкается, а сердце непрестанно жаждетъ крови, — которая живыхъ людей въ пролубь сажаетъ или толчетъ въ желѣзной своей ступѣ, то, подобно скоту, ползя на четверень-

[1] Ср. въ одѣ *На Счастье*, Т. I, 244: «Волшебною ширинкой машешь».

кахъ, поютъ предъ нею свои стихи, и когда ужасомъ стѣсненное сердце и голова, почти на плахѣ лежащая, ничего не могутъ произвести къ похвалѣ ея замысловатаго, великолѣпнаго и прекраснаго, то ослинымъ голосомъ возглашаютъ: то-то баба, то-то яга. Твой же просвѣщенный умъ и великое сердце снимаютъ съ насъ узы рабства, возвышаютъ наши души, даютъ намъ понимать драгоцѣнность свободы, толь свойственной существу разумному, каковъ есть человѣкъ, на что мы уповая, чувствуемъ свое счастіе и въ удовольствіе сердца своего мыслимъ, дѣлаемъ и говоримъ смѣло про себя и про тебя все то, что хотимъ, что пристойно гражданину, сообразующему волю свою съ законами. Мы нынѣ напримѣръ смѣемъ говорить, что хотимъ или не хотимъ ѣхать на комедію, на балъ и въ маскерадъ, будемъ и не будемъ тамъ до утра, можемъ не плясать и плясать, играть и не играть, пить и не пить для твоего удовольствія. Ты не желаешь также, чтобъ мы щолкали другъ друга по носкамъ, для того, чтобъ тебя потѣшить, чтобъ тебя повеселить. Веселія твои основаны на благопристойности, на снисхожденіи, на учтивости, и если мы тебѣ въ оныхъ сотовариществовать не хотимъ, если не предупреждаемъ твоихъ въ чемъ желаній, то прямо сказать, что мы завеличалися своимъ счастіемъ, не чувствуемъ добра, по горло наслаждающаго насъ, и сіе есть всеобщая слабость человѣковъ: они познаютъ тогда свое блаженство, когда лишаются онаго. Можно также почесть и тѣхъ льстецами вредными, которые, дабы прославиться своимъ краснорѣчіемъ, своими талантами, похваляли какое-нибудь дѣло, вредъ человѣчеству наносящее, волшебной сладостью и выраженіемъ стиховъ своихъ одобряли разбойничество подъ именемъ геройства, разбойниковъ подъ именемъ героевъ и вкореняли свойственную почти всѣмъ людямъ жадность къ стяжанію и отличность путями несправедливыми. Таковъ былъ плѣшивый и слѣпой старикъ, который своей безсмертной Иліадой возродилъ двухъ Александровъ: одинъ, смотря на Ахиллеса, восхваленнаго имъ, пролилъ слезы и поработилъ Азію, а послѣдній, смотря на перваго, потрясъ Европу [1]. Сколько жъ было разбойниковъ, которые имъ подражали и наполняли вселенную кровію! Напротивъ того я не опасенъ, что стихи мои, тебѣ въ похвалу сочиненные, поострили кого къ какому-либо злодѣйству. Пусть прочтутъ ихъ и послѣдуютъ тебѣ твои потомки, послѣдуютъ цари вселенной. Они учинятъ вселенную изъ вертепа разбойничья блаженнымъ эдемомъ. Они сосѣдей своихъ безъ браней, по однимъ договорамъ, присоединятъ къ своимъ владѣніямъ, они построятъ памятники ихъ предмѣстникамъ и докажутъ тѣмъ, что они хотя ревнуютъ ихъ славѣ, но не завидуютъ ей и не помрачаютъ ея, но отдаютъ достойному достойное. Они прольютъ при освященіи тѣхъ памятниковъ слезы, означающія ихъ великія, благородныя и благодарныя души. Они пошлютъ купеческіе флоты за тридевять земель въ тридесятое царство и, распространяя торговлю, разліютъ богатство въ областяхъ своихъ. Они построятъ цвѣтущіе города, которыхъ верхи досягать будутъ до облакъ. Они на степяхъ, можетъ быть, съ начала свѣта не обличаемыхъ, посѣютъ нивы, которыхъ наклоняя зефиръ, представитъ взору златомъ струящеюся землю. Они построять Божеству храмы, которыхъ безсмертный мраморъ возвѣститъ въ позднѣйшія времена ихъ благочестіе. Они учредятъ народныя училища и учинятъ всѣхъ просвѣщенными человѣковъ. Они созиждутъ почтительныя зданія человѣколюбія, совѣсти и правосудія, куды при-

[1] Карлъ XII, котораго современные стихотворцы называли новымъ Александромъ. Ср. у Сумарокова, въ *Эпитафіи Карлу XII:*

«Едва отъ ужаса сей камень не дрожитъ:
Полночный Александръ зарытъ подъ нимъ лежитъ» и проч.

(Соч. Сум. I, 266.)

бѣгнутъ подъ покровъ вдовы и сироты, больные прокаженные, дураки и шуты, тучные моты и тощіе стихотворцы, гдѣ ихъ посадятъ, призрятъ, напоятъ, накормятъ, обуютъ и одѣнутъ, съ уговоромъ, чтобъ стихотворцамъ стиховъ не писать, а прочимъ что-нибудь работать, для того что однимъ праздность, а другимъ кропаніе стиховъ благосостоянію ихъ и здоровью вредны. Они ободрятъ домостроительство, привяжутъ каждаго должностію къ своему городу, дадутъ познать свое отечество и отъ скуки, вмѣсто упражненія въ столицахъ картами и шашками, нечувствительно пріобучатъ каждаго къ какому нибудь промыслу, позволятъ, кто только хочетъ, вино курить и провіантъ не большимъ подрядомъ, а хоть по одному мѣшку въ магазейны возить. Они не будутъ выжимать изъ своихъ подданныхъ послѣдней крохи, какъ изъ лимоновъ сокъ, и чрезъ то называться премудрыми, а доставятъ народу упражненія, рукодѣлія и промыслы и будутъ съ нихъ то получать, что̀ есть откуда взять, и тѣмъ будутъ содержать свое царство и награждать изобильно шапками заслуженныхъ мурзъ своихъ. Они не будутъ бояться сатиръ и позволятъ всякому писать себѣ чрезъ почту, почитая, что они выше всѣхъ сатиръ, и для того за дерзкіе вопросы только шутя приклеятъ отвѣтами носы. Они допустятъ къ себѣ депутатовъ, дабы изъясняли, не угнетаютъ ли ихъ сатрапы. Они велятъ избрать въ судьи подобныхъ себѣ. Сообразяся съ ихъ кротостію, мурзы будутъ поступать съ невольниками мягкосердѣе, находя болѣе удовольствія въ человѣколюбіи, нежели въ тиранскомъ самовластіи. Они, пишучи законы, дадутъ право оные разсматривать подданнымъ и замѣчать ихъ погрѣшности, и если подданные ихъ того дѣлать не будутъ, то не они виною будутъ недоразумѣній въ законахъ, но низкія души, которыя поопасутся говорить правду, чтобъ не лишиться мнимаго своего счастія; ибо онаго нѣтъ кромѣ чувства истины. Они будутъ сносить грубую правду и тѣмъ болѣе будутъ, нежели оную напишутъ въ законахъ своихъ въ наставленіе другимъ, болѣе нежели какія-либо побѣдятъ закоренѣлыя предразсужденія и воинства цѣлаго міра, ибо они тогда побѣдятъ самихъ себя. Они нимало за то гнѣваться не будутъ, ежели имъ скажутъ, что они имѣютъ страсти, ибо страсти человѣкамъ свойственны, а творя дѣла божественныя, они болѣе будутъ удивительны, чѣмъ какое-либо божество, не имѣющее страстей, ибо Богу свойственно творить чудеса и Ему нѣтъ ничего не возможнаго. Сами страсти ихъ, такъ сказать, будутъ божественныя страсти. Они будутъ увеселенія свои находить въ великолѣпіи, щедротахъ, славѣ и любви. Они будутъ мерзить тиранствомъ и при ихъ владѣніи не прольется кровь человѣческая какъ рѣка, не будутъ торчать трупы на колахъ и головы на эшафотахъ, и висѣлицы не поплывутъ рѣками возвѣщать черни о ярости лютыхъ владѣтелей своихъ; они не будутъ сбирать цѣлой фали изъ разныхъ заточеній, чтобъ всѣмъ вмѣстѣ въ одинъ часъ отрубить головы, они предупредятъ преступленія премудрыми своими учрежденіями, благостію и снисхожденіемъ и при нихъ почти не будетъ разбоевъ. Вельможи ихъ будутъ столь же кротки, незлопамятны, немстительны, какъ ихъ владѣтели. Если иногда и будутъ любить дураковъ и шутовъ, то это свойственно великану, чтобъ предъ собой имѣть людей ниже себя хоть на полвершка ростомъ. Какъ же и будутъ въ пьянствѣ и въ дурацкихъ своихъ и злобныхъ шуткахъ ставить искренныхъ друзей своихъ къ стѣнѣ, чтобъ, стрѣляя по нихъ изъ ружей или изъ луковъ, мѣрять ихъ ростъ пулями или стрѣлами, но если будутъ забавляться, то иногда покупать статуи, иногда картины, биться съ супругами своими яицами или, склавши ручки, раскладывать въ кучи. Словомъ, царствованіе ихъ будетъ подобно царствованію богоподобной Фелицы, милосердой матери отечества киргизскаго народа, чрезъ что вселенная учинится древнимъ эдимомъ и начнутся въ ней златыя времена, толь много

прославляемыя, но никогда не ощущаемыя нашими братьями стихотворцами. Льстецами также можно называть и тѣхъ, которые хотятъ къ кому-нибудь поддобриться и что-нибудь выморщить, но ты меня и въ глаза еще не знала и про имя мое слыхомъ не слыхала, когда я, плѣненный твоими добродѣтелями, какъ дуракъ какой, при напоминаніи имени твоего, отъ удовольствія душевнаго плакалъ и, будучи приведенъ въ восторгъ, въ похвалу твою разные маралъ стихи, которыхъ бы, можетъ быть, были достаточныя уже стопы на завертку въ щепетильномъ ряду товаровъ, ежелибъ я ихъ не դралъ и не сжигалъ въ печи. То и нынѣ бы ты про меня конечно не знала, ежелибъ нѣкоторой неосторожной нескромностью они не учинились извѣстными цѣлому городу, а потомъ и тебѣ. А изъ сего ты видишь, что не подлое какое-либо ласкательство причиною тебѣ похвалъ моихъ, но твои великія добродѣтели и мое признательное и чувствительное сердце къ онымъ или лучше сказать такимъ образомъ, что судьба бросила въ мѣшечекъ два жребія и стала мѣшечекъ трясть: одинъ жребій выдался тебѣ, богоподобная царевна, чтобъ царствовать и удивлять вселенную, а другой, чтобъ мнѣ воспѣвать тебя и дѣла твои шуточными моими татарскими пѣснями. А какъ въ противность судебъ ничего не дѣлается, то, слѣдуя моему жребію, и сталъ я нечувствительно пѣвцомъ твоимъ. Но, правду сказать, ежелибъ не для тебя, то не хотѣлось мнѣ быть и нынѣ въ числѣ шайки стихотворцевъ, которыхъ я, а особливо похвальныхъ одъ подносителей почитаю подобными нищимъ, сидящимъ съ простертыми руками и ковшичками на мостахъ и воспѣвающимъ богатырей, которыхъ они нимало или и вовсе не знаютъ. Для того же, чтобъ не быть стихотворцемъ, чего я не предпринималъ? Иногда въ сералѣ моемъ или, лучше сказать, въ храмѣ, посвященномъ роскоши, гдѣ тысячи предметовъ, плѣняющихъ очи и возбуждающихъ сладострастіе, то на чернобровую, то на бѣлокурую, то на тучную, то на маленькую красавицу бросалъ платокъ мой. Иногда на торжищѣ праздности и любостяжанія сидѣлъ я за грудами золота, передвигалъ его туды и сюды, желая и у ближняго притягать къ себѣ не принадлежащее имѣніе, или ему свое бросить. И тутъ я чего не дѣлалъ? то въ кости, то въ карты, то въ шары, то въ шашки, а иногда, о! грѣшенъ окаянный! загибалъ я и уголки. Иногда принимался я важничать, морщился и протиралъ глаза свои и сказывалъ, что у меня отъ работы голова вкругъ катится, хотя впрочемъ, такъ же какъ и прочіе любя чужими руками жаръ загребать, проигрывалъ я ночь въ рокамболь, а поутру за дѣлами дремалъ въ диванѣ. Иногда шатался я какъ стѣнь въ туфляхъ, въ колпакѣ цѣлый день по моимъ покоямъ, а случалось, по улицамъ и пѣлъ ширень да вирень[1]. Словомъ, ничто не могло отвлечь меня отъ моей врожденной страсти, чтобъ о тебѣ не мыслить, не говорить и не писать, чѣмъ я утолялъ пламень души моей. Такъ дикая коза въ жаркій день перебѣгаетъ горы и долы и ищетъ источника, утолить ея жажду могущаго. Ты мнѣ велишь оставить чашу, въ которой ядъ; но ты сдѣлай такъ, какъ въ семъ случаѣ поступилъ Александръ: онъ, принимая отъ врача сосудъ, въ которомъ подозрѣвалъ быть яду, смотрѣлъ ему въ глаза и когда примѣтилъ, что въ нихъ не было ничего коварнаго, ничего робкаго и трусливаго, то оную выпилъ и чрезъ то получилъ облегченіе отъ своего страданія[2]. Пламенныя мои чувствованія, смѣлыя мои изъясненія и слезы, которыми я омочаю бумагу мою, когда о тебѣ пишу, да будутъ тебѣ достовѣрными свидѣтелями, что похвала моя тебѣ не лицемѣрна и на тотъ одинъ конецъ воспѣвается, когда не могу я оною болѣе ободрить тебя къ подвигамъ добродѣтелей и усугубить твою къ нимъ ревность, ибо душа твоя сама по себѣ велика и къ подкрѣпленію своему никакой похвалы не требуетъ, то чтобъ, чи-

[1] См. выше стр. 345. [2] Ср. Т. I, 114.

тая мои стихи, прочіе изъ описанія дѣлъ твоихъ научались твоимъ добродѣтелямъ и чтобъ я, изливъ чувствованія мои предъ тобою, показалъ сколько нибудь благодарности и усердія моей благотворительницѣ: ибо честный человѣкъ всякій чѣмъ ни есть долженъ быть признателенъ и благодаренъ существу, его благотворящему; а чѣмъ мнѣ инымъ было показать мое усердіе, дабы быть тебѣ извѣстну? Я не имѣю колесницы, на которой бы сидя управлялъ то воинскими, то гражданскими дѣлами, то совѣтовалъ о равновѣсіи царствъ вселенныя, гдѣ, показавъ мои услуги, заслужилъ твое благоволеніе. Итакъ позволь и не лишай меня сего собственнаго моего удовольствія, что дѣлаю въ похвалу твою стихи. Иногда сумасбродство столько слабымъ смертнымъ бываетъ пріятно, что ежели лишишь ихъ онаго, то сдѣлаешь ихъ совершенно несчастливыми. Нечего тебѣ бояться, чтобъ какая-нибудь похвала могла развратить твое сердце, слишкомъ 20 лѣтъ управляя толь преславно киргизскимъ престоломъ; когда ты была моложе и когда могли дѣйствовать жарчѣе твои страсти, могла ты держать съ похвалою возжи правленія, но теперь уже по опытамъ знаешь, что хорошо, что дурно....

XVII. КЪ КАЛЛІОПѢ[1]. Соч. въ Пб. 1792, октября дня, на пріѣздъ невѣсты Александра Павловича великой княжны Елисаветы Алексѣевны; напеч. въ первый разъ[2] въ I-ой ч.

64) Ужъ въ легкихъ сизыхъ облакахъ. — Калліопа, или великая княжна, была въ сизоголубомъ платьѣ; послѣдующіе стихи описываютъ лица ея изображеніе.

65) Лѣпообразенъ, статенъ и проч. — Подлинное изображеніе жениха или Аполлона, когда онъ былъ въ видѣ пастуха на земли.

66) Зрю сходство въ ихъ очахъ, чертахъ. — Женихъ и невѣста въ тѣ лѣта, какъ были сговорены, были чрезвычайно-похожи другъ на друга.

67) Тотъ отрокъ мой порфирородный, Я чье рожденье воспѣвалъ. — Сей и послѣдующій за нимъ куплетъ напоминаютъ стихи, на рожденіе Александра Павловича сочиненные: *Съ бѣлыми Борей власами.*

68) Народы, утомясь раздоромъ. — Напоминаетъ о бывшемъ тогда во Франціи въ самой сильной степени возмущеніи.

XVIII. НА ШВЕДСКІЙ МИРЪ[3]. Соч. 1790 при случаѣ мира, тогда же напеч. на особыхъ листкахъ[4], а въ другой разъ въ I ч. 1798.

69) Ты шествуешь въ Петрополь съ миромъ. — Императрица прямо изъ Царскаго Села пріѣхала съ объявленіемъ мира въ соборную Казанской Богоматери церковь и служила благодарный молебенъ, что̀ великую радость учинило всему обществу.

70) Отъ Орма до Невы прольются. — Ормъ, Персидскій заливъ, гдѣ родятся дорогіе перлы и песокъ золотой.

XIX. НА ВЗЯТІЕ ИЗМАИЛА[5]. Соч. въ Пб. 1790, тогда же напеч. на особыхъ листкахъ, а въ другой разъ[6] въ I ч. 1798.

71) Изъ трехъ сотъ жерлъ огнемъ дышали. — Тремя стами пушками измаильская крѣпость была обороняема.

[1] Т. I, 503. [2] Невѣрно, см. тамъ же [3] Т. I, 307. [4] Не совсѣмъ вѣрно, см. тамъ же. [5] Т. I, 341. [6] Невѣрно, см. тамъ же, стр. 337.

72) Нѣтъ! свыше пастырь вдохновенный Предъ ними идетъ со крестомъ. — (*пробѣлъ*) полку священникъ (*пробѣлъ*) взошелъ первый со крестомъ на стѣну.

73) Всякъ Курцій, Децій, Буарозъ. — Первый — всадникъ римскій, бросившійся въ разверзтую бездну, чтобъ утишить въ Римѣ моровое повѣтріе; второй — полководецъ римскій, бросившійся въ первые ряды, чтобъ одержать побѣду надъ непріятелемъ; третій — капитанъ французскій, взлѣзъ во время бури на скалу вышиною въ 80 сажень по веревочной лѣстницѣ, и взялъ крѣпость. Читай о немъ въ Запискахъ герцога Сюлли во второй книгѣ, въ 6 части.

74) Горой онъ море запрудилъ. — Александръ Великій, отправившійся для покоренія Персіи, когда не могъ взять на пути лежащаго города Тира, то чтобъ ближе подвесть стѣнобитныя машины или тараны, запрудилъ онъ тирскій заливъ и взялъ городъ приступомъ.

75) Я вижу страшную годину: Его три вѣка держитъ сонъ. — Воспоминаніе несчастнаго для Россіи времени, когда она около трехъ сотъ лѣтъ страдала подъ игомъ Татаръ.

76) Какъ звѣрь, его Батый рветъ гладный. — Царь татарскій, потомокъ Чингизъ-хана, который покорилъ Россію.

77) Какъ змѣй, сосетъ лжецарь коварный. — Ложный Димитрій, или Гришка Отреньевъ, который принималъ на себя имя царевича Димитрія Іоанновича.

78) Монархій свѣта разрушитель Простерся подъ его пятой. — Разрушили римскую монархію племена татарскія и прочіе сѣверные обитатели, которые покорены напослѣдокъ Россіянами.

79) Лишь твой орелъ луну затмилъ. — Гербъ россійскій — орелъ, а турецкій — луна.

80) Полякъ, Туркъ, Персъ, Прусъ, Хинъ и Шведы. — Сосѣдніе народы, окружающіе россійскую имперію.

81) Вселенной на среду ступаешь. — Подъ симъ разумѣется Византія, или Константинополь, почитавшійся древними за центръ земной.

82) Подъ нимъ плывутъ дремучи рощи. — Подъ парусами многія суда, или флоты.

83) Какъ сосна, рында обожженна. — Рында, дубина или палица, орудіе древнихъ княжескихъ придворныхъ, которые и сами назывались рындами.

84) Ахеянъ спасть, Агарянъ стерть. — Ахеяне — Греки, Агаряне — Турки.

85) Пророки, камни возглашаютъ. — Въ Византіи находятся камни съ надписями древнихъ восточныхъ народовъ, которые пророчествуютъ о взятіи сѣверными народами Константинополя; мистики находятъ о томъ пророчество и въ самомъ священномъ писаніи.

86) Темировъ попирать ногою. — Темиръ или Темиръ-Аксакъ, желѣзная нога, былъ завоеватель большой части Европы и Азіи, котораго племена, будучи Россіянами побѣждены, защищаютъ нынѣ Европу отъ варварскихъ набѣговъ.

87) Блюсть вашихъ отъ Омаровъ музъ. — Омаръ, зять Магомета, завоевавши Александрію, сжегъ славную библіотеку.

88) Аѳинамъ возвратить Аѳину — Т. е. городъ Аѳины возвратить богинѣ его Минервѣ, подъ которою разумѣется имп. Екатерина.

89) Градъ Константиновъ Константину. — Константинополь подвергнуть державѣ великаго князя Константина Павловича, къ чему покойная государыня всѣ мысли свои устремляла, какъ о томъ выше сказано.

90) И миръ Афету водворить. — Афетъ, сынъ Ноевъ, которому на часть досталась Европа.

91) Великими людьми желанный. — Генрихъ IV и многіе другіе большіе люди желали всеобщій въ Европѣ миръ утвердить; на сей системѣ и понынѣ у многихъ голова вертится.

92) Какъ Архимедъ, создастъ машины. — Архимедъ, славный греческій механикъ, сказалъ, что ежели бы нашелъ мѣсто, гдѣ утвердить машину, то бы онъ, ввернувъ въ землю кольцо, повернулъ всю вселенную.

(Послѣ описанія виньетокъ, которое уже напечатано нами при одѣ, замѣчено:)

Слѣдствіе сего великаго подвига *(т. е. взятія Измаила)* зрится нынѣ въ мгновенномъ покореніи Польши.

За сію оду авторъ получилъ отъ императрицы золотую табакерку, осыпанную брильянтами, въ 2000 руб.

XX. ИЗОБРАЖЕНІЕ ФЕЛИЦЫ[1]. Соч. въ Пб. 1789, напеч. тогда же, во второй разъ въ I ч. 1798.

93) Небесно-голубые взоры. — Сей куплетъ и слѣд. два описываютъ точно изображеніе императрицы, походку ея, нравъ, голосъ и проч.

94) Одѣнь въ доспѣхи, въ брони златы И въ мужество ея красы. — Симъ изображается восшествіе на престолъ императрицы, когда она, въ воинскомъ одѣяніи, ѣхала на бѣломъ бодромъ конѣ, сама предводительствовала гвардіею, имѣя обнаженный мечъ въ рукѣ.

95) ... и падши на колѣна, Поднесъ бы (*Нордъ*) скиптръ ей и вѣнецъ. — Сей стихъ относится къ избранію и возведенію ея на престолъ единогласно гвардіею и всѣми войсками, потомъ и всей имперіею.

96) Свободой бы рабовъ плѣнила И нарекла себѣ дѣтьми. — Она подтвердила манифестъ супруга своего Петра III о вольности дворянства, что, прослужа офицеромъ годъ, (*дворянинъ*) могъ оставить службу, когда хотѣлъ.

97) Престолъ ея на Скандинавскихъ, Камчатскихъ и Златыхъ горахъ и проч. — Окружное описаніе границъ россійской имперіи; а на сорокъ-двухъ столбахъ — что тогда было 42 губерніи.

98) Чтобъ, сшедъ съ престола, подавала Скрижаль заповѣдей святыхъ и проч. — Симъ представляется даяніе императрицею наказа о составленіи законовъ, которые всѣми законовѣдцами почитались взятыми изъ природы и заповѣдей Божіихъ. Въ сенатѣ былъ на столѣ представленъ литой серебряный храмъ съ великолѣпною колоннадою, въ которомъ представлена была императрица сшедшею съ престола и даю-

[1] Т. I, 270.

щею стоящей Россіи на колѣняхъ наказъ свой; подъ храмомъ въ сдѣланномъ ящикѣ хранился подлинный, писанный весь собственною рукою императрицы. Статуя ея была литая золотая.

99) Чтобъ дики люди отдаленны, Покрыты шерстью, чешуей. — Симъ изображается созывъ всѣхъ народовъ, по россійской имперіи обитающихъ, для сочиненія законовъ, отъ коихъ были присланы депутаты отъ каждой области по 2 человѣка, даже изъ самыхъ отдаленнѣйшихъ краевъ Сибири, какъ-то: Камчадалы, Тунгузы, Калмыки и проч.

100) Струнли бъ слезы — и блаженство Своихъ проразумѣя дней. — Какъ всякому было позволено сообщать свои мысли и подавать свои голоса, то естественно, что всѣ были рады такому законодательству, позабывъ свое первобытное состояніе.

101) Финнъ въ морѣ блѣдный, рыжевласый и проч. — Финны и Гунны — сѣверные и восточные главные народы, изъ коихъ Россія составилась. Первые, рыжевласые, питалися разбоемъ по Варяжскому и Балтійскому морю; вторые, узкоглазые, скитаясь по стєпямъ, не имѣли хлѣбопашества кромѣ скотоводства; но послѣ подъ правленіемъ Россіи учинились пахарями.

102) И будьте столь благополучны, Колико можетъ человѣкъ. — Императрица въ наказѣ своемъ, данномъ коммиссіи о сочиненіи новаго уложенія, сказала: она не желаетъ дожить до того, чтобы какой народъ былъ ея (*народа*) благополучнѣе.

103) Не въ рабствѣ, а въ подданствѣ числить И въ ноги мнѣ челомъ не бить. — Кромѣ того, какъ выше значитъ, что позволяла она свободно мыслить, издала 17.. г.[1] указъ, чтобы просьбы не писать челобитьемъ, а просто прошеніемъ, и не называться рабами, а подданными.

104) Даю вамъ право безъ препоны Мнѣ ваши нужды представлять. — Позволила изъ провинцій по надобностямъ пріѣзжать депутатамъ

105) Читать и знать мои законы, И въ нихъ ошибки замѣчать. — При новыхъ издаваемыхъ законахъ позволила губернскому правленію созывать палаты и представлять къ ней, буде какіе примѣтитъ недостатки или погрѣшности.

106) Даю вамъ право собираться И въ думахъ золото копить и проч. — Позволила дворянскимъ и купеческимъ думамъ собираться и имѣть у себя складочную свою собственную казну и запретила депутатамъ, пріѣзжающимъ къ ней, говорить ей похвальныя рѣчи.

107) Въ судьи другъ друга выбирать, Самимъ дѣла свои всевластно И начинать и окончать. — Позволила гражданскія дѣла въ нижнихъ и среднихъ мѣстахъ зачинать и окончательно рѣшать дворянамъ, гражданамъ и крестьянамъ, избранными изъ ихъ общества судьями, а палатамъ велѣла только ревизовать сіи дѣла по апелляціямъ; слѣдовательно, они начинались и оканчивались ими самими.

108) Махать съ духами, пить и ѣсть. — Она смотрѣла на всѣ

[1] 1786.

секты сквозь пальцы, которыя только не причиняли обществу вреда. *Махать*, шуточное изреченіе, значитъ волочиться.

109) Хаосъ на сферы бъ раздѣлился. — Подъ симъ выраженіемъ разумѣется раздѣленіе всей имперіи на умѣренныя губерніи, въ которыхъ нѣсколькими учрежденными судами управляли губернскія правленія, каждое въ своей сферѣ, такъ что не позволено переносить дѣлъ изъ одной губерніи въ другую, изъ чего выходила такая запутанность, что разобрать было невозможно, ибо тогда равное мѣсто перерѣшивало рѣшеніе другаго. Но отъ сего порядка въ открывшихся намѣстничествахъ выстроились каменные новые города, которыхъ прежде не было, для чего на всякую губернію каждый годъ отпускалось изъ казны 20 т. рублей.

110) Изобрази мнѣ міръ сей новый Въ лицѣ младаго лѣтня дня. — Симъ изображается подобіе новаго великолѣпно устроеннаго міра.

111) И чтобъ царевна умиленна, Вперя свой взоръ на небеса и проч. — Изображеніе благочестія, въ какомъ государыня въ церквахъ и на молитвѣ предстояла.

112) Какъ съ синей крутизны эѳира Лучамъ случится ниспадать. — Изображеніе благословенія Божія, нисходившаго на всѣ ея начинанія и дѣла, что̀ называется счастіемъ.

113) Чтобъ видѣлъ я въ рога зовущихъ Тамъ пастуховъ стада на лугъ. — Изображеніе сельскаго устройства или культуры, также и благополучной и богатой торговли.

114) Чтобы съ ристалища мнѣ громы И плески доходили въ слухъ. — Изображеніе каруселя, бывшаго въ 1766 г., въ которомъ рыцарскіе подвиги представлены были.

115) И зрѣлъ бы я ее на тронѣ Сидящу въ утваряхъ царей. — Изображеніе величества ея на престолѣ и самодержавнаго ея могущества, что всѣмъ сама она управляла. Бармы называется та крупная жемчужная цѣпь, или нитка нашихъ древнихъ царей, полученная Владиміромъ Мономахомъ отъ константинопольскаго императора. Подъ утварью разумѣются всѣ регаліи царскія.

116) Чтобъ свыше ею вдохновенны Мурзы, паши и визири. — Подъ диваномъ здѣсь надо понимать сенатъ, а подъ мурзами, пашами и визирями сенаторовъ и прочихъ, служащихъ съ ними.

117) ... Почто писать уставы, Коль ихъ въ диванахъ не творятъ. — Изреченіе Петра Великаго, что не надо писать законовъ, коль ихъ не исполнять; сіе подтверждала въ указахъ императрица нѣсколько разъ.

118) Изъ устъ бы громы лишь гремѣли, Которы у нея въ рукахъ. — Симъ изображается ея милосердіе.

119) Чтобъ совѣсть всюду предсѣдала И обнимался съ ней законъ. — Симъ вспоминается учрежденіе совѣстнаго суда.

120) Чтобъ отворила всѣмъ дороги Чрезъ почту письма къ ней писать и проч. — Съ царствованія сей государыни вошло въ обычай писать къ ней письма чрезъ обыкновенную почту, и она нерѣдко допускала къ себѣ для объясненія, когда ее кто-нибудь о томъ просилъ.

121) Проникнуть мысли были скоры И въ самыхъ скрыт-

нѣйшихъ сердцахъ. — Симъ напоминается достопамятность, случившаяся съ авторомъ. Онъ былъ утѣсненъ, какъ выше явствуетъ, нѣкоторыми вельможами, по клеветамъ ихъ удаленъ съ губернаторства и отданъ подъ разсмотрѣніе сената; онъ оправдался и, когда ему о томъ объявлено было, просилъ позволенія объясниться съ императрицей. Ему позволено было: въ Царскомъ Селѣ назначенъ день и часъ; онъ предсталъ предъ ней, благодарилъ за правосудіе. Она, подавъ руку, сказала, что не за что. Потомъ спросила, что̀ онъ хочетъ съ нею говорить; онъ отвѣтствовалъ, что имѣетъ письменныя представленія, которыя онъ оставилъ въ передней комнатѣ, касательно безпорядковъ, произведенныхъ въ губерніи генералъ-губернаторомъ; она сказала, для чего онъ ихъ не представилъ въ отвѣтахъ своихъ въ сенатъ. — Было бы противъ законовъ: о томъ меня не спрашивали. — Для чего же ты прежде о томъ мнѣ не писалъ? — Я писалъ; мнѣ объявлено генералъ-прокуроромъ, чтобъ я просился чрезъ генералъ-губернатора, а какъ онъ мнѣ непріятель, то не могъ сего сдѣлать. — Но не имѣете ли вы въ нравѣ вашемъ чего-нибудь строптиваго, что ни съ кѣмъ не уживаетесь? — Я служилъ съ самаго простаго солдатства и потому, знать, умѣлъ повиноваться, когда дошелъ до такого чина. — Но для чего же раздорилъ съ Тутолминымъ (генералъ-губернаторъ олонецкой губерніи)? — Онъ издалъ свои законы, а я присягалъ исполнять только Ваши. — Для чего же разошелся съ Вяземскимъ? — Онъ началъ надсмѣхаться надо мной и притѣснять за написанную мною похвалу Фелицѣ. — А для чего же не поладилъ съ Гудовичемъ? (Онъ былъ генералъ-губернаторъ въ Тамбовѣ). — Онъ не рачилъ о Вашихъ интересахъ, о чемъ я хочу бумаги тамъ находящіяся представить. — Хорошо, опослѣ: я тебѣ дамъ твое жалованье и опредѣлю тебя къ другому мѣсту [1].

122) Гдѣ благочестье предсѣдаетъ И долгъ велитъ страстямъ молчать. — Симъ куплетомъ описывается кабинетъ, или письмохранилище императрицы, въ которомъ отправляла государственныя дѣла.

123) Тобой они и померцаютъ, Какъ блескъ вечернія зари. — Симъ, по начинающейся революціи во Франціи, предозначалась кончина Людвига XVI.

124) Самодержавства скиптръ желѣзный Моей щедротой позлащу. — Симъ означается снисходительное правленіе и слѣдуетъ достопамятность. При напечатаваніи въ Москвѣ I-й части 1798 года въ царствованіе Павла 1-го цензура не пропустила сихъ двухъ стиховъ. Авторъ чрезъ генералъ-прокурора князя Куракина просилъ доложить императору, объясняя, что ежели императрица, тоже самодержавная государыня, съ удовольствіемъ приняла сію мысль, то не можетъ быть противно оное и государю, разсыпавшему въ то время великое множество своихъ благодѣяній и щедротъ. Но какъ авторъ не получилъ никакого отзыва на свое отношеніе и неизвѣстно, докладывалъ ли Куракинъ о томъ императору, то и внесъ онъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ сіи строки своею рукою [2].

[1] *Зап.* (*Р. Б.*), 295. [2] *Зап.* (*Р. Б.*), 430.

125) Чтобъ тутъ кидала взоры Со отвращеніемъ она ... — Симъ изображается, что императрица неохотно подписывала приговоры о казняхъ.

126) Златая бы струя бѣжала За скоропишущимъ перомъ. — Симъ изображается наклонность ея къ добру.

127) Чтобъ сей рѣкой благодѣяній Покрылась вся ея страна. — Симъ изображается учрежденіе ею народныхъ больницъ, богадѣлень, сиротскихъ воспитательныхъ домовъ, которыхъ, а особливо послѣднихъ, до царствованія ея совсѣмъ въ Россіи не было.

128) Представь мнѣ, въ мысли восхищенной, Сходила бы съ небесъ она. — Изображается симъ подъ видомъ орловъ воспитаніе военнаго юношества (ибо кромѣ кадетскаго сухопутнаго корпуса учреждены ею морской и инженерный).

129) Яви, искусствомъ чудотворнымъ, Чтобъ льды пріяли видъ лилей. — Симъ изображается вызовъ иностранныхъ къ населенію колоній на саратовскихъ степяхъ.

130) Не позабудь ее представить, Какъ вмѣсто алтарей себѣ ... — Симъ изображается постановленіе и открытіе статуи въ Петербургѣ, предъ сенатомъ, Петра Великаго подъ именемъ Зороастра, законодателя индѣйскаго и персидскаго, въ какомъ смыслѣ и выше истуканъ его названъ.

131) Чтобъ зрѣть ее цари пришли. — Относится къ посѣщенію въ Петербургѣ императрицы императоромъ Іосифомъ II, королемъ прусскимъ и прочими владѣтелями и князьями.

132) Великой бы ее нарекъ, Поднесъ бы титлы ей священны. — Подъ симъ разумѣется приношеніе ей депутатскою коммисіею чрезъ сенатъ титуловъ Великой, Премудрой, Матери отечества и отрицаніе ея отъ оныхъ.

133) Спокойно Исполинъ дремалъ. — Подъ лицомъ Исполина разумѣется пространная имперія, о здравіи и благоденствіи которой всякими средствами она попеченіе прилагала.

134) И здравіе его спасая, Безъ ужаса пила бы ядъ. — Подъ симъ разумѣется отважный опытъ прививанія оспы, который императрица сама надъ собою первая приказала сдѣлать, дабы подать примѣръ тѣмъ ея подданнымъ, и съ того точно времени вошло въ обыкновеніе сіе спасительное въ Россіи средство.

135) На небеса воздѣли бъ руки Младенцевъ милліоны вдругъ. — Симъ изображается картина младенцевъ, которые спаслись отъ смерти прививаніемъ оспы.

136) Отпрянувъ, въ воздухѣ сверкали, Являли бъ пламень ихъ сердецъ. — Симъ изображается благодарность и усердіе родителей къ императрицѣ.

137) Стоглаву гидру разъяренну И фуріевъ съ земель своихъ ... — Подъ стоглавой гидрой разумѣются внутренніе бунты и мятежи, въ разныхъ мѣстахъ произведенные извѣстнымъ разбойникомъ Пугачевымъ; а подъ фуріями — моръ и гладъ, тогда же бывшіе, которые попечительными и премудрыми учрежденіями государыни скоро прекращены.

138) На сребролунно государство и проч. — Подъ сребролуннымъ государствомъ разумѣется Оттоманская порта; а подъ желѣзнокаменнымъ царствомъ Швеція, которыя вдругъ возстали войною на Россію, и оба побѣждены.

139) Никто въ бою имъ не равнялся, Кромѣ души великой ихъ. — Подлинныя рѣчи одного шведскаго вице-адмирала, взятаго въ плѣнъ на морскомъ сраженіи адмираломъ Грейгомъ или кѣмъ другимъ, о чемъ справиться надо.

140) И миръ въ порфирѣ приближался Тогда бъ къ царевниной рукѣ. — Отношеніе на тешенскій миръ, который посредствомъ россійскаго воинства, выведеннаго въ поле, учиненъ былъ.

141) Какъ Ангелъ съ синевѣ эѳира И милосердія въ лицѣ. — Изображеніе разныхъ благодѣяній, учиненныхъ императрицею при мирныхъ торжествахъ. То же значитъ и нижеслѣдующій куплетъ.

142) Душа ея въ себѣ прощала Неблагодарныхъ и враговъ. — Многіе извѣстные недоброжелатели сей государыни не были никакъ ею изгоняемы.

143) Привѣтливость ея равняла Съ монархомъ подданнаго часть. — Извѣстно также, что съ окружающими обходилась милостиво и безъ чиновъ.

144) И самое Недоумѣнье Ей плесковъ поднесло бъ вѣнецъ. — Государыня сія довольно покровительствовала науки и стихотворство и сама писала комедіи и оперы, изъ коихъ комедія *Недоумѣніе*, когда была первый разъ представлена, то чрезвычайно была хорошо принята публикою, хотя неизвѣстно было, что она сочинила оную. Авторъ, будучи въ комедіи и знавъ, что она писана государыней, послалъ сіи два стиха на театръ, написанные карандашемъ.

145) Вдохни, вдохни ей также страсти: Щедроту, славу и любовь. — Ежелибы страсти сіи во всякомъ случаѣ оказывались по правосудію, то бы были онѣ добродѣтели; то для того авторъ и именовалъ ихъ, чтобы ничего не скрыть, до изображенія сей государыни касающагося.

146) Бросай, кто хочетъ, — остры стрѣлы Отъ чистой совѣсти скользятъ. — Какъ авторъ имѣлъ много недоброжелателей изъ знатныхъ людей, которые его явно гнали и тайно оклеветывали, то и не хотѣлъ отомщать какой-либо сатирою, а довольствовался пѣть, имъ въ досаду, государынѣ похвалу, не страшась за правду зла.

XXI. НА НОВЫЙ ГОДЪ[1]. Соч. 1780 или 81 г. въ Пб.; первый разъ напеч. въ *С-петерб. Вѣстникѣ* въ томъ же году, потомъ[2] въ I ч. 1798.

147) А если милой и пріятной Любимъ Плѣнирой я моей. — Подъ именемъ Плѣниры вездѣ въ сочиненіяхъ своихъ разумѣетъ авторъ первую жену свою.

148) Отъ должности въ часы свободны Пою моихъ я радость дней. — Симъ выраженіемъ авторъ оправдываетъ себя предъ начальникомъ своимъ, княземъ Вяземскимъ, давая знать, что стихотворствомъ занимается въ свободные часы отъ должности.

[1] Т. I, 116. [2] Въ *Собесѣдникѣ*, см. тамъ же.

Къ концу: Надо сочинить программу, и ежели позволить мѣсто въ новомъ изданіи, то нарисовать.

XXII. РѢШЕМЫСЛУ[1]. Соч. въ Пб. въ 1782 или 83 г., тогда же напеч. въ *С-петерб. Вѣстникѣ*[2], въ другой разъ въ I-ой ч. 1798 г.

149) Подруга Флаккова и дщерь. — Подруга, или собесѣдница Гораціева, дщерь природнаго таланта.

150) О Муза! славить Рѣшемысла. — Въ сказкѣ царевича Февея Рѣшемысломъ названъ ближній вельможа Таоу, царя китайскаго, подъ коимъ, сколько извѣстно, разумѣла императрица кн. Потемкина.

151) Въ странахъ сибирскихъ, хладомъ строгихъ. — Извѣстно, что въ странахъ восточныхъ отдаленныхъ, сибирскихъ, обитающіе тамъ народы, какъ-то: Тунгузы, Чукчи и Камчадалы, ѣздятъ на оленяхъ и собакахъ, запряженныхъ въ санкахъ, и даже женщины на одинъ обѣдъ къ пріятелямъ верстъ по пятисотъ разстоянія.

152) Блистала славой и красой Подъ соболинымъ одѣяломъ. — Въ помянутой сказкѣ Февея, сколько извѣстно, императрица пошутила весьма слегка на счетъ предмѣстницы ея, императрицы Елисаветы, которая извѣстно, что мало занималася дѣлами, блистая славой и красотой, въ роскоши одѣваяся соболинымъ одѣяломъ.

153) И спать въ полудни не ложиться. — Императрица Екатерина обыкновенно вставала въ 6 часовъ, въ седьмомъ, почти никогда не ложилась въ полдень отдыхать, а занималась какими-нибудь пріятными упражненіями, какъ-то: сочиненіемъ комедій, разсматриваніемъ рѣдкостей, а особливо въ послѣдній годъ отпечатываніемъ антиковъ на картузной бумагѣ, кои дарила своимъ приближеннымъ, а особливо много изъ нихъ находится у графини Браницкой.

154) Плѣнитъ сосѣдей безъ оковъ. — Чрезъ сіе разумѣется пріобрѣтеніе Крыма безъ военныхъ дѣйствій.

155) Представь мнѣ Рѣшемысла въ лицахъ. — То есть: изобрази мнѣ иносказательно, или аллегорически князя Потемкина.

156) Которыя ихъ кровь сосали. — Сія мысль относится на бывшаго любимца императрицы Анны, герцога Бирона, который жестокимъ своимъ нравомъ много пролилъ крови невинныхъ людей, какъ-то: Волынскаго и прочихъ.

157) А онъ паритъ, какъ бы орелъ. — Сіе, въ противорѣчіе къ предыдущему, относится къ острому разуму кн. Потемкина, который былъ не золъ и прозорливъ, и если что пожелалъ, то не ползъ черепахой и не употреблялъ топора и плахи.

158) Онъ въ сердцѣ злобы не имѣлъ И даже мухи не обидитъ. — Сей любимецъ Екатерины былъ не мстительный человѣкъ и сіе потому доказательно, что хотя авторъ на счетъ его и шутилъ въ сочиненіяхъ своихъ, но ему никакого зла не дѣлалъ, но напротивъ того подъ конецъ его жизни оказывалъ желаніе подружиться съ нимъ, о чемъ ниже въ 4 томѣ упомянуто будетъ[3].

[1] Т. I, 170. [2] Невѣрно, см. тамъ же.

[3] Въ 4-ой части помѣщено *Описаніе торжества*, устроеннаго Потемки-

159) Онъ вольность плѣнникамъ даритъ, Героямъ шьетъ коты да шубы. — Кн. Потемкинъ, командуя арміей въ Крыму, выпустилъ изъ онаго всѣхъ крымскихъ Татаръ, куда они хотѣли, и императрица, въ бытность автора у ней статсъ-секретаремъ, сама ему сказывала, что отпущенныхъ Татаръ болѣе 400.000 кибитокъ, что сдѣлаетъ около полутора или двухъ милліонъ душъ, и облегчилъ сей полководецъ россійскую армію, что исходатайствовалъ у императрицы панталоны и широкіе мундиры, не пудриться и отрѣзать косы, которыя прежде были въ обыкновеніи по прусскому маперу, а зимой въ морозы носить коты и шубы.

160) Хвалить достоинства лишь знаешь. — Какъ авторъ въ то время не былъ знакомъ съ симъ любимцемъ государыни, а видѣлъ его роскошную жизнь, то и не хотѣлъ по собственному своему подвигу дѣлать никакихъ ему похвалъ; но княгиня Дашкова, будучи директоромъ академіи наукъ и издавая журналъ *Собесѣдникъ*, хотѣла ему, въ угожденіе императрицѣ, сдѣлать привѣтствіе въ томъ журналѣ и просила автора написать въ честь ему что-нибудь; онъ то исполнилъ, похваля достоинство вельможъ въ лицѣ Рѣшемысла.

Къ началу: Аллегорическое отношеніе къ знаменитому мужу, при которомъ обликъ свѣтлѣйшаго кн. Потемкина, ни чѣмъ не украшенный, кромѣ истинной печалію; о потерѣ его воспоминаютъ великія его достоинства. — Къ концу: Программа нужна.

Примѣчаніе. Сей виньетъ нарисованъ въ 1795 году послѣ смерти уже кн. Потемкина, то для того изображеніе представлено на гробницѣ.

XXIII. ПАМЯТНИКЪ ГЕРОЮ[1]. Сочинено въ Пб. 1791 г., напеч. въ тотъ же годъ на особыхъ листкахъ, во 2-й (*разъ*)[2] въ I части 1798.

161) О строгаго Кунгдзея муза. — Другое именованіе извѣстнаго философа и законодателя китайскаго, Конфуція.

162) Играть на нѣжномъ звонкомъ кинѣ. — Кинъ, китайскій инструментъ, издающій унывный и меланхолическій тонъ.

163) Онъ строгъ къ себѣ и благъ ко ближнимъ и проч. — Сіе относится къ свойствамъ кн. Репнина, тогда таковымъ показующагося, когда онъ былъ Потемкинымъ содержанъ не въ великомъ уваженіи; по опослѣ, въ первыхъ дняхъ царства императора Павла, явился онъ совсѣмъ другихъ свойствъ, т. е. обыкновеннымъ царедворцемъ. Сіе по опыту автора извѣстно ему стало. Императоръ Павелъ, знавъ автора по хорошему отзыву публики и по дѣламъ, въ первоначальныхъ дняхъ царства своего призвалъ автора къ себѣ поутру весьма рано и, обласкавъ его чрезвычайнымъ образомъ, сказалъ, что онъ беретъ его въ государственный совѣтъ правителемъ. Авторъ, благодаря его, отозвался, что ежели ему угодно любить правду какъ Петру Великому, то онъ приложитъ стараніе угодить ему. Послѣ того данъ былъ совѣту указъ, писанный или сочиненный его недоброжелателями, въ которомъ онъ названъ правителемъ *канцеляріи*.

нымъ въ честь императрицы (см. Т. I нашего изд.); описаніе это было составлено Державинымъ по просьбѣ князя Таврическаго.

[1] Т. I, 428. [2] Не совсѣмъ вѣрно, см. тамъ же.

Поелику это не было согласно со словами императора, то онъ весьма сему удивился, но отложилъ до удобнаго случая объясниться съ государамъ. До засѣданія совѣта, которое было въ каждой недѣлѣ по четвергамъ, приглашаемъ онъ былъ со всѣми членами совѣта на обѣдъ и ужинъ къ императору, чтò было нѣкоторымъ завидно, а недоброжелателямъ его не очень пріятно. Въ присутствіи совѣта, въ наступившій четвергъ, не зналъ онъ, чтò дѣлать, — сидѣть ли ему какъ *правителю совѣта* (ибо онъ былъ тогда уже сенаторомъ) на ряду съ прочими членами, или какъ *правителю канцеляріи совѣта* за столомъ правителя, и для того во все присутствіе, не сѣдши ни за тотъ, ни за другой столъ, проходилъ и простоялъ. А какъ кончился совѣтъ, то кн. Александръ Куракинъ сказалъ ему: что когда напишется опредѣленіе совѣта, то чтобы онъ привезъ къ нему на домъ для поднесенія къ императору. Сіе весьма показалось странно, для того что императоръ дозволилъ автору во всякое время входить въ нему въ кабинетъ самому и докладывать по дѣламъ, а для того предпріялъ онъ объясниться, какъ съ членами совѣта, такъ и съ самимъ императоромъ, о чемъ онъ съ членами объяснился; ему сказали, что инструкціи въ совѣтѣ, какъ поступать правителю, нѣтъ, что была она до 1-й турецкой войны относительно только къ военнымъ дѣламъ, для чего и совѣтъ былъ тогда учрежденъ, а послѣ окончанія той войны императрица ту инструкцію взяла къ себѣ, обѣщавъ дать другую, распространенную на гражданскія дѣла, то они и не могутъ дать совѣта, какъ ему поступать Сіе самое онъ хотѣлъ донесть императору; но въ первый день потомъ не могъ онъ его видѣть по занятію его разными дѣлами многихъ особъ. въ которое время недоброжелатели автора и успѣли императору внушить, что онъ, будучи сенаторомъ, почитаетъ для себя низко быть правителемъ канцеляріи совѣта и сидѣть съ канцелярскими служителями. На другой день допущенъ былъ къ императору, который его принялъ сперва очень ласково; авторъ донесъ ему, что онъ повелѣніе его величества исполнилъ, въ совѣтѣ былъ, но не знаетъ, чтò ему дѣлать и какъ поступать, не имѣя инструкціи, которой просилъ. Государь сказалъ, чтобъ онъ поступалъ какъ предмѣстникъ его Самойловъ. — Его не видно никакихъ дѣлъ, а только онъ носилъ протоколы совѣта императрицѣ. — Императоръ сказалъ: Я посмотрю и дамъ инструкцію. Авторъ, не зная вспыльчиваго нрава государя, сказалъ, что онъ не знаетъ, сидѣть ли ему, или стоять теперь въ совѣтѣ. Сіе показалось императору грубо и что онъ не хочетъ быть въ совѣтѣ; для того, разсердясь и растворя дверь, во все горло закричалъ предстоящимъ: онъ почитаетъ себя быть лишнимъ въ совѣтѣ, и для того поди въ сенатъ и сиди смирно, а не то, я тебя проучу. Съ симъ долженъ былъ авторъ возвратиться домой, а какъ домашніе приняли сіе съ большимъ прискорбіемъ, то и совѣтовали возвратить милость императора чрезъ кн. Репнина, который у него тогда былъ въ отличной милости. Авторъ послушался ихъ и, поѣхавъ на другой день очень рано къ Репнину, впущенъ былъ адъютантомъ предъ самую спальню, которой двери закрыты были сукномъ. Адъютантъ вошелъ къ нему и доложилъ о пріѣздѣ, ибо, не притворивъ дверей, сквозь сукно все слышно было. Князь его спросилъ: Кто пріѣхалъ? Адъютантъ отвѣчалъ: Державинъ. — Зачѣмъ? —

Не знаю. — Вели подождать. — Чрезъ часъ времени вышелъ, спрашиваетъ весьма гордо: Что вы отъ меня хотите? Онъ ему весьма учтивымъ образомъ объяснилъ о всемъ происшедшемъ; онъ ему отозвался весьма сурово: Что мнѣ до этого дѣла, я въ сіе не вхожу: подите, сударь, отъ меня. Авторъ тутъ узналъ съ прискорбіемъ, что это не тотъ философъ, который присвоивалъ себѣ всѣ качества кротости и человѣколюбія [1].

164) Разбилъ Юсуфа за Дунаемъ. — Юсуфъ, визирь Оттоманской порты, котораго кн. Репнинъ, предводительствуя арміею въ небытность кн. Потемкина при оной, разбилъ за Дунаемъ съ малою потерею и сдѣлалъ прелиминарные пункты о мирѣ. Надобно примѣтить, что кн. Репнинъ былъ секты масоновъ и такъ называемыхъ мартинистовъ, который, притворяясь, что изъ единственной любви къ отечеству не выходилъ изъ службы и сносилъ всѣ неуваженія, оказыванныя ему кн. Потемкинымъ, то и имѣлъ на своей сторонѣ всѣхъ масоновъ и ихъ приверженцевъ, которыхъ тогда было великое множество, особливо въ Москвѣ; а потому ода сія вообще и особливо ихъ партіею принята очень хорошо; для чего она и переведена на всѣ европейскіе языки и напечатана разными чернилами, то есть красными, синими и какими можно, въ досаду кн. Потемкина, котораго многіе не любили.

Къ началу: Портретъ князя Николая Васильевича Репнина. ... Сей обликъ изображаетъ послѣдняго побѣдителя Турокъ и перваго устроителя мира съ Турецкою державою. — Къ концу: Программы недостаетъ.

XXIV. КЛЮЧЪ [2]. Соч. въ Пб. 1779 г., напечатано въ томъ же году въ первый разъ въ *С-петерб. Вѣстникѣ*, въ другой разъ въ *Собесѣдникѣ*, въ третій въ I-й части 1798.

165) Завидую піита счастью. — Хераскова, сочинителя эпической поэмы *Россіяды*.

166) Священный Гребеневскій ключъ. — Подмосковное село, бывшее Хераскова, Гребенево, въ которомъ онъ сочинялъ сказанную поэму.

Къ началу: Изображеніе божества, присутствующаго при источникѣ Гребеневскаго ключа, который напоилъ стихотворческимъ духомъ изображеннаго при концѣ сихъ стиховъ творца Россіяды М. В. Хераскова. — Къ концу: Программу надо сочинить и нарисовать.

XXV. НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ МЕЩЕРСКАГО [3]. Соч. въ Пб. въ 1780 или 81 г., напечатано въ первый разъ въ *С-петерб. Вѣстникѣ* того года, въ другой разъ въ *Собесѣдникѣ* въ тѣхъ же годахъ; въ третій разъ въ первой части въ 1798.

167) Куда, Мещерскій, ты сокрылся? — Дѣйствительный тайный совѣтникъ [4] кн. Александръ Ивановичъ Мещерскій, главный судья таможенной канцеляріи.

168) Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ. — Былъ большой хлѣбосолъ и жилъ весьма роскошно.

169) Перфильевъ! и проч. — Генералъ-маіоръ Степанъ Василье-

[1] *Зап.* (*Р. Б.*), 389 и слѣдд. [2] Т. I, 77. [3] Т. I. 87. [4] Ст. сов., см. тамъ же

вичъ Перфильевъ, бывшій при воспитаніи императора Павла кавалеръ, хорошій другъ кн. Мещерскаго, съ которымъ всякій день были вмѣстѣ.

Къ концу нужна программа, ежели въ новомъ изданіи мѣсто позволитъ.

XXVI. ОСЕНЬ ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ ОЧАКОВА[1]. Соч. въ Тамбовѣ 1788, напеч. въ первый разъ въ I ч. 1798.

170) Россійскій только Марсъ Потемкинъ Не ужасается зимы. — Кн. Потемкинъ предводительствовалъ арміею, осаждавшею Очаковъ, при наступающей зимѣ, который взятъ декабря 6 числа въ самый злѣйшій морозъ.

171) Надъ древнимъ царствомъ Митридата. — Т. е. въ Тавридѣ, въ Крыму.

172) Летаетъ и темнитъ Луну. — Побѣждаетъ Турковъ.

173) Хотя вы въ Стиксъ не погружались, Но вы безсмертны по дѣламъ. — Ѳетида, по басновловію, мать Ахиллеса, держа его за пяту, погружала его въ Стиксъ, чтобъ былъ неуязвляемъ.

174) И ты спѣши скорѣй, Голицынъ. — Князь Сергій Ѳедоровичъ, бывшій тогда въ очаковской арміи генераломъ подъ командою кн. Потемкина.

175) Твоя супруга златовласа. — Варвара Васильевна, урожденная Энгельгардова.

176) Ея ты дяди и отца. — Кн. Потемкинъ, ея дядя, любившій ее, какъ отецъ.

178) Въ чертогѣ вкругъ ея безмолвномъ. — Она жила тогда уединенно въ селѣ своемъ Зубриловкѣ, лежавшемъ недалеко отъ Тамбова, и дожидалась нетерпѣливо извѣстія о мужѣ и о дядѣ изъ-подъ Очакова.

178) Въ восторгѣ только Музы томномъ. — Авторъ, не имѣя тоже извѣстія о нашихъ войскахъ, между страхомъ и надеждой послалъ ей сію оду.

XXVII. НА СМЕРТЬ ГРАФИНИ РУМЯНЦОВОЙ[2]. Писана въ Тамбовѣ въ 1787 г., напеч. въ первый разъ въ I-й ч. 1798.

179) Не должно, Дашкова, всегда. — Ибо сія ода подъ имрекомъ къ ней относится, хотя ей и неизвѣстно было, потому что она была въ крайнемъ огорченіи о женитьбѣ ея сына безъ ея позволенія, въ противоположность гр. Румянцовой, которая въ свой долгій вѣкъ много переносила горестей равнодушно. Кн. Дашкова, привержена бывъ къ англійскому народу, имѣла у себя въ домѣ англійскія украшенія, ковры и проч.

180) Монархамъ осмерымъ служила. — Графиня М. А. Румянцова была фрейлина при Петрѣ I; то, съ него начиная до Екатерины, было восемь монарховъ, коимъ она служила въ придворныхъ дамахъ.

181) Затмившаго мать лунный свѣтъ. — Мать того, который побѣдилъ Турокъ.

182) Когда не ищешь царской власти. — Княгиня Дашкова была честолюбивая женщина, добивалась перваго мѣста при государынѣ, даже желала засѣдать въ сенатѣ; хотя сего достигнуть не могла, но

[1] Т. I, 222. [2] Т. I, 214.

была однако директоромъ двухъ академій, наукъ и россійской, какъ выше сказано.

183) ... и сынъ твой съ страшна бою. — Сынъ княгини Дашковой былъ тогда въ турецкой арміи.

184) Өессальскій насаждая садъ. — То есть россійскій Парнассъ, или академію.

185) Сѣдый соборъ Ареопага. — Подъ симъ разумѣется сенатъ, который по дѣламъ дѣлалъ ей нѣкоторыя непріятности или, лучше сказать, князь Вяземскій, съ которымъ они были непріятели.

186) Я злобу твердостью сотру. — Авторъ тогда также былъ утѣсняемъ сенатомъ и сносилъ то равнодушно.

XXVIII. ЛЮБИТЕЛЮ ХУДОЖЕСТВЪ[1]. Соч. въ Пб. 1791, напеч. въ первый разъ въ тотъ же годъ на особыхъ листкахъ, во второй разъ[2] въ 1-й ч. 1798.

187) И гулъ глухой въ глуши гудетъ. — Съ сего стиха: *Какъ бы весной Разноперистыхъ птичекъ рой* до стиха: *И гулъ глухой въ глуши гудетъ* живая картина въ полуденныхъ провинціяхъ весны, а особливо подъ вечеръ, когда птицы понимаются и ростятся въ болотахъ лягушки, которыя протяжнымъ стономъ своимъ подобно какъ будто басъ вдали повторяютъ соловьиные голоса и прочихъ птицъ.

188) Здравствуй, ихъ всѣхъ покровитель. — *Любитель художествъ*, разумѣется здѣсь гр. А. С. Строгановъ, на день котораго рожденія, т. е. 3 генваря, сія ода писана. Онъ имѣлъ знатное собраніе картинъ, принималъ хорошо упражняющихся въ наукахъ и послѣ былъ главный директоръ императорской академіи художествъ.

Примѣчаніе. Въ послѣднемъ изданіи[3] напечатаны нѣкоторые куплеты курсивомъ безъ нужды, ибо тѣ только отмѣнными литерами должно означить, которые поются, а которые произносятся речитативами, тѣ обыкновенными буквами.

Сей Строгановъ былъ сперва хорошій пріятель автору, но послѣ сдѣлались врагами по той причинѣ: какъ въ бытностъ генералъ-прокуроромъ втораго, графъ Потоцкій о молодыхъ дворянахъ подалъ возмутительныя мнѣнія противъ самодержавной власти государя, то генералъ-прокуроръ по своей должности защищалъ законы; Строгановъ и многіе сенаторы открылись на сторонѣ противныхъ и, вышедъ изъ пристойности, Строгановъ кричалъ: Наша взяла! Генералъ-прокуроръ ударилъ молоткомъ, остановилъ дерзость и сіе было чрезвычайно досадно Строганову, ибо онъ себя любимцемъ государя почиталъ, и что молотка со временъ Петра Великаго никто не употреблялъ; а какъ въ тотъ день ввечеру былъ у Строганова балъ, гдѣ присутствовала императорская фамилія, но авторъ не былъ позванъ, то съ тѣхъ поръ онъ къ нему пересталъ ѣздить[4].

XXIX. МЕРКУРІЮ[5]. Соч. въ Пб. 1794, напеч. въ первый разъ въ 1-й части 1798 года

189) Почто меня отъ Аполлона, Меркурій, ты ведешь съ

[1] Т. I, 362. [2] Невѣрно, см. тамъ же. [3] Т. е. изданіи 1798.
[4] *Зап.* (*Р. Б.*), 467. [5] Т. I, 558.

собой? — Авторъ былъ опредѣленъ января 1 числа 1794 г. въ президенты коммерцъ-коллегіи, противъ его желанія, ибо онъ никогда сей частью не занимался.

190) За золото солому чтетъ. — Бывъ сенаторомъ, старался онъ управлять, сколько могъ, правосудіе, и для того прихаживало къ нему много просителей, но не съ задняго крыльца, то есть со взятками, и почитали его домъ, построенный особливой архитектурой на подобіе храмика, и большая зала обита была соломенными обоями.

191) Тебѣ, мой вождь и богъ златой. — Богъ златой, то есть Меркурій, богъ богатства, подъ которымъ разумѣется императрица, чтобъ не отягощала его много сей должностію и давала ему время упражняться въ словесности.

192) Среброчешуйну океану. — Подъ симъ изображается мореходство, приносящее богатство.

193) Позволь, какъ грянетъ громъ, домой Пришедшему обнять мнѣ Музу. — При императрицѣ открывалась и закрывалась таможня по пушечному выстрѣлу, когда били утреннюю и вечернюю зорю: то чтобъ сіе время могъ бы онъ быть свободенъ въ своихъ упражненіяхъ.

194) Да вмѣсто виста и бостона. — Въ то время были въ большемъ употребленіи карточныя игры, вистъ и бостонъ.

195) Не дамъ волкамъ овечки скушать. — Не дамъ утѣснить невинность сильному, но ты ободри меня въ томъ.

Къ началу: Жезлъ его и надпись. — Къ концу: Нужна программа.

XXX. НА СЧАСТІЕ[1]. Соч. въ Москвѣ 1789, когда авторъ находился въ чрезвычайномъ гоненіи; напеч. въ первый разъ въ 1-й ч. въ 1798 съ надписью: что якобы писана на масляницѣ для забавы.

196) Султановъ заключаешь въ клѣтку. — Султана Баязета Тамерланъ плѣня, заключилъ въ клѣтку.

197) На казнь выводишь королей. — Разумѣлся тогда англійскій король Карлъ I, а послѣ можетъ служить и Людовику XVI.

198) Раба творишь владыкой міру. — Тогда разумѣлся Надиръ, изъ разбойника сдѣлавшійся царемъ персидскимъ, а послѣ и Наполеонъ можетъ служить примѣромъ.

199) Какъ нѣтъ кикиморовъ явленья. — Въ непросвѣщенныя времена Россіи вѣрили, что есть лѣшіе, домовые и кикиморы, изъ коихъ первые духи лѣсные, вторые живущіе въ конюшняхъ, а третьи по избамъ, за печками, которые будто много дѣлали проказъ.

200) Дѣвицъ и дамъ магнизируешь. — Въ 1786 г. былъ въ великомъ употребленіи магнетизмъ; такъ что генералъ-маіорша Ковалинская публично дѣлала опыты, дозволяла къ себѣ приходить, когда она находилась въ семъ таинственномъ усыпленіи, дѣлала разныя прорицанія и читала молитвы.

201) Изъ камней золото варишь. — Сіе относится до графа Строганова, который хотѣлъ быть великимъ алхимистомъ, сыскать золотую тинктуру и философскій камень; на счетъ котораго была сдѣлана особливо императрицею комедія подъ именемъ ...[2].

[1] Т. I, 243. [2] Комедія *Обольщенный*, Т. I, 245.

202) Полна земля вся кавалеровъ. — Во времена прежнія, т. е. Петра В., Анны и Елисаветы, награждались орденами чрезвычайно рѣдко по особливому благоволенію государей и за заслуги; но съ 1782 г., когда учрежденъ былъ владимірскій орденъ, таковыя украшенія на многихъ появились, и также бригадирами изъ гвардіи полковъ многіе молодые люди отставлялись, а при Петрѣ В. почти закономъ было, чтобъ стариковъ только изъ гвардіи капитановъ каждаго полка въ годъ по одному отставлять съ бригадирскимъ чиномъ.

203) Коптишь Голландцамъ колбасы. — Въ семъ куплетѣ и въ послѣдующемъ описываются счастливыя военныя дѣйствія Россіи и политическіе выгодные для Россіи союзы, въ которыхъ императрица брала предъ всѣми въ Европѣ перевѣсъ, такъ что подъ ея лицомъ должно понимать Счастіе.

204) Въ тѣ дни, какъ всѣ вездѣ въ разгульѣ. — Выше сказано, что написана сія ода якобы на масляницѣ, когда всякія терпимы бываютъ народныя забавы; то подъ симъ предлогомъ изображаются разныя народныя проказы, роскошныя пиршества, игры и проч.

205) Весь міръ сталъ полосатый шутъ. — Подъ Ерихонцами, или Жидами, здѣсь разумѣются подъячіе, которые не сѣютъ и не жнутъ, но денегъ имѣютъ довольно. Вкусы и нравы распестрились отъ чрезвычайнаго обращенія съ иностранцами и въ великой модѣ были тогда полосатые фраки.

206) Мартышки въ воздухѣ явились. — Мартинисты хвалились, что они видятъ въ воздухѣ духовъ, съ коими якобы они обращались.

207) По свѣту свѣтятъ фонари. — Софисты, или лжемудрецы осмагонадесять вѣка.

208) Витійствуютъ уранги въ школахъ. — Уранги [1] — большія обезьяны; то относится сей стихъ на народное училище, гдѣ простолюдины говаривали на каѳедрахъ рѣчи, какъ-то и въ Тамбовѣ во время открытія народнаго училища говорилъ однодворецъ рѣчь, которую сочинилъ не онъ, а авторъ, и она находится въ прозаическихъ его сочиненіяхъ [2].

209) На пышныхъ карточныхъ престолахъ Сидятъ мишурные цари. — Тутъ разумѣются намѣстники, которыхъ всѣ почести хотя зависѣли отъ мановенія императрицы, но они чрезвычайно дурачились, представляя ея лицо, сидя великолѣпно на тронахъ, когда допускали къ себѣ при открытіяхъ губерній народныхъ депутатовъ и выбранныхъ судей.

210) Въ тѣ дни какъ Мудрость среди троновъ Одна не мѣситъ макароновъ, Не ходитъ въ кузницу ковать. — Въ дѣланіи макароновъ упражнялся испанскій король, а въ слѣсарной работѣ французскій, Людовикъ XVI; подъ именемъ же Мудрости, управляющей многими царствами, разумѣется императрица.

211) Изволитъ Музъ къ себѣ пускать. — Она занималась, какъ выше сказано, сочиненіемъ комедій и сказокъ.

[1] Не одинъ Державинъ называлъ такъ орангъ-утанговъ, ср. *Пространное поле* Алексѣева, М. 1794. [2] *Зап.* (*Р. Б.*), 269; ср. выше стр. 343.

212) И припѣваетъ: хемь, хемъ, хемъ. — Во время изданія вышесказаннаго *Собесѣдника* императрица занималась сочиненіемъ для онаго, въ который и присылала *Разговоры Дѣдушкины:* онъ, примѣтя какой-нибудь безпорядокъ, припѣвалъ *хемъ, хемъ, хемъ.* При семъ сочиненіи присутствовали и многіе ближніе вельможи, подъ названіемъ *Палата съ чутьемъ*[1], въ числѣ которыхъ была и княгиня Дашкова; всякій день имѣла она входъ къ императрицѣ послѣ обѣда и была у ней съ 4-хъ часовъ до 7-го, и взошла было чрезъ то въ великую силу; но какъ при пожалованіи ея въ президенты россійской академіи говорила она въ той академіи рѣчь, не ею, а кѣмъ-то другимъ сочиненную, то императрица въ шутку въ собраніи сказанной *Палаты съ чутьемъ* допустила передразнить ее смѣшнымъ тономъ и съ ея ухватками Льву Александровичу Нарышкину, который на шутки былъ способенъ. Сіе было не въ бытность ея, но ей пересказали; она разсердилась, всѣхъ разбранила. Гр. Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, согласясь съ Нарышкинымъ, вывели это тоже шуточнымъ образомъ; съ тѣхъ поръ императрица заперла двери княгинѣ Дашковой для входу ея послѣ обѣда къ упражненію словесности, а оставила пріѣздъ ея только по воскресеньямъ по ея должности. Симъ *Собесѣдникъ* сталъ упадать, ибо императрица не стала присылать въ него ничего, потому что все присланное ею княгиня, показывая свой разумъ, критиковала, переправляла и даже шутила на счетъ сочинительницы не токмо при собраніи многихъ своихъ, но и чужестранныхъ; однакожъ государыня при семъ случаѣ пожаловала ей 25 т. руб. для постройки дачи, чтобъ было ей чѣмъ послѣ обѣда заниматься.

213) А развѣ кое-какъ вельможи Тузятъ иного иногда. — Симъ авторъ показываетъ, что безъ всякой вины, а только по одной привязкѣ вельможъ былъ онъ удаленъ отъ губернаторства въ Тамбовѣ.

214) Она перунъ къ странамъ желѣзнымъ и проч. — То есть ведетъ войну съ Швеціею и съ Турками.

215) Въ морозъ камины возжигаетъ, Дрова и сѣно запасаетъ. — При театрахъ и на сборныхъ площадяхъ для согрѣванія народа въ жестокіе морозы были сдѣланы камины и устроены не токмо хлѣбные, но дровяные и сѣнные запасные магазины для бѣдныхъ людей.

216) И въ грошъ не ставлю никого. — Изображеніе письмоводителей при большихъ боярахъ, изъ числа коихъ былъ и самъ авторъ при князѣ Вяземскомъ.

217) Даю марьяжъ, иль шахъ и матъ. — Въ семъ куплетѣ и въ послѣдующемъ описываются издѣвочно разныя ухватки и утѣхи волокитства.

218) Безъ латъ я Горе-богатырь. — Императрица въ оперѣ своей *Горе-богатырь* разумѣла шведскаго короля, который хотя внезапно возсталъ войною, но не имѣлъ успѣха. Кн. Потемкинъ отсовѣтовалъ

[1] О Палатѣ съ чутьемъ см. въ VIII ч. *Собесѣдника: Общества незнающихъ ежедневная записка.* Ср. П. П. Пекарскаго *Матеріалы для исторіи журн. и лит. дѣятельн. Екатерины II* (*Записки Ак. Н.*, т. III, прилож. 6, стр. 22).

представлять на театрѣ сію оперу, сказавъ, что, пошутя публично на счетъ своего брата, дастъ поводъ къ какимъ-нибудь оскорбительнымъ сочиненіямъ, и тогда непріятнѣе будетъ переносить оныя, и потому сія опера играна не была; стихи въ ней сочинялъ Александръ Васильевичъ Храповицкій, бывшій при императрицѣ статсъ-секретаремъ.

219) **Не страстны мной, какъ прежде, Музы, и проч.** — Авторъ шутитъ надъ собою, что похвалой императрицѣ прослужился у всѣхъ вельможъ, и потому думаетъ, что и Музы ему, какъ прежде были, не благопріятны стали.

220) **Гудокъ гудитъ на тонъ скрипицы И вьется локономъ хохолъ.** — Въ сихъ двухъ стихахъ заключается насмѣшливая отверница[1] или обинякъ (équivoque), подъ коимъ разумѣется: подъ *гудкомъ* Гудовичъ, тамбовскій военный губернаторъ, человѣкъ ума посредственнаго, но по благопріятству счастія имѣющій важныя должности; а подъ *хохломъ* гр. Безбородко и прочіе Малороссіяне, знатныя роли счастливо игравшіе, ибо всѣхъ Малороссіянъ въ простонародьи называютъ Хохлами.

221) **Иль легкій шаръ Монгольфіера.** — Шаръ воздушный, выдуманный въ то время Французомъ Монгольфіеромъ, нѣсколько опытовъ тогда въ летаніи сдѣлавшій, былъ въ великой славѣ, которому Счастіе здѣсь тѣмъ уподобляется, что упадаетъ куды случится.

222) **Жить буду въ теремѣ богатомъ, Возвышусь въ чинъ и знатнымъ бракомъ Горацію въ родню причтусь Перомъ моимъ славно-школярнымъ.** — Сіи стихи относятся къ гр. Петру Васильевичу Завадовскому, который изъ казачьяго рода, бывъ въ канцеляріи гр. Румянцова, прославился сочиненіемъ пышныхъ отъ него реляцій и педантическимъ слогомъ указа при изданіи учрежденія о управленіи губерній и прочими рѣчами, отъ лица сената императрицѣ говоренными. Онъ вошелъ въ родство чрезъ бракъ къ большимъ боярамъ и въ роскошныхъ пирахъ повторялъ часто извѣстную оду Горація, которая начинается *Беатусъ*, то есть *Блаженъ*.

XXXI. НА ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ МЕЦЕНАТА[2]. Соч. въ Пб. въ 1781, напеч. первый разъ въ *С-петерб. Вѣстникѣ*[3], потомъ въ *Собесѣдникѣ*, въ третій разъ въ 1-й ч. въ 1798.

223) **Межъ ихъ, Шуваловъ, былъ и ты.** — Ив. Ив. Шуваловъ, любимецъ императрицы Елисаветы, дѣйствительный тайный совѣтникъ, кураторъ московскаго университета, который потому названъ меценатомъ, что покровительствовалъ и при той императрицѣ Ломоносова и Сумарокова и вообще стихотворство и прочія художества, такъ что онъ первый положилъ основаніе академіи художествъ.

224) **Фаросъ младыхъ вельможъ и мой.** — Фонарь или просвѣтитель чрезъ университетъ и гимназіи, бывшіе подъ его попеченіемъ, молодаго дворянства, изъ котораго многіе дослужилися знатныхъ чиновъ, какъ-то: Потемкинъ, Поповъ и прочіе, а также и авторъ обучался въ казанской гимназіи, который напослѣдокъ отправлялъ первѣйшія долж-

[1] Старинное слово, зн. противное (Востокова *Словарь церк.-слав. яз.*).

[2] Т. I, 120. [3] Невѣрно, см. тамъ же.

ности въ государствѣ, какъ-то: статсъ-секретарскую, президентскую въ коммерцколлегіи, государственнаго казначея и генералъ-прокурора.

225) Эреба бездна ужъ зіяла. — Ада или Тартара бездна (Эребъ по баснословію ...).

226) Безсмертны музами Периклы и проч. — Периклъ, аѳинскій вождь и правитель; меценатъ, другъ и вельможа Августовъ.

227) Равно безсмертенъ въ Петріадѣ Ты Ломоносовымъ перомъ. — Петріада, поэма *Петръ Великій*, которой двѣ пѣсни сочинилъ М. В. Ломоносовъ и посвятилъ ее имени своего мецената, то есть Шувалова.

XXXII. НА УМѢРЕННОСТЬ[1]. Соч. въ Пб. въ 1792, напеч. въ первый разъ въ 1-й ч. 1798.

228) Чтитъ Бога, вѣру и царей, Царствъ метафизикой не строя. — По сей стихъ всѣ предслѣдующіе куплеты относятся къ автору или къ поведенію, какъ онъ себя при дворѣ велъ, а ниже по 229 примѣчаніе — до французской революціи, надъ которой онъ шутитъ, что философы тогдашняго времени метафизической души, воображая равенство и свободу, какъ пузыри возвышаются въ своихъ мнѣніяхъ, желая возлетѣть въ горнее блаженство или имѣть его на землѣ съ грузомъ своимъ, то есть съ плотью.

229) Пускай Язонъ съ Колхиды древней и проч. — Подъ Колхидой разумѣется Крымъ, а подъ Язономъ князь Потемкинъ, пріобрѣтшій его своей министерской расторопностію.

230) Крезъ завладѣлъ чужой деревней. — Оберъ-прокуроръ Зубовъ, отецъ фаворита императрицы, въ то время отнялъ-было нагло у (Бехтѣева)[2] деревню, которую авторъ своей твердостію, представя сыну несправедливость отца, возвратилъ владѣльцу.

231) Марсъ откупъ взялъ, мнѣ все равно. — Князь Долгорукій и графъ Салтыковъ, генералъ-аншефъ, бывшій потомъ фельдмаршаломъ, содержали винные откупа.

232) И царскихъ суммъ на святотатство. — Послѣдняя турецкая война подъ предводительствомъ князя Потемкина стоила болѣе 60 милліоновъ рублей, тогда какъ первая подъ вѣдомствомъ гр. Румянцова не болѣе 7 милліоновъ, а въ послѣдней столько милліоновъ такъ не досчитались, что и слѣдовъ не нашли; ибо кн. Потемкинъ, имѣя большую довѣренность императрицы, содержалъ казенныя деньги и свои вообще и дѣлалъ изъ нихъ расходы куды ему разсудилось, безъ всякихъ узаконенныхъ записокъ.

233) Нѣтъ дѣлъ, — играю на бирюлькѣ. — Императрица, занята будучи политическими и военными дѣлами, неохотно занималась въ послѣднюю турецкую войну гражданскими; а какъ авторъ былъ по части оныхъ докладчикъ, то и не допущенъ бывалъ по недѣлѣ и по двѣ.

234) О добродѣтеляхъ въ карманахъ. — Подъ симъ объясняетъ авторъ негибкость своего характера, что онъ при докладахъ не вер-

[1] Т. I, 489. [2] Въ подлинникѣ фамилія пропущена. Ср. *Зап.* (*Р. Б.*), 302.

тѣлся туды и сюды, какъ рулетка, но читалъ что есть на бумагѣ, не смотря на лица, и о взяточникахъ такъ, какъ о честныхъ людяхъ.

235) **И шелъ къ нему опять со вздоромъ,** и проч. — Императрица иногда скучала, что авторъ обременялъ ее докладами о правосудіи и милости къ бѣднымъ; но онъ, не смотря на то, все съ тѣмъ же приходилъ (говоря придворнымъ языкомъ) вздоромъ.

236) **Не заплясалъ бы съ восхищенья.** — Случалось нерѣдко, что императрица, признаваясь въ своемъ несправедливомъ гнѣвѣ, прашивала у автора прощенія, ибо онъ не по своему выбору, а по ея собственному приказанію производилъ самыя важныя, но непріятныя дѣла, какъ-то: о похищеніи казны, банковъ и разореніи губерній, которыя, иныя, до его времени оставались лѣтъ по 20-и нерѣшеныя.

237) **Не вдругъ на похвалы пускался.** — Авторъ нѣсколько разъ былъ прошенъ самой императрицей, чтобъ онъ писалъ стихи подобные *Фелицѣ*, но онъ, будучи съ одной стороны занятъ важнѣйшими дѣлами, а съ другой видя несправедливости, неохотно къ тому приступалъ, такъ что во время бытности при ней, какъ изъ примѣчаній видно будетъ, весьма немногія написалъ, и тѣ съ примѣсью нравоученія, какъ-то и сія ода [1].

238) **Смотри и всякъ, хотя бъ чрезъ шашни Фортуны сталъ кто впереди.** — То есть: и ты, который по любовнымъ шашнямъ сдѣлался большимъ человѣкомъ.

239) **Не сплошь спускай златыхъ змѣй съ башни.** — Зубовъ, бывшій потомъ графъ и князь, любимецъ императрицы, иногда послѣ обѣда занимался сей дѣтской игрой, спуская бумажные змѣи съ царскосельскихъ башень.

240) **Хоть чья душа честна, любезна,** и проч. — Всѣ сіи любезныя качества имѣлъ въ себѣ неоспоримо кн. Зубовъ, но былъ неумѣренно гордъ и такъ скроменъ, что, поручая иногда самъ дѣла, когда ихъ къ нему приносили, то онъ не говорилъ о нихъ ни слова по цѣлому году, хорошо ли они сдѣланы, или худо.

241) **Умѣй ихъ не сронить и въ бури.** — Т. е. умѣй при несчастіи быть твердымъ; но онъ сего качества душевнаго не имѣлъ, а когда взошелъ на престолъ императоръ Павелъ, то онъ такъ струсилъ, что жалко было на него смотрѣть.

XXXIII. НА КОВАРСТВО ФРАНЦУЗСКАГО ВОЗМУЩЕНІЯ И ВЪ ЧЕСТЬ КНЯЗЯ ПОЖАРСКАГО [2]. Соч. въ Пб. 1790, напеч. въ первый разъ въ I-й ч. 1798 г.

242) **Намѣсто агнца въ алтаряхъ.** — Агнецъ, символъ кротости.

243) **Подъ любострастный алкоранъ.** — Алкоранъ — книга, содержащая законъ магометанскій, дозволяющая многоженство.

244) **Въ Варѳоломеевъ день тиранъ.** — Карлъ IX, король французскій, далъ повелѣніе изъ ревности къ католическому закону убивать лютеранъ, которыхъ въ одну ночь наканунѣ дня Варѳоломеева побито въ одномъ Парижѣ до 30.000.

[1] *Зап. Р. Б.*), 320 и 339. [2] Т. I, 315.

245) Велишь — и Цесарь, прослезяся, Знамена бунта развернулъ. — Кай Юлій Цесарь, преступя законы, покорилъ римскую республику подъ свое владычество; онъ, когда рѣшился перейти рѣку Рубиконъ, положенную ему сенатомъ границей, пролилъ будто отъ жалости слезы, велѣлъ распустить знамя бунта, сказавъ: «Быть такъ, жребій брошенъ!»

246) Велишь — и Неронъ, притворяся, и проч. — Неронъ, римскій императоръ, извѣстный мучитель. Онъ не токмо до восшествія своего на престолъ притворялся кроткимъ, но и съ начала царствованія своего въ теченіе 9 лѣтъ, когда должно было подписывать смертные приговоры, онъ съ сожалѣніемъ говорилъ, что лучше бы было, еслибы онъ совсѣмъ не умѣлъ писать; но въ продолженіе правленія своего потомъ говаривалъ: О, еслибъ Римъ имѣлъ одну шею, то имѣлъ бы онъ удовольствіе однимъ разомъ отсѣчь ему голову.

247) Тотъ тьмы гражданъ повергъ ко гробу, и проч. — Когда Цесарь, по одержаніи побѣды при Фарсалѣ, проливъ рѣки крови гражданъ своихъ, а Неронъ, по убіеніи матери своей Агриппины, торжественно вступали въ Римъ, тогда народъ, какъ бы за какія полезныя роду человѣческому дѣянія, встрѣчалъ ихъ съ радостными плесками и восклицаніями.

248) Разстриги, Кромвели, Надиры. — Гришка Отрепьевъ, или Разстрига, извѣстный похититель россійскаго престола. Кромвель, тоже извѣстный истребитель въ Англіи монархической власти и основатель новаго образа республиканскаго правленія. Надиръ-шахъ (Тамаспъ-Кулиханъ), похититель скипетра персидской имперіи.

249) Здѣсь дыба, — а по смерти адъ. — Дыбою называлося устроенное бревно, чрезъ которое вздергивали наверхъ человѣка, у коего руки были привязаны позади спины веревками, а ноги къ ввернутому въ полъ кольцу, и такимъ образомъ вытянутаго его истязывали кнутомъ, что̀ называлось пыткою; храмина, гдѣ сіе производилось, называлась застѣнкомъ; впрочемъ извѣстно по опытамъ, что тирановъ терзали самыя мрачныя печали и угрызенія совѣсти; а адъ, по исповѣданію вѣры нашей, есть мѣсто, гдѣ наказуются преступники по смерти.

250) Почтенну ль быть тебѣ съ Сократомъ, и проч. — Сократъ, стоической секты философъ, распространялъ ученіе о единствѣ Божіемъ, былъ гонимъ софистами, осмѣянъ въ комедіяхъ Аристофана и приговоренъ къ смерти Ареопагомъ; почитается понынѣ великимъ человѣкомъ; а Геростратъ, дерзкій безумецъ, который для прославленія своего сжегъ великолѣпный храмъ ефесской Діаны.

251) Поднесь бы Августомъ не слылъ. — Кай Юлій Октавій, императоръ римскій, домогся престола и утвердилъ себя на ономъ сперва кровопролитіемъ и коварствомъ; но, покоря Римъ подъ единоначальную власть свою, щедростію и снисхожденіемъ пріобрѣлъ любовь народа. Сенатъ почтилъ его именемъ Августа, т. е. величественнаго, а стихотворцы время царствованія его назвали золотымъ вѣкомъ.

252) Гдѣ Леониды, Аристиды, и проч. — Леонидъ, вождь лакедемонскій, заслужилъ себѣ безсмертную славу, защищая съ 300

воиновъ заливъ (?) Термопильскій противу Ксерксовой арміи, въ десять тысячъ разъ его превосходящей. Аристидъ — полководецъ и казначей аѳинской республики, прозванный *правдивымъ*; онъ заслужилъ себѣ безсмертіе безкорыстною своею справедливостію. Со всѣмъ тѣмъ сей великій мужъ не избѣжалъ клеветы и осужденъ былъ остракизмомъ къ изгнанію. Эпаминондъ, славный полководецъ ѳивскій, освободилъ отечество свое отъ ига Лакедемонцевъ и былъ столько не самолюбивъ, что величайшихъ своихъ качествъ не признавалъ въ себѣ только онъ одинъ. Катонъ, славный римскій сенаторъ, простиралъ любовь свою къ отечеству до изступленія, а добродѣтель до строгости. Публій Корнелій Сципіонъ, прозванный Африканскимъ, римскій полководецъ, побѣдившій Аннибала, Сифакса и Карѳагену, а превосходнѣе всего то, что умѣлъ обладать своими страстями.

253) Твой сильный гласъ, какъ Цицероновъ и проч. — Цицеронъ, сенаторъ и консулъ, римскій великій витія, прославился открытіемъ заговора Катилины и спасеніемъ республики.

254) Нарзесовъ славѣ удивляться, О Велизаріяхъ жалѣть. — Нарзесъ, полководецъ греческаго императора Юстиніана, предводительствовалъ римскою арміею противъ Готовъ, разбилъ ихъ въ двухъ сраженіяхъ и убилъ ихъ царя Тотилу. Царица Софія, разсердясь на него за роскошь, приказала ему, чтобъ онъ, оставя свое оружіе, шелъ прясть съ женщинами; онъ отвѣчалъ, что вытчетъ ей холстъ, который она не легко распуститъ. Велисарій, наивеличайшій полководецъ того же греческаго императора Юстиніана; онъ побѣдилъ Карѳагену, Гелимера, хищника вандальскаго престола, Готовъ, Сиракузы, Палерму, Римъ, Неаполь и многіе другіе города и народы; подносимую ему корону отъ Готовъ не принялъ, но, бывъ оклеветанъ, что будто домогается престола, лишенъ милости, брошенъ въ тюрьму, ослѣпленъ, скитался по міру, прося: Дайте Велисарію полушку, которому зависть выколола глаза.

255) Пусть Катилины, Бедемары И Мирабо и Лафайетъ. — Катилина, сенаторъ римскій, будучи огорченъ отказомъ консульскаго достоинства, сдѣлалъ заговоръ противъ республики и, вовлекши въ оный молодыхъ людей, развращенныхъ въ роскоши, принуждалъ ихъ пить человѣческую кровь въ залогъ его съ ними обязательства. Бедемаръ, посланникъ испанскаго двора въ Венецію, сдѣлалъ заговоръ о истребленіи сей республики огнемъ и мечемъ, который открытъ былъ наканунѣ исполненія однимъ изъ заговорщиковъ, вообразившимъ себѣ, что чрезъ нѣсколько часовъ истребится толь цвѣтущій городъ. Бедемаръ одаренъ былъ удивительнымъ проницаніемъ и рѣдкимъ даромъ познавать людей; политическія его догадки событіемъ своимъ почиталися вѣрными пророчествами. Самое сильное смущеніе духа онъ умѣлъ прикрывать веселымъ и спокойнымъ видомъ. Мирабо и Лафайетъ возмутители и витіи, извѣстные въ послѣднюю французскую революцію рѣчами своими, говоренными въ народѣ противъ королевской власти.

256) Пускай коварство Годунову. — Борисъ Годуновъ, ближній бояринъ и братъ царицы Ирины Ѳеодоровны, супруги царя Ѳеодора Ивановича, честолюбивыми своими происками и наконецъ опоеніемъ

ядомъ царя Θеодора и убійствомъ царевича Дмитрія Іоанновича домогся всероссійскаго престола, имѣлъ великія качества государственнаго человѣка, издалъ многіе полезные законы и учрежденія, между прочими памятниками своими воздвигъ извѣстную колокольню Ивана Великаго; онъ во время междоусобной брани, происшедшей отъ Гришки Самозванца, сидя за обѣдомъ, отравилъ себя ядомъ и тогда же велѣлъ себя постричь въ монахи и въ семъ состояніи умеръ.

XXXIV. НА ПАНИХИДУ ЛЮДОВИКА XVI[1]. Соч. въ Пб. 1793 марта 26 дня, тогда же и напечатана на особыхъ листкахъ, потомъ 1798 въ I-ой части.

257) А тамъ — на плахѣ Людовикъ. — Извѣстно, что Людовикъ XVI, король французскій, гиліотинированъ, или на плахѣ отрублена его голова на эшафотѣ.

258) А здѣсь приноситъ жертву ей. — Когда въ Петербургѣ въ католической церкви отправляема была панихида по семъ королѣ, то воздвигнутъ былъ на возвышенномъ тронѣ катафалкъ, церковь обита чернымъ сукномъ, и при блескѣ свѣчъ, съ печальною музыкою совершалась церемонія.

259) На тронѣ Филаретъ, въ темницѣ. — Филаретъ Никитичъ Романовъ, отецъ царя Михаила Θеодоровича, былъ девять лѣтъ въ мрачной темницѣ съ прочими посланниками томимъ въ Польшѣ, чтобъ подписалъ онъ трактатъ о возведеніи на московскій престолъ королевича Владислава, но онъ сего не сдѣлалъ.

260) Въ пыли Отрепьевъ, въ багряницѣ. — Отрепьевъ, или Лжедмитрій, похититель россійскаго престола, о которомъ выше сказано.

261) Отвѣтствуйте намъ, Петіоны. — Петіонъ, одинъ изъ злѣйшихъ бунтовщиковъ, подписавшихъ смертный приговоръ на Людовика XVI.

262) Ее и Кромвель бралъ въ орудье. — Вышеупомянутый похититель англійскаго престола, подъ видомъ освобожденія отечества изъ-подъ ига монархическаго правленія и возстановленія вольности, сдѣлался протекторомъ Англіи и вящшій оной тиранъ.

263) И ею Брутъ слѣпилъ умы. — Брутъ, сенаторъ римскій, убившій съ прочими сенаторами Юлія Цесаря подъ предлогомъ, чтобъ спасти республику отъ тиранніи.

264) Вы благости мои вкушали. — Сей куплетъ и послѣдующіе два описываютъ душевную доброту Людовика XVI, что онъ все добро, какое только могъ, дѣлалъ для своего народа и что въ его царствованіе не пролито было какой-либо жестокостію капли крови человѣческой.

265) На крыліяхъ орловъ несомы. — Авторъ подъ симъ разумѣлъ россійскія войска, предполагая, что для усмиренія народнаго во Франціи безпокойства оныя посланы будутъ, что̀ и исполнилось-было при императорѣ Павлѣ подъ предводительствомъ генералиссимуса Суворова; но судьба обращаетъ всѣ дѣянія человѣческія по своему произволенію.

[1] Т. I, 532.

XXXV. КЪ ПЕРВОМУ СОСѢДУ[1]. Писано въ Пб. 1780, напеч. въ первый разъ тогда же въ *С-петерб. Вѣстникѣ*, потомъ въ 83 году въ *Собесѣдникѣ* и наконецъ въ 1798 въ I-ой части.

266) Къ первому сосѣду. — Въ I-омъ изданіи сказано просто *Къ сосѣду*, потому, чтобъ отличить отъ *втораго сосѣда*, которому ода находится во 2-й части, тогда еще въ свѣтъ не бывшая издана[2]. Сей первый сосѣдъ былъ купецъ Михайло Сергѣевичъ Голиковъ, содержавшій въ семъ году с-петербургскіе питейные сборы на откупу и сдѣлавшійся по худому своему оными управленію и роскошной жизни несчастливымъ, что отданъ былъ подъ судъ за непозволенный провозъ французской водки.

267) И нѣжной Нимфой ты сидишь. — Онъ имѣлъ Италіянку у себя на содержаніи, театральную пѣвицу, съ которой проводя жизнь роскошную, повергнулъ себя въ вышесказанное бѣдство.

268) Твоя ужъ Пенелопа въ скукѣ и проч. — Пенелопа, супруга Улисса, царя итакскаго, которая во время десятилѣтней его отлучки подъ Трою обезпокоивана была женихами, сватавшимися къ ней по удостовѣренію, что уже Улисса нѣтъ въ живыхъ; но она, храня къ нему вѣрность, день отъ дня отлагая, обнадежила ихъ, что тотчасъ, коль скоро дотчетъ коверъ, то выйдетъ изъ нихъ за кого-либо замужъ, а между тѣмъ что̀ въ день наткала, то въ ночь распускала, дабы чрезъ то продлить время, покуда возвратится ея супругъ. Къ Голикову же сіе сравненіе относится потому, что онъ былъ сибирскій житель и, поѣхавъ въ Петербургъ для снятія откупа, оставилъ тамъ жену, обнадеживая ее, что скоро возвратится.

XXXVI. ПѢСНЬ БРАЧНАЯ ЧЕТѢ ПОРФИРОРОДНОЙ[3]. Писана въ Пб. 1793 сентября дня и относится къ брачному сочетанію великаго князя Александра Павловича, нынѣ царствующаго императора. Почерпнута изъ псалма 44. Музыка на сію оду сочинена была придворнымъ капельмейстеромъ Сарти и пѣта во время обѣденнаго стола сего торжества. Напеч. въ первый разъ въ I-й ч. 1798.

XXXVII. КЪ ЛИРѢ[4]. Писана въ Пб. 1794, печатана въ первый разъ въ I-ой ч. 1798 и относится къ гр. Зубову, который былъ любимцемъ императрицы и пожалованъ послѣ княземъ.

269) Кто Аристонъ сей младой? — Онъ былъ чрезвычайно скромнаго нрава и велъ себя, казалось, по-философически: то сравненъ здѣсь потому съ Аристономъ или съ Аристотелемъ, а съ Орфеемъ — по склонности къ музыкѣ.

270) Истый любимецъ Астреи. — Астрея, по баснословію, богиня златаго вѣка или справедливости; разумѣется подъ симъ императрица Екатерина II.

XXXVIII. КЪ КРАСАВЦУ[5]. Писана 1794 въ Пб., печатана въ первый разъ въ I-ой ч. 1798.

271) Души и тѣла красотою. — Относится сія ода къ гр. В. А. Зубову, который былъ какъ лицомъ, такъ и нравами человѣкъ прекрасный.

[1] Т. I, 102. [2] Тутъ очевидно есть пропускъ, сдѣланный въ самой рукописи.
[3] Т. I, 554. [4] Т. I, 598. [5] Т. I, 604.

272) **Въ войнѣ тебѣ ужасный вредъ.** — Во время завоеванія Польши онъ былъ генераломъ-поручикомъ подъ командою Суворова и потерялъ ногу, которая оторвана у него пушечнымъ выстрѣломъ.

Къ началу: Сія надпись, то есть *Къ храбрости и красотѣ*, приличествуетъ къ портрету графа Валеріана Александровича Зубова, ибо въ первомъ изданіи подъ таковою надписью сія ода была напечатана, а въ нынѣшнемъ для сокращенія просто сказано *Къ Красавцу*.

XXXIX. ВЕЛЬМОЖА[1]. Первоначальное основаніе сей оды положено въ саратовскихъ колоніяхъ въ 1774 г., которая и напечатана подъ надписью: *На знатность*[2] въ числѣ одъ читалагайскихъ, напечатанныхъ въ особой книжкѣ въ 1777 г.[3]. Но въ 1794 совсѣмъ противъ прежняго передѣлана и напечатана подъ названіемъ *Вельможа* въ I-ой части 1798 г.

273) **Не перлы перскіе на васъ И не бразильски звѣзды ясны.** — Перлы персидскіе, всѣхъ наилучшіе, украшеніемъ служили въ древности царямъ, изъ коихъ сдѣланы были бармы, или ожерелье, а въ новѣйшія времена богатые вельможи украшали ими звѣзды своихъ орденовъ, а бразильскія звѣзды — брильянты, ибо тамъ находятся славныя алмазныя копи, пещеры или штольны[4].

274) **Калигула! твой конь въ сенатѣ.** — Калигула, императоръ римскій, приказалъ любимой своей лошади присутствовать въ сенатѣ[5].

275) **Онъ только хлопаетъ ушами.** — Авторъ, присутствуя тогда въ сенатѣ, видѣлъ многихъ своихъ товарищей безъ всякихъ способностей, которые, слушая дѣло, подобно osламъ хлопали только ушами.

276) **Чтобъ мужу бую умудриться.** — Или глупому человѣку сдѣлаться мудрымъ. Сей стихъ относится къ тому достопримѣчательному событію, что императрица автору, когда онъ былъ при ней статсъ-секретаремъ, приказала дѣлать на всѣ сенатскія меморіи примѣчанія, и ежели что усмотритъ несправедливое или несогласное съ законами, то докладѣвать ей по причинѣ, что тогда генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій, будучи тяжко боленъ параличемъ, не могъ отправлять своей должности. Но когда частыя примѣчанія ей наскучили, тогда она приказала только прочитывать ихъ сенатскимъ оберъ-прокурорамъ, чтобъ они, ежели найдутъ ихъ правильными, новыя бы отъ сенаторовъ испрашивали резолюціи, и ошибки поправляли; но когда они не согласятся и останутся при своихъ мнѣніяхъ, тогда бы оставлялъ ихъ по ихъ волѣ, но только бы у себя имѣлъ имъ записку. Такимъ образомъ продолжались сіи примѣчанія почти цѣлый годъ; но когда въ одинъ день авторъ ей читалъ дѣла, то она сказала: «Нѣтъ, надобенъ мнѣ новый генералъ-прокуроръ, старый ослабѣлъ»; поглядѣвъ на автора лицомъ примѣчательнымъ, пресѣкла разговоръ. На другой день поутру, часу въ 9-мъ, любимецъ ея гр. Зубовъ прислалъ къ автору лакея съ записочкой, прося, чтобъ онъ поскорѣе

[1] Т. I, 622. [2] См. выше стр. 294. [3] Невѣрно, см. выше стр. 271.

[4] *Штольна* — горизонтальная выработка въ рудникѣ, имѣющая выходъ на дневную поверхность (Акад. Словарь).

[5] Ср. у Сумарокова притчу *Калигулина лошадь* (*Соч.* его, ч. VII, стр. 179).

ѣхалъ во дворецъ; но какъ авторъ тогда занемогъ и принималъ лѣкарство, то и не могъ сего сдѣлать, а пріѣхалъ уже на вечеръ. Гр. Зубовъ, отведши его на сторону, сказалъ, глядя на него пристально, что императрица намѣрена уволить стараго генералъ-прокурора отъ службы и сдѣлать, намѣсто его, новаго; то кого бы онъ думалъ? Авторъ, не показавъ нимало своего желанія къ тому, хотя отправлялъ ужъ почти годъ должность генералъ-прокурора, дѣлавъ замѣчанія на меморіи сената, которыя по большой части уважались оберъ-прокурорами и сенаторами, отвѣтствовалъ, что это состоитъ въ ея величества волѣ, кого ей угодно. Графъ сказалъ: Хорошо, поѣзжайте домой и пріѣзжайте завтра ранѣе. По пріѣздѣ графъ сказалъ: Выбранъ, братецъ, генералъ-прокуроръ. — Кто? — Графъ Самойловъ. И тотчасъ послѣ сего позванъ былъ авторъ къ императрицѣ; она спросила его: «Что записывалъ ли ты свои примѣчанія о сенатскихъ ошибкахъ, какъ я тебѣ приказывала?» — Записывалъ. — «Принеси же завтра ко мнѣ ихъ». Записки представлены; она ихъ, принявъ, оставила нѣсколько дней у себя; потомъ, призвавъ его, отдала оныя ему обратно съ аппробаціею, ея рукою написанною, сказавъ: «Отдай ихъ новому генералъ-прокурору и объяви отъ меня, чтобъ онъ поступалъ по онымъ и во всѣхъ бы дѣлахъ совѣтовался съ тобою». Вскорѣ послѣ того позванъ былъ къ ней гр. Самойловъ, т. е. новый генералъ-прокуроръ; возвратясь отъ нея, подошелъ къ автору и сказалъ, что ея величеству угодно, чтобъ онъ по своей должности съ нимъ обо всемъ совѣтовался; то онъ и надѣется отъ него дружескаго пособія. Авторъ откланялся и вслѣдствіе того былъ нѣсколько разъ приглашенъ на совѣтъ генералъ-прокурора; но какъ въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ не соглашались, а генералъ-прокуроръ отдался руководству подъячихъ, или, лучше сказать, правителю своей канцеляріи, человѣку не великаго разума и свѣдѣній, но упрямому, то и произвелъ онъ между графомъ и авторомъ ссору. По сей причинѣ сколько императрица ни желала, чтобъ подъ лицомъ генералъ-прокурора отправлялъ генералъ-прокурорскую должность авторъ, но сіе не имѣло своего дѣйствія и истина должна была открыться, показавъ слабость руля государственнаго правленія, т. е. ген.-прокурора[1].

277) Всякъ думаетъ, что я Чупятовъ и проч. — Чупятовъ, гжатскій купецъ, торговавши при с-петербургскомъ портѣ пенькою, имѣлъ несчастіе чрезъ пожаръ въ кладовыхъ на биржѣ анбаровъ понесть великій убытокъ, отъ чего объявилъ себя банкрутомъ, какъ иные сказывали, притворно, и, избѣгая отъ своихъ вѣрителей всякихъ непріятностей, наложилъ на себя дурь, сказывая, что въ него влюбленная марокская принцеса выйдетъ скоро за него замужъ, что прислала она къ нему уже премножество сокровищей, чѣмъ бы онъ давно заплатилъ свои долги, но непріятели его не допустили до рукъ его присланный подарокъ; однакоже достоинства и ордена, къ нему отъ нея присланные, онъ получилъ, которые онъ и носилъ на себѣ, какъ-то разныхъ цвѣтовъ ленты и медали: къ нему отъ нѣкоторыхъ насмѣшниковъ изъ шутки чрезъ почту и чрезъ нарочныхъ доставленныя, которыми очень гордился и утѣшался, показывая свои грамоты, сочиненныя разными людьми ему для насмѣшки.

[1] *Зап.* (*Р. Б.*), 349 и слѣдд.

278) Блисталъ величествомъ въ работѣ. — Извѣстно, что Петръ В. въ матросскомъ платьѣ, какъ простой плотникъ учившися корабельному строенію, работалъ на амстердамской биржѣ.

279) Токай густое льетъ вино. — Токай, гора въ Венгріи, на которой родится лучшій виноградъ, изъ котораго дѣлается славное токайское вино.

280) Левантъ — съ звѣздами кофе жирный. — Левантъ, или Анатолія, гдѣ славный съ Азіею отправляется торгъ лучшаго кофе.

281) Съ тобой лежащія Цирцеи. — Славная въ древности волшебница, которая любезными своими хитростями товарищей Улиссовыхъ на своемъ островѣ превратила въ свиней.

282) Какъ лунь во браняхъ посѣдѣвшій. — Лунь — бѣлая цвѣтомъ птица, родъ ястреба. Отношеніе къ цвѣту оной здѣсь для того употреблено, что многіе сѣдые заслуженные генералы у кн. Потемкина и гр. Безбородко и у прочихъ вельможъ сиживали часто нѣсколько часовъ въ передней между ихъ людей, покуда они проснутся и выйдутъ въ публику.

283) Межъ челядью твоей златою. — Челядь, или челядинцы — самые послѣдніе въ домѣ люди, но у богатыхъ людей и тѣ бываютъ одѣты въ золото.

284) А тамъ вдова сидитъ въ сѣняхъ. — Вдова Костогорова, которой былъ мужъ полковникъ, оказывалъ многія услуги Потемкину и былъ изъ числа его приближенныхъ, имѣлъ несчастіе, поссорясь за него, выйти на поединокъ съ извѣстнымъ Иваномъ Петровичемъ Горичемъ, храбрымъ человѣкомъ, который уже послѣ былъ генералъ-аншефомъ; сей убилъ его выстрѣломъ изъ пистолета, какъ говорили тогда, умышленно тремя пулями заряженнаго; вдова Костогорова, послѣ смерти мужа прося покровительства князя, часто хаживала къ нему и съ груднымъ младенцемъ на рукахъ стаивала, ожидая на лѣстницѣ его выѣзду.

285) Проснися, Сибаритъ, — ты спишь. — Сибаритяне были народъ роскошный, изнѣженный, который все свое блаженство поставлялъ въ сластолюбіи.

286) И силъ у рукъ не отнимаетъ. — Стихъ сей относится къ тѣмъ обстоятельствамъ, что императрица давала нерѣдко волю любимцамъ своимъ вмѣшиваться въ дѣла другихъ министровъ, какъ-то гр. Зубовъ чрезъ генералъ-прокурора Самойлова дѣлалъ что̀ хотѣлъ; онъ, по навѣтамъ Трощинскаго и бывшихъ тогда правителей таможенныхъ, именемъ императрицы объявилъ автору, чтобъ онъ по коммерцъ-коллегіи, хотя былъ оной президентъ, ничего не дѣлалъ; а предоставилъ дѣйствовать по с-петербургской таможнѣ Алексѣеву, бывшему тогда вице-губернаторомъ въ Петербургѣ; по таврической Зубову, который тогда былъ генералъ-губернаторомъ екатеринославскимъ и таврическимъ; итакъ, хотя былъ авторъ президентомъ торговли, но ничего не дѣйствовалъ.

287) Здѣсь далъ безсмертный Долгоруковъ. — Славный сенаторъ кн. Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ, который разодралъ опредѣленіе сената, подписанное Петромъ I, и отвѣтъ его о томъ извѣстенъ по анекдотамъ сего великаго государя.

288) Того я славнаго Камилла. — Камиллъ былъ консулъ и

диктаторъ римскій, который, когда не было въ немъ нужды, слагалъ съ себя сіе достоинство и жилъ въ деревнѣ. Сравненіе сіе относится къ гр. Румянцову-Задунайскому, который, будучи утѣсняемъ чрезъ интриги кн. Потемкина, считался хоть фельдмаршаломъ, но почти ничѣмъ не командовалъ, жилъ въ своихъ деревняхъ. Но по смерти кн. Потемкина, получа въ свое повелѣніе армію, командовалъ оною и, чрезъ предводительство славнаго Суворова обезоружа Польшу, покорилъ оную россійскому скипетру.

289) Тебѣ, герой, желаній мужъ. — Т. е. тебѣ, Румянцовъ, которому всѣ желали, чтобъ онъ командовалъ арміею по извѣстному его искусству въ предводительствѣ въ первой турецкой войнѣ.

290) Борись вновь съ бурями, мужайся. — Т. е. сражайся съ новыми непріятелями, взбунтовавшимися Поляками, и побѣждай ихъ.

291) Румяна вечера заря. — Стихъ, изображающій прозвище, преклонность лѣтъ и славу Румянцова.

Къ началу: Сіи портреты изображаютъ двухъ достойнѣйшихъ россійскихъ вельможъ, первый — современника великаго Петра, князя Якова Өедоровича Долгорукова; второй — побѣдоноснаго исполнителя воли Великія Екатерины, которой имя слава провозглашаетъ. — Къ концу: Программа нужна.

XL. МОНУМЕНТЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО[1]. Писано въ Пб. 1776, напеч. въ первый разъ[2] въ I-й ч. 1798.

292) Неронъ, Калигула, Коммоды. — Злые римскіе императоры.

293) Когда кого народъ не любитъ, Полки его и деньги прахъ. — Стихи сіи имѣютъ отношеніе на Фридриха II, короля прусскаго, который всякими силами, неправдами собирая богатства, былъ страшенъ въ Европѣ; но въ послѣдствіи времени разрушилось въ прахъ его царство Наполеономъ, покорившимъ оное чрезъ измѣну не болѣе какъ въ восемь дней.

Къ началу: Изображенъ монументъ, воздвигнутый Петру Великому великою Екатериною, съ надписью: *Живъ въ преемницѣ своей и дѣлахъ его.*

Къ концу: Слава, парящая по воздуху съ именемъ Петра I въ знакъ вѣчности.

XLI. ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ[3]. Написано въ Пб. 1776, напеч. въ первый разъ[2] въ I-й ч. 1798. Пѣснь сія была въ великомъ употребленіи въ ложахъ у масоновъ, почитающихъ память Петра В., въ которыхъ секты хотя авторъ убѣдительно былъ привлекаемъ, но никогда не былъ въ оныхъ.

XLII. КЪ НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ЛЬВОВУ[4] (что былъ послѣ тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ). Соч. въ Пб. 1793, напеч. въ первый разъ въ I-й ч. 1798.

294) Не жмутъ, не гонятъ отъ двора. — Авторъ былъ тогда статсъ-секретаремъ при императрицѣ и чувствовалъ нѣкоторыя непріятности отъ приближенныхъ къ ней господъ; а г. Львовъ тогда жилъ въ деревнѣ.

[1] Т. I, 37. [2] Невѣрно, см. Т. I, стр. 30. [3] Т. I, 29. [4] Т. I, 511.

295) **Градской своей подругѣ шьетъ.** — Г-на Львова супруга была хорошая пріятельница первой женѣ автора и вышивала для нея по соломѣ кайму и картины для обоевъ петербургскаго ея дома.

296) **Моя подруга черноброва, Любезна, мила горожанка.** — Говорится о той же первой женѣ автора.

XLIII. ВОДОПАДЪ[1]. Написано въ Пб. 1791, октября 5-го дня, день, въ который скончался кн. Потемкинъ; напеч. въ первый разъ въ I-й ч. 1798.

297) **Съ высотъ четырсмя скалами.** — Симъ описывается точное изображеніе водопада, Кивачемъ называемаго, находящагося въ олонецкой губерніи въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кончезерскаго чугуннаго завода; онъ стремится съ высоты между четырехъ гранитныхъ скалъ; подъ симъ подразумѣваются четыре отдѣленія года, которыми протекаетъ время.

298) **Рѣкою млечною влекутся.** — Когда вверхъ ѣдешь по рѣкѣ, его составляющей, то подъ сводомъ деревъ пѣнная вода льется точно какъ молоко или сливки.

299) **Стукъ слышенъ млатовъ по вѣтрамъ, и проч.** — Хотя Кончезерскій заводъ лежитъ отъ сего водопада около 40 верстъ, но въ сильную погоду по вѣтру слышно иногда бываетъ дѣйствіе заводскихъ машинъ, которыя, смѣшавшись съ шумомъ водъ, дикую нѣкую составляли гармонію, которую авторъ самъ слышалъ, ибо онъ, будучи губернаторомъ въ сей губерніи, видѣлъ сей водопадъ, нарочно его обозрѣвая.

300) **Вѣтрами ль сосны пораженны, Ломаются въ тебѣ въ куски.** — Онъ приказалъ на высотахъ водопада срубить сосну и бросить ее въ стремленіе водъ; то по нѣсколько минутъ выплыли изъ жерла ея уже обломки или щепы.

301) **Сковать ли воду льды дерзаютъ?** — Онъ никогда не мерзнетъ и капли водныя истинно такъ падаютъ, какъ стеклянная пыль, въ которую отражась, лучи солнечные представляютъ весьма удивительное зрѣлище.

302) **Отважно въ хлябь твою стремится.** — Въ сихъ трехъ куплетахъ описываются свойства трехъ звѣрей, совсѣмъ между собой различныхъ: подъ волкомъ разумѣется злоба, который отъ ужаса стервенѣетъ или болѣе ярится; подъ ланію кротость, которая робка при опасности, а подъ конемъ гордость или честолюбіе, которое отъ препятствъ раздражается и растетъ.

303) **И шлемъ, обвитый повиликой.** — Трава повилика — знакъ любви къ отечеству.

304) **Какъ вечеръ во зарѣ румяной.** — Подъ симъ изображеніемъ подразумѣвается фельдмаршалъ Румянцовъ, какъ по своему прозвищу, такъ по преклонности лѣтъ своихъ.

305) **Поитъ надменныхъ, кроткихъ, злыхъ.** — По вышеописаннымъ свойствамъ звѣрей, авторъ и родъ человѣческій раздѣляетъ на трое, т. е. на злыхъ, гордыхъ и кроткихъ.

306) **Въ сенатѣ Цезарь средь похвалъ.** — Вышеупоминаемый

[1] Т. I, 457.

Цезарь, диктаторъ римскій, тогда какъ думалъ провозглашенъ быть царемъ, принимая многія ласкательныя себѣ просьбы, былъ пораженъ въ сенатѣ нѣсколькими кинжалами сенаторовъ и, закрывъ плащемъ лицо свое, упалъ между ими.

307) Плѣнившій Велизаръ царей Въ темницѣ палъ, лишенъ очей. — Выше объ немъ сказано, что онъ отказался отъ подносимой ему короны и, ведя въ тріумфѣ своемъ царей, оклеветанъ, въ темницѣ лишенъ зрѣнія.

308) Какъ въ лаврахъ я, въ оливахъ текъ? — Предъ нѣсколькими годами фельдмаршалъ гр. Румянцовъ, какъ побѣдитель и благоразумный правитель губерній, ему ввѣренныхъ, былъ почтенъ лаврами и оливами, но въ послѣднюю турецкую войну, по проискамъ Потемкина, онъ не командовалъ главной арміей, а оставался въ резервной, весьма малочисленной, и жилъ недалеко отъ Яссъ въ маленькой деревнѣ.

309) Ослабли силы, буря вдругъ Копье изъ рукъ моихъ схватила. — Буря или немилость императрицы, которая отняла у него власть и лишила побѣдъ.

310) Сошла октябрска ночь на землю. — Подразумѣвается печальная ночь, въ которую скончался кн. Потемкинъ.

311) Котораго она страшилась, Кому вселенная дивилась. — Здѣсь подъ луною разумѣется Оттоманская порта, которая страшилась Румянцова, удивляющаго побѣдами надъ ней вселенную.

312) Что огнедышущи за перстомъ Ограды вслѣдъ его идутъ. — Огнедышущія ограды, то есть каре или четвероугольное устройство, каковыя фельдмаршалъ Румянцовъ выдумалъ для побѣдъ надъ Турками, не давая имъ многочисленностію своею окружать въ сравненіе ихъ небольшую россійскую армію.

313) Полки его изъ скрытыхъ становъ и проч. — Фельдмаршалъ Румянцовъ толь вѣрно назначалъ рандеву или сборище своихъ войскъ, что въ назначенный часъ являлись полки издалеча на томъ мѣстѣ, гдѣ имъ было приказано, такъ что ихъ тутъ совсѣмъ не ожидали.

314) Ночные знать его шаги. — Симъ описываются ночныя экспедиціи или отряды, которыми онъ часто побѣждалъ Турокъ.

315) Какъ волкъ невидимый въ шатрѣ. — Планы свои располагалъ по ландкартамъ уединенно въ великой тайности; представляя непріятелямъ въ слабыхъ мѣстахъ ложныя силы, а на высотахъ большіе отряды, какъ обыкновенно дѣлаютъ искусные вожди, обманывая своихъ непріятелей.

316) Что орлю дерзость, гордость лунну У черныхъ и янтарныхъ волнъ. — *Орлю дерзость* у янтарныхъ, а *гордость лунну* у черныхъ, т. е. Пруссаковъ у Балтійскаго моря, а Турокъ у Чернаго побѣждалъ; первыхъ, въ семилѣтнюю, а послѣднихъ, въ первую турецкую войну.

317) Смирилъ Колхиду златоруну. — *Колхида златорунна* разумѣется Таврида, или Крымъ (гдѣ Язонъ похитилъ золотое руно), который усмиренъ предводительствомъ Румянцова въ первой турецкой войнѣ.

318) И бѣлаго царя уронъ Рая вечерня предъ границей Отмстилъ побѣдами сторицей. — Подъ бѣлымъ царемъ разумѣется

царь православный русскій; подъ границею рая вечерняго рѣка Прутъ, граничащая Молдавію отъ сѣверныхъ областей, на которой былъ окруженъ Турками великій Петръ, не имѣя провіанту, и долженъ былъ уступить польскую Украйну и прочія мѣста, — нѣкоторыя Полякамъ, другія Туркамъ, а гр. Румянцовъ своими побѣдами отмстилъ ту побѣду съ большими для Россіи выгодами.

319) И всѣ вездѣ его почли, Тріумфами превознесли. — Послѣ первой турецкой войны великія оказываны были фельдмаршалу Румянцову почести и дѣланы торжества на Ходынкѣ и въ прочихъ мѣстахъ.

320) Стенанье филиновъ и совъ. — Въ простомъ народѣ почитаются за дурныя предвѣстія крики филиновъ и совъ и прочія такого роду естественныя явленія.

321) Сидитъ глубока дума въ мглѣ! — Симъ стихомъ описывается изображеніе лица кн. Потемкина, на котораго челѣ, когда онъ былъ въ задумчивости, видна была глубокомысленность.

322) Обозрѣваетъ царства вдругъ. — Онъ имѣлъ обзорчивый и быстрый умъ, стремящійся ко славѣ, по слѣдамъ котораго разливалось военное пламя.

323) Чей трупъ, какъ на распутьи мгла, Лежитъ на темномъ лонѣ нощи? — Кн. Потемкинъ, проѣзжая изъ Яссъ въ Николаевъ, умеръ на дорогѣ и оставался цѣлую ночь лежащимъ на степи, покрытымъ простымъ плащемъ.

324) Два лепта покрываютъ очи. — Гусаръ, бывшій за нимъ, положилъ на глаза его двѣ денежки, чтобы они закрылись.

325) Чей одръ — земля, и проч. — Постеля его была тогда голая земля, балдахинъ — воздухъ, а чертоги — пустыня.

326) Великолѣпный князь Тавриды. — По присоединеніи Крыма къ Россіи онъ названъ Таврическимъ и жилъ весьма великолѣпно.

327) Не ты ль, который взвѣсить смѣлъ Мощь Росса, духъ Екатерины. — Никто лучше какъ кн. Потемкинъ не проникнулъ честолюбиваго духа Екатерины и силъ имперіи ея, на которыхъ положась, основывалъ онъ великіе свои замыслы, которые выше сказаны словомъ Екатерины, чтобъ выгнать изъ Европы Турокъ, усмирить гордость Китайцевъ и установить торгъ съ Индіею, но смерть всѣ намѣренія пресѣкла (ср. ниже № L, прим. 414).

328) Не ты ль, которой орды сильны Сосѣдей хищныхъ истребилъ, и проч. — По его совѣтамъ истреблена Запорожская сѣча, освобожденъ отъ Татаръ Крымъ, которые, одна разбоями, а другіе незапными нашествіями много вреда и опустошенія причиняли Россіи: ими населены губерній екатеринославской и таврической области; онъ пространныя тамошнія степи населилъ нивами и покрылъ городами, онъ на Черномъ морѣ основалъ флотъ, чего и Петръ В. своимъ усиліемъ, заводя въ Воронежѣ и въ Таганрогѣ флотиліи, не могъ прочно основать; онъ потрясалъ среду земли, т. е. Константинополь флотомъ, которымъ командовалъ подъ его ордеромъ адмиралъ Ушаковъ.

329) И твердой дерзостью такой Быть дивомъ храбрости

самой? — По взятіи Измаила солдаты россійскіе сами удивлялись своей невѣроятной храбрости, что имѣя короткія лѣстницы, а иные почти безъ оныхъ, опираясь на штыки свои, взлѣзли на измаиловскій страшный валъ и взяли крѣпость сію штурмомъ.

330) Не шелъ ты средь путей извѣстныхъ, Но проложилъ ихъ самъ. — Кн. Потемкинъ, а паче кн. Суворовъ мало надѣялись на регулярную тактику, или правила, предписанныя для взятія городовъ, но полагали удачу въ храбрости и пролагали пути къ цѣли своей изобрѣтенными средствами при встрѣчавшихся обстоятельствахъ, и потому многіе искусные тактики удивлялися предводительству Потемкина, что онъ своимъ манеромъ и, кратко сказать, русскою грудію пріобрѣталъ побѣды.

331) Забавы, роскошь вкругъ цвѣли И счастье съ славой слѣдомъ шли. — Въ самыхъ военныхъ безпокойствахъ и дурной погодѣ пышность и роскошь окружали кн. Потемкина, такъ что землянки, обитыя парчами и увѣшенныя люстрами, превосходили великолѣпіе дворцовъ, а особливо праздники, гдѣ онъ угащивалъ своихъ любовницъ.

332) Воспѣлъ побѣду Измаила. — Авторъ, описывая праздникъ кн. Потемкина въ Таврическомъ дворцѣ, по случаю взятія Измаила имъ данный, который напечатанъ въ 4-й части[1], подражалъ въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ Пиндару, славному греческому лирику.

333) Гдѣ бездны разноцвѣтныхъ звѣздъ Чертогъ являли райскихъ мѣстъ. — Въ помянутомъ праздникѣ весь домъ былъ усыпанъ разноцвѣтными шкаликами, плошками и люстрами, такъ что онъ казался весь въ пламени, уподобляясь солнцу.

334) Наполнили рыданьемъ слухъ. — По многимъ выгодамъ, дѣланнымъ кн. Потемкинымъ солдатамъ, они его любили и кончину его оплакивали общимъ рыданіемъ.

335) Потухъ лавровый твой вѣнокъ, Гранена булава упала. — Вѣнокъ лавровый, сдѣланный изъ богатыхъ брильянтовъ, подаренъ былъ кн. Потемкину императрицею за его побѣды, а булава, которая означала гетманство, также императрицей ему пожалована, которая не что иное какъ жезлъ начальничества, но только сдѣланный особымъ образомъ, что на трости или на палкѣ былъ шаръ граненый или съ шипами.

336) Мечъ въ полножны войти чуть могъ. — Сей стихъ піитическимъ образомъ сказываетъ, что миръ только былъ при Потемкинѣ начатъ, т. е. что мечъ еще былъ не совсѣмъ положенъ въ ножны.

337) Екатерина возрыдала. — Хотя при послѣднихъ побѣдахъ кн. Потемкина остудили-было его разными навѣтами у императрицы, а можетъ быть и съ справедливостію описывая его роскошь и худыя воинскія распоряженія, ибо конечно не имѣлъ бы онъ такихъ въ войнѣ успѣховъ, когда бы генералы, подчиненные ему, а особливо славный Суворовъ, вездѣ не вспомоществовали; но смертію его однако императрица чрезвычайно огорчалась.

338) Оливы свѣжи и зелены Принесъ и бросилъ Миръ изъ

[1] Т. I, 383.

рукъ. — По смерти его миръ заключенъ съ такимъ удовольствіемъ и радостію, какъ бы быть при немъ то могло.

339) И музъ ахейскихъ жалкій звукъ Вокругъ Перикла раздается. — Евгеній, славный архіепископъ славянскій [1], на греческомъ языкѣ написалъ кн. Потемкину эпитафію: то и уподобляется онъ въ этомъ стихѣ Periклу, любившему науки и краснорѣчіе.

340) Маронъ по Меценатѣ рвется. — Маронъ, или Виргилій, славный писатель латинскій, въ эклогахъ своихъ прославлялъ Мецената, любимца Августа, а г. Петровъ, переводившій Виргилія на россійскій языкъ, писалъ элегію на смерть кн. Потемкина, который его покровительствовалъ, какъ Меценатъ Виргилія.

341) На серебророзовыхъ коняхъ, На златозарномъ фаэтонѣ. — У кн. Потемкина былъ славный цугъ серебророзовыхъ или рыжесоловыхъ лошадей, на которыхъ онъ на раззолоченномъ фаэтонѣ ѣзжалъ въ арміи.

342) И въ смертный черный одръ упалъ. — По погребеніи принца виртембергскаго, брата государынѣ императрицѣ Маріи, скончавшагося въ арміи, когда кн. Потемкинъ вышелъ изъ церкви и хотѣлъ сѣсть на свой фаэтонъ, но будучи въ печальныхъ мысляхъ, ошибся и сѣлъ на смертный одръ, на которомъ привезенъ былъ въ церковь принцъ, — опомнившись, чрезвычайно оробѣлъ, что̀ и почли предвѣстіемъ его смерти, а особливо тогда, когда случилась его кончина, ибо это предъ нею незадолго послѣдовало.

343) Гдѣ сорокъ тысячъ вдругъ убитыхъ Вкругъ гроба Вейсмана лежатъ. — Славный генералъ Вейсманъ, убитый въ первую турецкую войну за Дунаемъ, погребенъ въ Измаилѣ, въ которомъ было около 40 тысячъ гарнизону (въ то время какъ бралъ его штурмомъ Суворовъ), который весь порубленъ въ сей крѣпости.

344) Столпы на небесахъ горятъ По сушѣ, по морямъ Тавриды. — Пожары, бывшіе при взятіи крѣпостей и при пораженіи турецкихъ флотовъ, показывали на небѣ заревы въ подобіе огненныхъ столповъ.

345) И мнитъ, въ Очаковѣ что вновь Течетъ его и мерзнетъ кровь. — Очаковъ штурмомъ былъ взятъ въ Николинъ день, 6-го декабря, въ такой жестокій морозъ, что текущая изъ ранъ кровь тотъ же часъ замерзала.

346) Какъ ходятъ рыбы въ небесахъ. — Въ тихій ясный лѣтній день бываютъ видимы въ водѣ облака и развѣвающіеся флаги корабельные.

347) Вдали бѣлѣетъ на лиманахъ. — На заливахъ морскихъ и устьяхъ, гдѣ впадаютъ большія рѣки въ море, то парусы на судахъ издалека бѣлѣютъ.

348) Геройскій образъ оживляетъ. — Многія почитавшія кн. Потемкина женщины носили въ медаліонахъ его портреты на грудныхъ цѣпочкахъ; то вздохами движа, его, казалось, оживляли.

349) Алцибіадовъ прахъ. — По роскошной жизни здѣсь кн. Потемкинъ уподобляется Алцибіаду.

[1] Въ рукописи пропущено мѣсто для этого названія.

350) Нашедши въ полѣ Ѳирсъ. — Ѳирсъ, или Тирсисъ былъ подъ Троей одинъ изъ военноначальниковъ, превеликій трусъ, который однако охуждалъ Ахиллеса; отношеніе къ кн. Зубову, который, счастіемъ пріобрѣтши его власть, охуждалъ иногда дѣла кн. Потемкина, но при восшествіи на престолъ императора Павла показалъ, что самъ не имѣлъ великой души.

351) Чтобъ счастіе доставить свѣту. — Водопады, или сильные люди міра тогда только заслуживаютъ истинныя похвалы, когда споспѣшествовали благоденствію смертныхъ.

352) Живи лишь красотой твоей. — Шуми, водопадъ, живи лишь красотой твоей, или славься, сильный человѣкъ, когда въ памяти людей останутся такія токмо дѣла, которыя будутъ ихъ увеселять.

353) Разжженный громъ и черный дымъ. — Они напомянутъ разжженный громъ и черный дымъ, т. е. разореніе, происшедшее отъ честолюбія водопада и людей сильныхъ.

354) И ты, о водопадовъ мать! Рѣка, на Сѣверѣ гремяща, О Суна! — Суна — рѣка, протекающая въ олонецкой губерніи, составляющая вышеупомянутый водопадъ Кивачъ; она названа здѣсь матерью водопада; относится сіе къ императрицѣ, которая дѣлала водопады, то есть сильныхъ людей, и блистала чрезъ нихъ военными дѣлами, или побѣдами.

355) Поя златые въ нивахъ бреги. — То есть безъ пріобрѣтенія завоеваній чуждыхъ народовъ, но внутреннимъ управленіемъ государства или экономіею и прочими распоряженіями можно было славно царствовать и представлять великое зрѣлище, уподобляяся добродѣтелями величеству Небесъ.

XLIV. НА СМЕРТЬ БИБИКОВА[1]. Написана 1774 г. въ саратовской губерніи при горѣ Читалагаѣ въ колоніи Шафгаузенъ; напеч. въ первый разъ[2] въ I-ой ч. 1798.

356) О Бибиковъ! какой ударъ! — Бибиковъ, генералъ-аншефъ, измайловскаго полка подполковникъ и разныхъ орденовъ кавалеръ. Онъ, будучи въ смутное время главнымъ начальникомъ надъ войсками, посланными противъ самозванца, открылъ съ великими успѣхами военныя свои дѣйствія и скоро по разбитіи злодѣевъ, подъ крѣпостію Татищевою, передовымъ корпусомъ подъ предводительствомъ генералъ-поручика кн. Петра Михайловича Голицына, скончался въ пригородкѣ Бугульмѣ, къ крайнему сожалѣнію всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества, въ 1774 году марта или апрѣля мѣсяца[3].

357) Внемли! тамъ музъ несется стонъ. — Онъ былъ охотникъ до наукъ, особливо до стихотворства, и подъ особливымъ его попеченіемъ была въ измайловскомъ полку школа, изъ коей многіе вышли съ талантами люди.

358) На щитъ облегшися Беллона. — Беллона, богиня войны, облегшися на щитъ, плачетъ, сожалѣя искуснаго генерала.

[1] Т. I, 16, и Т. III, 298. [2] Невѣрно, см. тамъ же. [3] 9 апрѣля.

359) На лаврахъ Россъ, Минерва плачутъ. — Лавры ему по побѣдамъ принадлежали; въ Минервѣ подразумѣвается императрица.

360) На блеклыхъ миртахъ Гименей. — Гименей, богъ брака; симъ подразумѣвается печальная по немъ супруга.

361) Но благодарности лишь знакъ. — Авторъ изъявляетъ симъ свою благодарность, что онъ, совсѣмъ его не знавъ, взялъ съ собою въ коммиссію по единому только съ нимъ разговору (когда онъ безъ всякой рекомендаціи пришелъ его о томъ просить) и самыя важнѣйшія ему дѣлалъ препорученія.

362) Гдѣ въ подвигѣ погасъ твой вѣкъ. — Т. е. что съ самыхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ свирѣпствовало междоусобіе и гдѣ скончался сей генералъ, взяты свѣдѣнія, по коимъ сія ода написана.

363) Не лавръ исторгши у Пруссаковъ. — Онъ со славою служилъ въ прусскую семилѣтнюю войну и взялъ генерала Вернера въ плѣнъ.

364) Не побѣждаючи Сарматъ. — Въ Польшѣ противъ конфедератовъ въ 1772 и 73 г. съ успѣхомъ начальствовалъ.

365) Крамолу ты разя, скончался. — Бунтъ, т. е., прекращалъ.

366) Екатерина призритъ ихъ; Отечество жалѣю больше! — Сіи были послѣднія при смерти его слова.

367) И молніей грозилъ ехиднѣ. — Ехидной названъ здѣсь главный бунтовщикъ Пугачевъ, потому что много имѣлъ главъ или сообщниковъ, которые предводительствовали его сволочью и по истребленіи одного вновь возраждались, такъ какъ главы баснословной гидры.

368) Весна уныла на цвѣтахъ. — Онъ скончался, какъ выше сказано, весной, и какъ пожаръ бунта въ самой свирѣпости разливался, то почувствовали съ одной стороны боязнь, а съ другой объяло многихъ уныніе.

369) Разстроилось побѣдъ начало. — Послѣ смерти его генералы: вышесказанный кн. Голицынъ и кн. Щербатовъ и Брандтъ, будучи первый генераломъ въ полѣ, второй при секретной коммисіи, а третій губернаторомъ казанскимъ, перессорились, другъ къ другу не пошли въ команду, дали время скопиться новымъ злодѣйскимъ силамъ и разстроили совсѣмъ побѣдъ начало Бибикова, такъ что многіе послѣ разорены и пожжены города и много пролито крови.

370) Скрѣпился въ злобѣ лютый тигръ. — Здѣсь тигромъ наименованъ тотъ же бунтовщикъ по своей лютости и потому что именемъ его называть запрещено было указомъ императрицы, дабы память его совсѣмъ истребилась, равно какъ и городокъ Яикъ, гдѣ онъ сообщниками его названъ царемъ, потерялъ старое имя и названъ Ураломъ по горѣ Уралу, изъ которой Яикъ, или нынѣшній Уралъ протекаетъ.

371) Кого желали зрѣть цари. — Прусскій король Фридрихъ II, будучи хорошаго мнѣнія о достоинствахъ и искусствѣ военныхъ Бибикова, писалъ къ нему письмо, въ которомъ оказывалъ желаніе его видѣть; письмо сіе напечатано въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ[1] того времени.

[1] Въ *Живописцѣ*, см. Т. II, 707.

XLV. ПРОГУЛКА ВЪ САРСКОМЪ СЕЛѢ[1]. Написана въ Пб. 1791 мая дня, напеч. въ первый разъ[2] въ I-й ч. 1798.

372) И зданіевъ Ѳемиды и проч. — Ѳемида, богиня правосудія; подразумѣвается здѣсь императрица Екатерина, которая въ память многихъ ея генераловъ, какъ-то: Орловыхъ, Румянцова и прочихъ, воздвигнула разныя зданія между искусственными прудами и рѣчками.

373) Съ Плѣнирою младой. — Выше сказано, что подъ именемъ Плѣниры авторъ разумѣетъ первую свою жену, съ которой онъ прогуливался въ царскосельскомъ саду.

374) Пой, Карамзинъ! — и въ прозѣ. — Н. М. Карамзинъ, хорошій прозаическій писатель и исторіографъ россійскій.

XLVI. НА РОЖДЕНІЕ ЕЯ ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ОЛЬГИ ПАВЛОВНЫ[3]. Написано въ Царскомъ Селѣ 1792 іюля 11, напеч. въ первый разъ[4] въ I-й ч. 1798.

375) Багрянцемъ облака покрылись. — На всходѣ солнца родилась великая княжна.

376) Иль Ольга къ намъ пришла вторая? — Великая княгиня Ольга во св. крещеніи названа Еленою; называлась въ дѣвицахъ Прекрасою[5].

377) Отъ Павла намъ — два исполина, Маріи — сонмъ красотъ. — Подъ исполинами разумѣются два тогда бывшіе великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи, а подъ красотами великія княжны Александра, Елена Павловны и прочія.

378) Свѣтильникъ Ольга возвращаетъ. — Помянутая великая княгиня Ольга, крестившись, съ юга на сѣверъ принесла просвѣщеніе, а новорожденная Ольга, предполагалось, принесетъ свѣтъ съ сѣвера на югъ, т. е. въ турецкія области, но вышній Промыслъ не благоволилъ сему исполниться предсказанію.

379) Тамъ власть раздоръ монаршу рветъ, и проч. — Тогда во Франціи революція разрывала монаршу власть, а въ Швеціи король Густавъ III, угнетая свободу, преобращалъ въ самодержавіе.

XLVII. КАНТАТА[6]. Соч. въ Пб. въ 1789, напеч. въ I-ой ч. 1798, — на посѣщеніе императрицей Анны Степановны Протасовой, фрейлины ея величества.

XLVIII. ПРОВИДѢНІЕ[7]. Соч. въ Пб. 1794 марта 31, напеч. въ первый разъ въ I-й ч. 1798, — по случаю нижеслѣдующаго происшествія.

Императрица, окончивъ обыкновенныя свои государственныя упражненія, вышла въ Эрмитажъ попользоваться вешнимъ воздухомъ и посмотрѣть Неву, которая вскорѣ открыться долженствовала, увидѣла вдали потонувшаго человѣка, тотчасъ приказала лакеямъ помочь ему, и вытащили дѣвицу, которую насилу привели въ чувства.

380) Изъ сада, и зимой цвѣтуща. — Въ Эрмитажѣ есть зимній садъ, въ которомъ можно и въ жестокіе морозы прогуливаться какъ весною.

[1] Т. I, 423. [2] Невѣрно, см. тамъ же. [3] Т. I, 500. [4] Невѣрно, см. тамъ же. [5] Въ сказкахъ; ср. выше стр. 37 и 38. [6] Т. I, 305. [7] Т. I, 564.

381) На твердомъ берегѣ гранитномъ. — Невскіе берега обдѣланы гранитомъ.

382) И въ нихъ предстала дѣва намъ. — Это была бѣдная Охтянка.

383) И вопрошаютъ съ высоты. — Императрица сама съ ней съ балкону говорила и спрашивала, для чего она осмѣлилась переходить рѣку, когда она была опасна.

384) Родительскій послѣдній даръ. — Дѣвушка отвѣтствовала, что отецъ и мать при смерти своей ей ничего не оставили, но только благословили образомъ, который она для погребенія послѣдняго изъ нихъ заложила, и въ великій постъ столь прилежно работала, что деньгами пріобрѣтенными хотѣла къ празднику сей образъ выкупить, и для того пустилась чрезъ Неву на великую опасность, надѣясь на Бога.

385) Готовятъ ей богато вѣно. — Императрица, похваля ее за усердіе къ вѣрѣ и за благодарность къ родителямъ, тотъ же часъ приказала принесть ей всю одежду на приданое, которое называется вѣно, сыскать изъ служащихъ при дворѣ жениха, и тутъ же ее помолвила, давъ награжденіе деньгами и все нужное для свадьбы и для заведенія дома.

386) И не велѣлъ смирять ей царствъ. — Въ то время пріуготовлялось возмущеніе въ Польшѣ противу Россіи.

387) Ты возвратило мнѣ Плѣниру. — Первая жена автора, бывъ при смерти больна, въ то время получила облегченіе.

388) И вѣрность сохранить монарху и проч. — Авторъ, будучи тогда коммерцъ-коллегіи президентъ, пошелъ-было противъ таможенныхъ злоупотребленій, не смотря на то, что покровительствованы они были ближними къ императрицѣ людьми, и что другаго ожидать онъ не могъ какъ непріятностей себѣ, что̀ и случилось.

XLIX. НА ПОКОРЕНІЕ ДЕРБЕНТА[1]. Соч. въ Пб. 1796, напеч. въ первый разъ въ московскомъ тогда же журналѣ[2].

389) Герой, который мной воспѣтъ. — Валеріанъ Александровичъ Зубовъ въ одѣ *Къ Красавцу*[3].

390) Уже ты днесь не по фортунѣ, По подвигамъ твоимъ почтенъ. — Не потому, что былъ братъ любимца императрицы, но что службою приносилъ честь и пользу отечеству.

391) Привязанныхъ къ тебѣ любовью. — Онъ былъ народомъ и войскомъ любимъ.

392) Ты подарилъ ему животъ. — Плѣнникамъ, взятымъ въ Дербентѣ, дарована пощада.

393) Что взялъ Петровы ты ключи. — Тѣ ключи отъ Дербента, которые были Петру Великому присланы.

394) Въ столѣтнемъ старцѣ Дарій зрится, А юный Александръ въ тебѣ! — Ключи сіи были поднесены графу Зубову, съ небольшимъ 20 лѣтъ имѣющему, столѣтнимъ Персомъ.

395) Коврами Инда покровенны. — Выше сказано, что намѣреніе было Екатерины возстановить съ Индіею торговлю, то гр. Зубову

[1] Т. I, 743. [2] Въ *Аонидахъ*. [3] См. выше № XXXVIII.

препоручено было исполненіе сего предпріятія такимъ образомъ, чтобъ онъ, занявъ важныя чрезъ Персію до Тибета торговыя мѣста, оставилъ тамъ гарнизоны, а потомъ обратился съ своей арміей вправо къ Анатоліи и тамъ, взявъ Анапу, пресѣкъ всѣ подвозы и сношенія съ Константинополемъ, а тогда же бы Суворовъ чрезъ горы и Адріанополь шелъ къ помянутой столицѣ Оттоманской порты. Императрица же сама лично на флотѣ имѣла намѣреніе осадить сей городъ, и сей планъ долженъ былъ начаться въ будущій 1797 г., къ чему уже Суворовъ и пріуготовлялся; но Провидѣніе, имѣя свои планы, не допустило сему совершиться.

396) Но знай: какъ свѣтлый метеоръ. — Сіе предвѣстіе сбылось смертію императрицы, случившеюся 1796 ноября 6-го.

297) И вдохновенъ душой Беллоны. — Беллона, богиня войны, подъ коей разумѣется здѣсь императрица.

398) Кому чертежъ даютъ Платоны. — Отношеніе на Платона, греческаго философа, писавшаго объ учрежденіи республикъ, премудро управляемыхъ; но здѣсь точный смыслъ на Платона, брата Валеріана Зубова, любимца императрицы, чрезъ котораго вышесказанный обширный планъ былъ данъ сему юному генералу.

L. МОЙ ИСТУКАНЪ[1]. Соч. въ Пб. 1794, напеч. въ первый разъ въ I-ой ч. 1798.

399. Рашетъ его изобразилъ! — Рашетъ, скульпторъ фарфоровой фабрики, о которомъ выше сказано[2]. Онъ первый дѣлалъ бюстъ, или полкумиръ автора, съ непокровенной головой, а второй въ шапкѣ и шубѣ Французъ[3] (спросить у кн. Гагарина).

400) Искусство Праксителя въ немъ. — Славный ваятель греческій, который дѣлалъ наиудивительнѣйшую статую Юпитера (справиться съ лексикономъ).

401) Батыевъ и Маратовъ слава. — Батый, царь татарскій, чингизханскаго поколѣнія, кровожаждущій завоеватель Россіи; — Маратъ, одинъ изъ бунтовщиковъ во Франціи, подписавшій смертный приговоръ на Людовика XVI, короля французскаго. Авторъ не хотѣлъ уподобляться всѣмъ таковымъ злодѣйствами прославившимся людямъ; имѣя къ тому случай въ возмущеніи злодѣйскомъ, когда имѣли къ нему большую довѣренность, что онъ могъ, одинъ будучи, дѣлать преступникамъ казни и набирать войско, такъ что, набравъ 700 человѣкъ въ Малыковкѣ (что нынѣ городъ Вольскъ), освободилъ колоніи отъ расхищеній Киргизцевъ и доказалъ тѣмъ возможность имѣть на своей сторонѣ многихъ сообщниковъ, тѣмъ паче когда видѣлъ къ себѣ ихъ приверженность, что они, не смотря на строгое наказаніе преступившихъ свою присягу, въ разсужденіи своей вѣрности къ императрицѣ, были къ нему такъ привержены, что онъ все бы изъ нихъ могъ сдѣлать, а потому и легко бы можно собрать большое количество и дѣйствовать какъ бы желалось, когда никто противустоять не могъ, ибо турецкая армія была еще за границей, а для усмиренія бунта посланы войски въ такомъ разсѣяніи,

[1] Т. I, 608. [2] См. выше № XIV, прим. 41.
[3] Въ рукописи пробѣлъ для имени, которое и намъ неизвѣстно.

что за ничто можно было их почесть при таковом бѣдственном положеніи; но онъ, сохраняя вѣрность свою государынѣ, не хотѣлъ ниже помыслить о какомъ-либо подобномъ предпріятіи и ничѣмъ не воспользовался, имѣя власть деньги брать и грабить; но не хотѣлъ, какъ прочіе то дѣлаютъ, почитая, какъ въ слѣдующемъ куплетѣ сказано: *Злодѣйства малаго мнѣ мало, Большаго дѣлать не хочу.*

402) До Герострата только шагъ. — Геростратъ сожегъ храмъ Діанинъ въ Ефесѣ для того, чтобъ имя свое сдѣлать безсмертнымъ (справиться въ лексиконѣ).

403) Эпаминондъ ли защититель, Или благотворитель Титъ; Сократъ ли, истины учитель, Или правдивый Аристидъ. — 1) Эпаминондъ, объ которомъ выше сказано, ѳивскій полководецъ [1]. 2) Титъ, благодѣтель и императоръ римскій, который почиталъ тотъ день потеряннымъ, когда не сдѣлалъ какого-нибудь добра. 3) Сократъ, философъ греческій стоической секты, проповѣдывавшій единство Божіе и безсмертіе души. 4) Аристидъ, о которомъ выше сказано, вождь и казначей справедливый аѳинскій [2].

404) За нимъ отецъ его и дѣдъ. — Т. е. добрые и мудрые государи: царь Алексѣй Михайловичъ и Михайла Ѳеодоровичъ, которые расхищенную Россію врагами ея собрали и утвердили.

405) Пожарскій, Мининъ, Филаретъ; И ты, другъ правды, Долгоруковъ! — О первомъ, т. е. Пожарскомъ, выше сказано; второй, т. е. Кузьма Мининъ, его помощникъ, купецъ нижегородскій, который, предпріявъ освободить Москву отъ завладѣнія Поляковъ, вышелъ на площадь, возбудилъ въ народѣ духъ къ спасенію отечества, представя ему всѣ свои богатства, чѣмъ побудилъ ихъ къ таковому же пожертвованію, предложа выбрать вождемъ Пожарскаго, который лежалъ тогда боленъ въ костромской своей деревнѣ отъ ранъ, имъ полученныхъ подъ Москвою во время защищенія Шуйскаго отъ нападенія Димитрія Самозванца. Третій, Филаретъ, или Ѳеодоръ Никитичъ, отецъ царя Михайла Ѳеодоровича, названный первымъ именемъ по постриженіи въ монахи; онъ во время содержанія Поляками во власти своей Москвы былъ съ прочими боярами посланъ въ Польшу къ королю польскому съ предложеніемъ, чтобъ сына своего далъ на царство московское. Король и отпускалъ, но съ тѣмъ, чтобъ онъ не перемѣнялъ своей вѣры, на что и прочіе были согласны, но Филаретъ того не хотѣлъ; иначе не соглашался, какъ чтобы принялъ сей избираемый ими въ цари вѣру греческаго исповѣданія, для чего истязанъ былъ разными мученіями и содержался 9 лѣтъ въ подземельной тюрьмѣ въ Польшѣ, но однакоже не уступилъ въ своей твердости. При семъ случаѣ упомянуть примѣчательный разговоръ императрицы Екатерины съ авторомъ въ 1793 году, когда послѣдній король польскій Августъ подписалъ трактатъ съ Россіею, утвердя политическую свою зависимость отъ Россіи; то получа объ ономъ извѣстіе императрица отъ министра, съ чрезвычайнымъ восторгомъ превозносясь своею политикою, автору разсказывала, который ей на то сказалъ:

[1] См. выше № XXXIII, прим. 252. [2] См. тамъ же.

«Счастливы вы, государыня, что король польскій не имѣлъ такихъ вельможъ, какъ мы Филарета; въ такомъ бы случаѣ трактатъ сей подписанъ не былъ». О четвертомъ, Долгоруковомъ, выше сказано, что онъ, ничего не убоясь, говорилъ правду, такъ что иногда государь Петръ I отъ него бѣгалъ [1].

406) Румянцова лица ваятель. — Ваятель, или скульпторъ лица Румянцова, который сдѣланъ во весь его ростъ по заказу гр. П. В. Завадовскаго и стоитъ у него въ домѣ, какъ знакъ благоговѣнія и благодарности къ сему полководцу, у коего онъ служилъ въ канцеляріи и писалъ тѣ славныя реляціи, о коихъ выше сказано [2] и по коимъ сталъ извѣстенъ.

407) Хотя бъ я съ плѣнныхъ снялъ желѣзы и проч. — Авторъ имѣлъ самъ случай: первое, освободить около 1500 человѣкъ плѣнныхъ колонистовъ отъ Киргизовъ; второе, будучи сенаторомъ и послѣ генералъ-прокуроромъ, защищалъ сколько можно законъ и правду, — отиралъ сиротскія, вдовьи слезы, что̀ по голосамъ его въ сенатѣ и по прочимъ дѣламъ извѣстно, о коихъ бы много было здѣсь распространяться; оправдалъ генерала Якобія, какъ выше сказано, котораго сенатъ нѣсколько лѣтъ дѣло слушалъ и всячески утѣснялъ; наконецъ, при торжествованіи съ Турками при императрицѣ послѣдняго мира, будучи статсъ-секретаремъ, читалъ на тронѣ объявленіе объ ономъ и награжденія отличившимся въ заслугахъ, а потому и былъ органомъ благъ и мира.

408) Ты взоръ кропя Екатерины. — Выше помянуто, что императрица, получа отъ кн. Дашковой *Собесѣдникъ*, плакала отъ удовольствія, читая оду Фелицѣ [3].

409) Въ ея прекрасной колоннадѣ. — Въ Царскомъ Селѣ была колоннада, уставленная полкумирами, или бюстами славныхъ мужей, между коими былъ и Ломоносовъ; то и авторъ со временемъ думалъ имѣть на то право.

410) Подъ сѣнью райскихъ вкругъ деревъ. — Осѣняли ту колоннаду великолѣпныя раины, или родъ большихъ тополей.

411) Отъ свѣтлыхъ царскихъ лицъ блистать. — На той колоннадѣ часто Екатерина II прогуливалась и подъ вечеръ имѣла прохладу, гдѣ бывали небольшіе балы, составленные изъ приближенныхъ особъ и двора.

412) Въ пыли валялись и Омиры. — Омиръ, или Гомеръ, славный греческій поэтъ.

413) Тотъ будетъ завтра въявь врагомъ. — Какъ въ то время потрясала уже французская революція троны и наслѣдника имперіи Павла примѣчалось неблагорасположеніе къ императрицѣ, матери его; то всѣ сіи обстоятельства и подали мысли автору къ сему выраженію, которое и исполнилось, ибо императоръ Павелъ, восшедши на престолъ, всѣ въ колоннадѣ находившіеся бюсты приказалъ снять.

414) Доступимъ міра мы средины и проч. — Императрица одинъ разъ высказала въ своемъ восторгѣ, что она не умретъ прежде, покуда не выгонитъ изъ Европы Турковъ, т. е. не доступитъ міра середины,

[1] См. выше № XXXIX, прим. 287. [2] См. выше № XXX, прим. 222.
[3] См. выше № XII, стр. 602.

не учредитъ торга съ Индіею, или съ Гангеса злата не сберетъ, и гордыню не усмиритъ Китая [1].

415) Смотря на образъ Мараѳона. — Мильтіадъ, вождь греческій и побѣдитель при Мараѳонѣ, и здѣсь по этой побѣдѣ названъ симъ именемъ.

416) Зальется Ѳемистоклъ слезой. — Ѳемистоклъ, тоже греческій вождь и побѣдитель при Саламинѣ, послѣдователь Мильтіада, когда увидѣлъ изображеніе мараѳонской баталіи, въ честь Мильтіада написанное, то облился слезами, ревнуя его славѣ.

417) Отдастъ Арману Петръ полтрона, Чтобъ править научилъ другой. — Когда Петръ I былъ въ Парижѣ и увидѣлъ бюстъ Армана Ришелье, то, обнявъ его, сказалъ, можетъ быть во угожденіе Французамъ: «Великій мужъ! ежелибы ты былъ у меня, то я отдалъ бы тебѣ половину царства, чтобъ ты научилъ бы меня править другой». — Насмѣшники сказали: Тогда бы онъ отнялъ у тебя и другую.

418) Въ ихъ урнахъ фениксы взродятся. — Баснословіе утверждаетъ, что птица фениксъ возрождается изъ своего пепла, т. е., что урна или гробница славнаго мужа можетъ возродить подобнаго сокрытому въ прахѣ, какъ то увѣряютъ, что Александръ Великій, увидѣвъ гробъ Ахиллеса, а Карлъ XII, прочтя жизнь Александра Великаго, пожелали быть завоевателями, подобными ихъ предшественникамъ.

419) Его въ серпяный твой диванъ и проч. — У автора въ одной комнатѣ былъ диванъ, обитый серпянкой, гдѣ предъ зеркаломъ стояли два бюста: его и первой его жены, дѣланные Рашетомъ.

LI. НОВОСЕЛЬЕ МОЛОДЫХЪ [2]. Соч. въ Пб. 1794 или 95, напеч. въ первый разъ въ семъ изданіи 1808.

Сія пастушеская эклога написана по просьбѣ Дмитрія Львовича Нарышкина по случаю его женитьбы и переѣзда въ особый отъ родительскаго дома на новоселье.

420) За курицу и пѣтуха. — Въ Россіи повѣрье встарину было на новоселье присылать или привозить въ подарокъ хлѣбъ-соль, курицу и пѣтуха, въ знакъ желанія обилія въ ихъ домѣ.

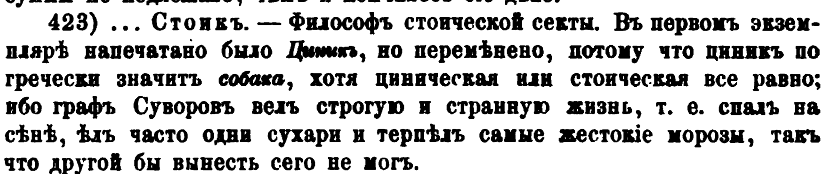
LII. НА ВЗЯТІЕ ВАРШАВЫ [3]. Соч. въ Пб. 1794, напеч. въ первый разъ тогда же въ особливыхъ листкахъ, во второй разъ въ I-й ч. 1798.

421) ... и гдѣ тристаты злобы? — Тристатами названы въ священномъ писаніи египетскіе вожди, гнавшіе Евреевъ, которые потонули въ Чермномъ морѣ.

422) И что еще? — Уже полна. — Когда первый экземпляръ напечатанный поднесенъ былъ императрицѣ и читалъ его В. С. Поповъ, то ошибкою противъ ударенія онъ выговорилъ: *уже пóлно*, или *довольно;* то за сіе и за стихъ, подъ 424 примѣчаніемъ написанный, въ которомъ сказано: *Тронъ подъ тобой, — корона у ногъ, Царь въ полону!* императрица погнѣвалась, потому первымъ подумала, что унимается отъ побѣдъ, а вторымъ, что изъявляется якобинизмъ, которымъ тогда во Франціи попи-

[1] *Зап.* (*Р. Б.*), 319. [2] Т. I, 685. [3] Т. I, 636.

ралась корона; разсуждала, что съ такимъ уничиженіемъ о священныхъ регаліяхъ царскихъ говорить не должно. Сіе автору сказывалъ бывшій при томъ разговорѣ графъ А. И. Пушкинъ. По симъ причинамъ, хотя оды сей было напечатано 3000 экземпляровъ, съ согласія любимца императрицы Зубова, и внесена изъ типографіи въ ея комнату, откуда въ свѣтъ и не выпущена. Спустя чрезъ годъ случилось смѣшное происшествіе по причинѣ сей оды. Двѣ благородныя вдовы, въ пользу которыхъ (объявлено было въ предисловіи при этой одѣ) напечатана была оная, когда невыпускомъ лишились онѣ своего прибытка (при восшествіи на престолъ императора Павла Зубовъ былъ утѣсняемъ), то одна изъ тѣхъ вдовъ подала къ императору письмо, въ которомъ просила, чтобъ онъ приказалъ Зубову заплатить ей 7000 руб. за то, что онъ удержалъ сію оду у себя, которая была въ пользу ея напечатана; императоръ приказалъ Зубову заплатить; но по объясненію съ авторомъ, который сказалъ, что та вдова не имѣла права требовать такой суммы, которая ей не была подарена, а она тогда могла бы что-нибудь получить, когда была бы распродана сія ода, но когда императрицѣ неугодна показалась и осталась не распроданная, то и требовать ей никакой суммы не подлежало; чѣмъ и кончилось сіе дѣло.



423) ... Стоикъ. — Философъ стоической секты. Въ первомъ экземплярѣ напечатано было *Циникъ*, но перемѣнено, потому что циникъ по гречески значитъ *собака*, хотя циническая или стоическая все равно; ибо графъ Суворовъ велъ строгую и странную жизнь, т. е. спалъ на сѣнѣ, ѣлъ часто одни сухари и терпѣлъ самые жестокіе морозы, такъ что другой бы вынесть сего не могъ.

424) Тронъ подъ тобой, корона у ногъ, Царь въ полону. — Объ этомъ стихѣ выше сказано.

425) Склонилась на совѣтъ змѣиный, Отвергла щитъ Екатерины. — Т. е. Варшава или Польша приняла совѣты французскаго кабинета, отвергнувъ возмущеніемъ покровительство императрицы Екатерины.

426) И се днесь надъ Сарматомъ плѣннымъ. — Сарматы, или Поляки.

427) Подите, отнимите, львы! — Львы, или Шведы по ихъ гербу, которые заступались за Польшу.

428) Стремися съ фуріей, сонмъ грозной! — Здѣсь разумѣется сонмъ, совѣтъ или директорія подъ предводительствомъ фуріи или бѣшенаго Робеспіера, который въ тѣхъ годахъ управлялъ дѣлами во Франціи.

429) Герой, отъ Лены до Невы. — Лена, рѣка, протекающая Сибирь.

430) Возлегши на лавровомъ полѣ. — То есть пространствѣ, побѣдами пріобрѣтенномъ.

431) Быть Россу другомъ и робѣть! — Король прусскій, бывши въ союзѣ съ императрицею и совокупно отаковавши Варшаву съ россійскими войсками, ушелъ отъ оной, котораго Поляки съ стыдомъ прогнали. Политика прусскаго двора была не чистосердечна; они съ одной стороны, казалось, шли противъ республиканскихъ правъ Французовъ, но на

сердцѣ были съ ними согласны и воевали за корысть, отъ чего послѣ и погибли.

432) **Младый наперсникъ, чашникъ Кронь.** — То есть Кроновъ чашникъ, или мундшенкъ Ганимедъ.

433) **Я вижу въ тишинѣ полсвѣта.** — То есть въ миру, пріобрѣтенномъ побѣдами императрицы.

434) **И младенецъ въ ней герой.** — Весьма младые люди, будучи въ сраженіяхъ, показывали чрезвычайные опыты храбрости.

435) **Просится на страшный бой.** — Камеръ-юнкеры многіе, просившіеся волонтерами, какъ-то Шуваловъ и прочіе, отличились въ сей войнѣ.

436) **Я Плѣниру забываю.** — Въ томъ году скончалась первая жена автора, и онъ, не смотря на печаль свою, восхищенъ бывъ побѣдами Суворова, писалъ въ похвалу ему сію оду.

LIII. НА КОНЧИНУ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ОЛЬГИ ПАВЛОВНЫ[1]. Соч. въ Пб. 1795 января 15 дня, напеч. въ первый разъ въ I-й ч. 1798.

437) **Ночь лишь седьмую.** — Семь часовъ минуло послѣ полудни, какъ скончалась великая княжна.

438) **Норда царица.** — Императрица сама была на погребеніи, одѣтая въ бѣломъ платьѣ, имѣя сѣдые растрепанные волосы, блѣдна и безмолвна, что составляло страшный позоръ.

439) **Надъ полвселенной.** — Россія почти занимаетъ полсвѣта своимъ пространствомъ.

440) **Равенства злаго.** — Тогда во Франціи равенство и вольность проповѣдывали.

441) **Гдѣ днесь Плѣнира.** — Плѣнира, первая жена авторова, недавно тогда скончавшаяся.

LIV. ЛАСТОЧКА[2]. Соч. въ Пб. 1794[3], въ память первой жены автора, что̀ и изъясняется послѣднимъ стихомъ; напеч. въ первый разъ въ I-й ч.

LV. ФЛОТЪ[4]. Соч. въ Пб. 1795 іюня 12 числа, на отбытіе эскадры въ покровительство россійскаго флага съ прочими неутральными морскими державами во время французской революціи; напеч. въ первый разъ въ I-й ч. 1798.

442) **Ширинки съ шлемовъ распростерлись.** — На каскахъ у военныхъ россійскихъ были лопасти, которыми они завязывались во время стужи; то и воображаетъ поэтъ, что онѣ вѣтромъ распростерлись при быстромъ ходѣ корабля.

443) **Ступай еще и землю слухомъ Наполнь, о россійской исполинъ и проч.** — Сцилла и Харибда, пучины, извѣстныя по баснословію, въ Средиземномъ морѣ, которыя проходилъ россійскій флотъ, будучи посыланъ противъ Турокъ въ Грецію въ 70-хъ годахъ.

444) **И гидръ лилейныхъ блѣдный сонмъ.** — Франція имѣла прежде въ гербѣ своемъ бѣлыя лиліи; то гидръ сонмъ въ оныхъ означаетъ революціонные клубы и собранія.

[1] Т. I, 654. [2] Т. I, 570. [3] Не совсѣмъ вѣрно, см. тамъ же. [4] Т. I, 689.

LVI. ПРИГЛАШЕНІЕ КЪ ОБѢДУ[1]. Писано въ Пб. 1795, напеч. въ первый разъ въ I-й ч. 1798.

445) Шекснинска стерлядь золотая. — Шексна, въ которой славныя водятся стерляди, протекающая въ тверской губерніи.

446) Каймакъ и борщъ уже стоятъ. — Малороссійскія обыкновенныя кушанья.

447) Хозяйка статная, младая. — Авторъ говоритъ сіе про вторую свою жену, которая, недавно вышедши замужъ, молодая была хозяйка и угощала его благодѣтеля.

448) Приди, мой благодѣтель давный. — Подъ симъ стихомъ разумѣются Иванъ Ивановичъ Шуваловъ и графъ Александръ Андреевичъ Безбородко, которые между прочихъ знатныхъ особъ обѣдали у автора.

449) Изъ званыхъ милыхъ мнѣ гостей. — Былъ званъ между прочими любимецъ императрицы князь Зубовъ и обѣщалъ пріѣхать, но предъ обѣдомъ прислалъ сказать, что его государыня удержала; то сей куплетъ и относится къ нему.

LVII. СОЛОВЕЙ[2]. Соч. въ Пб. 1794, напеч. въ I-й ч. 1798.

450) Тогда бъ, подобно Тимотею, Въ шатрѣ персидскомъ я возлегъ. — Тимотей или Тимоѳей, славный музыкантъ греческій, который игралъ на лирѣ предъ Александромъ В. и возбуждалъ его страсть къ Таисѣ, его любовницѣ, или къ войнѣ, такъ что онъ въ восторгѣ схватывалъ копье.

LVIII. ПАВЛИНЪ[3] Соч. въ Пб. 1795, въ первый разъ напеч. въ I-й ч. 1798.

451) ... царь пернатый? Не то ли райска птица-жаръ. — Царь пернатый — орелъ; а жаръ-птица, по русскому баснословію, имѣетъ сіяющія перья.

452) Гласъ трубный, лебедино пѣнье. — Лебедино пѣнье, по греческому баснословію, почиталось наисладчайшимъ.

453) А пеликана добродѣтель. — Пеликанъ, или аистъ, по древнему египетскому баснословію, столь благочестивая птица, что, глотая змѣй, освобождаетъ землю отъ ихъ яда и столь милосердая и жалостная, что, источая изъ груди своей кровь, кормитъ ею дѣтей своихъ.

454) Сей фениксъ опустилъ вдругъ перья. — Фениксъ, баснословная птица, о которой выше сказано, возрождается солнцемъ изъ ея пепла. Китайцы вѣрятъ, что будто она появляется предъ благополучными годами и особливо предъ царствованіемъ мудраго государя.

NB. Вообще сія ода относится на вельможъ безумныхъ, кичащихся своею пышностію.

LIX. БОГИНѢ ЗДРАВІЯ[4]. Переведено съ нѣмецкаго языка, съ древняго греческаго манускрипта сочиненія Арифрона[5], въ 1795; напеч. въ I-й ч. 1798.

[1] Т. I 665. [2] Т. I, 692. [3] Т. I, 697. [4] Т. I, 676.
[5] Въ рукописи для имени оставленъ пробѣлъ.

455) Ввѣкъ ты со мною, Гигея, живи. — Гигея, богиня здравія, которую авторъ себѣ желаетъ во весь свой вѣкъ.

LX. НА КРЕЩЕНІЕ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА[1]. Соч. въ Пб. 1796, въ іюлѣ мѣсяцѣ.

LXI. ГОРѢЛКИ[2]. Соч. въ 1793, напеч. въ первый разъ въ изд. 1808.

456) Горѣлки, игра сельская, въ которой бѣгаютъ и догоняютъ другихъ предслѣдующихъ, ловя того или другаго.

457) Вождями росскимъ вождямъ быть. — То есть великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ.

NB. Сія ода сочинена по случаю случившагося происшествія, что авторъ, докладывая императрицѣ по дѣлу генерала Якобія, пробылъ у ней до 6-го часа по полудни въ Царскомъ Селѣ и, вышедъ отъ нея, зашелъ къ себѣ въ комнату для написанія по ея повелѣнію нѣкоторыхъ указовъ, по отправленіи которыхъ вышелъ въ садъ, гдѣ по обыкновенію въ семъ часу нашелъ императрицу прогуливающуюся. Она подъ тѣнію деревъ сидѣла, нѣсколько задумавшись; то придворные старались ее всячески увеселить, а для того и зачали играть въ вышеписанную игру. Товарищъ автора г. Турчаниновъ, подошедши къ нему, просилъ убѣдительно, чтобъ по немногому числу кавалеровъ и онъ игралъ. Согласился, и побѣжали великіе князья, а за ними онъ; на покатистомъ лугу поскользнувшись, со всего маху упалъ и выломилъ себѣ руку. Безъ чувства почти великіе князья его подняли и отвели сами въ его покои, стараясь ему дать всевозможную помощь. Сей столь непредвидимый непріятный случай и былъ политическимъ паденіемъ автора, ибо въ сіе время вошелъ-было онъ въ великую милость у императрицы, такъ что всѣ знатнѣйшіе люди стали ему завидовать; но въ продолженіе шести недѣль. на излѣченіе его употребленныхъ, когда онъ не могъ выѣзжать ко двору, успѣли его остудить у императрицы, такъ что, появясь, почувствовалъ онъ ея равнодушіе[3].

Къ началу: Покоящаяся Минерва обѣщаетъ въ лавровомъ вѣнкѣ награду юношамъ на поприщѣ славы; первая цѣль означена именемъ Екатерины, но путь юнымъ подвижникамъ еще далѣе: продолжая, безсмертіе только одну свою дѣйствительную мѣту имѣетъ, и такимъ образомъ ребяческая игра становится уже дѣломъ важнымъ въ видѣ благой учредительницы. — Къ концу: На древнемъ скипетрѣ вѣнецъ Пріятностей и труда соединены вѣнцомъ безсмертія, составляющаго дискосъ окружающаго ихъ свѣтила, и на томъ же скипетрѣ повѣшенная ширинка вмѣщаетъ въ двухъ стихахъ весь таинственный смыслъ небольшой поэмы: Гордый духъ летитъ ко славѣ · И снятъ ему ея вѣнецъ.

LXII. НА РОЖДЕНІЕ ЦАРИЦЫ ГРЕМИСЛАВЫ[4]. Соч. въ Пб. 1796, напеч. первый разъ въ I-й ч. 1798.

458) Живи и жить давай другимъ. — Сей стихъ былъ присловица или мудрое правило, какъ царствовать сей государынѣ; но авторъ,

[1] Т. I, 747. [2] Т. I. 547. [3] *Зап.* (*Р. Б.*), 321. [4] Т. I, 729.

видя безпрестанныя войны, прибавилъ, чтобъ жить не на счетъ другаго и довольствоваться только своимъ.

459) Богатыхъ съ бѣдными сравнилъ. — Хлѣбосольствомъ своимъ Л. А. Нарышкинъ угощалъ равно и бѣдныхъ и богатыхъ.

460) Златой родни кліентовъ роту. — Т. е. множество въ золото одѣтыхъ сродниковъ и приверженцевъ, изъ коихъ послѣднихъ Римляне называли кліентами.

461) Кадятъ, вздыхаютъ и молчатъ. — Подъ кажденіемъ, или благоуханіемъ разумѣется лесть.

462) Гдѣ дружескій незваный столъ. — Левъ Александровичъ чрезвычайно любилъ, когда незваные пріѣзжали обѣдать, что̀ и поставлялъ себѣ въ большую отличность предъ прочими вельможами, которые иначе не называли гостей, какъ на пріуготовленные столы.

463) Важна хозяйка, домовита. — Супруга его управляла домашнею экономіею, и онъ получалъ отъ нея на шалости и на покупку всякаго вздору не болѣе какъ по рублю на день.

464) Что нужды мнѣ, кто по паркету Подъ часъ и кубари спускалъ. — Паркетъ — клееный полъ, обыкновенно при дворахъ и у знатныхъ господъ бываемый. Л. А., забавляя императрицу, нерѣдко предъ ней шучивалъ и нечаяннымъ образомъ спускалъ предъ ней кубари.

465) Смотрѣлъ въ толкучемъ рынкѣ свѣту. — Онъ всякій почти день прохаживался пѣшкомъ и по большой части въ толкучемъ рынкѣ, перебивая съ чернію всякую всячину и покупая всякій вздоръ, что̀ попадется, на рубль, который ему всякій день опредѣленъ.

466) Перомъ и шпагою блистать. — Онъ былъ весьма острый и смѣтливый человѣкъ, и ежелибы не напустилъ на себя шутовства и шалости, то бы могъ по своему уму быть хорошій министръ или генералъ.

467) Шутилъ, рѣзвился какъ дитя. — Онъ въ шуткахъ своихъ такъ рѣзвился, что совершенно похожъ былъ на баловня-ребенка.

468) Плясалъ и самъ подъ тонъ чужой. — Онъ весьма умѣлъ угождать сильнымъ людямъ и паче любимцамъ императрицы.

469) За твой я вижу столъ вмѣщенну. — Т. е. людей всякаго разбора сажнвалъ за свой столъ и имѣлъ на столѣ нѣсколько блюдъ небольшихъ со всячиною, т. е. съ жареными, вареными и пряжеными животными.

470) И ханы у тебя гостятъ. — Посѣщавшіе Екатерину II императоръ Іосифъ, короли прусскій и шведскій и прочихъ государствъ герцоги и принцы и въ послѣдніе годы графъ д'Артуа; а также азіятскіе ханы и султаны, пріѣзжавшіе въ столицу, всѣ у него бывали и нерѣдко обѣдывали.

471) Салму и соусы ѣдятъ. — Салма — татарское кушанье, а соусы — французское.

472) Предъ домъ твой соберется чернь. — Предъ домомъ его на свѣтлыхъ праздничныхъ недѣляхъ обыкновенно поставлялися народныя качели, на которыхъ весь день вертѣлся въ воздухѣ народъ, что̀ онъ чрезвычайно любилъ и тѣмъ забавлялся; а если когда случалось, что

приказано было отъ правительства въ другомъ мѣстѣ быть качелямъ, то онъ чрезвычайно огорчался и прашивалъ поставить ихъ на прежнее мѣсто.

473) Такъ веселъ, гордъ какъ Соломонъ. — Ничѣмъ его такъ похвалить и увеселить не можно было, какъ народнымъ тѣмъ собраніемъ подъ его окнами.

474) Ты должностью конюшій царскій. — Онъ управлялъ должность оберъ-шталмейстера при дворѣ; и по родству своему съ Петромъ Великимъ былъ богатырь, или человѣкъ сильный.

475) Заходитъ въ храмину твою. — Часто императрица посѣщала его на дачѣ и въ городскомъ домѣ, кромѣ обѣдовъ, на маскарадахъ и балахъ.

476) О еслибъ ты и Гремиславу Къ себѣ царицу заманилъ. — Императрица здѣсь названа Гремиславой, потому что имя Фелицы, употребленное авторомъ въ шуточныхъ сочиненіяхъ, прочіе гг. писатели превратили въ имя Екатерины, которое онъ не хотѣлъ употреблять окромѣ важныхъ сочиненій; а въ забавныхъ находилъ пристойнѣе называть ее иносказательными, или аллегорическими именами, какъ-то Фелица, Гремислава и проч., ибо онъ почиталъ непристойностію шутить подлиннымъ названіемъ императрицы, для того что шутка позволительна только съ равнымъ себѣ. Заманить Гремиславу къ себѣ на праздникъ совѣтовалъ онъ въ ея день рожденія, т. е. апрѣля 21 дня, когда сія ода писана.

477) Кто вѣкъ провелъ столь славно, громко. — Сей стихъ въ послѣдствіи времени оказался предсказаніемъ, что сей годъ былъ ея послѣдній.

478) Въ цвѣтахъ другой нѣтъ розы въ мірѣ. — Т. е. въ государяхъ нѣтъ блистательнѣе какъ она, потому что Поляки по покореніи Польши выбили въ семъ году медаль, на которой на одной сторонѣ изобразили портретъ императрицы, а на другой розу съ иглами, вокругъ съ надписью: благоухаетъ и страшитъ, то есть щедротою и войною.

LXIII. КЪ ХРАПОВИЦКОМУ [1]. Писано въ Пб. 1793, напеч. въ первый разъ въ изд. 1808.

479) Товарищъ давній, вновь сосѣдъ, Пріятный, острый Храповицкій. — Хроповицкій, Александръ Васильевичъ, статсъ-секретарь, но послѣ бывшій сенаторъ, былъ товарищемъ автору въ экспедиціи государственныхъ доходовъ, а сосѣдомъ по комнатѣ въ Царскомъ Селѣ, когда авторъ былъ тоже статсъ-секретаремъ у императрицы. Храповицкій былъ хорошій стихотворецъ и прозаическій писатель, который ввелъ легкій и пріятный слогъ въ канцелярскія дѣла. Онъ писалъ къ автору стихи, совѣтуя ему писать похвалы киргизской владычицѣ, или императрицѣ.

480) И былъ, гудкомъ, Давно мурза съ большимъ усомъ. — Т. е. лестію больше бы нравился и получалъ награжденія перстнями и прочими драгоцѣнными вещами.

481) Но я экстракты бъ сочинялъ. — Какъ возложены были на

[1] Т. I, 541.

автора дѣла правосудія, то онъ, не смотря на совѣтъ Храповицкаго и даже на неоднократныя повелѣнія или, лучше сказать, просьбы императрицы, отправлялъ прилежно свою должность, весьма рѣдко занимаясь поэзіею.

482) Былъ чтецъ и пономарь Ѳемиды. — Т. е. докладчикъ и служитель богини правосудія, или императрицы.

483) То какъ Я... оставить. — Т. е. генерала Якобія, котораго всѣ утѣсняли, и авторъ разсматривалъ его дѣло.

484) Какъ Л... дать оправить. — Т. е. какъ Логинова дать оправить: Логиновъ былъ откупщикъ спб.; для снятія сего откупа не имѣя денегъ, согласилъ онъ коммиссаріатскаго казначея Руднева ссудить его казенными деньгами, четырью стами тысячами рублей, о похищеніи которыхъ продолжалось дѣло болѣе 20 лѣтъ по покровительству кн. Потемкина, которому Логиновъ былъ приверженъ; но когда дошло до разсмотрѣнія автора, то онъ, не уваживъ на чрезвычайное покровительство и весь сенатъ, представилъ дѣло императрицѣ въ справедливомъ видѣ, и Логиновъ обвиненъ къ заплатѣ великой въ казну суммы.

LXIV. НА КОНЧИНУ ГРАФА ОРЛОВА[1]. Соч. въ Пб. 1796, въ первый разъ напеч. въ I-й ч. 1798.

485) На кончину Орлова. — Т. е. графа Ѳедора Григорьевича.

486) Приди, Минерва свѣтлоока. — Т. е. императрица, когда она всходила въ 1762 г. на всероссійскій престолъ. Орловы — пять братьевъ — были предводителями въ сей революціи, въ числѣ которыхъ и Ѳедоръ Григорьевичъ былъ.

487) Орелъ, который надъ Чесмою и проч. — При Чесмѣ, когда сожженъ былъ турецкій флотъ, сей графъ находился при братѣ своемъ, графѣ Алексѣѣ Григорьевичѣ, начальствовавшемъ флотомъ.

LXV. ПАМЯТНИКЪ[2]. Писано въ Пб. 1796, напеч. въ первый разъ въ I-й ч. 1798. Подражаніе Горацію, книги III ода 30.

488) Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ, и проч. — Авторъ изъ всѣхъ россійскихъ писателей былъ первый, который въ простомъ забавномъ легкомъ слогѣ писалъ лирическія пѣсни и шутя прославлялъ императрицу, чѣмъ и сталъ извѣстенъ.

NB. 1) Во всей I-й ч. программы картинъ изобрѣтенія и рисованія Алексѣя Николаевича Оленина, кромѣ подъ №[3] , которыя изобрѣталъ Ник. Ал. Львовъ, а рисовалъ Егоровъ.

NB. 2) Музыка на оды подъ №[3] сочиненія: 1-е г. Бортнянскаго, и 2-е Сартія.

ЧАСТЬ II.

ПРИНОШЕНІЕ.

Къ началу и къ концу и къ эпиграфу такъ, какъ въ I-й части, нужны программы.

[1] Т. I, 740. [2] Т. I, 785. [3] Въ рукописи пробѣлъ.

I. БЕЗСМЕРТІЕ ДУШИ[1]. Соч. въ Пб. въ исходѣ 1796, но начальные два куплета въ Петрозаводскѣ 1785, которые и помѣщены намѣсто эпиграфа въ рѣчи или словѣ о Безсмертіи души г. Панаева, говоренной имъ въ масонской ложѣ. Напеч. въ первый разъ на особой тетрадкѣ 1797 или 98 года вмѣстѣ съ Праздникомъ Дѣвичьяго монастыря; во второй разъ въ изд. 1808.

II. НА ТЩЕТУ ЗЕМНОЙ СЛАВЫ[2]. Соч. въ Пб. 1796, почерпнуто изъ пс. 48, напеч. въ первый разъ въ изданіи 1808.

III. ЖЕЛАНІЕ ВЪ ГОРНЯЯ[3]. Соч. въ Пб. 1796 или 97, почерпнуто изъ 83 пс., напеч. въ изд. 1808.

IV. РАДОСТЬ О ПРАВОСУДІИ[4]. Соч. въ Пб. 1794, почерпнуто изъ 74 пс., напеч. въ изд. 1808.

1) Вельможъ мѣня поставилъ въ ликѣ, — когда авторъ пожалованъ въ сенаторы.

V. ВВЕДЕНІЕ СОЛОМОНА ВЪ СУДИЛИЩЕ[5]. Соч. въ Гатчинѣ въ 1798 или 99 г. по случаю введенія въ сенатъ къ присутствію въ первый разъ императоромъ Павломъ сына его Александра Павловича; почерпнуто изъ пс. 71, но вступленіе сочинилъ авторъ; напеч. въ изд. 1808.

VI. БРАТСКОЕ СОГЛАСІЕ[6]. Соч. въ Шкловѣ 1799, напеч. въ изд. 1808, почерпнуто изъ 132 пс.

2) Браду почтенну Аарона. — Ааронъ — еврейскій первосвященникъ.

3) ... на ометы ризъ. — На края, или ометы.

4) ... Синая и Эрмона. — Палестинскія горы.

VII. УТѢШЕНІЕ ДОБРЫМЪ[7]. Соч. въ Пб. 1804, почерпнуто изъ 36 пс., напеч. въ изд. 1808 г.

VIII. НА БЕЗБОЖНИКОВЪ[8]. Соч. въ Пб. 1804, почерпнуто изъ 52 пс., напеч. въ изд. 1808.

5) Звучну пріемля царскую лиру. — Т. е. Давидову.

IX. НА КОРОНАЦІЮ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА[9]. Соч. въ Москвѣ 1801, почерпнуто изъ 20 пс., напеч. въ первый разъ въ изданіи 1808, которая не была поднесена.

X. МОЛИТВА[10]. Соч. въ Пб. въ то же время, когда ода *Безсмертіе души*, и вмѣстѣ напеч. на особыхъ листкахъ, въ другой разъ въ изд. 1808.

6) Своимъ цѣвницы твари всей. — Дудочки или цѣвки, а здѣсь разумѣются жизненные сосуды.

XI. НА НОВЫЙ 1797 ГОДЪ[11]. Писано въ Пб. вышесказаннаго году, напеч. тогда же въ московскомъ журналѣ[12], въ другой разъ въ изданіи 1808 г.

[1] T. II, 1. [2] T. I, 721. [3] T. II, 53. [4] T. I, 595. [5] T. II, 311. [6] T. II, 262. [7] T. II, 505. [8] T. II, 510. [9] T. II, 369. [10] T. II, 12. [11] T. II, 16. [12] Въ *Аонидахъ*.

7) Гдѣ взоры голубыхъ очесъ. — Намекъ на изображеніе Екатерины II, которая имѣла голубые глаза.

8) Онъ поднялъ скиптръ и пробѣжала Струя съ небесъ во мракъ темницъ. — Коль скоро воцарился императоръ Павелъ, то въ самые первые дни царствованія своего чрезвычайныя оказалъ милости для народа, какъ-то: 1) освободилъ изъ тюремъ премножество людей, а особливо за оскорбленіе величества содержащихся; 2) возвратилъ въ домы рекрутовъ, внедавнѣ тогда набранныхъ по указу Екатерины; 3) хлѣбъ, забранный изъ сельскихъ магазиновъ для провіантскаго департамента въ казну, приказалъ опять въ селенія крестьянамъ возвратить.

9) Онъ принялъ мечъ, и лучъ горящій Въ рукѣ его и проч. — Онъ тотчасъ принялся за военныя устройства, ввелъ строгую дисциплину, наполнилъ полнымъ числомъ полки, и столь попечительное оказалъ царствованіе, что всѣ должностные съ пѣтухами вставали, всякій къ своей должности, военные и статскіе.

10) Возсѣлъ на тронъ и проч. — Онъ въ первые дни царствованія своего оказалъ неимовѣрныя щедроты, роздалъ кромѣ вещей и денегъ нѣсколько милліоновъ, до трехъ сотъ тысячь крестьянъ; стариковъ заслуженныхъ покрылъ почестями; собралъ бѣдныхъ, вдовъ, сиротъ, призрѣлъ ихъ и наградилъ; простилъ недруговъ и увѣчныхъ инвалидовъ пристроилъ.

11) Кто сей щедрѣй Екатерины и проч. — Удивительная щедрота, неутомимая заботливость, въ отправленіи дѣлъ въ первые дни оказанныя, ежелибы соображены были съ благоразуміемъ, то бы государь сей по справедливости былъ наивеличайшій; но послѣдующее время доказало, что это движеніе было какого-нибудь перваго внушенія или осыпать благодѣяніемъ, или повергнуть въ несчастіе.

12) Кто сей по образу Атланта. — Атлантъ, гора, которая, по баснословію, поддерживаетъ на плечахъ своихъ небо.

13) Шагами твердыми гиганта. — Гиганты, огромные люди, которые, по баснословію, дѣти земли, ставящія горы на горы, вели брань съ богами, желая согнать съ трона Юпитера. Здѣсь разумѣется гигантъ въ видѣ большаго человѣка.

14) Христова церковь Павла въ немъ Избранный тотъ сосудъ встрѣчаетъ. — Сосудъ избранный — апостолъ Павелъ, подъ именемъ котораго здѣсь разумѣется императоръ Павелъ, который, по оказанному имъ въ первый день благочестію, могъ почитаться по справедливости благочестивымъ государемъ. Онъ приближилъ-было къ себѣ мистиковъ и всѣхъ тѣхъ святошъ, которые показываютъ великое о себѣ мнѣніе относительно христіанства. Извѣстный г. Новиковъ, сосланный Екатериною II за нѣкоторыя сношенія вредныя для государства съ иностранными мартинистскими ложами или масонскими, возвращенъ изъ ссылки, и въ великое было пришли уваженіе у императора какъ онъ, Новиковъ, такъ Лопухинъ, Баженовъ и проч.; но противная имъ партія, какъ-то: кн. Безбородко, Куракины, а болѣе Екатерина Ивановна Нелидова, фаворитка императора, держащіеся эпикуреизма, зная склонность императора къ тѣлеснымъ удовольствіямъ, скоро свернули голову господамъ мартинистамъ, которые тотчасъ отъ двора были отдалены.

15) Кто мудръ ума по просвѣщенью, А сердцемъ больше щедръ и благъ. — Государь сей имѣлъ весьма острый и просвѣщенный умъ и сердце чувствительное и склонное къ добру; но, какъ выше явствуетъ, недостатокъ благоразумія или чрезвычайно вспыльчивый нравъ все то въ ничто обратили.

16) Аттилѣ вслѣдъ къ распространенью. — Аттила, царь Гунновъ, завоеватель многихъ странъ въ Европѣ и Азіи.

17) Полсвѣту скорый судъ даритъ. — Государь сей желалъ чрезвычайно скоро доставлять правосудіе, обогатить торговлею грады, распространить хлѣбопашество, скотоводство и населить степи пустыя, о чемъ о всемъ указы были даны. Но какъ не держался правилъ императора Августа, который говорилъ: *Торопись не скоро*; то новыя учрежденія сдѣлали болѣе вреда, чѣмъ пользы.

18) На казнь жестоку медленъ, труденъ. — Государь сей въ короткое время премножество сдѣлалъ несчастныхъ сосланіемъ въ ссылку и лишеніемъ имѣній; но отъ смертной казни воздержался, кромѣ что генералъ Репнинъ, не понявъ двухсмысленной его конфирмаціи, на Дону отрубилъ голову одному полковнику [1].

19) Участвовать въ трудахъ супругѣ И сыновьямъ велитъ своимъ. — Онъ далъ должности какъ своей супругѣ, такъ и дѣтямъ; первой управленіе воспитательнымъ домомъ и заемнымъ банкомъ, а вторымъ поручилъ быть при полкахъ шефами; старшаго своего сына Александра сдѣлалъ с-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ.

20) Чистосердечья ищетъ въ другѣ. — Государь сей желалъ имѣть чистосердечныхъ людей вокругъ себя, а особливо искалъ и хотѣлъ имѣть такого друга, который говорилъ бы ему правду; но скоро доказалъ опытъ, что онъ всѣхъ ихъ отъ себя удалилъ, какъ-то, напримѣръ, гр. Гудовичъ, бывшій любимецъ покойнаго отца его, нарочно былъ призванъ изъ деревни для совѣта. Онъ его спросилъ однажды, по какой причинѣ сдѣлался отецъ его нелюбимъ; онъ ему указалъ на такія занятія, какія онъ любилъ, то императоръ его тотчасъ прогналъ.

21) Аврелій зрится въ немъ и Титъ. — Маркъ-Аврелій и Титъ, благодѣтельные императоры римскіе.

22) Спѣши, укрась его супругу Подобно почестью царя. — Государь сей супругу свою короновалъ съ собою вмѣстѣ.

23) Счастливѣй внутрь, а внѣ сильнѣй. — Всякое государство, внутреннимъ своимъ правленіемъ благоденственное, бываетъ сильно и за границами.

24) А ты, о вождь полковъ нетлѣнныхъ, Летѣлъ что средь небесныхъ силъ. — День Архангела Михаила бываетъ 8-го ноября, а императрица Екатерина скончалася 6-го; то стихотворецъ и мечтаетъ

[1] Здѣсь вѣроятно дѣло идетъ о случаѣ, разсказанномъ въ Запискахъ Массона (т. I, стр. 220, и нѣмецкій переводъ ихъ, стр. 136): Репнинъ былъ посланъ во внутреннія губерніи по поводу слуховъ, распространенныхъ однимъ проѣзжимъ офицеромъ (Федосѣевымъ) о намѣреніи императора Павла облегчить участь помѣщичьихъ крестьянъ.

что препроводилъ на престолъ императора Павла къ дню своему сей Архангелъ.

Примѣчаніе. Выше сказано: ода сія возвратила автору входъ во дворцѣ за кавалергардовъ (по его сенаторскому достоинству), котораго онъ былъ лишенъ за прошеніе у императора себѣ инструкціи о данной ему должности въ государственномъ совѣтѣ.

XII. НА КОНЧИНУ ЕКАТЕРИНЫ II И НА ВОСШЕСТВІЕ НА ПРЕСТОЛЪ ПАВЛА I[1]. Соч. въ Шкловѣ 1799, въ первый разъ напеч. въ томъ же году на особыхъ листкахъ, во второй разъ въ изд. 1808.

25) ... Израильтяновъ родъ. — Сія ода сочинена шкловскими Евреями въ 1797 г. и поднесена императору Павлу ими въ Москвѣ на еврейскомъ языкѣ и на нѣмецкомъ, на который переведена въ Лейпцигѣ, а съ нѣмецкаго уже и по подстрочному переводу еврейскаго подлинника, и по объясненію Евреевъ переложена авторомъ на русскій языкъ.

XIII. НА РОЖДЕНІЕ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА[2]. Соч. въ Пб. 1798 г. января 28 дня, тогда же напеч. было въ первый разъ, во второй въ I-й ч. 1798.

26) Азъ есмь, вѣщалъ — кто равенъ Богу. — Азъ есмь Михаилъ, ибо Михаилъ по-еврейски значитъ то же, что по-русски: *Кто равенъ Богу.*

27) Избраньемъ древле я корону и проч. — Царь Михаилъ Θеодоровичъ по выбору всего народа выбранъ былъ на царство.

28) Недавно вслѣдъ отцу ко трону и проч. — Императоръ Павелъ за два дни до праздника Архангела Михаила взошелъ на престолъ.

29) И препоясалъ молній мечъ. — Въ самый день рожденія Михаила Павловича пожаловали его въ фельдцейхмейстеры, т. е. въ начальники молніи россійской, или артиллеріи.

30) Въ трехъ-сотныхъ отдались громахъ. — Рожденіе императорскаго сына возвѣщается обыкновенно тремя стами выстрѣлами изъ пушекъ.

31) Да юный молніи носитель Михаилъ древній будетъ мнѣ. — Т. е. да юный предводитель россійскихъ силъ будетъ подобенъ царю Михаилу Θеодоровичу, пресѣкшему неустройства и бывшему началомъ славы россійской.

32) Птенцовъ жметъ кокошъ подъ крыломъ. — Такъ человѣколюбивъ, какъ пеликанъ или насѣдка, которая цыплятъ своихъ охраняетъ подъ распущенными своими крыльями.

33) Всевышній зиждетъ свой алтарь. — Авторъ думаетъ, что за благодѣянія токмо Божескія воскурились алтари.

34) Любить ихъ должно какъ сыновъ. — Сей стихъ великій сдѣлалъ шумъ въ городѣ, ибо императоръ Павелъ весьма поступалъ строго или, лучше сказать, тираннически, что за всякія бездѣлки посылалъ въ ссылку; то и заключила публика, что на счетъ его сіе сказано. Нѣкоторые

[1] Т. II, 266. [2] Т. II, 150.

пріятели автора, а именно г. Козадавлевъ такъ струсилъ, что боялся встрѣтиться съ авторомъ и оказать себя, что онъ ему знакомъ, ибо онъ почти былъ причиною написанія сей оды: такимъ образомъ, когда родился сей великій князь, то въ собраніи для поздравленія онъ и гр. П. В. Завадовскій между разговоромъ сказали: Хорошо, коли бы на этотъ случай написали бы. Авторъ въ первое собраніе вывезъ имъ оду и каждому по списку отдалъ; отъ нихъ узналъ народъ и распространился вышесказанный слухъ, предвѣщающій неизбѣжную бѣду автору, по соображенію крутыхъ поступковъ императора. Слухи были столь сильно распространены о неблаговоленіи императорскомъ, что авторъ готовъ даже былъ къ какому-нибудь несчастію. Но вышло противное. На первой недѣлѣ великаго поста въ среду, когда съ женою авторъ былъ у обѣдни, пріѣзжаетъ фельдъегерь въ церковь, подаетъ пакетъ автору; жена обмерла; но, развернувъ пакетъ, увидѣлъ отъ имени императора письмо отъ статсъ-секретаря Нелединскаго, въ которомъ объявлено благоволеніе императорское и прислана табакерка золотая, осыпанная брильянтами. Г. Козадавлевъ, увидѣвши въ сенатѣ автора, первый бросился къ нему на шею съ лобызаніемъ и поздравленіемъ. Авторъ ему сказалъ: «Поди прочь, подлецъ: для чего ты отъ меня вчера бѣгалъ?»

XIV. НА МАЛЬТІЙСКІЙ ОРДЕНЪ[1]. Писано въ Пб. 1798 г., напеч. тогда же на особыхъ листкахъ, а въ другой разъ въ изд. 1808 г.

35) Въ порфирѣ, въ славѣ предстоитъ и проч. — Въ семъ куплетѣ изображена точная картина великолѣпнаго пріема императоромъ мальтійскихъ кавалеровъ, коихъ предводитель былъ гр. Литта. Всѣхъ орденовъ кавалеры были въ мантіяхъ, въ шляпахъ съ перьями, между коими былъ и авторъ. Зрители на хорахъ, синклитъ, т. е. синодъ и сенатъ — по ступенямъ трона. Императоръ и императрица на тронѣ, въ полномъ одѣяніи императорскомъ, подлѣ нихъ на столѣ регаліи царскія; по улицамъ строй, каковые авторъ воображаетъ также въ Азіи и Америкѣ подвластныхъ нѣкоторую часть россійскому скипетру.

36) Темнятъ крылами понтъ грифоны и проч. — Корабли авторъ называетъ грифонами, которые имѣютъ крылья, а пушки драконами, рыгающія огнемъ.

37) Полканы вихремъ пыль крутятъ. — Подъ Полканами разумѣется конница.

38) Обсѣли вкругъ стада орлины. — Подъ стадами орлиными разумѣется россійскій народъ.

39) На нихъ кресты, а не эгиды и проч. — Мальтійскіе кавалеры на броняхъ своихъ и на щитахъ имѣли нашитые бѣлые кресты, а не эгиды, т. е. Минервины щиты съ Медузиными головами. Гаральды же и Готфриды были вожди витязей крестовскихъ походовъ.

40) Безвѣрья гидра проявилась и проч. — Философы 18-го вѣка, которые шли противъ христіанства и, проповѣдуя вольность и равенство, по большой части были Французы, которые, разсѣявъ вредныя свои мнѣнія, заразили весь народъ и произвели революцію.

[1] Т. II, 213.

41) И Бога быть уже не мнятъ. — Французы во время той революціи отвергли даже бытіе Божіе, боготворили распутную дѣвку; но послѣ Робеспьеръ велѣлъ признавать Бога опредѣленіемъ директоріи, какъ будто можетъ тварь такъ заставить Того признавать Богомъ, Кого вся вселенная доказываетъ.

42) Присяжныхъ злобѣ нѣтъ враговъ. — Мальтійскіе кавалеры присяжные были враги недругамъ христіанства.

43) Попранъ Христосъ и скиптръ царей. — Французы во время революціи отвергли Христа и уничтожили царскую власть.

44) Цареубійцъ святятъ въ героевъ. — Подписавшихъ опредѣленіе на смерть короля Людовика XVI отличали всякими почестями.

45) Мы гробъ святый освободили, Гостепріимствъ отверзли дверь. — (Въ рукописи здѣсь пробѣлъ и карандашемъ отмѣчено: *Справиться въ исторіи мальтійской*).

46) Рекли, — печать и жезлъ правленья Царю, преклоншись, поднесли. — Мальтійскіе депутаты поднесли императору корону, жезлъ и печать своего ордена.

47) Сердечны слезы потекли. — Императору сіе чрезвычайно пріятно было, такъ что онъ отъ удовольствія заплакалъ.

48) Какъ быстры молньи, обнажилъ Крестообразно въ знакъ обѣта. — Императоръ, обнажа свой мечъ, ознаменовалъ себя онымъ крестообразно, присягнулъ, такъ сказать, въ вѣрность ордена, по каковому знаку и всѣ мальтійскіе кавалеры, вынявъ свои мечи, въ ознаменованіе своей вѣрности преклонили къ подножію престола его.

49) Петра онъ, Павла, Іоанна, Узрѣлъ и проч. — Авторъ въ восторгѣ своемъ, смотря на сіе великолѣпное зрѣлище, мечталъ быть свидѣтелями онаго Петра апостола, держащаго ключъ, Павла апостола, держащаго щитъ, и Іоанна крестителя, держащаго знамя, яко ихъ принадлежности. Провидѣніе устроило, что опослѣ въ сихъ именахъ оказались три императора, царствовавшіе весьма недолго.

50) Христу алтарь, царю чертогъ. — Авторъ думалъ, что некому другому привесть Французовъ на истинный разумъ, какъ однимъ Русскимъ, чтобъ они признали Бога, отверзли Христу алтарь и царю чертогъ, что̀ бы въ самомъ дѣлѣ исполнилось, ежелибы продолжался вѣкъ Екатерины или императоръ Павелъ не отозвалъ бы назадъ обратно своихъ войскъ, разсердяся на Австрійцевъ, посланныхъ съ Суворовымъ.

51) И съ нимъ Господня благодать. — Авторъ разумѣлъ подъ всѣдодатью обыкновенную благодать Божію, споспѣшествующую спраблагивымъ и благороднымъ подвигамъ; но когда императоръ приказалъ на знаменахъ, на каскахъ своихъ воиновъ написать слово *благодать*, то стали говорить, будто полюбилъ онъ сіе слово въ доказательство любви своей къ Аннѣ, которая по-гречески[1] знаменуетъ благодать.

[1] Читай: по-еврейски. Намекъ на княжну Анну Петровну Лопухину (род. въ 1777, ум. въ 1805 году), которая еще въ царствованіе императора Павла вышла замужъ за генералъ-адъютанта князя Павла Гавриловича Гагарина (род. 1777, ум. 1850).

52) Благословляетъ Сергій путь. — Св. Сергій Радонежскій, чудотворецъ, бывшій игуменомъ Троицкаго монастыря, благословилъ великаго князя Дмитрія Донскаго, идущаго на бой противъ Мамая, обѣщая ему побѣду.

53) Сквозь говоръ птицъ, сквозь звѣрска рева и проч. — Накануне сраженія съ Мамаемъ нѣкто Волынецъ, бывшій въ войскѣ кн. Дмитрія Іоанновича, съ позволенія его дѣлалъ примѣчанія, отходя въ уединенное мѣсто, гдѣ слышенъ говоръ птицъ или крикъ вороновъ и всякій вой обыкновенно сбирающихся на снѣдь труповъ и сквозь ихъ въ татарской сторонѣ плачъ женщины, подобный лишившейся мужа, а на россійской тихое рыданіе, подобное дѣвицы, идущей на брань, изъ каковыхъ примѣчаній и предвѣстилъ великому князю побѣду.

54) Симъ побѣдишь твоихъ враговъ. — Константинъ Великій, предводительствуя христіанами противу идолопоклонниковъ, видѣлъ накануне сраженія на облакахъ крестъ и около его надпись: *Симъ побѣдишь твоихъ враговъ.*

55) Конь бѣлый всадникомъ блистаетъ. — Георгій побѣдоносецъ пишется на образахъ на бѣломъ конѣ; то въ старинные годы, когда въ вѣрѣ Русскіе болѣе тверды были и оною воспламенялись, разсказывали послѣ сраженія, что будто видали на бѣломъ конѣ скачущаго воина, который имъ помогалъ одержать побѣду.

56) Столпъ огненный предъ нимъ предыдетъ и проч. — Когда Израильтяне ушли изъ Египта, то предъ ними предшествовалъ огненный столпъ, и Черминое море раздѣлилось, которое они перешли какъ по суху.

57) Юдиѳь Олферна жнетъ главу и проч. (пять стиховъ, въ которыхъ упомянуты: Самсонъ, Навинъ, Гедеонъ и Давидъ). —
Въ рукописи послѣ каждаго изъ этихъ стиховъ пробѣлъ и карандашемъ отмѣчено: *Выписать изъ исторіи.*

NB. Всѣ сіи библейскія чудеса авторъ ввелъ, предсказывая, что когда помощь Божія будетъ вспомоществовать оружію Россіянъ, то они вѣрно побѣдятъ, что̀ и исполнилось тогда подъ предводительствомъ Суворова.

58) Иль Пересвѣтъ съ гигантомъ къ бою. — Пересвѣтъ, монахъ Троицкаго монастыря, убилъ великана татарскаго Челумбея.

59) Вѣнцы нетлѣнные плетутся и проч. — Вышеписанный прогностикъ Волынецъ сказывалъ также великому князю Дмитрію, что видѣлъ многіе вѣнцы, плетущіеся для Россіянъ, т. е. что многіе падутъ на браняхъ.

60) Отступники, скрыпя зубами, Кровь блѣдными изъ ранъ руками, Отчаясь, мещутъ въ небеса. — Юліанъ, императоръ римскій, въ сраженіи съ христіанами раненъ былъ стрѣлою и, увидѣвъ Христа (какъ повѣствуется въ четь-минеѣ) на облакахъ, меща кровь на небо изъ раны, въ ярости кричалъ: Напейся, Галилеянинъ, крови моей! Относится сія картина на отчаяніе того времени богоотступниковъ, Французовъ.

61) И се Маріи подъ покровомъ, Архангельскихъ подъ

блескомъ крылъ. — Два корабля россійскихъ, Марія и Михаилъ, были въ экспедиціи противъ французскихъ кораблей на моряхъ египетскихъ.

62) Со именемъ Цирцей волшебнымъ. — Нѣкто генералъ, называемый Цирцей, предводительствовалъ французскимъ воинствомъ, и какъ, по баснословію, Цирцея была волшебница, то и придано ему волшебство или искусство въ ремеслѣ его, не взирая на которое Россіяне одержали побѣды.

63) Луна съ крестомъ соединилась! — Турки были тогда Римскими союзниками.

64) И грозны громы Михаила. — Симъ стихомъ предвѣщаетъ стихотворецъ совершенную побѣду надъ Франціею Михаилу Павловичу. Богъ только одинъ вѣдаетъ, сбудется ли это.

65) Гдѣ вервь отъ якоря снята. — Коль скоро не утверждено сердце человѣческое на христіанскихъ добродѣтеляхъ, то никакими пріобрѣтеніями не обрѣтетъ себѣ покою.

66) Но гдѣ предѣлъ ума къ паренью, Пристанище къ отдохновенью. — Какимъ бы пареньемъ премудрости человѣческой умъ ни возлеталъ, но долженъ къ успокоенію своему (*искать*) прибѣжище въ единомъ Богѣ, поступать по его заповѣдямъ.

67) Живитъ взаимна ихъ любовь. — Долгъ царей пещися о народѣ, а народа — исполнять его повелѣнія со взаимною довѣренностію и любовію отечества или другъ друга; иначе никакая политика не тверда.

68) Послѣдній лептъ отдастъ вдовицѣ. — Евангельская притча научаетъ, что вдова послѣдніе свои два лепта положила въ церковную казну, а здѣсь напротивъ того истинный христіанинъ предполагается помощникомъ бѣднымъ — всѣмъ, чѣмъ только можетъ.

69) Пріемлетъ данниковъ безъ дани И душу рыцарствъ воскресилъ. — Павелъ императоръ весьма милостиво принималъ эмигрантовъ и давалъ имъ помощь безъ всякой отъ нихъ заслуги и хотѣлъ возстановить рыцарскіе и кавалерскіе ордена.

70) И лучъ, преломшись отъ стекла, Какъ въ воздухѣ ярчѣй несется. — Симъ стихомъ изображается благодарность, что она отраженіемъ своимъ, какъ лучъ отъ стекла, оказывается и блещетъ.

XV. УРНА[1]. Писана въ Пб. 1797, ноября дня по случаю кончины И. И. Шувалова; напеч. въ первый разъ въ изд. 1808.

71) Сраженнаго косой Сатурна. — Сатурнъ, отецъ Юпитеровъ, или Время, а въ урнахъ у древнихъ хранился прахъ сожженныхъ тѣлъ.

72) Крылатый жезлъ, котурнъ, личина, Рѣзецъ и съ лирой кисть видна. — Крылатый жезлъ, или Меркуріевъ кадуцей, знакъ наукъ; котурнъ, на высокихъ каблукахъ сапогъ, въ которыхъ Греки игрывали трагедію; личина, или маска, въ которыхъ они играли комедію. Рѣзецъ, орудіе, которымъ работаютъ статуи; кисть, которой пишутъ картины, а лира, музыкальное орудіе поэтовъ, — все вообще означаетъ, что тотъ былъ покровитель наукъ и художествъ, котораго они были принадлежностями или аттрибутами.

[1] Т. II, 138.

73) Кто, Меценатъ иль Медицисъ? — Меценатъ былъ вельможа римскій, о коемъ выше упомянуто, а объ Медицисѣ справиться. Мавзолей, гробница. И. И. Шуваловъ былъ дѣйствительный тайный совѣтникъ, оберъ-камергеръ, кураторъ московскаго университета, директоръ академіи художествъ и любимецъ императрицы Елисаветы.

74) Я твой питомецъ и — судья. — Питомецъ, потому что авторъ подъ начальствомъ Шувалова въ казанской гимназіи обучался, которая подчинена была московскому университету, а судья, потому что въ послѣдствіи времени, когда уже авторъ былъ сенаторомъ, то Иванъ Ивановичъ, имѣя великій процессъ въ знатномъ имѣніи съ гр. А. И. Пушкинымъ, положились оба на его одного посредничество, и онъ миролюбно кончилъ сіе дѣло, однако уже послѣ смерти Ивана Ивановича, къ удовольствію обѣихъ сторонъ.

75) Вслѣдъ выспреннихъ пѣвцовъ дерзаетъ и проч. — Т. е. вслѣдъ высоко летающихъ лебедей, которые, по баснословію, воспѣваютъ прекрасно предсмертныя себѣ пѣсни.

76) Летитъ сквозь миріады звѣздны. — Миріадъ или милліонъ, ариѳметическое число.

77) Ты бѣдныхъ былъ благотворитель. — Иванъ Ивановичъ былъ человѣкъ весьма милостивый и благотворящій для бѣдныхъ.

78) Ты поощрилъ пѣть славу Россовъ и проч. — Иванъ Ивановичъ всѣхъ тѣхъ покровительствовалъ, которые упражнялись въ литературѣ и воспѣвали какъ Петра В., такъ и дщерь его Елисавету, а именно: Ломоносова, Сумарокова, Поповскаго, Хераскова и многихъ другихъ и также онъ употретребленъ былъ въ посредство Волтеру для написанія онымъ исторіи Петра Великаго по соизволенію императрицы Елисаветы.

79) Лучи бросала на другихъ. — Будучи любимцемъ Елисаветы, подобно планетѣ, заимствующей лучи отъ солнца, щедроты ея источалъ на другихъ.

80) Ты видѣлъ смертныхъ, слышалъ ихъ. — Онъ выслушивалъ всякаго и даже самыхъ беднѣйшихъ людей, къ нему приходящихъ, не уподобляяся истукану или нѣкоторымъ вельможамъ подобнымъ ему.

81) На немъ блисталъ, какъ злато, ты. — Какъ на оселкѣ пробуется металлъ и познается золото, такъ ни на чемъ нельзя больше узнать человѣка, какъ на прибыткѣ.

82) О, сколько юношей тобою. — Какъ Иванъ Ивановичъ былъ кураторъ московскаго университета и во время его процвѣтало сіе училище, то многіе благородные люди заняли въ немъ свое просвѣщеніе и съ отличностію служили своему отечеству, изъ коихъ между прочими кн. Потемкинъ, и вообще лучшіе канцелярскіе служители.

83) Онъ жилъ для всенародной льготы. — Во время императрицы Елисаветы былъ весьма сильный вельможа чрезъ жену свою Мавру Егоровну двоюродный братъ Ивана Ивановича, Петръ Ивановичъ Шуваловъ, который человѣкъ былъ весьма замысловатый, но жадный къ интересу; то для прибытка своего онъ домогся первый до содержанія разныхъ откуповъ, какъ-то: внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ, лѣснаго

торгу, тюленьяго или нерпичьяго жиру, а паче вина, изъ коихъ послѣднее строжайше было запрещено вольною продажею, и потому за малое корчемство пытали страшными пытками и посылали на каторгу; то Иванъ Ивановичъ пошелъ противъ брата своего и упросилъ императрицу отмѣнить сіе варварское учрежденіе, которое много по имперіи пролило невинной крови; и также онъ удерживалъ, чтобъ смертной казни не было, а наиболѣе покровительствовалъ науки; такъ какъ выше сказано, что онъ не токмо былъ кураторомъ университета, но и учредилъ оный и первоначальную академію художествъ.

XVI. НА НОВЫЙ 1798 ГОДЪ[1]. Соч. въ Пб. 1798, по случаю открывшихся нѣкоторыхъ въ Польшѣ возмущеній; напеч. въ первый разъ въ изд. 1808.

84) Кто вѣсть, что гальскій витязь Риму, Словами только вольность давъ. — Герой Франціи Наполеонъ, покоря тогда Италію, учинилъ тамъ республику; но послѣ, упоясь самовластіемъ, сдѣлался императоромъ, нѣкоторыхъ королей лишилъ престола, и возвелъ на оный своихъ братьевъ.

85) Не тмился ль часто въ полдень Фебъ? — Сія мысль относилась на императора Павла, который, въ полудни своего царствованія поступая неблагоразумно, заставлялъ всякаго думать, что царствованіе его скоро затмится.

86) Баконовъ и Мазепъ видали. — Баконъ, канцлеръ Великобританіи, писалъ смертный приговоръ о казни графа Эссекса, своего благодѣтеля; а Мазепа, возведенный въ гетманы малороссійскіе Петромъ Великимъ, измѣнилъ ему въ пользу шведскаго короля: обѣщавъ поставить провіанту, завелъ въ Молдавію, гдѣ было вся армія пропала.

87) Блеститъ зарницей вдругъ, какъ лучъ! — Т. е. самый малый человѣкъ изъ самаго ничтожнаго состоянія возвышается иногда на верхъ высочайшей славы, каковъ Наполеонъ.

XVII. О УДОВОЛЬСТВІИ[2]. Подражаніе Горацію, книги III одѣ I; писано въ Пб. 1798, напеч. въ первый разъ въ изд. 1808.

88) Медвѣдица нисходитъ въ бездны. — Медвѣдь и Левъ суть имена звѣздъ, названныхъ такъ, чтобъ отличить ихъ отъ прочихъ.

XVIII. НА ВОРОЖБУ[3]. Подражаніе Горацію, книги I одѣ II; писана въ Пб. 1798, напеч. въ изд. 1808.

89) Халдейскимъ мудрованьемъ знать. — Астрологіей, ибо первые Халдеи изобрѣли какъ астрономію, такъ и астрологію.

Къ началу: (вм. описанія картинки первые 4 стиха 3-го куплета).

Конецъ: *Обрѣзывай крылъ надеждъ По краткости ты дней своихъ.*

NB. И тутъ, кажется, автору нечего прибавить и для морали и для живописца!

XIX. ПОХВАЛА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ[4]. Подражаніе Горацію, эподовъ второй одѣ; писана въ Пб. 1798, напеч. въ изд. 1808; соображена съ русскими обычаями и нравами.

[1] Т. II, 145. [2] Т. II, 156. [3] Т. II, 162. [4] Т. II, 165.

90) **Младой къ Петрову дню блюденый.** — Внутри Россіи въ деревняхъ обыкновенно лучшихъ барашковъ (*приберегаютъ*) въ Петрову дню, къ розговѣнію.

91) **Тогда-то устрицы го-гу.** — Охотники до устрицъ и дичи любятъ съ запахомъ оныя кушать, чтò называется по-французски го-гу, или высокаго вкуса. Фрикасе и рагу — тоже извѣстные бѣлый и красный соусы.

92) **Зрѣть карду съ тучными волами.** — *Кардой* называется въ понизовыхъ провинціяхъ зимняя загорода для скота, куда въ красный день выпускаютъ скотину.

XX. ПОХВАЛА ЗА ПРАВОСУДІЕ[1]. Писана въ Пб. 1798, напеч. въ первый разъ въ изд. 1808.

93) **Въ груди, сіяющей звѣздой и проч.** — Для ордена кто взгляду царскому и наклонности сената не послѣдовалъ такъ, какъ стрѣла магнитная всегда обращается къ норду.

94) **Такъ, князь! держись и ты сихъ правилъ.** — Князь И. А. Шаховской, будучи при императорѣ Павлѣ генералъ-аудиторомъ, просилъ автора неоднократно написать ему похвалу за правосудіе; а какъ извѣстно было, что по чрезвычайной скорости императора, который требовалъ не далѣе какъ чрезъ три дни кончить всякій кригсрехтъ, то и рѣшились суды такъ, что часто безъ справки посылали въ ссылку, и для того несправедливо было сдѣлать совершенную похвалу за такое неосновательное правосудіе, въ разсужденіи чего и сказалъ авторъ что: *Счастливъ, коль отличаетъ Павелъ И совѣсть у тебя чиста!*

XXI. АѲИНЕЙСКОМУ ВИТЯЗЮ[2]. Соч. въ Пб. 1796 сентября дня, въ первый разъ напеч. въ изд. 1808. Подъ именемъ аѳинейскаго витязя надлежитъ разумѣть гр. Алексѣя Григорьевича Орлова.

95) **Чрезъ поприще на колесницѣ.** — Графъ Орловъ, будучи армейскимъ капитаномъ или маіоромъ, содержащуюся подъ присмотромъ императрицу Екатерину въ Петергофѣ увезъ въ одноколкѣ въ измайловскій полкъ, съ которымъ сія государыня пошла въ Зимній дворецъ, куды и прочіе гвардіи полки прибывъ, ей присягнули и возвели на престолъ, въ то самое время, какъ супругъ ея Петръ III былъ въ Ораніенбаумѣ съ графинею Воронцовою и приближенными людьми, упражняясь въ увеселеніяхъ и въ экзерцированіи своихъ голштинскихъ полковъ[3].

96) **Протекшаго въ вѣнцѣ Нептуна.** — Сей графъ Орловъ былъ главный начальникъ россійскаго флота, отправленнаго въ Архипелагъ въ первую турецкую войну, въ 1770 г.

97) **Носила въ чашѣ золотой.** — Т. е. кому благопріятствовало счастіе.

98) **Примѣшивалъ я правды гласъ.** — Читатели могутъ замѣтить, что во всѣхъ сочиненіяхъ автора множество правды и нравоученія.

99) **Мрачитъ Богъ свѣта очи ихъ.** — Правда глаза колетъ: сколь ни хвалили его сочиненія, но многимъ они были весьма непріятны, для чего онъ и терпѣлъ довольно непріятностей.

[1] Т. II, 172. [2] Т. I, 761. [3] *Зап.* (*Р. Б.*), 21.

100) Шумихи любятъ блескъ. — Это относится на всѣхъ любимцевъ императрицы, а паче на послѣдняго, кн. Зубова, которые иногда и дрянныя сочиненія предпочитали лучшимъ, когда въ первыхъ ихъ хвалили.

101) Который сшелъ съ театра славы. — Графъ былъ долго уже въ отставкѣ и не имѣлъ никакихъ должностей, когда сія иносказательная ода въ честь ему была писана.

102) Онъ взглядомъ, мужествомъ, породой, Заслугой, силою — орелъ. — Въ сихъ стихахъ изображенъ точно его портретъ: древней былъ породы, великъ ростомъ, мужественъ, силу почти имѣлъ невѣроятную, заслуги оказалъ отмѣнныя, особливо храбрость показующія, какъ-то: возведеніемъ на престолъ императрицы, сожженіемъ турецкаго флота, и въ прочихъ партикулярныхъ случаяхъ, коихъ во множествѣ писать здѣсь неумѣстно, и наконецъ имѣлъ орлиный взглядъ.

103) Изъ одного благодаренья. — Авторъ былъ уже сенаторомъ и до отставнаго гр. Орлова не имѣлъ никакого дѣла, но написалъ сію похвалу ему изъ чувствованія одной благодарности за то, что когда первый былъ гвардіи преображенскаго полка маіоромъ, а послѣдній въ томъ полку солдатомъ, то онъ ему, пришедъ безъ всякой протекціи, сказалъ, что онъ обиженъ, что моложе его произвели въ капралы, а онъ остается (*рядовымъ*); то графъ тотчасъ произвелъ его въ капральскій чинъ; сіе было 1762 въ Москвѣ [1].

104) Въ его какъ богатырски дни. — Въ первоначальные дни царствованія Екатерины, какъ дворъ состоялъ, гвардія, такъ и сенатъ изъ людей видныхъ, крѣпкихъ какъ духомъ, такъ и тѣломъ.

105) Которой бодрый духъ младой. — Императрица Екатерина, будучи молода, имѣла духъ мужественный: рѣшась взойти на престолъ, сама предводительствовала гвардіею и бывала каждую недѣлю раза по два въ сенатѣ, слушая и рѣша сама всѣ дѣла въ первые годы ея царствованія.

106) Въ ристаньи моего героя. — Въ 1765 или 1766 г. [2] былъ славный въ Петербургѣ карусель (по предложенію графовъ Орловыхъ, какъ искусныхъ ѣздоковъ верхомъ и на упряжкѣ), гдѣ изъ нихъ нѣсколько братьевъ предводительствовали кадрилями, а именно гр. Григорій Григорьевичъ — славянской, а Алексѣй Григорьевичъ — турецкой, также и прочіе.

107) Прекрасной вслѣдъ Пентезилеѣ и проч. — Пентезилея, царица амазонская: то съ нею сравниваются здѣсь тѣ дѣвицы и дамы, которыя были въ кадрили, ѣздили на колесницахъ и снимали дротиками вѣнцы. Ахиллъ, греческій воинскій начальникъ, извѣстный по троянской исторіи, а паче по славнымъ пѣснямъ Гомера.

108) Онъ шесть коней на ипподромѣ. — Ипподромъ, ристалище конское, или мѣсто, гдѣ бѣгали верхами и на колесницахъ Греки въ олимпическихъ своихъ играхъ. Гр. Орловъ могъ удерживать шесть лошадей, скачущихъ во весь опоръ въ колесницѣ, схватя оную за колесо.

109) ... бедрой Своей препнувъ склоненье. — Гр. Орловъ

[1] *Зап.* (*Р. Б.*), 27. [2] Карусель былъ 14 іюня 1766, см. *Зап.* (*Р. Б.*), 33.

спасъ императрицу Екатерину отъ неизбѣжной смерти, когда въ Царскомъ Селѣ на устроенныхъ деревянныхъ высокихъ горахъ катилась она въ колесницѣ и выпрыгнуло изъ колеи мѣдное колесо: графъ, стоя на запяткахъ на всемъ раскатѣ, спустя одну ногу на сторону, куда упадала колесница, а рукой схватясь за перилы, удержалъ отъ паденія оную.

110) Онъ въ ранахъ свѣтелъ, бодръ лицомъ. — Въ семилѣтнюю прусскую войну онъ, будучи весьма молодымъ офицеромъ, оказывая отличную храбрость, былъ раненъ, весьма перенося хладнокровно боль.

111) Въ единоборствѣ хитръ, проворенъ. — Онъ былъ великій борецъ и кулачный боецъ: то во всемъ искусствѣ гимнастики былъ бы, можетъ быть, славнымъ гладіаторомъ у Грековъ.

112) На огнескачущихъ волнахъ. — При сожженіи турецкаго флота подъ Чесмой, командуя флотомъ, былъ равнодушенъ.

113) Его покой — движенье, Игра — борьба и бѣгъ. — Въ семъ куплетѣ описывается образъ жизни гр. Орлова, т. е. что онъ любилъ простую русскую жизнь, пѣсни, пляску и всѣ другія забавы простонародныя, также обращался съ друзьями безъ церемоніи и былъ благотворителенъ.

114) Я зрѣлъ въ ареопагѣ сонмъ. — Выше сказано, что въ сенатѣ были люди мужественные, отправляющіе, по тогдашнему времени, съ возможною справедливостію и безкорыстіемъ дѣла.

115) А гдѣ рукою руку мыли. — *Рука руку моетъ и сама бѣла быть хочетъ*, русская пословица, означаетъ понаровку въ дѣлахъ.

116) Дьяки, взявъ шапку, выходили. — Въ инструкціи дьяковъ, или оберъ-секретарей сказано, чтобъ они объясняли сенаторамъ законы, а когда не послушаютъ, то, не подписавъ опредѣленія, рапортовали бы по своей командѣ, и потому при Петрѣ В. нерѣдко случалось, что оберъ-секретари, увидѣвъ несправедливую резолюцію, данную сенаторами, взявъ шапку и поклонясь присутствующимъ, выходили изъ сената. — Въ Греціи при Ареопагѣ были подобные чиновники, и для того вмѣсто оныхъ названы они дьяками.

117) Чтобъ только свой набить мамонъ. — Здѣсь должно разумѣть сіе слово за карманъ; впрочемъ, по смыслу Евангелія, гдѣ сказано, что не можно служить Богу и мамонѣ, разумѣть его должно корыстолюбіемъ.

118) А деньги берегли и нравы. — При началѣ царствованія императрицы весьма скупы были въ государственныхъ дѣлахъ на деньги и держались крѣпко русскихъ нравовъ. Кн. Вяземскій, бывъ генералъ-прокуроромъ, то и другое рачительно наблюдалъ до 1780 г., въ который нашелъ кн. Потемкинъ чрезъ купца[1] Фалѣева услужить ему на Днѣпрѣ деревнями, склонилъ его къ своей партіи, и съ тѣхъ поръ примѣтно часъ отъ часу слабѣе стала наблюдаться экономія и правосудіе.

119) Не оцѣняли всякій день. — За заслуги свои никто не осмѣ-

[1] Фалѣевъ не былъ купцомъ, а находился въ службѣ и имѣлъ чинъ статскаго совѣтника.

ливался требовать награжденія, такъ какъ и авторъ, написавши должность экспедиціи государственныхъ доходовъ и инструкцію о размежеваніи въ Саратовѣ земель и разсмотря множество большихъ дѣлъ, не требовалъ никакого награжденія и награжденъ не былъ; а послѣ между министровъ вошло въ обычай, что за бездѣлку, какъ-то напримѣръ за сдѣланный откупъ и другія неважныя работы докучали о награжденіяхъ и получали оныя иногда въ году не одинъ разъ; то всякую свою ступень оцѣняли всякій день.

120) Что десять и что ноль. — Не употребляя какихъ-нибудь мудрыхъ вычисленій, по счетамъ однимъ считая, знали цѣну вещамъ и деньгамъ.

121) Піявицъ унимали. — Послѣ кровопусканія, когда надобно, чтобъ піявицы выпустили кровь, сыплютъ на нихъ соль; подъ симъ подразумѣвается, что взятки строго наказаны были въ первые годы императрицы, а именно въ Калугѣ воевода Мясоѣдовъ привязанъ былъ къ столбу; а подъ конецъ царствованія такъ послаблено сіе злоупотребленіе, что можно сказать, на словахъ запрещалось, а на дѣлѣ одобрялось.

122) Зря на небѣ пятно и проч. — Въ дни благополучные, когда предусматривана была какая-нибудь опасность, то не сердились за то, что о ней докладывали, но подбирали паруса, какъ дѣлаютъ мореходцы, завидя черное пятно или малое облако, называемое коровьимъ глазомъ.

123) Дѣлъ со дня на другой. — Не посылали изъ рукъ въ руки, т. е. министръ къ министру, а дѣлалъ одинъ, кому препоручено было, и не увеличивали, какъ снѣжный кубарь, ненужною перепиской бумагъ.

124) Тогда Кулибинскій фонарь. — Кулибинъ, механикъ академіи наукъ, выдумалъ фонарь, изъ зеркальныхъ маленькихъ стеколъ составленный, съ кругловатой впадиною, въ срединѣ котораго поставленная свѣча, отъ всѣхъ кусочковъ стеклянныхъ дѣлая отраженіе, производитъ чрезвычайный свѣтъ вдали горизонтальною полосою; но чѣмъ ближе подходишь, свѣтъ уменьшается и напослѣдокъ у самаго фонаря совсѣмъ темно; то авторъ сдѣлалъ симъ фонаремъ сравненіе съ знатнымъ человѣкомъ или министромъ, отправляющимъ государственныя дѣла, который вдали гремитъ своимъ умомъ и своими способностями, но коль скоро короче его узнаешь, то увидишь, что онъ ничего собственнаго не имѣетъ, а умъ его и таланты заимствуются отъ окружающихъ его людей, т. е. секретарей и проч. Отношеніе сего сравненія цѣлитъ на бывшаго тогда генералъ-прокуроромъ Самойлова, который по фавору употребленъ былъ во многія должности, будучи совсѣмъ неспособенъ, что время доказало. Что же касается до примѣчанія критиковъ, что во время существованія Аѳинъ еще Кулибина не было, то и нельзя было дѣлать къ нему никакого сравненія; но какъ Архимедъ еще въ древнѣйшія времена имѣлъ уже понятіе объ оптикѣ и діоптрикѣ, или объ отраженіи лучей солнечныхъ (ибо онъ дѣлалъ такія стекла, которыя вдали сжигать могли флоты), то какъ ода сія писана иносказательно, можетъ замѣнять Кулибинъ Архимеда, такъ, какъ выше сказано,[1] дьяки, или оберъ-секретари.

[1] Въ рукоп. пробѣлъ; разумѣть надобно: чиновниковъ Ареопага.

125) Былъ не во всѣхъ мѣстахъ потребенъ. — Выше сказано, что Самойловъ употребленъ былъ во многія должности, какъ-то завѣдывалъ: сенатъ, экспедицію государственныхъ доходовъ, или должность генералъ-казначея, государственные банки ассигнаціонный и заемный, монетную экспедицію, тайную кацелярію и прочія государственныя дѣла, а потому по пословицѣ: гоняясь за многими зайцами, ни одного не поймалъ; но сіе нерѣдко случается: даютъ должности не по способности, а по благосклонности, и для того идетъ кое-какъ.

126) Горѣлъ кристалъ — горѣлъ отъ зарь. — Т. е. имѣлъ таланты, данные свыше.

127) Стоялъ въ столпахъ гранитъ средь дома. — Т. е. были подпорой государства люди твердые и не такъ какъ Зубовъ, въ то время подобный соломѣ, которая тотчасъ гнулась, кто на нее опирался, ибо часто случалось, что самъ, приказывая чтò, не могъ того поддерживать.

128) Не обаялъ сердца и духъ. — Т. е. въ русскомъ видѣ не управлялъ французскій духъ.

129) Не по опушкѣ добродѣтель. — Не лентами, то есть, отличалось достоинство, а дѣлами.

130) Не по ходулямъ великанъ. — Т. е. не по чинамъ, титламъ и званіямъ познаваемъ былъ человѣкъ великъ, но по его уму и дѣяніямъ.

131) Юпитеръ! о Нептунъ, что бурнымъ и проч. — Юпитеръ въ языческомъ баснословіи былъ главный богъ, управляющій небесами и мещущій перуны, а Нептунъ — богъ морей, усмиряющій строгой своей волны морскія.

132) И ты, Вулканъ. — Вулканъ, богъ преисподній, имѣющій во власти своей металлы.

133) И ты, о милый Вакхъ! — Богъ винограда и веселій, ибо гр. Орловъ любилъ иногда русскія увеселенія.

XXII. НАДГРОБНАЯ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II-й[1]. Соч. въ Пб. во время кончины императрицы, которая скончалась 1796 г. ноября 6-го; напеч. въ первый разъ въ изд. 1808.

XXIII. НА ВОЗВРАЩЕНІЕ ГРАФА ЗУБОВА ИЗЪ ПЕРСІИ[2]. Соч. въ Пб. 1797, напеч. въ изд. 1808.

134) И слѣдъ во всякомъ состояньи Цвѣтами усыпаетъ свой. — Въ высокомъ состояніи человѣкъ, и въ самомъ низкомъ, богатый и бѣдный, по возможности своей, всякій можетъ добро дѣлать.

135) Кто при концѣ своихъ ристаній. — При концѣ своей жизни, прошедъ въ своихъ мысляхъ оную, кто увидитъ множество добрыхъ дѣлъ, тотъ можетъ почесться счастливымъ.

136) О юный вождь! сверша походы, Прошелъ ты съ воинствомъ Кавказъ. — Выше сказано, что гр. Валеріанъ Зубовъ долженъ былъ исполнить обширный планъ императрицы въ разсужденіи торга съ Индіею и завоеванія Константинополя; но какъ скоро вступилъ на престолъ императоръ Павелъ, то велѣно ему было тотчасъ возвратиться въ Россію, отнята у него команда и велѣно ему подъ присмотромъ жить въ

[1] Т. I, 789. [2] Т. II, 28.

деревняхъ. — Кавказъ, кряжъ горъ за Каспійскимъ моремъ къ полудни, раздѣляющій Россію съ Персіею. Къ сочиненію сей оды поводъ былъ слѣдующій: По восшествіи на престолъ императора Павла, когда у гр. Зубова отобрана команда, то, будучи при дворѣ, кн. С. Ѳ. Голицынъ упрекнулъ автора той одой, которая (въ I-й части) на взятіе Дербента Зубову сочинена, сказавъ: что уже теперь герой его не есть Александръ и что онъ уже льстить теперь не найдетъ за выгодное себѣ; онъ ему отвѣтствовалъ, что въ разсужденіи достоинства онъ никогда не перемѣнятъ мыслей и никому не льститъ, а пишетъ истину, что̀ его сердце чувствуетъ. — Это не правда, отвѣтствовалъ Голицынъ: нынче ему не напишешь. — Вы увидите. Поѣхавъ домой, сочинилъ сію оду въ то время, когда Зубовъ былъ въ совершенномъ гоненіи, которая хотя и не была напечатана, но въ спискѣ у многихъ была, не смотря на неблагорасположеніе императора къ Зубову.

137) Рожденье молній и громовъ. — Сайгаки или другой родъ дикихъ сернъ или козъ такъ высоко взбираются на скалы, что подъ ними облака ходятъ, молніи блещутъ и громы гремятъ, и видятъ ихъ иногда висящихъ съ высотъ надъ пропастьми.

138) Ты видѣлъ, Каспій, протягаясь. — Каспій, или Каспійское море, которое положеніе свое имѣетъ между камышей и песковъ.

139) Трезубцемъ бьетъ по кораблямъ. — Здѣсь море образовано Нептуномъ, который трезубцемъ или острогой своею усмиряетъ волны.

140) Огромныхъ змѣй стога кишатъ. — Недоходя до Испагана отъ Каспійскаго моря находится степь, на которой въ лѣтніе мѣсяцы такое великое число собирается большихъ змѣй, что никоимъ образомъ пройти невозможно, и для того путешественники проѣзжаютъ только сіе мѣсто осенью и зимой, когда змѣи скрываются.

141) Внизу, вверху ты видѣлъ все. — Зубовъ пошелъ на знатную степень при дворѣ изъ весьма незнатнаго дворянскаго состоянія; то ему были извѣстны и народъ и дворъ.

142) ... и какъ въ Вратахъ Желѣзныхъ. — Дербентъ у Персіянъ называется *вратами желѣзными*, подъ коимъ именемъ Александръ Великій его завоевалъ.

143) Въ тебѣ я Александра чтилъ. — Александръ, царь македонскій, завоевавшій Персію. Съ нимъ здѣсь Зубовъ сравнивается, потому что былъ также молодъ, какъ Александръ, что скоро покорилъ Персіянъ, что предводительствовалъ столь же безстрашными и устроенными, какъ и у Грековъ, войсками.

144) А добродѣтель вѣкъ живетъ. — Въ вышесказанной одѣ на взятіе Дербента напоминалъ авторъ побѣдителю, чтобъ не гордился тріумфомъ, который скоро проходитъ, а остался бы добродѣтельнымъ: то здѣсь и напоминаетъ то, говоря, что пророчество его сбылось.

145) И былъ въ вельможѣ человѣкъ. — Сей гр. Зубовъ былъ человѣкъ снисходительный, говорилъ и выслушивалъ всякаго съ откровеннымъ сердцемъ, не такъ какъ братъ его, любимецъ императрицы, несравненно старшихъ и почтеннѣйшихъ себѣ людей принималъ весьма гордо, не удостоивая иногда и преклоненіемъ головы.

146) Познать премудрость царствъ иныхъ. — Въ то время, какъ были у императора Павла Зубовы въ изгнаніи, то Валеріанъ просился въ чужіе краи, дабы въ путешествіяхъ чему-нибудь научиться.

147) Исправь поступки оныхъ лѣтъ. — Онъ былъ весьма расточительный человѣкъ и пристрастенъ къ женщинамъ, коихъ часто перемѣнялъ.

148) Суворовъ твердъ, великъ всегда! — Суворовъ тогда былъ отъ Павла въ изгнаніи или, такъ сказать, въ ссылкѣ, живя въ своей деревнѣ въ Боровичахъ; то авторъ совѣтуетъ Зубову подражать ему, быть тверду, — пророчествуя, что звѣзда его счастія еще не угасла, что̀ и исполнилось, ибо послѣ того Суворовъ былъ приглашенъ австрійскимъ императоромъ для предводительства войскъ противу Французовъ, командовалъ двумя императорскими арміями, выигралъ множество побѣдъ, пожалованъ княземъ и генералиссимусомъ.

XXIV. КАПНИСТУ[1]. Подражаніе Горацію, книги II одѣ 6-ой[2]; писано въ Пб. 1797, напеч. въ изд. 1808.

149) Покою, мой Капнистъ! покою. — В. В. Капнистъ, статскій совѣтникъ, свойкъ автору и бывшій ему хорошій пріятель, какъ выше сказано, упражнявшійся въ стихотворствѣ.

150) И чуждымъ солнцемъ согрѣваться. — Капнистъ тогда сбирался въ чужіе краи; авторъ ему не совѣтовалъ.

151) Вѣкъ Задунайскаго увялъ. — Фельдмаршалъ гр. Румянцовъ тогда незадолго скончался.

152) Рымникскаго печаленъ сталъ. — Графъ Суворовъ былъ тогда въ ссылкѣ.

153) ... въ Обуховкѣ. — Въ Малороссіи Капнистова деревня.

154) Въ текущій стклянный Псёлъ вокругъ. — Псёлъ, рѣка, протекающая въ той деревнѣ.

155) Когда тебя въ темнозелену, Подругу въ пурпорову шаль. — Темнозеленые тогда нашивали мундиры, а дамы — пурпуровыя шали.

156) Когда велитъ судьба съ Миленой. — Подъ именемъ Милены должно разумѣть вторую жену автора.

157) Злословну, площадную чернь. — Разумѣются низкіе и подлые люди, и богатые и бѣдные.

XXV. ОРЕЛЪ[3]. Писано въ Пб. 1799, по случаю отбытія гр. Суворова Рымникскаго съ арміею въ Италію противъ Французовъ; напеч. въ первый разъ въ изд. 1808.

158) ... Петрова дома. — Подъ орломъ разумѣется здѣсь духъ россійскаго народа, носящій дома Петрова или наслѣдниковъ Петра Великаго оружіе.

159) Еще ль по манію Беллоны. — Т. е. по повелѣнію богини войны, или императрицы Екатерины.

160) Гряди спасать царей, Суворовъ. — Когда, по приглаше-

[1] Т. II, 104. [2] Читай: 16-й. [3] Т. II, 239.

нію императора Римскаго, Суворовъ призванъ былъ изъ ссылки императоромъ Павломъ для предводительства двухъ имперскихъ армій, то, будучи представленъ императору и услышавъ его волю, палъ предъ нимъ на колѣни, сказалъ изъ псалма: *Господи, спаси царя!* то государь ему отвѣтствовалъ: *Ты иди спасать царей!*

161) Соименитому герою Подобно ты рожденъ судьбою Коварства узелъ разсѣщи. — Александру Великому, когда онъ пошелъ для завоеванія Персіи, въ храмѣ дельфійскомъ предложенъ былъ узелъ, называемый гордіановъ [1], котораго никто не могъ расплесть, для искушенія его ума и величія духа; то онъ, не смотря на то, что узелъ почитался священнымъ, его разсѣкъ, и тѣмъ предсказалъ о себѣ, что онъ исполнитъ свое предпріятіе; то какъ Суворовъ былъ Александръ же, то и названъ онъ былъ соименитымъ героемъ Александру Великому, могущимъ разсѣчь узелъ коварства тогдашней французской революціи.

162) Гряди, Алкидъ, на гидру дерзку. — Алкидъ убилъ гидру лернейскую; то здѣсь и сравнивается авторомъ Суворовъ съ Геркулесомъ.

163) Любовью выспренней горишь. — Надежда, Вѣра и Любовь — христіянскія добродѣтели: то по благочестію Суворова и предполагается, что укрѣпленный ими, будетъ онъ имѣть поборниками по себѣ вышнія силы, и сломитъ рога буйству, что̀ онъ и исполнилъ.

164) Съ тобою Богъ идетъ, и Россы Во знаменье побѣдъ колоссы Воздвигнутъ и проч. — Перешедъ Альпійскія горы, Суворовъ въ память побѣдъ своихъ оставилъ въ нихъ монументъ своей славы, который выше всякихъ колоссовъ.

XXVI. НА ПОБѢДЫ ВЪ ИТАЛИИ графомъ Суворовымъ-Рымникскимъ Французовъ въ 1799 году [2]. Писано въ Пб. 1799, напеч. въ первый разъ тогда же на особыхъ листкахъ, потомъ въ изд. 1808.

165) Ударь во сребряный, священный, Далеко-звонкій, Валка, щитъ. — Древніе сѣверные народы, или Варяго-Руссы возвѣщали войну и сбирались на оную по ударенію во щитъ; а Валками назывались у нихъ военныя дѣвы или музы.

166) Жилище бардовъ восшумитъ. — Барды сѣверныхъ народовъ — поэты, которые пѣснями своими возбуждали ихъ на брань.

167) Предъ ними сто дубовъ горятъ. — У сѣверныхъ народовъ было обыкновеніе торжествовать ихъ побѣды подъ звукомъ арфъ при зажженныхъ дубахъ, гдѣ и пили они круговую чашу.

168) ... парижскихъ твердость стѣнъ. — Варяги нѣкогда по Сенѣ приходили въ Галлію подъ стѣны Парижа, взявъ городъ Нантъ и пр.

169) Се Рюрикъ торжествуетъ. — Предводительствовалъ тѣми Варягами ихъ великій князь Рюрикъ.

170) Въ Валкалѣ звукъ своихъ побѣдъ. — По древнему варягороссскому баснословію, герои ихъ по смерти своей торжествовали свои побѣды въ Валкалѣ, т. е. въ раю.

[1] Гордіевъ узелъ находился не въ Дельфахъ, а въ Фригійскомъ городѣ Гордіумѣ: было преданіе, что тому, кто развяжетъ его, достанется вся Азія.

[2] Т. II, 270.

171) **Воспитанный въ огняхъ, во льдахъ.** — Суворовъ, чтобъ лучше переносить военныя трудности, пріучалъ себя измлада къ холоду и къ жару, ходя въ самые знойные дни съ открытою головою и окачиваясь всякое утро и вечеръ холодною водою со льдомъ, а спалъ на сѣнѣ.

172) **Девятый валъ въ морскихъ волнахъ.** — Извѣстно мореходцамъ, что девятый валъ самый крѣпчайшій, котораго не могутъ выдержать худые корабли.

173) **Звѣзда, прошедша міра троны и проч.** — Комета, прошедшая тропики, или пути солнечные, т. е. Суворовъ съ оружіемъ многія прошелъ страны.

174) **Князь славы.** — До сей оды гр. Суворовъ еще княземъ не былъ, но послѣ переходу Алпійскихъ горъ пожалованъ въ сіе достоинство.

175) **Сбылось пророчество, сбылось.** — Въ одѣ Зубову на прибытіе изъ Персіи[1] предсказано было, что Суворова горитъ еще звѣзда; то сими побѣдами и сбылось то пророчество.

176) **Лучъ, возсіявшій изъ-подъ спуда.** — Т. е. бывшій подъ угнетеніемъ или въ ссылкѣ возсіялъ вновь славою.

177) **Что древній витязь проложилъ.** — Древній герой князь Рымникскій, воевавшій съ Франціею.

XXVII. НА ПЕРЕХОДЪ АЛЬПІЙСКИХЪ ГОРЪ[2]. Соч. въ Гатчинѣ 1799 сентября, напеч. тогда же на особыхъ листкахъ, въ другой разъ въ изд. 1808.

178) **Носящи страхъ намъ, скорби зѣльны.** — Когда вошелъ гр. Суворовъ съ войсками вовнутрь Альпійскихъ горъ, Цесарцы обѣщали для провозу тягостей и провіанту прислать муловъ и самаго провіанта, но не прислали. Всѣ политики, знающіе сіи обстоятельства, заключали навѣрное, что вождь сей и полки, предводимые имъ, пропадутъ въ горахъ неизбѣжно, отъ чего и были въ Петербургѣ всѣ въ крайней печали; но вдругъ, когда были въ Гатчинѣ для торжества браковъ великихъ княженъ Александры и Елены Павловны, получаетъ императоръ Павелъ извѣстіе о преславномъ семъ проходѣ и о побѣдѣ надъ непріятелями: то авторъ, будучи тогда сенаторомъ, находяся съ прочими въ Гатчинѣ, написалъ сію оду.

179) **Зрю, близъ меня сіяютъ ады, Надъ мной шумящи водопады.** — Адами авторъ называетъ неизмѣримыя бездны, а небесами наклонившимися тѣ страшные водопады, подъ которыми, какъ подъ сводами какими, проходить можно.

180) **Нахмурясь смотритъ Сенъ-Готаръ.** — Сенъ-Готаръ, самая высочайшая гора изъ Альпійскихъ горъ[3].

181) **А тамъ волшебница сѣдая.** — Волшебницей авторъ называетъ зиму, которая вѣчно покрываетъ Альпійскія горы снѣгомъ, блещущимъ отъ лучей солнечныхъ.

182) **Чудовище, какъ мостъ длиною.** — Подъ симъ должно разумѣть *Чортовъ мостъ*, который переходили россійскія войска.

[1] См. выше ч. II, № XXIII, прим. 148. [2] Т. II, 278.
[3] Не изъ Альпійскихъ вообще, а изъ Лепонтинскихъ: см. Т. II, 284.

183) **А тамъ — пещера черна спитъ.** — Сквозь пещеру, или земной проходъ войска проходили, которая и представлена воющимъ чудовищемъ, ибо безпрестанно вѣтры въ ней воютъ.

184) **Чтобъ славный учинилъ Язонъ.** — Язонъ, греческій полководецъ, который ѣздилъ въ Колхиду за золотымъ руномъ и досталъ его чрезъ волшебные способы Медеи, въ него влюбившейся.

185) **По черному средь волнъ лазурю.** — Когда великій штурмъ, или буря, море обыкновенно бываетъ черно отъ тучъ.

186) **Но что! не духъ ли Оссіана.** — Оссіанъ, поэтъ и полководецъ каледонскій.

187) **Мнѣ кажетъ подъ луной Морана, Какъ шелъ онъ на царя царей.** — Моранъ, полководецъ каледонскій; а царями царей называли они римскихъ цесарей, которые съ ними вели войну.

188) **Нѣтъ, зрю Массена подъ землею.** — Массена, генералъ французскій, который защищалъ Альпійскія горы отъ проходу Суворова.

189) **... хохочетъ адъ.** — Подъ симъ выраженіемъ заключается два смысла: 1) когда ударяются ружья о ружья по горамъ, то отзывающійся гулъ подобенъ хохоту; а 2) что пролитію крови радуется адъ.

190) **Горящу лаву съ вѣчнымъ льдомъ.** — Лава вытекаетъ изъ огнедышущихъ горъ, т. е. сѣрная и горючая матерія.

191) **Алкидъ, и знакъ свой тамъ поставилъ.** — Т. е. извѣстные столпы Геркулеса, за которые по баснословію никто не отваживался переходить.

192) **Владыкѣ византійскихъ странъ.** — Царь греческій Константинъ, подъ которымъ разумѣется подъ одинаковымъ именемъ Константинъ Павловичъ, бывшій въ семъ походѣ.

193) **Не Гозоно ль тамъ Богомъ данный.** — Гозоно, мальтійскій кавалеръ, убилъ страшнаго дракона, опустошавшаго землю, кинжаломъ въ рѣкѣ, когда уже его изломалося копье и мечъ (справиться въ Исторіи мальтійской).

194) **Коль знали бы цѣнить обратно.** — Т. е. когда бы Цесарцы поступали съ тою же искренностію, съ какою русскія войска, на помощь имъ присланныя, поступали, но они изъ зависти только словами въ нужныхъ случаяхъ довольствовали, а въ самомъ дѣлѣ возможныя чинили пакости, о чемъ и въ реляціи Суворова видно.

195) **Евгеній, Цесарь, Ганнибалъ.** — Евгеній, герцогъ савойскій, славный полководецъ цесарскій; Цесарь, о коемъ выше сказано, — римскій, а Ганнибалъ — африканскій, переходили Альпійскія горы, послѣ которыхъ до Наполеона никто не перехаживалъ, окромѣ Суворова, съ войскомъ.

196) **Куды ни посланъ былъ на брани.** — Суворовъ никѣмъ не былъ побѣжденъ.

197) **Могущій Леопольдъ не могъ.** — Леопольдъ, императоръ цесарскій, съ 80 тысячами нападая на Швейцарцевъ, побитъ былъ малымъ числомъ войска (справиться).

198) **Промчи жъ, о Русса! ты Секванѣ.** — Рѣка Русса, про-

текающая въ Швейцаріи, на берегахъ которой происходили сраженія, а Секвана, или Сена, рѣка, протекающая въ Парижѣ.

199) Воюетъ Россъ за обще благо. — Русскіе не имѣли никакой причины собственной къ войнѣ съ Французами, но вступились за угнетенную Европу.

200) Но гдѣ жъ, гдѣ ваши Цинциннаты? — Цинциннатъ, полководецъ римскій, который былъ столь не самолюбивый и безкорыстный человѣкъ, что часто послѣ предводительства побѣдоноснаго войска возвращался въ свою хижину и принимался за свою соху, а напротивъ того послѣдствіе оказало, что господа Французы начали революцію и сражались не за общее благо своего отечества, но для корыстныхъ видовъ, что всякій изъ генераловъ награбилъ милліоны.

201) По доблести — царямъ сокровный. — Неаполитанскій король далъ орденъ Суворову, такой, который по статуту могъ быть только даванъ принцамъ крови, для чего и назвалъ его своимъ родственникомъ.

202) Доколь течетъ прозрачна Рона. — Рона, рѣка, протекающая Францію изъ Пиренейскихъ горъ, извѣстная своею прозрачностію.

203) Отнынѣ горы ввѣкъ Альпійски. — Когда отправился Суворовъ въ Италію, то авторъ тогда сказалъ, что онъ поставитъ по пути своему обелиски своихъ побѣдъ [1], что̀ онъ и сдѣлалъ, оставя таковыми Альпы.

Примѣчаніе. Второй эпиграфъ [2] написалъ авторъ съ намѣреніемъ, дабы Павелъ позналъ, что примѣчено публикою его недоброжелательство къ Суворову изъ зависти, для чего сія ода холодно и была принята.

XXVIII. СНИГИРЬ [3]. Соч. въ Пб. 1800 г. мая мѣсяца, на кончину гр. Суворова; напеч. въ изд. 1808.

204) Флейтѣ подобно, милый Снигирь. — У автора въ клѣткѣ былъ снигирь, выученный пѣть одно колѣно военнаго марша; когда авторъ по преставленіи сего героя возвратился въ домъ, то услыша, что сія птичка поетъ военную пѣснь, написалъ сію оду̀ въ память столь славнаго мужа.

205) Съ кѣмъ мы пойдемъ войной на гіену? — Гіена, злѣйшій африканскій звѣрь, подъ коей здѣсь разумѣется революціонный духъ Франціи, противъ которой гр. Суворовъ былъ посыланъ.

206) Кто передъ ратью будетъ, пылая и проч. — Суворовъ, воюя въ Италіи, въ жаркіе дни ѣздилъ въ одной рубашкѣ предъ войскомъ на казачьей лошади или клячѣ, по обыкновенію своему былъ неприхотливъ въ кушаньи и часто ѣдалъ сухари; въ стужѣ и въ зноѣ безъ всякаго покрова такъ какъ бы себя закаливалъ подобно стали; спалъ на соломѣ или на сѣнѣ, вставалъ на зарѣ, а когда надобно было еще и прежде ночныя дѣлать экспедиціи на непріятеля, то самъ кричалъ пѣтухомъ, дабы показать, что скоро заря и что надобно идти въ назначенный имъ маршъ; тогда онъ въ приказахъ своихъ отдавалъ, чтобъ по первому крику пѣтуховъ выступали. Обыкновенно онъ предводительствовалъ

[1] См. выше ч. II, № XXV. [2] См. Т. II, стр. 280. [3] Т. II, 344.

небольшимъ числомъ войскъ, и горстью Россіянъ побѣждалъ превосходное число непріятелей.

207) **Быть вездѣ первымъ въ мужествѣ строгомъ.** — Никто столько не отличался истиннымъ мужествомъ, какъ онъ, и побѣждалъ шутками зависть, потому что притворялся, нарочно дѣлая разныя проказы, дабы надъ нимъ смѣялись и, считая его дуракомъ, менѣе бы ему завидовали. Ибо почти что при самой смерти, когда случился разговоръ о Наполеонѣ при немъ, когда его называли великимъ полководцемъ, то онъ слабымъ голосомъ сказалъ: *Тотъ не великъ еще, кого таковымъ почитаютъ.* — **Злобу штыкомъ:** онъ болѣе всего употреблялъ въ военныхъ дѣйствіяхъ сіе орудіе, такъ жестоко поступая съ непріятелями, что его почитали варваромъ; но онъ свои на то имѣлъ причины, которыя, можетъ быть, болѣе въ немъ означивали человѣколюбіе, нежели въ другихъ пощада и мягкосердіе, ибо онъ говорилъ, что надо въ непріятеля вперить ужасъ; то онъ поскорѣе покорится и тѣмъ пресѣчется кровопролитіе, а поступая съ снисхожденіемъ, продолжишь только войну чрезъ многіе годы, въ которые болѣе прольется крови, нежели въ одномъ ужасномъ пораженіи.

208) **Рокъ низлагать молитвой и Богомъ.** — Онъ весьма былъ благочестивый человѣкъ и совершенно во всѣхъ своихъ дѣлахъ уповалъ на Бога, почитая, что счастіе не отъ кого другого происходитъ, какъ свыше.

XXIX. ПРАВОСУДІЕ[1]. Подражаніе Архилоху, древнему греческому поэту; переведено съ нѣмецкаго въ Пб. 1796 или 97; напеч. въ изд. 1808.

XXX. БУРЯ[2]. Писано въ Пб. 1794 на память бури, претерпѣнной авторомъ на Бѣломъ морѣ 1785 въ началѣ сентября, и на пожалованіе его въ сенаторы 1793; напеч. въ первый разъ въ изд. 1808.

Примѣчаніе. Когда авторъ былъ олонецкимъ губернаторомъ, то генералъ-губернаторъ Тутолминъ, будучи къ нему неблагорасположенъ, прислалъ ему въ августѣ мѣсяцѣ ордеръ, чтобъ онъ открылъ немедленно городъ Кемь, лежащій на Бѣломъ морѣ, и хотя не было въ томъ никакой нужды, ибо еще ни штатной команды не было, ни судей опредѣленныхъ, ни присутственныхъ мѣстъ, и проѣздъ въ сей мѣсяцъ къ Кеми, который былъ не что иное какъ большое село, по сухому пути за непроходимыми болотами былъ невозможенъ и по морю въ небольшихъ судахъ, когда возстаютъ въ семъ мѣсяцѣ чрезвычайныя бури, весьма опасенъ; но авторъ, не смотря на всѣ сіи препятствія, исполнилъ начальничье повелѣніе, пріѣхалъ въ Кемь, велѣлъ священнику, котораго насилу нашли, отправить литургію, обойти селеніе со крестомъ и окропить святой водой, и, давъ священнику въ руки объявленіе, въ которомъ сказано, что по волѣ императрицы село сіе дѣлается городомъ, и пославъ рапортъ въ сенатъ, отправился въ обратный путь въ городъ Сумы, откуда поѣхалъ на шестивесельной рыбацкой лодкѣ, намѣрясь ѣхать въ Соловецкій монастырь; но поднялась вдругъ встрѣчная буря, и онъ, недоѣзжая 15 верстъ монастыря, долженъ былъ ночью, при сильномъ вѣтрѣ, подъ громомъ и

[1] Т. II, 115. [2] Т. I, 561.

молніею, назадъ возвратиться, и совершенно бы погибъ, ежелибы Провидѣніе нечаянно лодку не занесло за большой камень, при которомъ и ночевали [1].

XXXI. ХРАПОВИЦКОМУ [2]. Соч. въ Пб. 1797, по случаю писанныхъ г. Храповицкимъ къ автору тогда же шуточныхъ стиховъ, въ которыхъ онъ, прочетши его сочиненія, совѣтовалъ похвалы князьямъ Потемкину и Зубову выкинуть по причинѣ, что императоръ Павелъ къ нимъ не благоволилъ. Напеч. въ первый разъ въ изд. 1808.

209) Я лишь въ томъ, что я орелъ. — Г. Храповицкій, статсъ-секрѣтарь, а потомъ сенаторъ, объ которомъ выше сказано [3], въ своихъ стихахъ чрезвычайно превозносилъ автора, называя его Юпитеровымъ орломъ и проч.

XXXII. НА ВОСШЕСТВІЕ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I [4]. Соч. въ Пб. 1801, напеч. въ первый разъ въ изд. 1808.

210) Мои предвѣстья велегласны Уже сбылись ... Умолкъ ревъ Норда сиповатый, Закрылся грозный, страшный взглядъ. — Сіи 4 стиха относятся къ одѣ *На рожденіе въ сѣверѣ порфиророднаго отрока*, въ 3-й ч. напечатанной, гдѣ изображается Борей съ сѣдыми волосами, который прогоняется взглядомъ новорожденнаго. Непріятели автора растолковывали, что послѣдними двумя стихами описывается портретъ императора Павла, который имѣлъ и страшный взглядъ и сиповатый голосъ, и сіе довели до императрицы Маріи Ѳеодоровны; авторъ отвѣтствовалъ, что могутъ думать, какъ хотятъ; но стихи сіи относятся до вышесказанной оды. По сей однако причинѣ бывшій тогда генералъ-прокуроръ Беклешовъ запретилъ цензурѣ пропускать сію оду, и потому она тогда напечатана не была; однакожъ императоръ автору за нее прислалъ въ подарокъ перстень брильянтовый, стоящій 5 т. рублей, и послѣ, когда императрица Елисавета Алексѣевна, любопытствуя прочесть письменныя авторовы сочиненія, въ числѣ которыхъ и сія ода была, никакого на ней примѣчанія не сдѣлала, а притомъ переведена она тогда же княземъ Бѣлосельскимъ на французскій языкъ и нѣмецкій и на прочіе; то авторъ уже и не могъ ея не помѣстить въ изд. 1808.

211) Овенъ младый золоторунный. — Овенъ, символъ кротости и небесный знакъ марта мѣсяца, въ который случилось восшествіе на престолъ императора Александра.

212) Ужъ по законамъ обѣщаетъ Онъ быть, по сердцу ей царемъ. — Въ манифестѣ о восшествіи на престолъ императоръ Александръ обѣщалъ царствовать по законамъ и по сердцу Екатерины.

213) Стоитъ въ порфирѣ и вѣщаетъ. — Сколько извѣстно по тайнымъ свѣдѣніямъ двора, то было завѣщаніе, сдѣланное императрицей Екатериной, чтобъ послѣ нея царствовать внуку ея Александру, по усматриваемому въ императорѣ Павлѣ вспыльчивому и неспокойному нраву, для чего она его не находила способнымъ [5].

[1] *Зап.* (*Р. Б.*), 259. [2] Т. II, 45. [3] См. выше ч. I, № LXIII.
[4] Т. II, 355. [5] *Зап.* (*Р. Б.*), 322.

214) Когда спокойнаго нѣтъ нрава. — Правленіе императора Павла обнаружило, что онъ имѣлъ неспокойный, подозрительный и крутой нравъ, отъ чего недолго царствовалъ.

215) Онъ вержется, падетъ незапно. — Въ манифестѣ о восшествіи на престолъ императора Александра сказано, что родитель его скончался апоплексическимъ ударомъ, который авторъ и почитаетъ за ударъ грома, отъ небесъ ниспосланный.

216) Эдемъ въ твоей узримъ супругѣ. — Императрица Елисавета, наикротчайшая государыня, которую по справедливости уподобить можно эдему.

XXXIII. ПЕРВАЯ ПѢСНЬ ПИНДАРА ПИѲИЧЕСКАЯ[1]. — Этнянину Хирону, королю сиракузскому, на торжество его колесницы. Переведена съ нѣмецкихъ переводовъ г. Рамлера и г. Гедике въ Пб. 1800. Напеч. въ первый разъ въ московскомъ журналѣ[2], во второй разъ въ изд. 1808.

217) Трепещетъ и Тифей стоглавый. — По баснословію, Тифей — чудовищный исполинъ со ста змѣиными главами, который воевалъ противъ боговъ, а особливо противъ Юпитера, повергшаго его наконецъ подъ тяжесть горы Этны и онъ-то дѣлаетъ изъ оной толь ужасныя пламенныя изверженія.

218) Килькійской оглашенной бездной. — Въ Киликіи въ Малой Азіи мѣстоположеніе, въ которомъ земля родила вышесказаннаго Тифея и разверзшаяся извѣстная бездна отъ того прозвана килькійскою.

219) Днесь кумскій и сицильскій брегъ. — Кума или Сицилія, въ которой лежитъ огнедышущая гора Этна, подъ которою лежитъ, какъ піитъ говоритъ, вышесказанный Тифей.

220) Сверкаетъ искрами въ аэръ. — Описаніе изверженія горы Этны. Аэръ, или воздухъ.

221) Пиѳійскомъ славу колесницы. — Пиндаръ, воспѣвая на олимпійскихъ и пиѳійскихъ играхъ побѣдителей на колесницахъ и на коняхъ, провозглашалъ подвиги Хирона, обладателя новопостроеннаго города Этны, государя сиракузскаго и прочихъ греческихъ витязей.

222) Онъ древню Филоктету днесь. — Филоктетъ, по баснословію получившій наслѣдственно отъ Геркулеса его стрѣлы, смоченныя въ крови гидры лернейской, изъ которыхъ упавшая одна на его ногу уязвила его неисцѣлимой раною, для чего онъ, отставши отъ прочихъ воиновъ, идущихъ на Трою, лѣчился на островѣ Лемносѣ.

223) Но онъ низвергъ Пріамовъ градъ. — Было опредѣленіе Судьбы, что безъ стрѣлъ Геркулесовыхъ Троя, или градъ Пріамовъ, побѣждена не будетъ; то по принесеніи Филоктетомъ и Неоптолемомъ стрѣлъ оная взята.

224) Кому Хиронъ воздвигъ сей градъ. — Хиронъ построилъ городъ Этну вышеупомянутому сыну своему, и самъ, любя оный, велѣлъ себя при побѣдѣ сей его колесницы превозгласить герольду Этнянинomъ.

225) По чертежу хилійскихъ правъ. — Т. е. по законамъ

[1] Т. II, 329. [2] *Вѣстникъ Европы*, см. тамъ же, 331.

пелопоническимъ, потому что Пелопонесъ былъ разоренъ Гераклидами, которыми предводительствовалъ Хиллусъ, сынъ Геркулеса.

226) Пребывъ Дорійцами доднесь. — Жители сего новаго города, т. е. Этны, большею частію были переведены изъ Пелопонеса и по справедливости могутъ назваться потомками Гераклидовъ. А Этимъ былъ отецъ Памфила, законодателя дорическаго. Чрезъ сіе Пиндаръ хотѣлъ сказать, что новые жители Этны, хотя оставили Пелопонесъ, но будутъ всегда вѣрны отечества своего законамъ, къ чему и Хиронъ ихъ побуждалъ.

227) Сталъ бѣлоконнымъ Тиндаридомъ. — Амикла лежала близъ Спарты, отечества Тиндаридовъ, Кастора и Поллюкса, которыхъ изображаютъ на бѣлыхъ коняхъ.

228) Ты самъ, Зевесъ, при Кумѣ видѣлъ. — При Кумѣ или Сициліи Тиряне были тоже Хирономъ побѣждены. А сиразкузскій князь былъ Гелонъ.

XXXIV. ГИМНЪ КРОТОСТИ[1]. Соч. въ Москвѣ 1801 г. сентября 15 дня по случаю коронаціи императора Александра и относится къ свойствамъ его; напеч. въ первый разъ тогда же на особыхъ листкахъ, а второй разъ въ изд. 1808.

229) Его наградъ я не прошу. — Множество стихотворцевъ при семъ случаѣ писали императору похвальные стихи, которымъ жалованы были, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, перстни брильянтовые; то авторъ, чтобъ не быть въ числѣ ихъ, дабы не подать мыслей, что онъ изъ награды только пишетъ, тогда не писалъ, но нѣсколько спустя выдалъ эту оду, давъ почувствовать этимъ стихомъ, что онъ награжденія не ожидаетъ; что̀ и сдѣлано, а онъ только приглашенъ былъ къ столу.

230) И чела узниковъ златитъ. — Многіе узники были освобождены, и имя тайной канцеляріи при восшествіи на престолъ сего императора уничтожено было.

231) Всеобщая къ тебѣ любовь. — Въ первыхъ годахъ правленія сего императора многіе къ нему непосредственный доступъ имѣли.

232) Пролитую слезу и кровь. — Императоръ узналъ, что въ Казани неосновательными подозрѣніями въ зажиганіи города замученъ былъ одинъ мѣщанинъ пытками; то тотчасъ подъ рукой посланъ былъ одинъ изъ императорскихъ адъютантовъ, чтобъ о томъ узнать, и послѣ о семъ было изслѣдованіе и виновные наказаны.

233) Не написалъ бы я сего. — Въ семъ куплетѣ описанъ портретъ императора Александра.

XXXV. КЪ ЦАРЕВИЧУ ХЛОРУ[2]. Соч. на Званкѣ 1802, напеч. 1803 на особыхъ листкахъ, во второй разъ въ изд. 1808.

234) Прекрасный Хлоръ, Фелицынъ внукъ. — Ода вся сія писана иносказательно, въ такомъ же родѣ какъ Фелица; то подъ именемъ Хлора разумѣется младой царевичъ, а здѣсь императоръ Александръ, который былъ Фелицы или Екатерины II внукъ; мать его, Марія Ѳеодоровна, и супруга, Елисавета Алексѣевна, были кроткія императрицы.

[1] Т. II, 382. [2] Т. II, 405.

235) Что пишетъ Солнцевъ сынъ, Браминъ. — Брамины, секта индѣйскихъ монаховъ, которые почитаютъ себя сынами Солнца.

236) Страшнѣй не страхомъ, но любовью. — Императоръ сей, по свойству своему, точно такого расположенія, а особливо въ первые годы никакъ не любилъ жестокости и кровопролитія.

237) Въ твоихъ рукахъ самодержавну. — Императоръ точно таковыхъ былъ мыслей, какъ въ семъ куплетѣ изображено, чтобы самодержавную власть сколько можно ограничить; вслѣдствіе чего и не приказалъ писать повелительныхъ указовъ *Нашему сенату;* но просто правительствующему сенату, давая тѣмъ знать, что сенатъ управляетъ, а не онъ одинъ лицомъ своимъ.

238) А тѣхъ пашей, эмировъ, мурзъ. — Извѣстные чиновники Оттоманской порты и азіатской державы.

239) Не ѣздя на царяхъ верхомъ. — Сезострисъ, египетскій царь, запрягалъ побѣжденныхъ царей въ колесницу, а императоръ Александръ любилъ чрезвычайно просто со всѣми обращаться.

240) У муфтьевъ, дервишей, имановъ. — Муфти, у Турокъ верховныя духовныя особы; дервиши — монахи или пустынники, а иманы — сельскіе попы.

241) Овцамъ въ репейники не лазить. — Подъ четырьмя выше сего стихами и подъ симъ самымъ разумѣются правила третейскаго совѣстнаго суда, которыя императоръ приказалъ тогда автору написать: написаны были и имъ словесно апробованы, но прочимъ гг. министрамъ какъ не понравились, то и не изданы, ибо при оныхъ нельзя уже бы было заводить ябедою въ суды и давить народъ неправосудіемъ въ судебныхъ мѣстахъ, изъ которыхъ, какъ овцы изъ репейниковъ, не выходятъ безъ того тяжущіеся, чтобъ не потерять своей шерсти [1].

242) Что тысячью ты смотришь глазъ. — Мысль сія примѣчена подъ 231 нумеромъ.

243) Писать на голубяхъ съ тобой. — Въ Египтѣ было обыкновеніе, что писали къ своимъ пріятелямъ чрезъ голубей; то и относится сей стихъ къ тому, что къ императору доходили нерѣдко письма, неизвѣстно чрезъ кого, такъ какъ бы приносимы были птицами.

244) Печатавъ, выставлять листами. — Въ 1802 г. случилось въ Петербургѣ весьма мерзкое происшествіе, что женщина хорошаго состоянія тирански и постыднымъ образомъ была умерщвлена неизвѣстными людьми; то выставлены были публикаціи оыскѣ сихъ мерзавцевъ, и нѣкоторые по подозрѣнію только высланы изъ города.

245) Молоть языкомъ всякій вздоръ И въ лавкахъ торговать умами. — При семъ государѣ, а особливо въ первые годы царствованія, свободно можно было говорить о всемъ, какъ и незатруднительно было печатаніе книгъ, которыми книгопродавцы торговали.

246) Народу подлежащимъ числишь. — Государь сей, будучи въ министерскомъ комитетѣ, въ которомъ и авторъ присутствовалъ, сказалъ при случаѣ требованія денегъ на нѣкоторые не столько нуж-

[1] *Зап.* (*Р. Б.*), 471.

ные расходы, что онъ долженъ отчетомъ въ томъ народу, ибо деньги не его, но принадлежатъ государству.

247) Въ чертогахъ низменныхъ живешь, Царицу четверней катаешь. — Государь сей не любилъ великолѣпія, роскоши и жилъ лѣтомъ большею частію на Каменномъ острову въ небольшомъ домѣ; самъ и императрица ѣздили четверней съ однимъ лакеемъ, а въ подражаніе имъ и вся публика, такъ что цуговъ совсѣмъ не употребляли, кромѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны.

248) А гдѣ умѣренный расходъ. — Императоръ сей по умѣренному расходу на свой дворъ накоплялъ суммы, на кои покупаны были отъ владѣльцевъ изъ удѣльнаго департамента крестьяне и перечислены въ казну.

249) Да Оромазъ блюдетъ небесный. — Оромазъ, духъ добрый или богъ секты индѣйскихъ браминовъ.

250) Тебя, гаремъ, сѣдой диванъ. — Гаремъ, дворецъ; диванъ, сенатъ азіатскихъ государей.

251) Да ангелъ самъ Инсфендармасъ. — Въ книгѣ Зендъ-Авеста, или законодательства, писанной Зороастромъ, индѣйскій ангелъ Инсфендармасъ есть покровитель сей страны.

252) На поясѣ твоемъ всегда. — На поясахъ брамины носили нѣсколько таинственныхъ узловъ, которые весьма соблюдали, какъ равно и смотрѣли, чтобъ не угасалъ священный огонь.

253) Какъ той звѣздѣ, что поклоняюсь. — Т. е. солнцу, которому Индѣйцы поклонялись.

254) Не прейдутъ бѣдные чрезъ Ариманoвъ мостъ. — Ариманъ, индѣйскій злой духъ; брамины вѣрятъ, что по смерти души переходятъ чрезъ его мостъ, и ежели они не очищены, то свергаются въ неизмѣримыя бездны.

Примѣчаніе. На автора и на императора была написана поносительная ода однимъ писателемъ, который имѣлъ худое зрѣніе, который смотрѣлъ всегда чрезъ лорнетъ; то въ соотвѣтствіе сему пасквилю и написаны окончательные стихи сей оды.

Къ началу: Старецъ, сидящій подъ сѣнію дуба, удивляется восшедшему на горизонтъ солнцу, котораго свѣтозарности сорадуется лежащій левъ. Къ концу: Парящій надъ полусвѣтомъ орелъ, держащій зеркало правды, взноситъ на крыльяхъ своихъ цвѣточную плетеницу съ знаками гражданскимъ и военнымъ, которые освѣщаются лучемъ, посредствомъ того зеркала отражающимся отъ высочайшаго свѣта.

XXXVI. ГИМНЪ СОЛНЦУ[1]. Соч. на Званкѣ 1802 и принадлежитъ къ предыдущему сочиненію; напеч. въ первый разъ вмѣстѣ 1803, во второй разъ 1808.

XXXVII. НА КОНЧИНУ БЛАГОТВОРИТЕЛЯ[2]. Соч. въ Пб. 1795 г. августа 31; напеч. въ первый разъ въ московскомъ журналѣ[3], а во второй въ 1808.

255) И ты, нашъ Несторъ долголѣтный! — И. И. Бецкій,

[1] Т. II, 413. [2] Т. I, 701. [3] Въ *Аонидахъ*.

д. т. сов. и мн. орденовъ кавалеръ, былъ изъ числа приближенныхъ Екатерины и носилъ ея милости, на котораго кончину сія ода писана. Онъ жилъ около ста лѣтъ.

256) Воззримъ ли зданій на громады, На храмы Музъ, на храмъ Паллады, На брегъ, на домъ Петровъ, на садъ. — Онъ былъ директоръ надъ всѣми зданіями при Екатеринѣ; по его проекту и подъ его надзирательствомъ построены: великолѣпный домъ академіи художествъ на Васильевскомъ острову, монументъ Петра В., эрмитажный дворецъ, невскій берегъ и славная ограда лѣтняго сада, также многія въ Петергофѣ строенія и проч.

257) Коликихъ счастья былъ творецъ. — Онъ былъ директоръ академіи художествъ, воспитательнаго дома и прочихъ къ нему принадлежностей, которыя по его плану сдѣланы и по его учрежденію управлялись.

258) Тамъ зодчій зиждетъ храмъ молитвы. — Зодіи или архитекторы, скульпторы или каменосѣчцы, живописцы многіе вышли изъ академій, имъ заведенныхъ[1].

259) А тамъ изъ праха извлеченный Чужую грудь младенецъ пьетъ. — Онъ изобрѣлъ и учредилъ воспитательный и сиротскій домы, ссудную казну и прочія благотворительныя учрежденія, которыя подъ покровительствомъ императрицы Маріи Θеодоровны и нынѣ съ пользою процвѣтаютъ.

260) Питаясь отъ твоей десницы. — Сверхъ сихъ благотворительныхъ учрежденій, которыя ему отъ правительства поручены были, онъ особые отъ себя давалъ многимъ бѣднымъ людямъ пенсіоны.

261) И двигли къ размышленью умъ. — Многія работы художниковъ, изображающія дѣла Петра В. и Екатерины, заслуживаютъ иностранныхъ художниковъ уваженіе.

262) Когда надменный Фаэтонтъ. — Сіе относится къ тогдашнему любимцу императрицы Зубову, который поддерживалъ военные замыслы императрицы.

263) Кто для себя, — ты жилъ для всѣхъ. — Сей куплетъ изображаетъ противуположность кн. Потемкина съ Бецкимъ.

264) И мысль твоя щедротъ былъ Богъ. — При послѣднемъ концѣ своемъ онъ сдѣлалъ благотворительное завѣщаніе, которымъ подарилъ воспитательному дому, академіямъ и нѣкоторымъ частнымъ людямъ болѣе 700 тысячъ руб.

XXXVIII. НА СМЕРТЬ НАРЫШКИНА[2]. Соч. въ Пб. 1799 въ декабрѣ мѣсяцѣ; напеч. въ первый разъ въ 1808.

265) Всходилъ Алкидъ. — Алкидъ, Ираклъ, или Геркулесъ, славный греческій герой. Подъ нимъ здѣсь разумѣется Суворовъ, который тогда, послѣ побѣдъ въ Италіи, возвращался въ Петербургъ, впадши въ неблаговоленіе императора Павла.

266) Но въ долъ, подъ сосны Боровицки. — Въ Боровичахъ находилась деревня Суворова, куда онъ былъ сосланъ отъ императора

[1] Не вѣрнѣе ли: изъ академіи, имъ завѣдуемой? [2] Т. II, 305.

Павла; то авторъ, писавъ сію оду, предвидѣлъ, что по неблаговоленію императора худо будетъ онъ принятъ и окончитъ скоро жизнь по его чувствительности, что̀ и совершилось. Л. А. Нарышкинъ былъ хорошій пріятель Суворову, и послѣ внука перваго вышла замужъ за сына втораго.

267) И вотъ Нарышкина ужъ нѣтъ. — Л. А. Нарышкинъ, д. т. сов. и разн. орд. кавалеръ, оберъ-шталмейстеръ при Екатеринѣ, о которомъ выше сказано[1].

268) Нѣтъ въ домѣ семъ храмоподобномъ. — У Льва Александровича былъ на Мойкѣ родъ загороднаго дома, весьма веселый, гдѣ онъ давалъ праздники въ лѣтнее время.

269) Увы! вотъ тотъ зеленый дубъ. — Въ саду, предъ самымъ крыльцомъ дома, прекрасный былъ матерой дубъ, окруженный дерномъ цвѣтущимъ, гдѣ обыкновенно сбиралисъ въ жаркій день гости для увеселенія и прохлады.

270) Увы! вотъ тотъ чертогъ. — Посреди его дома была великолѣпная галлерея прекрасной архитектуры.

271) Козловскаго плѣняли звуки. — Козловскій, придворный капельмейстеръ, приверженецъ дому Нарышкина, — который сочинялъ для онаго музыку.

272) Гдѣ купольный, тьмозвѣздный сводъ. — Зала подъ куполомъ, освѣщенная многими лампадами, въ которой почти всякое воскресенье собиралось для увеселенія множество народа всякаго состоянія.

273) Се бисеръ чадъ твоихъ. — Т. е. наслѣдіе добродѣтелей отцовскихъ, истинное богатство дѣтей.

274) Три грацьи, отрасли его. — Т. е. три внуки: первая, графиня Соллогубъ, въ супружествѣ за кн. Голицынымъ; вторая, графиня Головкина, за графомъ Салтыковымъ; третья, Нарышкина, за кн. Суворовымъ.

275) А матернихъ проклятье словъ. — Послѣ смерти Льва Александровича супруга его Марина Осиповна была огорчена отъ дѣтей тѣмъ, что они нарушили дяди ихъ роднаго Александра Александровича Нарышкина завѣщаніе, которымъ онъ упрочилъ имѣніе свое, одну половину женѣ своей Аннѣ Никитишнѣ Нарышкиной, а другую брату своему Льву Александровичу, а послѣ него имъ.

XXXIX. КОЛЕСНИЦА[2]. Соч. въ Пб.: начата по случаю несчастной смерти короля французскаго Людовика XVI въ 1792, а кончена въ 1804 г.; напеч. тогда же на особыхъ листкахъ, во второй разъ[3] 1808.

Къ началу: Возница, скачущій на колесницѣ, четырьмя конями запряженной. Къ концу: Раззбруенные кони и изломанная колесница.

XL. ФОНАРЬ[4]. Соч. въ Пб. 1804, напеч. тогда же на особыхъ листкахъ, во второй разъ[5] 1808.

276) Стремитъ въ свою водъ рѣки трубы. — Киты въ свои

[1] См. ч. I, № LXII, прим. 459 и слѣдд. [2] Т. I, 524.
[3] Невѣрно см., тамъ же. [4] Т. II, 465. [5] Невѣрно, см. тамъ же.

поверхностныя отверзтія устремляютъ такъ воду вверхъ, какъ рѣки или водометы.

277) Столбомъ дымъ, жупелъ въ воздухъ вьется. — Жупелъ, горючая сѣра.

XLI. МУЖЕСТВО[1]. Начата писать 1797 или 98 г., когда была въ Павловскѣ фальшивая тревога; окончена уже въ 1804 въ Пб.; напеч. въ первый разъ 1808.

278) Пальмиры пышной и Аѳинъ. — Сіи два столичные города славилися художествами и паче великолѣпными зданіями, такъ что и понынѣ развалины ихъ удивляютъ.

279) О, еслибъ храбрый Леонидъ Поднесь и Зенобія жили. — Зенобія, храбрая царица пальмирская, которая личною храбростію долго удерживала свое царство; но по несчастію, въ послѣднемъ сраженіи побѣждена Римлянами и умерла въ Римѣ въ низкомъ состояніи.

280) Увидѣли Сарданапала. — Сарданапалъ, роскошный и развращенный царь ассирійскій, который по изнѣженности своей допустилъ военноначальнику своему владѣть государствомъ, приказавъ однако мужественно зажечь свой дворецъ, въ коемъ сгорѣлъ съ своими любовницами.

281) Галломъ похищенны. — Когда Французы покорили себѣ Италію, то Наполеонъ, тогдашній консулъ, а нынѣшній императоръ, всѣ рѣдкія произведенія художествъ приказалъ вывезти въ Парижъ, что̀ и исполнено.

282) Чѣмъ вознеслась Собійсковъ слава. — Іоаннъ Собійскъ, храбрый король польскій, не токмо свое королевство, но и Вѣну спасъ отъ осады Турокъ.

283) Ставъ женъ Цитерою, Варшава. — Островъ Кипръ, или Цитера, гдѣ богиня Венера имѣла свой великолѣпный храмъ и совершались ея празднества, по коимъ сія богиня называется Цитерою. Варшава — бывшая столица Польши, но Россіянами взята и по раздѣлу между Пруссіею, Австріею и Россіею досталась Пруссакамъ.

284) Когортъ его всѣ громы мертвы. — Такъ назывались отдѣленія римскія, содержащія въ себѣ извѣстное число разныхъ войскъ, какъ-то: пѣхоты и конницы, по подобію которыхъ при императрицѣ Екатеринѣ составлены были легкія полевыя команды, состоявшія изъ пѣхоты, драгуновъ, казаковъ и 4-хъ единороговъ артиллеріи, въ коихъ было по 50 человѣкъ. Были у Римлянъ легіоны изъ нѣсколькихъ полковъ, такъ какъ наши бригады.

285) Тамъ Гермогенъ, какъ Регулъ, страждетъ. — Гермогенъ, патріархъ московскій, бывшій во время мятяжей россійскихъ. Регулъ, римскій полководецъ. Они здѣсь сравнены, потому что добровольно за отечество свое померли: первый замученъ за то, что не хотѣлъ написать запретительной грамоты Пожарскому, — дабы онъ не шелъ къ избавленію Москвы, — которой домогались не токмо Поляки, владѣющіе Москвой, но нѣкоторые бояре русскіе; а второй не хотѣлъ согласиться съ прочими

[1] Т. II. 472.

на миръ съ Кареагенцами, и какъ бывши у оныхъ въ плѣну, далъ слово возвратиться, ежели не сдѣлаютъ мира, который самъ же отговорилъ, то и замученъ Кареагенцами въ бочкѣ съ гвоздями, въ которой его катали.

286) Ильинъ, какъ Децій, смерти жаждетъ. — Ильинъ, морскаго флота лейтенантъ, а Децій, одинъ изъ вождей римскихъ: они здѣсь сравнены, потому что чрезвычайной своей храбрости дали добровольный примѣръ въ опасностяхъ и къ побѣдамъ. Первый неустрашимо на брандерѣ (морское зажигательное судно) сожегъ подъ Чесмою турецкій флотъ, а второй во время сраженія, когда начали колебаться Римляне, бросился на непріятеля, чѣмъ и одержана побѣда. Ильинъ былъ отставленъ съ награжденіемъ пенсіона только 300 руб., которое его единственное было пропитаніе, такъ что по смерти его оставшаяся сестра была безъ куска хлѣба. Но нѣкто, учитель кадетскаго корпуса Гераковъ, написавъ сей анекдотъ, напечаталъ, и когда онъ дошелъ до свѣдѣнія государя императора Александра, то пенсія брата отдана сестрѣ по смерть.

287) Резановъ Гаму замѣнитъ. — Н. П. Резановъ, оберъ-прокуроръ сената и камергеръ. Васко-де-Гама, португальскій мореходецъ, обошедшій свѣтъ и открывшій нѣкоторые американскіе острова. Они здѣсь сравнены, потому что и Резановъ обошелъ кругомъ почти весь свѣтъ въ 1803 году, по собственной своей охотѣ, на корабляхъ американской компаніи, въ качествѣ посланника къ двору японскому; онъ умеръ отъ непріятностей, учиненныхъ ему завистью его подчиненныхъ, а болѣе морскимъ капитаномъ Крузенштерномъ.

XLII. ВОЛХОВЪ КУБРѢ[1]. Писана на Званкѣ въ 1804 или 1805 году, напеч. въ первый разъ въ московскомъ журналѣ[2], а во второй разъ въ изд. 1808.

288) Напрасно, Кубра дорогая. — Кубра, рѣка, протекающая въ деревнѣ графа Д. И. Хвостова, который писалъ въ похвалу автора высокопарную оду подъ именемъ волховскаго барда, или стихотворца; то авторъ и отвѣтствовалъ сею одою отъ имени рѣки Волхова къ рѣкѣ его, Кубрѣ.

289) Въ моихъ бушую я лѣсахъ. — Рѣка Волховъ, текущая по иловатой почвѣ, имѣетъ воды мрачныя, однакоже довольно тихія и индѣ между лѣсами протекающія, по теченію которыхъ всѣ идутъ караваны съ припасами для Петербурга.

290) Межъ холмиковъ, дубковъ саженыхъ. — Сія рѣка имѣетъ по обоимъ берегамъ небольшіе холмики, а между ими луга, насаженные дубами по повелѣнію Петра В., ибо въ сей сторонѣ самородныхъ дубовъ прежде не произрастало.

291) Въ муравленыхъ горитъ водахъ. — Муравленыя воды разумѣетъ авторъ тѣ, въ которыхъ видны зеленые берега, подъ вечеръ или поутру представляющіе якобы муравленою или зеленою воду.

292) Шумящи перловы пороги. — Волховъ имѣетъ пороги, чрезъ кои вода сыплется подобно какъ перлами.

[1] Т. II, 483. [2] *Другъ Просвѣщенія.*

293) И бардъ мой съ арфой ветхострунной. — Подъ именемъ барда говоритъ авторъ о себѣ, что арфа уже по старости его тихіе можетъ издавать только тоны.

294) Онъ духомъ зритъ своихъ друзей. — Авторъ, многихъ своихъ пріятелей кончиною, ихъ лишился; то и видитъ ихъ въ воображеніи подобно проходящимъ по Волхову судамъ, или ладьямъ.

295) Ступавшій Александра вслѣдъ. — Т. е. шедшій по слѣдамъ Александра Великаго, царя македонскаго, завоевавшаго Персію, графъ Зубовъ, который имѣлъ поддѣльную желѣзную ногу вмѣсто настоящей, потерянной, какъ выше сказано, на сраженіи въ Польшѣ [1].

296) ... Меналка обоймн. — Меналкъ, пастухъ, который упоминается во многихъ буколическихъ, или пастушескихъ стихотворствахъ.

297) Съ Біономъ, Геснеромъ, Марономъ. — Буколическіе стихотворцы, писавшіе эклоги и идилліи пастушьи: первый греческій, второй нѣмецкій, а третій римскій, который назывался и Виргиліемъ.

298) Съ кузнечикомъ свѣтись во тмѣ. — Подъ кузнечикомъ здѣсь разумѣются огнистые червячки или букашки. Авторъ чрезъ сіе давалъ совѣтъ гр. Хвостову, чтобъ онъ писалъ иногда и въ нижайшемъ родѣ стихотворства, т. е. въ пастушьемъ, а не надувался за Пиндаромъ, такъ какъ онъ вышесказанную оду написалъ, ибо лучше писать маленькое какое-нибудь сочиненіе, но пріятное, и тѣмъ прославиться, нежели высокопарное, и быть неуважаему.

Къ началу: При лунномъ свѣтѣ фасадъ званскаго дома, предъ коимъ по берегу Волхова лямками тянутъ барку. Къ концу: Пастушокъ, играющій на свирѣли.

XLIII. ЦИРЦЕЯ [2]. Переведена съ французскаго на Званкѣ 1806, напеч. въ первый разъ въ московскомъ журналѣ [3], а во второй разъ въ 1808. Сочинена Жанъ-Баптистомъ Руссо.

XLIV. ДѢВА ЗА АРФОЮ [4]. Переведена съ нѣмецкаго на Званкѣ 1806, сочиненіе г. Шиллера; напеч. въ первый разъ въ московскомъ журналѣ [5], а во второй 1808 г.

299) Симъ правишь тысячьми, какъ магъ. — Магъ, или волшебникъ, т. е. разумѣющій магію.

300) Кощуны прочь! есть Богъ. — Пересмѣшники святыхъ вещей или священнаго писанія.

XLV. ОЛЕНИНУ [6]. Соч. на Званкѣ въ 1804 или 1805, напеч. въ первый разъ 1808 г.

301) Моей поэзьи изографъ. — Изографъ, или живописецъ.

302) Не снесъ, красѣ возревновавъ. — Авторъ, желая украсить изданіе сихъ одъ виньетами, нарисованными г. Оленинымъ, не могъ здѣсь отыскать художниковъ, которые бы вырѣзали ихъ на мѣди, и для того чрезъ пріятелей посылалъ первую часть въ Англію, въ которой помѣщена ода *На взятіе Измаила*. Картина представляла огнедышущій

[1] См. выше ч. I, № XXXVIII, прим. 272. [2] Т. II, 535.
[3] *Вѣстникъ Европы*. [4] Т. II, 540. [5] *Вѣстникъ Европы*. [6] Т. II, 492.

Везувій, противъ котораго идетъ безстрашно съ примкнутымъ штыкомъ россійскій гренадеръ, поваливъ за собою столпы Геркулеса, съ надписью: Non plus ultra. Англійскіе художники, какъ думаютъ, изъ зависти къ славѣ россійской или чрезвычайно живо изображенному рисунку, выдрали тотъ листъ, на которомъ та картина была представлена, а авторъ, не разсмотря, принялъ ту книгу обратно отъ своего коммиссіонера; но когда надобно было отдавать въ печать, то, увидѣвъ, что этого рисунка нѣтъ, просилъ г. Оленина, чтобъ вновь сдѣлалъ оный; онъ медлилъ болѣе года, и для того побудилъ его авторъ сей одою къ исполненію обѣщаннаго имъ сего труда.

303) Оленинъ милый! вспомяни. — Оленинъ, д. ст. сов., любитель художествъ и самъ хорошій рисовальщикъ, трудился надъ программами или рисунками I-й части, исключительно изъ того небольшаго числа[1], о чемъ въ примѣчаніяхъ къ первой части сказано.

304) Какъ ржетъ предъ нимъ Везувій ярый. — Везувій, огнедышущая гора въ Сициліи, и стихъ сей относится къ одѣ *На взятіе Измаила* въ I-ой части[2].

305) И за зерцаломъ дѣлъ въ вершеньи. — Зерцала, или въ рамахъ клееные указы, напоминающіе строго судьямъ законы и правосудіе, учреждены были Петромъ В., которые и находились на столахъ во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ, даже и въ сенатѣ. По изданіи Екатериною II учрежденія о губерніяхъ или, лучше, устава о благочиніи, въ которомъ написаны зерцалы или напоминаніе судьямъ, но только весьма кроткое, болѣе на нравоученіи, нежели на самодержавной власти основанное; то съ тѣхъ поръ хотя указа объ отмѣнѣ прежняго зерцала не было, однако оное мало по малу отмѣнилось и рѣдко гдѣ видно въ мѣстахъ присутственныхъ.

306) Три дщери своего рожденья. — Т. е. три главныя художества: стихотворство, живопись и музыка.

307) Пришли въ полночь, какъ Петръ предрекъ. — Петръ В. сказалъ, что науки и художества странствуютъ по всему свѣту, — придетъ время, что посѣтятъ и нашъ край.

308) Пойдемъ Сатурна побѣждать. — Т. е. побѣждать время или забвеніе.

XLVI. КЪ СКОПИХИНУ[3]. Писано на Званкѣ 1804[4], напеч. 1808 г.; подражаніе Гораціевой, II-й книги, одѣ 2-й.

309) Скопихинъ! врагъ его ты злой. — Подъ именемъ Скопихина разумѣется Собакинъ, милліонщикъ, но весьма скупой, который по крайней мѣрѣ неизвѣстенъ публикѣ, — не сдѣлалъ никакого народнаго благодѣянія, хотя прочіе, несравненно меньше его имѣнія имущіе, оказали себя полезными бѣднымъ людямъ разными добрыми учрежденіями.

310) И тотъ Д..., что съ терпѣньемъ. — Въ 1803 году Демидовъ до двухъ милліоновъ капиталу отдалъ въ пользу училищъ, завѣщанныхъ имъ.

311) О, если Ш... къ днямъ. — Шереметевъ, д. тайн. сов., оберъ-

[1] Т. е. за исключеніемъ небольшаго числа рисунковъ. [2] Т. I, 341.
[3] Т. II, 451. [4] 1803, какъ объяснено уже нами въ своемъ мѣстѣ.

гофмейстеръ и.разн. орд. кавалеръ, первый богачъ изъ русскаго дворянства, дѣлалъ великолѣпные пиры въ Москвѣ и въ Петербургѣ для угощенія императорскихъ величествъ и народа. А въ 1803 г. (*пожертвовалъ*) капиталу до двухъ милліоновъ на построеніе и содержаніе славной московской больницы.

312) Отъ Бельта до Амура будутъ. — Бельтъ, или Балтійское море, заливъ Сѣвернаго океана. Амуръ, рѣка въ Сибири, граничащая Россію съ Китайской имперіей.

313) Держа В... равенство. — Владиміровъ, купецъ петербургскій, торговавшій во время императрицы Елисаветы, который, бывъ великій капиталистъ, не давалъ утѣснять иностраннымъ купцамъ русскихъ, скупая у нихъ товары за хорошую цѣну, и послѣ продавалъ своимъ за умѣренную цѣну, поддерживая тѣмъ торгъ и дешевизну въ товарахъ.

XLVII. КО ВТОРОМУ СОСѢДУ[1]. Написано въ Пб. 1792, во время постройки авторомъ дома своего на Фонтанкѣ; напеч. 1808.

314) Не кость рѣзная Холмогоръ. — Городъ въ архангельской губерніи, который по костянымъ работамъ славится.

315) Не мраморъ Тивды и Рифея. — Рѣка Тивда въ олонецкой губерніи; Рифей, или Уралъ, гора, раздѣляющая Сибирь отъ Россіи, — въ коихъ находится мраморная ломка.

316) Не невски зеркала, фарфоръ. — Нева, рѣка, на которой славные фарфоровые и стеклянные заводы.

317) Не шелкъ Баки ... — Бака, провинція персидская, которая, при Петрѣ I и при Екатеринѣ II будучи завоевана, была подъ управленіемъ Россіи; изъ оной чрезъ Армянъ въ Россію возится шелкъ.

318) ... ни глазумея Благоуханные пары. — *Глазомей*, лучшій цвѣточный китайскій чай, который получается чрезъ Кяхту въ Россію.

319) Почтоже, мой второй сосѣдъ. — Первый сосѣдъ, выше сказано, — Голиковъ[2], жившій противъ автора на Сѣнной, а второй сосѣдъ — полковникъ Гарновскій, имѣвшій домъ смежный съ авторскимъ на Фонтанкѣ.

320) И около, презрѣннымъ взглядомъ. — Когда въ 1790 г. онъ, Гарновскій, и авторъ строили свои домы, то поелику первый созидалъ великолѣпный домъ, то онъ и презиралъ маленькій, строенный авторомъ, посматривая на оный съ великимъ небреженіемъ, ибо онъ былъ человѣкъ весьма гордый.

321) На низменны мои мнишь кровы. — Какъ великолѣпное зданіе перваго примыкало къ самому маленькому дому затѣваемымъ имъ эрмитажемъ, въ которомъ онъ хотѣлъ сдѣлать висячій садъ и фонтанъ, то авторъ и говоритъ о томъ.

322) Назначенны тобой царямъ. — Такой великолѣпный домъ Гарновскій созидалъ въ надеждѣ, что купятъ его въ казну для водворенія котораго-нибудь великаго князя или великой княжны.

323) Во стойла конски обратятъ. — Поелику сей Гарновскій былъ любимецъ кн. Потемкина, чрезъ котораго во время турецкой вой-

[1] Т. I, 436. [2] См. выше ч. I, № XXXV, прим. 266.

ны переводились изъ Петербурга въ армію великія денежныя суммы и онъ отчетовъ не давалъ[1]; то и было подозрѣніе, что онъ употреблялъ ихъ незаконно; а для того, когда воцарился императоръ Павелъ, сколько по нелюбви къ Потемкину, столько и по вышесказанному подозрѣнію, Гарновскій былъ посаженъ въ крѣпость и домъ за долги чрезъ публичную продажу дошелъ въ казну, въ которомъ и помѣщены были конногвардейскія конюшни.

324) И чтобъ твой Фебъ свѣтилъ вѣкъ свѣту. — Подъ Фебомъ разумѣется здѣсь кн. Потемкинъ, который покровительствовалъ Гарновскому.

325) Съ сумой не ссорься и тюрьмой. — Кромѣ вышесказаннаго несчастія, какъ имѣлъ Гарновскій по заочному завѣщанію англійской графини Кингстонъ упроченныя ему имѣнія, но когда случай его прошелъ и онъ сдѣлался несчастливъ, то по тяжебнымъ и судебнымъ мѣстамъ потерялъ онъ почти все имѣніе, тѣмъ наслѣдствомъ ему доставшееся, и, будучи выпущенъ изъ крѣпости, содержался подъ арестомъ въ городской тюрьмѣ въ нарочитой бѣдности.

326) И ахъ! сокровища Тавриды. — Поручено было Гарновскому строеніе Таврическаго дома (что нынѣ дворецъ); то по смерти кн. Потемкина многія вещи, картины, мебели, даже и матеріалы началъ-было онъ перевозить изъ вышесказаннаго дворца въ сей свой новопостроенный домъ; но, узнавъ о томъ, наслѣдники князя, а особливо графъ Самойловъ, будучи тогда генералъ-прокуроромъ, воспретили ему чрезъ полицію тѣмъ воспользоваться.

327) Зри, хижина Петра доднесь. — Маленькій домикъ Петра В. на петербургской сторонѣ, который и понынѣ съ великимъ тщаніемъ сохраняется.

328) ... Матвѣеву принесъ. — Матвѣевъ, ближній бояринъ царя Алексѣя Михайловича, который въ стрѣлецкій бунтъ убитъ, былъ любимъ народомъ; то когда подъ строящійся имъ домъ не могли найти камней подъ фундаментъ, то народъ сбѣжавшійся собралъ съ гробовъ отцовъ своихъ каменья и принесъ ему съ прошеніемъ, чтобъ онъ принялъ ихъ въ знакъ ихъ усердія.

329) Иль плющемъ зарастетъ. — Плющъ, трава, символъ любви къ отечеству.

XLVIII. МАНЕВРЫ[2]. Писано на Званкѣ 1805[3], напеч. въ первый разъ въ с-петербургскомъ журналѣ[3], во второй разъ 1808.

330) Изъ вьющихся круговъ съ жерлъ мѣдныхъ, дыма, треска. — Когда изъ пушекъ палятъ пыжами, то изъ жерлъ пушечныхъ въ воздухѣ поднимаются дымные круги; а когда войски стоятъ подъ ружьемъ, бокомъ къ солнцу, то по штыкамъ и по стволамъ ружейнымъ отъ преломляющихся лучей блескъ бѣгаетъ какъ по тыну.

331) Ты научилъ Петра въ дни млады. — Петръ В. началъ упражняться воинскимъ искусствомъ, набравъ мальчиковъ; утѣшался ими,

[1] См. выше ч. I, № XXXII, прим. 232. [2] Т. II, 488. [3] Невѣрно, см. тамъ же.

назвавъ ихъ потѣшными полками, которыхъ послѣ сдѣлалъ гвардіею: генералъ Лефортъ былъ первый его въ семъ искусствѣ путеводитель.

332) Румянцова въ степяхъ водить гремящи грады. — Румянцовъ противъ Турковъ въ первую войну ходилъ кареемъ и отражалъ непріятелей, какъ выше сказано.

333) Суворова — во сердце вредъ. — Суворова лучшій былъ маневръ атаковать непріятеля штыками, врѣзываясь въ его сердце.

334) Флотъ Чичагова спасть отъ трехъ силъ между льдами. — Адмиралъ Чичаговъ въ 1790 г. подъ Ревелемъ спасъ флотъ, изъ десяти кораблей состоящій, противоборствуя тридцати шведскимъ кораблямъ, его атаковавшимъ, которыхъ отбилъ, потопивъ одинъ корабль.

335) А Круза — паруса въ отпоръ. — Крузъ, вице-адмиралъ, въ томъ же году не допустилъ Шведовъ къ Кронштадту, противоборствуя также малымъ числомъ противъ большаго.

336) Ты мужество вливалъ герою молодому. — Великій князь Константинъ Павловичъ проходилъ Альпы съ Суворовымъ.

337) И, грудь порфирну скрывъ нетрепетно эгидомъ. — Эгидъ, щитъ Минервы, на которомъ была изображена Медузина голова, имѣвшая силу все превращать въ камень. Алкидъ, или Геркулесъ, подъ коимъ здѣсь Суворовъ разумѣется.

338) Чтобъ браннымъ Святославомъ ставъ, Свой взять соименитый градъ. — Великій князь Святославъ ходилъ подъ Константинополь, разбилъ Грековъ, взялъ съ нихъ дань, а соименитый градъ, т. е. градъ Константиновъ, или Царьградъ, по имени сему якобы принадлежитъ Константину.

339) Встань, Цесарь, Ганнибалъ, Карлъ, Фридрихъ, изъ могилы! — Славные вожды: Цесарь римскій, о которомъ выше сказано; Ганнибалъ африканскій; Карлъ XII, король шведскій; Фридрихъ, король прусскій.

340) На движущіяся фаланговъ русскихъ силы. — Фаланга, строй или ополченіе древнихъ Македонцевъ, которымъ они побѣждали Персовъ.

341) То Діевъ только сынъ возмогъ. — Діевъ, т. е. Юпитеровъ сынъ, Александръ Великій, который такъ назывался.

342) Миря грозой мятежну тварь. — Авторъ думалъ, что по силѣ и пространству россійской имперіи нѣтъ ей нужды въ завоеваніи, но она должна быть посредницей всѣхъ воюющихъ европейскихъ народовъ, успокоивая ихъ миромъ.

XLIX. ЗИМА[1]. Писано въ Пб. 1805, напеч. 1808.

343) ... Ахъ! гдѣ Хариты? — Хариты, или Пріятности, подъ которыми здѣсь разумѣются покойныя в. к. Александра и Елена Павловны.

344) Л..., Х... въ гробѣ скрыты, За Днѣпромъ К... живетъ; В..., лиръ любитель. — Подъ литерою *Л* разумѣется Львовъ, Н. А.; подъ *X* Хемницеръ, И. И., подъ *К* Капнистъ, В. В., а подъ *В* Вельяминовъ, П. Л., которые были всѣ стихотворцы и пріятели автора.

[1] Т. II, 527.

345) Посвятишь ли въ честь ты Хлору. — Подъ Хлоромъ разумѣется императоръ Александръ; подъ Добрадою императрица Марія Ѳеодоровна.

346) Дни ихъ тихи, какъ листы. — Въ то время не было еще никакой войны и жили весьма при дворѣ тихо, такъ что не было ни увеселеній, ни праздниковъ.

347) Наливая алый сокъ. — Пуншъ.

348) Воспоемъ нашъ хладъ прекрасный. — Александръ императоръ прекрасенъ лицомъ и весьма хладнокровенъ; то авторъ, разумѣя его Зимой, желаетъ ему здоровья.

L. ВРЕМЯ[1]. Соч. въ Пб. 1805, напеч. въ первый разъ 1806.

349) О Д..., Д..., какъ время! — Н. А. Дьяковъ, ст. сов. и шуринъ автора.

350) ... Хотя адепты. — Адепты, масоны самой высочайшей степени, начальники ложъ масонскихъ, къ которымъ Дьяковъ принадлежалъ.

351) И безъ чина онъ почтенъ. — Онъ былъ отставленъ отъ службы безъ всякой вины, по недоброжелательству своего министра.

LI. ВЕСНА[2]. Соч. въ Званкѣ 1805, напеч. 1808.

352) Таетъ зима дыханьемъ Фавона. — Фавонъ, весенній вѣтеръ.

353) Стогновъ согрѣть не пышетъ огонь. — На стогнахъ, или на площадяхъ въ большіе морозы раскладывается огонь для согрѣванія народа.

354) Броситъ какъ огнь, Петрополь вкушать. — Подъ вечеръ мая 1 числа граждане въ большомъ количествѣ выѣзжаютъ на возморье въ Екатерингофъ гулять.

355) ... валитъ въ лукоморье. — Лукоморье — луга, близъ моря лежащіе,

356) Милу жену, вкругъ рощу сыновъ. — Ст. сов. Львовъ, Ѳ. П. (служащій по коммерческимъ дѣламъ у министра), которому сія ода писана, имѣлъ семь сыновей, которыхъ авторъ называетъ рощею.

357) Ревель что далъ и Кронштадтъ. — При городѣ Ревелѣ и Кронштадтѣ были таможни, которыя иногда контрабандою полученные товары по закону арестовавъ, присылали по обыкновенію г. Львову.

358) Въ сверткахъ травы, что слаще сота. — Италіянскія сладкія вина обыкновенно присылаются въ стклянкахъ, оплетенныхъ травою.

359) ... имперій цвѣтъ, слава. — Хотя торговля дѣлаетъ славу и обогащаетъ народы, но должно признаться, что она первый шагъ къ разтлѣнію нравовъ; она подобна цвѣту, послѣ котораго растеніе скоро увядаетъ.

LII. ПАМЯТЬ ДРУГУ[3]. Соч. въ Пб. 1804, напеч. въ московскомъ журналѣ[4], а во второй разъ 1808.

360) Воздвигнувъ изъ земли громады И зодчества блестя

[1] Т. II, 531. [2] Т. II, 478. [3] Т. II, 459. [4] *Вѣстникъ Европы.*

челомъ. — Ода сія написана по случаю кончины друга автора, Н. А. Львова, любителя художествъ и въ нихъ искуснаго. Имъ вводимы были, по указу государя Павла, земляныя битыя строенія, изъ коихъ образцомъ служитъ въ Гатчинѣ построенный имъ Пріоратъ о нѣсколькихъ этажахъ; онъ не токмо былъ охотникъ до архитектуры, но и самъ былъ хорошій зодчій, или архитекторъ; его множество находится зданій, по его планамъ и самимъ имъ строенныхъ, изъ числа коихъ въ Могилевѣ прекрасная церковь, заложенная императрицей Екатериной при императорѣ Іосифѣ II. Онъ другія изобрѣлъ полезныя экономическія заведенія и вводилъ во всѣхъ родахъ рукодѣльяхъ и художествахъ хорошій вкусъ, какъ-то между прочимъ: въ Торжкѣ, давъ хорошіе рисунки, пріучилъ къ изящнымъ работамъ по сафьянному мастерству; перевелъ архитектуру Палладія и проч., о коихъ бы пространно было говорить.

361) Съ кѣмъ, вторя, онъ Добрыню пѣлъ и проч. — Онъ любилъ русское природное стихотворство и самъ писалъ стихи, а особливо въ простонародномъ вкусѣ былъ неподражаемъ: образцомъ можетъ служить начало небольшой поэмы, называемой *Добрыня*, которая въ Москвѣ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*[1] напечатана. — Межъ завтреней и межъ обѣдней. — Авторъ разумѣетъ: въ такіе часы, которые болѣе нежели другіе способны къ объясненію мыслей, въ которые болѣе птицы, какъ-то лебедь и прочія поютъ, и также, что по-русскимъ преданіямъ древніе богатыри и витязи въ сіи часы совершали великія дѣла, какъ-то напримѣръ Илья Муромецъ между завтреней и обѣдней пріѣхалъ изъ Владиміра въ Кіевъ.

362) Изящнымъ, легкимъ дарованьемъ. — Онъ имѣлъ весьма легкое и пріятное дарованіе, такъ что когда зачиналъ что-нибудь, то казалось, безъ всякаго труда и будто сами Музы то производили.

363) Ѳивейски молньи и перуны Росой тіисской упоятъ? — Т. е. ѳивскаго пѣвца Пиндара пѣсни тіисскимъ, или Анакреономъ умягчать, ибо онъ, съ авторомъ нерѣдко занимаясь поэзіей, давалъ ему совѣты, относящіеся къ пріятному вкусу.

364) Кто памятникъ надъ мной поставитъ? — Онъ однажды писалъ къ автору письмо, разсуждая о разности ихъ лѣтъ, ибо онъ гораздо былъ моложе автора, обѣщалъ ему сдѣлать монументъ.

365) Играя съ громами Эротъ. — Т. е. монументъ такого рода, въ которомъ бы напоминали дарованія Пиндара и Анакреона.

366) Ужъ слезы Лизы и супруги. — Онъ оставилъ по себѣ супругу, двухъ сыновей и трехъ дочерей, изъ коихъ старшая была Елисавета.

LIII. МОНУМЕНТЪ МИЛОСЕРДІЮ[2]. Сочинено въ Пб. 1804[3], напеч. въ первый разъ въ с-петербургск. журналѣ[4], въ второй разъ 1808.

367) Далъ къ человѣчеству въ любови Примѣръ и жизнь его сберегъ. — Ода сія писана на память Е. А. Наумова, генералъ-маіора и военной коллегіи члена, который, бывши подполковникомъ и главный судья с-петербургской государственной конторы, въ 60-хъ го-

[1] Невѣрно, см. Т. I, 514. [2] Т. I, 520. [3] 1805, см. тамъ же.
[4] *Сѣверномъ Вѣстникѣ*, см. тамъ же.

дахъ, по несчастному опыту узналъ, что пытками не можно узнавать истины, что часто слабые люди, не стерпя мученій, всклепывали на себя важныя преступленія, которыхъ они никогда не чинили, а напротивъ того злодѣи крѣпкаго сложенія и зная нѣкоторыя натуральныя средства, не допущающія боль чувствовать, вытерпливали жесточайшія терзанія, не признаваясь въ своихъ винахъ; то онъ и довелъ сіе обстоятельство до свѣдѣнія императрицы Екатерины, которая, не смотря на нѣкоторыхъ вельможъ противнаго мнѣнія, дала сперва секретный указъ, а потомъ и публичный законъ, коимъ отмѣнила пытки, а напослѣдокъ и вовсе пристрастные допросы уничтожила, чѣмъ исторгнуто человѣчество отъ чудовища, или тиранства, алкавшаго крови не по чему иному, какъ по невѣжеству или ослѣпленной злости.

368) Сію вѣтвь миртову царица ... Законовъ принесла въ ковчегъ. — Выше сказанный указъ, положенный въ ковчегъ законовъ, здѣсь уподобляется миртовой вѣтви, которую голубка принесла Ною въ ковчегъ, яко знакъ безопасности и спокойствія.

369) И се зрю: Петръ, Елисавета и проч. — Государь Петръ III отмѣнилъ тайную канцелярію, Елисавета Петровна уничтожила смертную казнь, Екатерина пресѣкла пытки и всякое тѣлесное страданіе.

370) Н...! и тебя въ ихъ хоры. — Наумовъ, и тебя Милость причислила въ свое общество.

371) Который обагренъ въ крови. — Авторъ давно хотѣлъ оставить память въ потомство подвига человѣколюбиваго Наумова, но со дня на день оставлялъ безъ исполненія; а когда Н. П. Румянцовъ выходилъ у императора Александра указъ, чтобъ при гробѣ отца его, въ Кіевѣ въ церкви погребеннаго, безпрестанно были два штабъ-офицера и молились публично за его душу, за что онъ платитъ имъ жалованье; то авторъ сею одою хотѣлъ показать, что Всевышнему пріятнѣе милосердія монументы чѣмъ таковые пышные, которые ничего другаго не оказываютъ, какъ глупую гордость: ибо, какъ государственному человѣку, Румянцову поставленъ монументъ въ Петербургѣ императоромъ Павломъ, а какъ христіанина, память его можетъ лучше вспоминаться благодѣяніями кроткими и нетщеславными, какъ-то: подачею милостыни, учрежденіемъ больницъ и проч.

372) Такъ вѣтви кротости святыя. — Т. е. потомки кротости святыя, или милосердія предковъ: императоръ Александръ, который въ первые годы царствованія своего уничтожилъ даже и названіе секретныхъ дѣлъ, приказавъ даже и въ оскорбленіи величества слѣдовать и судить дѣла въ обыкновенныхъ народныхъ судебныхъ мѣстахъ и отворилъ всѣ темницы, гдѣ содержались секретные узники, изъ коихъ нѣкоторые балагуры, будучи выпущены изъ петропавловской крѣпости, написали на дверяхъ дома, гдѣ содержались: *свободенъ отъ постоя*, а императрица Марія Өеодоровна сдѣлала многіе институты для содержанія бѣдныхъ вдовъ, сиротъ и для обученія дѣвицъ недостаточныхъ.

373) Прогнавшія тѣнь Гарпьи злыя. — Гарпьи, птицы адскія, терзающія виновныя тѣни, о коихъ Виргилій говоритъ въ своей Энеидѣ. Подъ ними здѣсь разумѣется, какъ выше сказано, что имя уничтожено секретныхъ дѣлъ.

LIV. УТРО[1]. Соч. въ Пб. 1800, напеч. въ томъ же году на особыхъ листкахъ, во второй разъ 1808.

374) Клеантъ и проч. ... — Клеантъ, греческій философъ стоической секты. — Предъ зарею на взморьѣ и на большихъ рѣкахъ обыкновенно заговорятъ птицы.

375) Въ фригическій настроя тонъ. — Фригическій тонъ, которымъ Греки пѣли гимны богамъ.

Къ началу: Летящая крылатая жена, имѣющая на главѣ звѣзду и фâкелъ въ рукахъ возжженный, съ котораго сыплются румяныя розы на міръ, во мракѣ лежащій; вдали на горахъ курится дымъ. — Къ концу: При лирѣ, сыплющей отъ себя искры, сидитъ пѣтухъ.

LV. ГИМНЪ БОГУ[2]. Переведена съ нѣмецкаго, а на нѣмецкій съ греческаго; сочинена предъ симъ упомянутымъ философомъ Клеантомъ; въ 1800 г. напечатана въ первый разъ на особыхъ листкахъ вмѣстѣ съ предыдущей одой, а во второй въ 1808.

LVI. ЛѢТО[3]. Писано на Званкѣ 1805, напеч. въ первый разъ въ московскомъ журналѣ[4], а во второй разъ 1808.

376) Видишь ли, Д...! — Дмитріевъ, Иванъ Ивановичъ, сенаторъ, писатель басень и сказокъ, автору хорошій пріятель.

377) Въ славномъ помѣстьѣ сызранскомъ съ отцомъ. — Отца его деревня находится въ сызранскомъ уѣздѣ.

LVII. ОСЕНЬ[5]. Писана на Званкѣ въ томъ же году; напеч. въ первый разъ въ московскомъ Вѣстникѣ[6], во второй 1808.

378) Но что же вдругъ Я...! черныя бури. — Ярцовъ, д. ст. сов. и кавалеръ, хорошій пріятель автора.

379) Такъ если съ Урала златые ключи Въ царскій лилъ кладезь, ихъ самъ не пьючи. — Уралъ, выше сказано, горъ Рифейскихъ хребетъ, въ которомъ многіе находятся мѣдные, серебряные и даже золотые рудники. Г. Ярцовъ, въ горномъ правленіи, въ Екатеринбургѣ находящемся, былъ главный директоръ всѣхъ заводовъ, открылъ многіе золотые рудники и добывалъ золота болѣе нежели предмѣстники и послѣдователи его, по безкорыстію самъ ничего не пользуясь.

380) Я дни мнилъ Астреи, миръ и покой. — Астрея, богиня правосудія, которая, сошедши на землю, принесла золотой вѣкъ. Авторъ говоритъ про себя, что, будучи генералъ-прокуроромъ, хотѣлъ ввесть правосудіе, желая общихъ благъ.

LVIII. ЧЕТЫРЕ ВОЗРАСТА[7]. Писана на Званкѣ 1805, напеч. 1808.

LIX. ПОХОДЪ ОЗИРИДА[8]. Соч. въ Пб. 1805, напеч. 1807 г. въ с.-петербургскомъ журналѣ[9], а во второй разъ 1808. По случаю императора Александра, отправившагося съ войсками въ армію.

381) Юнаго вновь Озирида. — Озиридъ, царь египетскій, или

[1] Т. II, 316. [2] Т. II, 322. [3] Т. II, 544. [4] *Вѣстникъ Европы.*
[5] Т. II, 554. [6] *Вѣстникъ* же *Европы.* [7] Т. II, 557. [8] Т. II, 570.
[9] *Любитель Словесности*, 1806 г.

солнце, въ которомъ почитали бога свѣта. Онъ побѣдилъ многія царства не войной, но утѣхами, вознесъ собою музъ и всякія веселости, чѣмъ плѣнившіеся дикіе народы отдавалися ему въ подданство.

382) Пней хороводы, Кочки, совы. — Подъ симъ разумѣются дикіе, непросвѣщенные народы, которые, плѣнившись музами, покорялись солнцу.

383) Двурожецъ въ рукахъ. — Или лукъ, который имѣетъ наклеенные рога.

384) Ищетъ Тифона. — Тифонъ, змѣй, убитый Аполлономъ.

385) Или то царь златокудрый, Доблій мой вождь, полубогъ. — Сими стихами изображается императоръ Александръ: относится къ одѣ на его рожденіе, напечатанной въ 3-й части[1].

LX. ГЛАСЪ С-ПЕТЕРБУРГСКАГО ОБЩЕСТВА[2]. Соч. въ Пб. 1805, напечатана въ первый разъ 1807 на особыхъ листкахъ, потомъ 1808.

386) Который, какъ весна, сапфиромъ и проч. — Сіи стихи изображаютъ тотъ милостивый рескриптъ къ с-петербургскому военному губернатору Вязмитинову, въ коемъ изображено благоволеніе его величества санктпетербургской публикѣ за ея усердные отзывы и добрыя желанія о успѣхахъ его величества, по случаю которому и писана сія ода; но поелику государь возвратился не весьма съ радостными вѣстями и не ожидалъ усерднаго отъ публики пріему, то ему изображеніе чувствъ въ сей одѣ весьма была пріятно.

387) Пусть предаютъ полки тамъ грады. — Доходили тогда извѣстія, что Австрійцы измѣною многіе города предали Французамъ.

388) И увѣнчался уже кровью. — Скоро послѣ сказаннаго рескрипта получено извѣстіе, что кн. Багратіонъ, хотя имѣлъ удачное сраженіе, однакоже нѣсколько побито было нашихъ.

389) Смѣняемъ Ормъ, польстя химерѣ. — Ормъ, какъ выше сказано, заливъ Персидскій, въ коемъ ловятъ лучшій жемчугъ; то авторъ въ сихъ стихахъ изображаетъ, что ни за какія богатства Россіяне не промѣняютъ свое отечество или прахъ отцовъ.

390) Пусть вождь, тиранъ тамъ гордый, бранный. — Подъ симъ стихомъ разумѣется тогдашній консулъ, а теперешній императоръ Наполеонъ.

391) Какъ миротворческій вѣнецъ. — Авторъ думалъ, что нѣтъ приличнѣе достоинства и славы для императора россійскаго, какъ быть миротворцемъ Европы.

392) Отъ Чукчей въ знойны Еѳіопы. — Чукчи, дикій народъ въ Сибири, а Еѳіопія — провинція въ Африкѣ подъ экваторомъ.

393) Миръ общій, вѣчный міру дать. — Авторъ думалъ, что государь, имѣвшій столь храброе и многочисленное войско, конечно миръ Европѣ доставитъ; но Богу того неугодно было.

394) Какъ рекъ, любезному тебѣ. — Въ вышесказанномъ рескриптѣ сіи слова точно помѣщены были, т. е. любезному моему народу. Нужны двѣ программы.

[1] Т. I, 81. [2] Т. II 574.

LXI. Г. ОЗЕРОВУ НА ПРИПИСАНІЕ ЭДИПА[1]. Соч. 1805 въ Пб., напеч. въ первый разъ 1808.

395) Витія, кому Мельпомена. — Витія, ораторъ или красописецъ, каковымъ авторъ разумѣетъ В. А. Озерова, сочинителя трагедіи *Эдипа*, которую онъ поднесъ автору, а сей ему въ благодарность написалъ сію оду.

396) Софокла съ Оссіаномъ вдругъ. — Софоклъ, греческій славный трагикъ; Оссіанъ, каледонскій поэтъ: Эдипъ, царь ѳивскій, подъ которымъ именемъ г. Озеровъ писалъ трагедію, взявъ основаніе изъ Софокла. *Барды*[2], другая его трагедія, которой основаніе взято изъ Оссіана.

397) Дѣвъ слезъ ремесло. — Т. е. трагическихъ музъ, кои плачутъ. У Римлянъ были дѣвицы, или женщины, упражнявшіяся въ плачѣ при погребеніи, какъ и у Русскихъ понынѣ водится.

398) Но демственникъ ты. — Или пѣвецъ: изъ Греціи пренесено демственное пѣніе.

399) Но Лель съ струнъ тіисскихъ порхая. — Авторъ по то время, какъ сію оду написалъ, сочинялъ только оды анакреонтическія, гораціанскія и иногда пиндарическія; онъ не испытывалъ силъ своихъ въ трагедіяхъ; то и приписывалъ сіе искусство г. Озерову, который тогда изъ русскихъ писателей въ оныхъ одинъ только упражнялся. Но слѣдующее происшествіе было причиною, что авторъ захотѣлъ испытать силы свои въ семъ родѣ поэзіи. Когда г. Озеровъ сдѣлалъ честь ему приписаніемъ *Эдипа*, а онъ ему отвѣтствовалъ сей похвальною одою, но какъ многіе знатоки находили въ сей трагедіи слабости, а потому авторъ, пославъ сію оду при письмѣ г. Озерову, сказалъ ему по-дружески, что онъ, разсмотрѣвъ хорошенько сію трагедію съ пріятелями, предоставляетъ себѣ право прислать ему на оную примѣчаніе. Сего было довольно Озерову къ неудовольствію: съ сего времени онъ пересталъ быть автору знакомъ, а когда выдалъ онъ трагедію *Димитрія*, которая дворомъ была хорошо принята, но какъ находились въ ней великія погрѣшности, то въ бытность автора[3] при дворѣ спросили автора, какъ онъ ее находитъ. Поелику она не имѣла порядочнаго плана и характеры великихъ князей весьма были подлы, то хотя авторъ и отговаривался сказать свое мнѣніе, но наконецъ принужденъ нашелся сказать правду. Это тотчасъ дошло до Озерова; онъ разгласилъ въ публикѣ и даже довелъ до императрицы, что авторъ изъ зависти не одобряетъ его трагедій, которыхъ самъ не умѣетъ написать. Г. Шишковъ написалъ тогда полное примѣчаніе на трагедію *Димитрія*; авторъ думалъ, что критика легка, а искусство трудно; то и рѣшился испытать силъ своихъ въ разсужденіи трагедіи, и первую написалъ *Ирода и Маріамну*. Вотъ истинная причина, отъ которой авторъ началъ въ трагедіяхъ упражняться.

Нужны двѣ программы.

LXII. ЭРОДІЙ НАДЪ ГРОБОМЪ ПРАВЕДНИЦЫ[4]. Соч. въ Пб. 1807[5], напечатано въ первый разъ въ 1808.

[1] Т. II, 580. [2] Т. е. *Фингалъ*. [3] Т. е. Державина. [4] Т. II, 583.
[5] 1806 г.

400) Паритъ Эродій мой странѣ. — Эродій, какъ выше сказано, аистъ, символъ благочестія; онъ вьетъ гнѣзда на высокихъ деревьяхъ и на церквахъ, на которыхъ часто онъ сидитъ; великій непріятель змѣй, которыхъ глотаетъ, и потому названъ здѣсь *врагъ змѣевъ храмолюбивый.*

401) И неизвѣстну въ свѣтѣ весь. — Въ Венгріи недалеко отъ маленькой веси, или села, при сдѣланной нарочно небольшой церкви, осаженной вкругъ оливами и миртами[1], погребена бывшая россійская княжна Александра Павловна, супруга палатина эрцгерцога австрійскаго.

402) Се что? — Не скрыта ль тутъ царица? — Она въ самомъ простомъ гробѣ погребена безъ всякаго великолѣпія.

403) Жена, сестра монарха, дщерь. — Жена палатина, сестра императора Александра, дочь императора Павла.

404) И волки съ агнцы не паслись. — Подъ симъ стихомъ два народа различныхъ вѣръ разумѣются, Австрійцы и Венгерцы, изъ коихъ одни греческаго каѳолическаго, а другіе латинско-каѳолическаго исповѣданія. Австрійцы не любили Венгровъ, которые были привержены къ Александрѣ Павловнѣ и къ тѣлу ея многими толпами прибѣгали; то и построили самую маленькую церковь, чтобы тутъ они не имѣли большаго сборища и не утверждались бы болѣе въ ихъ исповѣданіи.

405) Прочь, фурья зависти, отъ гроба. — Священникъ Самборскій[2], бывшій при Александрѣ Павловнѣ духовникомъ, въ журналѣ своемъ написалъ, который авторъ въ подлинникѣ видѣлъ, что императрица австрійская была весьма злая и ревнивая женщина, которая потому и по политическимъ причинамъ не любила Александру Павловну, боясь, чтобъ императоръ Павелъ не сдѣлалъ палатина королемъ венгерскимъ, и для того гнала ее даже и до того, какъ говоритъ Самборскій, что данъ былъ ей ядъ, отъ чего она и скончалась, почему авторомъ здѣсь она и названа фуріей.

406) На матерь склабясь, сестръ и братьевъ. — На матерь императрицу Марію Ѳеодоровну, на сестру Елену Павловну и прочихъ, на братьевъ императора Александра и прочихъ; бабка — Екатерина II, отецъ — Павелъ I.

407) О В... и С..., близнецъ Славянъ! — Венгръ и Сербъ близнецъ Славянъ, или единородный Славянамъ. Гробъ А... — Александры, Сверкнулъ М... на поляхъ: въ Моравіи было сраженіе подъ Остерлицемъ.

408) Былъ столь же твердъ, какъ въ ратномъ полѣ. — Подъ симъ стихомъ разумѣются Русскіе, которые были въ плѣну у Наполеона, но отвѣтствовали ему мужественно и не оказывая ему нималой робости.

409) Вы видѣли при Остерлицахъ. — Въ остерлицкомъ сраженіи не можно ни той, ни другой сторонѣ приписать совершенной побѣды, ибо ежелибы на другой день корпусы Эссена и прочихъ, не бывшіе въ дѣйствіи, атаковали Французовъ, то бы они никакъ не могли спа-

[1] На другой рукописи Державинымъ отмѣчено: «Недалеко отъ города Офена храмъ, обсаженный кипарисами, оливами, лаврами и миртами».

[2] Въ рукописи то Самборскій, то Самбурскій.

стись; но императоръ Александръ велѣлъ прекратить военныя дѣйствія и возвратиться въ отечество.

410) Славяно-русско-с... царство Одинъ со В... исполинъ. — Славяно-русско-сербско, одинъ со Венгромъ, т. е. Славяне, Россіяне, Сербы и Венгры — одинъ великій народъ.

411) Чтобы являли къ намъ любовь. — Авторъ мечтаетъ, что духъ покойной Александры Павловны въ видѣ Генія леталъ надъ побитыми Русскими въ сраженіи.

412) И огнь устъ влагой утолять. — Венгерцы всякое оказывали Россіянамъ благопріятство, помогали въ недостаткахъ и въ болѣзняхъ.

413) И благочестія алтарь. — Упомянутый протоіерей Самборскій выпросилъ у австрійскаго двора, чтобы построена была церковь при гробѣ Александры Павловны, которую хотѣли такъ погрести на полѣ, какъ иновѣрку. Самборскій построилъ вышесказанную маленькую церковь и осадилъ ее благовонными деревьями.

414) Ты стражъ его, музъ другъ, М...! — Музовскій, священникъ, оставленный Самборскимъ для службы въ той церкви и поминовенія покойной герцогини.

Нужны двѣ программы.

LXIII. ХОРЪ I НА ШВЕДСКІЙ МИРЪ[1]. Соч. въ Пб. 1790, напеч. въ первый разъ 1808.

LXIV. ХОРЪ II НА КОРОНАЦІЮ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I[2]. Соч. въ Москвѣ 1801, напеч. 1808.

415) Блескъ видимъ царскихъ двухъ коронъ. — Императоръ Александръ короновалъ вмѣстѣ съ собою императрицу Елисавету, по примѣру Павла и Петра I.

LXV. ХОРЪ III НА ТОТЪ ЖЕ СЛУЧАЙ[3]. Тогда же писано. На сіи стихи сдѣланъ польскій Ковловскимъ.

Нужны программы[4].

LXVI. ОБЛАКО[5]. Соч. въ Пб. 1807[6], напеч. тогда же на особыхъ листкахъ, во второй разъ 1808.

416) Или не долго временщикъ. — Временщикъ, или любимецъ государя, пользуясь своимъ временемъ.

417) На блаты, тундры опустясь. — Тундры — трясины, или болота зыбучія.

LXVII. ГРОМЪ[7]. Написана въ Пб. 1807, напеч. на особыхъ листкахъ вмѣстѣ съ *Облакомъ*, потомъ 1808.

418) Дубъ вспыхнулъ, холмъ сталъ водометомъ. — Случается, что однимъ ударомъ громовымъ загорается лѣсъ и изъ пробитой земли подымаются источники.

[1] Т. I, 313. [2] Т. II, 372. [3] Т. II, 373.
[4] Это замѣчаніе повторяется и при многихъ изъ слѣдующихъ за симъ объясненій, но, для выигранія мѣста, далѣе опускается нами. [5] Т. II, 590.
[6] Въ 1806, что относится и къ двумъ слѣдующимъ пьесамъ.
[7] Т. II, 594.

419) Такъ отъ твоей струятся митры. — Митра, папская корона.

420) О громъ! — гроза духовъ тѣхъ гордыхъ. — Люциферъ и всѣ его согласники поражены были громомъ.

421) И жупловъ тьмы на князя ада. — Жупелъ — сѣрный огонь.

LXVIII. РАДУГА [1]. Писана въ Пб. 1807, напеч. вмѣстѣ съ одой *Громъ;* во второй разъ 1808.

422) ... зрѣть Аѳины. — Аѳины, главный городъ въ Аттикѣ, гдѣ было обыкновеніе выставлять для сужденія знатоковъ на площади картины.

LXIX. НА РОЖДЕНІЕ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ [2]. Соч. въ Пб. ноября 4 дня 1806 г., напеч. въ первый разъ тогда же на особыхъ листкахъ, во второй разъ 1808.

LXX. НА ОТПРАВЛЕНІЕ ВЪ АРМІЮ ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА КАМЕНСКАГО [3], Соч. въ Пб. въ ноябрѣ 1806, напеч. въ первый разъ въ то же время на особыхъ листкахъ, во второй 1808.

423) И пламень жруща Саламандра. — Саламандръ, баснословный огнедышущій змѣй.

424) Такъ: вышней силой я держусь. — Девизъ на печати автора, данный императоромъ Павломъ [4].

425) Ты именемъ и духомъ камень, Холодностью угасишь пламень. — Каменскій, во время службы своей будучи въ сраженіи, показалъ свою холодность и способность въ самыхъ опасностяхъ не потерять духа; но къ несчастію, противное въ семъ послѣднемъ случаѣ съ нимъ случилось, чего никакъ ожидать было нельзя.

LXXI. ПЕРСЕЙ И АНДРОМЕДА [5]. Соч. въ Пб. 1807, напеч. тогда же на особыхъ листкахъ, потомъ 1808.

426) Въ Губителѣ мы баснь живаго Саламандра. — Въ 1-мъ изданіи напечатано было: въ *Наполеонѣ;* но когда изданіе сіе выходило, заключенъ миръ и потому уже написано: въ *Губителѣ,* хотя то же значитъ; Аввадонъ, или Аполліонъ.

427) Вислы и Шпреи бреговъ. — Рѣки, въ Пруссіи протекающія, гдѣ одержана россійскими войсками побѣда близъ Прейсишъ-Эйлау.

428) Повѣся шлемъ на мечъ, имъ въ землю водруженный. — По одержаніи побѣды Бенигсонъ воткнулъ свою шпагу въ землю, повѣсилъ на ней свой шлемъ и (положивъ) на барабанъ крестъ, приказалъ въ виду стоящей всей въ парадѣ арміи священнику пѣть благодарный молебенъ и во все время стоялъ на колѣняхъ.

LXXII. НА ВЫСТУПЛЕНІЕ КОРПУСА ГВАРДІИ ВЪ ПОХОДЪ [6]. Писано въ Пб. 1807 г. марта мѣсяца; въ первый разъ напеч. на особыхъ тогда же листкахъ; потомъ 1808.

429) Илектра на волнахъ. — Илектръ — янтарь: на волнахъ янтарныхъ или моря, гдѣ янтарь родится.

[1] Т. II, 597. [2] Т. II, 605. [3] Т. II, 608. [4] *Зап.* (*Р. Б.*), 427.
[5] Т. II, 612. [6] Т. II, 626.

430) Такъ Петръ тронъ прусскій взнесъ. — Петръ I бранденбургскаго герцога сдѣлалъ королемъ.

431) Открылъ въ немъ образъ Лаокона. — Лаоконъ былъ греческій жрецъ, котораго съ дѣтьми, выплывши изъ моря, пожралъ змѣй.

432) Но спасшагось стрѣлами Феба. — Здѣсь разумѣется подъ Фебомъ императоръ Александръ, подъ Лаокономъ Берлинъ.

433) Ты храбрыхъ цвѣтъ, могущъ, прекрасенъ. — Сей стихъ изображаетъ избранное войско императора Александра, т. е. гвардію.

434) ... щитъ Медузы. — Т. е. такую имѣющій силу полкъ, какъ голова Медузы, превращающая все въ камень.

LXXIII. ГРАФУ СТЕЙНБОКУ[1]. Писано у гр. Стейнбока въ деревнѣ Линденѣ, въ гапсальскомъ уѣздѣ, 1806 г. сентября мѣсяца.

435) Такъ, милый графъ, волненье Бельта. — Графъ Стейнбокъ, бригадиръ отставной, на берегу Балтійскаго моря подъ Гапсалемъ имѣетъ домъ и прекрасный садъ.

436) Видъ Гапсаля — видъ тлѣнна свѣта. — Гапсаль, весьма старинная крѣпость шведская, совсѣмъ почти развалившаяся.

437) Древесны тѣни, птичекъ пѣнье и проч. — Описаніе окружностей дома графскаго.

438) Мы къ злачнымъ Волхова берегамъ. — На прекрасномъ мѣстѣ, на Волховѣ, автору принадлежащее сельцо Званка, куда графъ по родству съ авторомъ иногда пріѣзживалъ.

439) Или въ твоемъ помѣстьи новомъ Во храмѣ возсѣдя Петровомъ. — Графъ недавно купилъ новую деревню, Линденъ называемую, въ которой намѣренъ былъ построить небольшой храмикъ въ память Петру В. на томъ мѣстѣ, гдѣ сей государь отдыхалъ подъ деревьями, пристававъ съ галернымъ флотомъ во время войны своей съ Шведами.

440) И Вѣрушку съ Люси такъ сладимъ. — Вѣра Николаевна Львова, племянница автора, а Люси, или Елисавета Өедоровна Штернбергъ, воспитанница графа, плясывали вмѣстѣ цыганскую пляску весьма превосходно.

441) Престанемъ же къ звѣздамъ моститься. — Т. е. престанемъ желать чиновъ и высшихъ должностей.

442) А лучше съ Серпомъ Льву рѣзвится, Съ Державой Яхонту блистать. — Серпъ — Штейнбокъ, или по-русски каменный козелъ, левъ тутъ означаетъ фамилію Львовыхъ, держава — Державина, яхонтъ — Яхонтовыхъ, которые по родству между собою нерѣдко бывали другъ у друга и разными увеселеніями забавлялись.

LXXIV. МОЛИТВА ПО ВЫСОЧАЙШЕМЪ ОТСУТСТВІИ ВЪ АРМІЮ ЕГО ИМП. ВЕЛИЧ.[2] 1807 марта 16 дня, въ которое время на особыхъ листкахъ напечатана, положена на музыку г. Нейкомомъ и пѣта была въ филармоническомъ обществѣ придворными пѣвчими въ Петербургѣ.

[1] Т. II, 602. [2] Т. II, 628.

LXXV. АТАМАНУ И ВОЙСКУ ДОНСКОМУ[1]. Писано въ Пб. 1807 г. мая дня по случаю многихъ удачныхъ сшибокъ легкихъ войскъ нашихъ, подъ предводительствомъ атамана Донскаго, т. е. Платова, съ Французами.

443) Платовъ! Европѣ ужъ извѣстно. — Платовъ, Матвѣй Ивановичъ, войска Донскаго атаманъ, полный генералъ и разн. орд. кавалеръ, прославился въ войнѣ съ Французами 1807 года разными своими нечаянными нападеніями на непріятеля.

444) По черныхъ вороновъ полету и проч. — Искусные воины легкихъ войскъ разныя дѣлаютъ замѣчанія, т. е. по птичью полету, дыму, эху, звѣздамъ и проч., гдѣ находятъ селенія какія или собраніе войскъ.

445) И зря на тускъ, на блескъ червонца и проч. — Они по червонцу или по другимъ золотымъ вещамъ, когда они потускнутъ или свѣтлы бываютъ, узнаютъ, ведро или ненастье будетъ завтра, и потому ближе или далѣ ставятъ свои потаенные караулы; *ертаулъ* у нихъ называется отводный караулъ, изъ часоваго состоящій, который какъ завидитъ непріятеля вдали, то вертится на лошади по солнцу или противъ солнца, давая чрезъ то знагь, далеко ли, или близко непріятель, во многомъ ли, или маломъ числѣ.

446) Въ травѣ идешь — съ травою равенъ. — Въ семъ куплетѣ описаны всѣ казачьи ухватки, коими они подкрадываются подъ непріятеля, высматриваютъ его, лазя ли на деревья, или ползя по травѣ, вплавь ли черезъ рѣки, или по сухому пути.

447) Фазановъ удишь какъ ершей. — Подъ фазанами разумѣются и подъ ершами Французы, которые, какъ первые, харахорятся или тщеславятся, а какъ вторые, колются или защищаются сильно. Во время войны они названы были настоящимъ ихъ именемъ; но когда состоялся миръ, то изъ уваженія къ союзникамъ настоящее ихъ имя перемѣнено на аллегорическое.

448) Разилъ ты Льва, Лунѣ гнулъ роги, Ходилъ противу Солнца въ бой. — Подъ львомъ разумѣются здѣсь Шведы, подъ луной Турки, подъ солнцемъ, по сектѣ браминовъ, Персіяне, съ которыми народами употреблены были въ войнѣ Донскіе казаки и самъ г. Платовъ.

449) Почтожъ вепря щетиночерна и проч. — Геркулесъ прославился, убивъ вепря эриманѳскаго; то подъ лютымъ симъ звѣремъ разумѣется здѣсь непріятель, который, обрывшись въ укрѣпленномъ лагерѣ, стоялъ всю зиму, окруженный артиллеріею.

450) Арканомъ не схватилъ поднесь. — Арканомъ называется длинная веревка съ петлею которою азіятскіе легкіе наѣздники увозятъ плѣнниковъ, захватывая ихъ на всемъ скоку за шею или за что попадется.

451) Чтожъ сталъ? Борза ль коня не стало? — Въ семъ куплетѣ описываются всѣ недостатки, въ арміи нашей бывшіе, какъ-то: въ провіантѣ, въ оружіи и въ прочихъ нужныхъ вещахъ, отъ чего и не могли воспользоваться мы своими неоднократными побѣдами; о чемъ

[1] Т. II, 648.

именно было писано императоромъ къ военному министру Вязмитинову, а провіантскіе и коммиссаріатскіе чины потеряли мундиръ.

452) Былъ грѣхъ: отъ сваръ своихъ кряхтѣли, Теряли янствомъ и главы. — Т. е. отъ междоусобія своего страдали и отъ эгоизма погибали: *янство*, или эгоизмъ.

453) Былъ врагъ Чипчакъ, и гдѣ Чипчаки и проч. — Чипчаки (или Золотая Орда), которые прежде магометанства въ идолопоклонствѣ такъ назывались. Батый между прочими былъ сихъ ордъ предводитель, который болѣе всѣхъ причинялъ Россіи разоренія. Ляхи, или Поляки, которые также многое кровопролитіе въ Россіи произвели.

454) При Святославичѣ Добрыня. — При великомъ князѣ Владимірѣ Святославичѣ, свойственникъ его и бояринъ, по преданію, убилъ змѣя Горынича, чтó можно видѣть изъ оставшейся понынѣ народной пѣсни, которая въ 4-мъ томѣ напечатана [1].

455) Чернецъ Донскаго исполина. — У Димитрія, князя Донскаго, былъ въ войскѣ чернецъ, который въ сраженіи при Непрядвѣ убилъ татарскаго великана.

456) Голицынъ, Шереметьевъ, и проч. — При Петрѣ Великомъ побѣждали Шведовъ.

457) Чесма, Кагулъ, Крымъ, Рымникъ, Тавръ. — При императрицѣ Екатеринѣ II подъ Чесмой сжегъ турецкій флотъ графъ Орловъ, и потому прозванъ Чесменскимъ. Подъ Кагуломъ полтораста тысячъ Турковъ осмнадцатью тысячами разбилъ графъ Румянцовъ, и по переходу за Дунай названъ Задунайскимъ. Крымомъ завладѣлъ князь В. М. Долгорукій Крымскій. На рѣкѣ Рымникѣ одержалъ пятью тысячами побѣду надъ многочисленною арміею Турковъ графъ Суворовъ и прозванъ Рымникскимъ. Древнею Тавридою овладѣлъ князь Потемкинъ, и потому прозванъ Таврическимъ.

458) На клячѣ бѣлая рубашка Неразъ его въ усы щелкалъ. — Въ итальянскую войну, предводительствуя русскою арміею, графъ Суворовъ на простой казачьей лошади ѣзжалъ въ одной рубашкѣ и разбивалъ Французовъ.

459) Съ дубовъ копьемъ вновь мурзавецкимъ. — Изъ простонародныхъ сказокъ извѣстно, что Илья Муромецъ на муромскомъ лѣсу Соловья-разбойника, имѣвшаго гнѣздо на двѣнадцати дубахъ, убилъ копьемъ мурзавецкимъ (т. е. мурзѣ, или дворянину принадлежащимъ), т. е. богато-оправленнымъ.

460) Уранга, сфинкса на веревкѣ и проч. — Урангъ [2], большаго роду обезьяна; сфинксъ, баснословное чудовище: авторъ позволилъ себѣ сими именами назвать вождя Французовъ тогда, какъ были военныя дѣйствія между Россіей и Франціей и когда въ публичныхъ манифестахъ не щадя другъ друга поносили; Наполеонъ нарицался антихристомъ.

461) Сжигали грады воробьями. — Великая княгиня Ольга сожгла воробьями у Древлянъ городъ Кóростень.

[1] См. театральное представленіе *Добрыня* въ слѣдующемъ томѣ нашего изданія. [2] См. выше ч. I, № XXX, прим. 208.

462) Ходили въ лодкахъ по землѣ. — Великій князь Олегъ подъ Царьградъ ходилъ на судахъ, поддѣлавъ колеса, съ парусами, дождавшись попутнаго вѣтра.

463) Топили вражій станъ прудами. — Во время мятежей одинъ изъ самозванцевъ, Лжедмитрій, засѣлъ въ Тулѣ и такъ укрѣпился, что нельзя было взять; то запрудили рѣку, которая такъ разлилась, что подтопила городъ, и онъ долженъ былъ выдти, гдѣ и разбитъ.

464) Имѣли пищу въ киселѣ. — Въ княженіе великаго князя Владиміра Печенѣги осадили городъ Васильковъ[1], состоящій въ тридцати пяти верстахъ отъ Кіева. Жители онаго, не имѣя никакого способу къ освобожденію града, прибѣгнули къ хитрости: разболтали въ колодцахъ муки овсяной и ржаной, увѣряя непріятеля, что оной пищи у нихъ источники. Печенѣги, желавшіе принудить голодомъ къ сдачѣ града, повѣривъ сему, принуждены были отступить.

465) Спускались въ мрачны подземелья. — Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ, что былъ патріархомъ, съ прочими боярами былъ въ Польшѣ посломъ, и когда не согласились на подписаніе грамоты, чтобъ царствовать Владиславлеву[2] сыну въ Россіи въ католической вѣрѣ; то были заперты въ подземельную тюрьму, гдѣ многіе изъ нихъ и померли[3].

466) Ты мечъ имъ кладенецъ отдай и проч. — По русскимъ сказкамъ, богатырскіе мечи назывались кладенцами (т. е. что много людей срубили), и спрыскивали они себя живой водой и мертвой, чтобъ быть въ сраженіи невредиму.

467) Я дочь свою и самъ крестову. — У покойнаго гр. Васильева дочь Марія Алексѣевна была крестница автора, которая вышла въ замужество за донскаго уроженца, гр. Орлова-Денисова, полковника казачьяго.

468) Денисовымъ и Краснощекимъ и проч. — Всѣ сіи были атаманы войска Донскаго, отличные воины, а особливо Денисовъ.

469) Ведутъ его въ крестовъ чертогъ. — Въ домахъ древнихъ русскихъ бояръ и знатныхъ людей была всегда большая, такъ называемая крестовая комната, въ которой принимались гости и прочее людство, когда случалося въ большомъ числѣ.

LXXVI. ПИНДАРОВА ОЛИМПИЧЕСКАЯ ПЕРВАЯ ПѢСНЬ[4]. Переведена на Званкѣ 1806 съ тѣхъ же авторовъ нѣмецкихъ, какъ и вышеписанная пиѳическая ода[5]; на одержаніе побѣды того же сиракузскаго короля Хирона въ ристалищѣ конемъ его, побѣдоноснымъ, или Ференикомъ называемымъ.

470) Всѣхъ элементовъ вода превосходнѣй. — По мнѣнію философа Талеса и нѣкоторыхъ другихъ, вода есть источникъ или основаніе всего вещества.

471) ... и славнѣйшихъ Ты не ищи ужъ торжествъ олимпійскихъ. — Мысль сего стиха та: какъ вода превосходитъ всѣ элементы, такъ золото всѣ металлы, и какъ солнце помрачаетъ всѣ звѣзды, такъ и олимпійскія игры преимуществуютъ предъ всѣми другими.

[1] Читай: Бѣлгородъ. [2] Обмолвка вм. Сигизмундову.
[3] Ср. выше ч. I, № L, прим. 405. [4] Т. II, 559. [5] См. выше ч. II, № XXXIII.

472) Душу поэтовъ они. — Нѣкоторые писатели думаютъ, что у Хирона Пиндаръ за столомъ пѣвалъ свои оды совокупно или по крайней мѣрѣ въ присутствіи, какъ-то: Симонида, Бакхимеда и прочихъ.

473) Сидя Хирона въ чертогахъ. — Хиронъ, какъ уже выше сказано, — король сиракузскій, который любилъ великолѣпіе, стихотворство и прочія художества.

474) Онъ въ многостадной Тринакрѣ. — Т. е. Сициліи.

475) ... дорійскую цитру, Коль олимпійскій конь побѣдоносный. — Дорійская цитра, или тотъ инструментъ, на которомъ дорическимъ напѣвомъ прославляемы были боги и герои. Конь побѣдоносный, или по-гречески Ференикосъ, на которомъ Хиронъ одерживалъ побѣды. Олимпическій, или рожденный въ Олимпіи или Пизѣ.

476) О! какъ онъ берегомъ быстра Алфея. — Рѣка Алфей, протекающая въ Элисѣ близъ Олимпіи или Пизы, на берегу которой былъ ипподромъ, или ристалище.

477) Лидскимъ Пелопсомъ селенны. — Т. е. Пелопсомъ въ Пелопонесѣ, гдѣ Элисъ и Олимпія находились, изъ Лидіи колоніи переведенныя и поселенныя. Пелопсъ, сынъ Танталовъ; Танталъ былъ угащиванъ богами и къ таковому же угощенію призывалъ къ себѣ боговъ и потчивалъ ихъ разрубленнымъ на части и свареннымъ своимъ сыномъ Пелопсомъ.

478) ... какъ изъяла Врѣюща свѣтла конобà и проч. — Т. е. какъ Клота (Парка) вынула изъ кипящаго свѣтлаго котла Пелопса и вложила ему, намѣсто съѣденнаго богами плеча, изъ слоновой кости другое, которое было бѣлѣе снѣга.

479) Сыне Танталовъ. — Танталъ, сынъ Юпитера и Нимфы Плоты, который, какъ выше сказано, боговъ звалъ къ себѣ на обѣдъ, а Пелопсъ, сынъ его, котораго воспѣвалъ Пиндаръ, какъ родоначальника, отъ котораго произошелъ Хиронъ.

480) Градъ Сипилію къ себѣ. — Сипилусъ была гора, на которой того же имени городъ, резиденція Танталова. куды онъ сзывалъ къ себѣ боговъ для угощенія.

481) Скиптра трезубна державецъ. — Т. е. трезубной остроги обладатель, Нептунъ.

482) Былъ Ганимедъ тамъ ужъ прежде. — Ганимедъ, князь троянскій, котораго ради красоты его похитилъ Юпитеръ и сдѣлалъ его своимъ подносщикомъ или виночерпіемъ.

483) Ночью богамъ въ кругу пира носимо. — Какъ выше сказано, что Танталомъ были званы боги для угощенія; то ночью онъ ихъ потчивалъ вареннымъ плечомъ сына своего, котораго Парка ожививъ, ему вставила другое изъ слоновой кости.

484) Камень надъ нимъ преужасный и проч. — Въ Пиндарѣ именно сказано, что отецъ боговъ повѣсилъ надъ нимъ претяжелый камень, который вѣчно отъ главы своей отталкиваетъ, но онъ къ нему возвращается опять, и радость отъ него убѣгаетъ. Но баснословіе говоритъ, что онъ былъ кованъ Меркуріемъ и брошенъ въ адское озеро, гдѣ онъ стоитъ въ водѣ и напиться не можетъ. Клевреты, т. е. сосѣди, друзья и пріятели.

485) Съ Ипподаміей милой. — Ипподамія, дочь короля элисскаго или Олимпія Аэммона, наипрекраснѣйшая дѣвица своего времени.

486) Трезубодержца водхолмна. — Т. е. обладателя остроги, которою Нептунъ возмущаетъ волны морскія.

487) Тридцать ужъ имъ жениховъ перебито. — Тангалъ положилъ завѣтъ, что за того онъ свою дочь выдастъ, который всѣхъ прочихъ перебѣжитъ, и такъ 30 другъ друга перебѣжали, и онъ ихъ перебилъ. А Пелопсъ или Пиритоусъ какъ ихъ всѣхъ перебѣжалъ, то Ипподамія за него и вышла замужъ, а отецъ, любя ее, съ горести себя зарѣзалъ[1].

488) Такъ лишь опасностей тѣ не встрѣчаютъ. — Опасность видимая была, что тотъ долженъ былъ лишиться жизни, кто остался побѣжденнымъ.

489) Коней златыхъ съ колесницей. — Въ Пиндарѣ написано: колесницу златую съ быстрокрылатыми, неутомимыми конями.

490) Днесь ему жертвы курятся надгробны. — Т. е. въ томъ мѣстѣ, гдѣ воздвигнутъ алтарь Юпитеру олимпійскому, на берегу рѣки Алфея, гдѣ похороненъ и Пелопсъ, и около его могильнаго холма совершаются жертвы иностранцевъ и туземцевъ.

491) Пѣснью эольской и мнѣ и проч. — Т. е. пѣснью города Ѳивъ, въ которомъ родился Пиндаръ, или пѣснью пиндарическою.

492) Конно ристанье по праву извѣстно. — При олимпическихъ играхъ были законы, по которымъ подвигоположники или судьи, при играхъ опредѣленные, награждали побѣды.

493) Взведу на красный холмъ Кроновъ. — Холмъ Сатурновъ, который былъ недалеко отъ ипподрома, или ристалища олимпійскаго, съ котораго можно было видѣть ристаніе и отличать побѣдителей.

LXXVII. ЕВГЕНІЮ. ЖИЗНЬ ЗВАНСКАЯ[2]. Писана на Званкѣ 1807 въ маѣ мѣсяцѣ, напеч. въ первый разъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*[3] въ Москвѣ, а во второй разъ въ изд. 1808.

494) Зачѣмъ же въ Петрополь на вольну ѣхать страсть. — Петрополь, или Петербургъ, или Петроградъ, отъ коего Званка находится въ 130 верстахъ.

495) Съ уединеніемъ и тишиной на Званкѣ. — Званка, сельцо или деревня автора, лежащая на рѣкѣ Волховѣ.

496) Барашковъ въ воздухѣ, въ кустахъ свистъ соловьевъ. — Т. е. бекасы, кои кричатъ какъ барашки, и обыкновенные барашки гуляютъ между кустовъ.

497) Ревъ кравъ, громъ жолнъ. — Или отголоски ихъ, когда они долбятъ деревья и производятъ звукъ.

498) Повѣетъ съ дома мнѣ манжурскій иль левантскій. — Манжурскій, т. е. запахъ чайный; левантскій — кофейный, т. е. что первый родится въ Китаѣ[4], и доставляется чрезъ торгъ левантскій.

[1] Невѣрности этого примѣчанія исправлены нами въ своемъ мѣстѣ, Т. II, 565.
[2] Т. II, 632. [3] *Вѣстникѣ Европы.*
[4] Послѣ этого слова въ рукописи, вѣроятно, пропущено: а второй въ Аравіи.

499) Ковровъ и кружевъ и вязани. — На Званкѣ были небольшія суконныя и коверныя фабрики.

500) Въ которой обозрѣвъ больныхъ и проч. — Была тамъ небольшая для крестьянъ больница.

501) ... въ ерошки, въ фараонъ. — Ерошки, карточная шутовская игра, въ которую картами въ глаза фыркаютъ, приговаривая: тумана бъ тебѣ въ глаза, — чего хочешь, того просишь, — и въ сіе время должно назвать какую-нибудь, съ которой бы стороны колоды, карту; и кто скоро не отгадаетъ, у того за простую карту волосы ерошатъ, за другую тумака даютъ и проч. Фараонъ, шуточное названіе карточной игры банку, происходящее отъ слова фаро[1].

502) Иль въ зеркало временъ. — Зеркало временъ здѣсь называется исторія.

503) Сбираются ко мнѣ не для какой науки. — У автора пріучены были маленькіе ребятишки, чтобы они приходили каждое утро къ нему для полученія баранокъ.

504) Блестятъ и жучки въ епанечкахъ. — Т. е. посредственныя мысли, хорошо сказанныя, чистымъ слогомъ, дѣлаютъ красоту сочиненія.

505) И липца, воронка и чернопѣнна пива. — Липецъ, медъ, на подобіе вина пріуготовленный, желтаго цвѣта, а воронокъ — тоже медъ, но черный, съ воскомъ вареный, — напитки, которые бываютъ очень пьяны, особливо послѣдній, такъ что у человѣка при всей памяти и разсудкѣ отнимутся руки и ноги; пиво черное кабацкое тоже весьма крѣпкое.

506) Древъ русскихъ сладкій сокъ до подвѣнечныхъ бревенъ. — Березовый сокъ, яблочный и проч. дѣлаютъ на подобіе шампанскаго вина, который вырываетъ пробки изъ бутылокъ. Подвѣнечное бревно есть самое верхнее на домѣ подъ застрѣхой[2].

507) За здравье съ громомъ пьемъ. — Т. е. съ пушечной пальбой.

508) Тамъ въ шахматы, въ шары и проч. — Шахматы, игра извѣстная; въ шары, — въ кегли или въ бильярдъ; пернатый къ потолку летокъ, или игра въ воланъ.

509) Иль въ стекла оптики картинныя мѣста. — Оптическая устроенная машина; подкладываются эстампы, изображающіе виды разныхъ городовъ, пристаней и тому подобные, которые, представляяся въ большомъ видѣ, немалое дѣлаютъ удовольствіе зрителямъ.

510) Иль въ мрачномъ фонарѣ любуюсь. — Въ камеръ-обскуру, въ которую супротивные натуральные предметы представляются въ маломъ видѣ весьма живо, и по рѣкѣ, особливо когда небольшой вѣтеръ, струйки, освящаемыя солнцемъ, бѣгутъ на подобіе звѣздъ по синей водѣ.

[1] Отъ того, что на одной изъ картъ было встарину изображеніе царя *Фараона; фаро* — другое названіе той же игры.

[2] Застрѣха, или застрѣхъ — нижній край, свѣсъ кровли.

511) И движа машину, древа на доски дѣлитъ. — Пильная водяная мельница.

512) Какъ сквозь чугунныхъ паръ столповъ. — Огненная паровая машина.

513) Маріиной рукой прядутся. — Государыня императрица Марія Ѳеодоровна выписала изъ Англіи прядильную машину, на которой одинъ человѣкъ болѣе нежели на сто веретенахъ можетъ прясть.

514) Всѣ прелести, красы берутся съ поль царицы. — Т. е. красильня, гдѣ красятъ шелкъ, шерсть, ленъ и бумагу травными красками, сбирая оныя съ царицы полей, т. е. Флоры.

515) Куется въ бердыши милицы. — Въ сіе время по повелѣнію императора Александра была набираема милиція для защищенія границъ имперіи отъ Французовъ, для которой ковали бердыши и всякое бѣлое оружіе.

516) Чѣмъ у Французовъ быть въ подданствѣ. — Простой народъ русскій въ сіе время никакъ не терпѣлъ Французовъ и ни коимъ образомъ не хотѣлъ отъ нихъ быть побѣжденнымъ.

517) Лѣнивымъ строемъ плывъ, страшатъ тварь влаги стукомъ. — Рыбная ловля, называемая колотомъ, въ которой нѣсколько десятковъ лодочекъ, собравшись вмѣстѣ, въ каждой съ двумя человѣками, опустя въ воду сѣтки, тихохонько или лѣниво ѣздятъ и стучатъ палками въ лодки, производя страшный звукъ, отъ чего рыба мечется какъ бѣшеная въ рѣкѣ и попадаетъ въ сѣтки.

518) Какъ парусы суда, и лямкой бурлаки. — На лямкахъ, — когда бечевой тянутъ суда, то для дружнаго шагу поютъ иногда бурлаки пѣсни.

519) И рѣдки холмики, селеній мелкихъ полны. — По обѣимъ сторонамъ Волхова находятся небольшіе холмики, населенные маленькими деревеньками, которыхъ тѣнь, особливо при закатѣ и восходѣ солнца, видна въ струяхъ водныхъ, тихо текущихъ, также луга и нивы.

520) Стеклъ заревомъ горитъ мой храмовидный домъ. — Когда солнце ударяетъ въ стекла, особливо при вечерѣ, то оныя подобно зареву блистаютъ; домъ автора билъ съ куполомъ и съ колоннами и немного похожій на храмикъ.

521) Гдѣ встрѣчу водометъ шумитъ лучей дождемъ. — По срединѣ горы, по которой былъ всходъ къ дому, усыпанный желтымъ пескомъ и осаженный шиповными кустами, былъ фонтанъ, отъ коего встрѣчу идущимъ блистали лучи.

522) Изъ жерлъ чугунныхъ громъ. — Изъ чугунныхъ пушекъ, во время фейерверковъ и иллюминацій.

523) Блистать музыкой, пляской, пѣньемъ. — У автора было нѣсколько родныхъ дѣвицъ и молодыхъ людей съ талантами, умѣющихъ играть на разныхъ инструментахъ.

524) ... у Таліи игру и Терпсихоры. — Они представляли иногда комедію; Талія, Муза комедіи, а Терпсихора, Муза пѣсень.

525) Здѣсь тихогрома. — Тихогромъ, или фортепіано.

526) ... Сокрылось солнце, — тѣнь! — Сокрылись славныя по-

бѣды и печальныя происшествія, и кто знаетъ, что впередъ случится съ Россіянами, кои подъ Орлами разумѣются.

527) Но мещетъ днесь и онъ перуны. — Императоръ Александръ былъ кроткаго духа и съ мирными расположеніями, но заведенъ былъ окружающими его въ весьма непріятныя военныя дѣла.

528) Темиру новому подъ Пултускомъ, Прейсшъ-лау. — Темиру, т. е. новому завоевателю или Наполеону; подъ Пултускомъ и Прейсишъ-Эйлау былъ онъ отраженъ славнымъ образомъ.

529) А скрылъ Орла сѣдаго славу. — Г. Каменскій, заслуженный генералъ и старикъ, потерялъ свою славу отъ болѣзни своей или невѣдомо отъ упадка духа, такъ что отдана была команда подчиненному ему генералу Бенигсону, который въ означенныхъ сраженіяхъ предводительствовалъ.

530) Иль нѣтъ, Евгеній! — Евгеній, архіерей викарный новогородскій, — пріятель автора, — который его посѣщалъ на Званкѣ и любилъ слушать эхо отъ выстрѣловъ пушечныхъ, которые нѣсколько разъ по лѣсамъ Волхова удивительно отдаются.

531) Вождя, волхва гробъ кростъ мрачный. — Подлѣ дома автора находится холмикъ, или курганъ, который обыкновенно бываетъ надъ гробницами. Волхвъ или вождь предполагается, что подъ онымъ погребенъ, ибо по исторіи новогородской извѣстно, что волхвъ или колдунъ, чародѣй былъ такой, который превращался въ крокодила и въ другія разныя чудовища и поѣдалъ по озеру Ильменю и по рѣчкѣ Волхову, изъ него текущей, плавающихъ на ней людей, отъ чего послѣдняя и прозвалась Волховомъ.

LXXVIII. ИЗДАТЕЛЮ МОИХЪ ПѢСНЕЙ[1]. Соч. въ Пб. 1808, напеч. при изданіи сочиненій.

532) Другъ Сіонидъ и пѣвецъ и проч. — Т. е. Синайскихъ или духовныхъ музъ, живущій въ академіи художествъ.

533) Сгложутъ ли, Л...! — Лабзинъ, д. ст. сов. и академіи художествъ непремѣнный секретарь, Александръ Ѳедоровичъ, который издавалъ сіи сочиненія въ 1808 г.

534) Гдѣ ахъ! завѣса Апелла? — Апеллъ, или Апеллесъ, греческій живописецъ, который, написавъ завѣсъ или платокъ, обманулъ своего противоборника Зевксиса, который хотѣлъ, думая, что платкомъ симъ завѣшана картина, ее открыть; а Зевксисъ обманулъ птицъ, кои прилетали клевать виноградную кисть, кою онъ нарисовалъ.

535) Фидія Дій. — Фидій, скульпторъ или каменосѣчецъ греческій, Дій, или Юпитеръ, котораго славную статую въ Дельфахъ[2] дѣлалъ Фидій.

536) Гдѣ Иліонъ, Тиръ, Пелла? — Иліонъ, или Троя; Тиръ, знаменитый городъ по его воротамъ; Пелла, селенье, въ которомъ родился Александръ Великій.

537) Но Меонидъ въ кругѣ міра. — Меонидъ, или Гомеръ.

538) Памятны будутъ Зосимы. — Зосимы, три Грека нынѣшняго времени, которые употребили великій капиталъ на переводы и на из-

[1] Т. II, 678. [2] Она была не въ Дельфахъ, а въ Олимпіи, въ Элидѣ.

даніе печатныхъ всѣхъ древнихъ греческихъ и прочихъ народовъ манускриптовъ, для просвѣщенія своего народа.

539) Въ духѣ Евгенья они. — Евгеній, таврическій архіепископъ, весьма ученый мужъ, который перевелъ Виргилія на греческій языкъ, и множество сочинилъ весьма ученыхъ книгъ, которыя на разныхъ языкахъ напечатаны иждивеніемъ также помянутыхъ Зосимовъ.

540) Чтожъ воспрещалъ ты брамину. — Г. Лабзинъ въ 1803 г. писалъ къ автору посланіе въ стихахъ подъ именемъ брамина (въ то самое время какъ написана имъ была вышепомянутая эпистола къ Царевичу Хлору), въ которомъ Лабзинъ шуточнымъ образомъ изъяснялъ, что напрасно Лапландцамъ говорить о красотахъ солнца, или правду тѣмъ, которые того понять не въ состояніи; то здѣсь авторъ, напротивъ, ему доказываетъ, что поэта долгъ говорить единственно правду.

541) Долгъ Саламандра жечь. — Вышесказанный Саламандръ есть вымышленный звѣрь, дышащій и живущій въ огнѣ.

NB. Сюда принадлежитъ ода на тильзитскій миръ къ императрицамъ посланная, но императору неугодно было, чтобы она была извѣстна [1].

LXXIX. ЛЕБЕДЬ [2]. Подражаніе Горацію, одѣ 20 книги II, писано въ Пб. 1804, напеч. 1808.

542) Не задержусь въ вратахъ мытарствъ. — Какъ у католиковъ признается чистилище, — въ грекороссійской церкви мытарства или заставы, изъ духовъ состоящія, гдѣ умершія души должны дать отчетъ въ злыхъ и добрыхъ своихъ дѣлахъ добрымъ и злымъ духамъ по имѣющимся у нихъ записнымъ тетрадямъ. *Въ двоякомъ образѣ нетлѣнный*, т. е. по безсмертной душѣ и по сочиненіямъ.

543) Средь звѣздъ не превращусь я въ прахъ. — Средь звѣздъ, или орденовъ совсѣмъ не сгнію такъ, какъ другіе.

544) Чтобы услышать Богу пѣснь. — Здѣсь авторъ разумѣетъ оду *Богъ*, имъ написанную.

545) Съ Курильскихъ острововъ до Буга и проч. — Сими пограничными живыми урочищами, т. е. рѣкою Бугомъ, Курильскими островами, Бѣлымъ и Каспійскимъ моремъ означается ширина и длина Россійской имперіи.

546) Славяне, Гунны, Скиѳы, Чудь. — Древніе народы, изъ коихъ русскій народъ составился.

547) И, проповѣдуя миръ міру, Себя всѣхъ счастьемъ веселилъ. — Сими двумя стихами означаетъ авторъ, что онъ сочинилъ миролюбивыя правила третейскаго совѣстнаго суда, которыя хотя императоромъ Александромъ были благосклонно приняты во время его отправленія должности министра юстиціи, но чрезъ пронырство его завистниковъ въ свѣтъ не вышли [3].

[1] Т. II, 658. [2] Т. II, 498. [3] Ср. выше ч. II, № XXXV, прим. 241.

ЧАСТЬ III.

I. ПРИНОШЕНІЕ КРАСАВИЦАМЪ[1]. Сіи анакреонтическія пѣсни написаны въ угожденіе второй жены автора, къ чему поданъ поводъ былъ недостаткомъ денегъ: она скучала, что не было оныхъ на отдѣлку сада въ петербургскомъ домѣ. Онъ шутя отвѣчалъ, что ему дадутъ ихъ музы, и началъ сіи пѣсни; вслѣдствіе чего и *Приношеніе* имъ сдѣлано женѣ его и прочимъ красавицамъ. Напеч. въ первый разъ 1804.

II. НА РОЖДЕНІЕ ВЪ СѢВЕРѢ ПОРФИРОРОДНАГО ОТРОКА[2]. Сіе аллегорическое сочиненіе относится ко дню рожденія государя императора Александра Павловича, случившагося декабря 12 дня, въ которомъ солнце оборачивается на весну. Хотя на тотъ случай была сочинена авторомъ ода и въ 1777 г., т. е. въ самый годъ рожденія его величества; но какъ въ не соотвѣтственомъ дару автора вкусѣ, а въ Ломоносовскомъ, къ чему онъ чувствовалъ себя неспособнымъ, то та ода въ сочиненіяхъ его и не напечатана, а сія написана послѣ, года три спустя, т. е. въ 1780 г. Напечатана въ первый разъ въ *Вѣстникѣ*[3], потомъ въ первомъ изданіи въ Москвѣ 1798; въ третій разъ въ *Анакреонтическихъ пѣсняхъ* 1804, въ четвертый 1808 года.

Къ началу: Купидонъ, сдѣлавъ изъ лука своего лодку, изъ факела мачту, изъ повязки парусъ, изъ стрѣлъ веслы, поддерживаемъ бывъ голубями, ѣдетъ въ свой путь[4]. — Къ концу нужна программа.

III. АМУРЪ И ПСИХЕЯ[5]. Соч. въ Царскомъ Селѣ 1793 при случаѣ сговора великаго князя Александра Павловича съ великою княжной Елисаветой Алексѣевной въ маѣ мѣсяцѣ, когда они, играя съ придворными и съ великою княжною запутались такъ лентами ненарочно, что принуждены нашлись разрѣзывать. На сію оду въ то же время сдѣланъ былъ голосъ придворнымъ музыкантомъ Пашкевичемъ и играна и пѣта предъ императрицей Екатериной на Колоннадѣ. Напеч. въ первый разъ[6] въ московскомъ изданіи 1798 (изъ котораго перенесено въ третью часть единственно для легкаго слога, какъ эротическая пѣснь), во второй разъ 1804, а въ третій 1808.

IV. КЪ ГРАЦІЯМЪ[7]. Соч. въ Царскомъ Селѣ 1793 г. по случаю бывшихъ баловъ на Колоннадѣ предъ императрицею, въ которыхъ танцовали съ придворными великіе князья и княжны. Напеч. въ первый разъ 1798, во второй 1804, въ третій 1808.

V. ХАРИТЫ[8]. Соч. въ Пб. на русскую пляску великихъ княгинь Але-

[1] Т. II, 364. [2] Т. I, 81.

[3] Въ *С-петерб. Вѣстникѣ*, откуда перепеч. въ *Собесѣдникѣ*.

[4] Эта виньетка въ изданіи 1808 г. приложена въ видѣ фронтисписа къ 3-ей части передъ № 1, а у насъ воспроизведена въ настоящемъ Томѣ, см. выше стр. 368. Въ I-мъ же Томѣ при одѣ *На рожденіе порфиророднаго отрока* помѣщена другая по рисунку Оленина.

[5] Т. I, 538. [6] Невѣрно, см. тамъ же. [7] Т. I, 521. [8] Т. I, 718.

ксандры и Елены Павловнъ, бывшую въ тронной залѣ въ первый день святокъ 1795 г. 25 декабря. Напеч. въ первый разъ[1] 1804, во второй 1808.

VI. ПОБѢДА КРАСОТЫ[2]. Соч. въ Пб. на случай извѣстнаго сговора в. к. Александры Павловны съ Густавомъ (который по несчастію не совершился), въ 1796 г. Напеч. въ первый разъ 1798, во второй 1804, въ третій 1808. Надо справиться, гдѣ напечатано въ первый разъ[3].

VII. КЪ МУЗѢ[4]. Соч. въ Пб. на коронацію императора Павла I 1797 апрѣля 5, въ день Свѣтлаго воскресенія. Напеч. въ первый разъ[5] 1804, во второй въ 1808 году.

VIII. ПРИШЕСТВІЕ ФЕБА[6]. Соч. въ Пб. на возвращеніе его величества изъ Москвы въ томъ же году мая дня; подражаніе Діонисію сиракузскому. Напеч. въ первый разъ въ 1804, а во второй 1808[7].

IX. ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЕСНЫ[8]. Соч. въ Пб. на случай пріѣзда императрицы Маріи Ѳеодоровны изъ Москвы въ дѣвичій монастырь въ томъ же году мая дня.

X. НА ПРАЗДНИКЪ ВОСПИТАННИЦЪ ДѢВИЧЬЯГО МОНАСТЫРЯ[9]. Соч. въ Пб. на день рожденія[10] ея величества 1797, іюля 22 дня. Напеч. въ первый разъ на особыхъ листкахъ.

XI. РАЗВАЛИНЫ[11]. Соч. въ Пб. 1797; аллегорическое описаніе, подъ образомъ острова Кипра, опустѣвшаго Царскаго Села, а подъ именемъ Киприды императрицы Екатерины. Напеч. въ первый разъ на особенныхъ листкахъ въ Саксоніи графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ, который высланъ былъ тогда изъ Россіи императоромъ Павломъ.

XII. РОЖДЕНІЕ ЛЮБВИ[12]. Соч. въ Павловскѣ на случай рожденія великой княжны Маріи Александровны въ 1799, мая дня.

XIII. НА БРАЧНЫЯ ТОРЖЕСТВА[13]. Соч. въ Гатчинѣ на бракъ великихъ княженъ Александры и Елены Павловнъ въ Гатчинѣ 1799 октября 12 и 19 дня.

XIV. ЯВЛЕНІЕ АПОЛЛОНА И ДАФНЫ НА НЕВСКОМЪ БЕРЕГУ[14]. Соч. въ Пб. на прогулку по невскому берегу государя императора Александра Павловича и императрицы Елисаветы Алексѣевны 1801 года мая дня.

[1] «Освѣдомиться, гдѣ напечатано въ первый разъ» (Прим. Держ.). — См. указанную нами страницу Тома I.

[2] Т. I, 753. [3] Въ изд. 1798 г. [4] Т. II, 56. [5] Въ *Аонидахъ*. [6] Т. II, 59.

[7] Такъ какъ, начиная отсюда, это указаніе о времени напечатанія стиховъ повторяется почти при каждой пьесѣ, то мы будемъ пропускать его, отсылая читателя къ мѣсту, гдѣ стихотвореніе встрѣчается въ нашемъ изданіи и гдѣ можно найти всѣ подобныя указанія.

[8] Т. II, 64. [9] Т. II. 77. [10] Ангела. [11] Т. II, 92. [12] Т. II, 254. [13] Т. II, 300. [14] Т. II, 379.

1) Знича чтилъ въ нихъ и Зимстерлу. — Зничъ, славянское божество, — солнце или май; а Зимстерла — весна.

XV. ВѢНЧАНІЕ ЛЕЛЯ[1]. Соч. въ Москвѣ; аллегорическое описаніе коронаціи императора Александра I 1801, 15 сентября.

XVI. БЕСѢДА СЪ ГЕНІЕМЪ[2]. Соч. въ Пб. на случай призыва автора его величествомъ и порученія ему калужскаго дѣла 1801, ноября 23 дня.

XVII. МЕЧТА[3]. Соч. въ Пб. на сговоръ автора со второю его женою 1794.

XVIII. КЪ АНЖЕЛИКѢ КАУФМАНЪ[4]. Соч. въ Пб. на бракъ ихъ 1795 года, января 30 дня. Здѣсь описывается портретъ второй жены автора и отнесенъ потому на имя Кауфманъ, что сія живописица писала обыкновенно фигуры свои высокія и стройныя съ греческими лицами, какова была та, которой упомянуть образованіе[5].

XIX. АНАКРЕОНЪ ВЪ СОБРАНІИ[6]. Соч. въ Пб. на любовныя исканія князя Потемкина Таврическаго, во время торжества его, бывшаго въ томъ домѣ, что нынѣ Таврическій дворецъ, 1791 апрѣля дня. Сія ода находится и въ описаніи того торжества, но сюда присовокуплена какъ эротическая пѣснь.

2) То на ту, то на иную и проч. — Сіи стихи изображаютъ, что кн. Потемкинъ многимъ дѣлалъ тогда любовныя привѣтствія.

XX. СПЯЩІЙ ЭРОТЪ[7]. Соч. въ Пб. на оперу, игранную дѣтьми княгини Татьяны Васильевны Юсупувой 1795 г.; первая половина переведена изъ Платона, другая прибавлена авторомъ.

XXI. КЪ ЛИРѢ[8]. Соч. въ Пб.: похвала Румянцову и Суворову, когда первый скончался, а второй находился подъ гнѣвомъ императора въ его деревнѣ, въ 1797 г. ноября дня. Ода сія — подражаніе Анакреону.

XXII. КЪ САМОМУ СЕБѢ[9]. Соч. въ Пб. 1798.

3) И царямъ сулятъ доходъ. — Разныя дѣлали гг. министры проекты ко умноженію доходовъ и получали подарки отъ императора, какъ-то: князь Куракинъ, заемный 25-и лѣтній банкъ купонами, а между тѣмъ разбирали по себѣ казенныя земли; то авторъ, будучи тогда сенаторомъ и видя сіе корыстолюбіе, написалъ въ шутку сію пѣснь.

XXIII. ПОТОПЛЕНІЕ[10]. Соч. въ Пб. на потопленіе Ѳ. М. Дубянскаго 1796 г.

4) *Примѣчаніе.* Въ изданіи 1804 г. напечатано было:

Онъ пошелъ какъ ключъ ко дну. — Простонародная пословица, изображающая, что ключи падаютъ на дно. Но какъ это не изображаетъ той мысли, которую авторъ имѣлъ, — для того онъ сей стихъ и переправилъ.

[1] Т. II, 375. [2] Т. II, 389. [3] Т. I, 588. [4] Т. I, 662.
[5] Неясность или пропускъ въ рукописи. [6] Т. I, 420.
[7] Т. I, 679. [8] Т. I, 598. [9] Т. II, 176. [10] Т. I, 750.

XXIV. НА БРАКЪ ГРАФИНИ ДЕ ЛИТТЫ[1]. Соч. въ Пб. 1798 г. октября дня.

5) Въ полукрасѣ своихъ лучей. — Въ срединѣ своего вѣка, лѣтъ 30-и.

6) Когда подпоры лишена. — Лишилась перваго мужа, графа Скавронскаго; урожденная была Энгельгардова.

7) Свой поясъ Марсу отдала. — Графъ Литта мальтійскій былъ кавалеръ.

XXV. КЪ СОФІИ[2]. Соч. въ Пб. 1795 графинѣ Строгановой, урожденной Голицыной.

XXVI. КРЕЗОВЪ ЭРОТЪ[3]. Соч. въ Пб. 1796. Таковой Эротъ былъ изображенъ въ домѣ князя А. А. Безбородко, огражденный стрѣлами.

XXVII. КЪ ЕВТЕРПѢ[4]. Соч. въ Пб. на случай частаго посѣщенія княземъ Таврическимъ Потемкинымъ Марьи Львовны Нарышкиной, которая послѣ замужемъ была за княземъ Любомирскимъ и которая пѣла и играла на арфѣ. Напечатано въ 1804 и 1808.

8) Пой, Евтерпа дорогая. — Муза пѣсней или оперы.

9) Горемъ быть богатыремъ. — Смотри примѣчаніе въ первой части на *Горе Богатыря*[5]. Нужны программы.

XXVIII. АНАКРЕОНЪ У ПЕЧКИ[6]. Соч. въ Пб.; экспромптъ во время игранія на арфѣ Марьи Львовны Нарышкиной 1795.

10) Случись Анакреону. — Подъ Анакреономъ авторъ разумѣлъ себя.

XXIX. ПЧЕЛКА[7]. Соч. въ Пб. 1796.

XXX. ГЕРКУЛЕСЪ[8]. Соч. въ Пб. 1798.

11) Геркулесъ пришелъ Данаю и проч. — Подъ именемъ Данаи разумѣется здѣсь просто Гречанка.

XXXI. ЛЮСИ[9]. Соч. въ Пб. воспитанницѣ графини Стейнбоковой 1797.

12) О, ты Люсинька любезна. — Люсинька, или Елисавета. Сія ода почти переводъ оды Анакреоновой.

XXXII. БОЙ[10]. Соч. въ Пб. 1796; послѣднія строки — подражаніе Анакреоновой одѣ.

XXXIII. КУПИДОНЪ[11]. Соч. въ Пб. 1797; подражаніе 3-й анакреонтической одѣ.

XXXIV. ГОРЮЧІЙ КЛЮЧЪ[12]. Соч. въ Пб. 1797; древній греческій переводъ.

Къ началу: Новую сію и восхитительную мысль не смѣлъ и не хотѣлъ художникъ преобразить иносказательнымъ смысломъ; а старался, елико можно, сдѣлать портретъ стихотворческаго смысла, представя Нимфу

[1] Т. II, 198. [2] Т. I, 374. [3] Т. I, 778. [4] Т. I, 300.
[5] См. выше стр. 625. [6] Т. I, 682. [7] Т. I, 780. [8] Т. II, 179.
[9] Т. II, 113. [10] Т. I, 782. [11] Т. II, 73. [12] Т. II, 128.

испуганную и отвращающуюся отъ чудеснаго дѣйствія пылающихъ водъ, коими уповала она потушить пламя ея. На второмъ планѣ виденъ кипарисный лѣсъ, и слѣдствія чудеснаго происшествія невеселую представляютъ перспективу.

Къ концу: Любимый по видимому сосудъ молодой Нимфы, поелику обвитъ онъ цвѣтами, опрокинутъ будучи вмѣсто чистыхъ водъ, цѣлыя тучи ѣдкаго дыма извергаетъ ... и горе! кто усмотритъ состояніе? — кто сбережетъ цѣлость сосуда скудельнаго?

XXXV. КЪ ЖЕНЩИНАМЪ[1]. Соч. въ Пб. 1797; подражаніе 2-й анакреонтической одѣ.

XXXVI. СОЛОВЕЙ ВО СНѢ[2]. Соч. въ Пб. 1797.

XXXVII. ВЕНЕРИНЪ СУДЪ[3]. Соч. въ Пб. 1797; подражаніе 40-й Анакреоновой одѣ.

Къ началу: Здѣсь повторено и въ лицахъ то же дѣйствіе, котораго въ одѣ стихотворецъ нравственную изобразилъ картину, съ тою только разницею, что Венера, отсылающая Купидона съ мелочною жалобою, показываетъ ему жертву пораженія его несравненно важнѣйшую.

Къ концу: Эротова стрѣла, на концѣ только своемъ пріятности несущая, сгараетъ въ основаніи ея; и послѣдующій отъ пламени дымъ составляетъ ѣдкое облако, равно бѣдственное для поразителей и пораженнаго. Тлѣющая ея стрѣла дымомъ своимъ и пчелѣ къ спасенію путь заграждаетъ.

XXXVIII. РОЖДЕНІЕ КРАСОТЫ[4]. Соч. въ Пб. 1797.

XXXIX. СКРОМНОСТЬ[5]. Соч. въ Пб. 1795[6]; подражаніе г. Метастазію.

XL. ДАРЪ[7]. Соч. 1797 г.

XLI. ЖЕЛАНІЕ[8]. Соч. въ Пб. 1797; относится къ второй женѣ автора.

XLII. ГОСТЮ[9]. Соч въ Пб. 1794 или 95 на случай посѣщенія автора П. Л. Вельяминовымъ.

11) Въ семъ тонкомъ пологу перловомъ И въ зеркалахъ вокругъ усни. — Въ петербургскомъ домѣ автора была комната съ диваномъ, въ которомъ серпянная палатка уставлена была зеркалами.

XLIII. ДРУГУ[10]. Соч. въ Пб. 1796 на прогулку въ саду Н. А. Львова, на дачѣ, что близъ Невскаго монастыря.

12) Густыми купами стоятъ. — Деревья на сей дачѣ сажали сами друзья Николая Александровича, какъ-то: самъ авторъ, Хемницеръ, Капнистъ, Вельяминовъ, Марья Алексѣевна (жена Львова) и Екатерина Яковлевна Державина.

13) Пусть Даша статна, черноока и проч. — Горничныя дѣвушки Николая Александровича.

XLIV. ПАРАШѢ[11]. Соч. въ Гатчинѣ 1798 на любовное исканіе П. А. Нилова, Прасковьѣ Михайловнѣ Бакуниной.

[1] Т. II, 123. [2] Т. II, 126. [3] Т. II, 131. [4] Т. II, 118.
[5] Т. I, 446. [6] Невѣрно, см. тамъ же. [7] Т. II, 90.
[8] Т. II, 102. [9] Т. I, 670. [10] Т. I, 673. [11] Т. II, 184.

XLV. ПИРРѢ[1]. Соч. въ Пб. 1804; переводъ Гораціевой оды...

14) Спустила прядь своихъ волосъ. — Въ сіе время модная прическа женщинъ, что спускали прядями волосы на лицо.

XLVI. БОГАТСТВО[2]. Соч. въ Пб. 1798. Переводъ 23 оды Анакреона.

XLVII. ПОРТРЕТЪ ВАРЮШИ[3]. Соч. въ Пб. 1797 Варварѣ Михайловнѣ Бакуниной.

XLVIII. ГОРЫ[4]. Соч. въ селѣ Горы графа Соллогуба, въ Бѣлоруссіи, по случаю бытія тамъ авторова по именному указу въ 1799 г. для слѣдствія въ деревнѣ Березятнѣ, графу Поте принадлежащей, и когда въ одинъ день ночью авторъ возвращался изъ Березятни въ домъ г-жи Соллогубовой, то дочь ея, что нынѣ княгиня Голицына, изъ шутки перерядясь въ жидовское платье, поднесла автору нѣсколько стрѣляныхъ бекасовъ.

XLIX. ГОРКИ[5]. Соч. въ селѣ Горкахъ г-жи Соллогубовой, недалеко отъ Горъ, по случаю торжествованія тамъ рожденія матери ея Марины Осиповны Нарышкиной, въ томъ же году въ іюлѣ мѣсяцѣ.

15) Пиры забавы, — ѣсть и пить. — Извѣстно, что Л. А. Нарышкинъ охотникъ былъ угощать всякаго рода людей.

L. ВИША[6]. Соч. въ Вишѣ (маленькой деревнѣ г. Жуковскаго, въ Бѣлоруссіи находящейся, недалеко отъ Горъ), гдѣ авторъ угащиванъ былъ въ 1799.

LI. МЕЛЬНИКЪ[7]. Соч. въ Горахъ 1799 для Ѳ. М. Колокольцова, въ шутку.

LII. ПТИЦЕЛОВЪ[8]. Соч. въ Пб. въ 1800.

16) ...гуню вздѣлъ худую. — Гуня, простонародное названіе худаго крестьянскаго платья.

LIII. СТРѢЛОКЪ[9]. Соч. въ Пб. 1795 для А. Л. Щербачева, бывшаго сенатора и кавалера, человѣка весьма роскошнаго.

LIV. ПѢНОЧКА[10]. Соч. въ Пб. 1799 г. во снѣ и положена на бумагу тотчасъ, какъ проснулся.

LV. РУССКІЯ ДѢВУШКИ[11]. Соч. въ Пб. 1799.

LVI. ПѢСНЬ БАЯРДА[12]. Соч. въ Пб. 1799 по случаю оперы, игранной предъ императоромъ Павломъ I.

LVII. ВАРЮША[13]. Соч. въ Пб. въ 1799 Варварѣ Михайловнѣ Бакуниной.

Нужны программы.

LVIII. АРФА[14]. Соч. на Званкѣ 1798 Пелагеѣ Михайловнѣ Бакуниной.

[1] Т. II, 515. [2] Т. II, 182. [3] Т. II, 187. [4] Т. II, 258.
[5] Т. II, 256. [6] Т. II, 260. [7] Т. II, 264. [8] Т. II, 353.
[9] Т. II, 237. [10] Т. II, 243. [11] Т. II, 245. [12] Т. II, 248.
[13] Т. II, 251. [14] Т. II, 189.

17) **Какъ время катится въ Казани золотое.** — Потому что тогда императоръ Павелъ посѣщалъ Казань.

18) **Васъ, дубы камскіе, отъ времени почтенны и проч.** — На Волгѣ и на Камѣ находятся огромныя заповѣдныя дубовыя рощи для построенія кораблей.

19) **И гробы обнимать родителей священны.** — Въ казанскомъ уѣздѣ[1] въ селѣ Егорьевѣ находится кладбище рода Державина.

LIX. НА РАЗЛУКУ[2]. Соч. въ Пб. въ 1802 по случаю отъѣзда Пелагеи Михайловны Бакуниной; въ шутку писано. Напеч. 1808.

20) **Мурзой, Милордомъ и котомъ.** — Мурзой авторъ себя разумѣетъ; Милордомъ назывался прекрасный пудель его, а котъ Ангола — всегдашній ихъ въ домашнемъ быту собесѣдникъ.

LX. ЦЫГАНСКАЯ ПЛЯСКА[3]. Соч. въ Пб. 1805 или 6 для И. И. Дмитріева по случаю его отвѣта автору на оду *Лѣто*, помѣщенную во 2-й части[4], въ которой онъ жаловался, что московскія цыганки мѣшаютъ ему криками своими въ Маріиной рощѣ упражняться въ стихотвореніи. Напеч. 1808.

21) **Да вопль твой эвоа! ужасный.** — Извѣстный припѣвъ или восклицаніе древнихъ Вакханокъ при ихъ пьянственныхъ играхъ.

22) **И нѣжнаго пѣвца.** — И. И. Дмитріевъ упражнялся въ пѣсняхъ нѣжнаго рода, въ басняхъ и сказкахъ.

LXI. ЦѢПИ[5]. Соч. на Званкѣ 1797 по случаю потери Анной Михайловной Бакуниной золотой цѣпочки во время ѣзды ея на Званку.

LXII. ПРИЗЫВАНІЕ И ЯВЛЕНІЕ ПЛѢНИРЫ[6]. Соч. въ Пб. въ 1797 въ іюлѣ мѣсяцѣ по случаю, что на другой день смерти первой жены его, лежа на диванѣ, проснувшись поутру, видѣлъ, что изъ дверей буфета течетъ къ нему бѣлый туманъ и ложится на него, потомъ какъ будто чувствовалъ ласканіе около его сердца неизвѣстнаго какого-то духа.

LXIII. САФО[7]. Соч. въ Пб. 1797; переводъ извѣстной 1 оды Сафо. На музыку положено Буланомъ.

LXIV. САФѢ[8]. Соч. въ Пб. 1794; изображеніе горести автора по смерти первой жены его 15 іюля.

LXV. ТОНЧІЮ[9]. Соч. въ Пб. — Программа для портрета автора, данная сему живописцу 1801 ноября дня. — По случаю спора, что иные совѣтовали ему написать въ мундирѣ и во всѣхъ орденахъ, а другіе — по примѣру антиковъ, безъ всякихъ украшеній, каковъ онъ въ самомъ дѣлѣ, живописецъ о семъ просилъ разрѣшенія автора, который, чтобъ удовлетворить и ту и другую сторону спорильщиковъ, велѣлъ представить себя такъ, какъ въ сей одѣ онъ описанъ.

[1] Нынѣ въ лаишевскомъ. [2] Т. II, 395. [3] Т. II, 547.
[4] См. выше ч. II, № LVI. [5] Т. II, 195. [6] Т. I, 584.
[7] Т. II, 39. [8] Т. I, 581. [9] Т. II, 397.

23) Но тога ль... — Плащъ, или мантія сенаторовъ римскихъ.

24) Чтобъ шелъ природой лишь водимъ и проч. — Сими стихами авторъ хотѣлъ изобразить, первое: что онъ безъ всякихъ почти наукъ, одной природою сталъ поэтомъ; второе: что въ службѣ своей многія имѣлъ препятствія, но характеромъ своимъ безъ всякаго покровительства ихъ преодолѣвалъ.

25) ... и ласковъ для дѣтей, Лишь въ должности судилъ я строго. — Авторъ любилъ дѣтей и по должности былъ взыскателенъ.

LXVI. ПИКНИКИ[1]. Соч. въ Пб. 1776 по случаю бывшихъ пикниковъ у А. П. Мильгунова, на которые собирались къ нему въ назначенныя мѣста за городомъ, на островахъ или въ садахъ, молодые офицеры и дамы, въ которыхъ и авторъ участвовалъ.

LXVII. РАЗНЫЯ ВИНА[2]. Соч. въ Пб. 1782; писано безъ всякой цѣли для молодыхъ людей.

LXVIII. ФИЛОСОФЫ ПЬЯНЫЙ И ТРЕЗВЫЙ[3]. Образъ мыслей Аристипа и Аристида. Соч. въ Пб. 1789 безъ всякой цѣли.

Напеч. въ *Московскомъ журналѣ* въ томъ же или въ послѣдующемъ годѣ.

LXIX. ЗАЗДРАВНЫЙ ОРЕЛЪ[4]. Застольная пѣснь воиновъ, писанная въ память фельдмаршаламъ Суворову и Румянцову 1795.

LXX. ГОЛУБКА[5]. Соч. въ Пб. 1801. Подражаніе 9-й Анакреоновой одѣ по случаю тогдашняго мнѣнія императора Александра, чтобъ вольность дать крестьянамъ.

LXXI. ЛИЗѢ. ПОХВАЛА РОЗѢ[6]. Соч. на Званкѣ 1802 въ честь племянницѣ автора Елисаветѣ Николаевнѣ Львовой. Подражаніе Анакреоновой 53-й одѣ.

Примѣчаніе. Музыка должна быть для гитары и разложена такъ, чтобъ послѣ каждаго куплета были припѣвомъ сіи четыре стиха: «Лиза, другъ мой милый, юный! Розѣ гласъ свой посвящай, На гитарѣ тихострунной Пѣснь мою сопровождай».

LXXII. АНАКРЕОНОВО УДОВОЛЬСТВІЕ[7]. Соч. на Званкѣ 1802; подражаніе Анакреоновой 36-й одѣ.

LXXIII. ХМЕЛЬ[8]. Соч. въ Званкѣ 1802. Подражаніе его 26-й одѣ.

LXXIV. МОРЕХОДЕЦЪ[9]. Соч. на Званкѣ 1802.

LXXV. МАХІАВЕЛЬ[10]. На Званкѣ 1802. Писано по случаю примѣченныхъ авторомъ принятыхъ сего писателя правилъ.

LXXVI. ГРАФИНѢ ОРЛОВОЙ[11]. Соч. въ Москвѣ 1801 дочери графа Алексѣя Григорьевича Орлова, по случаю ея пріятной пляски (французскаго танца) въ сентябрѣ.

[1] Т. I, 41. [2] Т. I, 126. [3] Т. I, 260. [4] Т. I, 712. [5] Т. II, 391. [6] Т. II, 418. [7] Т. II, 441. [8] Т. II, 439. [9] Т. II, 443. [10] Т. II, 445. [11] Т. II, 387.

LXXVII. ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖИЗНЬ[1]. Соч. на Званкѣ 1802.

26) Богатъ, коль Лель и Лада Мнѣ дружен и Усладъ. — Славянскія божества: Лель — Амуръ, Лада — Венера, Усладъ — Бахусъ.

LXXVIII. ОХОТНИКЪ[2]. На Званкѣ 1802 Михайлѣ Петровичу Яхонтову.

27) На бѣлянку и смуглянку. — Г. Яхонтовъ увидѣлъ двухъ дѣвицъ, пріѣхавъ въ гости къ автору, влюбился — и посему случаю пѣснь сія сочинена.

LXXIX. ОБЪЯВЛЕНІЕ ЛЮБВИ[3]. Соч. въ 1770 въ Пб.

LXXX. ПЛАМИДА[4]. Соч. въ Пб. 1770.

LXXXI. ВСЕМИЛѢ[5]. Соч. 1770 въ Пб.

LXXXII. НИНѢ[6]. Соч. 1770 въ Пб. Подражательный отрывокъ 29-й оды Клопштока.

LXXXIII. КРУЖКА[7]. Соч. въ Пб. 1777; застольная пѣснь граждан. Напеч. въ первый разъ въ *С-петербургскомъ Вѣстникѣ* 1778[8], потомъ въ I-й части 1798[9], потомъ 1804 и 1808. Музыка г. Трутовскаго, придворнаго гуслиста.

28) Гдѣ вистъ да банкъ, да макао. — Сіи карточныя игры въ великомъ были въ томъ году употребленіи.

29) Съ гренками пивомъ пѣнна кружка. — Граждан-гулякъ обыкновенная пріятельская попойка изъ старинныхъ серебряныхъ кружекъ, наполненныхъ сушенымъ хлѣбомъ съ лимонною коркою и налитыхъ пополамъ англійскимъ и русскимъ пивомъ.

LXXXIV. ГИМНЪ САФЫ ВЕНЕРѢ[10]. Соч. въ Пб. 1800. Переводъ извѣстной 2-й ея оды оставшейся.

LXXXV. ТИШИНА[11]. Писана на Званкѣ 1801.

LXXXVI. ВНИМАНІЕ[12]. Соч. въ Пб. 1804 по просьбѣ Натальи Яковлевны Плюсковой.

LXXXVII. ГИТАРА[13]. Соч. въ Пб. 1800 Авдотьѣ Семеновнѣ Жегулевой, что нынѣ Ершова.

LXXXVIII. ШУТОЧНОЕ ЖЕЛАНІЕ[14]. Соч. въ Пб. 1802.

LXXXIX. БАБОЧКА[15]. Соч. въ Пб. 1802.

XC. КУЗНЕЧИКЪ[16]. Соч. въ Пб. 1802; подражаніе Анакреону.

XCI. ЛЮБУШКѢ[17]. Соч. въ Пб. 1802; частью подражаніе Анакреону.

XCII. СТАРИКЪ[18]. Соч. въ Пб. 1802. Переводъ Анакреона.

XCIII. ПЛѢННИКЪ[19]. Соч. въ Пб. 1802. Переводъ Анакреона.

[1] Т. II, 447. [2] Т. II, 427. [3] Т. I, 1. [4] Т. I, 3. [5] Т. I, 5.
[6] Т. I, 7. [7] Т. I, 46. [8] 1780. [9] Невѣрно, см. тамъ же.
[10] Т. II, 349. [11] Т. II, 367. [12] Т. II, 503. [13] Т. II, 342.
[14] Т. II, 433. [15] Т. II, 437. [16] Т. II, 424. [17] Т. II, 431.
[18] Т. II, 435. [19] Т. II, 429.

XCIV. ФАЛКОНЕТОВЪ КУПИДОНЪ[1]. Соч. въ Пб. 1804.

XCV. СВОБОДА[2]. Соч. въ Пб. 1803 октября 8 числа; относится на отставку изъ службы автора.

30) На высокомъ вдругъ холму. — Сія ода вся аллегорическая, которой подлинный смыслъ есть тотъ, что авторъ былъ на высокомъ холму, т. е. въ высокомъ чинѣ, и носилъ на плечахъ холмъ, т. е. должность тяжелую генералъ-прокурора, что, сдѣлавъ ему огорченіе, предлагали ему остаться въ совѣтѣ и въ сенатѣ, обѣщая ему оставить министерское жалованье и дать андреевскую ленту; но онъ отказалъ, сказавъ самому императору, что онъ въ сенатѣ его не услышитъ, а въ совѣтѣ не увидитъ, когда надобно мѣнять справедливость на чьи-нибудь прихоти, и что тогда хорошо служить, когда гладки воды не могутъ колебать непогоды, т. е. законы нарушать пристрастіе.

XCVI. НА ПАСТУШІЙ БАЛЕТЪ[3]. Соч. въ Пб. 1804 ноября мѣсяца по случаю представленнаго при дворѣ пастушьяго балета.

XCVII. МЩЕНІЕ[4]. Соч. на Званкѣ 1805. Непеч. 1808[5]. Переводъ изъ греческой Антологіи.

XCVIII. ЧЕЧОТКА[6]. Соч. на Званкѣ 1805.

XCIX. РАСПУСКАЮЩАЯСЯ РОЗА[7]. Соч. въ Пб. 1807; передѣланный авторомъ переводъ съ французскаго, графа Вьельгорскаго.

C. ЦѢПОЧКА[8]. Писано на Званкѣ 1808; переводъ съ нѣмецкаго.

CI. ВѢЕРЪ[9]. Писано въ Пб. 1780[10].

CII. КЪ МАТЕРИ, КОТОРАЯ САМА ВОСПИТЫВАЕТЪ ДѢТЕЙ СВОИХЪ[11]. Соч. въ Пб. 1804 княгинѣ Татьянѣ Васильевнѣ Юсуповой для ея албаума.

CIII. КЪ ДОБРОДѢТЕЛЬНОЙ КРАСАВИЦѢ[12]. Соч. въ Пб. 1804.

CIV. СОЛОМОНЪ И СУЛАМИТА[13]. Соч. въ Пб. 1808; изъ пѣсней Соломона.

[1] Т. II, 512. [2] Т. II, 457. [3] Т. II, 518. [4] Т. II, 550.

[5] Начиная отсюда, это показаніе о напечатаніи стиховъ только въ изданіи 1808 повторяется почти при всѣхъ объясняемыхъ пьесахъ и потому далѣе не приводится нами.

[6] Т. II, 552. [7] Т. II, 600. [8] Т. II, 618. [9] Т. II, 269.

[10] Невѣрно: см. тамъ же и Т. II, стр. 722. Время сочиненія этой пьески остается сомнительнымъ.

[11] Т. II, 619. Въ нашемъ изданіи эта пьеса помѣщена подъ 1807 годомъ вслѣдствіе поправки, сдѣланной въ тетради *Объясненій* карандашемъ; но судя по мѣсту, гдѣ стихи эти встрѣчаются въ рукописи, первоначальное показаніе Державина оказывается вѣрнымъ.

[12] Т. II, 620. Предыдущее примѣчаніе относится и сюда.

[13] Т. II, 621.

CV. САФЫ ВТОРОЙ ПЕРЕВОДЪ[1]. Соч. въ Пб. 1770.

Примѣчаніе: Какъ сей переводъ съ Буало, а не съ греческаго, то и былъ въ изданіи 1804 не напечатанъ; напечатанный же тамъ былъ послѣ переведенъ съ греческаго, который ближе къ подлиннику по краткости своей и силѣ. Но послѣ автору разсудилось въ семъ изданіи и тотъ и другой напечатать для сравненія, что французскій языкъ не можетъ имѣть той силы въ короткихъ изъясненіяхъ, какъ греческій; но русскимъ доказывается противное, что̀ видно изъ втораго перевода подъ № LXIII.

CVI. ПЕНИ[2]. Соч. въ Пб. 1772 по просьбѣ одной госпожи.

CVII. НЕВѢСТѢ[3]. Соч. въ Пб. 1778 на сговоръ автора съ первой женой его.

CVIII. ПРЕПЯТСТВІЕ КЪ СВИДАНІЮ СЪ СУПРУГОЮ[4]. Въ томъ же году, въ ноябрѣ, когда авторъ возвращался изъ оренбургской деревни въ Казань, гдѣ его была супруга, и рѣка Кама препятствовала къ продолженію пути его, не становясь долго.

CIX. ДѢТЯМЪ НА КОМЕДІЮ ИХЪ И МАСКАРАДЪ[5]. Соч. въ Пб. 1808 Ѳедору Петровичу Львову.

CX. НА БАЛЕТЪ ЗЕФИРЪ И ФЛОРА[6]. Соч. въ Пб. 1808 въ то самое время, какъ сей славный балетъ былъ представленъ въ Эрмитажѣ.

31) Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ. — Шведенбургъ въ своихъ сочиненіяхъ описываетъ ангельскія іерархіи подобно какъ города, гдѣ домы и сады, въ коихъ духи живутъ и забавляются.

32) Какъ гармонія вокругъ. — Онъ говоритъ, что ангельскіе разговоры слышатся какъ тихая гармонія музыки.

CXI. МОИ ГРАЦИ[7]. Соч. въ Пб. 1807 въ Свѣтлое воскресенье и прислано авторомъ вмѣсто краснаго яичка племянницамъ его Елисаветѣ Николаевнѣ, Вѣрѣ и Прасковьѣ Львовымъ.

CXII. БЛАЖЕНСТВО СУПРУГИ[8]. Соч. въ Пб. въ 1807 для графини Стейнбокъ, а помѣщено въ албаумѣ у г. Шпренгпортенъ.

33) ... Альдорада. — Государство, о коемъ пишетъ Волтеръ въ сказкѣ своей Кандидѣ.

CXIII. ЛУЧЪ[9]. Соч. въ Пб. 1808 по просьбѣ Ивана Семеновича Захарова, который сочинилъ комедію и желалъ, чтобы авторъ написалъ романсъ.

CXIV. ПРИЗНАНІЕ[10]. Соч. на Званкѣ 1808. Объясненіе на всѣ свои сочиненія.

[1] Т. II, 39. Здѣсь въ *Объясненіяхъ*, кажется, по ошибкѣ выставленъ 1770 годъ, такъ какъ въ старѣйшихъ рукописяхъ Державина нѣтъ этого перевода; потому мы приняли, что годъ этотъ означенъ тутъ вмѣсто 1780-го.

[2] Т. I, 9. [3] Т. I, 58. [4] Т. I, 66. [5] Т. II, 611. [6] Т. II, 681. [7] Т. II, 630. [8] Т. II, 631. [9] Т. II, 656. [10] Т. II, 647.

CXV. ПЛАЧЪ ЦАРИЦЫ[1]. Соч. въ Пб. 1808 на кончину великой княжны Елисаветы Александровны въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.

34) Дѣтской честь отдастъ игрой. — Дитя, часто видючи часовыхъ, отдававшихъ честь ружьемъ императору, также отдавала, какъ скоро увидѣла родителя своего, всѣмъ тѣмъ, что въ рукахъ у нея случалось.

CXVI. ОБИТЕЛЬ ДОБРАДЫ[2]. Соч. въ Пб. 1808 въ маѣ мѣсяцѣ по случаю ожиданія въ Павловскѣ императрицею Маріею Θеодоровною изъ чужихъ краевъ дочери ея великой княжны Маріи Павловны.

35) Домъ благодатныя, неблазныя Добрады. — Г. Шишковъ, дѣлая свои примѣчанія на лексиконъ россійской академіи, прилагательныя имена *благодатныя* и *неблазныя* придалъ обыкновенному женскому лицу; но члены синода, присутствующіе въ академіи, на таковыя г. Шишкова изъясненія не согласились; изъ чего вышла ссора, даже переписка, и въ синодѣ сдѣлано опредѣленіе, что сіи прилагательныя имена принадлежатъ исключительно Божіей Матери. Но какъ авторъ почелъ ихъ сужденіе несправедливо, то и осмѣлился помѣстить тѣ слова въ семъ сочиненіи. Цензура пропустила, публика приняла, синодъ молчитъ; слѣдовательно и могутъ быть употребленны вездѣ, но только съ разсужденіемъ, по важности матеріи и лицъ, къ кому относятся.

36) ... черепокожна чуда. — Означаетъ небесный іюня мѣсяца знакъ (рака).

37) ... и Лизу вспоминать. — Великую княжну Елисавету Александровну.

38) А Дажбогъ ... — Славянское божество, или Геній-покровитель страны.

CXVII. ПОМИНКИ[3]. Соч. на Званкѣ 1807 на смерть покойной Марьи Алексѣевны Львовой.

39) Поразила Майну смерть. — Поразила Марію.

40) Се три розы, сплетшись въ кустъ. — Три дочери, оставшіяся по ней.

CXVIII. АЛЬБАУМЪ[4]. Соч. въ Пб. 1808 въ альбаумъ для Натальи Алексѣевны Колтовской.

CXIX. ПОСЫЛКА ПЛОДОВЪ[5]. Соч. въ Пб. 1808. Переводъ Петраркова сонета.

CXX. ПРОГУЛКА[6]. Соч. въ Пб. 1808. Переводъ тоже Петрарки.

CXXI. ЗАДУМЧИВОСТЬ[7]. Писано тогда же. Переводъ Петрарки.

CXXII. ВОДОМЕТЪ[8]. Соч. въ Пб. 1808.

CXXIII. ВѢНЕЦЪ БЕЗСМЕРТІЯ[9]. Соч. въ Пб. 1802.

[1] Т. II, 689. [2] Т. II, 692. [3] Т. II, 666. [4] Т. II, 683. [5] Т. II, 686. [6] Т. II, 687. [7] Т. II, 688. [8] Т. II, 705. [9] Т. II, 231

NB. Слѣдуетъ къ 3-й части добавка піесъ[1], сочиненныхъ послѣ изданія 1808, которыя должно помѣстить между *Водомета* и *Вѣнца Безсмертія*, ибо сей всегда оставался послѣдній[2].

CXXIV. ОКОВЫ[3]. Соч. въ Званкѣ 1810[4]; переводъ изъ Анталогіи греческой. Сочинено для племянницы автора Елисаветы Львовой.

CXXV. АСПАЗІЯ[5]. Въ томъ же году 24 апрѣля. Соч. въ Пб. для Марьи Антоновны Нарышкиной.

47) И винятъ въ хулѣ боговъ. — Алцибіадъ часто посѣщалъ Аспазію, и когда въ одну ночь молодые люди сдѣлали изъ шалости наругательство надъ кумирами, что̀ приписано было Алцибіаду и Аспазіи; то она была призвана на судъ въ Ареопагъ, куда вошла въ покрывалѣ, но когда сняла съ себя оное, то красота ея всѣхъ поразила, и никто ужъ не хотѣлъ ее судить.

CXXVI. НЕЗАБУДОЧКА[6]. Соч. на Званкѣ въ 1809 г. 22 іюля.

CXXVII. СИНИЧКА[7]. Соч. на Званкѣ 15 іюля 1809.

[1] Въ подлинной рукописи *Объясненій*, а также и въ редакціи ихъ, изданной Львовымъ, самыя пьесы присоединены къ комментарію; но мы здѣсь опускаемъ ихъ, такъ какъ онѣ уже напечатаны въ настоящемъ томѣ.

[2] Этимъ стихотвореніемъ оканчиваются какъ *Анакреонтическія пѣсни*, напечатанныя въ 1804 г., такъ и 3-я часть изданія 1808.

[3] Т. III, 6.

[4] Изъ рукописей видно, что это стихотвореніе написано уже въ 1809 г.

[5] Т. III, 4. Предыдущее примѣчаніе относится и сюда.

[6] Т. III, 12. [7] Т. III, 11.

ЧАСТЬ IV[1].

I. ТОРЖЕСТВО ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ. Сочинено въ Тамбовѣ 1786 г. 28 іюня нарочно ко дню сему. Напечатано въ 1788 на особенныхъ листкахъ въ Тамбовѣ, потомъ въ 1808.

II. ПРОЛОГЪ. Сочиненъ въ Тамбовѣ 1786 къ ноябрю 24 на день именинъ императрицы. Напеч. въ 1786 въ Тамбовѣ на особенныхъ листкахъ. 1808.

1) О дикій темный лѣсъ. — Сей стихъ относится на тамбовское общество, которое тогда никакой людскости и обращенія, свойственнаго

[1] Для полноты и эта часть *Объясненій* помѣщается здѣсь, хотя драматическія сочиненія, къ которымъ она относится, войдутъ еще только въ слѣдующій томъ нашего изданія; впрочемъ въ ней же находятся примѣчанія къ *Описанію торжества по случаю взятія Измаила*, напечатанному уже въ нашемъ І-мъ Томѣ.

благороднымъ людямъ, не имѣло; для чего авторъ, будучи губернаторомъ, и сдѣлалъ у себя въ домѣ: первое, небольшой театръ, на которомъ благородные юноши и дѣвицы представляли разныя нравоучительныя драмы и комедіи; второе, открылъ танцовальное собраніе одинъ разъ въ недѣлю, для чего выписалъ танцмейстера съ дочерью, у которыхъ обучалось дворянство, платя за билетъ по 50-ти коп., потому что танцовали вдругъ 20 паръ, съ которыхъ получалъ танцмейстеръ въ одинъ (*день*) 20 руб., имѣя квартиру и столъ губернаторскій, а иначе онъ не бралъ какъ по 2 рубли за билетъ; третье, одинъ разъ въ недѣлю собирались дѣти для ученія грамматики и первыхъ частей ариѳметики, для чего приглашенъ былъ изъ народнаго училища учитель, который также получалъ умѣренную съ каждой особы плату, а вообще отъ всего собранія весьма достаточную; четвертое, также два раза въ недѣлю были концерты и простыя собранія; всѣмъ симъ занималась жена губернатора, одѣвала дѣтей и учила ихъ, а губернаторъ симъ не занимался, отправляя вседневную свою должность, а былъ приглашаемъ по билетамъ, какъ и прочіе. Сіе всѣмъ было извѣстно, каковымъ общество дворянское нашелъ авторъ и каковымъ его оставилъ, ибо заведена была при губернскомъ правленіи типографія, въ которой печатались губернскія вѣдомости какъ о цѣнахъ хлѣба, въ которыхъ нельзя было никому показать несправедливо, такъ и о бѣглыхъ, о продажахъ и поставкахъ и о прочемъ, что̀ нужно было къ свѣдѣнію, и переведенныя тамошними дворянами книги. Пѣнію церковному и италіянскому училъ въ классѣ народнаго училища отставной придворный пѣвчій; механикѣ — для устроенія машинъ — выписной механикъ.

2) Пустынникъ. — Аллегорическое отношеніе къ Петру Великому.

3) Солнце — тутъ замѣняетъ имя Екатерины II.

4) И пахарь и купецъ, и рабъ и благородный. — Народное училище было открыто для всякаго рода и состоянія людей.

5) Спомоществуемый лучами трехъ планетъ. — Императрицы Анна, Елисавета и Екатерина II.

6) Отъ бѣлыхъ водъ до черныхъ, Отъ тихихъ до сердитыхъ. — Отъ Бѣлаго моря до Чернаго, отъ Каспійскаго до Балтійскаго.

7) Кремень преобращается въ алмазъ. — Подъ симъ стихомъ разумѣется рѣчь, сказанная однодворцемъ Захарьинымъ, о которой пространно сказано будетъ въ 5-й части [1].

8) Разсадникъ свѣта развожу, Лучи къ простымъ деревьямъ прививаю. — *Разсадникъ свѣта*, т. е. училище, и просвѣщаю простой народъ.

9) Оберегатель правъ. — Намѣстникъ.

10) Подпорой будьте мнѣ. — Театръ не на иной конецъ долженъ быть, какъ для поученія, слѣдовательно и подпоры правительству.

11) ... Такъ и должно. — Комедія сочиненія Михайла Ивановича Веревкина, бывшаго въ то время, какъ авторъ обучался въ казанской

[1] Т. е. между сочиненіями въ прозѣ. Ср. выше ч. I, XXX, прим. 208.

гимназіи, директоромъ той гимназіи; она избрана для того на сей разъ, первое, чтобъ почтить память авторскаго начальника; второе, чтобъ укорить подъячихъ крючкотворцевъ, которыхъ засталъ губернаторъ довольно много; ибо сія комедія точно сихъ людей описываетъ.

III. ОПИСАНІЕ ТОРЖЕСТВА ВЪ ДОМѢ КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА[1]. Соч. 1791 апрѣля 28 въ Пб. Напеч. 1808.

12) И если я не милъ того вельможи оку. — Сей стихъ относится къ князю Вяземскому, который, будучи тогда генералъ-прокуроромъ, зналъ автора посредствомъ сената, въ разсужденіи чего авторъ и ввелъ съ намѣреніемъ сію эпизоду, изображающую притѣсненіе вельможъ народа, какъ Мордохея притѣснялъ Аманъ, котораго защищала Эсѳирь, подъ именемъ которой разумѣется императрица, защищавшая автора.

13) Золотой слонъ. — Который имѣлъ въ себѣ настольные часы.

14) Создалъ Румянцовъ по степямъ. — Фельдмаршалъ Румянцовъ, для недопущенія многочисленнымъ турецкимъ силамъ окружать небольшую нашу армію, изобрѣлъ или употребилъ разныя каре на великомъ пространствѣ, которыя другъ друга защищали пушечными выстрѣлами, и не допущалъ тѣмъ окружать себя. Фельдмаршалъ Минихъ, не употребляя сего маневра, принужденъ былъ носить съ собою рогатки, чѣмъ и обременялъ солдатъ и вообще армію; отъ чего и не могъ дѣлать скорыхъ движеній.

15) Крылаты Этны по морямъ Текли съ Орловымъ до Эллады. — Крылатыми Этнами назвалъ первый г. Петровъ военные корабли. Графъ Орловъ командовалъ эскадрою, посланною противъ Турковъ въ Средиземное море къ греческимъ островамъ.

16) Они три свѣта потрясли. — Средиземное море отдѣляетъ или граничитъ Европу, Африку и Азію.

17) И днесь Потемкина рукой. — Князь Потемкинъ также командовалъ флотомъ въ Черномъ морѣ противъ Турокъ во вторую турецкую войну.

18) Шехеразады. — Султанша Шехеразада (*разсказывала*) Калифу, славному Арунъ-Аль-Рашиду, *Тысячу и одну ночь*, извѣстныя волшебныя сказки.

IV. РОДСТВЕННОЕ ПРАЗДНЕСТВО. Соч. въ Пб. 1791, напеч. 1808.

19) И чада вашихъ чадъ. — Сей хоръ и послѣдующій положенъ былъ на музыку изъ оперы *Добрый солдатъ*, сочиненія М. М. Хераскова, а музыку сочинилъ г. Пашкевичъ.

V. ПРОЛОГЪ АЛЛЕГОРИЧЕСКІЙ НА РОЖДЕНІЕ ВЪ СѢВЕРѢ ЛЮБВИ. Соч. въ Пб. въ 1799, напеч. въ 1808.

20) Холодомъ умерщвлена. — Въ семъ году была жестокая зима, отъ которой всѣ деревья вымерзли, и какъ характеръ императора Павла

[1] Т. I, 383.

былъ такъ-же жестокъ, то прологъ имѣетъ скрытое основаніе на семъ строгомъ времени природы.

VI. ПРОЛОГЪ НА РОЖДЕНІЕ ВЪ СѢВЕРѢ ПОРФИРОРОДНАГО ОТРОКА. Соч. въ Пб. въ 1799 г. напеч. 1808.

21) Казнь тебѣ летитъ съ небесъ. — Тогда императоръ Павелъ послалъ свои войска противъ Французовъ подъ предводительствомъ графа Суворова.

VII. ДОБРЫНЯ. Соч. на Званкѣ 1804.

22) Чипчатскій. — Чипчатская или Золотая Орда, бывшая на степяхъ близъ Астрахани.

23) Хорсъ. — Хорсъ — славянскій Марсъ, Перунъ — Юпитеръ, а прочіе извѣстны по 3 части.

24) Во гридню. — Въ залъ или въ прихожую комнату.

25) Какъ ѣдетъ, поѣдетъ добрый молодецъ. — Хоръ сей составленъ точно изъ старинныхъ русскихъ пѣсней.

26) Измаиломъ. — Т. е. надъ Татарами.

VIII. ПОЖАРСКІЙ. Соч. на Званкѣ 1806, напеч. 1808.

27) По многимъ грамотамъ, мной посланнымъ, созывнымъ, И съ Лавры вѣющимъ въ счастливый знакъ вѣтрамъ. — Извѣстно по исторіи, что Палицынъ разсылалъ грамоты и созывалъ изъ разныхъ городовъ войски въ собраніе подъ предводительствомъ Пожарскаго; извѣстно и то, что когда Пожарскій былъ въ Троицкой Лаврѣ для принятія благословенія у тамошняго архимандрита, то когда дошли до одного холма, на которомъ архимандритъ съ иконами и со священными хоругвями дожидался идущаго войска съ Пожарскимъ и когда оно мимо проходило, то онъ кропилъ его святою водою и съ того самаго часу примѣчено было, что вѣтеръ противный перемѣнился на попутный, что̀ и сочтено было счастливымъ признакомъ.

28) Хоткѣвичъ... — Хоткѣвичъ, польскій полководецъ, не допускалъ до Москвы Пожарскаго войска.

29) Я вѣрю, и законы, Вамъ Думой данные, и проч. — Дума бояръ дала-было повелѣніе Пожарскому не ходить къ Москвѣ, но патріархъ Гермогенъ не согласился съ нею и пострадалъ.

30) Я въ сей одеждѣ здѣсь. — На театрѣ россійскомъ не позволяется представлять монаховъ въ ихъ одѣяніи; по сей причинѣ Палицынъ и представляется въ простой одеждѣ.

31) Тамъ въ таборѣ, — или лагерѣ.

32) Ужъ Дума къ Владиславу. — Владиславъ, королевичъ польскій, который избранъ былъ на русское царство.

33) Желтовскій[1]... — Другой вождь польскій, поспѣшавшій отрѣзать Пожарскаго отъ Москвы.

[1] Такъ Державинъ обыкновенно писалъ, по народному произношенію, имя Жолкѣвскаго.

34) На стогнъ къ народу онъ свой взоръ и слухъ приложитъ И, изъ ковчега взявъ, разсмотритъ самъ всѣхъ прю. — Извѣстно по исторіи, что царь Алексѣй Михайловичъ приказывалъ выставлять всякій день предъ окнами Грановитой Палаты ящикъ запечатанный съ прорѣзомъ, куды приносили и клали имѣющіе нужды свои жалобы и просьбы, которыя царь, не повѣряя никому, самъ все разсматривалъ и допускалъ къ себѣ всякаго состоянія людей, даже самыхъ бѣднѣйшихъ, и говорилъ лично, ежели того обстоятельства требовали. Установлено притомъ было, что когда въ Грановитой Палатѣ бояре совѣтовались съ царемъ о какомъ-либо важномъ дѣлѣ, то, положа оное на мѣрѣ, давали чрезъ учрежденныхъ стряпчихъ народомъ извѣстіе такое собраннымъ на площади дворянамъ, гостямъ и жильцамъ московскимъ, которые всѣ по скамьямъ поставленнымъ сидѣли, и когда слухъ, такимъ образомъ до народа дошедшій, обсуженъ былъ и найденъ за полезный, то рѣчь народную стряпчіе доводили въ совѣтъ и тогда уже исполнялся приговоръ боярскій; когда же положеніе ихъ найдено было на площади безполезнымъ для отечества и производило въ народѣ ропотъ, тогда исполненіе приговора боярскаго остановлялось, пересматривалось вновь дѣло и брали другія мѣры; но ежели народный ропотъ былъ неосновательнъ, тогда, не смотря на площадной отзывъ, чинилось исполненіе.

35) Премудръ его отецъ. — Извѣстно, что патріархъ Филаретъ Никитичъ, отецъ Михаила Өеодоровича, управлялъ царствомъ, въ совѣтѣ присутствовавъ, и введено было такъ въ приговорахъ писать: патріархъ благословилъ, бояре приговорили, а царь приказалъ.

IX. КУТЕРЬМА ОТЪ КОНДРАТЬЕВЪ. Соч. и представлена на Званкѣ въ 1806 году. Напеч. въ 1808.

Примѣчаніе. Сія домашняя комедія сочинена для дѣтей по случаю, что у автора случились вдругъ въ служителяхъ три Кондратья, изъ коихъ одинъ камердинеръ, другой садовникъ, а третій музыкантъ; и какъ они при одномъ случаѣ, находясь въ услугѣ, перемѣшались, то авторъ и написалъ сію комедію. Въ Петербургѣ она сдѣлала нѣкоторый шумъ, ибо думали, что она сатира на министровъ, которыхъ называли Кондратьями и кои не знали своихъ должностей и кто изъ нихъ былъ первый. Сія комедія была представлена племянницами автора Львовыми, которыя пріѣхали въ самомъ дѣлѣ погостить къ автору для его именинъ.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ТОМУ I.

Стр.

Къ Предисловію.

XV. Три тетради, о которыхъ говорится подъ цифрою 8, были, можетъ быть, представлены императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, когда она, какъ видно изъ одного примѣчанія Державина (Т. II, стр. 356), изъявила желаніе прочесть его сочиненія въ рукописи.

XVIII. Вслѣдствіе обязательнаго указанія профессора М. И. Сухомлинова мы получили отъ Павла Алексѣевича Смирнова замѣчательный экземпляръ Шуваловскаго изданія сочиненій Державина (М. 1798) съ рукописными поправками и замѣтками, особенно въ первой половинѣ тома. Эти приписки, сдѣланныя рукою Капниста, отчасти сходны съ тѣми измѣненіями, которыя онъ же предложилъ на особомъ листѣ и изъ которыхъ многія приведены нами въ примѣчаніяхъ къ I-му Тому. Но еще любопытнѣе этотъ экземпляръ тѣмъ, что онъ началомъ и концомъ своимъ отличается отъ выпущенныхъ въ продажу экземпляровъ того же изданія. Именно въ началѣ его напечатано другое *Предувѣдомленіе къ читателю* нежели то, которое пошло въ ходъ. Въ первоначальномъ предисловіи было сказано, что издаваемая книга соотвѣтствуетъ рукописи, поднесенной Екатеринѣ II, «съ присовокупленіемъ только послѣдней оды, яко приличной къ окончанію»; предисловіе это было замѣнено другимъ, когда Державинъ замѣтилъ, что «по ошибкѣ» (какъ сказано въ новомъ предувѣдомленіи) «дошелъ въ типографію невѣрный списокъ, бывшій у е. в. покойнаго И. И. Шувалова». Прибавленная въ концѣ книги ода была ода *На новый 1797 годъ*. Она означена и въ оглавленіи подъ заглавіемъ *Ода на восшествіе на престолъ императора Павла*, но послѣ вся зачеркнута въ текстѣ, гдѣ было употреблено первое заглавіе, и исключена изъ изданія вмѣстѣ съ прежнимъ предувѣдомленіемъ, оглавленіемъ и заглавнымъ листомъ, который перепечатанъ другимъ шрифтомъ. Очевидно, что сдѣланныя при этомъ существенныя перемѣны были слѣдствіемъ неудовольствія Державина и замѣчаній Капниста. Въ поправкахъ

Стр.

послѣдняго обращаютъ на себя вниманіе, между прочимъ, знаки препинанія, показывающіе его разногласіе по этому предмету съ Карамзинымъ, который имѣлъ надзоръ за печатаніемъ книги и въ корректурѣ часто исправлялъ пунктуацію автора стихотвореній. Принадлежащій г. Смирнову экземпляръ носитъ на корешкѣ переплета буквы В. Х. Не означаютъ ли онѣ Василія Семеновича Хвостова, который, какъ братъ извѣстнаго поэта (объ А. С. Хвостовѣ часто упоминается въ настоящемъ Томѣ), могъ быть хорошо знакомъ съ Капнистомъ? Вас. Сем. былъ въ 1805 г. томскимъ губернаторомъ (см. *Воспом.* Вигеля, *Р. В.* 1865, № 5, стр. 117).

XXXII. Остолоповъ (*Ключъ*, стр. 91) говоритъ, что въ Англіи за награвированіе рисунковъ посланной туда рукописи сочиненій Державина, которую можно видѣть въ публичной библіотекѣ, просили 12.000 руб.

Кружка.

46. Эта пѣсня до сихъ поръ поется въ преображенскомъ полку, въ которомъ, какъ извѣстно, Державинъ служилъ до перехода въ гражданскую службу.

Властителямъ и судіямъ.

109. Тотъ же мотивъ встрѣчается неразъ у Ломоносова; такъ въ одѣ 13:

«Храните праведны заслуги
И милуйте сиротъ и вдовъ;
Сердцамъ нелживымъ будьте други
И бѣднымъ истинный покровъ»

или въ одѣ 18:

«Услышьте, судіи земные
И всѣ державныя главы:
Законы нарушать святые
Отъ буйности блюдитесь вы».

(*Соч.* Лом., Смирд. изд., т. I, стр. 137 и 174).

Фелица.

129. Въ 1793 г. напечатана въ Петербургѣ: «Фелица, матерь народовъ, драматическая кантата, соч. Фогта, на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ» (*Сопик.* ч. I, № 12.354).

148. Къ стихамъ: «Почувствовать добра пріятство» и проч. Когда Сперанскій въ 1819 г. оставлялъ должность пензинскаго гражданскаго губернатора, то мѣстное дворянство и купечество давали ему 29-го апрѣля балъ; въ залѣ благороднаго собранія было два транс-

Стр.

паранта, и на одномъ изъ нихъ, съ вензелемъ Сперанскаго, надписью служили эти три послѣдніе стиха 25-й строфы *Фелицы*.

Видѣніе мурзы.

157. Къ стихамъ: «Въ серебряной своей порфирѣ
Блистаючи съ высотъ она».

Ломоносовъ говоритъ о Невѣ: «Златой порфирою блистаетъ» (*Соч.* Лом., Смирд., т. I, стр. 107).

159. Къ стиху: «Чуть Бельтъ въ брегахъ своихъ сверкалъ». Откуда Державинъ взялъ слово *Бельтъ*, которымъ онъ и послѣ неразъ означалъ *Балтійское море?* Въ собраніи одъ Ломоносова оно не встрѣчается; но мы находимъ его въ томъ варіантѣ 10-й строфы оды *На взятіе Хотина*, который напечатанъ подъ § 69 *Риторики* Ломоносова (*Соч.* его, Смирд., т. III, стр. 512):

«Онъ такъ взиралъ къ врагамъ лицомъ,
Онъ такъ бросалъ за *Бельтъ* свой громъ».

Въ полной одѣ эти два стиха замѣнены слѣдующими:

«Онъ такъ къ своимъ взиралъ врагамъ,
Такъ къ готѳскимъ приплывалъ брегамъ»,

которые читаются уже въ первомъ извѣстномъ намъ цѣльномъ изданіи оды (въ *Собраніи* соч. Ломоносова, напеч. 1751)*. Риторика же въ первый разъ была издана въ 1748 г. (см. тамъ стр. 67). Замѣтимъ, что *Готѳами* Ломоносовъ постоянно называлъ Шведовъ; въ этомъ Державинъ не послѣдовалъ его примѣру.

Во 2-й ч. *Сборника матер. для ист. ак. н.*, издаваемомъ А. А. Куникомъ, напечатана неизвѣстная до сихъ поръ ода Сумарокова, въ которой встрѣчается стихъ: «Что мимо Белтскихъ горъ бѣжитъ» (стр. 465). Ода эта, по свидѣтельству г. Куника, была въ первый разъ напечатана до 1748 г.; изъ чего можно заключить, что слово *Бельтъ* еще до Ломоносова употреблялось стихотворцами въ значеніи Балтійскаго моря.

160. Стихъ: «Обиленъ, здравъ, покоенъ, воленъ» ср. съ стихомъ Ломоносова: «Обиленъ, радостенъ, спокоенъ» (*Соч.* его, Смирд., т. I, стр. 125).

162. Къ примѣч. 5. Этотъ же портретъ Екатерины II, конечно подлинникъ, находится въ петергофскомъ дворцѣ (П. Петровъ).

166. Къ варіанту «...гдѣ она мнѣ зрилась». Эту форму глагола *зрѣть*, до сихъ поръ сохранившуюся въ народѣ**, употреблялъ и

* Такую же редакцію имѣетъ эта строфа въ принадлежащей академіи рукописной тетради одъ Ломоносова, приготовленной къ печати въ 1751 г.

** Мы еще недавно слышали въ разсказѣ одной простолюдинки: «Я ничего не зрила».

Стр.

Ломоносовъ въ началѣ своей литературной дѣятельности; такъ въ его одѣ 1741 г. ***Первые трофеи Іоанна III***, читается 43 стихъ: «Не зрила чтобъ того Россія» (***Уч. Зап. Ак. Н. по 1 и 3 отд.***, т. I, стр. 279). Около того же времени въ переводѣ ***поздравленія съ новымъ годомъ***, сочиненнаго Штелиномъ, сказано: «И чтобъ Россія... зрила въ новомъ свѣтѣ» (тамъ же стр. 264). Этою-то формою объясняются творообразныя слова: ***зритель, зрительный.***

168. Стихъ: «Какъ солнце, какъ луну поставлю» ср. съ двумя заключительными стихами 12-й оды Ломоносова:

«Поставь какъ солнце предъ Тобою
И какъ луну престолъ Петровъ»

(*Соч.* Лом., Смирд., т. I, стр. 133).

— Бѣлинскій ставилъ чрезвычайно высоко ***Видѣніе Мурзы***, какъ одну изъ тѣхъ шуточныхъ одъ Державина, «въ которыхъ онъ былъ такъ оригиналенъ, такъ возвышенъ и такъ народенъ». Выписавъ ея окончаніе, онъ говоритъ: «Пророческое чувство поэта не обмануло его: поэзія Державина въ тѣхъ немногихъ чертахъ, которыя мы представили нашимъ читателямъ, есть прекрасный памятникъ славнаго царствованія Екатерины II и одно изъ главныхъ правъ пѣвца на поэтическое безсмертіе» (*Соч.* Бѣлинскаго, ч. VII, стр. 136).

Рѣшемыслу.

175. Строфа 14-я взята Николаемъ Радищевымъ (сыномъ) за эпиграфъ къ біографіи князя Шаховскаго, бывшаго генералъ-прокуроромъ при Елисаветѣ Петровнѣ (Иванова ***Опытъ біогр. ген.-прокуроровъ***, стр. 36).

Ода Богъ.

189. Къ списку сочиненій, сходныхъ по содержанію съ одою ***Богъ***, могутъ быть прибавлены еще слѣдующія: ***Богъ*** Хераскова (см. ***Пчелу*** Соколова, 1805), Николева ***Гимнъ Богу*** (см. томъ I его сочиненій), ***Ода Богъ***, безъ подписи (***Новости*** за іюль 1799), ***Гимнъ Богу***, съ подписью *С.* (***Иппокрена*** 1801, ч. IX), и переводъ изъ Виланда ***Пѣснь на Вездѣсущіе Божіе*** (***Нов. ежемѣс. соч.***, ч. XCII).

Упомянутая на той же стр. ода ***Вѣчность*** есть сочиненіе Мих. Вас. Храповицкаго, какъ видно изъ бумагъ его, сохранившихся у Н. В. Сушкова.

190. О томъ, что ода ***Богъ*** въ китайскомъ переводѣ виситъ будто бы въ пекинскомъ дворцѣ, самъ Державинъ сказывалъ Б. М. Федорову, познакомившемуся съ нимъ въ послѣдніе годы его жизни.

191. О подражаніи гр. Хвостова одѣ ***Богъ*** см. въ настоящемъ Томѣ (стр. 518) эпиграмму Державина ***На Самохвалова.***

Стр.

Осень во время осады Очакова.

223. О князѣ С. Ѳ. Голицынѣ, сыновьяхъ его и племянницахъ Потемкина см. *Восп.* Вигеля въ *Русск. Вѣстн.* 1864, № 2, стр. 595 и слѣдд. О княгинѣ Голицыной въ старости, тамъ же № 10, стр. 539.

227. Первые два стиха 11-й строфы приводитъ Вигель, говоря, что въ Зубриловкѣ «какъ домашнимъ, такъ и деревенскимъ хозяйствомъ исключительно занималась княгиня» (Голицына). См. тамъ же № 2, стр. 601.

Побѣдителю.

234. Къ примѣч. 3. Г. Лебедевъ въ брошюрѣ о *Паниныхъ* доказываетъ, что отношенія между великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ и Потемкинымъ всегда были самыя лучшія.

Величество Божіе.

236. Псаломъ 103, съ котораго переложена эта ода, какъ изображающій картину цѣлаго космоса, обратилъ на себя особенное вниманіе А. Гумбольдта. «Должно дивиться», говоритъ онъ, «какъ въ такомъ незначительномъ по своему объему лирическомъ произведеніи немногими великими чертами изображена вселенная, и небо и земля! Подвижной, стихійной жизни природы противопоставлена тихая, тяжкая работа человѣка отъ восхода солнечнаго до окончанія деннаго труда вечеромъ. Эта противоположность, этотъ всеобъемлющій взглядъ на взаимное отношеніе между явленіями, это обращеніе къ вездѣприсутствующей невидимой силѣ, которая можетъ обновить землю или разбить ее въ прахъ, придаютъ торжественность этой не столько кипящей жизнію, сколько возвышенной поэзіи» (М. Сухомлиновъ въ статьѣ *Ломоносовъ, студентъ м. у.*, *Р. Вѣстн.* 1861, № 1, стр. 148). Подлинникъ этого мѣста см. въ Kosmos 1847, т. II, стр. 47.

На Счастіе.

253 и 254. Къ стиху: «Безъ латъ я Горе-богатырь» и къ прим. 21. Послѣ объявленія Шведамъ войны Екатерина II, въ іюлѣ 1788, писала къ Потемкину: «... король шведскій себѣ сковалъ латы, кирассу, брассары (*наручи*) и квиссары (*набедренники*) и шишакъ съ преужасными перьями» (П. Лебедева *Графы П. и Н. Панины*, стр. 307).

Изображеніе Фелицы.

274. Къ концу 7-й и началу 8-й строфы. Повтореніе въ началѣ строфы словъ, сказанныхъ въ послѣднемъ стихѣ предыдущей, — любимый пріемъ Державина, — встрѣчается изрѣдка и у Ломоносова, напр. въ 11-й одѣ:

Стр.

«Сердцами пойдутъ вслѣдъ за ней. —
Сердцами пойдутъ, и устами
Въ восторгѣ сладкомъ возгласятъ.

или въ одѣ 12-й:

«Примѣръ зримъ въ нашихъ временахъ. —
Примѣръ въ его великой дщери».

(*Соч.* Лом., Смирд., т. I, стр. 120 и 132).

284. Мѣсто отъ второй половины 31-й строфы до конца 34-й было выписано Карамзинымъ въ альбомъ, составленный имъ въ 1811 году для великой княгини Екатерины Павловны ко дню ея ангела. Оно въ этомъ альбомѣ значится 10-ю статьею подъ заглавіемъ: *Молитва Екатерины Великой*, съ подписью *Державинъ*, и занесено безъ раздѣленія на строфы, при чемъ сдѣланы два измѣненія. Въ самомъ началѣ отрывка, вмѣсто: «Вѣщающу: О Ты, Превѣчный!» сказано: «О Ты, Всесильный и Превѣчный», а въ слѣдующей строфѣ послѣ стиха: «То Ты жъ конечно и причина», вмѣсто: «И нравственныхъ народныхъ дѣлъ», поставлено: «Народныхъ знаменитыхъ дѣлъ» (Н. Тихонравова *Лѣтописи р. лит. и древн.*, т. I, стр. 177).

Въ письмѣ отъ 11 ноября 1811 великая княгиня благодарила Карамзина за приношеніе: «J'ai reçu la seconde (*lettre*) et le charmant album. Je ne puis assez vous remercier de cette nouvelle marque de votre amitié... Cet *album* sera conservé précieusement et rien que mes amis les plus favorisés oseront en remplir les pages; je me délecte à le lire» * (*Неиздан. соч. и переписка* Карамзина, ч. I, стр. 101).

Къ Софіи.

374. Графиня Софья Владиміровна Строганова была сестра московскаго генералъ-губернатора князя Дмитрія Владиміровича Голицына. «При милости, которою въ свое время пользовались тесть и мужъ ея, она нѣкогда принимала въ салонахъ своихъ и императора Александра и весь царственный домъ; но все это кончилось 1811 годомъ, когда умеръ тесть ея. Съ этихъ поръ начался въ этомъ семействѣ рядъ безпрестанныхъ потерь (Изъ рукописнаго дневника барона М. А. Корфа).

Описаніе потемкинскаго праздника.

385. Къ выноскѣ. Петровъ путешествовалъ за границею съ герцогиней Кингстонъ (*Жизнь* его, *Соревнов.* 1818 г., ч. I, стр. 116).

* «Я получила второе письмо и прелестный альбомъ. Не могу выразить вамъ всей моей благодарности за этотъ новый знакъ вашей дружбы... Этотъ альбомъ буду хранить какъ драгоцѣнность, и одни наиболѣе отличаемые друзья будутъ имѣть право наполнять его страницы; я читаю его съ наслажденіемъ».

Стр.

386. Мраморная статуя Екатерины II, о которой здѣсь говорится, — работы Ѳедота Ивановича Шубина, бывшаго профессоромъ академіи художествъ (род. 17 мая 1740, ум. 12 мая 1805). За эту колоссальную статую, считающуюся образцовымъ произведеніемъ и нынѣ находящуюся въ академіи худ., Шубинъ получилъ въ 1794 г. званіе профессора. (См. статью П. Н. Петрова *Старое время. Шубинъ* въ журналѣ *Искуство*, Спб., 1860, № 2).

396. Къ хору: Громъ побѣды раздавайся. «Этотъ любимый польскій былъ извѣстенъ подъ названіемъ *Славься симъ, Екатерина*... Съ какою-то восторженною гордостью ходили Русскіе подъ гремящіе его звуки» (*Воспом.* Вигеля, *Русск. Вѣстн.* 1864, № 1, стр. 279).

410. Стихи: «Не такъ ли Солнцевъ домъ» и проч. ср. съ стихами на праздникъ, данный въ 1796 г. графомъ Безбородко въ честь шведскаго короля Густава (Т. I, стр. 754) и на освѣщеніе въ 1808 г. эрмитажнаго театра (см. выше стр. 430).

413. Къ выноскѣ. Малороссійская пѣсня «На бережку у ставка» была издана и отдѣльно въ 1794 году (Смирд. *Роспись*, № 5417). Сверхъ того ее можно найти въ *Собраніи русскихъ простыхъ пѣсенъ* (Спб. 1795, ч. IV, стр. 22) и въ извѣстномъ сборникѣ Прача.

На взятіе Варшавы.

640. Къ примѣчанію. Въ сборникахъ академика Куника нашелся полный экземпляръ отдѣльнаго изданія этой оды, съ такимъ впереди *Извѣстіемъ:* «Сочиненіе сіе написано не изъ пристрастія къ стихо-«творству или изъ какихъ-либо другихъ видовъ; но изъ истиннаго «усердія и любви къ отечеству, и по самымъ горячимъ чувствова-«ніямъ славы героевъ и торжествующей великой героини. Напе-«чатано въ пользу двухъ недостаточныхъ и крайнюю нужду въ «содержаніи своемъ имѣющихъ благородныхъ вдовъ, изъ которыхъ «одна живетъ на Васильевскомъ острову въ 13-й линіи подъ «№ 549, а другая въ Коломнѣ во второй адмиралтейской части въ «5-мъ кварталѣ подъ № 618. Послѣдняя изъ нихъ претерпѣла не-«давно пожаръ и лишилась всего своего имѣнія и съ дѣтьми сво-«ими теперь находится въ жалкомъ состояніи. Ежели почтенной «публикѣ слабое сіе и скороспѣлое твореніе понравится, то сочи-«нитель весьма сочтетъ себя благодарнымъ, когда помянутымъ «вдовамъ оказано будетъ какое-либо вспомоществованіе за полу-«ченные экземпляры, которыхъ отослано къ первой 200, а ко «второй 1000».

Побѣда Красоты.

753. По *Воспоминаніямъ* Вигеля (*Р. Вѣстн.* 1865, № 6, стр. 746), планъ бракосочетанія великой княжны Александры Павловны съ

Стр.

шведскимъ королемъ былъ разстроенъ тайнымъ агентомъ русскаго правительства Кристиномъ.

КЪ ТОМУ II.

На новый 1797 годъ.

16. См. выше на стр. 729 наше примѣчаніе къ стр. XVIII Тома I.

Изъ Сафо.

44. Этотъ переводъ Жуковскаго перепечатанъ въ изданномъ подъ его именемъ *Собраніи русскихъ стихотвореній*, ч. V.

Храповицкому.

52. На выраженное нами сомнѣніе въ дѣйствительности переданнаго тутъ случая Б. М. Федоровъ замѣчаетъ, что разсказъ справедливъ и что дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: Храповицкій, жившій недалеко отъ Державина по ту сторону измайловскаго моста, самъ привезъ ему стихи, въ которыхъ назвалъ его Зевесомъ, и читалъ ихъ ему въ саду. Въ то самое время раздался такой страшный ударъ грома, что оба поспѣшили удалиться: Храповицкій тотчасъ же уѣхалъ домой, а Державинъ спрятался подъ бывшимъ въ саду навѣсомъ. Послѣдній самъ разсказалъ это г. Федорову въ 1815 году, когда тотъ слишкомъ восторженно похвалилъ его. Державинъ при этомъ вспомнилъ свой отвѣтъ Храповицкому и прибавилъ, что только умѣренная похвала пріятна, какъ благоуханіе розы и резеды, которое иногда вдругъ пахнётъ со стороны на гуляющаго въ саду; густой же дымъ ѳиміама ошеломляетъ.

Развалины.

93. Къ стиху: «И куполъ золотомъ сіялъ». И у Ломоносова Славянка «Златые кровы окомъ мѣритъ» (*Соч.* его, Смирд. изд., т. I, стр. 110).

На рожденіе в. кн. Михаила Павловича.

155. Послѣдніе два стиха: «Нѣтъ въ мірѣ царства такъ пространна, Гдѣ бъ можно столь добра творить» приведены Батюшковымъ въ концѣ его статьи: *Нѣчто о морали* (*Соч.* его, Спб. 1834, ч. I, стр. 22). Эти два стиха вмѣстѣ съ двумя имъ предшествующими приложены въ снимкѣ съ автографа къ *Памятнику отечественныхъ музъ* на 1827 г.

Стр.

Парашѣ.

184. Первоначальный автографъ этой пьесы съ поправками доставленъ намъ М. П. Погодинымъ. Здѣсь къ 3-му стиху сдѣлано поэтомъ слѣдующее подстрочное примѣчаніе: «Риѳма совѣтовала написать:

Подрумяненая каша
Какъ со сладкимъ молокомъ.

Но какъ Параша до сладкого не очень охотница и чтобъ мухи на нее не налетали, то сія богатая риѳма и отставлена, а другой на русскомъ языкѣ нѣтъ».

При перебѣленныхъ на томъ же листкѣ стихахъ это примѣчаніе измѣнено такъ: «Въ угожденіе тѣхъ моихъ пріятелей, кои недовольны бываютъ небогатыми риѳмами, должно бы написать:

Какъ румяна, бѣла каша
Съ майскимъ, сладкимъ молокомъ.

Но какъ я боялся, чтобъ на очень сладкую мою Парашу мухи не садились, то и не употребилъ сей богатой риѳмы».

На Мальтійскій орденъ.

208. «Мальтійскій орденъ въ Россіи былъ ничто иное какъ искусная каверза католичества въ Россіи (*Р. Архивъ* 1865, вып. 10 и 11 ст. 1400). См. тамъ же описаніе орденскаго праздника, въ письмѣ князя М. П. Долгорукова къ сестрѣ изъ Петергофа отъ 29 іюня 1799 г.

Орелъ.

242. Съ стихами: «Съ тобою Богъ идетъ — и Россы,
Во знаменье побѣдъ, колоссы
Воздвигнутъ» и проч.

ср. у Ломоносова (*Соч.* его, Смирд., т. I, стр. 115):

«Изъ горъ изсѣченны колоссы,
Механика, ты въ честь возвысь
Монархамъ, отъ которыхъ Россы» и т. д.

На переходъ Альпійскихъ горъ.

289. Съ стихомъ: «По безднамъ страшный исполинъ» ср. у Ломоносова (*Соч.* его, т. I, стр. 52):

«По холмамъ грозный исполинъ».

Первая пѣснь Пиндара пиѳическая.

331 и 724. Къ стихамъ *Державину*, напечатаннымъ въ ***Вѣстникѣ Европы.*** Мнѣніе г. Лонгинова, что буквы *Дм. Б.*, которыми подписаны эти стихи, означаютъ Баранова, подтвердилось несомнѣннымъ обра-

Стр.

зомъ. Мы нашли эти стихи съ полною подписью *Барановъ* перепечатанными въ *Собраніи рускихъ стихотвореній*, изданномъ Жуковскимъ (т. V, стр. 77). Объ этомъ сборникѣ см. выше стр. 449.

332. Съ стихами, начинающими 2-ую строфу:

«Сидитъ на скипетрѣ Зевеса
Орелъ, пернатыхъ царь»,

ср. въ Томѣ I, стр. 401, стихи:

«Орелъ, нагнувъ на перси выю» и проч.

Снигирь.

344. Г. Погодинъ доставилъ намъ любопытный списокъ этихъ стиховъ, писанный очевидно въ самое первое время послѣ смерти Суворова, — на листкѣ почтовой бумаги съ траурнымъ кантикомъ.

Явленіе Аполлона и Дафны на невскомъ берегу.

379. «При Александрѣ вдругъ пѣшеходство вошло въ моду: самъ царь подавалъ тому примѣръ» (*Воспом.* Вигеля, *Р. Вѣстн.* 1864, № 4, стр. 486).

Тончію.

398. О томъ, что въ Иркутскѣ находится будтобы подлинникъ картины Тончи, слышали мы также отъ бывшаго якутскаго губернатора г. Штубендорфа. Но такъ какъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что подлинникъ этого портрета Державина въ Москвѣ, куда онъ перевезенъ изъ дома поэта послѣ смерти вдовы его, то выходитъ, что въ Иркутскъ была прислана *полная копія* произведенія Тончи.

402. Въ сочиненіяхъ графа Хвостова есть посланіе къ Тончи относительно его системы *о призракахъ*. Подробное описаніе владимірской иконы, писанной этимъ художникомъ, и обстоятельствъ ея происхожденія можно найти въ *Путевыхъ запискахъ* того же автора, изданныхъ М. Н. Макаровымъ, М. 1824 (стр. 20—24).

403. Къ четырестишію: «Кто велъ меня на Геликонъ» и проч. Эти стихи въ первый разъ были напечатаны въ *Другѣ Просвѣщенія* 1806 г., № 3, стр. 280, въ примѣчаніи къ біографіи Державина въ *Новомъ опытѣ историч. словаря о росс. писателяхъ* преосвящ. Евгенія, при чемъ объяснено, что поэтъ сказалъ это «въ письмѣ къ одному любителю словесности, спрашивавшему его, гдѣ и отъ кого научился онъ своему искусству пѣснопѣнія». Потомъ это четырестишіе было перепечатано въ *Памятникѣ отеч. музъ* на 1827 г., подъ заглавіемъ: *Черта къ біографіи Державина* (стр. 103), съ такимъ примѣчаніемъ: «*Объясненіе четырехъ сихъ строкъ*, писалъ Г. Р. Державинъ къ графу Д. И. Хвостову, *составитъ исторію моего стихотворства, причины онаго и необходимость*».

Стр.

Память другу.

461. Львовъ открылъ между прочимъ копи каменнаго угля и написалъ о томъ брошюру. Объ отправленіи его «для осмотра имѣющихся удобныхъ къ тому мѣстъ въ Валдайскихъ горахъ и учиненія въ томъ опыта» Екатерина II писала къ Н. П. Архарову изъ Царскаго Села 17 іюля 1786 года (*Русск. Архивъ* 1864 г., ст. 897).

Фонарь.

465. Въ найденной нами недавно первой черновой редакціи этого стихотворенія начало было такое:

Органъ веселый, возглашая,
Пронзаетъ нощи тишину,
И лучъ, средь фонаря блистая,
Рисуетъ на стѣнѣ луну.
Въ ней ходятъ тѣни разнородны,
Отвсюду волны льются черны;
Распяливъ, смотрятъ, очеса:
Жезломъ волшебникъ потрясаетъ
И громогласно возглашаетъ:
Придите, зрите чудеса.

Сей міръ ничто, какъ представленье
Волшебной скрытою рукой,
Въ различныхъ образахъ движенье
Всѣмъ тѣни видимой какой.
Вертѣть волшебникъ появится,
Махнетъ жезломъ и затемнится:
Одна другу смѣняетъ тварь.

Мужество.

472. Къ описанію рисунка. Ср. Томъ II, стр. 221, стихи:

«Самсона мышца напряженна
Деретъ зубасту челюсть льву»

и Томъ I, стр. 221:

«Самсонъ сотретъ льву зубы».

476. Къ замѣткѣ о Резановѣ. Ср. статью Карамзина *О россійскомъ посольствѣ въ Японію* (*Соч.* его, 1-е Смирд. изд., ч. IX, стр. 164).

Волховъ Кубрѣ.

487. Къ выноскѣ. Рукопись *Ключа* Остолопова была у преосв. Евгенія (Болховитинова), который, живя въ Вологдѣ, зимой 1812 года показывалъ ее князю П. А. Вяземскому. Когда Евгеній передъ

тѣмъ жилъ въ Новгородѣ, то гр. Хвостовъ, заѣхавъ къ нему и не заставъ его дома, началъ перелистывать эту тетрадь и попалъ на примѣчаніе, что Хвостову лучше держаться пастушеской поэзіи, нежели оды. Противъ этого мѣста онъ написалъ на поляхъ: «Гаврила Романовичъ, кажется, ошибается, полагая, что названный имъ поэтъ не способенъ къ лирическому роду» и въ доказательство того онъ тутъ же исчислилъ нѣкоторыя оды свои (слыш. отъ кн. Вяземскаго).

Фальконетовъ Купидонъ.

512 и 727. Надпись Вольтера была также вырѣзана подъ статуями Амура въ замкѣ Сирей и въ jardins des Sceaux.

Батюшковъ въ статьѣ своей: *Путешествіе въ замокъ Сирей* говоритъ: «Напрасно мы искали въ саду мраморнаго Амура, который нѣкогда стоялъ подъ балкономъ, съ надписью изъ Антологіи: Qui que tu sois, voici ton maître и проч., которую перевелъ г. Дмитріевъ:

Кто бъ ни былъ ты, пади предъ нимъ:
Былъ, есть иль будетъ онъ владыкою твоимъ!»

(*Соч.* Батюшкова, Спб. 1834, ч. I, стр. 176).

Пиррѣ.

515. Эту оду Горація переложилъ также Василій Льв. Пушкинъ (*Стихотв.* его, Спб. 1822, стр. 161).

Монументъ милосердію.

525. П. А. Плетневъ въ письмѣ изъ Парижа замѣчаетъ, что послѣдняя строфа отзывается подражаніемъ прекрасному окончанію 9-й оды Ломоносова (*Соч.* его, Смирд., ч. I, стр. 109):

«Но если гордость ослѣпленна
Дерзнетъ на насъ воздвигнуть рогъ, —
Тебѣ, въ женахъ благословенна,
Противъ ея помощникъ Богъ.
Онъ верхъ небесъ къ тебѣ преклонитъ
И тучи страшныя нагонитъ
Во срѣтенье врагамъ твоимъ.
Лишь только ополчишься къ бою,
Предыдетъ ужасъ предъ тобою,
И слѣдомъ воскурится дымъ».

Дѣва за арфою.

541. Къ примѣч. Въ черновыхъ бумагахъ Державина нашелся листокъ, на одной сторонѣ котораго написана басня *Лашманы и Дубъ*

Стр.

(см. выше стр. 555), а на другой собственноручный же съ помарками отпускъ письма его къ Каченовскому: «М. г. мой Михайла Трофимовичъ! Прекрасные и легкіе стихи г. Мерзлякова не есть переводъ, а подражаніе, и самое отдаленное, Шиллеровой Лаурѣ. Прочтите съ подлинникомъ — и говорить будетъ не о чемъ. Я хотѣлъ передать землякамъ на ихъ языкѣ автора сего краткость, силу и выразительную гармонію, также въ стихахъ, но только въ бѣлыхъ, поелику риѳма на моемъ счету ничего не значитъ; но видно, у васъ этотъ родъ не въ употребленіи (*зачеркнуто: не въ уваженіи*), а можетъ быть и дуренъ, то согласно примѣчанію вашему, въ концѣ журнала помѣщенному, прошу не печатать, какъ и *Цирцею*, ежели уже не тиснута». Очевидно, что письмо это было написано послѣ появленія во 2-й книжкѣ *Вѣстн. Евр.* 1806 года перевода Мерзлякова: *Къ Лаурѣ за клавесиномъ*. Было ли оно отправлено, неизвѣстно; но въ 7-й книжкѣ того же журнала за этотъ годъ была напечатана и *Дѣва за арфою* Державина.

Послѣдними словами своего письма Державинъ разумѣлъ объявленіе Каченовскаго, что онъ за недостаткомъ мѣста не можетъ печатать всѣхъ получаемыхъ имъ сочиненій и переводовъ и проситъ доставителей не требовать отъ него возвращенія присылаемыхъ бумагъ, а «оставлять у себя», прибавляетъ онъ, «съ нихъ списки, и если по прошествіи одного мѣсяца піеса не будетъ напечатана въ моемъ журналѣ, принимать другія мѣры сдѣлать ее извѣстною публикѣ» (*В. Е.* 1806, № 2).

Г. Озерову на приписаніе Эдипа.

580. Ср. стихи Капниста къ Озерову по поводу представленія Эдипа; они въ первый разъ были напечатаны въ *Сѣв. Вѣстникѣ* 1805, ч. VI, № 5, стр. 190; въ *Соч.* Капниста, Смирд. изд., см. стр. 487. Извѣстіе о первомъ представленіи этой трагедіи — въ *Сѣв. Вѣстн.* ч. IV, стр. 217.

На рожденіе в. кн. Елисаветы Александровны.

605. По нѣкоторымъ преданіямъ, всѣ въ Россіи радовались, что брачный союзъ Александра увѣнчался плодомъ. Но Вигель говоритъ противное и, упомянувъ о разочарованіи, которое распространилось въ публикѣ, когда узнали, что родилась дочь, кончаетъ замѣчаніемъ: «Бѣдное дитя, названное по матери Елисаветою, было принято народомъ съ досадою, какъ неудача: тѣмъ болѣе привязалась къ ней мать, которая однакожъ, какъ и первою дочерью Маріею, была ею осчастливлена только полтора года» (*Р. Вѣстн.* 1864, № 5, стр. 185).

Стр.

На отправленіе въ армію фельдмаршала графа Каменскаго.

608. См. *Восп.* Вигеля, *Р. Вѣстн.* 1864, № 5, стр. 186 — 190. О жестокости Каменскаго говорится въ Mémoires Сегюра, Парижъ, 1843, т. II, стр. 139 и 141.

Персей и Андромеда.

612. О дѣлѣ при Прейсишъ-Эйлау Вигель такъ отзывается: «Чтò ни говори Французы, сраженіе это мы выиграли, и лучшимъ доказательствомъ тому служитъ четырехмѣсячное послѣ него бездѣйствіе Наполеона, который не очень любилъ отдыхать на лаврахъ» (*Р. Вѣстн.* 1864, № 5, стр. 194).

Соломонъ и Суламита.

621. Ср. въ соч. Козегартена (т. I, стр. 345) Salem und Sulamith, ein kirchlicher Mythus. И у Крылова (*Полн. Собр. соч.*, т. II, стр. 83, находимъ *Выборъ изъ пѣсни пѣсней Соломона*).

Евгенію. Жизнь Званская.

633. По сюжету приближается къ этому стихотворенію *Похвала сельской жизни* (т. II, стр. 165).

644. Къ примѣч. 18. Объ отъѣздѣ Каменскаго изъ арміи см. *Записки* С. Глинки въ *Р. Вѣстн.* 1865, № 7, стр. 274.

На миръ 1807 года.

661. Къ стихамъ 2-му и 3-му срофы 7-й. Ср. у Ломоносова (*Соч.* его, т. I, стр. 85):

«Какъ токъ волшебныя рѣки
Чѣмъ далѣ бѣгъ свой простираетъ».

663. Къ строфѣ 12. Обѣ государыни дѣйствительно предостерегали императора Александра I отъ обольщеній Наполеона.

Сѣтованіе.

670. «Эта и предыдущія пьесы не были голосомъ брюзгливаго и удаленнаго отъ дѣлъ старика, а голосомъ всей Россіи, уже почувствовавшей тяжесть континентальной системы» (П. Бартеневъ).

Обитель Добрады.

693. «Въ *Запискахъ* С. Глинки послѣ разсказа о неудовольствіи на него Державина (см. ниже, стр. 743, примѣчаніе къ стихотворенію *Русскимъ Граціямъ*) замѣчено: «Гаврила Романовичъ сообщилъ въ мое изданіе драматическій отрывокъ подъ заглавіемъ: *Праздникъ*

Стр.

у Добрады, посвященный императрицѣ Маріи Өеодоровнѣ; съ того времени у поэта съ *Русскимъ Вѣстникомъ* существовалъ миръ ненарушимый» (*Р. Вѣстн.* 1865, № 7, стр. 260).

КЪ ТОМУ III.

Геба.

1. Къ примѣчанію. Болѣе подробныя свѣдѣнія см. въ этомъ же Томѣ въ примѣч. подъ *Посланіемъ къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ*, стр. 527. — Живя на Званкѣ, Державинъ имѣлъ возможность относиться къ принцу и къ принцесѣ ближе чѣмъ въ Петербургѣ.

2. Стихи 6-го куплета: «Кто, быть могши самъ владѣтель,
Но ставъ волей униженъ»

относятся конечно къ тому, что Наполеонъ изъявлялъ желаніе получить руку великой княжны, но она отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ (Katharina Pawlowna etc. Cannstadt, 1821, стр. 13 и 14).

Оковы.

6. Это стихотвореніе, такъ же какъ и *Синичка* и *Незабудочка* (стр. 11 и 12), напечатаны въ *Библ. для Чт.* 1834, № 1, подъ заглавіемъ *Стихотворенія Г. Р. Державина, нигдѣ не напечатанныя.* Такъ какъ однакожъ нѣтъ сомнѣнія, что они попали въ журналъ Сенковскаго изъ *Объясненій* Львова, процензированыхъ уже въ февралѣ 1833 года и слѣдовательно прежде *Библ. для Чт.* приготовленныхъ къ печати, то мы, указывая, въ какихъ изданіяхъ эти стихи были напечатаны, упомянули *Объясненія* на первомъ мѣстѣ.

Русскимъ Граціямъ.

8. По *Запискамъ* С. Глинки (*Р. Вѣстн.* 1865, № 7, стр. 260), Державинъ разсердился на него за непомѣщеніе въ *Русскомъ Вѣстн.* стиховъ *Къ Купидону* и по этому поводу написалъ въ 1808 г. эпиграмму, «которою», продолжаетъ Глинка, «поставилъ меня въ ряды безсловесныхъ (смягчаю выраженіе) и говорилъ, что я не знакомъ съ нѣжными сердцами». Такой эпиграммы въ рукописяхъ Державина мы не нашли. Писавъ свои Записки много лѣтъ спустя, авторъ ихъ могъ забыть какъ настоящія причины неудовольствія Державина, такъ и содержаніе эпиграммы. Доказательствомъ не-

Стр.

точности его воспоминаній служитъ сказанное имъ далѣе, что послѣ помѣщенія въ *Р. Вѣстн.* драматическаго сочиненія *Обитель Добрады*, «у поэта съ *Р. В.* существовалъ миръ ненарушимый». Это несправедливо, потому что *Обитель Добрады* напечатана была въ ноябрѣ 1808, а пьеса *Русскимъ Граціямъ* относится къ 1809 г.

Цѣленіе Саула.

13. Къ свѣдѣніямъ объ авторѣ подлинника, Броунѣ. Самый большой успѣхъ имѣло его сочиненіе, переведенное на французскій языкъ подъ заглавіемъ: «Les Moeurs anglaises ou appréciation» и проч. (въ 1758 г.; имя переводчика Chais). Но эта книга навлекла ему вражду многихъ лондонскихъ журналовъ: онъ уѣхалъ въ деревню и издалъ родъ оправданія, которое однакожъ не произвело особеннаго дѣйствія. Сверхъ того онъ произнесъ три рѣчи противъ системы воспитанія Руссо и по этому поводу составилъ цѣлый педагогическій кодексъ, въ которомъ предоставлялъ правительству значительное участіе въ дѣлѣ народнаго воспитанія. Вскорѣ послѣ того пасторъ англійской факторіи въ Петербургѣ, *Дюмарескъ* (Dumaresq), завѣдывавшій здѣшними училищами, изъявилъ съ соизволенія императрицы согласіе на пріѣздъ Броуна въ Россію. Для этой цѣли Броуну назначено было 1000 ф. стерл. и онъ уже собирался въ путь, когда сильная простуда такъ разстроила его болѣзненный духъ, что онъ въ припадкѣ ипохондріи зарѣзался (Biographie universelle). По словамъ Макса Мюллера, Екатерина II пригласила Дюмареска составить словарь всѣхъ употребляющихся въ Россіи инородческихъ языковъ и этотъ трудъ былъ, какъ говорятъ, изданъ въ 4-ю д. л., но не сохранился (! — a work, however, which, if ever published, is now completely lost). Дюмарескъ умеръ въ Лондонѣ 1805 г., 84-хъ лѣтъ отъ роду (Lectures on the science of language, London, 1861, стр. 135).

Въ Память Давыдова и Хвостова.

31. Нѣкоторая часть публики была увѣрена, что Давыдовъ и Хвостовъ не погибли, а дѣйствительно бѣжали въ Америку. Думавшіе такъ основывались на томъ, что эти два смѣльчака, по возвращеніи въ Петербургъ, преданы были суду за свое поведеніе въ Сибири. Надобно замѣтить, что они не даромъ сидѣли въ Охотскѣ подъ стражей. Бывъ отряжены Резановымъ въ море съ особымъ порученіемъ, они начали дѣйствовать какъ независимые начальники, сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ каперовъ, брали въ плѣнъ суда, бомбардировали какое-то японское прибрежное мѣстечко въ

Стр.

такое время, когда Россія была въ мирѣ съ Японіей *. Слѣдовательно, молодые люди должны были справедливо опасаться отвѣтственности за свои поступки, и мнѣніе, что они бѣжали, не лишено правдоподобія. Разумѣется, что наши тогдашніе печатные источники не могли упоминать о томъ и распространился общій слухъ о гибели этихъ молодыхъ моряковъ, а удаль, которую такъ любятъ на Руси, сдѣлала ихъ имена популярными, тѣмъ болѣе, что оба были преспособные люди. Ходилъ еще одинъ очень любопытный слухъ, конечно ни на чемъ не основанный, и потому болѣе забавный, чѣмъ заслуживающій вниманія, — именно будто знаменитый Боливаръ былъ не кто иной, какъ считавшійся погибшимъ Хвостовъ (изъ рукописныхъ замѣтокъ М. Н. Лонгинова).

Явленіе.

73. «Стихотвореніе это еще проникнуто всею искренностію поэтической и истинно-высокой души: такъ могъ писать и чувствовать почти семидесятилѣтній старецъ! Заимствованіе тутъ не можетъ идти въ разсчетъ» (изъ рукописныхъ замѣтокъ П. И. Бартенева).

Проблескъ.

78. Парафразисъ на *заповѣди блаженства* (оттуда же).

Царь-дѣвица.

122. Къ примѣч. 4. Почти всѣ подробности этого народно-эпическаго стихотворенія подходятъ къ Елисаветѣ Петровнѣ, такъ что ея образъ очевидно имѣлъ большое участіе въ созданіи типа Царь-дѣвицы. Тутъ очерчены и красота этой государыни и ея роскошное бездѣйствіе. 10-й куплетъ напоминаетъ царскосельскій дворецъ; 13-й соколиную охоту Елисаветы; 15-й малороссійскихъ пѣвчихъ; 17-й нѣгу императрицы (ср. въ одѣ *Рѣшемыслу*, т. I, стр. 172); 21-й ея наряды, 22-й и 31-й богомолье, 25-й оды Ломоносова, 26-й множество жениховъ Елисаветы Петровны; 28-й посольство Надиръ-шаха; 34-й и слѣдд. отношеніе къ Фридриху II и семилѣтную войну. Поэтъ какъ будто вспоминаетъ свою молодость

* «... Хвостовъ пошелъ въ море и сдѣлалъ нападеніе на японскія селенія. Обо всѣхъ сихъ происшествіяхъ упоминается въ предисловіи къ книгѣ подъ заглавіемъ: *Двукратное путешествіе Хвостова и Давыдова* и пр., изданной А. С. Шишковымъ. Любопытные могутъ тамъ видѣть, какъ дѣло это случилось; но мнѣ достовѣрно было извѣстно, что правительство не одобрило поступковъ Хвостова» (*Записки В. М. Головнина въ плѣну у Японцевъ*, Спб. 1851, ч. I, стр. 13).

Стр.

и слышанные имъ въ то время разсказы (И. Бартеневъ и М. Лонгиновъ).

На пареніе орла.

133. *Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ* упоминаетъ также объ этомъ случаѣ въ строфѣ, посвященной Кутузову:

«Хвала тебѣ, нашъ бодрый вождь,
Герой подъ сѣдинами!...

О диво! се орелъ пронзилъ
Надъ нимъ небесъ равнины...
Могущій вождь главу склонилъ;
Ура! кричатъ дружины».

Къ этому Д. В. Дашковъ прибавляетъ въ примѣчаніи: «У древнихъ парящій орелъ почитаемъ былъ предвѣстникомъ побѣды; знаменіе сіе не обмануло и насъ на достопамятномъ бородинскомъ полѣ. Когда россійскій вождь устраивалъ полки свои, орелъ пролетѣлъ надъ нимъ при радостныхъ кликахъ воиновъ и былъ вѣрнымъ предтечею погибели враговъ нашихъ».

135. Къ примѣчанію. Первую рану свою Кутузовъ получилъ 1774 г. въ чинѣ подполковника, служа въ корпусѣ князя В. М. Долгорукаго (Крымскаго). Это было въ Крыму подъ отлогостью горнаго хребта, начинающагося за нѣсколько верстъ отъ Алушты (самаго восточнаго пункта южнаго берега), близъ дороги, идущей туда отъ Симферополя. Пуля вышла изъ глаза. На мѣстѣ, гдѣ раненъ Кутузовъ, устроенъ изъ воды горнаго ключа фонтанъ, слывущій памятникомъ этому событію (замѣтка г. Лонгинова, сдѣланная на мѣстахъ).

Гимнъ лиро-эпическій на прогнаніе Французовъ изъ отечества.

137. Жуковскій въ *Пѣвцѣ* вызывалъ Державина къ прославленію торжества Россіи:

«О Камскія дубравы,
Гордитесь: вашъ Державинъ сынъ!
Готовь свои перуны,
Суворовъ, чудо-исполинъ —
Державинъ грянетъ въ струны.
О старецъ! да услышимъ твой
Днесь голосъ лебединый:
Не тщетной славы предъ тобой,
Но мщенія дружины

Стр.

Простерли не къ добычамъ длань,
Бѣгутъ не за вѣнками, —
Ихъ подвигъ святъ: то правыхъ брань
Съ злодѣйскими ордами».

На побѣду при Лейпцигѣ.

179. Первые два стиха — изъ церковной пѣсни: «Твоя побѣдительная десница» (П. Бартеневъ).

Новогородскій волхвъ Злогоръ.

181. Къ примѣч. Объ открытіи упоминаемаго въ этомъ примѣчаніи свитка Евгеній Болховитиновъ писалъ 15 января 1811 года изъ Вологды къ профессору Городчанинову въ Казань: «... сообщаю вамъ при семъ петербургскую литературную новость. Тамошніе палеофилы, или древностелюбцы отыскали гдѣ-то цѣлую пѣснь древняго славенорусскаго пѣснопѣвца Бояна, упоминаемаго въ *пѣсни полку Игореву*, и еще *оракулы* древнихъ новгородскихъ жрецовъ. Всѣ сіи памятники писаны на пергаминѣ древними славенорупическими буквами, задолго якобы до христіанства. Если это не подлогъ какихъ-нибудь древностелюбивыхъ проказниковъ» и проч. (*Журн. мин. н. просв.* 1857 г.. т. CXIV, отд. VII, стр. 14). При первоначальномъ напечатаніи приводимаго Державинымъ отрывка въ *Бесѣдѣ люб. р. сл.* воспроизведенъ былъ тотъ самый шрифтъ, какой употребленъ въ рукописи.

На отбытіе Елисаветы Алексѣевны въ заграничную армію.

187. Изъ русскихъ императрицъ Елисавета была тогда первая въ чужихъ краяхъ; вездѣ встрѣчали ее съ торжествомъ, бѣгали за ней толпами и кричали: Ура! русская императрица Алексѣевна! (*Соврем. Лѣтопись* 1865, № 37 въ статьѣ: *Пятьдесятъ лѣтъ назадъ*). Подробнѣе разсказывается объ этомъ въ *Краткихъ запискахъ адмирала Шишкова*, стр. 269—272.

— Помѣщаемъ здѣсь ту первоначальную редакцію этого стихотворенія, о которой упомянуто въ нашемъ примѣчаніи. Пропуская 1-ую строфу, какъ удержанную въ напечатанномъ нами текстѣ, замѣтимъ только, что вмѣсто *щедроту*, въ 4-мъ стихѣ, было сперва: *смиренье*.

Любяща Муза добродѣтель
И воспѣвающа царей,
Бывъ доброты ея свидѣтель

Стр.

И чистыхъ безпорочныхъ дней,
Еще ли медлишь и коснѣешь
И въ старости своей робѣешь
Взять лиру для ея похвалъ?
Но мрачный видъ исчезъ природы,
Весны мнѣ возвратились годы,
На Пиндъ я восхищеннымъ сталъ.

Въ восторгѣ я, въ очарованьѣ
Иль въ нѣкомъ чудномъ явномъ снѣ?
Здѣсь слышу лирное бряцанье,
Тамъ ключъ, журчащій въ глубинѣ;
Здѣсь дымъ съ холма на небо вьется,
Тамъ эхо вдаль по рощамъ льется:
Мой полонъ духъ утѣхъ, отрадъ!
Не брегъ ли подо мной Пенея,
Или цвѣтуща Аѳинея
Я вижу на Невѣ днесь садъ?

Багряными плащми покрыты,
Въ очахъ являющіе жаръ,
Вѣнчанны лаврами піиты:
Горацій, Оссіанъ, Пиндаръ
Сидятъ, и бардъ межъ ими Россовъ
На лирѣ споритъ Ломоносовъ,
Я вижу, о хвалѣ царей.
Кто пѣлъ, онъ рекъ, такъ въ ваши лѣты
Своихъ владыкъ, Елисаветы
Какъ вѣкъ прославилъ я моей?

Она поэзію любила,
И рай красотъ хвалилъ я въ ней:
Она меня привѣтствомъ чтила,
И лирой я звучалъ о ней.
Почто и ты, лучемъ согрѣтый
Вниманія Елисаветы,
Ея не чтишь? онъ грозно рекъ:
Она россійско любитъ слово
И сердце нѣжное готово * ...

Пою, отъ Бельта до Амура,
Какъ молньи, лирный блещетъ звукъ;

* Слѣдующій за тѣмъ стихъ не разобранъ.

Стр.

От Лопаря и до Манчжура
Народовъ всѣхъ внушаю въ слухъ,
Что Александръ, Елисавета
На подданные имъ полсвѣта
Такъ просвѣщенья сѣютъ лучъ,
Какъ солнце съ высоты эѳира
Сіяетъ на пространство міра:
И гонитъ мракъ угрюмыхъ тучъ.

Науки, промыслы, искусства
Вездѣ они ввести хотятъ,
Что̀ умъ плѣняютъ, нѣжатъ чувства,
Познанья насаждаютъ садъ.
Марія имъ даетъ примѣры
И благочестія и вѣры:
Она мать сирыхъ и вдовицъ ....

Въ остальныхъ строфахъ встрѣчается слѣдующій любопытный варіантъ противъ напечатаннаго нами текста. Находящіеся въ 3-й строфѣ его стихи 7-й и 10-й имѣли въ черновой рукописи такую редакцію:

На лонѣ нѣги лобызай ....
И хладный Сѣверъ согрѣвай.

Для сравненія припомнимъ стихи Пушкина въ честь той же императрицы (1819 г. См. *Соч.* его, изд. Исаковымъ, т. I, стр. 212).

На отбытіе в. князей Николая и Михаила Павловичей къ арміи.

190. Подъ именемъ *сестры* въ послѣднемъ стихѣ строфы 2-й должно разумѣть великую княжну Анну Павловну.

На возвращеніе императора Александра I.

214. Эту пѣснь, которая долго пѣлась по всей Россіи, положилъ на музыку Антонолини. Въ своемъ мѣстѣ мы сообщимъ ея ноты.

На срѣтеніе побѣдителя Европы Александра I.

215. Первые два стиха заимствованы изъ псалма 23, ст. 7: «Возьмите врата князи ваша». Въ первоначальной редакціи ода начиналась слѣдующими двумя строфами:

Возьмитесь, князи вратъ московскихъ,
Раздвиньтесь, своды вѣчныхъ стѣнъ!

Стр.

Грядетъ владыкъ преемникъ россiйскихъ
Вѣнчаться царскимъ въ васъ вѣнцемъ.
Раздайтесь, домы! храмы, ширьтесь!
Въ единый стогнъ, тьмы царствъ, мѣститесь.
Блистай на встрѣчу, ликъ свѣтилъ!
Вставайте, холмы и дубравы:
Грядетъ монархъ, грядетъ царь славы,
Грядетъ къ вамъ вождь полночныхъ силъ.

Но кто сей вождь? кто царь сей славы,
Прекрасный и младый герой?
Не онъ ли, что народны правы,
Весь міръ поработилъ войной?
Не Александръ ли то великій
Идетъ россійскій вздѣть вѣнецъ? —
Такъ, Александръ! Но сей не кровью,
А подданныхъ великъ любовью:
Онъ побѣдитель ихъ сердецъ.

На торжество въ память взятія Парижа.

232. Стихи эти перепечатаны въ статьѣ покойнаго В. И. Панаева (*о Державинѣ*) при его разсказѣ о ихъ происхожденіи и распространеніи (*Братчина*, Спб. 1859, стр. 123).

На бракосочетаніе в. кн. Павла Петровича съ Наталіею Алексѣевною.

259. Къ примѣч. 1. Ср. «La Cour de Russie il y a cent ans», Берлинъ 1858, стр. 275, 278, 282, 289, 294 и 296.

Читалагайскія оды.

273. Переданныя намъ слова Дмитріева къ Державину объ этихъ одахъ едва ли были произнесены въ такой формѣ. Первый былъ гораздо моложе послѣдняго, а притомъ и въ гражданской іерархіи стоялъ ниже, и потому вѣроятно говорилъ ему не *ты*, а *вы*. Г. Лонгиновъ, обратившій вниманіе на это обстоятельство, тѣмъ болѣе правъ, что и въ письмахъ, оставшихся отъ обоихъ поэтовъ, они, обращаясь одинъ къ другому, соблюдаютъ обыкновенныя формы свѣтской учтивости. Можетъ быть, Державинъ, какъ старшій, и позволялъ себѣ нарушеніе ихъ *въ разговорѣ*, но со стороны Дмитріева такой короткости предполагать нельзя.

Стр.

Ода на знатность.

295. Къ примѣч. 2. Ср. притчу Сумарокова: *Калигулина лошадь* (*Соч.* его, ч. VII, стр. 179).

На открытіе намѣстничествъ.

330. Къ примѣч. 1. Къ объясненію перваго стиха служитъ разсказъ объ открытіи тверской губерніи въ январѣ 1776 года: «... намѣстникъ былъ занятъ приготовленіемъ своей залы для церемоніи слѣдующаго дня, въ который назначено было торжественное чтеніе *Учрежденія о губерніяхъ.* Надъ портретомъ императрицы Сиверсъ устроилъ балдахинъ изъ малиноваго бархата, съ золотымъ позументомъ и бахрамою; подъ портретомъ, на двухъ-ступенномъ возвышеніи, поставлены кресла, изображавшія *тронъ;* насупротивъ устроено возвышеніе въ одну ступень съ креслами для намѣстника» и проч. (Д. Иловайскаго *Графъ Я. Сиверсъ*, *Р. Вѣстн.* 1865, № 3, стр. 172).

При чтеніи описанія зимы въ Россіядѣ.

337. Объ этихъ стихахъ можно спросить, дѣйствительно ли должно считать ихъ за эпиграмму, а не за похвалу Хераскову, — тѣмъ болѣе, что таковъ очевидно смыслъ другихъ стиховъ сходнаго содержанія, напечатанныхъ въ концѣ 338-й страницы. Но мы можемъ опереться на собственныя рукописи Державина, въ которыхъ четырестишіе подъ заглавіемъ: *При чтеніи описанія зимы въ Россіядѣ* помѣщено между эпиграммами.

Кажется, оно внушено отчасти надписью Клейста къ живописцу Гемпелю:

«Mit welcher Landschaft hat dein Pinsel Leanders Saal geziert?
Sie starret, wie der Winter selber; ich seh' sie an, mich friert».
(Kleist's Sämmtl. Werke, Вѣна, 1816, стр. 159).

Что касается до времени сочиненія эпиграммы Державина, то мы имѣемъ поводъ догадываться, не написана ли она скорѣе въ 1799 году, когда, какъ видно изъ современныхъ извѣстій, въ Петербургѣ была необыкновенно суровая зима (см. выше стр. 726 и 727). Мы склоняемся къ этому мнѣнію тѣмъ болѣе, что въ самыхъ старыхъ рукописяхъ нашего поэта стиховъ этихъ нѣтъ.

Желаніе зимы.

345. Къ прим. 3. По устному объясненію г. Даля, *козырбацкій* есть вѣроятно то же, что *кизильбашскій*, — красный: *кизильбашъ* (красная, или рыжая голова) — слово, которымъ Татары называютъ Персіянъ.

Стр.

На рондо Петру Великому.

362. Николай Петровичъ Николевъ род. 10 нобря 1758, ум. 24 янв. 1815 г. См. о немъ особенно статьи М. Н. Лонгинова въ *Современникъ* 1856 г. № 7, стр. 22, и въ *Р. Вѣстникъ* 1860, № 4, стр. 638.

На паденіе новаго Фаэтонта.

374. По мнѣнію г. Бартенева, должно разумѣть скорѣе Копьева, нежели одного изъ Куракиныхъ, которые при своемъ паденіи въ 1798 г. уже не были юношами (Александръ род. 1752, а Алексѣй 1759). О Копьевѣ см. *Восп.* Вигеля, *Р. Вѣстн.* 1864, № 8, стр. 492.

Разноцвѣтные журналы.

392. Эту эпиграмму нашли мы также въ рукописномъ сборникѣ стихотвореній, принадлежащемъ академику А. А. Кунику. Тамъ встрѣчаются слѣдующіе варіанты противъ напечатаннаго нами текста, согласные отчасти съ находящимися въ рукописяхъ поэта. Вмѣсто 3-го стиха:

«И травъ какъ на лугахъ, какихъ цвѣтовъ тамъ нѣтъ?»

Вмѣсто послѣднихъ трехъ стиховъ:

«И словомъ, въ разномъ множествѣ цвѣтовъ
Какихъ нѣтъ травъ, какихъ деревъ,
Какихъ головъ?
Но благовонья въ нихъ и зернъ едва ль довольно?
Нѣтъ, нѣтъ, — журналовъ полкъ кричитъ: намъ полно, полно!
Зерно мы соберемъ, какъ осень къ намъ придетъ,
Но ахъ! не поздно ли, какъ въ землю ужъ падетъ?»

А. С. Хвостову.

415. По разсказу Жихарева, стихи: «Хвосты есть у лисицъ» и проч. сказаны извѣстнымъ острякомъ Сергѣемъ Лавр. Львовымъ (Томъ I, стр. 453), когда этотъ послѣдній сбирался летѣть съ Гарнереномъ (Томъ II, стр. 402) на аэростатѣ и когда А. С. Хвостовъ напутствовалъ его экспромптомъ:

«Генералъ Львовъ
Летитъ до облаковъ
Проситъ боговъ
О заплатѣ долговъ».

(*Зап. Соврем.*, стр. 157).

Впрочемъ, по другому преданію, слышанному нами отъ род-

Стр.

ныхъ Державина, эти послѣдніе стихи относились къ Ник. Алекс. Львову и имѣли еще слѣдующее дополненіе въ концѣ:

«Боги отказали
И на *землю* послали».

Этимъ намекалось на изобрѣтеніе Львова дѣлать постройки изъ земли, о чемъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ.

Приказъ моему привратнику.

420. По словамъ В. И. Панаева, швейцаромъ былъ одинъ изъ трехъ *Кондратьевъ*, на которыхъ Державинъ написалъ дѣтскую комедію *Кутерьма отъ Кондратьевъ* (*Братчина*, стр. 116); но это несогласно съ *Объясненіями* самого поэта (см. выше стр. 728).

423. Къ слову *салма:* ср. Томъ I, стр. 735.

426. Пакатскій посвященъ былъ въ священники 24 іюля 1783. Въ 1824 г. ему было 68 лѣтъ, слѣдов. онъ родился въ 1756 (изъ дополн. свѣдѣній г. Чистовича).

Въ январѣ 1825 г. Пушкинъ писалъ къ своему брату: «P. S. Слѣпой попъ перевелъ Сираха (смотр. Инв. № какой-то), издаетъ по подпискѣ — подпишись на нѣсколько экз.» (*Библіогр. Зап.* 1858, № 4, ст. 103).

Въ защиту Станевича.

434. Станевичъ напечаталъ въ 1818 г. *Бесѣду на гробѣ младенца о безсмертіи души.* Книжка эта возмутила тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, мистика кн. А. Н. Голицына, и по его настоянію была отобрана, а самъ авторъ высланъ изъ Петербурга. Шишковъ, сдѣлавшись министромъ въ 1824 г., особымъ докладомъ выпросилъ у государя Станевичу, который давно пользовался его покровительствомъ, не только прощеніе, но даже вознагражденіе и напечаталъ *Бесѣду* въ 1825 г. вторымъ изданіемъ, на казенный счетъ, какъ самую полезную книгу (М. Лонгиновъ).

Четырестишіе Державина было напечатано въ *Драмат. Вѣстникѣ* 1808 г. (ч. III, № 74, стр. 168) подъ заглавіемъ *Эпиграмма*, съ тремя звѣздочками взамѣнъ подписи и съ тою разницей въ редакціи, что вм. Станевичъ стояло *Честоновъ* и вм. Сквернословъ — *Грубословъ.*

Въ отвѣтъ Воейкову на его *Мнѣніе безпристрастнаго* помѣщена была статья, съ подписью: *Правдолюбъ*, въ *Драмат. Вѣстн.* 1809, (ч. VI, № 93, стр. 73).

Стр.

Отвѣтъ А. С. Хвостову.

439. Къ послѣдней замѣткѣ. Румянцовъ Задунайскій рѣдко самъ писалъ свои бумаги, большею же частью только подписывалъ ихъ, что̀ можно видѣть и въ архивахъ.

Къ молодому Злобину.

445. По преданію давно извѣстно было, что Злобинъ-отецъ участвовалъ въ первой поимкѣ Пугачева; теперь открывается и письменное о томъ свидѣтельство самого Злобина. Въ 1789 г. распространился слухъ о существованіи въ низовьяхъ Волги скопища, въ которомъ находился будто бы самозванецъ, намѣревавшійся овладѣть Оренбургомъ. Вольскому градскому главѣ Василью Злобину поручено было развѣдать объ этомъ секретно, и онъ 10 ноября 1789 года доносилъ исправлявшему должность генералъ-губернатора саратовскаго и воронежскаго, Василью Алексѣевичу Черткову, что слухи о самозванцѣ не подтвердились. При этомъ онъ прибавляетъ: «Хотя сомнѣніе, которое простирается по симъ извѣтамъ на рѣку «Эмбу, по всѣмъ обстоятельствамъ и видамъ есть лжевыдуманное, «потому ежелибъ малѣйшее съ извѣтами было сходное, а особливо «такой бы извергъ въ видѣ самозванца тамо укрывался и были «при немъ скопища бродягъ, то бы слухъ отъ сей сволочи никакъ «сокровеннымъ остаться не могъ, и въ здѣшнемъ краю сосѣдственная молва неминуемо разнеслась, и весьма бъ въ ономъ проникнуть было можно по прежнимъ примѣрамъ въ слухахъ, поелику «я имѣлъ счастіе и въ прошедшее неустройство, въ бытность мою «на Иргизѣ жъ въ Мечетной слободѣ съ бывшимъ въ то время волостнымъ нашимъ смотрителемъ Иваномъ Расторгуевымъ, хотя и «въ молодыхъ моихъ тогда лѣтахъ, обнаружить первыя намѣренія «возмутителя, почему онъ и былъ пойманъ...» (Доставлено Конст. Конст Злобинымъ).

445. Городъ Вольскъ былъ образованъ при открытіи въ 1780 году саратовской губерніи согласно съ учрежденіемъ о губерніяхъ. — О Вольскѣ и Злобинѣ см. еще въ *Московск. Вѣдом.* 1863 № 173, письмо 3-е *Съ дороги*. О службѣ сына Злобина нашли мы свѣдѣніе въ *Мѣсяцословѣ* 1804 г.; оттуда видно, что въ экспедиціяхъ министерства юстиціи положено было сверхъ комплекта десять дворянъ, и первымъ между ними поименованъ Конст. Вас. Злобинъ.

Изъ поэмы «Пожарскій».

469. Второй переводъ Генріады (М. 1790) принадлежитъ князю Алексѣю Ив. Голицыну (о которомъ см. Томъ II, стр. 724). Есть

Стр

еще третій переводъ, Сирякова, въ стихахъ же, напечат. въ Пб. 1803 и вторично 1822 г. У г. Лонгинова, которому мы обязаны за эту замѣтку, есть великолѣпный экз. 1-го изданія съ рукописнымъ подношеніемъ въ стихахъ Державину.

Кантата на день военнаго ордена.

478. Къ примѣчанію. Державинъ, всегда вѣрный дѣйствительности, вѣроятно разумѣетъ тутъ только такихъ героевъ, которые за свои подвиги получили военный орденъ; но кн. А. М. Голицынъ не имѣлъ Георгія, и потому вмѣсто его должно, кажется, назвать Долгорукаго-Крымскаго, какъ четвертаго кавалера георгіевской ленты, пожалованнаго ею въ 1771 г.; первые три были (съ 1770): Румянцовъ, А. Г. Орловъ и П. И. Панинъ (М. Лонгиновъ).

Правило жить.

483. Въ *Отрывкѣ изъ семейныхъ записокъ Рожновыхъ* (*Библ. для Чт.* 1862, № 1, стр. 158) сказано, что изъ бумагъ извѣстнаго Петра Ив. Рычкова, употребленныхъ отчасти на обклейку стѣнъ, уцѣлѣло между прочимъ «короткое письмо въ стихахъ, посланное Державинымъ къ своему старостѣ въ деревню, написанное рукою поэта». Оказывается, что это была первоначальная редакція *Правила жить*. Авторъ разсказа сообщаетъ ее въ слѣдующемъ видѣ:

Почти смиреньемъ горделивца,
Пощечиной уйми сварливца,
Подмажь судейскихъ скрыпъ воротъ,
Зажми собакѣ хлѣбомъ ротъ,
Пойми бумагъ приказныхъ складъ: —
То всѣ дѣла пойдутъ на ладъ.

Къ объясненію дѣла прибавимъ, что у Державина, такъ же какъ и у Рычкова, была недвижимая собственность въ оренбургскомъ краю; именно въ бузулуцкомъ уѣздѣ. Рычковъ, жившій въ бугульминскомъ, умеръ 1778 г.; слѣдовательно стихи эти написаны ранѣе.

Къ портрету адмирала Спиридова.

490. Матеріалы для исторіи военныхъ дѣйствій Спиридова см. въ *Р. Арх.* 1864, ст. 547 и слѣдд.

На извѣстнаго стихотворца.

497. Въ *Р. Архивѣ* 1865, ст. 481, помѣщенъ г. Лонгиновымъ отрывокъ изъ Записокъ князя И. М. Долгорукаго, сообщающій чрезвы-

Стр.

чайно любопытныя свѣдѣнія о метроманіи Струйскаго и его типографскихъ затѣяхъ въ Рузаевкѣ.

CLXXXVIII.

501. Изъ *Записокъ* Державина (*Р. Б.*, ст. 295) видно, что въ бытность его тамбовскимъ губернаторомъ *Лаба* былъ правителемъ канцеляріи вице-губернатора Ушакова и принадлежалъ къ враждебной Державину партіи. Имя Лабы упомянуто также въ *Отрывкѣ* жизни Василія Пассека 1803 г., гдѣ онъ названъ «штатскимъ совѣтникомъ де Лаба» (*Р. Арх.* 1863, ст. 529). По замѣчанію М. Н. Лонгинова, онъ въ началѣ вѣка занималъ должность генералъ-провіантмейстера и былъ великій плутъ.

На монументъ П. Д. Еропкину.

505. Въ *Вѣстникѣ Европы* 1805 г., № 4 и 5, помѣщены эпитафіи Еропкину князя Шаликова, А. Грузинцева и И. И. Дмитріева. *Надгробіе* послѣдняго перепечатано и въ нѣкоторыхъ изданіяхъ сочиненій его, напр. въ изд. 5-мъ, М. 1818, ч. I, стр. 116.

Посланіе къ вел. княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ.

528. Штейнъ на пути въ Москву провелъ два дня въ Твери и говоритъ о Екатеринѣ Павловнѣ: «Разговоръ ея показывалъ необыкновенно образованный умъ и возвышенную душу ... Она была женщина съ рѣдкими достоинствами и имѣла большое вліяніе на государя и на великаго князя Константина Павловича. Въ великихъ политическихъ событіяхъ настоящаго принимала она живое и рѣшительное участіе» (Das Leben des Ministers etc. Stein, von Pertz, т. III, стр. 59 и 109).

Къ портрету князя А. И. Горчакова.

521. По отпечатаніи уже всѣхъ стихотвореній настоящаго тома мы получили изъ Москвы отъ М. П. Полуденскаго еще четырестишіе Державина, именно надгробную надпись, находящуюся въ Донскомъ монастырѣ надъ могилой сестры Суворова, княгини Анны Васильевны Горчаковой (род. 1744, ум. 1813). Мужъ ея былъ генералъ-поручикъ князь Иванъ Романовичъ Горчаковъ (род. 1716, ум. 1801). Отъ этого брака родились князья Алексѣй Ивановичъ и Андрей Ивановичъ, умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Вотъ эта надпись:

Здѣсь прахъ почіетъ той, что славы и сребра

Стр.

Средь міра тлѣннаго въ сей жизни не искала,
Но добродѣтельми на небо возлетала:
Се Горчаковыхъ мать — Суворова сестра!

Внизу означено: «Сочинилъ Г. Державинъ».

Стихи, приписываемые Державину.

578. Ода *Человѣкъ* Клушина не только не считалась хорошею, но была поводомъ къ насмѣшкамъ въ кругу почитателей Державина. *Зритель* и *Меркурій* Крылова и Клушина считались въ этомъ кругу, примыкавшемъ въ то время уже къ *Московскому журналу* Карамзина, произведеніями низшихъ степеней или задняго двора литературы. Въ письмахъ Карамзина къ Дмитріеву часто встрѣчаются насмѣшки надъ нелѣпостію и особенно безграмотностью многихъ статей *Зрителя* и *Меркурія*, а также надъ самимъ Клушинымъ. Дмитріевъ зацѣпилъ эти журналы въ *Чужомъ толкѣ*. Онъ посмѣялся и прямо надъ Клушинымъ. Въ книжкѣ его: «И мои бездѣлки», вышедшей въ 1795 году, на стр. 243, напечатана эпиграмма, перепечатанная во всѣхъ изданіяхъ его сочиненій, *Автору поэмы на человѣка:*

«О Клюквинъ! Не глуши своимъ насъ лирнымъ звономъ:
Молвь просто: человѣкъ... смѣсь Клюквина съ Невтономъ».

Поэма на человѣка есть именно *ода Человѣкъ;* ода названа Дмитріевымъ поэмою (лирическою) и въ *Чужомъ толкѣ* (1795), а Клюквинъ, даже по созвучію имени, обозначалъ Клушина. Впослѣдствіи вмѣсто *Клюквинъ* печаталось всегда: *Бардусъ*. Все это было близко извѣстно тогдашней литературной хроникѣ. Вотъ и знаменитая ода *Человѣкъ*, которую приписали, 15 лѣтъ послѣ смерти Державина, перу его! (М. Лонгиновъ).

На Радищева.

580. Вскорѣ послѣ отпечатанія этого примѣчанія появилось въ московскихъ *Чтеніяхъ* (1865, кн. III) дѣло Радищева, но мы тщетно искали въ немъ доказательствъ тому, въ чемъ обвиняютъ Державина. Завѣщаніе подсудимаго (*Чтенія*, стр. 96) удостовѣряетъ только, что онъ дѣйствительно доставилъ Державину, чрезъ Козадавлева, экземпляръ своей книги. Нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго повода къ заключенію, чтобы экземпляръ *Путешествія*, находившійся въ рукахъ императрицы, былъ полученъ ею отъ Державина или при его участіи въ томъ. Напротивъ, трудно согласить это съ обстоятельствомъ, что Екатерина II при первомъ чтеніи книги не знаетъ ея автора и,

стараясь угадать его, подозрѣваетъ Радищева вмѣстѣ съ Челищевымъ потому, что они учились въ Лейпцигѣ. «88 стр. упоминается» (замѣчаетъ императрица) «о знаніи: что я имѣлъ случай по счастію моему узнать; кажется, сіе знаніе въ Лейпцихѣ получено, и доводитъ до подозрѣнія на господъ Радищева и Щелищева, паче же буде у нихъ заведена типографія въ домѣ, какъ сказываютъ». Еслибъ кто-либо изъ лицъ, получившихъ отъ Радищева экземпляры этой книги, поднесъ ее государынѣ, то вѣроятно не было бы утаено и имя автора. Притомъ, какъ согласить одно съ другимъ два извѣстія: 1) что Державинъ на присланномъ ему экземплярѣ написалъ эпиграмму на Радищева, и 2) что этотъ самый экземпляръ былъ поднесенъ Екатеринѣ, которая однакожъ при чтеніи его не знала, кто сочинилъ книгу? Или надобно думать, что стихи написаны на ней послѣ прочтенія ея императрицей? Но поднесенный экземпляръ, въ такихъ обстоятельствахъ, едва ли могъ быть возвращенъ подносителю. Наконецъ замѣтимъ: содержаніе двухъ послѣднихъ стиховъ надписи указываетъ на то, что она сочинена уже послѣ состоявшагося о Радищевѣ приговора.

ПОПРАВКИ

КЪ ТОМУ III.

Стр.

35. Вверху страницы вм. 1810 читай: 1809.

126. Куплетъ 21 ошибочно отмѣченъ цифрой 12.

187. При заглавіи вм. 1814 читай: 1813.

245. Вверху страницы должно быть: 1767, а не 1770.

256. Въ концѣ примѣчанія вмѣсто взамѣнъ 5-й читай: передъ 5-й.

260. Въ примѣчаніи читай: Ассебургомъ вмѣсто Ассербургомъ, какъ напечатано у насъ по брошюрѣ г. Лебедева.

296. Въ примѣчаніи вм. Шимякиномъ читай: Шемякиномъ.

347. Въ примѣчаніи вм. по окончаніи года читай: по окончаніи суда.

430. Въ заглавіи CXI вм. Освященіе должно быть: Освѣщеніе.

446. Въ 1-й строкѣ примѣчанія вм. Алексѣевичъ читай: Васильевичъ.

502. Внизу верхняго примѣчанія вм. стр. 753 читай: стр. 734.

503. Въ заглавіи CXC должно быть: Алексѣевича, а не Александровича.

591. На 12-й строкѣ сверху вм. 1815 читай: 1816.

Въ Томѣ II замѣчены еще слѣдующія опечатки:

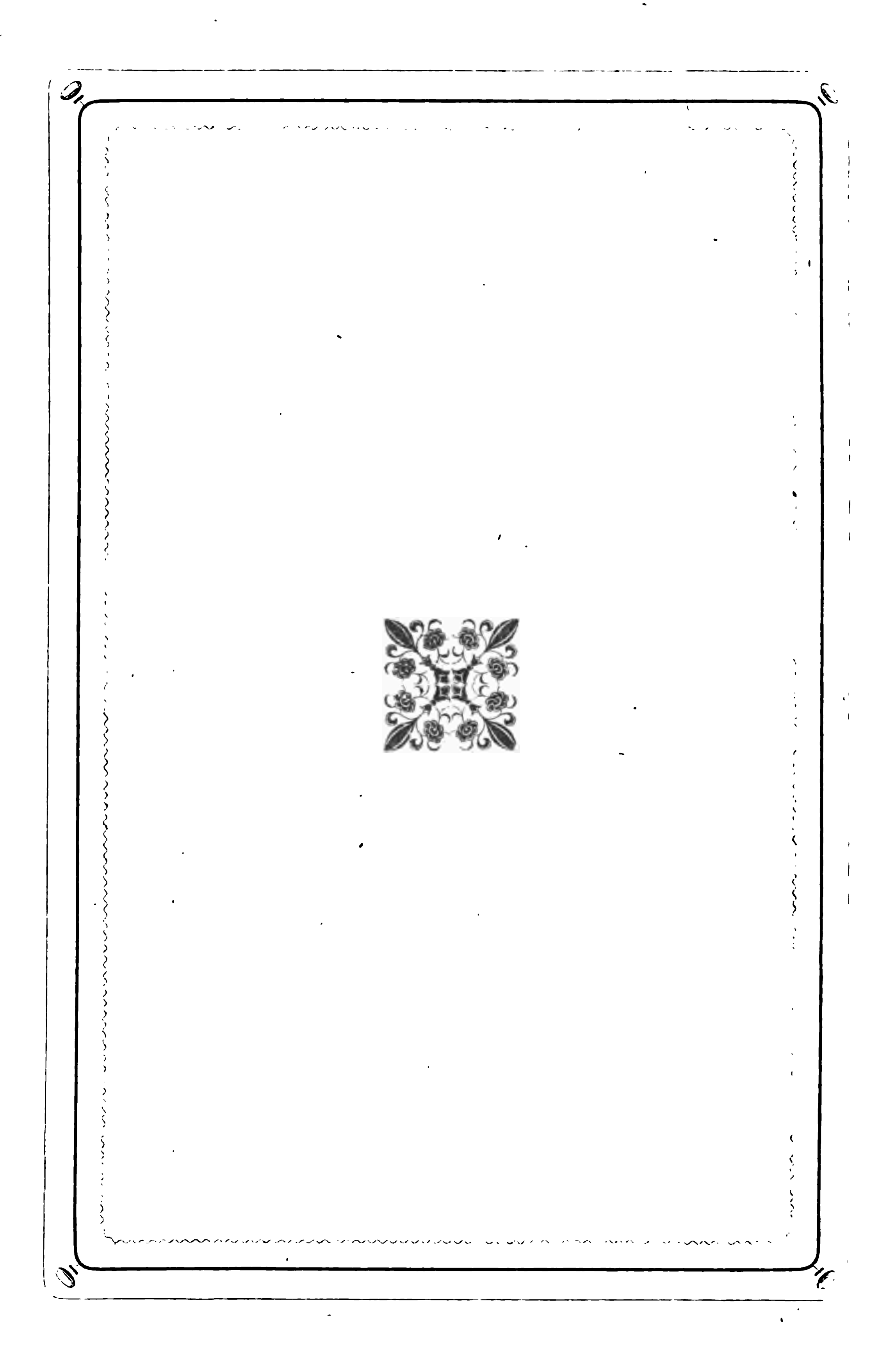
На стр. 232, въ выноскѣ, строка 5 сверху, вм. ему читай: вдовѣ его.
» 683, въ примѣчаніи, строка 5 сверху, вм. праву читай: нраву.
» 735, при заглавіи Тишина ошибочно означенъ 1807 годъ вмѣсто: 1801.

ОБЩІЙ

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ СОЧИНЕНІЙ,

ВОШЕДШИХЪ ВЪ ПЕРВЫЕ ТРИ ТОМА *.

* Этотъ списокъ составленъ съ мыслію облегчить пріисканіе пьесъ всякому, кто даже не помнитъ точныхъ заглавій ихъ; поэтому многія стихотворенія указаны здѣсь болѣе одного раза: такъ наприм. пьесу *Память другу* можно найти въ спискѣ и подъ этимъ заглавіемъ и подъ названіемъ *Львову*. Реестръ I-го Тома пополненъ здѣсь отдѣльными пьесами, разсѣянными въ *Описаніи Потемкинскаго праздника.* При каждомъ сочиненіи всѣхъ трехъ Томовъ показаны и страницы дополнительныхъ къ нему примѣчаній. Само собою разумѣется, что этотъ *Списокъ* не можетъ однакожъ замѣнить полнаго *Указателя* къ стихотвореніямъ, который также приготовляется нами.



790185